№ 1848 2.

ПАНТЕОНЪ

издаваемый

Ѳ. КОНИ.

Санктпетербургъ.

Хмѣльницкій. Кони. Бенедиктовъ. Воскресенскій. Дуровъ. Хвощинская. Григорь

II-8.
12-103.

ОП

ПАНТЕОНЪ

И РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ.

ИЗДАВАЕМЫЙ

ѲЕДОРОМЪ КОНИ.

7975. 7025

=

ТОМЪ I.

ФЕВРАЛЬ. — КНИЖКА ВТОРАЯ.

1848.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ГОСУДАРСТВЕН. АКАДЕМ.
Ленинградская Центральная
БИБЛИОТЕКА
имени А. В. Луначарского
ТЕАТР ДРАМЫ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. — С. Петербургъ, 15 февраля, 1848 года.

Цензоръ *А. Никитенко.*

Въ Типографіи Штаба Отдѣльнаго Корпуса Внутренней Стражи.

СОДЕРЖАНІЕ ВТОРОЙ КНИЖКИ.

I. ДРАМАТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ТАРТЮФЪ. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, *Мольера*. Переводъ съ французскаго *Николая Хмѣльницкаго*.

АРХИПЪ ОСИПОВЪ или **РУССКАЯ КРѢПОСТЬ**. Современная военная быль, въ одномъ дѣйствіи, съ куплетами и пѣснями. *Ѳедора Кони*. 69

II. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ПУСТЫНЬКА СВ. УРСУЛЫ. Разсказъ. *М. Воскресенскаго*. 91

III. СТИХОТВОРЕНІЯ.

Звуки. *Н Хвощинской*.
Цвѣтокъ. *В. Бенедиктова*.
Время. *В. Корсака*.
Добрый совѣтъ. *Д. Сушкова*.
* * *. *Н. Грекова*. 123
Фонтанъ. *Ип. Голубина*.
Забывчиво сердце. *Н. Хвощинской*.
Театралъ. (*Эскизъ*). *П. Ѳедорова*.

IV. ИСТОРІЯ ИСКУССТВА.

ШАРРА, ИСПАНСКІЙ ЮМОРИСТЪ. *Статья Шарля Мазада*. 131

V. ЮМОРИСТИКА.

ЛЕТИНЬКА. Физіологическій очеркъ *С. Дурова*. 148

VI. МЕМУАРЫ.

ЗАПИСКИ АКТРИСЫ ФЛОРЫ О ВѢКѢ НАПОЛЕОНА. 173

VII. ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ.

Взглядъ на современную комедію.—Опредѣленіе комизма.—Оцѣнка *А. А. Мартынова*.—*В. В. Самойлова 2*.—Новыя пьесы: Гони любовь хоть въ дверь, она войдетъ въ окно. Комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч. *Скриба*, передѣланная съ французскаго *П. С. Ѳедоровымъ*.
Мужъ хорошъ, и жена не дурна. Опера-водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч. *П. И. Григорьева 1-го*. Новая музыка, *Кажинскаго* (?!?).
Ай да французскій языкъ! Шутка въ одномъ дѣйствіи.
Деньги, мать, отецъ и невѣста, или откуда что берется! Комедія въ двухъ дѣйствіяхъ, переводъ съ французскаго.
Царское слово или Сватовство Румянцова. Историческая комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, соч. *Н. И. Хмѣльницкаго*.
Три пощечины, или молодые на разныхъ половинахъ. Комедія-водевиль, передѣланная съ французскаго г. *Григорьевымъ 1*.
Salon pour la coupe des cheveux. (Зала для стрижки волосъ). Шутка въ одномъ дѣйствіи, соч. *Григорьева 1*.
Букетъ живыхъ цвѣтовъ . . . . . *Статья Ѳ. Кони*. 31

9. Il Giuramento. Клятва. Мелодрама въ трехъ дѣйствіяхъ, музыка Меркаданте. *Статья Г. Г. П.* 12

VIII. ПАНОРАМА СОВРЕМЕННЫХЪ ТЕАТРОВЪ.

1. Франція. Парижъ. Гайде или Тайна, опера *Скриба и Обера.* — 2 Монте-Кристо, драма на двое сутокъ *А. Дюма.* — 3. Пуфъ! Комедія *Скриба.* — 4. Карточный замокъ. Комедія *Батра.* — 5. Испытанія великаго человѣка. Комедія *Бешара.* — 6. Годовщина Мольера. — 7. Гортензія де Бланжи, драма *Фредерика Сулье.* — 8. Средство не давать подарковъ въ новый годъ, водевиль *Лабиша.* — 9. Маркизъ де Лозенъ, сочин. *Кармуша.* — 10. Послѣдній пиръ 1847 года.— Преставленіе свѣта — братьевъ *Коньяровъ.* . . . 5

2. Германія. Берлинъ. 1. Ріензи, опера *Вагнера.*—2. Претендентъ, опера *Бергера* и *Кюкена* — 3. Фея цвѣтовъ, балетъ *Тальони.* — 4. Голубой бантъ, комедія —5. Бетхверъ, золотыхъ дѣлъ мастеръ, комедія *Тепфера.* — 6. Незамужняя жена, ком.—7. Городъ и деревня, драма Г-жи *Бирхъ-Фейферъ.* — Мелочи 7

3. Вѣна. 1. Новый Карловскій театръ.—2. Кабакъ оборотней, драматическая сказка *Гафнера.* — 3. Маранита, опера *Уоллеса.* 9

4. Англія. Лондонъ. 1. Рождественскіе фарсы. —2. Любезная Елисавѣта, ком. *Оксенрорда.* — 3. Женина тайна, драма *Ливелл* 9

XI. ПЕТЕРБУРГСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

1. Сигналы *музыкальные.* 9
2. Сигналы *литературные* 10
3. Сигналы *общественной жизни* 11

X. СМѢСЬ.

1. Михаилъ Васильевичъ Величкинъ. (*Некрологъ*). — 2. Микель-Анджело. (*Статья Александра Дюма*). — 3. Четыре дюжины синихъ чулокъ Англіи. — 4. Легенда о Донѣ-Хуанѣ. 1

XI. КАЛЕЙДОСКОПЪ.

1. Вечерній Вѣтерокъ *Обера.* — 2. По рукамъ, куплеты *Н. Хмѣльницкаго.*—3. О смертности въ литературѣ. — 4. Керперъ, извѣстный нѣмецкій воинъ-поэтъ. — 5. Памятныя записки короля Людовика Филиппа. — 6. Двѣ всемірныя знаменитости. 7.—Новый способъ устроить любовное свиданіе.—8. Г-жа Штольцъ.—9. Фелисьенъ Давилъ.—10. Александръ Филипповичъ Македонскій.—11. Некрологъ.—12. Воздушныя пушки.—13 Наѣздница Каролина Лойо.— 14. Куплеты Домохозяинъ и Жилецъ *П. Григорьева.* 15. Балагуръ. . . . . .

X. РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ № 2.

АНДРЕЙ СТЕПАНОВИЧЪ БУКА или **КТО НЕ ПЛЯСАЛЪ ПО ЖЕНСКОЙ ДУДКѢ.**—Оригинальная комедія-водевиль, въ двухъ дѣйствіяхъ. *П. Григорьева* 1.

Къ этой книжкѣ приложенъ портретъ величайшаго драматурга Франціи Мольера, гравированный на стали, въ Лондонѣ, Гопвудомъ.

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

—

ТАРТЮФЪ.

КОМЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ ВЪ СТИХАХЪ,

МОЛЬЕРА.

Переводъ съ Французскаго.

Николая Кмѣльницкаго.

—

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Г-жа ПЕРНЕЛЬ, мать Оргонта.
ОРГОНТЪ,
ЭЛЬМИРА, жена его.
ДАМИСЪ, } ихъ дѣти.
МАРІАННА, }
ВАЛЕРЪ, женихъ Маріанны.
КЛЕАНТЪ, братъ Эльмиры.
ТАРТЮФЪ.
ДОРИНА, служанка Маріанны.
ФЛИПОТА, служанка г-жи Пернель.
Г. ЛОЯЛЬ, сыщикъ.
ОФИЦЕРЪ.

—

Дѣйствіе въ Парижѣ, въ домѣ Оргонта.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

I.

Г-жа ПЕРНЕЛЬ, ЭЛЬМИРА, МАРІАННА, КЛЕАНТЪ, ДАМИСЪ, ДОРИНА, ФЛИПОТА.

Г-ЖА ПЕРНЕЛЬ, (*толкая Флипоту*).

Ну, собирайся же! мы выѣдимъ тотчасъ!

ЭЛЬМИРА.

Помилуйте! куда бѣжите вы отъ насъ?

Г-ЖА ПЕРНЕЛЬ.

Оставь, невѣстушка, мы разойдемся дружно—
И уговаривать меня совсѣмъ не нужно.

ЭЛЬМИРА.

Мы всѣ васъ, кажется, привыкли уважать,
Такъ отъ чего же вдругъ подняться и бѣжать?

Г-ЖА ПЕРНЕЛЬ.

Бѣгу, сударыня, я отъ житья плохаго.
Бѣгу за тѣмъ, что нѣтъ терпѣнья никакого,
Что надоѣли мнѣ соблазны и раздоръ,
Что всѣ противъ меня идутъ на перекоръ,
Что здѣсь не дѣйствуютъ намѣренья благія
И я должна молчать, когда кричатъ другія!

ДОРИНА.

Напротивъ....

Г-ЖА ПЕРНЕЛЬ.

Боже мой! и эта на меня!
И кто жъ, подумаешь? служанка, болтовня,
Оракулъ и душа семейнаго совѣта.

ДАМИСЪ.

Но вы....

Г-ЖА ПЕРНЕЛЬ.

Племянничекъ, стыдись! въ твои бы лѣта
Служить, сударь, а ты баклуши только бьешь.
Къ несчастью такова вся наша молодежъ;

Ввиду у нихъ долги; въ умѣ—одни наряды,
Въ ногахъ—танцмейстерство, а въ сердцѣ—маскерады!
Изъ этого всего какого ждать конца?..
Мнѣ жалко не тебя, но бѣднаго отца.

МАРІАННА.

Но онъ....

Г-ЖА ПЕРНЕЛЬ.

И ты туда жъ, невинная овечка!
Ты также вымолвить изволила словечко!
Но этой скромности я вѣрю не всегда...
Извѣстно, какова стоячая вода.

ЭЛЬМИРА.

Но, матушка...

Г-ЖА ПЕРНЕЛЬ.

И ты, невѣстушка, ты то же?
Но такъ кокетничать, скажи, на что похоже?
Покойная ихъ мать была не такова.
А ты, какой примѣръ? вся въ перьяхъ голова!
Ужасный шлейфъ мететъ на право и на лѣво,
И вся въ сіяніяхъ—какъ будто королева!
Мнѣ кажется, мужьямъ нѣтъ выгодъ никакихъ,
Чтобъ наряжалися ихъ жены—для другихъ.

КЛЕАНТЪ.

Но послѣ этого...

Г-ЖА ПЕРНЕЛЬ.

Ну такъ, оно и видно
Вы братецъ ей; но вамъ вступаться какъ не стыдно?
И если искренно позволите сказать,
Такъ васъ бы перваго ненадо къ намъ пускать.
За тѣмъ, сударь, за тѣмъ, что ваши наставленья
Не наведутъ ее на путь душеспасенья.

ДАМИСЪ.

По этому Тартюфъ вамъ нравится одинъ?

Г-ЖА ПЕРНЕЛЬ.

О! это человѣкъ! Онъ чудо изъ мужчинъ.
Но умному всегда завидуетъ глупѣйшій
И ты, сударь, и ты—злодѣй его первѣйшій!

ДАМИСЪ.

Но изъ чего жъ ему, скажите, волю дать:
Все находить дурнымъ, и всѣхъ насъ осуждать?
И нынче самое невинное веселье
Намъ запрещается—святошѣ въ угожденье!

ДОРИНА.

Онъ, кажется, къ рукамъ насъ прибираетъ всѣхъ.
Что скажешь, что шагнешь—то слабость или грѣхъ!
Помилуйте! да что жъ онъ за такое чудо?

Г-ЖА ПЕРНЕЛЬ.

Тебѣ ли понимать, что хорошо, что худо.
Онъ указуетъ вамъ смиренія пути;
По человѣчеству онъ хочетъ васъ спасти!
Не спорю... что его ученіе глубоко,
Таинственно; за то и мѣтитъ онъ высоко!

ДАМИСЪ.

Куда бъ ни мѣтилъ онъ, но кажется пора
Его изобличить для общаго добра.
Объ немъ я самаго невыгоднаго мнѣнья;
Онъ всякой день меня выводитъ изъ терпѣнья,
И я къ несчастію предчувствую, что съ нимъ
Мы кончимъ чѣмъ нибудь рѣшительно дурнымъ.

ДОРИНА.

А кто причиною? — вашъ батюшка. Вольно же
Такую волю дать. Да и на что похоже,
Чтобъ нищій, что нигдѣ пристроиться немогъ;
Что цѣлый вѣкъ почти таскался безъ сапогъ,
Вдругъ залетѣлъ сюда, заумничалъ ужасно
И всѣмъ распоряжать изволилъ самовластно.

Г-ЖА ПЕРНЕЛЬ.

Онъ поученіемъ искореняетъ зло,
Которое у васъ до крайности дошло.

ДОРИНА.

Но я на этотъ счетъ его не безпокою,
И вѣрно никогда не слѣлаюсь ханжею.

Г-ЖА ПЕРНЕЛЬ.

Прошу!...

ДОРИНА,

По барину — слуга его Лоранъ
Такой же лицемѣръ, ханжа и грубіянъ!

Г-ЖА ПЕРНЕЛЬ, (*показывая на Дорину*).

Быть можетъ, что слуга такая же скотина;
Но я за нравственность ручаюсь господина,
Онъ не любимъ за то, что правду говорить.
И виноватъ—зачѣмъ не хвалитъ, а бранитъ,
Зачѣмъ противъ грѣховъ себя вооружаетъ...
Но досаждая вамъ, онъ свыше угождаетъ?...

ДОРИНА.

Положимъ, что и такъ, но, напримѣръ, зачѣмъ
Онъ не совѣтуетъ знакомиться ни съ кѣмъ?
И если у него въ умѣ одно святое,
За чѣмъ поглядывать изволитъ на земное?
Зачѣмъ противъ мущинъ онъ такъ вооруженъ?
И право, кажется, онъ въ барыню влюбленъ.

Г-ЖА БЕРНЕЛЬ.

Опомнись, грѣшница, я слушаю насилу!
Его подозрѣвать... Ахъ, Господи помилуй!
Да неужли жъ ему на встрѣчу къ тѣмъ бѣжать,
Которые сюда изволятъ пріѣзжать?
Что здѣсь за комитетъ визитнаго знакомства?
Какая въ этомъ цѣль и польза для потомства?
За чѣмъ же этотъ съѣздъ и праздничные дни?
И гости ранніе и поздніе огни?
За чѣмъ? — По глупости оно и вѣроятно,
Да говорятъ объ томъ — и это непріятно.

КЛЕАНТЪ.

Оставьте критику на общій произволъ.
Я въ жизни бы большимъ несчастіемъ почелъ,
Когдабъ тревожился пустыми клеветами
И долженъ былъ для нихъ пожертвовать друзьями.
Да еслибы иной рѣшился и на то,
Повѣрьте, и тогда не замолчитъ никто.
Страсть ближнему вредить и будетъ и бывала,
Злорѣчье никогда не притупляетъ жала.
И такъ, не лучше ли, недумая объ немъ,
Жить по добру, какъ мы и жили и живемъ.

Г-ЖА ПЕРНЕЛЬ.

Слыхала, батюшка, я эти разсужденья,
Есть злые языки, безъ всякаго сомнѣнья;
Но госпожа Дорантъ особая статья.
Она отшельница, примѣрнаго житья,
И эта женщина въ спасительныхъ урокахъ
Находитъ, что совсѣмъ погрязли мы въ порокахъ.

ЭЛЬМИРА.

Но госпожѣ Дорантъ насъ уличать нейдетъ.
Я знаю, что она пустынницей живетъ
И точно внутренно ей заниматься нужно
Съ тѣхъ, поръ какъ занимать перестаетъ наружно.
Пока ей отроду не столько было лѣтъ,
Всѣ помнятъ, что она любила очень свѣтъ.

Когдажъ ни одного не стало фаворита,
То забываетъ свѣтъ, которымъ позабыта.
И передъ зеркаломъ въ печальномъ сиротствѣ
Тоскуетъ о своемъ прошедшемъ торжествѣ.
И какъ увертливы поклонницы кокетства!
Когда имъ нравиться не остается средства,
А совѣсть говоритъ: опомнись, не грѣши!
То обращаются къ спасенію души.
И тутъ смиренія накинувъ покрывало,
Безъ всякой жалости бранятъ, что ни попало.
Не изъ того, чтобы желали намъ добра,
Нѣтъ, каждой нелюбо — за чѣмъ она стара.
Да кто-же виноватъ — и мало ли что было,
Но время ихъ прошло, а наше наступило.

Г-ЖА ПЕРНЕЛЬ.

Мнѣ послѣ этаго осталось замолчать.
Но что же этимъ вы хотите доказать?
Не то-ли, что теперь остепенились нравы..
Перекричали всѣхъ, и думаютъ что правы!
Но я, сударыня, еще вамъ повторю,
Что именно за то судьбу благодарю,
Что мужъ вашъ, а мой сынъ не моднаго фасона,
Что господинъ Тартюфъ чудесная персона!
Что по дѣламъ его нельзя не уважать,
Что эта́кихъ людей со свѣчкой не сыскать,
Что онъ исправить насъ старается духовно,
Что слушаться его должны всѣ безусловно.
А ваши праздники и ваши вечера,
Въ которыхъ куча зла, ни на волосъ добра,
Суть силы дьявольской прямое навожденье!
Тутъ нѣтъ раскаянья, одно грѣхопаденье!
Нѣтъ пищи никакой для сердца и ума
И это истинно холера и чума!
Тутъ все потеряно, на всѣхъ пошлюся въ этомъ.
И стыдъ, и набожность, и уваженье къ лѣтамъ.
Въ глаза и за глаза нѣтъ спуска никому,
Всѣ философствуютъ, не вѣрятъ ни чему
И словомъ... Господи! прости мое сравненье—
Здѣсь Вавилонское идетъ столпотворенье!
И къ стати ли, чтобъ кто рѣшился замолчать!
Нѣтъ, всѣ шумятъ, кричатъ, чтобъ всѣхъ перекричать!
Все выскажу — и вамъ ни чѣмъ не отыграться.

(*Примѣтя, что Клеантъ смѣется.*)

Ахъ, батюшка! ужъ вы изволите смѣяться?

Ищите дуръ, а я быть дурой не хочу!
(*Эльмиръ.*)
А вы, сударыня... но лучше замолчу.
Что не досказано — останется за мною
И я рѣшительно впередъ къ вамъ ни ногою!
(*Флипотъ.*)
Чтожъ ты стоишь! что ты задумалася, тварь?...
(*даетъ ей пощечину*).
И вотъ — суди меня и Богъ и государь!
Будь это не при нихъ, ужъ я тебѣ дала бы. (*Всѣ уходятъ за нею*).

—

II.

КЛЕАНТЪ, ДОРИНА.

КЛЕАНТЪ.

Куда дѣваться мнѣ отъ этой вздорной бабы?

ДОРИНА. (*оглядываясь*)

Опомнитесь, сударь, услышитъ—такъ бѣда!

КЛЕАНТЪ.

Намъ отъ нея и такъ нѣтъ спуску никогда.
А все Тартюфъ! онъ здѣсь во всемъ съ ней въ половинѣ.

ДОРИНА.

Пусть съ матушкой, но что вы скажете объ сынѣ?
Нашъ господинъ Оргонтъ, казалось, былъ уменъ,
Лѣтъ сорокъ прослужилъ, не даромъ награжденъ,
Но только бѣсъ Тартюфъ въ несчастнаго вселился,
И этотъ человѣкъ совсѣмъ переменился,
Да такъ, что не шутя, на эту сатану
Готовъ онъ промѣнять: мать, сына, дочь, жену.
Тартюфъ всѣхъ тайнъ его единственный хранитель,
Онъ первый другъ его, наставникъ, попечитель;
Какъ пара голубковъ, они всегда вдвоемъ,
И вѣчно рядышкомъ воркуютъ кой о чемъ.
А что за нѣжности! и лучшему Линдору
Хоть бы съ любовницей своей—такъ будетъ въ пору.
Онъ кормитъ за столомъ его изъ рукъ своихъ
И очень радъ, когда тотъ ѣстъ за шестерыхъ.
Чтобъ ни сказалъ Тартюфъ — прямое богословье!
Чихнетъ—ему поклонъ и общее здоровье.

Короче вамъ: Тартюфъ его обворожилъ,
Онъ бредитъ имъ и все ему препоручилъ.
Что не понравится Тартюфу — вѣрно худо,
И что не сдѣлаетъ Тартюфъ — конечно чудо!
А плутъ, подъ святостью, скрывая свой обманъ
И цѣль чужимъ добромъ набить себѣ карманъ,
Богоугодными разбогатѣлъ дѣлами,
Всѣмъ домомъ завладѣлъ, повелѣваетъ нами,
И даже скотъ, его слуга, чтобъ не отстать
Отъ барина, насъ всѣхъ изволитъ поучать.
И какъ-то разъ въ своихъ таинственныхъ идеяхъ,
Найдя косыночку у насъ въ чите-минѣяхъ,
Съ ужаснымъ бѣшенствомъ ее всю изорвалъ.
И это потому, бездѣльникъ намъ сказалъ:
Что съ святостью такой косынку видѣть рядомъ
Такіе ужасы — что это пахнетъ адомъ!

—

III.

ТѢЖЕ, ЭЛЬМИРА, ДАМИСЪ.

ЭЛЬМИРА (*Клеанту*).

Ты сдѣлалъ хорошо, что насъ не проводилъ.
Намъ такъ досталося, что вытерпѣть нѣтъ силъ!
Но мужъ пріѣхалъ мой и я нашла причину
Уйти, — а онъ прошелъ ко мнѣ на половину,
Я думаю. И такъ прощай. (*Уходитъ.*)

КЛЕАНТЪ.

Да я бы самъ
Хотѣлъ съ нимъ видѣтся.

ДАМИСЪ.

Нельзя ли будетъ вамъ,
Любезный дядюшка, при нынѣшнемъ свиданьи
Напомнить батюшкѣ о данномъ обѣщаньи?
Я столько же влюбленъ въ Валерову сестру
Какъ онъ въ мою, и я съ отчаянья умру,
Когда.....

ДОРИНА.

Да полноте. Вотъ баринъ. — (*Дамисъ уходитъ.*)

—

IV.

ОРГОНТЪ, КЛЕАНТЪ и ДОРИНА.

ОРГОНТЪ.

А!... мой милый!
Здорово!

КЛЕАНТЪ.

Здравствуй, братъ! Что вздумалось, помилуй,
Тебѣ отправиться въ деревню на три дни?

ОРГОНТЪ.

Дорина! — (*Клеанту.*) Ты меня, любезный, извини,
Что я испуганный предчувствіемъ вчерашнимъ
Такъ сильно тороплюсь спровѣдать о домашнемъ
(*Доринѣ,*)
Ну что-же... въ доброй-ли я воротился часъ?
Что дѣлается здѣсь здоровы-ль всѣ у насъ?

ДОРИНА.

Ахъ! барыня безъ васъ два дни была больною:
Простудой, спазмами и болью головною.

ОРГОНТЪ.

А что Тартюфъ?

ДОРИНА.

Тартюфъ? онъ и теперь таковъ:
Дороденъ и румянъ, и веселъ и здоровъ.

ОРГОНТЪ.

Бѣдняжка!

ДОРИНА.

Къ вечеру ее мы уложили;
Забыли ужинать, — на шагъ не отходили
И перетрусились совсѣмъ не безъ причинъ.

ОРГОНТЪ.

А что Тартюфъ?

ДОРИНА.

Тартюфъ? онъ ужиналъ одинъ,
И такъ-какъ онъ всегда покушать любитъ сытно,
То ѣлъ пренабожно и очень аппетитно!

ОРГОНТЪ.

Бѣдняжка!

ДОРИНА.

Мы ни чѣмъ ей не могли помочь,
То жаръ, то обморокъ, то спазмы, — и всю ночь

Она промучилась. Мы дѣлать что не знали
И около больной всю ночь прохлопотали.

ОРГОНТЪ.

А что Тартюфъ?

ДОРИНА.

Тартюфъ? не трудно отгадать:
Поужиналъ, ушелъ, и завалился спать.
И въ теплой комнатѣ своей, по горло сытый,
До десяти часовъ онъ проспалъ, какъ убитый.

ОРГОНТЪ.

Бѣдняжка!

ДОРИНА.

Доктора кой-какъ ей помогли
Лѣкарствами, и мы не раньше спать легли,
Какъ поутру, когда ей сдѣлалося лучше.

ОРГОНТЪ.

А что Тартюфъ?

ДОРИНА.

Тартюфъ? толстѣетъ только пуще.
Но, впрочемъ, на него пожаловатся грѣхъ:
Онъ къ завтраку опять явился прежде всѣхъ.
Своей воздержности разсказывалъ примѣры
И выпилъ цѣлую бутылку дрей-мадеры.

ОРГОНТЪ.

Бѣдняжка!

ДОРИНА.

Наконецъ, могу увѣрить васъ,
Что всѣ здоровы здѣсь — и барынѣ тотчасъ
Я доложу, сударь, о вашемъ возвращеньи,
И какъ васъ радуетъ ея выздоровленье! — (*уходитъ.*)

—

V.

ОРГОНТЪ, КЛЕАНТЪ.

КЛЕАНТЪ.

Охота заставлять смѣятся надъ собой.
И признаюсь, не съ тѣмъ, чтобъ ссорится съ тобой,
Я самъ отъ хохота крѣпился черезъ силу.
Гдѣ это видано? гдѣ слыхано, помилуй!....
Чортъ знаетъ, для кого все въ свѣтѣ позабыть

И за носъ дать себя торжественно водить!
И просто, чтобъ ханжа, какихъ здѣсь очень много
Довелъ тебя....

ОРГОНТЪ.

Постой, опомнись ради Бога!
Ты знаешь ли объ комъ ты судишь такъ легко?

КЛЕАНТЪ

Положимъ, я его не знаю коротко, —
Да чтожъ ты въ немъ нашелъ чудеснаго такого?

ОРГОНТЪ.

Что въ немъ нашелъ?... что нѣтъ подобнаго другаго!
Съ нимъ познакомившись, ты не растался бъ въ вѣкъ.
Онъ человѣкъ, то есть... чудесный человѣкъ!
Спасенье — цѣль его; покой — его стихія.
Онъ смотритъ, какъ на дрянь, на суеты мірскія.
За все, что видишь ты, обязанъ я ему:
Онъ учитъ не имѣть пристрастья ни къ чему,
И такъ онъ укрѣпилъ мнѣ душу превосходно....
Что смерть жены, друзей, и всѣхъ, кого угодно,
Вотъ ни на эстолько меня не огорчитъ.

КЛЕАНТЪ.

Вотъ чувства! (*всторону*) Онъ меня и сердитъ, и смѣшитъ!

ОРГОНТЪ.

Ты самъ его, мой другъ, полюбишь чрезвычайно!
Мы совершенно съ нимъ столкнулися случайно
Постомъ, когда говѣлъ я нынѣшней весной.
Лишь къ церкви подойду, а онъ передо мной.
Гдѣ стану я, и онъ прижмется тамъ у стѣнки.
Поклонится, вздохнетъ и станетъ на колѣнки.
А какъ молился онъ — такъ право чудеса!
Бывало, весь приходъ глядитъ ему въ глаза!
А у него вотъ такъ и вылетали стоны,
Я могъ зажмурившись считать его поклоны;
Когда-жъ служеніе, бывало, отойдетъ,
Онъ для меня всегда расталкивалъ народъ.
Слуга-жъ, во всемъ его былъ точный отпечатокъ.
Узнавши, что терпѣлъ онъ крайней недостатокъ,
Я подаяньемъ сталъ поддерживать его.
Однако-жъ никогда онъ не хотѣлъ всего,
Что я давалъ, а былъ доволенъ половиной...
И то, какъ говорилъ, изъ крайности единой!
Когда-жъ я черезъ чуръ, бывало, отсыпалъ,

То лишнее тотчасъ онъ нищимъ раздавалъ, —
И наконецъ, съ тѣхъ поръ, какъ здѣсь онъ поселился,
Я чувствую, что я совсѣмъ переродился!
Какъ ближній родственникъ привязанъ онъ ко мнѣ!
Онъ даже объ моей заботится женѣ;
Все знаетъ: гдѣ, и съ кѣмъ, и что она толкуетъ,
И изъ усердія къ ней всякаго ревнуетъ.
Намъ этотъ человѣкъ желаетъ столько благъ,
Что слово лишнее, улыбка, каждый шагъ —
Все кажется ему ужаснымъ прегрѣшеньемъ.
Напитанъ текстами, онъ дышетъ поученьемъ!
Твердитъ, что грѣшникамъ опомниться пора;
По добротѣ своей желаетъ всѣмъ добра.
Тщеславье, роскоши, богатство ненавидитъ
И, наконецъ, таковъ — что мухи не обидитъ!

КЛЕАНТЪ.

Ну, можно ли хвалить такъ наглаго ханжу?
Я послѣ этого рѣшительно скажу:
Что похвала твоя похожа на безумство.

ОРГОНТЪ.

А вашъ отвѣтъ, сударь, похожъ на вольнодумство,
Которымъ зараженъ ты былъ и будешь ввѣкъ.
Вотъ слѣдствія — и вотъ погибшій человѣкъ!
Мнѣ жаль, а ужъ тебѣ не сдобровать конечно.

КЛЕАНТЪ.

Подобные тебѣ такъ разсуждаютъ вѣчно.
Чтобъ имъ понравиться и подслужиться имъ,
Такъ просто надобно такимъ же быть спѣлымъ.
А кто невѣритъ вамъ и смотритъ въ оба глаза,
Тотъ страшный изувѣръ и общества зараза!
По моему, сударь, будь къ ближнимъ меньше строгъ,
Да самъ-то исполняй свой христіанской долгъ.
Вотъ это главное. — Я видѣлъ тьму примѣровъ,
И ложныхъ храбрецовъ, и хитрыхъ лицемѣровъ.
Но храбрость узнаютъ у насъ не по усамъ,
И въ томъ ли набожность, чтобъ бѣгать по церквамъ?
Неужли различить такъ трудно лицемѣра
Съ тѣмъ, у кого въ душѣ есть истинная вѣра?
Неужли ты почтишь обоихъ ихъ равно?
И ложъ, и истину ты примешь за одно?
На счетъ связей своихъ не будешь осторожнымъ,
Усердія души не различишь съ подложнымъ?
И дашь обманщику собою завладѣть?

Стыдись! и это все, пожалуйста, замѣть:
Тутъ много есть вещей довольно справедливыхъ.

ОРГОНТЪ.

Блаженъ, кто на совѣтъ неидетъ нечестивыхъ!
Изъ злобы, зависти, — невинность очернилъ
И думаетъ, что онъ чудесно поступилъ!
Ужъ разумѣется, куда же намъ за вами,
За философами съ такими головами!
Мы люди темные и ощупью бредемъ.

КЛЕАНТЪ.

Я хвастаться своимъ не думаю умомъ;
Но разсудительнымъ быть никогда не рано.
Я правду различать умѣю отъ обмана,
И признаюсь тебѣ, для сердца моего,
Прямая набожность почтеннѣе всего;
Но можно ли, скажи, оставить безъ упрека
Личину святости такого человѣка,
Котораго корысть влечетъ лишь къ олтарю?
Ты догадаешься объ комъ я говорю:
Онъ сестрами своихъ поклонницъ называетъ,
А между тѣмъ сестеръ безбожно обираетъ,
Вредитъ ихъ совѣсти, и чести, и добру;
Живетъ пустынникомъ и мѣтитъ ко двору.
Онъ, какъ торгашъ, своимъ пронырствуетъ моленьемъ,
Гдѣ попросту, а гдѣ съ колѣнопреклоненьемъ.
Для выгоды своей все въ мірѣ предаетъ
И съ дерзкой наглостью идетъ себѣ впередъ.
Вотъ таковы, сударь, всѣ ваши лицемѣры.
Но кто дѣйствительно прямой поборникъ вѣры,
Того по дѣйствіямъ замѣтишь ты тотчасъ.
Онъ бѣгать по церквамъ не станетъ на показъ,
Не станетъ счастія искать—путемъ разврата;
Не раззоритъ сестры и не обидитъ брата,
Онъ врагъ клевѣтниковъ, онъ ненавистникъ зла
И посвящаетъ жизнь на добрыя дѣла!
Вотъ въ чемъ первѣйшія обязанности вѣры.
Вотъ люди! вотъ съ кого намъ надо брать примѣры!
Твой другъ за образецъ ихъ не взялъ для себя!
Онъ сытъ, пристроился и счастливъ — что тебя
Съ ума свело его поддѣльное смиренье.

ОРГОНТЪ.

Ну все ли?

КЛЕАНТЪ.

Все.

ОРГОНТЪ. (*Уходя.*)

Мое нижайшее почтенье!

КЛЕАНТЪ. (*Останавливая его.*)

Постой! мнѣ главное хотѣлося узнать.
Скажи мнѣ, долго ли Валеру будетъ ждать?
Ты свадьбу ихъ сыграть сбирался очень скоро.

ОРГОНТЪ.

Да.

КЛЕАНТЪ.

Нынче, помнится, назначенъ день сговора?

ОРГОНТЪ.

Такъ точно.

КЛЕАНТЪ.

Неужли отложишь ты опять?

ОРГОНТЪ.

Не знаю.

КЛЕАНТЪ.

Стало быть, ты хочешь отказать?

ОРГОНТЪ.

Все можетъ быть.

КЛЕАНТЪ.

Ты далъ ему, однако-жъ, слово.

ОРГОНТЪ.

Неспорю.

КЛЕАНТЪ.

Наконецъ, чтожъ сдѣлалъ онъ дурнаго,
Чтобъ мнѣнье доброе объ немъ перемѣнить?

ОРГОНТЪ.

Конечно.

КЛЕАНТЪ.

Но къ чему-жъ со мною такъ хитрить?
Валеръ рѣшительно отвѣта ожидаетъ.

ОРГОНТЪ.

Все въ волѣ Божіей. Онъ всѣмъ распологаетъ!
Прощай!

КЛЕАНТЪ.

Ну это все похоже на отказъ,
И я имъ помогать взялся не въ добрый часъ!

—

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

I.

ОРГОНТЪ, МАРІАННА.

ОРГОНТЪ.

Сюда, мой другъ!

МАРІАННА.

Я здѣсь.

ОРГОНТЪ.

Такъ подожди-жъ покуда.

МАРІАННА. (*Оргонту, который заглядываетъ въ двери.*)

Чего жъ вы ищете?

ОРГОНТЪ.

Смотрю, чтобы отсюда
Не вздумалъ кто нибудь подслушать нашъ секретъ,
Но, къ счастью, никого изъ любопытныхъ нѣтъ.
И такъ, мой другъ, теперь я все тебѣ открою.
Я признаюсь, всегда доволенъ былъ тобою,
Ты скромница, тебя нельзя не полюбить.

МАРІАННА.

Какъ вашу похвалу мнѣ лестно заслужить!

ОРГОНТЪ.

И ты вполнѣ ее, конечно, заслужила;
Но для спасенія души не въ этомъ сила.

МАРІАННА.

Ахъ, батюшка! моя вся жизнь вамъ для услугъ.
Я рада сдѣлать все.

ОРГОНТЪ.

Прекрасно, милый другъ!
Такихъ, какъ ты, каковъ Тартюфъ — повѣрь, немного.
Вамъ въ рай прямёхонько назначена дорога!
Тартюфъ! ну чтожъ объ немъ изволишь мнѣ сказать!...

МАРІАННА.

Я все скажу.... что вамъ угодно приказать.

—

II.

ТѢЖЕ, ДОРИНА. (*Входитъ тихонько и становится за Оргонтомъ.*)

ОРГОНТЪ.

Чтожъ лучше этого! умно и превосходно!
Ты соглашаешься во всемъ, что мнѣ угодно,
А, стало быть, и въ томъ, что въ немъ достоинствъ тьма;
Что отъ Тартюфа всѣ должны быть безъ ума!
Что женихомъ такимъ гордиться даже надо
И выдти за него, ты очень будешъ рада?

МАРІАННА.

Кто, я?

ОРГОНТЪ.

А чтожъ?

МАРІАННА.

Мнѣ кажется, что я
Обслушалась? женихъ?,.. Неужли нешутя
Сказали вы?....

ОРГОНТЪ.

Ну, да, сказалъ все то, что надо.

МАРІАННА.

И будто за него я выдти очень рада?

ОРГОНТЪ.

Ну, разумѣется.

МАРІАННА.

Да какъ же я могу?
Вы сами знаете, я никогда не лгу.

ОРГОНТЪ.

Вздоръ, вздоръ, сударыня! тутъ умничать не къ мѣсту....

МАРІАННА.

Ахъ, батюшка! но вы...

ОРГОНТЪ.

Тутъ не объ чемъ вздыхать.
Онъ будетъ чудный мужъ, возлюбленный мой зять!
Ты отказать ему меня не приневолишь
И такъ.. (*Увидя Дорину*). А ты зачѣмъ? что дѣлать здѣсь изволишь?
Какъ вамъ покажется? — подкралася сюда
Подслушивать, объ чемъ толкуютъ господа!

ДОРИНА.

Да это всякаго заставитъ удивиться,
Что господинъ Тартюфъ. сбирается жениться
На барышнѣ, объ чемъ идетъ здѣсь разговоръ;
Но я увѣрена, что это сущій вздоръ.

ОРГОНТЪ.

А почему-жъ?

ДОРИНА.

За тѣмъ....

ОРГОНТЪ.

Что за зависть васъ тревожитъ.

ДОРИНА.

Нѣтъ, просто потому: что это быть не можетъ

ОРГОНТЪ.

Такъ я вамъ докажу, что это можетъ быть,
И я....

ДОРИНА.

Ну полноте-жъ, пожалуйста, шутить!

ОРГОНТЪ.

Я съ ней шучу, когда я самъ...

ДОРИНА.

Не можетъ статься!

ОРГОНТЪ.

Но если я божусь...

ДОРИНА.

И полноте смѣяться!

ОРГОНТЪ.

Ты слышишь ли, что я ужъ слово далъ ему!

ДОРИНА.

Не вѣрю.

ОРГОНТЪ.

Каково жъ? Не вѣрить ни чему!
Я чувствую, что тутъ добромъ не обойдется.
(*Маріаннѣ*).
Мой другъ,—она все лжетъ.

ДОРИНА.

Вашъ батюшка смѣется!
Не вѣрьте!

ОРГОНТЪ.

Слушай же! я, право, разсержусь.

7025.
ГОСУДАРСТВЕН. АКАДЕМ.
Ленинградская Театральная
БИБЛИОТЕКА
имени А. В. ЛУНАЧАРСКОГО

ДОРИНА.

Ахъ, нѣтъ! и если такъ, я лучше соглашусь!
Но кто жъ изъ насъ двоихъ останется въ потерѣ?
Что путнаго нашли вы въ этомъ лицемѣрѣ?
Да послѣ этаго васъ засмѣютъ вездѣ.
Гдѣ, скажутъ, видано ...

ОРГОНТЪ.

Я знаю, что нигдѣ
Не видано, чтобъ такъ служанка отвѣчала,
Когда бы госпожа ее не баловала.

ДОРИНА.

Но надобно жъ и вамъ уняться отъ проказъ;
И что бы ни было, а я на этотъ разъ
Не замолчу, за тѣмъ, что совершенно права,
За тѣмъ, что ваша мнѣ всего дороже слава,
И барышнѣ моей конечно не бывать
За бѣднякомъ.... кого...

ОРГОНТЪ.

Ты слышишь-ли, молчать!
Негодница! прошу какая вдругъ надмѣнность!
За бѣднякомъ!... Да что богатство?—просто тлѣнность!
Въ Тартюфѣ нищета почтеннѣе всего;
Онъ просто не стяжалъ земнаго ничего
За тѣмъ, что никогда не думалъ о тѣлесномъ
И достоянія отыскивалъ въ небесномъ!
Завистники его съ пути не совратятъ,
И если бѣденъ зять, такъ тесть его богатъ.

ДОРИНА.

Кто жъ противъ этого! пускай себѣ щечится!
Но дѣло въ томъ: что онъ въ мужья намъ негодится.
Тартюфъ и барышня! да это день и ночь!
И вы отдать ему ходите вашу дочь?..
И увѣряете, что это кромѣ шутокъ?
Гдѣ жъ тутъ приличіе? Гдѣ жъ батюшкинъ разсудокъ?
Помилуйте! кто дочь насильно выдаетъ,
Тотъ вѣрно ни о чемъ не думаетъ впередъ.
Вамъ надо хлопотать, сударь, объ добромъ мужѣ.
Съ дурнымъ, она сама гораздо будетъ хуже.
И согласитеся: какой ей дастъ примѣръ
Въ похвальныхъ качествахъ ханжа и лицемѣръ?
Тутъ ровно ни за что ругаться невозможно.
Ну, можетъ ли она любить его какъ должно?
И если къ этому лукавый подстрекнетъ—
Богъ знаетъ, иногда, что въ голову войдетъ.
На васъ лежитъ отвѣтъ за всѣ ея пороки.

ОРГОНТЪ.

Ужъ не прикажешь ли брать у тебя уроки
Отцу?

ДОРИНА.

Не худо бы, особенно теперь.

ОРГОНТЪ, *(Маріаннѣ).*

Ты этой болтовнѣ, пожалуйста, не вѣрь.
Положимъ, что тебя я обѣщалъ Валеру...
Но господинъ Валеръ повѣсоватъ не въ мѣру,
И онъ, какъ вообще вся наша молодежъ,
Шалунъ, и говорятъ, пускается въ картежъ,
А въ церквѣ я его не видывалъ ни раза.

ДОРИНА.

Но въ церковь ѣздитъ онъ совсѣмъ не для показа
И не для встрѣчь, такъ онъ за то и виноватъ,
Что не по вашему...

ОРГОНТЪ.

Съ тобой не говорятъ,
Ты слышишь ли? *(Маріаннѣ).* Что онъ шалунъ, я вѣрно знаю;
Но тотъ, кого тебѣ я мужемъ назначаю,
Не занимается ничтожнымъ щегольствомъ:
Глядитъ отшельникомъ и дышетъ божествомъ!
Плодъ счастья твоего онъ сотворитъ сторицей.
Вы будете съ нимъ жить, какъ голубь съ голубицей.
Ручаюсь, что сама полюбишь ты его
И можешь сдѣлать все изъ мужа своего.

ДОРИНА.

Однако-жъ, что черно, того не сдѣлать бѣлымъ
И ей не совладѣть съ ханжей закоренѣлымъ.

ОРГОНТЪ.

Послушай, наконецъ... тутъ что нибудь одно...
Мнѣ дерзости твои наскучили давно.

ДОРИНА.

Да что жъ въ усердіи моемъ, сударь, дурнаго?

ОРГОНТЪ.

Ты слышишь ли: молчать — и болѣе ни слова!
Тьфу, чортъ возьми! и такъ на силу я терплю!

ДОРИНА.

Да что жъ прикажете, когда я васъ люблю?

ОРГОНТЪ.

Такъ этакъ-то?

ДОРИНА.

Да вы стараетеся сами,
Я думаю, чтобъ всѣ смѣялися надъ вами.

ОРГОНТЪ.

Такъ ты не замолчишь?

ДОРИНА.

За тѣмъ, что это стыдъ!
И это ужъ не я, а совѣсть говоритъ.

ОРГОНТЪ.

Тутъ треснетъ наконецъ послѣднее терпѣнье!

ДОРИНА.

А христіанское... забыли вы смиренье?

ОРГОНТЪ.

О Господи!.. Но я ужъ больше не шучу;
Я требую, чтобъ ты молчала.

ДОРИНА.

Я молчу.

ОРГОНТЪ.

Негодница! давно бъ за умъ приняться должно.

ДОРИНА.

Но если говорить нельзя, такъ думать можно.

ОРГОНТЪ, (*Доринѣ*).

Смотри-жъ! (*дочери*). Для скромницы, мой другъ, большое зло
Примѣры вѣтренницъ!

ДОРИНА, (*про себя*).

А право тяжело
Молчать!

ОРГОНТЪ, (*Маріаннѣ*).

Но ты на нихъ, по счастью, не похожа:
И чѣмъ не молодецъ Тартюфъ?

ДОРИНА, (*про себя*).

Ахъ, что за рожа!

ОРГОНТЪ.

Не правда ли... онъ всѣхъ собой обворожитъ!

ДОРИНА.

И вѣрно барышню съ печали уморитъ!

(*Оргонтъ, сложа руки, становится противъ Дорины, смотритъ ей въ глаза и слушаетъ,—она продолжаетъ*).

Нѣтъ, если бы меня мужчина не спросился,
И какъ на барышнѣ, насильно бы женился,
Такъ я бы молодца отдѣлала путемъ
Кому понравится Тартюфъ? и чортъ ли въ немъ!

ОРГОНТЪ.

По этому все вздоръ, что я не запрещаю?

ДОРИНА.

Вотъ это хорошо! Я развѣ вамъ мѣшаю?

ОРГОНТЪ.

Да съ кѣмъ ты говоришь, змѣя!

ДОРИНА.

Сама съ собой.

ОРГОНТЪ.

Такъ я раздѣлаюсь, голубушка съ тобой!
Пощечиной!

Оргонтъ приготовляясь дать пощечину, при всякомъ словѣ сказанномъ Маріаннѣ, поглядываетъ на Дорину.

Мой другъ, окончимъ начатое
Съ благимъ намѣреньемъ... все будетъ... во благое...
Вы оба станете меня благодарить!

Дорінѣ.

Чтожъ ты молчишь?

ДОРИНА.

Объ чемъ мнѣ съ вами говорить?

ОРГОНТЪ.

Да хоть словечко бы.

ДОРИНА.

Нехочется.

ОРГОНТЪ.

Напрасно!

ДОРИНА.

Не безпокойтеся!

ОРГОНТЪ.

Ужъ я бы далъ! (*Маріаннѣ,*) Тутъ ясно,
Мой другъ, что надобно готовится къ вѣнцу.
Ты знаешь, какъ грѣшно противиться отцу,
Который дѣйствуетъ къ семейственному благу,
И выбралъ для тебя...

ДОРИНА.

Какого-то бродягу!

ОРГОНТЪ. (*Размахивается дать Доринѣ пощечину, она отбѣгаетъ.*)

Такъ вотъ!.. я никогда такъ не былъ разбѣшонъ!
А ты негодница!.. сію минуту вонъ

Изъ дома моего. — Вся кровь моя въ волненьи
И христіанское я потерялъ терпѣнье!
(*Маріаннѣ.*)
Прощай, мой другъ! нѣтъ силъ, мнѣ надобенъ покой!
И мы наединѣ поговоримъ съ тобой. (*уходитъ.*)

—

III.

МАРІАННА, ДОРИНА.

ДОРИНА.

Помилуйте! ну что-жъ вы, онѣмѣли, что ли?
Нельзя же вмѣсто васъ играть мнѣ вашей роли.
Когда васъ выдаютъ чортъ знаетъ за кого,
Вы будете молчать и больше ничего!

МАРІАННА.

Я столько къ батюшкѣ имѣю уваженья.

ДОРИНА.

Да надо-жъ вывести его изъ заблужденья.

МАРІАННА.

Я очень рада бы... да я не знаю какъ?

ДОРИНА.

Сказать: что съ батюшкой вашъ вкусъ не одинакъ,
Что чувства и глаза имѣете вы сами,
Что мужу надо жить не съ батюшкой, а съ вами,
Что люди сходятся, другъ друга полюбя,
Что мужа вы имѣть хотите для себя,
И если батюшка въ Тартюфа такъ влюбился...
Такъ пусть бы лучше самъ на немъ онъ и женился!

МАРІАННА.

Ты судишь по себѣ, но я не такъ смѣла,
Чтобъ явно батюшку ослушаться могла.

ДОРИНА.

И будто хорошо? Всему должна быть мѣра.
Скажите-жъ: не шутя вы любите Валера?

МАРІАННА.

Дорина! можешь ли ты спрашивать о томъ?
Я, кажется, тебѣ призналася во всемъ.
Валера даже я при батюшкѣ хвалила
И въ жизни никого я больше не любила.

ДОРИНА.

Но, можетъ быть, вы мнѣ не скажете всего...
Любить и разлюбить нѣтъ легче ничего.

МАРІАННА.

Ахъ, нѣтъ! кто нравится, такъ это очень видно
И подозрѣніе твое мнѣ страхъ обидно!

ДОРИНА.

И такъ вы любите его?

МАРІАННА.

Божусь.

ДОРИНА.

А онъ?
Ужъ разумѣется, онъ также въ васъ влюбленъ?

МАРІАННА.

Я думаю.

ДОРИНА.

И вамъ всего теперь нужнѣе
Сойтись между собой.

МАРІАННА.

Какъ можно поскорѣе!

ДОРИНА.

А еслибъ этому хотѣли помѣшать?

МАРІАННА.

Тогда...

ДОРИНА.

И вздумаютъ съ другимъ васъ обвѣнчать?

МАРІАННА.

Ахъ! я умру, когда другаго нѣтъ спасенья

ДОРИНА.

О! это средство вамъ поможетъ безъ сомнѣнья.
Ужъ точно батюшка не много тутъ возьметъ;
Вамъ стоитъ умереть, чтобъ выдти изъ хлопотъ.
Прекрасно!

МАРІАННА.

Не ужели-жъ во всемъ ему открыться?

ДОРИНА.

Кто любитъ не шутя, такъ тотъ не побоится.

МАРІАННА.

Я больше всѣхъ люблю и рада вѣкъ любить...
Но не самой же мнѣ объ этомъ говорить.
Ахъ, стыдъ!

ДОРИНА.

Конечно.

МАРІАННА.

Что бъ тогда заговорили?

ДОРИНА.

Ужъ разумѣется, вы славно разсудили.
Зачѣмъ противиться, и съ Богомъ—почему-жъ?..
Тартюфъ, я думаю, прекрасный будетъ мужъ.
Васъ отговаривать не вижу я причины;
Онъ также сотворенъ, какъ прочіе мужчины,
И если нравится онъ батюшкѣ и вамъ,
Такъ стоитъ поскорѣй ударить по рукамъ.

МАРІАННА.

Ахъ, Боже мой!

ДОРИНА.

Его достоинство извѣстно...
И госпожей Тартюфъ быть чрезвычайно лестно.

МАРІАННА.

Ахъ, пощади! но чтобъ бѣду предупредить
Ты не откажешься намъ вѣрно пособить?

ДОРИНА.

Вы ошибаетесь.

МАРІАННА.

Любезная Дорина!

ДОРИНА.

Нѣтъ, это кончено.

МАРІАННА.

Мой другъ! чтожъ за причина
Сердиться?

ДОРИНА.

Хорошо.

МАРІАННА.

Да ты погубишь насъ.

ДОРИНА.

Нѣтъ, я рѣшилася путемъ прошколить васъ.

МАРІАННА.

Да сжалься!

ДОРИНА.

Ни за что!

МАРІАННА.

Но этакъ ужъ не шутятъ!
И не ужли-жъ Тартюфъ...

ДОРИНА.

Пускай васъ отартюфятъ!

МАРІАННА.

Ахъ, Боже мой! И такъ когда надежды нѣтъ...
Отчаянье мнѣ дастъ рѣшительный совѣтъ,
И тотъ, кто жалости нисколько не имѣетъ—
И тотъ несчастную, конечно, пожалѣетъ. (*Хочетъ уйти*).

ДОРИНА, (*останавливая ее*).

Ну, ну, ужъ такъ и быть! Извольте, я мирюсь
И съ радостью помочь обоимъ вамъ берусь.

МАРІАННА.

Какъ ты мила! теперь мнѣ какъ-то веселѣе,
И право, кажется, я сдѣлалась смѣлѣе!

ДОРИНА.

И дѣло. Между тѣмъ, въ счастливый этотъ мигъ
Вотъ настоящій къ намъ является женихъ.

—

IV.

ТѢЖЕ, ВАЛЕРЪ.

ВАЛЕРЪ.

А я къ вамъ съ новостью ужасно непріятной,
Но, къ сожалѣнію, довольно вѣроятной.

МАРІАННА.

Съ какою же?

ВАЛЕРЪ.

Не знаю, правда-ль... я узналъ,
Что жениться на васъ Тартюфъ?

МАРІАННА.

Кто жъ ожидалъ,
Чтобъ батюшка опять все передумалъ снова.

ВАЛЕРЪ.

И батюшка?..

МАРІАННА.

Велитъ мнѣ выдти за другаго.

ВАЛЕРЪ.

Все батюшка!.. а вы согласны, или нѣтъ?

МАРІАННА.

Не знаю.

ВАЛЕРЪ.

Признаюсь, мнѣ нравится отвѣтъ.
Такъ вы не знаете?

МАРІАННА.

Но вдругъ самой рѣшиться...

ВАЛЕРЪ.

Я вамъ совѣтую на это согласиться.

МАРІАННА.

И это вашъ совѣтъ безъ шутокъ?

ВАЛЕРЪ.

Боже мой!
Чтожъ дѣлать, если вамъ понравился другой!

МАРІАННА.

Я послѣ этого совѣтъ вашъ принимаю.

ВАЛЕРЪ.

И съ удовольствіемъ, за это отвѣчаю.

МАРІАННА.

Съ такимъ же... какъ его угодно было дать.

ВАЛЕРЪ,

Я счастью вашему не думаю мѣшать.

МАРІАННА.

О! съ вашей стороны поступлено прекрасно!

ДОРИНА, (*отходя вдаль театра.*)

Дождусь конца.

ВАЛЕРЪ.

Теперь притворство ваше ясно.
Вы никогда меня не думали любить.

МАРІАННА.

Объ этомъ ужъ теперь нестоитъ говорить.
И если столько я была любима вами,
Что отъ меня могли вы отказаться сами,
Такъ вамъ до чувствъ моихъ и надобности нѣтъ,
И остается мнѣ — исполнить вашъ совѣтъ.

ВАЛЕРЪ.

Помилуйте! къ чему пустое оправданье!
Нѣтъ, ваше личное тутъ дѣйствуетъ желанье,
И я охотно васъ избавлю отъ хлопотъ,
Чтобъ дать невѣрности приличный оборотъ.

МАРІАННА.

Какъ вы догадливы.

ВАЛЕРЪ.

Я просто былъ обманутъ;
Но болѣе меня обманывать не станутъ.

МАРІАННА.

Такъ вы обманщицей считаете меня?

ВАЛЕРЪ.

И въ правѣ, кажется, во всемъ васъ обвиня!
Но вы не думайте смѣяться надо мною,
И я надѣюся быть счастливымъ и съ другою.

МАРІАННА.

Не мудрено... и вы превыгодный женихъ.

ВАЛЕРЪ.

Оставьте выгоды: тутъ дѣло не объ нихъ.
Конечно... вашихъ я достоинствъ не имѣю,
Но я цѣнить себя, сударыня, умѣю.

МАРІАННА.

И очень хорошо.

ВАЛЕРЪ.

И скоро, можетъ быть,
Успѣю вашу я невѣрность позабыть.

МАРІАННА.

О! въ этомъ, кажется, не будетъ затрудненья.
Вы для себя тотчасъ найдете развлеченья.

ВАЛЕРЪ.

Но я, сударыня, былъ слишкомъ бы смѣшенъ,
Когда бъ по прежнему казался въ васъ влюбленъ,

И видѣвши къ себѣ такую перемѣну
Не сталъ бы вамъ платить измѣной за измѣну!

МАРІАННА.

Не иначе!—я вамъ, раставшися со мной,
Совѣтую тотчасъ жениться на другой.

ВАЛЕРЪ.

Вы позволяете?

МАРІАННА.

Охотно.

ВАЛЕРЪ.

Очень вѣрю.
Но къ счастью, сдѣлалъ я неважную потерю. (*Хочетъ уйти*).

МАРІАННА.

Я то же думаю.

ВАЛЕРЪ. (*возвращаясь.*)

Я то же очень радъ.....
Но помните: что я ни въ чемъ не виноватъ.

МАРІАННА.

Конечно.

ВАЛЕРЪ.

Что любви моей была награда.
Измѣна, колкости, презрѣнье.....

МАРІАННА.

Очень рада.

ВАЛЕРЪ.

Что это дѣлаю я.... именно для васъ.

МАРІАННА.

Какъ жаль!

ВАЛЕРЪ.

И говорю въ послѣдній съ вами разъ.

МАРІАННА.

Ахъ, Боже мой!

ВАЛЕРЪ. (*Уходя*).

Что въ васъ нѣтъ чувства никакого.
Вы что-то, кажется, сказали мнѣ?

МАРІАННА.

Ни слова.

ВАЛЕРЪ.

Прощайте-жъ! Стало быть, нашъ конченъ разговоръ.

МАРІАННА.

Прощайте.

ДОРИНА. (*Подбѣгая.*)

Полноте, — рабячество и вздоръ!
Ну, естлибъ не было меня на эту пору,
Такъ вы бы завели не шуточную ссору.
Эй! господинъ Валеръ!

ВАЛЕРЪ. (*съ притворнымъ принужденіемъ.*)

Пожалуйста оставь!

ДОРИНА.

Да воротитесь же!

ВАЛЕРЪ.

Довольно, что я правъ,
И съ радостью спѣшу ея исполнить волю.

ДОРИНА. (*Удерживая Валера.*)

Постойте!

ВАЛЕРЪ.

Я себя дурачить не позволю.

ДОРИНА.

И дѣло.

МАРІАННА.

Онъ ко мнѣ не хочетъ подойти.
Такъ послѣ этого смѣшно жъ мнѣ не уйти.

ДОРИНА. (*Бѣжитъ за Маріанной.*)

А вы куда?

МАРІАННА.

Ахъ, нѣтъ! пусти!

ДОРИНА.

Нѣтъ, извините!
Теперь вы отъ меня никакъ не убѣжите.

ВАЛЕРЪ.

Но если кромѣ ссоръ нѣтъ ничего въ виду,
Такъ послѣ этаго я лучше самъ уйду.

ДОРИНА. (*Бѣжитъ за Валеромъ*).

Опять! Ахъ, Боже мой, но васъ зоветъ невѣста.
А васъ женихъ. Сюда — и слышите: ни съ мѣста!
(*Беретъ обоихъ за руки и становитъ посреди театра.*)

ВАЛЕРЪ.

Чего жъ ты требуешь?

МАРІАННА.

Объ чемъ тутъ говорить?

ДОРИНА.

Я просто васъ хочу скорѣе помирить.

(*Валеру*).

Не глупо ли?... за что поссорились вы съ нею?

ВАЛЕРЪ.

Не ужли жъ я причинъ на это не имѣю?

ДОРИНА. (*Маріаннѣ.*)

Не глупо ли! за что сердиться на него?

МАРІАННА.

Я въ жизни не была такъ зла ни на кого!

ДОРИНА.

Все вздоръ и шалости! (*Валеру*). Уймитесь, какъ не стыдно!
Что вы ей нравитесь, такъ это очень видно.

(*Маріаннѣ*).

Я головою вамъ ручаюся, что онъ,
Хоть сердится, а въ васъ по прежнему влюбленъ.

МАРІАННА.

Къ чему жъ совѣтовать мнѣ выдти за другаго?

ВАЛЕРЪ.

Къ чему жъ мнѣ выставлять соперника такаго?

МАРІАННА.

Вы этотъ первые мнѣ подали совѣтъ.

ВАЛЕРЪ.

Но этому виной не вашъ ли былъ отвѣтъ.

ДОРИНА.

Помилуйте! когда-жъ мы кончимъ ссору нашу?

(*Беретъ Валера за руку*).

Ну, поскорѣй.

ВАЛЕРЪ. (*Подавая руку*).

Къ чему.....

ДОРИНА. (*Маріаннѣ*).

Пожалуйте мнѣ вашу!

МАРІАННА.

За чѣмъ?...

ДОРИНА, (*сводя ихъ вмѣстѣ*).

Вотъ этакъ-то—ну право вы смѣшны!
И оба по уши другъ въ друга влюблены.

(*Валеръ и Маріанна держатъ другъ друга за руку, не говоря ни слова*).

МАРІАННА.

Ну, что жъ?

ВАЛЕРЪ.

Я жду, но вы нарочно все молчите
И на меня взглянуть ни разу не хотите.

ДОРИНА.

Ахъ! эта молодежъ замучила меня!

ВАЛЕРЪ.

Вы согласитеся, что виноватъ не я.

МАРІАННА, (*улыбаясь*).

Вы вѣрно завести опять хотите ссору?

ДОРИНА.

Нѣтъ, нѣтъ, и ссориться прошу въ другую пору,
А не теперь, когда бѣда надъ головой.

МАРІАННА.

Намъ стоитъ ввѣриться Доринѣ дорогой!

ДОРИНА.

О! я перехитрить Тартюфа очень рада!
(*Маріаннѣ*) (*Валеру*).
Вашъ батюшка шалитъ — и унывать не надо.
(*Маріаннѣ*).
Но, между тѣмъ, пока мы дѣйствовать начнемъ,
Прикиньтесь, будто вы согласны съ нимъ во всемъ,
Чтобъ въ случаѣ, когда онъ слишкомъ разхрабрится
Ловчѣе было бъ вамъ просить неторопиться.
А время... оборотъ даетъ всему другой:
То дней на нѣсколько вы скажетесь больной;
То пустятся хворать, пожалуй, всѣ родные,
То явятся у васъ предчувствія дурныя,
То васъ нечаянно перепугаетъ сонъ,
То пиковая масть, то встрѣча похоронъ,
И прочее. А тамъ, ужъ чтобъ ни толковали,
Намъ нужно главное, чтобъ васъ не обвѣнчали.
Но мы рѣшительно, однако-жъ, пропадемъ,
Когда васъ батюшка застанетъ здѣсь вдвоемъ.
(*Валеру.*)
И такъ, сударь, прошу убраться поскорѣе;
Не выдавайте насъ и дѣйствуйте смѣлѣе!
(*Маріаннѣ.*)
А мы, чтобъ батюшка немножко поутихъ,
Заставимъ хлопотать объ этомъ всѣхъ родныхъ.
(*Валеру.*)
Прощайте-жъ.

ВАЛЕРЪ.

За успѣхъ я вамъ не отвѣчаю...
Но я на васъ однихъ надежду полагаю.

МАРІАННА.

Пускай преслѣдуютъ и разлучаютъ насъ;
Но я ни за кого не выйду, кромѣ васъ!

ВАЛЕРЪ.

Теперь я ничего не побоюсь конечно!

ДОРИНА.

И кажется болтать вы не уйметесь вѣчно!
Ступайте-жъ!

ВАЛЕРЪ.

Я иду.

ДОРИНА, (*разводя ихъ въ разныя стороны*).

Скорѣе, Боже мой!
Вы въ вашу комнату, а вы себѣ домой.

—

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

—

I.

ДОРИНА, ДАМИСЪ.

ДАМИСЪ.

Скорѣй отцовскую я позабуду волю,
Скорѣй бездѣльникомъ назвать себя позволю,
Чѣмъ я пожертвовать сестрою допущу
И въ бѣшенствѣ моемъ Тартюфу не отмщу.

ДОРИНА.

Помилуйте! къ чему отчаянье такое?
Проказы батюшки несчастье не большое.
Отъ слова, говорятъ, до дѣла далеко—
И горю пособить мнѣ кажется легко.

ДАМИСЪ.

Но плутъ Тартюфъ меня выводитъ изъ терпѣнья
И съ нимъ не кончится у насъ безъ объясненья.

ДОРИНА:

Вотъ это именно я запрещаю вамъ.
Повѣрьте, барыня скорѣй поможетъ намъ,
Какъ дѣйствовать она обдумала прекрасно;
Тартюфъ любезничать изволитъ съ ней ужасно
И кажется, что къ намъ неравнодушенъ онъ.
Ахъ! еслибъ подлинно онъ былъ въ нее влюбленъ!...
Тогда бъ все кончено; а чтобъ за васъ вступиться,
Она рѣшилася сейчасъ съ нимъ объясниться.

Сказать ему: что есть у насъ другой женихъ,
Что этимъ разсердить онъ можетъ всѣхъ родныхъ
И что никто его жениться не неволитъ.
Теперь, вотъ видите, молиться онъ изволитъ,
А мнѣ приказано его здѣсь подождать;
Вамъ лучше бы уйти, чтобъ намъ не помѣшать.

ДАМИСЪ.

Нѣтъ, я свиданія не пропущу такого.

ДОРИНА.

Вы все испортите.

ДАМИСЪ.

Я не скажу ни слова.

ДОРИНА.

Нѣтъ, вы на этотъ счетъ рѣшительный злодѣй.
Вотъ онъ!.. Ахъ, Боже мой! уйдите жъ поскорѣй.

(*Дамисъ прячется въ боковой кабинетъ*).

—

II.

ТАРТЮФЪ, ДОРИНА.

ТАРТЮФЪ. (*Увидя Дорину, оборачивается къ своей двери и говоритъ слугѣ*).

Лоранъ! молись, душѣ и тѣлу во спасенье,
Да просвѣтитъ тебя благое Провидѣнье!
А если кто придетъ ко мнѣ—скажи тому,
Что я ко братіямъ отправился въ тюрьму,
Чтобъ христіанское имъ сдѣлать увѣщанье
И съ ними раздѣлить мірское подаянье.

ДОРИНА. (*въ сторону*).

Каковъ штукарь?

ТАРТЮФЪ.

За чѣмъ я вызванъ?—объяснись.

ДОРИНА, (*подходя*).

Сказать....

ТАРТЮФЪ.

Пожалуйста, сперва отворотись!

ДОРИНА.

Отъ васъ?

ТАРТЮФЪ.

Не поражай меня одеждой этой!

ДОРИНА.

Вотъ новое!...

ТАРТЮФЪ.

Придти ко мнѣ полураздѣтой...
О, Боже мой!

ДОРИНА.

Да чѣмъ мой страшенъ такъ нарядъ?

ТАРТЮФЪ.

Имъ оскорбляется благочестивый взглядъ!
Въ одеждѣ этой нѣтъ ни страха, ни смиренья,
И чувствуешь одни дурныя помышленья.

ДОРИНА.

Нельзя же съ головы до ногъ закутать насъ.
Я въ этомъ случаѣ, однако-жъ, тверже васъ:
Вы можете себѣ одѣться, какъ хотите,
А ужъ меня собой никакъ не соблазните.

ТАРТЮФЪ.

Нельзя ли ускромнить со мною твой языкъ!
И вольностей такихъ я слушать непривыкъ.

ДОРИНА.

Вольно же начинать? вы виноваты сами;
Но барыня моя имѣетъ нужду съ вами
Поговорить, и мнѣ поручено сказать:
Чтобъ вы изволили ее здѣсь подождать.

ТАРТЮФЪ.

Ахъ! съ радостью.

ДОРИНА (*въ сторону.*)

Съ какимъ онъ радуется жаромъ...
О! я увѣрена, что это ужъ не даромъ.

ТАРТЮФЪ.

Когдажъ придетъ она?

ДОРИНА. (*всторону.*)

Я думаю, сейчасъ;
У ней есть надобность секретная до васъ;
Но вотъ и барыня. Теперь я честь имѣю
Откланяться, чтобъ васъ оставить вмѣстѣ съ нею.
(*уходитъ.*)

—

III.

ТАРТЮФЪ, ЭЛЬМИРА.

ТАРТЮФЪ.

Незнаю, чѣмъ и какъ судьбу благодарить
За счастье видѣть васъ и съ вами говорить.

И, наконецъ, за то, что съ полнымъ восхищеньемъ
Могу проздравить васъ съ благимъ выздоровленьемъ!

ЭЛЬМИРА.

За это я должна быть благодарной вамъ;
Но сидя, говорить ловчѣе будетъ намъ.

ТАРТЮФЪ. (*подавая стулъ.*)

Теперь примѣтно вы становитесь покрѣпче.

ЭЛЬМИРА, (*сидя.*)

Да, слава Богу! мнѣ теперь гораздо легче.

ТАРТЮФЪ, (*сидя.*)

Какъ грѣшникъ, я никакъ себя не обольщалъ,
Чтобы Господь мою молитву услыхалъ;
Но я Всевышнему молился ежедневно:
Да укрѣпитъ онъ васъ тѣлестно и душевно.

ЭЛЬМИРА.

Вы такъ заботились .. Богъ знаетъ изъ чего?

ТАРТЮФЪ.

Здоровье ваше мнѣ безцѣннѣе всего!
Я даже своего для васъ не пожалѣю.

ЭЛЬМИРА.

Какъ васъ благодарить, я право не умѣю;
Но это вамъ внушилъ... вашъ христіанской долгъ.

ТАРТЮФЪ.

И преданность моя, и чувстъ моихъ восторгъ!

ЭЛЬМИРА.

А мнѣ поговорить серьезно съ вами надо,
Пока мы здѣсь одни... чѣму я очень рада.

ТАРТЮФЪ.

Я такъ же умолялъ Всевышняго о томъ,
Чтобы почаще намъ бесѣдовать вдвоемъ:
Соизволеніе судьбы довольно ясно...
И кажется, что я молился не напрасно!

ЭЛЬМИРА.

Вамъ одолжить меня нѣтъ трудности большой;
Я только васъ прошу быть искреннимъ со мной.
(*Дамисъ отворяетъ немного дверь и подслушиваетъ.*)

ТАРТЮФЪ.

Я самъ желаніемъ горю благословеннымъ
При этомъ случаѣ быть съ вами откровеннымъ,
И я клянуся вамъ, что мой всегдашній страхъ
Васъ видѣть всякій день съ гостями и въ гостяхъ,
И прочія мои на это замѣчанья,
Всегда рождалися отъ добраго желанья
Васъ остеречь...

ЭЛЬМИРА.

Тутъ нѣтъ дурнаго ничего;
Спасенье ближняго дороже вамъ всего.

ТАРТЮФЪ. (*беретъ Эльмиру за руку.*)

Да охранитъ Онъ васъ... щедротой милосердья!

ЭЛЬМИРА.

Вы жмете руку мнѣ. .

ТАРТЮФЪ.

Ахъ! это отъ усердья...
Но я дотронуться осмѣлился слегка,
Клянуся честію! (*Кладетъ руку на колѣна Эльмиры.*)

ЭЛЬМИРА.

Къ чему-же тутъ рука?

ТОРТЮФЪ.

Какой атласъ! и какъ судьба его счастлива!

ЭЛЬМИРА, (*отодвигаясь.*)

Не трогайте меня: я очень щекотлива.

ТАРТЮФЪ.

Какъ ваша убрана прелестно голова!
Какъ эти хороши и нѣжны кружева!
У насъ годъ отъ году искусства процвѣтаютъ.

ЭЛЬМИРА.

Конечно. Между тѣмъ, пока намъ не мѣшаютъ,
Скажите, неужли мнѣ правду говорятъ,
Что вашу набожность осмѣивать хотятъ
И руку дочери мой мужъ вамъ предлагаетъ?

ТАРТЮФЪ.

Супругъ вашъ этого дѣйствительно желаетъ;
Но это все... таковъ судьбы моей уставъ —
Не то, чѣмъ восхищенъ тѣлесный мой составъ!
Къ несчастію... влюбленъ я въ существо другое.

ЭЛЬМИРА.

И это существо ужъ вѣрно не земное?

ТАРТЮФЪ.

Напротивъ, но за то божественно оно!

ЭЛЬМИРА.

Я думала, что вамъ лишь нравится одно
Небесное?

ТАРТЮФЪ.

Хоть я и восхищенъ небеснымъ,
Но слабости влекутъ насъ къ прелестямъ телѣснымъ!
И можно-ль грѣшникамъ не услаждать сердца
Наичудеснѣйшимъ созданіемъ Творца?
Той прелестью, ни съ чѣмъ въ природѣ несравненной,

И въ васъ, по моему, всѣхъ болѣ совершенной,
Всѣхъ болѣ видимой, и даже, наконецъ,
Наисладчайшею для взоровъ и сердецъ!
Той прелестью, чѣмъ все приведено въ движенье,
Чѣмъ удивляются Творцу въ его твореньѣ!
Сначала, признаюсь, имѣлъ въ душѣ я страхъ,
Не соблазняетъ ли меня нечистый врагъ,
Не есть ли страсть моя хитросплетенье ада
И ко спасенію мнѣ вѣчная преграда?...
Но я постигъ потомъ... О чудо изо всѣхъ! —
Что васъ боготворить по истинѣ не грѣхъ,
Что ближняго любить я почитаю долгомъ
И, стало быть, влекусь естественнымъ восторгомъ!
Конечно, можетъ быть, нѣтъ дерзче ничего,
Какъ смѣть вамъ предложить даръ сердца моего,
Взаимной склонности предполагать возможность...
И съ вашей прелестью сравнить мою ничтожность!
Но чтобы ни было, пускай вашъ приговоръ
Рѣшить мою судьбу, — пускай блеснетъ вашъ взоръ! —
Пускай изъ вашихъ устъ грядущее постигну...
Велишь — и я спасенъ; — велишь — и я погибну!

ЭЛЬМИРА.

Признаньемъ вашимъ я, божусь, удивлена,
И даже заключить изъ этого должна,
Что ваша набожность.. не безъ грѣха, какъ видно!
Я думала, тому объ насъ и думать стыдно,
Кто молится и кто постится цѣлый вѣкъ.

ТАРТЮФЪ.

Хоть я и набоженъ, но все-же человѣкъ!
И кто, увидѣвши такое совершенство,
Приблизиться къ нему не счелъ бы за блаженство?
Вы удивляетесь тому... что я влюбленъ?
Но вспомните, что я не ангеломъ рожденъ,
И если страсть мою вполнѣ вы осудили,
Кто-жъ въ этомъ виноватъ, что вы ее внушили?
Вините не меня, но вашу красоту.
Я тщетно прибѣгалъ къ молитвѣ и посту,
Хотѣлъ противиться, ничто не помогало
И все меня къ стопамъ прелестнымъ увлекало!
Теперь я съ трепетомъ вамъ отдаюсь во власть;
Но если грѣшника васъ нетревожитъ страсть,
Когда любовью вы моей не оскорбитесь,
Когда виновнаго помиловать рѣшитесь,
Тогда — клянусь моей любовью роковой...
Поработиться вамъ и тѣломъ и душой!

Васъ всюду прославлять созданьемъ безпорочнымъ
И быть любовникомъ, конечно, самымъ прочнымъ.
Вся эта молодежъ, всѣ эти шалуны,
Въ которыхъ женщины, къ несчастью, влюблены,
Прелестныхъ жертвъ своихъ поносятъ безъ пощады
И мигомъ разгласить свои побѣды рады;
Но мы, которые мірскаго удалясь,
Съ смиренною душой вступаемъ въ эту связь,
Всегда таимъ ее съ раченьемъ всевозможнымъ;
Намъ собственная честь велитъ быть осторожнымъ,
Намъ въ разглашеніи ни малой пользы нѣтъ
И связь любовная первѣйшій нашъ секретъ.

ЭЛЬМИРА.

Вы объяснилися на этотъ счетъ прекрасно,
И убѣдительно, и чрезвычайно ясно:
Но вы, мнѣ кажется, забыли объ одномъ....
Что мужу разсказать могу я обо всемъ. —
И вы хоть другъ ему, однакоже случалось,
Что часто и друзьямъ за это доставалось.

ТАРТЮФЪ.

Къ несчастью, я себя преодолѣть не могъ.
Я точно преступилъ обязанностей долгъ,
Но за невинныя земныя помышленья
Я всеторжественно прошу у васъ прощенья!
И буду ли за то я вами осужденъ,
Что я не слѣпъ и что не каменнымъ рожденъ?

ЭЛЬМИРА.

Иная бы тотчасъ все вывела наружу
И этотъ разговоръ пересказала-бъ мужу;
Но я, на этотъ разъ, рѣшилася молчать.
Однако-жъ, вы за то должны мнѣ обѣщать,
Никакъ не отбивать невѣсты у Валера,
А иначе ....

—

IV.

ТѢЖЕ, ДАМИСЪ. (*Выходя изъ кабинета*).

ДАМИСЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, всему должна быть мѣра!
Я нестыдяся вашъ подслушалъ разговоръ
И ввѣкъ несоглашусь на этотъ уговоръ.
Щадить бездѣльника я больше не намѣренъ,
Въ отмщеніи моемъ онъ напередъ увѣренъ,

И чтобъ изобличить безбожнаго ханжу,
Я вѣрно батюшкѣ тотчасъ перескажу,
Чѣмъ онъ за милости хотѣлъ съ нимъ расплатиться
И, наконецъ, въ кого осмѣлился влюбиться.

ЭЛЬМИРА.

Ахъ, нѣтъ! Дамисъ, оставь! Довольно, если онъ
Въ своей нескромности такъ явно уличенъ.
Зачѣмъ же забывать, что я его простила.
Я никогда ни ссоръ, ни жалобъ не любила;
И мужа ни одна, мнѣ кажется, жена
Такими вздорами тревожить не должна.

ДАМИСЪ.

Вы можете имѣть свои на это виды,
Но я не изъ такихъ, я не прощу обиды!
И для того ли я рѣшусь его щадить,
Чтобъ больше прежняго онъ продолжалъ вредить?
Довольно и того, что этимъ лицемѣромъ
Мы до отчаянья доведены съ Валеромъ,
Что батюшка считалъ его полусвятымъ
И унижалъ себя предъ идоломъ такимъ.
Нѣтъ, нѣтъ, я совѣсти своей не успокою,
Пока не расплачусь съ безсовѣстнымъ ханжою,
Пока торжественно его не обличу
Пока злодѣю я вполнѣ не отплачу.

ЭЛЬМИРА.

Дамисъ!....

ДАМИСЪ.

Щадить его — была бы просто слабость,
А отомстить ему первѣйшая мнѣ радость!
Нѣтъ власти, чтобъ меня заставила молчать
И случай счастливый къ отмщенью потерять!
Но вотъ и батюшка! онъ будетъ намъ судьею.....
И все откроется теперь само собою.

—

V.

ТѢЖЕ, ОРГОНТЪ.

ДАМИСЪ.

Вы кстати, батюшка, пожаловали къ намъ:
Вашъ господинъ Тартюфъ — по дружескимъ связямъ,
Какъ благодѣтелю и истинному другу.....
Хотѣлъ вамъ оказать чудесную услугу.

Неблагодарности не ставитъ онъ въ вину
И вашу обольстить старается жену.
Я подстерегъ его и, надобно признаться,
Что въ пламенной любви онъ мастеръ объясняться.
Я знаю, матушка, чтобъ васъ не огорчить,
На этотъ разъ его изволила простить;
Но я хочу, чтобъ вы рѣшили это сами,
И къ счастью моему — преступникъ передъ вами!

ЭЛЬМИРА.

Но ты забылъ, Дамисъ, что женщина съ умомъ,
Которую никто не упрекнетъ ни въ чемъ,
Сама ото всего предостеречься можетъ
И мужа ревностью пустой не потревожитъ.
Когда бы ты мои совѣты уважалъ,
То, вѣрно бъ, ни кому объ этомъ не сказалъ. (*Уходитъ.*).

—

VI.

ОРГОНТЪ, ДАМИСЪ, ТАРТЮФЪ.

ОРГОНТЪ.

Неужли, Боже мой! слова ихъ справедливы?

ТАРТЮФЪ.

Увы, мой братъ! погрязъ въ грѣхахъ я, нечестивый!
Изъ грѣшниковъ меня грѣшнѣе въ мірѣ нѣтъ....
Такимъ предателемъ гнушаться долженъ свѣтъ!
Вся жизнь моя есть плодъ душевнаго распутства
И скопище однихъ крамолъ и душегубства!
И вотъ судьба мнѣ случай сберегла,
Чтобъ покарать меня за гнусныя дѣла!
Пусть извергу причтутъ любыя злодѣянья. ..
Какія я могу представить оправданья?
Нѣтъ, нѣтъ, предателя скорѣе обвини
И съ поруганіемъ изъ дома изгони!
Я всякой гнѣвъ почту щедротою благою,
Въ сравненьи съ тѣмъ, чего я, безъ сомнѣнья, стою!

ОРГОНТЪ. (*Дамису.*)

Злодѣй! Да какъ языкъ поворотился твой,
Невинность обнести такою клеветой?

ДАМИСЪ.

Стыдитесь, батюшка! и этотъ злой притворщикъ
Увѣритъ васъ....

ОРГОНТЪ.

Молчи, безсовѣстный доносчикъ!

ТАРТЮФЪ.

Ахъ! пощади, твой сынъ ни въ чемъ не виноватъ;
Тебя единственно предостеречь хотятъ.
Нѣтъ, надобно узнать какое я созданье....
Я, можетъ быть, на все рѣшиться въ состояньи!
Страшись, чтобъ наша связь не кончилась дурнымъ;
Не обольщай себя смиреніемъ моимъ.
Ты думаешь, что я полусвятой отшельникъ.. ..
Но онъ поручится тебѣ, что я бездѣльникъ!
(*Дамису*).
Такъ, сынъ возлюбленный, смѣлѣе продолжай!
И, нещадя меня, преслѣдуй и карай!
Ты видишь самъ, какимъ я извиваюсь змѣемъ!
Ругай меня: ханжей, разбойникомъ, злодѣемъ,
Я все стерплю, во всемъ охотно признаюсь,
(*упадая на колѣна*).
И даже пасть къ твоимъ ногамъ не постыжусь!

ОРГОНТЪ.

О, Боже мой! и ты прощенія не просишь,
Злодѣй!

ДАМИСЪ.

Помилуйте!

ОРГОНТЪ.

Ты головы не сносишь,
Разбойникъ!

ДАМИСЪ.

Я клянусь!....

ОРГОНТЪ. (*Тартюфу*).

Молчи! Возстань, мой братъ!
Возстань! Ахъ, Боже мой!

ДАМИСЪ.

Но кто же виноватъ....

ОРГОНТЪ.

Молчи, злодѣй! или я выйду изъ терпѣнья!

ТАРТЮФЪ.

Ахъ! христіанскаго не забывай смиренья.
Я въ жизнь мою, я въ жизнь себѣ непозволялъ,
Чтобъ за меня другой невинно пострадалъ.

ОРГОНТЪ. (*Дамису*).

Безсовѣстный!

ТАРТЮФЪ.

Твои упреки слишкомъ строги!. ..
(*Упадая на колѣна.*)

ОРГОНТЪ. (*Дѣлая тоже.*)

Я самъ скорѣе брошусь въ ноги.
Ахъ, Боже мой! (*Обнимая Тартюфа.*) Мой братъ!

ДАМИСЪ.

И этотъ подлый льстецъ
Увѣритъ васъ....

ОРГОНТЪ.

Молчи, безсовѣстный наглецъ!
А иначе сейчасъ, передъ его глазами,
Я задушу тебя отцовскими руками!
Я понялъ, я узналъ и вижу почему
Вы всячески вредить стараетесь ему,
И злобой вашею ничто не позабыто,
Чтобъ святость клеветой запачкать ядовитой!
Такъ знайте же, что всѣ старанья ваши вздоръ;
Нѣтъ, варвары! я всѣмъ пойду на перекоръ,
Я докажу, что онъ мнѣ будетъ зятемъ, сыномъ.
И что я, наконецъ, здѣсь полнымъ господиномъ.

ДАМИСЪ.

Помилуйте! за что жъ вы губите сестру?

ОРГОНТЪ.

На зло тебѣ, злодѣй — сегодня-жъ, ввечеру,
Я обвѣнчаю ихъ; а ты за оскорбленья,
Сейчасъ, при мнѣ, у ногъ его проси прощенья.

ДАМИСЪ.

Нѣтъ, подо мной земля раступится скорѣй!

ОРГОНТЪ.

Такъ я жъ по своему раздѣлаюсь, злодѣй!
(*Тартюфу, который его удерживаетъ.*)
Гдѣ.... что нибудь?...позволь, святой отшельникъ!
(*Дамису*).
Убить его, когда онъ живъ еще, бездѣльникъ!
Изчезни съ глазъ и въ домъ отцовскій ни ногой!

ДАМИСЪ.

Извольте, но клянусь!....

ОРГОНТЪ.

Ни слова! я съ тобой
Не знаюся; тебя наслѣдства я лишаю
И къ этому еще, разбойникъ, проклинаю!
(*Дамисъ уходитъ*).

—

VI.

ОРГОНТЪ, ТАРТЮФЪ.

ТАРТЮФЪ.

Пускай его Господь по моему проститъ!
Одно, мой братъ, одно прискорбно мнѣ, конечно,
За что такъ оскорблять меня безчеловѣчно!

ОРГОНТЪ.

Мой другъ!

ТАРТЮФЪ.

Я чувствую, что я не въ силахъ устоять,
Я самъ не свой!.. Убитъ и тѣломъ, и душою,
И скоро къ вѣчному переселюсь покою!

ОРГОНТЪ, (*въ слезахъ бѣжитъ къ дверямъ, въ которыя выгналъ сына*).

Ахъ, Боже мой! зачѣмъ его я отпустилъ!
Зачѣмъ разбойника на мѣстѣ не убилъ!

(*Тартюфу.*)

Ахъ, не грѣши! стыдись бездѣлкой сокрушаться.

ТАРТЮФЪ.

Мой другъ! намъ надобно рѣшительно разстаться.

ОРГОНТЪ.

Въ умѣ ли ты?...

ТАРТЮФЪ.

Повѣрь, возлюбленный мой братъ,
Что на меня не то еще наговорятъ.

ОРГОНТЪ.

Помилуй! я не далъ имъ выговорить слова.

ТАРТЮФЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, клевѣтники вооружатся снова;
Ты слишкомъ добръ, чтобъ ихъ заставить замолчать
И посмотри — они поднимутся опять.

ОРГОНТЪ.

Нѣтъ, чортъ возьми!

ТАРТЮФЪ.

Жена все сдѣлать въ состояньи!
Меня изгнать — ее первѣйшее желанье.

ОРГОНТЪ.

О женщины!

ТАРТЮФЪ.

Къ чему себя намъ обольщать!..
Позволь, позволь тебя въ послѣдній разъ обнять!

ОРГОНТЪ,

Ахъ, пощади! за что жъ умру я сиротою?

ТАРТЮФЪ.

Ахъ! сколько власти ты имѣешь надо мною.
Но я....

ОРГОНТЪ.

Ни слова, другъ!

ТАРТЮФЪ.

Изволь, я остаюсь,
Но съ тѣмъ, что я тебѣ торжественно клянусь,
Съ Эльмирой прекратить всѣ прежнія сношенья,
И чтобы не подать и тѣни подозрѣнья,
Я не увижуся съ ней больше никогда.

ОРГОНТЪ.

А я хочу, чтобъ ты, наперекоръ, всегда
Съ ней видѣлся. Бѣсить людей моя отрада!
И всѣмъ на зло тебѣ за нею бѣгать надо.
Но мы не такъ еще злодѣямъ отомстимъ,
Я сдѣлаю тебя наслѣдникомъ моимъ,
Женю на дочери, и зятю въ награжденье
Сейчасъ бѣгу мое все укрѣпить имѣнье.
Ни воспрепятствуй мнѣ въ намѣреньи благомъ!

ТАРТЮФЪ.

Пусть воля Господа исполнится во всемъ!

—

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

—

I.

КЛЕАНТЪ, ТАРТЮФЪ.

КЛЕАНТЪ.

Здѣсь всю бѣду, сударь, приписываютъ вамъ.
Поступка вашего не похвалю я самъ;
И очень радъ, что я при нашемъ объясненьи
Могу вамъ высказать свое объ этомъ мнѣнье.
Я не изъ тѣхъ, кто всѣмъ разсказамъ вѣрить радъ,
Положимъ, что Дамисъ и точно виноватъ;
Что въ вашу проповѣдь онъ вслушался неясно
И, можетъ быть, на васъ наговорилъ напрасно;
Но стоитъ ли ему за это такъ отмщать?
Долгъ христіанина — обидѣвшихъ прощать,

И ссора вздорная не есть еще причина,
Чтобы вооружать отца противу сына.
Всѣ эти происки послужатъ вамъ во вредъ —
И если вы принять хотите мой совѣтъ,
То лучше, кажется, забывши оскорбленье,
Дамису выпросить отцовское прощенье.

ТАРТЮФЪ.

Что до меня, то я на все, сударь, готовъ.
Я слишкомъ жалостливъ и, вѣрно, не таковъ,
Чтобъ помнить зло. Я все въ душѣ ему прощаю
И даже — Господа объ этомъ умоляю.
Дерзну ли большаго просить я у Творца?
Я малъ во братіяхъ — и юнъ въ дому отца!
Но послѣ ужаса, случившагося съ нами,
Въ юдолѣ сей мы съ нимъ не можемъ быть друзьями,
И если я теперь съ Дамисомъ помирюсь,
То всѣ подумаютъ, что я его боюсь,
Что внутренно себя я чувствую виновнымъ,
И состраданіе мое почтутъ притворнымъ,
И даже, наконецъ, пожалуй, сочинятъ,
Что я хитрю, а онъ ни въ чемъ не виноватъ.

КЛЕАНТЪ.

Доводы ваши всѣ разкрашены прекрасно;
Но вы мнѣ, кажется, заботитесь напрасно
О вашемъ недругѣ молитвы возсылать.
Тамъ.... лучше нашего умѣютъ различать
И мѣру правоты, и мѣру ухищренья.
Здѣсь дурно лгать, а тамъ — за это нѣтъ прощенья
Когда же ваша цѣль похвальна и чиста,
Васъ можетъ ли пугать пустая клевета?
И неужели васъ злорѣчіе людское
На мѣсто добраго направитъ на дурное?
Нѣтъ, нѣтъ, сударь, пускай толкуютъ что хотятъ:
Но дѣйствуйте, какъ честь и совѣсть вамъ велятъ.

ТАРТЮФЪ.

Я вамъ сказалъ, сударь, что я его прощаю,
Что даже за него молиться обѣщаю...
Но чтобъ сойтися съ нимъ и жить въ одномъ дому,
То воля Божія противится тому!

КЛЕАНТЪ.

А позволяетъ ли она, сударь, скажите,
Свободно дѣлать все, что вы ни захотите?
Пренебрегать родствомъ, не уважать связей...
И явно похищать наслѣдство у дѣтей?

ТАРТЮФЪ.

Помилуйте! но тутъ нѣтъ правды ни полслова.
Я слишкомъ удаленъ ото всего мірскаго
И прогнѣвить Творца не меньше васъ боюсь.
Повѣрьте, что земнымъ богатствомъ я не льщусь.
Когда же, братское исполня убѣжденье,
Я принялъ въ собственность свою его имѣнье,
То къ этому меня, конечно, увлекло
Желаніе, чтобы оно не перешло
Къ такимъ, которые цѣны ему не знаютъ
И, можетъ быть, его безпутно промотаютъ,
Тогда-какъ я, кому не надо ничего,
Во славу Божію употреблю его!

КЛЕАНТЪ.

Такъ завладѣть чужимъ наслѣдственнымъ удѣломъ
Вы почитаете богоугоднымъ дѣломъ?
Да кто-жъ вамъ право далъ все прибирить къ рукамъ?..
Пусть всякъ своимъ добромъ распоряжаетъ самъ;
Пусть сбережетъ, или не сбережетъ имѣнье,
По крайней мѣрѣ васъ не упрекнутъ въ хищеньи.
И вы, которые здѣсь такъ одолжены,
Вы просто этотъ даръ отвергнуть бы должны.
И гдѣ же этотъ текстъ священнаго писанья,
Чтобъ богатѣть на счетъ чужаго достоянья?
Когда же васъ Дамисъ такъ сильно оскорбилъ,
Что вамъ ужиться съ нимъ рѣшительно нѣтъ силъ,
Не лучше ли тогда, недѣлая разстройства,
Вамъ удалиться бы самимъ для ихъ спокойства,
Чѣмъ сына допустить разссориться съ отцемъ
И не велѣть его пускать въ отцовскій домъ?
Повѣрьте, этому всему видна причина...

ТАРТЮФЪ, (*вынимаетъ часы.*)

Теперь четвертый часъ, и даже половина....
Мнѣ нѣкогда, теперь къ вечернѣ я спѣшу
И извинить меня покорнѣйше прошу. (*уходитъ.*)

КЛЕАНТЪ.

А! а!.

—

II.

ЭЛЬМИРА, МАРІАННА, КЛЕАНТЪ, ДОРИНА.

ЭЛЬМИРА.

Ты къ стати здѣсь, чтобъ за нее вступиться.
Въ такой бѣдѣ на все намъ надобно рѣшиться.

Тартюфъ ей, не шутя, назначенъ женихомъ,
И ей объявлено объ этомъ ужъ отцомъ,
Онъ самъ сюда идетъ; но мы, во чтобъ ни стало,
При ослѣпленіи, какого не бывало,
Должны противъ него вооружиться всѣмъ;
Нельзя жъ, чтобъ мы его не тронули ни чѣмъ;
Онъ, какъ отецъ, имѣть къ ней долженъ состраданье.

—

III.

ТѢЖЕ, ОРГОНТЪ.

ОРГОНТЪ.

Тѣмъ лучше! очень радъ! здѣсь общее собранье.
(*Показывая Маріаннѣ свадебный контрактъ.*)
Вотъ то, что именно утѣшить всѣхъ должно
И, стало быть, меня понять немудрено.

МАРІАННА. (*Упадая къ ногамъ Оргонта.*)

Ахъ, батюшка! я васъ съ слезами умоляю!
Смягчитесь горестью, которой я страдаю!
Я знаю, что я быть покорною должна!..
И чувствую, что я къ несчастью рождена;
Но и несчастіе свою имѣетъ мѣру?..
И если мнѣ нельзя принадлежать Валеру,
У вашихъ ногъ прошу я милости одной:
Не будьте моего несчастія виной;
Уважьте вы мою любовь и послушанье
И къ бѣдной дочери явите состраданье!

ОРГОНТЪ.

Ну, полно же меня... къ мірскому преклонять.

МАРІАННА.

Я не мѣшаю вамъ Тартюфа обожать.
Осыпте вы его всей щедростью своею,
Прибавьте къ этому все то, что я имѣю,
Пусть все возьметъ, ни въ чемъ не прекословлю я...
Пусть только навсегда оставитъ онъ меня!
Пусть страшное свое намѣренье отложитъ,
И если васъ Вадеръ ни чѣмъ смягчить не можетъ...
Когда не суждено мнѣ выдти за него —
Клянусь, невыходить во вѣкъ ни за кого!

ОРГОНТЪ.

А! если такъ, то я нарочно не отстану-жъ.
Хорошъ отвѣтъ! я вѣкъ, дескать, невыйду замужъ!
Стыдись и встань. Когда жъ Тартюфъ тебѣ не милъ,

Такъ это знакъ, что нѣтъ въ тебѣ душевныхъ силъ,
Что чувственность свою ты умертвить не хочешь,
И вмѣсто, чтобъ спастись, о пустякахъ хлопочешь.

ДОРИНА.

Но барышня...

ОРГОНТЪ. (*Доринѣ.*)

А ты въ лакеской разсуждай,
А здѣсь, при мнѣ, молчи и рта не разѣвай!

КЛЕАНТЪ.

Такъ, стало быть, дошло до моего совѣта...

ОРГОНТЪ.

О, Боже мой! вы здѣсь всего умнѣе свѣта.
Я очень чувствую, какъ важенъ вашъ совѣтъ,
Но дѣло въ томъ, что мнѣ въ совѣтахъ нужды нѣтъ!

ЭЛЬМИРА.

Божусь, что ты меня приводишь въ удивленье,
Чѣмъ можно извинить такое ослѣпленье?
Неужли честь жены тебѣ недорога?

ОРГОНТЪ.

Нѣтъ, матушка, я вашъ покорнѣшій слуга!
Всѣхъ вашихъ хитростей открылася причина,
Но ты безпутнаго не оправдаешь сына.
И не безсовѣстно ль, для угожденья всѣхъ,
Всклѣпать на бѣднаго такой ужасный грѣхъ!
И словомъ, если бъ тутъ серьезное случилось,
Ты, вѣрно бы, не такъ за честь свою вступилась.

ЭЛЬМИРА.

Но если женщинѣ мужчина скажетъ вздоръ:
«Какъ страстно онъ въ нее влюбленъ! съ которыхъ поръ...
Какъ счастливъ тотъ, кому завлечь ее удастся!»
Такъ неужели съ нимъ царапаться и драться?
Что до меня, то я надъ этимъ лишь смѣюсь,
И обожателей нисколько не боюсь,
За тѣмъ, что завлекать привычки не имѣю,
И всякій разъ отъ нихъ отдѣлаться умѣю.

ОРГОНТЪ.

Чтобъ ни было, а я поставлю на своемъ.

ЭЛЬМИРА.

Но въ ослѣпленіи неслыханномъ твоемъ,
Что скажешь ты, когда Тартюфъ передъ тобою
Признается, что онъ серьезно занятъ мною.

ОРГОНТЪ.

Тартюфъ?

ЭЛЬМИРА.

Ну да, Тартюфъ.

ОРГОНТЪ.

Я не повѣрю ввѣкъ.
Опомнись грѣшница!

ЭЛЬМИРА.

Вотъ странный человѣкъ!
Пускай по твоему не справедливо это,
Но я хочу узнать и требую отвѣта,
Что скажешь ты, когда я это докажу?

ОРГОНТЪ.

Что я скажу? ну, я..... ни слова не скажу,
За тѣмъ, что это вздоръ.

ЭЛЬМИРА.

По чести, нѣтъ терпѣнья!
Но чтобы вывести тебя изъ заблужденья,
И чтобъ впередъ такимъ не вѣрилъ ты друзьямъ —
Я требую, чтобъ ты увидѣлъ это самъ.

ОРГОНТЪ.

Ты требуешь, чтобъ я увидѣлъ это самъ? Представьте!
Извольте, я готовъ, лишь случай мнѣ доставьте.

ЭЛЬМИРА.

Дорина, позови его.

ДОРИНА.

Но онъ хитеръ....
И врядъ ли повторитъ свой прежній разговоръ.

ЭЛЬМИРА.

О, нѣтъ! за это я ручаюся навѣрно.
(*Клеонту и Маріаннѣ.*) (*Доринѣ.*)
Оставьте насъ! — Поди-жъ и позови его!

—

IV.

ЭЛЬМИРА, ОРГОНТЪ.

ЭЛЬМИРА.

Подвинь же этотъ столъ и спрячься подъ него.

ОРГОНТЪ.

Подъ столъ!

ЭЛЬМИРА.

Ну, да. Чтожъ тутъ ужаснаго такого?

ОРГОНТЪ.

За чѣмъ же именно подъ столъ?

ЭЛЬМИРА.

Прошу — ни слова!
Ты долженъ слушаться меня. Что тутъ за споръ?
Ну, отправляйся же, а главный уговоръ:
Не помѣшать ему пуститься въ объясненья.

ОРГОНТЪ.

Ужъ такъ и быть, когда пошло на снисхожденья.
Изволь, ползу и радъ за правду умереть!

ЭЛЬМИРА.

А главное — къ женѣ довѣренность имѣть.
(*Оргонту, который подъ столомъ*)
Начало сдѣлано. Но чтобъ конца дождаться,
Ты приготовь себя ни чѣмъ не обижаться.
Чтобъ ни сказала я теперь — твоя вина,
Я къ этому самимъ тобой принуждена.
Я извиняюсь тѣмъ, что угождаю мужу;
Но чтобы вывести обманщика наружу,
Мнѣ должно не-хотя всѣ дерзости сносить
И натурально все позволить говорить.
Я отвѣчать ему принуждена невольно ....
Но если ты найдешь, что сказано довольно —
То, разумѣется, ты явишься какъ тутъ.
И вещи далѣе, надѣюсь, не пойдутъ.
Онъ слишкомъ смѣлъ, чтобъ съ нимъ играть влюбленной ролю
Ты можешь удержать его, или дать волю.
Ты это все, какъ мужъ, тотчасъ сообразишь,
И будешь тутъ сидѣть, покуда усидишь.
По счастію, до насъ недалека дорога....
Но онъ идетъ, — сиди-жъ, и тише, ради Бога!

—

V.

ТАРТЮФЪ, ЭЛЬМИРА, ОРГОНТЪ. (*Подъ столомъ.*)

ТАРТЮФЪ.

Вы присылать сейчасъ изволили за мной?

ЭЛЬМИРА.

Да, съ вами надобно остаться мнѣ одной;
Но, чтобы кто нибудь не подсмотрѣлъ за нами,
Пожалуйста, вы все кругомъ заприте сами.

(*Тартюфъ запираетъ двери и возвращается.*)

Тотъ шумъ, который здѣсь случился безъ меня,
Совсѣмъ не то.... чего бъ теперь желала я.
Дамисъ никакъ такихъ послѣдствій не предвидѣлъ:
Онъ натурально васъ ужасно разобидѣлъ.
И мнѣ немудрено вамъ было доказать,
Что всячески его старалась я унять,
И, признаюсь, за васъ я такъ перепугалась,
Что, наконецъ, сама невольно потерялась!
Но такъ-какъ говорятъ: нѣтъ худа безъ добра,
То, кажется, и намъ утѣшиться пора.
Мой мужъ безъ памяти влюбился въ васъ — и стало
Онъ васъ подозрѣвать не думаетъ ни мало,
А въ доказательство, приказываетъ мнѣ
Нарочно съ вами быть всегда наединѣ.
Мы оба, какъ жена и другъ, ему послушны,
И если точно вы ко мнѣ неравнодушны,
То, не смотря, что я послѣдствій трепещу...
Я, можетъ быть, за все охотно васъ прощу.

ТАРТЮФЪ.

Позвольте мнѣ.... придти въ себя отъ удивленья!
Но вы за часъ совсѣмъ другаго были мнѣнья.

ЭЛЬМИРА.

Ахъ! если разсердилъ васъ давишній отказъ,
Такъ видно женщины загадкою для васъ,
И вы не знаете, что этакъ защищаться,
Есть тоже самое, что въ слабости признаться.
Нельзя-жъ, чтобъ женщина на все рѣшилась вдругъ,
Нельзя-же ей въ своей любви признаться велухъ!
И страхъ, и мужъ.... во всемъ находишь затрудненье....
Но часто нашъ отказъ похожъ на позволенье.
Вотъ до чего для васъ забыться я могла!
Вы сами видите, я всемъ пренебрегла.
И если безъ стыда на это я рѣшилась,
Скажите мнѣ: къ чему за васъ-бы я вступилась?
Къ чему-бъ упрашивать Дамиса стала я,
Когда-бъ взаимность чувствъ не увлекла меня?
И, наконецъ, когда я свадьбѣ такъ мѣшала....
Не значитъ ли, что я васъ явно ревновала?
Не значитъ-ли: что вы мнѣ нравились самой,
И что я не могла васъ уступить другой!

ТАРТЮФЪ.

Такая искренность изъ вашихъ устъ прелестныхъ,
Прекраснѣе всѣхъ благъ и радостей небесныхъ!
Я чувствую.... что я восторгомъ упоенъ,
И въ небо, кажется, седьмое вознесенъ!
Вамъ нравиться—я чту небеснымъ воздаяньемъ
И вся душа говоритъ сладчайшимъ упованьемъ!
Но, между тѣмъ, могу-ль я счастливъ быть вполнѣ,
Когда вы, можетъ быть, польстили только мнѣ,
Чтобы завлечь меня взаимностью желанной....
И помѣшать моей женитьбѣ съ Маріанной?
И такъ, когда пошло на искренность у насъ,
То я подозрѣвать не перестану васъ,
Пока любовника, въ сомнѣніяхъ печальныхъ,
Вы не допустите до ласкъ первоначальныхъ!
И, положивъ конецъ сомнѣніямъ моимъ,
Докажете, что я существенно любимъ!

ЭЛЬМИРА. (*Кашляетъ, давая знакъ мужу*).

Ахъ, Боже мой! какъ вы безсовѣстно спѣшите:
Хоть нѣсколько мою вы скромность пощадите!

ТАРТЮФЪ.

Но если точно я и счастливъ, и любимъ,
Чтожъ можетъ помѣшать желаніямъ моимъ?

ЭЛЬМИРА.

Но вспомните, что вы насъ сами поучали,
Чтобъ мы ничѣмъ.... благихъ небесъ не оскорбляли.

ТАРТЮФЪ.

О! если небеса пугаютъ только васъ,
То я на этотъ счетъ васъ вразумлю тотчасъ,
И поученіемъ разсѣю страхъ напрасный.

ЭЛЬМИРА.

Но мужу измѣнить.... вѣдь это грѣхъ ужасный!

ТАРТЮФЪ.

Что до грѣховъ, то я ихъ знаю лучше всѣхъ;
Но мелочи смѣшно считать за тяжкій грѣхъ.
Конечно, многое достойно осужденья...
Но знаете.... на все есть мѣра снисхожденья.
Смотря по случаю, намъ надо привыкать
Своею совѣстью свободно управлять.
И можно-ль упрекнуть того дурнымъ дѣяньемъ,
Кто очищается сердечнымъ покаяньемъ?
Я въ этихъ правилахъ васъ скоро укрѣплю,—
И въ доказательство, какъ страсно васъ люблю,

Я на единаго себя беру свободно —
И зло, и грѣхъ, и все, что только вамъ угодно.
(*Эльмира кашляетъ еще сильнѣе*).
Какъ вы раскашлялись!

ЭЛЬМИРА.

Да, это безъ конца.

ТАРТЮФЪ.

Вамъ не угодно-ли кусочикъ леденца?

ЭЛЬМИРА.

Нѣтъ, кашлю моему онъ вѣрно не поможетъ.
Онъ такъ упрямъ и такъ давно меня тревожитъ....

ТАРТЮФЪ.

Какъ жаль!

ЭЛЬМИРА.

Да, у меня ужъ слезы на глазахъ!

ТАРТЮФЪ.

Я кончу тѣмъ, что вашъ смѣшонъ, по чести, страхъ,
Что наша связь и мнѣ оказанныя ласки
Не могутъ никакой подвергнутся огласкѣ.
Не зло, но явность зла намъ въ обществѣ вредитъ;
И что за грѣхъ.... когда тихонько кто грѣшитъ?

ЭЛЬМИРА. (*Кашляя, стучитъ по столу*)

Я чувствую, что я не въ силахъ защищаться,
Что я принуждена безъ отговорокъ сдаться,
Что убѣжденіямъ здѣсь вѣрить не хотятъ
И, наконецъ, на все рѣшиться мнѣ велятъ.
Вы согласитеся, что это слишкомъ больно,
Но если женщина увлечена неволно,
И тотъ, кого она предпочитаетъ всѣмъ,
Не убѣждается, къ несчастію, ничѣмъ,
Рѣшительно ее склоняетъ къ послушанью,
То надобно-жъ его покорствовать желанью.
Повиновеніе есть общій нашъ удѣлъ.
Не тотъ-ли виноватъ, кто этого хотѣлъ?
Я за послѣдствія себя не обвиняю!

ТАРТЮФЪ.

Помилуйте, за все одинъ я отвѣчаю!...

ЭЛЬМИРА.

Но я боюсь, чтобъ насъ подслушать кто не могъ,
И какъ нибудь мой мужъ меня не подстерегъ.

ТАРТЮФЪ.

Какъ эти мелочи вамъ въ голову приходятъ!
Вѣдь онъ изъ тѣхъ, кого свободно за носъ водятъ:
Простой, смѣшной, полуослѣпшій человѣкъ
И нашъ покорнѣйшій слуга на цѣлый вѣкъ!

ЭЛЬМИРА.

Чтобъ ни было, но мнѣ простительно бояться,
Намъ надо всякаго теперь остерегаться.
Пожалуйста, на все взгляните поскорѣй,
Гдѣ кто... и нѣтъ ли здѣсь шпіоновъ у дверей.

—

VI.

ОРГОНТЪ, ЭЛЬМИРА.

ОРГОНТЪ. (*вылѣзая изъ-подъ стола*).

Ну, подѣломъ меня Ты покаралъ, Создатель!
Теперь-то я узналъ каковъ благопріятель!

ЭЛЬМИРА.

А! наконецъ и ты къ намъ выползъ со стыдомъ,
Къ чему жъ спѣшить? тебѣ сидѣть бы подъ столомъ,
Увеселяться бы невиннымъ объясненьемъ
И ожидать конца съ стоическимъ терпѣньемъ.

ОРГОНТЪ.

Нѣтъ! злѣе ничего самъ адъ не произвелъ!

ЭЛЬМИРА.

Неужли жъ это ты достаточнымъ нашелъ?
Ты бъ подождалъ, пока-бъ все совершенно ясно...
И для чего жъ людей подозрѣвать напрасно?

(*Услыша шумъ, Эльмира прячетъ Оргонта позади себя*).

—

VII.

ТАРТЮФЪ, ЭЛЬМИРА, ОРГОНТЪ.

ТАРТЮФЪ. (*не видя Оргонта*).

И люди, и судьба споспѣшествуютъ намъ!

Все пусто, я кругомъ пересмотрѣлъ все самъ
И, наконецъ, въ любви своей трикратъ счастливый...

(*Въ то время, какъ Тартюфъ устремляется съ распростертыми объятіями, Эльмира отходитъ и онъ видитъ Оргонта.*)

ОРГОНТЪ. (*удерживая Тартюфа*)

Нельзя ли подождать... О мужъ благочестивый!
Нельзя ли прохладить любовный твой восторгъ!
Ты проповѣдывалъ мнѣ христіанскій долгъ:
Я награждалъ тебя дочерниной рукою...
А ты волочишься здѣсь за моей женою!
Ахъ, ты злодѣй! такъ вотъ смиреніе твое!
Ты этакъ-то скрывалъ предательство свое!
И я глупецъ, и я такому вѣрилъ плуту!
Но кончено — и съ глазъ долой сію минуту!

ЭЛЬМИРА.

Я васъ изобличить была принуждена,
Онъ этого хотѣлъ..... а я его жена!

ТАРТЮФЪ. (*Оргонту*).

И вы повѣрите?..

ОРГОНТЪ.

И батюшка, напрасно!
Прошу скорѣе вонъ и это очень ясно.

ТАРТЮФЪ.

Мое намѣренье?..

ОРГОНТЪ.

Ни слова, чортъ возьми!
И разсуждать себѣ ты можешь за дверьми.
(*въ сторону*).
Нѣтъ, я по горло сытъ его проповѣдями!
И, выгнавъ изъ дому, не знаюся съ ханжами.

ТАРТЮФЪ.

Не я, скорѣй ты самъ изъ дома выйдешь вонъ,
Онъ мнѣ принадлежитъ, и если принужденъ
Доказывать свои права и справедливость,
То скоро усмирю я дерзкую кичливость.
И пусть, когда меня оклеветать хотятъ,
Рѣшитъ правительство: кто правъ, кто виноватъ!
И силой, наконецъ, того пусть обуздаетъ,
Кто небеса своимъ пронырствомъ оскорбляетъ!

—

VIII.

ЭЛЬМИРА, ОРГОНТЪ.

ЭЛЬМИРА.

Ахъ, Боже мой! за что онъ такъ тебѣ грозитъ?

ОРГОНТЪ.

Пропало все—и я рѣшительно убитъ!

ЭЛЬМИРА.

Но отъ чего жъ?..

ОРГОНТЪ.

Теперь всего лишиться должно,
И что укрѣплено, оспорить невозможно.

ЭЛЬМИРА.

Да что жъ ты укрѣпилъ ему?

ОРГОНТЪ.

Ахъ, этотъ домъ!
И къ этому еще забочусь о другомъ... ..

ЭЛЬМИРА.

Объ чемъ же?

ОРГОНТЪ.

Поспѣшимъ: у этого бродяги!
Ключи и всѣ мои секретныя бумаги!

—

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

—

I.

КЛЕАНТЪ, ОРГОНТЪ.

КЛЕАНТЪ.

Куда же ты бѣжишъ?

ОРГОНТЪ.

Не знаю самъ!

КЛЕАНТЪ.

Постой!
Скорѣй подумаемъ, какъ съ этою бѣдой
Намъ справиться,—и нѣтъ ли средства на примѣтѣ...

ОРГОНТЪ.

Бумаги эти мнѣ всего дороже въ свѣтѣ:
Съ потерей ихъ и мнѣ спастись надежды нѣтъ.

КЛЕАНТЪ.

Въ нихъ важный, стало быть, скрывается секретъ?

ОРГОНТЪ.

Мнѣ ввѣрилъ ихъ Аристъ, какъ истинному другу,
Подъ клятвою, чтобъ я взялся ему въ услугу
Ихъ сохранить, пока не будетъ онъ прощенъ.
И съ тайной этою, къ несчастью, сопряженъ
Его побѣгъ — и все открыто преступленье!

КЛЕАНТЪ.

И ты, бездѣльнику, ихъ далъ на сохраненье?

ОРГОНТЪ.

Онъ, какъ змѣя, въ меня впился—и все узналъ,
Сначала разбранилъ, потомъ разцѣловалъ,
И всѣхъ угодниковъ поставя мнѣ въ поруки,
Всѣ тайныя мои бумаги прибралъ въ руки.
За тѣмъ, какъ увѣрялъ, вотъ видишь ли, чтобъ я
Могъ побожится бы, что нѣтъ ихъ у меня.
И укорялъ еще меня за боязливость,
Подложной клятвою прикрыть несправедливость.

КЛЕАНТЪ.

Мнѣ очень жаль тебя, но, впрочемъ, подѣломъ.
Твоя довѣренность и подаренный домъ
Конечно, всякаго достойны наказанья,
И противъ этого нѣтъ даже оправданья.
Ты съ помощью его—пошелъ бы далеко.
Что перепорчено, поправить не легко.
И чтобъ не повернулъ онъ въ сторону дурную,
Тутъ средство лучшее — пойти на міровую.

ОРГОНТЪ.

Ахъ! кто бъ вообразилъ, что этотъ постный взглядъ
Скрываетъ дьявола, который тащитъ въ адъ?
И я дарю,—и я предъ плутомъ унижаюсь!
Нѣтъ, кончено, отъ всѣхъ на свѣтѣ отрѣкаюсь!
Клянуся убѣгать и добрыхъ, и дурныхъ,
И дьяволомъ смотрѣть на каждаго изъ нихъ!

КЛЕАНТЪ.

Не горячись, оставь запальчивость пустую!
Смѣшно переходить изъ крайности въ другую.
Согласенъ, что тебя онъ плутовски поддѣлъ,

Но кто жъ безъ промаха?... ошибки — нашъ удѣлъ!
Умѣй въ наклонностяхъ держаться середины,
На уваженіе людей имѣй причины;
Страшись ханжей, но будь съ почтеньемъ справедливъ
Къ тому, кто истинно въ душѣ благочестивъ.

—

II.

ОРГОНТЪ, КЛЕАНТЪ, ДАМИСЪ.

ДАМИСЪ.

Ахъ, батюшка! я все, къ несчастію, предвидѣлъ.
Бездѣльникъ, наконецъ, васъ явно разобидѣлъ.
Онъ благодарности незнаетъ никакой
И угрожаетъ вамъ ужасною бѣдой!

ОРГОНТЪ.

И подѣломъ! зачѣмъ ввѣряться было плуту!

ДАМИСЪ.

Позвольте-жъ мнѣ убить его сію минуту!
Нельзя же дерзости такой не усмирить?
Не мой ли долгъ за васъ бездѣльнику отмстить?
Я кровію его заглажу оскорбленье!

КЛЕАНТЪ. (*Дамису.*)

Двадцатилѣтнѣе, мой милый, разсужденье!
Ты самъ правительству, какъ всякій, подчиненъ.
Гдѣ власть строга и гдѣ ненарушимъ законъ,
Самоуправство тамъ къ добру насъ не приводитъ.

—

III.

ТѢЖЕ, Г-ЖА ПЕРНЕЛЬ, ЭЛЬМИРА, МАРІАННА, ДОРИНА.

Г-ЖА ПЕРНЕЛЬ.

Ахъ, батюшки! что здѣсь, скажите происходитъ?

ОРГОНТЪ.

Я этимъ услужить могу всѣхъ лучше вамъ.
И отъ бѣздѣльника вотъ благодарность намъ!
Вы знаете, что я беру его безъ гроша,
Кормлю, пою, меня боготворитъ святоша,

Все дѣлаю, ему усердствую во всемъ,
Женю на дочери, свой укрѣпляю домъ,
И чтобъ вы думали?.. ругаясь надо мною,
Онъ явно за моей волочится женою!
Но мало этого, за собственной мой стыдъ,
За все мое добро меня же онъ винитъ
Въ какомъ-то проискѣ и подломъ, и лукавомъ,
Гордится, воровски пріобрѣтеннымъ правомъ,
И изъ дому, куда, какъ нищій, приведенъ,
Насъ нищими самихъ грозится выгнать вонъ!

ДОРИНА.

Бѣдняжка!

Г-ЖА ПЕРНЕЛЬ.

Кто? Тартюфъ? въ умѣ ли ты, помилуй!
Ахъ, Господи! да я опомнилась насилу!

ОРГОНТЪ.

Да кто-жъ другой?

Г-ЖА ПЕРНЕЛЬ.

Повѣрь, что онъ не изъ такихъ...

ОРГОНТЪ.

Помилуйте! и что мнѣ въ росказьняхъ пустыхъ!

Г-ЖА ПЕРНЕЛЬ.

А то, что многіе, и даже между нами,
Заявлены его открытыми врагами.

ОРГОНТЪ.

Но у меня своихъ достаточно причинъ.

Г-ЖА ПЕРНЕЛЬ.

Съ ребячества твердила я, мой сынъ,
Что добродѣтельный всегда претерпѣваетъ,
Что злые мрутъ, но зло во вѣкъ не умираетъ.

ОРГОНТЪ.

Ахъ, Боже мой! да я вамъ разсказалъ.....

Г-ЖА ПЕРНЕЛЬ.

Не первый онъ, кого завистникъ оболгалъ.

ОРГОНТЪ.

Но я все слышалъ самъ обѣими ушами.

Г-ЖА ПЕРНЕЛЬ.

Ахъ! добрый окруженъ всегда клеветниками!

ОРГОНТЪ.

Побойтесь, наконецъ, хоть Бога самаго...
Я самъ свидѣтелемъ былъ наглости его.

Г-ЖА ПЕРНЕЛЬ.

Мой другъ! я знаю свѣтъ и ненависть людскую:
Все можно въ сторону оборотить дурную.

ОРГОНТЪ.

Послушайте-жъ, еще я повторяю вамъ:
Я видѣлъ это самъ, вы слышете ли, самъ,
Самъ видѣлъ, видѣлъ все, смотрѣвши въ оба глаза...
И отъ другаго я прошу уволить раза.

Г-ЖА ПЕРНЕЛЬ.

Какой вѣдь глазъ... иной бываетъ не хорошъ:
Наружностъ, говорятъ, обманываетъ сплошъ.

ОРГОНТЪ.

Нѣтъ, я взбѣшусь!

Г-ЖА ПЕРНЕЛЬ.

Повѣрь, мы склонны къ подозрѣньямъ;
Но первымъ слѣдовать не должно впечатлѣньямъ.

ОРГОНТЪ.

Чему-жъ мнѣ слѣдовать прикажете, когда
Онъ хочетъ цѣловать жену мою?

Г-ЖА ПЕРНЕЛЬ.

Тогда
Ты у разсудка бы спроситься могъ совѣта
И надо посмотрѣть, чѣмъ кончилось бы это.

ОРГОНТЪ.

Ну, послѣ этаго простите за вину!

Г-ЖА ПЕРНЕЛЬ.

И кто бъ не обласкалъ пріятеля жену?
Но я торжественно клянусь: что все пустое,
И что его ничто несоблазнитъ мірское.

ОРГОНТЪ.

И я клянусь: когда бъ да не родная мать....
Я былъ бы принужденъ чортъ знаетъ что сказать!

ДОРИНА. (*Оргонту*).

Вотъ видите, всему порука круговая:
Не вѣрили, и вамъ не вѣритъ здѣсь другая.

КЛЕАНТЪ.

Ну, полноте шумѣть объ этихъ пустякахъ,
Намъ лучше о своихъ похлопотать дѣлахъ;
Съ бездѣльникомъ теперь быть должно осторожнымъ.

ДАМИСЪ.

Я мщеніе его считаю невозможнымъ.

ЭЛЬМИРА.

Мнѣ кажется, что тамъ защита не нужна,
Гдѣ терпитъ истина и подлость такъ видна.

КЛЕАНТЪ.

Не безпокойтеся. Онъ пустится на штуки,
И если безъ суда не приберетъ все въ руки,
То тяжбу заведетъ, и мнѣ ужасно жаль,
Что завязалося все это слишкомъ вдаль.
И если онъ въ рукахъ имѣетъ всѣ доводы...
Сидѣть-бы у моря тебѣ и ждать погоды.

ОРГОНТЪ.

Но могъ-ли я, скажи, при наглости такой
Считать себя—его покорнѣйшимъ слугой!

КЛЕАНТЪ.

Тутъ право лучшее,—чтобъ справиться съ бѣдою
Сыскать посредника и кончить мировою.

ЭЛЬМИРА.

Ахъ! этакихъ хлопотъ не ожидалъ никто.
И я бы ссорить ихъ не стала ни за что.

ОРГОНТЪ. (*Доринѣ, увидя входящаго г. Лояля*).

А это кто? спроси, за чѣмъ? Я какъ убитый....
И мнѣ теперь ничьи не надобны визиты.

—

IV.

ТѢЖЕ, Г. ЛОЯЛЬ.

ЛОЯЛЬ. (*Доринѣ, въ глубинѣ театра*).

Гдѣ, ангелъ мой, скажи, твой добрый господинъ?
Мнѣ очень нужно-бы....

ДОРИНА.

Да онъ здѣсь не одинъ,
И васъ, я думаю, теперь принять не можетъ.

ЛОЯЛЬ.

Мое присутствіе его не потревожитъ.

ДОРИНА.

Да какъ объ васъ сказать?

ЛОЯЛЬ.

Ты доложи ему:
Что господинъ Тартюфъ по дѣлу одному
Прислалъ меня.

ДОРИНА.

Какъ онъ обходится учтиво.
(*Оргонту*).
Его прислалъ Тартюфъ—и если справедливо,
Онъ васъ порадуетъ.

КЛЕАНТЪ.

О! надобно узнать,
За чѣмъ-то онъ его изволилъ къ намъ прислать?

ОРГОНТЪ. (*Клеанту.*)

Повѣришь-ли, боюсь, чтобъ снова не взбѣситься,
Онъ вѣрно присланъ съ тѣмъ, чтобъ съ нами помириться.

КЛЕАНТЪ.

Пожалуйста, умѣрь свой гнѣвъ и все узнай:
И такъ, какъ водится, его ты обласкай!

ЛОЯЛЬ.

Осмѣлюсь изъявить нижайшее почтенье:
Пошли вамъ Господи свое благоволенье!

ОРГОНТЪ. (*Тихо Клеанту*).

Ты слышишь-ли? Вѣдь я серьезно отгадалъ:
Онъ именно его мириться подослалъ.

ЛОЯЛЬ.

Мнѣ былъ начальникомъ покойный вашъ родитель, —
Отличный человѣкъ и рѣдкой покровитель!

ОРГОНТЪ.

Отмѣнно радъ; но я желалъ бы, между тѣмъ,
Узнать, кто вы и къ намъ явилися за чѣмъ?

ЛОЯЛЬ.

Къ услугамъ общества — я человѣкъ присяжный
И занимаю постъ, подчасъ довольно важный:
Моя обязанность имѣнья брать въ арестъ.
Я, такъ сказать, агентъ правительственныхъ мѣстъ
И потому-то къ вамъ явился съ объявленьемъ,
Что вамъ чужимъ нельзя распоряжать имѣньемъ

ОРГОНТЪ.

Такъ ты....

ЛОЯЛЬ.

Я васъ, сударь, уважилъ-бы всегда,
Но чтобы сократить дистанцію суда....

ОРГОНТЪ.

Чтобъ выгнать вонъ меня?

ЛОЯЛЬ.

Везъ всякихъ отговорокъ.
Мнѣ личный вашъ покой неоцѣненно дорогъ!
Но этотъ домъ теперь принадлежитъ не вамъ,
И вотъ тотъ декументъ, которой лично самъ
Мнѣ ввѣрилъ господинъ Тартюфъ—для предъявленья.

ДАМИСЪ.

Какая подлость брать такія порученья.

ЛОЯЛЬ. (*Дамису*).

Вамъ до меня, сударь, нисколько дѣла нѣтъ.
Вы слишкомъ молоды, а я ужъ сорокъ лѣтъ
Служу, какъ видите, и такъ благонамѣренъ,
Что вѣрно господинъ Оргонтъ во мнѣ увѣренъ.

ОРГОНТЪ.

Ахъ, ты....

ЛОЯЛЬ.

Усерднѣйше желая вамъ добра,
Я соглашаюся отсрочить до утра.
А въ ночь вы можете все уложить свободно,
Чтобъ съ Богомъ выбраться потомъ, куда угодно.

ОРГОНТЪ.

Ахъ, ты наглецъ! да ты бъ меня благодарилъ,
Что я до этихъ поръ тебя не задушилъ!

КЛЕАНТЪ. (*удерживая Оргонта*).

Оставь!

ДАМИСЪ.

Что до меня, я не спущу злодѣю.

ДОРИНА.

Я просто бы ему наколотила шею.

ЛОЯЛЬ.

Угрозы, господа, къ добру не приведутъ.
(*Доринѣ*).
И женщинъ отдавать позволено подъ судъ.

КЛЕАНТЪ. (*Лоялю*).

Ну полноте-жъ. Къ чему такое нетерпѣнье
И завтра наше мы окончимъ объясненье.

ЛОЯЛЬ. (*уходя*).

Даруй вамъ, Господи, и мира, и щедротъ!

ОРГОНТЪ.

Посланникъ сатаны, пусть чортъ тебя возметъ!

—

V.

ТѢЖЕ, КРОМѢ ЛОЯЛЯ.

ОРГОНТЪ.

Ну, матушка! вотъ вамъ обращики смиренья,
Вотъ вамъ Тартюфъ, вотъ вамъ мірскія заблужденья.
Теперь, вы можете, судить объ остальномъ.
Что жъ вы задумались? что жъ скажете объ немъ?
Какъ эта выходка его вамъ полюбилась?..

Г-ЖА ПЕРНЕЛЬ.

Ахъ! подо мной земля едва не раступилась!

ДОРИНА.

По моему, Тартюфъ ни въ чемъ не виноватъ.
Богатымъ никогда спасенья не сулятъ,
А онъ, чтобъ вы спаслись безъ всякаго сомнѣнья,
Все обобралъ у васъ для вашего жъ спасенья.

ОРГОНТЪ.

Молчи! тебѣ сто разъ приказано молчать!

КЛЕАНТЪ.

Я думаю... и самъ не знаю, что начать!

ЭЛЬМИРА.

Ахъ, братецъ! поспѣши быть нашею защитой,
Онъ угрождаетъ намъ погибелью открытой,
Ты подлости его изобличишь тотчасъ,
И вѣрно истина заступится за насъ.

—

VI.

ТѢЖЕ, ВАЛЕРЪ.

ВАЛЕРЪ. (*Оргонту*).

Я долженъ васъ сразить извѣстіемъ ужаснымъ!
Вамъ оставаться здѣсь становиться опаснымъ.
Одинъ мой другъ, примѣръ всѣмъ истиннымъ друзьямъ,

Увѣренный въ моей привязанности къ вамъ,
И, можетъ быть, на все рѣшившійся для дружбы,
Открылъ мнѣ, вопреки обязанностей службы,
Что вы задержаны здѣсь будете тотчасъ,
И что одинъ побѣгъ спасти лишь можетъ васъ,
Безсовѣстный Тартюфъ, за все благотворенье,
Дерзнулъ васъ обвинить въ какомъ-то преступленьи.
Онъ самъ предъ королемъ васъ лично очернилъ,
И ваши тайныя бумаги предъявилъ.
Мнѣ неизвѣстно ихъ осталось содержанье,
Но, между тѣмъ, Тартюфъ имѣетъ приказанье
Васъ задержать, сразить предательствомъ своимъ,
И отъ правительства нарочный посланъ съ нимъ.

КЛЕАНТЪ.

Вотъ средство подлое своей достигнуть цѣли!
Я вижу происки здѣсь все преодолѣли.

ОРГОНТЪ.

О Боже мой! и громъ его не разразитъ!

ВАЛЕРЪ.

Минута каждая вамъ гибелью грозитъ,
Спасенье дорого, а времени немного.
Я приготовилъ все, насъ ждутъ — и ради Бога,
Воспользуйтесь, пока открыты вамъ пути.
Одна рѣшительность васъ можетъ лишь спасти.
Есть средство, поспѣшимъ, я ѣду вмѣстѣ съ вами,
И буду обо всемъ увѣдомленъ друзьями.

ОРГОНТЪ.

Я васъ благодарить не въ силахъ на словахъ,
И вмѣсто словъ — однѣ лишь слезы на глазахъ.
Дай Богъ! чтобъ нѣкогда я самъ былъ въ состояньи
Воздать за дружбу вамъ и ваше состраданье!
Прощайте-же! — (*Клеанту*) А ты....

КЛЕАНТЪ.

Мы, кажется, родня,
И смѣло положись во всемъ здѣсь на меня.

—

VII.

ТѢЖЕ, ТАРТЮФЪ и ПОСЛАННЫЙ.

ТАРТЮФЪ. (*Останавливая Оргонта.*)

Куда, сударь, влекутъ васъ суетности міра?
Вамъ приготовлена другая здѣсь квартира.
Вы арестантъ, и мы должны васъ задержать.

ОРГОНТЪ.

Ты, наконецъ, умѣлъ достойно мнѣ воздать!
Но торжествуй, когда я ввѣрился обману....
И ты, злодѣй, нанесъ смертельную мнѣ рану!

ТАРТЮФЪ.

Вы можете кричать, пока вамъ надоѣстъ;
Но я привыкъ нести долготерпѣнья крестъ!

КЛЕАНТЪ.

Да, воздержаніе въ васъ было очень видно!

ДАМИСЪ.

И какъ онъ вѣрою ругается безстыдно!

ТАРТЮФЪ.

Смѣшно, чтобъ дерзостью обидѣться тотъ могъ,
Кто надъ преступникомъ свой исполняетъ долгъ.

МАРІАННА.

Но вѣрно душу тотъ имѣетъ очень злую,
Кто принялъ на себя обязанность такую!

ТАРТЮФЪ.

Чтобъ вы ни думали — но что поручено
Правительствомъ, всегда уважиться должно.

ОРГОНТЪ.

Хоть вспомни то, что ты, ни гроша не имѣя,
Пришелъ ко мнѣ — и ктожъ обогатилъ злодѣя?

ТАРТЮФЪ.

Я нашихъ не забылъ отнюдь, сударь, связей;
Но власть правительства важнѣе всѣхъ друзей.
Я преданъ ей, какъ сынъ усерднѣйше подвластный:
Для пользы общества—пренебрегаю частной,
И нѣтъ связей, и нѣтъ упрековъ, ни угрозъ,
Которыхъ бы ему я въ жертву не принесъ.

ЭЛЬМИРА.

Вотъ лицемѣръ!

ДОРИНА.

Что онъ плутуетъ — это ясно,
А вѣдь послушаешь, такъ говоритъ прекрасно!

КЛЕАНТЪ.

Но если доказать стараетесь вы намъ
О вашемъ истинномъ усердіи къ властямъ,
То для чего жъ оно таилося, покуда
Васъ, какъ бездѣльника, не выгнали отсюда?
Вы прежде бы открыть могли его вину,
Да дѣло въ томъ, что вы влюбилися въ жену;
И что молчать — свои расчеты находили,
И если твердо вы себѣ предположили

Изобличить его въ измѣнѣ предъ судомъ,
Къ чему жъ вы приняли въ подарокъ этотъ домъ?

ТАРТЮФЪ. (*Посланному.*)

Ихъ усмирить, сударь, есть просто невозможность,
И потому прошу исполнить вашу должность

ПОСЛАННЫЙ.

Ты кстати, наконецъ, напомнилъ мнѣ объ ней.
Такъ, надобно воздать виновному скорѣй.
Я нетерпѣніе твое сейчасъ уважу.....
И перваго тебя, злодѣй, беру подъ стражу.

ТАРТЮФЪ.

Меня, за чтожъ?

ПОСЛАННЫЙ.

Спросись у совѣсти — а я
По волѣ дѣйствую пославшаго меня.

(*Оргонту.*)

Вы успокойтеся. Король нашъ вамъ защитникъ!
Онъ подлой клеветы первѣйшій ненавистникъ.
Ни въ комъ, ни для кого *онъ* непотерпитъ зла;
Предъ *нимъ* открыты всѣ и мысли, и дѣла;
За истину *ему* не надобно ручательствъ,
Онъ вѣритъ не словамъ, но ищетъ доказательствъ.
По мѣрѣ ихъ, *онъ* насъ и судитъ, и хранитъ,
И подлый льстецъ *его* во вѣкъ не ослѣпитъ,
Къ *нему*-то лицемѣръ явился съ вашей тайной
И почиталъ ее услугой чрезвычайной;
Но, несмотря, какъ вашъ проступокъ ни великъ,
Король тотчасъ его предательство проникъ.
Безчестіемъ — себя изобличилъ безчестный,
Дѣла его давно правительству извѣстны —
И надъ преступникомъ законъ неумолимъ.
Я между тѣмъ, сударь, нарочно присланъ съ нимъ,
Чтобы увѣриться вполнѣ въ его злодѣйствѣ,
Чтобъ счастье водворить въ отчаянномъ семействѣ
И вамъ — великую щедроту объявить:
Онъ повелѣлъ вамъ все имѣнье возвратить,
И васъ за прежнюю, отличную заслугу
Прощаетъ въ томъ, въ чемъ вы способствовали другу.

ОРГОНТЪ.

Возможно-ли! Ахъ, я за милости его,
За короля — пойду на чорта самаго!

ДОРИНА.

Да здраствуетъ *Король!*

Г-ЖА ПЕРНЕЛЬ.

Я снова оживаю!

ЭЛЬМИРА.

Вотъ счастіе!

ПОСЛАННЫЙ.

Его я съ вами раздѣляю.
Но должность мнѣ велитъ отправиться скорѣй.
Прощайте-же! (*Тартюфу*). А ты, за мной!

ОРГОНТЪ. (*Тартюфу*).

А, а, злодѣй!

—

VIII.

ТѢЖЕ, КРОМѢ ТАРТЮФА И ПОСЛАННАГО.

КЛЕАНТЪ. (*Удерживя Оргонта*).

Оставь, и всѣ, всѣ господа за мною
Къ стопамъ того — кто здѣсь всего добра виною!

АРХИПЪ ОСИПОВЪ,

или

РУССКАЯ КРѢПОСТЬ.

Современная военная быль, въ одномъ дѣйствіи, съ куплетами и пѣснями.

Ѳедора Кони.

—

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

СЛУХОВОЙ, капитанъ, начальникъ Михайловскаго укрѣпленія.
ВЬЮНКОВЪ, юнкеръ.
ПРЫТКОЙ, фельдфебель.
АРХИПЪ ОСИПОВЪ, рядовой Тенгинскаго полка.
МИШКА ЛОПАТА, полковой сказочникъ.
ЧАСОВОЙ.
ПАРЛАМЕНТЕРЪ, горецъ.
ЗАМѢТНЫЙ } рядовые.
БАШЛЫКИНЪ }

Дѣйствіе въ Михайловскомъ укрѣпленіи, на Кавказѣ, въ 1840 году.

—

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ВЪ ПОЯСНЕНІЕ.

—

Эта маленькая драма, основанная на истинно патріотическомъ подвигѣ русскаго солдата и написанная шесть лѣтъ тому назадъ, заимствована изъ событія, совершившагося весною 1840 года, на Кавказѣ. Идея ея принадлежитъ исторіи; только ходъ событія я позволилъ себѣ изложить такъ, какъ рисавало мнѣ воображеніе и какъ требовали законы сцены. Аргументомъ мнѣ послужилъ слѣдующій приказъ г. Военнаго Министра, отданный 8-го ноября 1840 года и напечатанный въ «Русскомъ Инвалидѣ »

«Устроенныя на восточномъ берегу Чернаго моря укрѣпленія, основан-«ныя для прекращенія грабежей, производимыхъ обитающими на томъ бе-«регу черкесскими племенами, и въ особенности для уничтоженія гнус-«наго ихъ промысла — торга невольниками, въ продолженіе весны нынѣш-«няго года подверглись непрерывнымъ со стороны ихъ нападеніямъ. Вы-«бравъ это время, въ которое береговыя укрѣпленія, по чрезвычайной «трудности сообщенія, ни оттуда не могли получить помощи, горцы устре-«мились на оныя со всѣми своими силами. Но въ ожесточенной борьбѣ съ «горстью русскихъ воиновъ, они встрѣчали вездѣ самое мужественное сопро-«тивленіе и геройскую рѣшимость пасть до послѣдняго человѣка въ оборонѣ «ввѣренныхъ имъ постовъ. Гарнизоны всѣхъ этихъ укреплѣній покрыли себя «незабвенною славою. Изъ нихъ въ особенности гарнизонъ укрѣпленія *Ми-«хайловскаго»* явилъ примѣръ рѣдкой неустрашимости, непоколебимаго му-«жества и самоотверженія. Состоя изъ *пятисотъ* только человѣкъ подъ «ружьемъ, онъ, въ продолженіе двухъ часовъ, выдерживалъ самое очаян-«ное нападеніе *свыше одинадцати тысячъ* горцевъ, внезапно окружившихъ «укрепленіе; нѣсколько разъ отбивалъ ихъ и принуждалъ къ отступленію. «Но когда, наконецъ, потерявъ въ жестокомъ бою большую часть людей, «гарнизонъ не видѣлъ уже возможности противустоять непріятелю, въ двад-«цать разъ его сильнѣйшему, онъ рѣшился взорвать пороховой погребъ и «погибнуть вмѣстѣ съ овладѣвшими укрѣпленіемъ горцами. На подвигъ этотъ, «по собственному побужденію, вызывался рядовой Тенгинскаго пѣхотнаго «полка, *Архипъ Осиповъ*, и мужественно привелъ его въ исполненіе. Обре-«кая себя на столь славную смерть, онъ просилъ только товарищей *помнить «его дѣло*, если кто либо изъ нихъ останется въ живыхъ. — Это желаніе Оси-«пова исполнилось. Нѣсколько человѣкъ храбрыхъ его товарищей, уцѣ-«лѣвшихъ среди общаго разрушенія и погибели, сохранили его завѣтъ «и вѣрно его передали. — Государь Императоръ почтилъ заслуги доблест-«ныхъ защитниковъ Михайловскаго укрѣпленія въ оставленныхъ ими семей-«ствахъ. Для увѣковѣченія же памяти о достохвальномъ подвигѣ рядоваго «Осипова, *который семейства не имѣлъ*, Его Императорское Величество «Высочайше повелѣть соизволилъ: сохранить навсегда имя его въ спис-«скахъ 1-й гренадерской роты Тенгинскаго пѣхотнаго полка, считая его «первымъ рядовымъ, и на всѣхъ перекличкахъ, при спросѣ его имени, «первому отвѣчать: *Погибъ во славу русскаго оружія въ Михайловскомъ «укрѣпленіи.»*

—

АРХИПЪ ОСИПОВЪ.

—

Главная площадка въ укрѣпленіи. Въ глубинѣ домъ крѣпостнаго начальника. За нимъ стѣна, которая наискось прикрываетъ и лѣвую сторону сцены. Налѣво крѣпостные ворота. На углу равелинъ съ сторожевою башнею. На валу пушки и часовые. Направо, у казармъ, гауптваха.—Праздникъ.—Солдаты въ разныхъ группахъ на сценѣ. Съ одной стороны кружокъ пѣсенниковъ и передъ ними Осиповъ *запѣвалою. Съ другой, иные играютъ въ орлянку, иные чистятъ аммуницію, другіе разговариваютъ. — Вдали горы; на небѣ взошелъ полумѣсяцъ. Вечеръ.—* Слуховой, *у открытаго окна, читаетъ книгу.* Вьюнковъ, *направо, въ самомъ углу, сидитъ и что-то пишетъ на клочкѣ бумаги, по временамъ задумываясь, и съ досадою притопывая ногою.* (*)

—

Хоръ пѣсенниковъ.

Ай! дорожка въ полѣ,
Безъ песку, безъ пыли,
Волей, иль неволей
Тебя проторили?
Рекрутъ ли родную
Покидалъ сторонку,
Шелъ на-пропалую
За полкомъ въ погонку?...
Али, можетъ статься,
Солнце какъ заходитъ....
Съ красной повидаться
Ловкій парень бродитъ?

ЛОПАТА, (*плюетъ*). Тьфу, ты пропасть! Съ лѣвой сторо-

(*) Декорація эта, какъ мы сами знаемъ, во многомъ невѣрна дѣйствительности, но условія сцены, для ясности и полноты дѣйствія, требовали этихъ ничтожныхъ измѣненій, въ которыхъ насъ, вѣроятно, проститъ каждый читатель, коротко знакомый съ кавказскими горными укрѣпленіями.

ны увидалъ луну! Да еще татарскую! Тьфу! тьфу! Не къ добру, чортъ возьми!

ОСИПОВЪ. Ахъ ты... голова въ аммуниціи! Видно у тебя мозгъ-отъ мѣлкомъ не подчищенъ, а еще въ усахъ фабренныхъ ходитъ! И мѣсяцъ-то Божій ему не сруки! А все отъ черкеса, братцы! Какъ онъ его шарахнулъ по затылку, такъ ему съ тѣхъ поръ и луна-то все шашкой мерещится!... А ты знай, не ворочайся задомъ къ непріятелю... Вишь, онъ, даромъ, что татарское отродье, а вѣжливость любитъ! (*Солдаты смѣются*).

ЛОПАТА. Ну, ужъ ты краснобай—Трифанычъ! Распустилъ поводья.... пошелъ языкомъ квасъ затирать.

ОСИПОВЪ. Нашъ братъ на томъ стоитъ: ужъ затремъ подчасъ кваску, такъ иной и захлебнется. Что дѣлать, гдѣ штыкъ не дохватитъ, тамъ языкомъ достанемъ!

Кѣмъ уважу — благодаренъ!
Ужъ таковъ нашъ складъ:
Не чухна я, не татаринъ,
Русской, братъ, солдатъ!
Ужъ задать ли кому чесу—
Ловко причешу!
Не кажи черкесъ мнѣ носу—
Браги поднесу!
Крестъ ли нуженъ за заслуги
Грудью я возьму!
Пѣсню-ль надо на досугѣ
Вчужѣ не займу.
По командѣ насъ учили
Нехристь проучать....
А кому затылокъ брили (*поворачивая Лопату.*)
Тотъ намъ не подъ-стать.

Гей! жги! говори! говори!
То-ли волюшка солдатская!
Гей! жги! говори! говори!
Доля—воля залихватская.
(*Хоръ повторяетъ послѣдніе стихи; солдаты пляшутъ*)

ЛОПАТА. Да что ты пѣснями-то подлащиваешься... Мы и сами съ усами, никому въ усъ не дуемъ: сказкой озадачимъ.

ОСИПОВЪ. По Сенькѣ и шапка: только тебѣ бабьими сказками и морочить крещеный міръ. Ты бы сказки-то на штыкъ навѣшалъ, авось черкеса заберетъ. Да гдѣ тебѣ съ черкесомъ возиться! Вѣдь онъ у насъ, братцы, изъ дородныхъ — благородныхъ, полицейской курицы — племянникъ!

1-й и 2-й солдаты. Ну, полно его конфузить, Архипъ Осипычъ.

3-й солдатъ. Пусть его сказку скажетъ...

Осиповъ. Ну пусть, такъ пусть... Зачинай, сорочій сынъ, попугаевъ правнукъ, только чуръ съ ладомъ, складомъ, по толкамъ да съ толкомъ, а не то задамъ толчка.

Лопата. Слушайте же! — Гм! гм! Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ мушкетерскомъ государствѣ, за тридесять земель, гдѣ растетъ винный хмѣль, жилъ былъ храбрый командиръ, анералъ и бригадиръ; у того ли командира было важныхъ три мундира; мундиръ первой—что твой жаръ горитъ, второй—словно солнышко, альбо гренадерскій киверъ, а третій такой... да и Богъ вѣсть какой, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать, ни штыкомъ не достать... то-есть великательный... Пуговки-то — все ядра пушечны, а палеты—хоть разводъ води; а подъ-нимъ-то богатырскій конь, — ржетъ и пышетъ, изъ ноздрей огонь! Фыркнетъ—и земля дрожитъ, изо рту клубомъ дымъ валитъ; хватитъ ядрушкомъ — такъ ужъ за версту: врагъ ему лишь только кланяйся, въ три дуги, да въ восемь поясовъ: а зовутъ коня-то пушечкой, побрякушечкой-трясокотушечкой, молодецкою игрушечкой. Слушайте! Вотъ и ѣдетъ командиръ нашъ бригадиръ, встрѣчу праздновать, гостю званому, нежданному, къ Бонапартову — зложеланному... Вотъ и учалъ онъ съ нимъ слово вѣдати, дѣло дѣлати; говоритъ ему, коня холючи: господинъ честной, ты такой-сякой, шитый, вязаный, распричесаный — немазаный, Бонапартовъ сынъ, а Кащеевъ пасынокъ! Ты скажит-ка намъ, доложит-ка намъ: ты зачѣмъ пришелъ, припожаловалъ? Али щецъ тебѣ въ сухомяточку, али пряничка да Вяземска, али краснаго изъ-подъ Краснаго, аль штыка тебѣ Бородинскаго, али каши вамъ, знаешь, нашинской? Заваримъ тебѣ кашу важную, поднесемъ тебѣ русскихъ щей — знай хлѣбай да разхлебывай, да русь-Росеюшку-мать похваливай! А хранцузъ ему руку къ киверу, фрунтъ онъ дѣлаетъ, службу вѣдаетъ; говоритъ ему, отвѣтствуетъ: Анералъ командиръ, мой дражайшій бригадиръ, ваше благородіе! ни за-что про-что мы сюда пришли, мы не щей хлѣбать, мы гусей пугать, да воронъ стрѣлять къ вамъ пожаловали....

Солдаты. Лихо! браво! важно! ай-да сказка... ха! ха! ха!

Лопата. Чуръ, безъ перебою! Слушайте... (*Слышенъ барабанный бой*).

ОСИПОВЪ. Ну вотъ, дотянулъ до щей, да за щами видно и доскажешь.

ФЕЛЬДФЕБЕЛЬ. Стройся! смирно! На лѣво кру-гомъ! Маршъ! (*уводитъ солдатъ въ казармы*).

ВЬЮНКОВЪ. Насилу-то имъ пробили къ ужину! Теперь можно посвободнѣе думать... а то подъ ихъ сорочій лепетъ и трехъ роѳмъ не подберешь. (*Слуховой выходитъ изъ дому; Вьюнковъ становится въ позу и читаетъ*).

Вьются стройныя громады
Неприступныхъ, дикихъ горъ!
Съ нихъ несутся водопады
Въ брызгахъ бѣлыхъ, какъ фарфоръ.
Льдами вѣчными украшенъ,
Грозно тянется ихъ рядъ,
Какъ бы строй воинскихъ башенъ,
Златомъ выси ихъ горятъ.
Здѣсь, средь облачной державы,
Въ небо вьющихся горахъ,
Рѣетъ нашъ орелъ двуглавый
Возмутителямъ на страхъ.
Здѣсь, гдѣ наши братья пали,
Благодарственную рѣчь
На гранитныя скрижали
Зарубаетъ русскій мечь!

СЛУХОВОЙ. Браво! браво! Да ты въ стихахъ собаку съѣлъ! Это хоть сейчасъ посылай печатать.

ВЬЮНКОВЪ. А вы какъ думаете: я и то готовлю ихъ въ журналъ... А понимаете ли для чего?...

СЛУХОВОЙ. Нѣтъ.

ВЬЮНКОВЪ. *Она* — его читаетъ! При немъ есть модныя картинки.

СЛУХОВОЙ. *Она*?... Ахъ, да! я и забылъ, что ты все еще вздыхаешь по своей Машинькѣ....

ВЬЮНКОВЪ. Олинькѣ...

СЛУХОВОЙ. Да, да бишь, по Олинкѣ, я все сбиваюсь.

ВЬЮНКОВЪ. А кстати, не знаете ли риѳмы къ *Олинькѣ*...

СЛУХОВОЙ. Нѣтъ, братъ, это не по моей части, на непріятельскій залпъ я знаю риѳму славную — *пушка*.

ВЬЮНКОВЪ. Да это нескладно.

СЛУХОВОЙ. Не складно, да ладно, особливо съ картечью.

ВЬЮНКОВЪ. Этакая досада: выдумаютъ же имена въ календарѣ, на которыя и риѳмъ нѣтъ въ цѣлой азбукѣ. А какъ бы славно было, послушайте:

Прекраснѣй нѣжной розы
Цвѣточка нѣтъ въ садахъ!
Блистательнѣй, чѣмъ слезы,
Алмаза нѣть въ горахъ!
Прелестнѣй милой Ольги —
Нѣтъ дѣвушки у насъ;
У ней какъ-бы....

Вотъ тутъ и запятая!

Слуховой. Почему-же?

У ней, какъ-бы изъ фольги,
Блестящихъ пара глазъ.

Видишь ли, что и мы за стишкомъ въ ранецъ не полѣземъ, коли на то пошло.

Вьюнковъ. Ахъ, капитанъ! Какъ можно шутить такими предметами?

Слуховой. Что же? Грѣхъ?

Вьюнковъ. Если бы вы ее знали! Еслибъ видѣли! Вѣдь это такое существо...

Слуховой. *Небесное* — ужъ извѣстно! Для влюбленныхъ другихъ не бываетъ.

Вьюнковъ. Какъ она поетъ, какъ танцуетъ...

Слуховой. Чай лучше Тальони?

Вьюнковъ. О, тысячу разъ лучше!

Слуховой. Ну, такъ! Хочешь ли я опишу тебѣ ея портретъ?

Перламутровые зубки,
Бѣломраморная грудь,
Двѣ коралловыя губки,
Глазки—блещущая ртуть.
Щечки—яхонтъ и опалы,
Кудри—золотомъ горятъ..
Въ ней все камни да металлы,
Словомъ—это сущій кладъ.

Вьюнковъ. Да, Да! Именно! О, какъ вы хорошо понимаете женщинъ.

Слуховой. Ну, да какъ мнѣ не понимать: я вѣдь минералогіи учился. Только вотъ бѣда: у такихъ женщинъ, которыя составлены изъ драгоцѣнныхъ камней, обыкновенно и сердце бываетъ каменное.

Вьюнковъ. О нѣтъ! Еслибъ вы знали, какъ она меня любитъ! На прощаньи, въ послѣдней мазуркѣ, она подарила мнѣ билетикъ съ конфектки, на немъ было напечатано:

Твоя, до гроба я твоя!
Лишь помни и люби меня!

Понимаете?

Слуховой. Чудакъ! И ты повѣрилъ конфектной сладости! Вѣдь эта клятва до перваго бала.

Вьюнковъ. Нѣтъ. Она обѣщала мнѣ не танцовать ни съ однимъ офицеромъ, до тѣхъ поръ, пока меня не произведутъ въ прапорщики. А до этого не долго; деремся часто; только бы вотъ дошло еще до дѣла... такъ я возьму свое...

Иль грудь подъ крестикомъ забьется,
Иль пуля грудь пронзитъ насквозь...
Но въ рядъ враговъ она пробьется —
Поможетъ русское *авось!*
Тогда съ восторгомъ на паркетахъ
Я звякну шпорой удалой,
И звѣздочка на эполетахъ
Мнѣ будетъ счастія звѣздой.

Слуховой. Давай Богъ! Конечно, горцы не даютъ намъ сидѣть склавши руки, только я на твою красавицу что-то плохо надѣюсь. Ихъ вѣрность все то-же, что вѣрность мирныхъ черкесовъ: нынче—нашъ, а завтра—перебѣжалъ.

Вьюнковъ. Вы ее оскорбляете! Но вамъ простительно такъ думать: вы никого и никогда любить не можете.

Слуховой. Право?

Вьюнковъ. Конечно.

Слуховой. Ну, а коли я тебѣ скажу, что люблю хоть и не такъ безумно, какъ ты, но право не хуже тебя...

Вьюнковъ. Кого это? Вѣрно свою трубку или походный самоваръ.

Слуховой. Нѣтъ! двухъ женщинъ! Онѣ для меня дороже всего на свѣтѣ.

Одна прекрасна, молода,
Другая вѣкъ ужъ доживаетъ...
Объ нихъ лишь вспомню я, тогда
Вся кровь въ груди моей взыграетъ.
Для нихъ готовъ я жизнь отдать
И къ нимъ любовь моя святая:
Одна—моя Россія-мать,
Другая—мать моя родная.

(*Вдали слышны два выстрѣла*)

Слуховой. (*къ часовому*) Эй! Что тамъ такое?

Часовой. Немогимъ знать, ваше высокоблагородіе... Въ долинѣ нездорово: опять черкесъ показался.

Слуховой и Вьюнковъ. Горцы!

Часовой. Горцы, что ли, ваше высокоблагородіе.

ВЬЮНКОВЪ! Я сейчасъ посмотрю. (*Взбѣгаетъ на укрѣпленіе.*) Что это! Эге! да они опять не на шутку собираются. Ползутъ съ горъ, какъ муравьи. Въ долинѣ разложили огни .. О, милости просимъ, жданые гости! Горячо встрѣтимъ, съ честью проводимъ!

СЛУХОВОЙ. Много ли ихъ?

ВЬЮНКОВЪ. Я думаю, слишкомъ тысяча... Но вонъ тамъ вдали еще что-то шевелится...

СЛУХОВОЙ. Постой: я посмотрю въ трубу. А ты, Вьюнковъ, распорядись въ казармахъ, чтобы гарнизонъ былъ на готовѣ. Лишняя предосторожность не мѣшаетъ.

ВЬЮНКОВЪ. Охъ, кабы дошло до дѣла! Я мигомъ все устрою! (*уходитъ въ казармы*).

СЛУХОВОЙ. (*Смотритъ въ зрительную трубку и потомъ поспѣшно сходитъ съ вала. Барабанщику на гауптвахѣ.*) Бей тревогу.

(*Барабанщикъ повинуется. Солдаты поспѣшно выбѣгаютъ изъ казармъ на плацъ.*)

СЛУХОВОЙ. Стройся! Смирно! Г. поручикъ! распорядитесь, чтобы все было готово къ сильной оборонѣ. Непріятель показался въ долинѣ, онъ довольно многочисленъ: надо ждать атаки. Гарнизону быть всю ночь подъ ружьемъ. Господа Дыховъ и Николаевъ! Распоряжайтесь орудіями. Эй, Прыткой!

ФЕЛЬДФЕБЕЛЬ. Здѣсь, ваше высокоблагородіе.

СЛУХОВОЙ. Удвоить караулы! Довольно ли роздано патроновъ солдатамъ?

ФЕЛЬДФЕБЕЛЬ. Довольно, ваше высокоблагородіе.

СЛУХОВОЙ Осиповъ! на валъ! Наблюдай за движеніемъ горцевъ и тотчасъ доноси мнѣ.

ОСИПОВЪ. Слушаю, ваше высокоблагородіе.

СЛУХОВОЙ. Смотрѣть въ оба, по сторонамъ не глазѣть... дѣло можетъ вытти серьезное.

ОСИПОВЪ. Ради стараться, ваше высокоблагородіе! Себя не выдадимъ.

СЛУХОВОЙ. Вьюнковъ, ты останешься при мнѣ. Ждать приказаній на сѣверной площадкѣ. Ружья въ пирамиды. На лѣво кру-гомъ, маршъ!

(*Изъ гарнизона отдѣляется отдрядъ, фельдфебель ведетъ его на валъ и растанавливаетъ на часы. Прапорщики Дыховъ и Николаевъ идутъ къ орудіямъ. Осиповъ съ трубою отправляется къ башнѣ. Остальной гарнизонъ уходитъ.*)

Слуховой. Дѣло можетъ продолжиться нѣсколько дней. Хорошо еще, что у насъ свинцу довольно, а порохомъ всѣ погреба завалены.

Вьюнковъ. Да у насъ хватало бы запасу на восемь дней осады.

Слуховой. Ну, что, Осиповъ?

Осиповъ. Копошатся, окаянные! Такъ и лѣзутъ, словно изъ земли ростутъ, какъ грибы! Лошадей угнали — видно не доброе затѣваютъ! Э! да вонъ и тамъ показались... Они насъ обходятъ, ваше высокоблагородіе, точно лѣшіе.

Слуховой. Далеко ли?

Осиповъ. Ружьемъ не дохватишь, а съ адромъ раскланяются.

Слуховой. Г. Николаевъ! Наводите орудія, если они на выстрѣлѣ. Вьюнковъ, сбѣгай, братецъ, на правый валъ, посмотри, что тамъ дѣлается, да вели Дыхову хорошенько распорядиться. (*Вьюнковъ уходитъ*).

Осиповъ. Позвольте слово молвить, ваше высокоблагородіе.

Слуховой. Говори, что такое?

Осиповъ, (*сходитъ*). Честь имѣю рапортовать: худо дѣло. Ихъ видимо-невидимо. Тысячь десять будетъ. Намъ не сдобровать. Насъ всего пять сотъ человѣкъ! Они наровятъ облапить укрѣпленіе... Со всѣхъ сторонъ пошли... Подойдутъ подъ выстрѣлы, такъ всѣхъ не перестрѣляешь....

Слуховой. Что это? Да ты никакъ съ ума сошелъ, любезный! Я тебя всегда считалъ храбрымъ солдатомъ... а ты взволишь труса праздновать...

Осиповъ. Никакъ нѣтъ-съ, ваше высокоблагородіе.

Слуховой. Какъ же ты смѣлъ подумать... Да что это?... Въ первый разъ что-ли вамъ достается по десятку на брата этой черномазой сволочи?

Осиповъ. Бывалое дѣло, ваше высокоблагородіе. Но я не изъ чего другаго-прочева доносилъ... Передъ вашимъ высокоблагородіемъ душу на распашку, всю подноготную выдалъ... Товарищей не хотѣлъ оконфузить.

Слуховой. Не твое дѣло! Ступай на свой постъ и держи ухо востро. А ужо, кончится дѣло, я съ тобой раздѣлаюсь.

Осиповъ. Слушаю, ваше высокоблагородіе. (*Уходитъ на валъ. За сценою слышны пушечные выстрѣлы*).

Слуховой, (*въ сторону*). Вотъ наша участь! я самъ вижу неминуемую бѣду, а надо ободрять другихъ, дѣлать выговоры

за самое простое и дѣльное замѣчаніе. Что это, ужъ тамъ, кажется, началась работа?...

ВЬЮНКОВЪ, (*вбѣгаетъ*). Непріятель прошелъ подъ выстрѣлами, атакуетъ лѣвый флангъ .. Позвольте отбить—я пойду на вылазку съ охотниками... вотъ насъ тридцать человѣкъ.

СЛУХОВОЙ. А много ли горцевъ?

ЗАМѢТНЫЙ. Не могимъ знать, ваше высокоблагородіе, прикажите перечесть штыками, вѣрную смѣту дадимъ.

ВЬЮНКОВЪ. Человѣкъ пятьсотъ будетъ... Но что до этого! Позвольте, ваше высокоблагородіе. Мы сложимъ головы или ужъ отучимъ ихъ отъ этихъ стѣнъ.

СЛУХОВОЙ. Но подумай, Вьюнковъ! Ты идешь на явную опасность... Враги въ десять разъ многочисленнѣе.

ВЬЮНКОВЪ. Не въ числѣ сила, а въ мужествѣ и любви къ родинѣ .. Мы одержимъ верхъ! Даю честное слово!

СЛУХОВОЙ. Нѣтъ! я не могу на это согласиться... Такая отвага похожа на безуміе... Враговъ вы не отобьете, а горнизонъ лишится нужныхъ людей... И ты, Вьюнковъ, подумай!... У тебя еще такъ много впереди...

ВЬЮНОКВЪ. Впереди меня теперь одни враги... Умоляю васъ, позвольте.. Не препятствуйте моему счастію...

СОЛДАТЫ. Ваше высокоблагородіе, позвольте ужъ! Будьте отецъ родной, заслужимъ милостивое слово.

СЛУХОВОЙ. Ну, если такъ: съ Богомъ, ребята! Его святая воля! Пусть Онъ васъ благословитъ. Идите!

СОЛДАТЫ. Много благодарны, ваше высокоблагородіе.

ВЬЮНКОВЪ, (*съ чувствомъ схватываетъ его руку*). О, благодарю, благодарю! — За мной, ребята! Ура! (*съ солдатами уходитъ.*)

СЛУХОВОЙ. Господи! сохрани ихъ! Я сдѣлалъ все, что могъ, все, что внушало мнѣ чувство дружбы и состраданіе! Ты одушевилъ ихъ храбрость... Ты и поведешь ихъ.

ОСИПОВЪ. Ваше высокоблагородіе, будьте благодѣтель!

СЛУХОВОЙ. Что еще?

ОСИПОВЪ. Позвольте ужъ и мнѣ съ нехристью посчитаться.

СЛУХОВОЙ. Вздоръ, братецъ! Ты мнѣ здѣсь нуженъ, а тамъ и безъ тебя обойдутся.

ОСИПОВЪ. Обойтись-то обойдутся, отецъ командиръ! Да вѣдь русскій-то солдатъ не въ уголъ рожей созданъ... Не вынесло: заныло ретивое, рука расходилась... Уже я бы имъ, супостатамъ, зарубилъ за ухомъ память вѣчную! Пусть бы

знали, гдѣ у насъ раки зимуютъ, да какъ у малаго щура да носокъ востеръ.

Слуховой. Я сказалъ, что нѣтъ! Наблюдай лучше, что тамъ дѣлается.

Осиповъ. (*переходитъ по валу направо, почесывая въ затылкѣ*). Эхъ!... житье горемышное!

Слуховой. Что дѣлать! Если они всѣмъ напоромъ ударятъ въ ворота — намъ не устоять. Гарнизонъ малъ — болѣе двухъ часовъ не выдержитъ. Одно остается: надежда на Бога и честная смерть!

Осиповъ. (*на валу, въ восторгѣ.*) Еще! еще! Поддавай пару! А! Что, басурманское отродье... рыло воротишь... Вотъ того-то... того-то... Лихо! лихо! приколи его, супостата...

Слуховой. Что съ тобой, Осиповъ?

Осиповъ. Лихо! ваше высокоблагородіе. Право слово, лихо! (*свиститъ*). Что? Не бось, подрали!... Ай! да ребята! Отбой бьютъ наши... Залпомъ ихъ по затылкамъ-то... вотъ такъ... Ай, молодецъ!... Ваше высокоблагородіе, изъ нашихъ кто-то впереди всѣхъ, такъ и дубаситъ ихъ прикладомъ — видно штыкъ-то ужъ не служитъ. Ахъ! окоянные, подстрѣлили... упалъ голубчикъ мой...

Слуховой. Кто такой?

Осиповъ. Не видать, ваше высокоблагородіе, за дымомъ... Наши подняли его, несутъ къ воротамъ...

Слуховой. Бѣги, узнай, кого ранили и скажи, чтобы поскорѣй подали помощь, если нужно.

Осиповъ. Сейчасъ, ваше высокоблагородіе. (*Скрывается*).

Слуховой. (*на валу*). Вьюнковъ настоящій львенокъ! Какъ онъ умѣлъ одушевить ихъ: тридцать человѣкъ отбили до 300 отъ укрѣпленія... Такой подвигъ дѣйствительно стоитъ эполетъ, и нѣтъ сомнѣнія, что онъ ихъ получитъ. (*Смотря вдаль*) Молодцы: непріятель бѣжитъ въ кезпорядкѣ!...

Осиповъ. Тише, тише, братцы! (*Онъ вноситъ съ солдатами раненнаго Вьюнкова.*)

Слуховой. Что это? Боже мой! Вьюнковъ!

Вьюнковъ. (*слабымъ голосомъ*) Остановитесь!... Ахъ! (*хочетъ приподняться и не можетъ*).

Слуховой. Ты раненъ... Поскорѣй послать сюда лекаря.

Вьюнковъ. Не нужно... лекарство здѣсь... (*показываетъ на грудь*). Онъ вѣрно мѣтилъ... пуля прошла насквозь... Но, Боже мой! Какая сладкая смерть за честь и родину... О! (*схватываетъ руку Слуховаго*) скажите *ей*, если встрѣтитесь... что я палъ со

славою, что помнилъ объ *ней*, и въ послѣднюю минуту. Друзья! вы отомстите за меня врагу! Помолитесь за мою душу и за падшихъ товарищей... Душно... Боже!... родина... матушь... (*Умираетъ; солдаты обнажаютъ головы и преклоняютъ ружья*).

СЛУХОВОЙ. Умеръ!... Взоръ потухъ и сколько съ нимъ закатилось свѣтлыхъ надеждъ, радостныхъ мечтаній! Вотъ жизнь: за минуту мечта, спустя минуту — ничтожество! (*отираетъ слезу*). Миръ тебѣ, доблестный юноша... Твоей смерти позавидовали бы многіе. — Отнесите его въ мои покои. Поставить къ нему почетный караулъ. — Много ли убитыхъ?

1-й СОЛДАТЪ. Осталось всего пять человѣкъ, ваше высокоблагородіе. За то дали знать себя. Черкесъ такъ лыжи навострилъ, что индо у нихъ затылки трещатъ. Сотнягу положили на мѣстѣ. Пусть ихъ валяются воронятамъ на разживу.

ЧАСОВОЙ. Кто идетъ? Ни съ мѣста!

СЛУХОВОЙ Что тамъ еще такое? Осиповъ, узнай-ка.

ОСИПОВЪ. (*взбѣгаетъ на валъ*). Черкесъ, ваше высокоблагородіе. Ахъ! онъ пострѣлъ, да какъ это его пронесло такъ близко! Бѣжитъ, машетъ краснымъ платкомъ... Позвольте подмахнуть, ваше высокоблагородіе, сразу нанижу на пулю...

СЛУХОВОЙ. Нѣтъ, постой! Допустить его, спросить, чего хочетъ.

ОСИПОВЪ, (*со стѣны*). Ну, что ты, бѣсово отродье!... Ну, что машешь: ась?... Да чортъ тебя разберетъ, не по крещеному-то губы выворачиваешь. Ваше высокоблагородіе, онъ несетъ какую-то ахинею, шутъ его знаетъ, на какомъ діалектѣ.

СЛУХОВОЙ. Впустить его въ крѣпость! Пусть сперва положитъ оружіе... Да, нѣтъ-ли у насъ кого, кто съ ними умѣетъ говорить?

2-й СОЛДАТЪ. Есть, ваше высокоблагородіе, сказочникъ.... Онъ стоялъ въ мирномъ аулѣ два года.

СЛУХОВОЙ. Подавай его сюда.

ОСИПОВЪ, (*сошелъ со стѣны и у воротъ толкуетъ съ черкесомъ*). Ну, ну, пугало, тебѣ, кажись, по русски говорятъ, клади оружіе... Ну, что бѣльма-то таращишь... клади, да и только! командиръ велѣлъ. Онъ и ухомъ не ведетъ, ваше высокоблагородіе, прикажете обучить командѣ?

СЛУХОВОЙ. Оставь его. Подойди. (*Черкеса подводятъ. 2-й солдатъ приводитъ сказочника*). Распроси его хорошенько, что ему надобно.

ЛОПАТА. Да какъ-же я его распрошу, ваше высокоблагородіе?

СЛУХОВОЙ. Какъ умѣешь.

ОСИПОВЪ. Ну, какъ! Просто по ихнему. Что ломаешься-то, али опять съ лѣвой стороны луну увидалъ... Не бось, здѣсь не оцарапнетъ. (*Пока сказочникъ разговариваетъ съ черкесомъ, прибавляя иногда, «ну, ладно», Осиповъ подходитъ къ Слуховому*).

ОСИПОВЪ, (*въ пол-голоса*). Ваше высокоблагородіе, давича не смѣлъ при всѣхъ сказать, а черкесы-то больно что-то на наши ворота зарятся. Тысячь семь будетъ — всѣ въ густой колоннѣ... ядромъ не дохватишь: выстрѣла на полтора остановились... какъ-бы они не пошли въ атаку.

СЛУХОВОЙ. Тамъ увидимъ. (*Сказочнику*). Ну, что?

ЛОПАТА. Онъ говоритъ, ваше высокоблагородіе, что, молъ, черкесы предлагаютъ намъ вытти изъ крѣпости, коли мы положимъ оружіе и сдадимъ ее безъ обороны.

ОСИПОВЪ. Что такое? Сдать безъ обороны крѣпость! Ахъ, онъ нехристь окаянный! Да какъ это у него языкъ-то повернулся.

СЛУХОВОЙ. Молчать! — Что-жъ далѣе?

ЛОПАТА. А коли не сдадитесь, говоритъ, такъ насъ, говоритъ, тринадцать тысячъ; мы, говоритъ, непремѣнно къ вамъ заберемся, да ужъ, говоритъ, и... тово...

СЛУХОВОЙ. Что такое?

ЛОПАТА. То есть, говоритъ, душоньки живой не оставимъ.

СЛУХОВОЙ. Только?

ЛОПАТА. Никакъ нѣтъ-съ! Часъ, говоритъ, вамъ льготы... то есть — на размышленіе.

ОСИПОВЪ. Ахъ! ваше высокоблагородіе, позвольте пришпилить къ стѣнѣ богохульника.

СЛУХОВОЙ. Смирно! (*подумавъ немного*). Скажи, что хорошо.

ОСИПОВЪ. Какъ, ваше высокоблагородіе, вы хотите...

СЛУХОВОЙ. Я тебѣ сказалъ: смирно! — Скажи, что я подумаю и чрезъ часъ дамъ отвѣтъ. Пока отвесть его въ казаматъ, и смотрѣть за нимъ, только не трогать пальцомъ. Слышите-ль?

СОЛДАТЫ. Слушаемъ, ваше высокоблагородіе. (*Уходятъ*).

СЛУХОВОЙ, (*Осипову*). Бить сборъ! Чтобъ весь гарнизонъ собирался. (*Осиповъ уходитъ*). Нечего дѣлать, надо ихъ приготовить. Господи! Дай мнѣ разума и крѣпости уговорить ихъ! Въ первый разъ въ жизни, я охотно отказался-бы отъ начальства, чтобъ только стать въ ряды — простымъ офицеромъ и исполнять, что мнѣ прикажутъ. (*Входятъ солдаты*). Стройся! Смирно! — слушай, ребята! Не стану скрывать отъ васъ прав-

ды, мы въ большой опасности. Дѣло наше плохо! Врагъ, если постоянно будетъ дѣйствовать, непремѣнно насъ одолѣетъ! Видно ужъ такова воля Божія! Черкесы прислали сюда переговорщика: они предлагаютъ намъ сдать крѣпость безъ бою и хотятъ насъ тогда выпустить. Какъ вы думаете, братцы? А? (*Между солдатами волненіе, шопотъ*). Вы не отвѣчаете? Только знаете-ли вы, что значатъ ихъ обѣщанія? Они до крови нашей охочѣе волковъ! Слово ихъ то-же, что Іудино цѣлованіе! Слышите: они насъ выпустятъ, а мы имъ положи оружіе... Каковы молодцы! Нашли дураковъ, что-ли! видишь ихъ много, да намъ какое дѣло! Когда они завладѣютъ укрѣпленіемъ и оружіемъ, такъ нашими же штыками и пушками искрошатъ насъ въ лоскутки! Мы погибнемъ, какъ только переступимъ черезъ порогъ воротъ нашихъ! Не посрамимъ же, братцы, русскаго оружія! (*Осиповъ въ восторгѣ*). Отслужимъ вѣрой и правдой Богу и царю, ляжемъ всѣ на мѣстѣ, да со славою и честію... а не отдадимъ себя на посрамленіе врагу презрѣнному! Не измѣнимъ присягѣ! Не измѣнимъ нашему святому знамени! Умремъ съ нимъ вмѣстѣ!

Солдаты. Умремъ! Умремъ! Будемъ биться до послѣдней капли крови! Не видать супостату нашей крѣпости, пока мы еще живы!

Осиповъ, (*всхлипывая отъ радости*). Ахъ! ваше высокоблагородіе, отецъ родной! Позвольте руку вашу поцѣловать!... А я-то извергъ смѣлъ подумать... О! поглоти меня мать сыра земля, безъ христіанскаго покаянія, коли я когда осмѣлюсь не такъ помыслить о нашемъ отцѣ командирѣ!

Слуховой. Такъ рѣшено, братцы, мы деремся до послѣдней капли крови...

1-й солдатъ. До послѣдняго издыханія!...

Слуховой. Такъ гоните-жъ вонъ ихъ посланца, мы не сдадимъ крѣпости, не посрамимъ имя русское!

Осиповъ, (*ударивъ себя по лбу*). Что за мысль? Господи, Боже мой! Это твое внушеніе!... Ваше высокоблагородіе, погодите выгонять переговорщика! Выслушайте рѣчь сердечную, позвольте слово молвить.

Слуховой. Говори, братецъ! Въ такую минуту всякій совѣтъ дѣло доброе. Умъ хорошо, а два лучше!

Осиповъ, (*падая на колѣна*). Ваше высокоблагородіе! Окажите милость Божію! Согласитесь на просьбу мою грѣшную... Прикажите намъ передушить ихъ всѣхъ, всѣхъ, то есть, до еди-

наго человѣчка; растерзать по часточкамъ, разметать по косточкамъ! Пусть ихъ не похваляются, что одолѣли нашихъ!

Слуховой. Да ты никакъ съ ума сошелъ, Осиповъ? Объ чемъ ты просишь? Чтобъ я губилъ враговъ... да это и безъ просьбы твоей сдѣлается.

Осиповъ. Ахъ, нѣтъ, ваше высокоблагородіе! Не въ томъ разумѣ слово вырвалось... Согласитесь, ненаглядный нашъ, только на мою просьбицу... Богъ наградитъ васъ и въ этомъ и на томъ свѣтѣ.

Слуховой. Да что такое? Говори яснѣй!

Осиповъ. Окаянные супостаты обѣщаютъ насъ выпустить, коли мы положимъ оружіе и сдадимъ укрѣпленіе... Такъ спасите-же себя и гарнизонъ: выйте изъ крѣпости, какъ вамъ Богъ на душу положитъ... а меня оставьте здѣсь съ однимъ товарищемъ.

Слуховой. Ахъ ты негодяй! Какъ ты смѣлъ мнѣ это предложить? Сколько лѣтъ ты на службѣ!

Осиповъ. Двадцать одинъ годъ, ваше высокоблагородіе.

Слуховой. И ты считаешься бравымъ солдатомъ! А до сихъ поръ не знаешь, что начальникъ не долженъ оставлять своего поста! И ты предлагаешь мнѣ отдать на расхищеніе врагамъ крѣпость, бѣжать подлымъ трусомъ... Прочь! За фронтъ! Чтобъ твоимъ духомъ не пахло: не смѣй казаться на глаза.

Осиповъ. Прикажи разстрѣлять или сквозь строй прогнать, отецъ командиръ! Но не моги обидѣть честнаго солдата! Не на срамъ странѣ родной я слово вымолвилъ... Я не все сказалъ, ваше высокоблагородіе.

Слуховой. Что-же ты еще скажешь?

Осиповъ. А вотъ что, ваше высокоблагородіе: вы съ нашими выйдите вонъ изъ крѣпости, а я останусь здѣсь съ товарищемъ... Враги нахлынутъ, словно вороны; товарищъ за ними ворота на запоръ, а ужъ тутъ я, благословясь, и похозяйничаю... Помолюсь св. Николѣ, да угощу ихъ русскимъ хлѣбомъ-солью, по московски, съ поклономъ, да съ краснымъ словцомъ: выкачу имъ бочки съ брагою, индо хватитъ пѣной до неба... разуважу я голубчиковъ... засвѣчу огни потѣшные... запалю имъ погребъ съ порохомъ... пусть летятъ обнявшись къ дьяволу!

Слуховой. Осиповъ! Другъ мой! Прости меня (*поднимаетъ его и цѣлуетъ въ лобъ*). Кто внушилъ тебѣ эту мысль?

Осиповъ. Православный русскій Богъ!

СЛУХОВОЙ. Я твой товарищъ, бравый солдатъ. Давай руку! Вмѣстѣ служили, вмѣстѣ и умремъ!... Ребята! Кто хочетъ выходить? Что же, братцы, вы молчите? Кто хочетъ спасаться? Выходи!

ОСИПОВЪ. Лопата! выгребай трусовъ: это по твоей части!

ЛОПОТА Я бъ-те задалъ труса, кабы не во фронтѣ! Да, ужъ благо умное слово сказалъ, такъ Богъ проститъ.

ФЕЛЬДФЕБЕЛЬ. Нѣтъ, ваше высокоблагородіе, мы несогласны! Умирать, такъ за одно... Командира не выдадимъ, себя измѣною не посрамимъ.

СЛУХОВОЙ. Какъ, всѣ?

2-Й СОЛДАТЪ. Всѣ, ваше высокоблагородіе, всѣ до единаго. Съ радостью взлетимъ на воздухъ, лишь бы небу жарко было, да супостатамъ не холодно!

СЛУХОВОЙ. Браво! браво! друзья мои! Я въ васъ не ошибся! Спасибо, ребята!

СОЛДАТЫ. Ради стараться, ваше высокоблагородіе.

СЛУХОВОЙ. Господа офицеры! Васъ и спрашивать не смѣю...

ОФИЦЕРЫ. Мы всѣ останемся вѣрными своему посту.

СЛУХОВОЙ. О, Боже мой! Благодарю Тебя! Ты внушилъ мысль доблести простому человѣку и высокій примѣръ нашелъ отголосокъ во всѣхъ сердцахъ! — Однако, друзья мои, нельзя же, чтобъ мы всѣ погибли: кому нибудь да надо отнесть рапортъ къ начальству и спасти знамя, иначе могутъ подумать, что мы плохо защищались, что прозѣвали непріятеля, что на насъ напали врасплохъ...

ФЕЛЬДФЕБЕЛЬ. Развѣ по жеребью, ваше высокоблагородіе. А такъ—ни одинъ изъ насъ не отойдетъ на шагъ отъ командира. Передъ собой было бы стыдно, передъ Богомъ грѣшно.

СЛУХОВОЙ. Хорошо: бросимъ жребій. Осиповъ и я отъ жребія исключаемся... Согласны ли вы?

СОЛДАТЫ. Согласны, ваше высокоблагородіе.

СЛУХОВОЙ. Давайте же киверъ! Г. поручикъ, принесите ротные списки. (*Онъ вынимаетъ изъ бумажника бумагу, раздираетъ ее на мелкіе куски и на двухъ изъ нихъ пишетъ карандашемъ*). Вотъ жребіи. На двухъ написано *спасаться*, остальные пустые. Богъ покажетъ, кому не быть участникомъ славнаго дѣла. (*Кладетъ ихъ въ киверъ*). Ну ребята, по старшинству. (*Офицеру, который принесъ списки*) Читайте подрядъ.

ПОРУЧИКЪ, (*читаетъ*). Михайловъ!

(*Михайловъ, крестясь, подходитъ къ киверу, вынимаетъ бумажку и подаетъ капитану*).

СЛУХОВОЙ. Чистая!

МИХАЙЛОВЪ. Слава Тебѣ, Господи!

ПОРУЧИКЪ. Жуковъ!

СЛУХОВОЙ. Чистая!

ПОРУЧИКЪ. Чупруновъ, Стремянный, Бобылевъ!

СЛУХОВОЙ. Все пустые выходятъ.

ПОРУЧИКЪ. Замѣтный!

СЛУХОВОЙ. *Спасаться!* — Стань къ сторонѣ.

ПОРУЧИКЪ. Ѳедоровъ! Кремлевъ! Ивановъ! Башлыкинъ!

СЛУХОВОЙ. Чистая! Чистая! Чистая! *Спасаться!* Конецъ! Замѣтный и Башлыкинъ! Обнимите меня, братцы! Вотъ такъ! Снесите мой послѣдній поклонъ на родину! Теперь проститесь съ товарищами! Вашъ путь къ жизни, ихъ — къ честной кончинѣ. Слушайте: когда васъ выпустятъ изъ укрѣпленія, вы прокрадитесь подальше — хоть ползкомъ... какъ уйдете на версту — прилягте въ кусты... послѣ взрыва, ночью, проберитесь осторожнѣе до ближайшей крѣпости... я изготовлю вамъ рапортъ. — Г. Дыховъ! Проведите фители къ пороховымъ погребамъ! (*Онъ уходитъ въ домъ*).

1-й СОЛДАТЪ, (*обнимая Замѣтнаго.*) Прощай, землякъ! Пойдешь въ безсрочный... снеси поклонъ моему старику, да испроси у него родительскаго благословенія во вѣкъ ненарушима.

2-й СОЛДАТЪ, (*снимая ладонку*). На, братъ! Отнеси моему Алешкѣ, коли увидишь. Скажи, чтобъ молился за упокой души моей, да помянулъ передъ святыми угодниками Божіими въ день Свѣтлаго Христова Воскресенія.

3-й СОЛДАТЪ, (*Башлыкину*). Матренѣ Карповнѣ отнеси челобитье. И барину кланяйся.

4-й СОЛДАТЪ, (*Замѣтному*). Вотъ, голубчикъ, Игнатычъ, полтина... послѣдняя копѣйка. Не ровно пойдешь въ церковь, поставь св. Миколѣ свѣчку.

ЛОПАТА. Поклонись въ полку Архипочу! Скажи, молъ, умерли за Русь святую, да Царя батюшку... да вотъ и рубашонку-то снеси ему въ знакъ памяти. Спрячь, родимый! спрячь. (*Солдаты съ ними прощаются*). Счастливый путь, товарищи!... Счастливо оставаться.

ЗАМѢТНЫЙ. Ну, а вы, Архипъ Осипычъ, чего не прикажите-ли на родину?

ОСИПОВЪ. На родину! Э-э-эхъ! Моя родина — вотъ она!

(*указываетъ на знамя.*) Подъ нимъ выросъ, подъ нимъ билъ супостота, да съ нимъ ужъ и покончу! Нѣтъ у меня родныхъ, братцы! Некому послать поклонъ, да благословеніе. Царю бью челомъ — жизнью, а Богу — молитвой отходной!

Пусть братія меня подъ часъ помянутъ!
Въ молитвахъ пусть меня не обойдутъ.
Когда-жъ они противъ враговъ возстанутъ,
Пусть такъ, какъ я, за родину умрутъ!
Скажите имъ, до смертнаго мгновенья
Долгъ исполнялъ, какъ слѣдуетъ, Архипъ,
И на стѣнахъ роднаго укрѣпленья,
Въ честь русскаго оружія погибъ!

Снесите поклонъ Россіи матушкѣ, честнымъ командирамъ, и всему православному русскому воинству! Авось подвигъ простаго солдата не останется въ тунѣ. Эхъ, братцы, солдатское добро — слово да дѣло, — не золотая казна: его наслѣдники не раскрадутъ! Чѣмъ богаты, тѣмъ и рады, и за то добрые люди спасибо скажутъ! Простите! (*Обнимаетъ солдатъ*).

Слуховой, (*входитъ*). Ну, Башлыкинъ, вотъ тебѣ рапортъ, пускай пошлютъ его по командѣ. Смотри-же, не потеряй, другаго вписать некому будетъ. А тебѣ, Замѣтный, я поручаю ношу гораздо драгоцѣннѣе. Стройся! На плечо! На караулъ! Преклони знамя! (*Знамя преклоняютъ, барабанщикъ отдаетъ честь, какъ слѣдуетъ. Слуховой срываетъ знамя съ древка и свертываетъ его*). Прости, родная наша святыня! Не подъ твоимъ крыломъ мы вкусимъ смерть!

Ты надъ полкомъ вилось всегда съ любовью!
Одни клочки остались полотна:
Ты вражеской обрызгано все кровью;
Но на тебѣ нѣтъ русскаго пятна.
Иди опять къ трофеямъ знаменитымъ,
Иди въ семью воинственныхъ знаменъ...
А мы—сынамъ, передъ тобой убитымъ,
Снесемъ... туда... отъ знамени поклонъ!

(*Цѣлуетъ знамя*).

Разстегни грудь! (*Кладетъ ему знамя на грудь*). Береги его пуще глазу! Намъ была поручена честь его храненія: съ честью возвратимъ его отечеству.

Замѣтный. Будьте покойны, ваше высокоблагородіе. Развѣ съ сердцемъ его вырвутъ у меня изъ груди!

Слуховой, (*цѣлуетъ его въ лобъ*). Ну, съ Богомъ! Осиповъ, проводи ихъ изъ укрѣпленія! (*Осиповъ выпускаетъ ихъ изъ воротъ. Слуховой всходитъ на стѣну*). Добрый путь, ребята!.. Вышли... Враги ихъ не замѣтили... бѣгутъ... скрылись въ

кустарникъ... Слава Богу! (*Поспѣшно сходитъ*). Ну, теперь надо отправить переговорщика.

ОСИПОВЪ. Прикажите мнѣ его спровадить, ваше высокоблагородіе.

СЛУХОВОЙ. Нѣтъ. Лопата! Скажи ему, что мы согласны сдаться и сейчасъ выйдемъ; ворота отворимъ: пусть придутъ и возьмутъ оружіе.

ЛОПАТА. Слушаю, ваше высокоблагородіе.

ОСИПОВЪ. Наскажи ему сказокъ... тебѣ не занимать-стать. Загни ему Петра золотыхъ ключей, да жаръ-птицу обѣщай въ крѣпости... Авось клюнутъ! (*Лопата уходитъ*).

ДЫХОВЪ. Честь имѣю рапортовать, ваше высокоблагородіе, все исполнилъ по приказу; фители проведены ко всѣмъ минамъ, концы у входа въ башню.

ОСИПОВЪ. Я запасусь фонаремъ. По какому знаку прикажете запалить, ваше высокоблагородіе?

СЛУХОВОЙ. Я ударю въ колоколъ, которымъ на работу скликаютъ. Прыткой! Ты распахнешь ворота и стань съ кѣмъ нибудь за половинки, такъ, чтобъ васъ не замѣтили. Когда всѣ черкесы войдутъ въ укрѣпленіе, вы тихонько притворите ворота и заприте, а ключь бросить чрезъ стѣнку.

ФЕЛЬДФЕБЕЛЬ. Слушаю, ваше высокоблагородіе.

ЛОПАТА, (*входитъ*). Проводилъ, ваше высокоблагородіе; побѣжалъ, словно русакъ отъ гончихъ. Крѣпко обрадовался.

ОСИПОВЪ. А вотъ мы ихъ угостимъ на радости, чертово племя.

СЛУХОВОЙ. Г. поручикъ! ступайте на стѣну; наблюдайте за движеніемъ непріятеля. Ну, ребята! Теперь слушай послѣднюю команду: Стройся! На молитву! На колѣна! (*Всѣ солдаты становятся на колѣна. Барабанъ и флейта играютъ къ молитвѣ. Слуховой скраю. Осиповъ на срединѣ. По окончаніи молитвы, Слуховой командуетъ.*) Ружья въ козлы! Вольно!

ОСИПОВЪ, (*вставая съ колѣнъ и раскланиваясь на всѣ стороны.*) Простите меня, православные братья, въ чемъ я предъ вами согрѣшилъ; не помяните лихомъ!

(*Солдаты молча кидаются другъ другу въ объятія и цѣлуются*).

ОСИПОВЪ. Ну, теперь послѣднее прощаніе! (*Беретъ ружье, мечетъ имъ артикулъ, потомъ цѣлуетъ его*). Прости, сердечный собратъ мой! вѣрный прикладъ, штыкъ — не промахъ! Много мы съ тобой вѣку изжили; много басурманщины при-

душили. Я тебя берегъ и ты меня не выдалъ, другъ закадышный!

Тебя я холилъ и лелѣялъ,
Мѣлкомъ и хвощемъ отчищалъ!
Ты много мѣткихъ пуль посѣялъ,
И Русь со славой защищалъ.
Ты вѣрный мститель былъ обидамъ,
Съ тобой срослися мы самъ-другъ!
И въ смертный часъ тебя не выламъ:
Умри со мной—сердечный другъ!

(*Ломаетъ ружье и бросаетъ; оглянувшись, онъ видитъ, что многіе солдаты прослезились; онъ кидается въ средину и начинаетъ пѣть съ какимъ-то изступленіемъ.*)

Ну, теперь удалую,
Гаркнемъ молодецкую
Пѣсенку, солдатушки
Царя бѣлаго!
Аль не пиръ пировать!
Мы на смерть идемъ
За Россію-мать,
Царство славное!
Мы за честь умремъ!
Мы врага взорвемъ
Вверхъ тормашками!
Ха! ха! ха! ха! ха!
То-то любушки!

(*Всѣ солдаты повторяютъ пѣсню съ дикой радостью*).

ПОРУЧИКЪ. Г. капитанъ! Враги бѣгутъ къ укрѣпленію!

ОСИПОВЪ. А! почуяли мертвечину, алчные волки! Добро пожаловать, дорогіе гости! ха! ха! ха! (*потираетъ въ восторгѣ руки*).

СЛУХОВОЙ. Ну, по мѣстамъ, ребята! Отворяй ворота. Вы въ казармы, мы на посты! съ Богомъ!

(*Суетня: солдаты бѣгутъ въ казармы. Осиповъ съ фонаремъ входитъ въ башню, откуда его видно зрителямъ. Ворота отворяются. Слуховой входитъ въ свой домъ и запираетъ за собою двери. Онъ становится у окна въ виду зрителей и въ рукахъ держитъ веревку отъ колокола. Черкесы врываются толпами въ крѣпость и кидаются прежде всего на оружіе. Другіе взбѣгаютъ на валъ; иные скрываются*

за сцену. Наконецъ ворота затворены. Фельдфебель и Лопата выбѣгаютъ изъ-за воротъ).

ФЕЛЬДФЕБЕЛЬ. Готово, ваше высокоблагородіе!

ЛОПАТА, (*Осипову*). Архипъ Осипычъ, готово! Попались въ западню, чертовы крысы.

(*Черкесы кидаются на нихъ. Солдаты изъ казармъ выбѣгаютъ съ крикомъ «ура!» и дерутся съ черкесами. Вдругъ раздается ударъ колокола.*)

ОСИПОВЪ. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!...

(*Зажигаетъ фитиль; огненная струйка бѣжитъ внизъ башни. Черкесы вскрикиваютъ. Занавѣсъ опускается; слышенъ оглушительный взрывъ*).

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

—

ПУСТЫНЬКА СВ. УРСУЛЫ.

—

РАЗСКАЗЪ

М. Воскресенскаго.

—

Въ 1835 году, путешествуя по южной Франціи, мнѣ случилось прихворнуть очень некстати, и по этому случаю прожить недѣли двѣ въ одномъ весьма скучномъ мѣстѣчькѣ, названіе котораго, по извѣстнымъ мнѣ причинамъ, я долженъ скрыть отъ читателя.... Смертная скука! Ни книгъ, ни общества, ни даже порядочныхъ мѣстъ для прогулки, хоть южную Францію многіе и зовутъ земнымъ раемъ! На бѣду мою, въ этомъ южномъ раю все шли ужасные дожди и стояла холодная погода, что также отнюдь не радовало меня, не смотря на то, что я уже начиналъ оправляться отъ моей болѣзни.

Разъ какъ-то, ненастнымъ утромъ, когда мѣлкій, частый дождь стучалъ печально въ стекла моей незавидной отели и очень рано напоминалъ мнѣ русскую осень, а я, сидя съ сигарой, этимъ неизмѣннымъ товарищемъ всѣхъ вояжеровъ, пилъ чай изъ большаго дорожнаго стакана, мнѣ въ уши по вѣтру донесся звукъ большаго колокола.

— Гдѣ это благовѣстятъ въ такой большой колоколъ, мосье Жанъ? спросилъ я прислуживавшаго мнѣ мальчика, съ которымъ отъ скуки привыкъ бесѣдовать о всякой всячинѣ. Кажется, въ вашей приходской церкви колоколъ не много больше этого колокольчика, что у меня на столѣ?

— Вы правы! Это не нашъ колоколъ, а монастырскій, отвѣчалъ Жанъ, продолжая прибирать мою комнату.

— Монастырскій? А развѣ здѣсь по близости есть какой нибудь монастырь, Жанъ?

— Есть, сударь, и очень старинный.

— Гдѣ же онъ, и какъ называется?

— На лѣво, какъ-разъ за этимъ большимъ лѣсомъ, а называется онъ «Пустынькой Святой Урсулы».

— Что-же тамъ сегодня, праздникъ что-ли какой?

— Именно, сударь, приходскій праздникъ и даже крестный ходъ у монаховъ на озеро, что около пустыньки.

— Право? Приготовь-ка мнѣ одѣться, Жанъ!

— Вы хотите отправиться туда, сударь?

— Да. Вѣдь это не далеко отсюда?

— За лѣсомъ, не дальше трехъ сотъ шаговъ. Жаль только, что сегодня погода дождливая, а то бы стеченіе народа было чрезвычайное. Пустынька Святой Урсулы всегда имѣетъ кучу поклонниковъ...

— Кажется на дворѣ разгуливается... Это меня разсѣетъ.

Черезъ часъ, я былъ у старинныхъ воротъ Пустыньки Святой Урсулы. Это былъ древній готическій монастырь, построенный еще въ началѣ прошлаго столѣтія, судя по его архитектурѣ. Уединенное мѣсто со всѣхъ сторонъ, густой лѣсъ и глушь, дѣлали его въ полномъ смыслѣ слова пустынею. Внутренность обители весьма небогата. Три церкви, построенныя вѣроятно въ разныя времена, судя по различному ихъ стилю; длинный рядъ мрачныхъ келій, примкнутыхъ къ невысокой каменной оградѣ, съ четырьмя башенками по угламъ; заглохшій садъ съ прудомъ въ одномъ углу, большой каменный колодезь съ распятіемъ, высѣченнымъ изъ грубаго камня; старинная колокольня съ уродливыми часами — вотъ все, что я замѣтилъ на первый разъ.

Войдя въ ворота, по вымощенной бѣлымъ камнемъ дорожкѣ, я увидѣлъ, что служба уже кончилась, и пустынная братія длинной процессіей тянулась къ небольшому озеру около монастыря, на которомъ устроено было нѣчто въ родѣ нашей Іордани и убрано не безъ вкуса зеленью и цвѣтами. Дикость мѣста, унылое, величественное пѣніе и мрачность самой природы сдѣлали на меня сильное впечатлѣніе. Изъ груди моей вырвался вздохъ, не къ землѣ направленный; а это хорошо, потому, что грудь человѣка скупа на такіе прекрасные вздохи. Я не пошелъ за процессіей, а вошелъ въ растворенную старинную церковь.

Церковь эта была пуста и темна. Дневной свѣтъ слабо проходилъ сквозь небольшія, узкія окна, съ разноцвѣтными стеклами и толстыми, желѣзными рѣшетками. Свѣчи и лампады печально теплились около мѣстныхъ образовъ стариннаго писанія.

Разсматривая пустынный храмъ и читая надписи на плитахъ, давно схороненныхъ въ обители покойниковъ, я очень изумился, когда изъ-за одной лампады блеснули мнѣ въ глаза мастерскія головы Архангела и Маріи Дѣвы. Это былъ образъ Благовѣщенія, писанный масляными красками. Положеніе фигуръ и яркій, умный колоритъ, обличали кисть художника. Образъ этотъ слишкомъ бросался въ глаза, потому что все окружавшее его было темно, мрачно и безвкусно. На противуположной сторонѣ, куда случайно обратилъ я голову, тотъ-же свѣтъ лампады и такая же мастерская работа! Я перешелъ туда. Это была кающаяся Магдалина у пустынной скалы. Но что это была за Магдалина! Какъ будто самъ Рафаэль только вчера посѣтилъ убогую Пустыньку Святой Урсулы и смѣлою, вдохновенною кистью написалъ эту милую, обворожительную грѣшницу! Я былъ изумленъ, очарованъ. Эти два рисунка ново-итальянской школы, свѣтлые, прозрачные, между образами старинной живописи протекшихъ столѣтій, какъ два прелестные младенца на мрачномъ кладбищѣ прадѣдовъ, привѣтно улыбались мнѣ своею красотою... Но какъ зашли сюда эти мастерскіе рисунки?! Чья геніальная кисть подарила ими, глухую, уединенную монастырскую обитель?

Въ церкви никого не было, кромѣ меня и одного старика монаха, поправлявшаго дряхлыми, дрожащими руками нагорѣвшія свѣчи у иконъ. Я подошелъ къ нему.

— Скажите мнѣ, св. отецъ, сказалъ я, обращаясь къ монаху: какъ давно существуетъ ваша пустынная обитель?

— Со временъ Генриха III, отвѣчалъ старикъ, продолжая свою работу.

— Много братіи у васъ въ монастырѣ?

— Насъ считается двадцать три человѣка; двадцать четвертый отецъ-настоятель.

— Почему-же онъ двадцать четвертый? съ улыбкой сказалъ я монаху. Кажется, складнѣе начать-бы счетъ съ него, и назвать его первымъ, отецъ святой!

— *Да будетъ всѣмъ слуга тотъ, кто хочетъ первенства*, говоритъ Святое Писаніе, отвѣчалъ набожно монахъ. Въ пустынножительствѣ всѣ степени равны: преимуществуетъ одно только усердіе на службу церкви.

— Скажите мнѣ, батюшка, продолжалъ я, подходя со старикомъ къ колоннамъ, на которыхъ висѣли два завѣтные образа: давно-ли у васъ, въ церкви, эти двѣ картины? Онѣ, мнѣ

кажется, новой итальянской школы? Откуда и какъ попали онѣ въ вашу уединенную пустыню.

— Это работа отца Жерома, спокойно отвѣчалъ монахъ.

— А кто такой этотъ отецъ Жеромъ, батюшка?

— Отецъ Жеромъ? Это одинъ изъ братіи нашей пустынной обители.

— Давно онъ монашествуетъ?

— Еще только годъ.

— Откуда онъ поступилъ къ вамъ?

— Изъ пустыни свѣта, сынъ мой, отвѣчалъ съ ангельскою улыбкою дряхлый старецъ. Отецъ Жеромъ былъ такой-же свѣтскій человѣкъ, какъ и вы; много плавалъ по житейскому морю, воздвизаемому бурею напастей, какъ говорится въ пѣснопѣніи нашей церкви, и, наконецъ, притекъ къ нашему тихому пристанищу пустынножительства. Больше ничего не умѣю сказать вамъ.

— А вы, вѣрно, не здѣшній, милостивый государь.

— Да, я путешественникъ.

— Позвольте спросить, какой вы націи?

— Я русскій.

— Русскій! Въ такомъ случаѣ, вы найдете здѣсь человѣка, съ которымъ можете поговорить на вашемъ родномъ языкѣ.

Я изумился.

— Кто же это такой, батюшка?

— Все тотъ-же отецъ Жеромъ. Онъ знаетъ вашъ русскій, мудреный языкъ, потому что родился и долго жилъ въ Россіи.

Умный разговоръ монаха, въ особенности его мнимый отвѣтъ о художникѣ двухъ мастерскихъ картинъ еще болѣе пробудилъ во мнѣ любопытство. Во чтобы то ни стало, я рѣшился познакомиться съ загадочнымъ отцемъ Жеромомъ, тѣмъ болѣе, что онъ, по словамъ старика-монаха, зналъ нашу матушку Россію.

Церемонія кончилась. Крестный ходъ съ иконами и свѣчами въ рукахъ, съ тихимъ пѣніемъ возвращался въ церковь. Глаза мои слѣдили каждаго входящаго монаха; мнѣ почему-то казалось, что я непремѣнно отличу между ними искуснаго художника; и ничего не бывало. Вся братія прошла тихо мимо меня; я вглядывался пристально въ каждое лицо; всѣ они были почти одинаковы, разумѣется, не по ихъ чертамъ и фигурѣ, а по тихому чувству вѣры и душевному спокойствію, разлитому въ чертахъ каждаго отшельника.

— Этотъ живописецъ, отецъ Жеромъ, какъ вы называете его, здѣсь въ церкви, батюшка? спросилъ я опять стараго монаха, съ которымъ за минуту бесѣдовалъ.

— Здѣсь, сынъ мой; вотъ онъ пошелъ на правый клиросъ, со свѣчею въ рукахъ.

Я взглянулъ на того, кого мнѣ указали. Это былъ мужчина средняго роста, худощавый, блѣдный, съ густыми, кудрявыми, черными, какъ смоль, волосами, упрямо выбивавшимся изъ подъ его маленькаго клабука. Ничего особеннаго невидно было на лицѣ его, кромѣ небольшей блѣдности и глубоко-впавшихъ черныхъ глазъ, которые были полузакрыты, какъ бы боясь свѣта дневнаго. Монахъ этотъ пѣлъ вмѣстѣ съ вошедшими въ церковь братіями. Мнѣ показалось, однако-жъ, что въ голосѣ его былъ какой-то печальный, особенный звукъ, который невольно, какъ будто стонъ разтерзаннаго сердца, прорывался сквозь голоса поющей братіи, и дико прорѣзывалъ своды мрачнаго храма.

По окончаніи службы, когда вся братія начала расходиться по кельямъ, я подошелъ къ отцу Жерому.

Не знаю почему, но мнѣ казалось весьма трудно начать разговоръ съ этимъ человѣкомъ. Лицо его, показавшееся мнѣ съ перваго взгляда совершенно незначительнымъ, теперь совершенно измѣнилось въ глазахъ моихъ. Какое-то чувство, похожее на страхъ, какъ будто останавливало меня. Въ осанкѣ и физіогноміи монаха было что-то величественно-мрачное, замѣтно было, что этотъ человѣкъ, хотя не долго, но много жилъ; настоящее его положеніе въ тиши монастырской, уединенной жизни было для меня какъ-бы послѣднимъ актомъ ужасной трагедіи, первыхъ дѣйствій которой я не видалъ. Но надобно было начать съ чего нибудь.

— Позвольте мнѣ, святой отецъ, познакомиться съ вами и попросить вашего благословенія, сказалъ я по русски интересовавшему меня монаху, проводя его почти до самыхъ дверей уединенной кельи.

Слова мои, казалось, изумили монаха. На блѣдномъ лицѣ его показался легкій оттѣнокъ румянца, какъ слабый и чуть теплый лучь осенняго солнца на поблеклой травѣ; и послѣ минутнаго молчанія, во время котораго онъ какъ будто размышлялъ и взвѣшивалъ слова мои, онъ отвѣтилъ мнѣ вопросомъ съ своей стороны:

— Вы русскій, милостивый государь?

— Да, я русскій путешественникъ.

— Откуда?

— Изъ Москвы.

— А почему вы знаете, что я понимаю вашъ языкъ и могу на все отвѣчать вамъ?

— Это узналъ я отъ одного изъ вашихъ собратій и рѣшился искать вашего знакомства. Я, по моему слабому здоровью, на нѣсколько дней здѣсь, самый ближайшій сосѣдъ вашъ.

— Благодарю за честь предложенія знакомства. Благословенія-же дать вамъ не могу, во-первыхъ потому, что я самъ грѣшникъ, а во-вторыхъ, что я еще не имѣю священническаго сана.

Въ эту минуту мы были у порога его кельи. Онъ остановился въ нерѣшимости, позвать ли меня къ себѣ, или нѣтъ. Я продолжалъ настоятельно.

— Надѣюсь, вы позволите мнѣ войти въ вашу келью, отецъ Жеромъ?

— Если вамъ рѣшительно это угодно, государь мой, я буду радъ.

Мы вошли.

Келья отца Жерома была небольшая квадратная комнатка, лишенная почти всякаго свѣтскаго украшенія, нуждавшаяся даже въ необходимомъ. Столъ въ углу, накрытый черною вощанкой; на немъ большое распятіе съ теплящеюся передъ нимъ лампадою; двѣ небольшія деревянныя скамьи по стѣнамъ; въ заднемъ углу, на длинной деревянной же скамьѣ нѣсколько свѣжей соломы, и, вмѣсто подушки, большія три книги въ кожаныхъ переплетахъ—вотъ все, что я увидѣлъ въ кельѣ отца Жерома. Ни живописнаго станка, ни палитры съ красками, ни кисти, словомъ ничего, чтобы обличало въ немъ художника-живописца, мастерству котораго такъ недавно я удивлялся.

Вошедши въ келью, мы оба молчали, какъ будто не зная съ чего можно и должно было начать разговоръ нашъ.

— Не угодно ли вамъ будетъ отдохнуть нѣсколько въ моей убогой кельѣ, сказалъ, наконецъ, монахъ, придвигая ко мнѣ одну изъ скамеекъ. Сегоднишняя служба была довольно продолжительна.

— Благодарю, отвѣчалъ я, сядясь на скамью; но вы сами, кажется, имѣете болѣе меня нужду въ отдыхѣ. Вы такъ блѣдны и, повидимому, утомлены.

— Благодарю за вниманіе. Но моя блѣдность не болѣзненная. Это обыкновенный цвѣтъ моего лица.

— Я слышалъ, вы знакомы съ моей родиной? спросилъ я.

— Да, я родился въ Петербургѣ, гдѣ покойный отецъ мой, ліонскій уроженецъ, проживалъ довольно долго по дѣламъ своимъ, и вотъ почему я знаю русскій языкъ.

— А давно-ли вы изъ Россіи и давно-ли посвятили себя монашескому сану, отецъ мой? спросилъ я.

Монахъ не отвѣчалъ. Только я замѣтилъ, что дотолѣ потупленный взоръ его вдругъ блеснулъ какимъ-то огнемъ, и онъ быстро вскинулъ на меня глаза свои, какъ два острые луча молніи.

Я повторилъ вопросъ, какъ будто не замѣчая ничего.

Монахъ всталъ съ своей скамьи, подошелъ ко мнѣ съ мрачнымъ видомъ, нагнулся къ моему лицу и черныя кудри густыхъ волосъ его, какъ львиная грива, упали густыми прядями на плеча мои; онъ судорожно схватилъ мою руку.

— Вы меня узнали, милостивый государь? спросилъ онъ мрачно и почти шопотомъ.

Я остолбенѣлъ, и незналъ, что отвѣчать этому загадочному существу.

— Вы меня вѣрно узнали? продолжалъ онъ, крѣпко сжимая мою руку. Ради самого Бога, говорите правду? Вы, можетъ быть, видали меня въ Россіи?

— Первый разъ въ жизни вижу я васъ, наконецъ отвѣчалъ я, собравшись съ духомъ. Вопросъ вашъ чрезвычайно изумилъ меня, св. отецъ!

Монахъ продолжалъ стоять предо мною, устремя на меня, какъ два горящія угля, глаза свои, и молча, какъ-бы отыскивая прочесть на лицѣ моемъ, правду-ли я сказалъ. Наконецъ, онъ выпустилъ мою руку, выпрямился, закинулъ назадъ свои густые, длинные волосы, и произнесъ тихимъ, ослабшимъ голосомъ, стараясь закрыть печальною полуулыбкою свое смущеніе.

— Простите меня, государь мой! На меня часто находятъ припадки почти безумія. Я самъ не знаю, что говорю и дѣлаю. Извините, что не могу продолжать удовольствія бесѣдовать съ вами. Я такъ слабъ теперь, что по необходимости долженъ прибѣгнуть къ покою.

И онъ, въ самомъ дѣлѣ, черезъ силу передвигая ноги, едва могъ дойти до убогаго соломеннаго одра своего.

Странно и неучтиво было бы съ моей стороны настаивать остаться у него въ кельѣ. Я распрощался, жалѣя о его слабомъ здоровьѣ и прося позволенія въ скорости навѣстить его опять.

Монахъ промолчалъ. Тѣмъ кончилось наше первое свиданіе.

По возвращеніи домой, мнѣ сдѣлалось еще скучнѣе, нежели прежде, въ моей уединенной квартирѣ. Таинственный монахъ пустыньки Св. Урсулы не выходилъ изъ моихъ мыслей. Его задумчивое лице, быстрые, проницающіе душу, глаза, безпрестанно рисовались въ моемъ воображеніи! Даже ночью онъ преслѣдовалъ меня въ какихъ-то странныхъ сновидѣніяхъ.

Слѣдующіе два дня мнѣ опять понездоровилось; на третій день, вечеромъ, чувствуя себя гораздо лучше, я отправился снова въ пустыньку св. Урсулы.

Погода въ этотъ день была прекрасная. Вечеръ тихій и теплый. Братья пустынной обители прохаживались въ монастырскомъ саду. Я попросилъ позволенія войти туда и искалъ глазами моего знакомаго незнакомца, отца Жерома; но его не было между гуляющими. Я обратился съ вопросомъ къ одному изъ монаховъ.

— Отецъ Жеромъ рѣдко гуляетъ въ общемъ монастырскомъ саду, отвѣчалъ онъ. Впрочемъ, келья его заперта, онъ вѣрно бродитъ за монастыремъ около стѣны, что къ лѣсу. Это любимое его мѣсто.

Поблагодаря монаха за извѣщеніе, я отправился куда сказалъ онъ, и, въ самомъ дѣлѣ, нашелъ отца Жерома за монастырскою стѣною, граничившею съ сосѣднимъ густымъ лѣсомъ. Онъ сидѣлъ, или правильнѣе сказать, лежалъ на травѣ, облокотясь на свою правую руку, а лѣвою обрывалъ листки росшей подлѣ него полевой ромашки.

Я такъ тихо подошелъ къ нему, что онъ неслыхалъ шаговъ моихъ. Привѣтствіе мое почти заставило его вздрогнуть всемъ тѣломъ; онъ быстро вскочилъ съ мѣста.

— Простите меня, батюшка, началъ я, что я такъ неучтиво прервалъ ваши святыя размышленія и почти испугалъ васъ моимъ появленіемъ.

При словахъ: *святыя размышленія*, у монаха прорѣзалась на лицѣ тонкая, едва замѣтная, ироническая улыбка, быстро смѣнившаяся глубокимъ вздохомъ.

Нѣсколько минутъ молча стоялъ онъ предо мною, по обыкновенію своему, потупя глаза въ землю, наконецъ отрывисто и почти грубо спросилъ меня:

— Скажите мнѣ однажды навсегда, государь мой, что вамъ угодно отъ меня, и за чѣмъ вы меня преслѣдуете такъ неотвязчиво?

Я смутился. Онъ продолжалъ, стараясь смягчить по возможности свой голосъ.

— Мы съ вами совершенно чужіе другъ для друга. Мнѣ очень странно, что я могъ заслужить въ глазахъ вашихъ такое вниманіе къ себѣ.

— Хотите вы искренняго отвѣта, святой отецъ? спросилъ я твердымъ голосомъ монаха, смотря ему смѣло и прямо въ блѣдное лицо.

— Очень желалъ бы, если только это можно.

— Почему жъ нельзя? Вотъ въ чемъ все дѣло. За три дня до теперешняго нашего свиданія, я былъ въ вашей монастырской церкви. Тамъ, у боковыхъ колоннъ, увидѣлъ я двѣ картины, писанныя рукою истиннаго художника...

Потупленные глаза монаха быстро поднялись на меня и загорѣлись дикимъ огнемъ. Я продолжалъ.

— Эти два дивные рисунка, набросанные смѣлою и умною кистью, до того поразили меня своимъ присутствіемъ въ глуши забытой обители, между иконами старинной, грубой работы, что я естественнымъ образомъ полюбопытствовалъ узнать, давно ли, какъ и отъ кого зашли они сюда? Старый монахъ, къ которому обратился я съ моими распросами, назвалъ мнѣ отца Жерома, и я за долгъ почелъ сблизиться съ этимъ человѣкомъ. Я сказалъ все, св. отецъ.

Монахъ долго стоялъ задумчиво, потупя голову.

— Позвольте узнать, кто вы? наконецъ спросилъ онъ привѣтливо, протягивая ко мнѣ свою сухую, жилистую руку. Я знаю еще только одно, что вы русскій и изъ Москвы.

Я назвалъ себя и расказалъ ему коротко, гдѣ я былъ и куда намѣреваюсь еще ѣхать.

— Простите ли вы мнѣ безумныя мои подозрѣнія? сказалъ тогда отецъ Жеромъ, дружески пожимая мою руку. Ваше лестное участіе ко мнѣ перетолковалъ я совершенно иначе. Но какъ быть! несчастіе дѣлаетъ недовѣрчивымъ.

— А вы несчастны? спросилъ я съ участіемъ.

— Теперь счастливъ, потому-что я умеръ для свѣта, а свѣтъ не существуетъ для меня. Въ нашей кроткой религіи много утѣшительнаго для земныхъ страдальцевъ.

Тутъ онъ глубоко вздохнулъ и замолчалъ.

— Я надѣюсь, отецъ Жеромъ, началъ я опять: что вы не откажете мнѣ въ удовольствіи быть иногда у васъ. По слабому моему здоровью я еще пробуду въ здѣшней сторонѣ около двухъ недѣль. Раздѣленное уединеніе легче для человѣка.

— Уединеніе отнюдъ не тяжело, отвѣчалъ онъ. Оно имѣетъ неизмѣннаго прекраснаго товарища — воспоминаніе.

— Согласенъ, только надобно, чтобы это воспоминаніе было о чемъ-нибудь пріятномъ душѣ.

— Не совсѣмъ правда. Даже и горести прошедшія пріятно вспоминать. Интересъ въ этомъ случаѣ зависитъ, можетъ быть, оттого, что прошедшее невозвратимо, невозможно для насъ; а природа человѣческая любитъ порывы къ осуществленію невозможностей. У души нашей есть, такъ сказать, какое-то удальство... Но я забылъ, что могу наскучить вамъ моими, можетъ быть, нелѣпыми разсужденіями. Обращаюсь къ вашей просьбѣ видѣться со мною: очень радъ принять васъ у себя. Не зову теперь, потому что уже поздно; монастырь нашъ запирается въ восемь часовъ. Если вамъ угодно будетъ посѣтить меня въ послѣобѣденное время, я за удовольствіе почту раздѣлить съ вами мое уединеніе.

Мы дружески пожали другъ другу руки и разстались. Онъ пошелъ тихими шагами въ свою пустыньку. Долго смотрѣлъ я вслѣдъ за нимъ; какъ-то важенъ и величественъ казался мнѣ этотъ загадочный монахъ въ своей черной, длинной рясѣ, особенно освѣщенной послѣдними лучами заходящаго солнца, падавшими косвенно на его прекрасную фигуру.

Въ два или въ три свиданія, происходившія въ убогой кельѣ отца Жерома, мы довольно коротко познакомились. Изъ разговоровъ его можно было замѣтить, что онъ получилъ блестящее свѣтское образованіе. Особенно сужденія его о новѣйшей живописи обнаруживали въ немъ глубокое изученіе этого предмета.

Много разъ покушался я заговорить съ нимъ о его прошедшемъ; монахъ всегда искусно умѣлъ перемѣнить матерію, какъ бы избѣгая дальнѣйшей откровенности. Но я видѣлъ, что онъ полюбилъ меня, и почти каждый разъ встрѣчалъ его съ новымъ и большимъ удовольствіемъ.

Однажды, на вопросъ мой: неужли онъ никогда не скучаетъ своимъ уединеніемъ? отецъ Жеромъ отвѣчалъ мнѣ съ меланхолическою улыбкою.

— Уединеніе мое не такъ глубоко, какъ вы думаете. У бѣднаго пустынника есть свой прекрасный, хотя и запрещенный міръ, куда ходитъ онъ тайкомъ въ минуты, когда человѣческая немощь одолѣетъ его.

Я попросилъ объясненія. Монахъ всталъ съ своей скамьи

и повелъ меня къ небольшой, запертой дубовой двери, которую я почти не замѣчалъ до сихъ поръ.

— Вы такъ много показали мнѣ участія, сказалъ онъ, что я считаю за долгъ не таиться отъ васъ. Я познакомлю васъ съ моимъ завѣтнымъ міромъ.

Онъ отперъ дверь.

Это была его мастерская. Станки съ начатыми картинками, палитры, кисти, краски, нѣсколько книгъ, все было разбросано въ безпорядкѣ, обличавшемъ артиста.

Я обомлѣлъ отъ изумленія.

— Вотъ мой прекрасный міръ, сказалъ монахъ, скрывая отъ меня крупную слезу, выступившуюся изъ его черныхъ глазъ. Вотъ моя пустынная Италія, куда хожу я отдохнуть усталою думою, и гдѣ на мертвомъ полотнѣ созидаю я жизнь и памятныя сердцу воспоминанія, о которыхъ до гроба будетъ болѣть душа моя!

Мы оба долго молчали... онъ отъ преизбытка чувствъ; я отъ удивленія при видѣ отличнѣйшихъ произведеній новѣйшей итальянской школы и копій съ знаменитыхъ картинъ Тиціана, Гвидо-Рени, Альбано и Барецци. На многихъ картинахъ улыбались очаровательные пейзажи Италіи, но болѣе всего поразило меня дивное изображеніе итальянки на берегу рѣки, только что вышедшей изъ воды, въ одной тюникѣ, выжимающей мокрые густые свои волосы.

Я спросилъ: портретъ это, или просто фантазія живописца?

— Я показалъ вамъ мой міръ, сказалъ уныло монахъ, но не спрашивайте меня ни слова о немъ. Сердце мое скупо; оно бережетъ свое горе и воспоминанія; глубоко зарываетъ оно внутри себя тайну, какъ скупецъ шкатулку съ сокровищемъ. Я сдѣлалъ для васъ много, введя васъ въ эту завѣтную комнату. Уважьте тайны мои, хотя, можетъ быть, нѣтъ человѣка, которому бы я скорѣй открылъ ихъ, какъ вамъ, потому что душа ваша благородна. Вы человѣкъ, а въ людяхъ часто этого недоищешься.

Молча вышли мы изъ комнаты; я не смѣлъ больше настаивать. Весь этотъ день отецъ Жеромъ былъ грустнѣе обыкновеннаго.

Чрезъ двѣ недѣли я совершенно оправился и долженъ былъ ѣхать далѣе. Мы какъ дѣти плакали, разставаясь съ отцемъ Жеромомъ. Онъ просилъ меня оставить ему мой ад-

ресъ и не забывать его извѣстіями о себѣ изъ Россіи. Воротясь на родину, я послалъ ему два письма; долго не было отвѣта. Кажется, недѣль черезъ шесть, получилъ я съ почты толстый пакетъ за черною печатью; это было письмо настоятеля пустыньки св. Усрулы, въ которомъ извѣщалъ онъ о кончинѣ отца Жерома, и, по порученію его на смертномъ одрѣ, пересылалъ мнѣ тетрадь, адресованную на мое имя и небольшую свернутую картину на холстѣ.

— Картина была поразившая меня итальянка; тетрадь—исторія его жизни. Сообщаю ее читателю не совершенно въ томъ видѣ, какъ получена она мною — тайны мертвыхъ священны; скрою имена.

—

Въ ясное, морозное утро, — 1-го января 1810 года, въ Петербургѣ, на Англійской набережной, скрипѣли по морозу небольшія сани орѣховаго дерева, запряженныя въ одну лошадь. Въ саняхъ сидѣлъ высокій мужчина, въ треугольной шляпѣ, въ теплой ватной шинели гороховаго цвѣта, изъ-подъ которой выглядывалъ шитый золотомъ по черному бархату воротникъ.

Нетрудно было угадать, что это небольшой чиновникъ, развозящій своимъ милостивцамъ поздравленія съ новымъ годомъ.

Сани остановились передъ богатымъ крыльцомъ пышнаго дома, извѣстнаго въ то время вельможи, стараго графа Струйскаго. Чиновникъ, полуокоченѣвшій отъ мороза, съ трудомъ вылѣзъ изъ саней, и чрезъ силу отворилъ тяжелую дверь со стеклами, и вступилъ въ великолѣпныя сѣни съ мраморной лѣстницей, на которую наброшенъ былъ по ступенькамъ длинный англійскій коверъ.

Въ этихъ сѣняхъ встрѣтилъ его высокій швейцаръ, въ богатомъ нарядѣ, съ длинною позолоченною булавою.

— Съ новымъ годомъ, батюшка Карлъ Петровичъ, закричалъ онъ дружескимъ тономъ пріѣхавшему чиновнику.

— Благодарствуй, Андрей! и тебя также. А что, графъ принимаетъ?

— Никого все утро; но вы—другое дѣло, Карлъ Петровичъ; объ васъ доложатъ.

И чиновникъ, по физіогноміи иностранецъ, снявъ свою гороховую шинель, въ полномъ блескѣ своего параднаго мунди-

ра, потирая отъ мороза руки и охорашиваясь, пошелъ по богатой лѣстницѣ.

О немъ доложили. Приказано принять.

Въ большомъ богатомъ кабинетѣ, украшенномъ рѣдкими картинами итальянской школы, марморными статуями и бронзою, посрединѣ стоялъ длинный письменный столъ съ кипами книгъ, бумагъ и рисунковъ; подлѣ стола стояло богатое волтеровское кресло, съ высокою скамейкой для ногъ; на креслѣ сидѣлъ старый графъ Струйскій, въ штофномъ цвѣтномъ шлафрокѣ. Графъ кушалъ свой утренній кофе.

Если вѣрна пословица, что глаза зеркало души, то душа стараго графа была превосходна, потому что глаза его выражали умъ, доброту и проницательность.

— Здравствуй, мой добрый Карлъ Петровичъ! сказалъ съ радушною улыбкою вельможа, обращаясь къ вошедшему чиновнику, поздравлявшему его, не совсѣмъ чистымъ русскимъ языкомъ, въ обыкновенныхъ изношенныхъ терминахъ, съ новымъ годомъ. Какъ поживаешь? Охота тебѣ въ такой большой морозъ безпокоить себя! Мы старые друзья, не взыскали бы другъ на другѣ. Чай тебѣ, ліонскому урожденцу наши русскіе морозы больно не по сердцу?

— Начинаю привыкать, ваше сіятельство, отвѣчалъ чиновникъ, низко кланяясь.

— Ну что, Карлъ Петровичъ, какъ идетъ наша копія съ картины Аппіана... забылъ, какъ она называется?...

— Сраженіе при Лоди, ваше сіятельство; она скоро будетъ окончена. Славная картина!

— Вѣрю; Аппіани любимый живописецъ Наполеона, а Наполеонъ не полюбитъ человѣка безъ достоинствъ. Мнѣ обѣщали на дняхъ доставить еще копію съ картины того-же художника. Опять у насъ будетъ съ тобою работа, другъ Карлъ Петровичъ.

— Очень радъ служить вашему сіятельству.

— А, кстати, скороли ты переѣдешь совсѣмъ ко мнѣ? Комнаты въ боковомъ флигелѣ ужъ очищены. Пора привести въ порядокъ картины въ моей новой пристройкѣ къ галлереѣ.

— Недѣльки двѣ нужно еще обождать, ваше сіятельство.

— Зачѣмъ такъ?

— Въ семействѣ моемъ случилось обстоятельство, по которому я немогу ранѣе переѣхать къ вашему сіятельству?

— А что такое, Карлъ Петровичъ?

— Мнѣ Богъ далъ сына....

— Право? Поздравляю! крещенъ ли онъ?

— Никакъ нѣтъ, ваше сіятельство.

— Ну, я окрещу его у тебя, Карлъ Петровичъ, надѣюсь, что ты не откажешься взять меня въ кумовья, хоть я и не соотечественникъ твой?

— Ваше сіятельство! такія милости.... я не смѣлъ и думать....

— Кончено; я твой кумъ. А какъ зовутъ мальчика?

— Орестомъ, ваше сіятельство.

— Историческое имя! Почему знать, можетъ быть и у насъ изъ ребенка, если онъ будетъ живъ, выйдетъ артистъ, который будетъ принадлежать исторіи.

Чиновникъ съ довольнымъ видомъ и низкими поклонами поцѣловалъ плечо своего патрона.

Черезъ недѣлю, сынъ пріѣзжаго француза, Карла Петровича Жефруа, стараго, весьма извѣстнаго въ то время живописца и члена Академіи Художествъ, завѣдывавшаго богатою картинною галлереею графа Струйскаго, былъ окрещенъ, и принятъ подъ особое покровительство. Семейство помѣстилось въ богатомъ домѣ графа, крестнаго отца маленькаго Ореста.

—

Ровно черезъ двѣнадцать лѣтъ, то есть перваго января 1822 года, въ тотъ же самый богатый кабинетъ графа Струйскаго явился для поздравленія съ новымъ годомъ тотъ-же самый Карлъ Петровичъ, даже въ томъ-же парадномъ мундирѣ, съ воротникомъ, шитымъ по черному бархату золотомъ, разница была только та, что старый графъ сдѣлался еще старѣе двѣнадцатью годами, и вмѣсто одной звѣзды на груди его сіяли уже двѣ, а Карлъ Петровичъ явился объ руку съ прекраснымъ мальчикомъ.

Маленькій Орестъ, сынъ Карла Петровича Жефруа и крестникъ стараго графа былъ дѣйствительно прекрасный мальчикъ. Сложеніе его было крѣпкое, статное, глаза черные, быстрые, волосы — какъ вороново крыло, густые и кудрявые. Во всѣхъ движеніяхъ его обнаруживалась чрезвычайная смѣлость и быстрота; развивающійся умъ проглядывалъ рѣзко въ каждой чертѣ лица его.

— Здравствуй, мой милый крестникъ! сказалъ ласково старый графъ, цѣлуя мальчика въ открытый лобъ. Какъ поживаешь? Что подѣлываешь? Хорошо-ли учится онъ, Карлъ Петровичъ?

— Спросите самаго, ваше сіятельство: онъ малый, незастѣнчивый.

— Учишься-ли ты, Орестъ? Такъ, кажется, зовутъ тебя?

— Да, меня зовутъ Орестомъ, крестный папенька, отвѣчалъ смѣло мальчикъ.

— Хорошо ли и чему ты учишься, малютка?

— Я люблю учиться.

— Браво! что-же ты учишь теперь?

— Учусь по-французски, по-нѣмецки и рисовать.

— А знаешь ли Священную исторію и русскую грамматику? тебѣ надобно знать и ее, потому что ты родился въ Россіи...

— Спросите, что угодно, крестной папенька.

— Вѣрю тебѣ наслово. Кто такъ смѣло говоритъ, какъ ты, тотъ увѣренъ въ себѣ. А что изъ наукъ тебѣ больше всего нравится?

— Я люблю рисовать.

— Славно! Весь въ отца. Порядочно онъ начинаетъ, Карлъ Петровичъ?

— Въ мальчикѣ чудныя способности, ваше сіятельство; онъ успѣваетъ не по лѣтамъ, отвѣчалъ Карлъ Петровичъ.

— Это меня радуетъ. Я желалъ бы видѣть его маленькіе опыты, сказалъ графъ.

Ребенокъ какъ будто окрылился отъ этихъ словъ. Онъ быстро вскинулъ огненные, черные глаза свои на одну изъ картинъ Вандика, висѣвшихъ въ кабинетѣ графа; схватилъ проворно карандашъ и листъ бумаги со стола, и началъ скопировывать одну изъ женскихъ фигуръ.

Карандашъ, какъ быстрый лучь молніи, послушно скользилъ по листу; смѣлою, твердою рукой набрасывалъ чудный ребенокъ очерки фигуры. Въ глазахъ его блисталъ пламень вдохновенія. Старый графъ и отецъ смотрѣли съ безмолвнымъ удивленіемъ на его работу.

— Прелесть! Браво, браво, Орестъ! сказалъ наконецъ старый графъ. О! да ты обѣщаешь славнаго артиста!

Ребенокъ весело улыбнулся и продолжалъ свою работу.

— Только одно замѣчу тебѣ, мой маленькій Рафаэль, продолжалъ съ улыбкою знатока старый графъ: ты слишкомъ великъ взялъ очеркъ фигуры, она не умѣстится во весь ростъ на этомъ листѣ.

Ребенокъ остановился на мгновеніе; вдругъ смѣлый карандашъ его опять забѣгалъ по бумагѣ; онъ въ минуту пере-

мѣнилъ положеніе женской фигуры, и начертилъ воду, черезъ которую пробиралась погруженная до самыхъ колѣнъ молодая крестьянка, осторожно, съ дѣвичью стыдливостью подобравшая руками свое платье.

Старикъ графъ былъ въ восторгѣ отъ смѣтливости ребенка-живописца; расцѣловалъ его почти со слезами на глазахъ; подарилъ ему тысячу рублей на карандаши и краски; а Карлу Петровичу обѣщалъ подумать о ребенкѣ и сдѣлать для него что-нибудь позначительнѣе этого подарка.

Старый графъ сдержалъ свое слово. Крестникъ его, Орестъ, началъ брать уроки у лучшихъ Петербургскихъ живописцевъ. Успѣхи его были неимовѣрны. Въ восьмнадцать лѣтъ картины его геніальной кисти покупались уже знатоками за дорогую цѣну. Старый отецъ плакалъ отъ радости, видя успѣхи сына на своемъ любимомъ поприщѣ. Дальнѣйшее образованіе въ наукахъ и новѣйшихъ языкахъ шло также своимъ чередомъ. Двадцати лѣтъ, Орестъ былъ образованнѣйшимъ молодымъ человѣкомъ и артистомъ, дѣлающимъ честь своей родинѣ.

Благодѣянія стараго графа этимъ не ограничились. Добрый меценатъ захотѣлъ вполнѣ усовершенствовать своего крестника, и предложилъ Карлу Петровичу отпустить сына въ чужіе края, посмотрѣть тамошнюю природу, полюбоваться дивнымъ, еще не вполнѣ достигшимъ до насъ искусствомъ, и усовершенствовать талантъ свой лучшими европейскими образцами. Всѣ издержки путешествія и содержанія его въ чужихъ краяхъ старый графъ бралъ на себя, обѣщался даже адресовать его къ русскому посланнику, проживавшему въ то время въ Италіи, и поручить его вполнѣ вниманію и любви этого человѣка, который былъ родной племянникъ графа, и на котораго онъ надѣялся, какъ на самого себя.

Нужно-ли говорить, что молодой, пылкій юноша-артистъ былъ внѣ себя отъ восторга при одной мысли, что увидитъ Францію, свою невиданную еще, но уже любимую родину и великолѣпную Италію, наставницу всѣхъ артистовъ. Поэтъ въ душѣ, онъ давно сгаралъ желаніемъ летѣть подъ чужое, незнакомое небо, и искать новыхъ вдохновеній въ странахъ чуждыхъ, но прекрасныхъ и родственныхъ ему по порывамъ молодости.

Въ 1830 году, молодой французъ-живописецъ, Орестъ Жефруа, отправился въ чужіе края, напутствуемый благословеніями и слезами своего семейства, съ туго набитымъ бумажникомъ отъ щедротъ своего крестнаго отца и благодѣтеля, съ

душою, наполненною признательностію къ Провидѣнію, и съ богатымъ запасомъ мечтаній въ молодомъ двадцатилѣтнемъ сердцѣ. Счастливый юноша! Но исполнятся ли они, эти радужныя мечты твоего сердца? Осуществятся ли волшебныя грезы твоего воображенія? Природа, люди сдѣлали для тебя все, что могли; что-то ты сдѣлаешь для нихъ въ твоемъ будущемъ?

—

Италія! Италія! страна чудесъ и очарованій! Цвѣтникъ обширнаго сада природы! Какъ описать тебя холоднымъ перомъ, на мертвой бумагѣ, грубому сыну холоднаго сѣвера! Небо твое надобно видѣть, воздухомъ твоимъ надобно дышать, въ очаровательныя ночи твои надобно мечтать и таять въ благовоніи теплой атмосферы. Тогда только доступны красоты твои, тогда только можно, и то не говорить, а пѣть о тебѣ; потому-что ты вся поэзія, дивная Италія, вѣнецъ творенія земной природы, послѣдняя ступень отъ земныхъ красотъ къ красотамъ небеснымъ! О! счастливъ тотъ, кто видѣлъ Италію! Кто жилъ въ ея благоухающей теплой атмосферѣ, тотъ знаетъ жизнь; у того и по возвращеніи на холодный сѣверъ никогда не погаснетъ въ груди отрадное воспоминаніе о счастливомъ прошедшемъ.

Въ этомъ-то очаровательномъ саду, при подошвѣ Святой Горы (Monte Sacro), отстоящей на двѣ итальянскія мили отъ Вареза, въ правой сторонѣ отъ излучистой тропинки, около развалинъ какой-то безвѣстной старой башни, въ 1832 году, въ ясное, итальянское утро, сидѣлъ на большомъ камнѣ модной мужчина прекрасной наружности, съ портфелемъ и карандашемъ въ рукахъ, и молча любовался картиннымъ мѣстоположеніемъ.

Да и было на что любоваться.

На вершинѣ горы бѣлѣлся огромный монастырь, съ своими дикими, каменными, зубчатыми стѣнами; при подошвѣ рисовались въ различныхъ направленіяхъ красивыя деревеньки, между лимонными рощицами и виноградниками, на пространствѣ трехъ миль; къ сѣверу синѣлись Гризонскія горы, и какъ въ прозрачномъ туманѣ, виднѣлись бѣлыя громады домовъ въ городахъ Интрѣ и Паланцѣ; къ западу тянулись необозримыя цѣпи роскошныхъ холмовъ, съ ихъ волшебными рощами и картинными селеніями, на самомъ дальномъ краю небосклона мелькали, какъ воспоминанія, очаровательная Изола Бѣлла, съ ея

огромными садами, и Изола Мадре, съ своею плѣнительною простотою; за ними огромныя Альпы; къ югу обширная долина Ломбардіи, съ своими городами, рощами и дивными каналами — словомъ, было на что полюбоваться!

Утро было очаровательное. Воздухъ тихій, благоуханный. Съ берегу ближняго озера неслись веселыя пѣсни гребцовъ, сопровождаемыя стройными ударами веселъ. Молодой человѣкъ, сидѣвшій на большомъ камнѣ, вздыхалъ полною грудью, какъ бы отъ преизбытка чувствъ, и казалось, всѣми порами своего тѣла впивалъ благорастворенный воздухъ Италіи.

Долго, безмолвно сидѣлъ онъ, погруженный въ созерцаніе дивной природы; наконецъ, вниманіе его привлечено было къ одному мѣсту излучистой тропинки, пролегающей отъ правой стороны Святой горы. Съ этой тропинки, вмѣстѣ съ теплою струею благовоннаго цвѣточнаго воздуха, доносились до него звуки итальянской баркаролы, напѣваемой женскимъ, довольно пріятнымъ, но въ тоже время и нѣсколько грубымъ голосомъ.

Молодой человѣкъ всталъ и подошелъ къ тому мѣсту, откуда слышалось пѣніе.

Баркаролу напѣвала итальянская крестьянка, уже немолодыхъ лѣтъ, шедшая бодро и весело подлѣ своего осла, чрезъ спину котораго были перекинуты двѣ большія тростниковыя корзинки, съ различною огородною зеленью.

Молодой человѣкъ, по-видимому, путешествующій артистъ (но къ чему скрываться? читатель, вѣроятно, давно уже угадалъ, что это былъ нашъ Орестъ Жефруа), остановился на краю тропинки, любуясь и картиннымъ путешествіемъ по гористой тропинкѣ осторожнаго осла съ его корзинами зелени, и поющею его хозяйкою.

Въ самомъ дѣлѣ, эта крестьянка заслуживала полнаго вниманія не только живописца, но и всякаго, съ кѣмъ бы она ни встрѣтилась.

Эта женщина была, по-видимому, лѣтъ тридцати пяти, настоящій типъ итальянки, несмотря на несовсѣмъ молодыя свои лѣта. Волосы ея были густые, черные; глаза быстрые, но въ тоже время и нѣсколько томные; голосъ выразителенъ и силенъ. Пламень воображенія и живость чувства изливались въ каждомъ звукѣ; всѣ тѣлодвиженія ея были граціозны; словомъ, она была итальянка въ полномъ значеніи этого слова. Увидя ее, въ каждомъ поневолѣ раждалась мысль: какъ она должна была быть хороша, когда ей было шестнадцать или

семнадцать лѣтъ! Да и сказать правду, лицо тридцати-пятилѣтней женщины, я разумѣю хорошенькой, всегда очень интересно. Это вѣрный оттискъ всѣхъ прошлыхъ страстей, всѣхъ исторій сердца; это книга, въ которой опытный человѣкъ можетъ прочесть много любопытнаго и даже поучительнаго.

Пѣвица замѣтила, что молодой человѣкъ пристально смотритъ на нее, и что даже, вынувши изъ портфеля бумагу, онъ началъ набрасывать ея фигуру карандашемъ. Итальянка улыбнулась коварно, одною изъ тѣхъ женскихъ улыбокъ, которыми говорятъ: и подъ сорокъ лѣтъ я еще не перестала нравиться!

— Что вы такъ пристально смотрите на меня, сеньоръ? спросила она Ореста, садясь, или лучше сказать, падая подлѣ него на траву, между тѣмъ, какъ оселъ ея уклонялся въ тѣнь отъ жара.

— Любуюсь на тебя, моя красавица, отвѣчалъ Орестъ.

Въ продолженіе своего путешествія по Италіи, онъ успѣлъ выучиться этому языку столько, что могъ свободно объясняться.

— Любуетесь? поздненько спохватились, сеньоръ; я была тогда хороша, когда могла нянчить васъ на рукахъ своихъ.

— Истинно прекрасное не старѣется, моя милая.

— Вы такъ думаете? Но старая Франческа не повѣритъ вамъ. Я считаю себя уже давно старухою, сеньоръ. Когда въ ясную солнечную погоду я взгляну въ свѣтлое зеркало нашего большаго озера, и потомъ погляжу на мою Лору, то вижу, что между нами большое различіе, между тѣмъ, какъ Франческу давно увѣряли всѣ сосѣди, что Лора, какъ двѣ капли воды, похожа на мать свою.

— А у тебя есть дочь, добрая Франческа? спросилъ Орестъ.

— Да, сударь; моей Лорѣ ужъ восьмнадцатый годъ, и сказать правду, она также хороша, какъ и я была въ ея годы.

— Почти не вѣроятно, что ты имѣешь дочь восьмнадцати лѣтъ.

— Судя по вашему выговору, сеньоръ, видно, что вы иностранецъ. Позволѣте спросить, откуда вы?

— Я изъ Россіи, моя милая, сказалъ Орестъ.

— Вы изъ Россіи? съ удивленіемъ вскричала итальянка, и начала осматривать его съ ногъ до головы.

— Отъ чего-жъ ты съ такимъ любопытствомъ смотришь на меня, Франческа?

— Говорятъ, у васъ, на сѣверѣ строятъ себѣ домы изъ льда, и не знаютъ, что такое лѣто и солнце, и вотъ оттого-то, сеньоръ, вы удивились, когда услышали, что у Франчески есть дочь восьмнадцати лѣтъ, тогда-какъ она сама еще не совсѣмъ старуха. Въ вашей сторонѣ вѣчные снѣга, и оттого вы сами и ваши русскія дѣвушки развертываетесь медленно и начинаете любить поздно и холодно. А мы, итальянки, напротивъ. Наши сердца такъ-же знойны, какъ и солнце наше; наши дѣвушки распускаются также рано и быстро, какъ и цвѣты наши; мы начинаемъ любить почти дѣтьми. Франческа четырнадцати лѣтъ была уже матерью, сеньоръ.

— А теперь ты живешь съ мужемъ, Франческа?

— Мой Паоло схороненъ въ вашихъ сѣверныхъ снѣгахъ, сеньоръ. Это былъ храбрый солдатъ Наполеона, не переживший его славы.

— Чѣмъ-же ты живешь, добрая Франческа, лишившись мужа и оставшись съ дочерью?

— У меня есть Богъ на небѣ, и садъ на землѣ. Старый оселъ мой не успѣваетъ перевозить корзины съ огородною зеленью для продажи братіи горнаго монастыря (Virginis immaculatae).

— А ты живешь вѣрно недалеко отсюда?

— А вотъ оборотитесь направо, сеньоръ. Видите, вдали, къ лѣсу бѣлѣются хижины. Это деревня Велата, гдѣ я живу; а вонъ, нѣсколько по-лѣвѣе, у большаго чернаго утеса, окруженнаго виноградными деревьями, лѣпится, какъ птичье гнѣздо, маленькая хижинка съ красною кровелькой. Это жилище мое и Лоры.

— Я бы хотѣлъ видѣть его вблизи, добрая женщина.

— Очень рада, сеньоръ. Оселъ мой отдохнулъ; пойдемте со мною. Отъ насъ прекрасные виды, если вы охотникъ и мастеръ рисовать. Лора поподчуетъ васъ сыромъ и молокомъ.

— Очень любопытенъ взглянуть, какова ты была восьмнадцати лѣтъ, Франческа, сказалъ съ улыбкою Орестъ: если только твоя Лора дѣйствительно похожа на тебя.

— Увидите, сеньоръ, и тогда судите сами, правду ли сказала вамъ Франческа. Признаться вамъ, мой покойный Паоло не разъ бывалъ подъ кинжалами наемныхъ бандитовъ за красоту своей жены; о! итальянцы такіе же знатоки въ женщинахъ, какъ и въ картинахъ. Но пойдемте, сеньоръ; солнце начинаетъ очень палить.

И Орестъ пошелъ рядомъ съ итальянкою, начавшею опять весело звучную баркаролу.

Черезъ полчаса, наши путешественники были уже у дверей хижины Франчески. Но хижина была пуста, и на зовъ воротившейся хозяйки не откликался ни чей голосъ.

— Впустя на небольшой дворикъ осла, Франческа усадила своего гостя на зеленую скамью, подлѣ дверей хижины, въ виноградной бесѣдкѣ, съ полными большими гроздями надъ его головою.

— Я знаю, гдѣ шалунья Лора, сказала она своему гостю, съ нетерпѣніемъ поглядывавшему во всѣ стороны, чтобы увидѣть дѣвушку, которая такъ заинтересовала его. Подойдите сюда, сеньоръ.

Подведя своего гостя къ отвѣсной скалѣ, подлѣ которой была построена хижина, Франческа показала ему внизъ рукою; онъ свѣсился, и... ахъ! что сбылось съ душею пылкаго Ореста, когда онъ увидѣлъ картину, поразившую сладкимъ удивленіемъ всѣ его чувства!

Подъ скалою протекалъ небольшой ручей, извиваясь змѣйкою между зеленью; на берегу этого ручья, на большомъ камнѣ, стояла дѣвушка полураздѣтая, босикомъ, съ открытою грудью, и наклонясь нѣсколько впередъ, выжимала свои густые, мокрые волосы, изъ которыхъ, какъ крупные бриллiанты, сыпались свѣтлыя капли воды. Видно было, что дѣвушка только что выкупалась. Долго не могъ Орестъ отвести отъ нея жадныхъ глазъ; казалось, онъ нашелъ давнишній идеалъ своихъ молодыхъ мечтаній, дивную фигуру и позу, которую ему такъ хотѣлось осуществить кистью на полотнѣ. Въ одну минуту, въ художнической головѣ его образовалась идея картины, которую передастъ онъ на память о себѣ вѣкамъ отдаленнымъ. Да! природа Италіи отнынѣ будетъ существовать на его полотнѣ. Милая, обольстительная дѣвушка, подобно свѣтлому видѣнію неба, явившаяся ему въ такихъ очаровательныхъ формахъ, послужитъ ему моделью. Орестъ уже видѣлъ свою дивную картину, слышалъ въ воображеніи привѣтныя восклицанія, и чувствовалъ на челѣ своемъ будущій лавровый вѣнокъ — награду творческаго искусства.

— Лора! Лора! закричала Франческа, нагнувшись съ утеса.

Лора подняла вверхъ свои дивные глазки—и очарованный Орестъ увидѣлъ двѣ Италіи.

—

Ровно черезъ мѣсяцъ, послѣ этого перваго свиданія, Орестъ и Лора уже тонули въ блаженствѣ взаимной страсти, и голубое небо Италіи, сквозь дымковый покровъ роскошныхъ ночей своихъ, было свидѣтелемъ ихъ земнаго блаженства.

— Лора, милая Лора! говорилъ однажды прелестной итальянкѣ, въ минуты изступленнаго восторга, счастливый Орестъ. Я еще доселѣ не вѣрю вполнѣ своему блаженству. Мнѣ все кажется, что ты меня не любишь, что это только одно сновидѣніе, одна мечта.

— Спи вѣчно, мой Орестъ! отвѣчала съ очаровательною улыбкою итальянка, обвивая свои полныя, роскошныя руки около его шеи. Этотъ счастливый сонъ никогда не кончится для тебя. Любовь Лоры тверда, какъ наши утесы, необъемлема, какъ наше голубое небо, и безконечна, какъ существованіе міра.

Продолжительный влажный поцѣлуй спаялъ горячія уста счастливыхъ любовниковъ.

— Знаешь-ли что, мой милый? продолжала восторженная итальянка. Я какъ будто съ дѣтства знала, что буду когда-нибудь любить русскаго юношу. Когда старый отецъ мой читывалъ намъ съ матушкой по вечерамъ книги, въ которыхъ описывался далекій холодный сѣверъ, съ его вѣчными льдами и неприступными снѣжными горами; когда я слушала, какъ читалъ онъ о вашей закаленной храбрости, о мужественной и сильной волѣ духа этихъ сѣверныхъ витязей, мнѣ всегда казалось, что я увижу нѣкогда передъ собою одного изъ нихъ, мощнаго и прекраснаго, что онъ взглянетъ на меня своими быстрыми, черными глазами и окуетъ меня могучими объятіями. Да, мой милый! Лора ждала къ себѣ долго сѣвернаго красавца Россіи, и сердце ее не обмануло. Таковъ явился ты мнѣ на высотѣ нашего утеса, когда я увидѣла тебя въ первый разъ, подлѣ нашей уединенной хижины: сонъ младенчества сбылся. Я счастлива, столько счастлива, сколько можно быть на этой прекрасной землѣ.

— О, моя Лора! восклицалъ упоенный Орестъ. Радость моей жизни! путеводная звѣзда моя! Какъ благодарить мнѣ Провидѣніе, что оно послало мнѣ тебя, прекрасную, на радость дней моихъ! И я, въ минуты моихъ мечтаній о земляхъ чуждыхъ и далекихъ, всегда почему-то останавливался мыслью на Италіи. И мнѣ казалось, что тутъ должна быть цѣль моего земнаго существованія. Я какъ будто предвидѣлъ, что

здѣсь найду мою вѣрную подругу, мою безподобную, очаровательную Лору!

И они сжали другъ друга въ объятіяхъ, и огневые поцѣлуи потухли въ сладкихъ слезахъ взаимнаго умиленія. Любить въ Италіи — любить вдвойнѣ, потому что сама Италія между всѣми странами тоже, что любовь между всѣми чувствами.

Дни за днями текли для счастливцевъ въ безпрерывномъ упоеніи. Орестъ забылъ все: и друзей, и родину; въ одной Лорѣ сосредоточилъ онъ свое земное блаженство. Пылкая итальянка и сама вполнѣ соотвѣтствовала его страсти. Какъ нѣжны были ея объятія! Какъ сладки поцѣлуи! Старая Франческа видѣла взаимную страсть молодыхъ людей, и молчала. Орестъ поговаривалъ о женитьбѣ, по возвращеніи на родину. Франческа считала его не простымъ живописцемъ, а геніемъ своего искусства, который со временемъ затмитъ славу Рафаэля и Таціана.

Все, что оставалось отъ любви, Орестъ отдавалъ другой своей страсти — живописи. Онъ усовершилъ кисть свою, пользуясь прекрасными образцами знаменитыхъ артистовъ. Теперь онъ самъ могъ уже стать почти на ряду съ лучшими и извѣстнѣйшими. Но въ головѣ и въ душѣ его все гнѣздилась постоянно одна идея, создать оригинальную картину, могущую упрочить его славу по пріѣздѣ въ Россію, которую онъ привыкъ считать своей родиной. Прежде онъ долго думалъ и не рѣшался въ выборѣ предмета для своей кисти; но любовь рѣшила этотъ вопросъ. Орестъ выбралъ италяньку свою предметомъ для большой картины. Онъ живо помнилъ ту дивную минуту, когда она въ первый разъ явилась изумленнымъ глазамъ его, полуобнаженная, на камнѣ, у ручья, подлѣ утеса, гдѣ она выжимала мокрые свои волосы. Этотъ самый моментъ хотѣлъ онъ передать на полотнѣ.

— Лора, говорилъ онъ своей возлюбленный: упрочь мою славу въ будущемъ; позволь списать себя на картинѣ, въ томъ самомъ положеніи, какъ увидѣлъ я тебя въ первое наше свиданіе.

— Твое желаніе мнѣ законъ, милый Орестъ, отвѣчала итальянка; только я не понимаю странности этого желанія.

— Что же тебѣ кажется такъ удивительно и странно, Лора?

— Ты такъ ревнивъ, мой Орестъ, что даже не позволяешь мнѣ безъ себя выходить изъ нашей хижины, боясь, чтобы меня не встрѣтилъ кто-нибудь, а, между тѣмъ, хочешь написать меня на картинѣ и въ такомъ безпорядочномъ положеніи,

забывая на этотъ разъ, что глаза всякаго упадутъ на прелести твоей Лоры, принадлежащія исключительно одному тебѣ.

— Ты права, отвѣчалъ послѣ краткаго размышленія Орестъ. Да, я ревнивъ; чувствую, что я очень ревнивъ, даже, можетъ быть, больше, чѣмъ бы слѣдовало. Но, между тѣмъ, есть въ душѣ моей какое-то чувство, похожее на гордость, по которому я желаю изобразить тебя на картинѣ и показать всему свѣту, какъ бы говоря ему: посмотрите, посмотрите, какой ангелъ любитъ меня! Къ тому-же, милая Лора, картина всегда картина — не болѣе!

Лора улыбалась.

— Кстати о ревности, Лора, продолжалъ Орестъ. Не ужели ты еще не знаешь этого чувства?

— Нѣтъ, отвѣчала итальянка.

— Я думалъ, что въ Италіи эта страсть развивается больше и губительнѣе, нежели на нашемъ холодномъ сѣверѣ.

— Кто любитъ истинно, тотъ вѣритъ свято въ предметъ любимый, Орестъ. Гдѣ-же тутъ можетъ быть мѣсто ревности?

— А мнѣ кажется напротивъ, Лора. Кто не ревнуетъ къ любимому предмету, тотъ холоденъ и не любитъ его вполнѣ.

Лора опять улыбнулась.

— Да, продолжалъ Орестъ, разгорячаясь болѣе и болѣе. Женщина, которую полюбилъ я, которой отдалъ мое сердце, мою душу, всѣ мои мечты, надежды, всю мою будущность, всю жизнь, должна за такое пожертвованіе безусловно принадлежать мнѣ. Она мое сокровище, купленное за дорогую цѣну, и я не хочу ни съ кѣмъ дѣлиться этимъ сокровищемъ. Я отрублю дерзскую руку, которая прикоснется святотатственно къ груди моей возлюбленный. Я выколю тѣ наглые глаза, которые упадутъ случайно на твои прелести. А если, если.... но этого не можетъ быть никогда, Лора! Если когда-нибудь я узнаю, что ты измѣнила мнѣ, что ты любишь другаго, о тогда, тогда.... я не знаю теперь, что я сдѣлаю, но знаю, что это будетъ ужасно!

И поблѣднѣвшій, какъ полотно, Орестъ закрылъ руками лицо свое.

— У насъ въ Италіи, отвѣчала хладнокровно Лора, за всякую измѣну одно наказаніе, и оно очень хорошо и справедливо придумано.

— А какое это наказаніе, Лора?

— Смерть.

Любовники оба замолчали и долго внимательно смотрѣли въ глаза другъ другу.

— Помни-же эти слова, моя Лора, сказалъ, наконецъ, мрачнымъ голосомъ Орестъ. Приговоръ взаимной измѣнѣ произнесенъ самой тобою.

— Я сама вызвалась сказать тебѣ о немъ, Орестъ; значитъ, не боялась подпасть его исполненію. Я уже разъ поклялась тебѣ; кто повторяетъ клятвы, тотъ думаетъ измѣнить.

— Вѣрю тебѣ, моя Лора! поцѣлуй меня! еще... еще... крѣпче, сильнѣе! О, впери въ меня твои свѣтлыя, младенческія очи! Въ нихъ-ли сокрываться измѣнѣ! Не хочу искущать Провиденіе такими несбыточными подозрѣніями. Жизнь души моей, душа моей жизни, моя милая Лора!

— Мой Орестъ!!

Рѣшено было съ завтрашняго дня заняться рисованіемъ картины. Сеансы должны были происходить въ хижинѣ старой Франчески, которая не жила почти дома и оставляла любовниковъ на полной свободѣ.

Описывать ли счастливыя минуты, когда восторженный художникъ, съ своею полуобнаженной итальянкой забывалъ міръ земной, и часто, бросая палитру и кисти, бѣжалъ въ порывахъ страсти къ очаровательному образцу своей картины, и сжималъ его въ своихъ жаркихъ объятіяхъ? Разумѣется, при такихъ обстоятельствахъ работа не могла идти скоро; да и на что? Стоила ли предполагаемая слава, по окончаніи картины, тѣхъ завидныхъ минутъ, которыя были при списываніи?

Но какъ-бы то ни было, работа подходила къ концу. Холстъ исчезалъ подъ кистію живописца—любовника. Очаровательный уголокъ Италіи, съ крутымъ утесомъ, подлѣ котораго лѣпилась хижинка Франчески, какъ будто сотворились въ другой разъ природою. Но что сказать о самой Лорѣ? Это былъ не портретъ — это была она сама! Одна любовь могла произвести такое чудо; кисть живописца была-бы слаба для подобнаго выполненія.

Наконецъ, картина окончена. Лора и старая Франческа были отъ нея внѣ себя, и пророчили громкую славу счастливому артисту. Орестъ сбирался послать ее въ Петербургъ, къ своему благодѣтелю, графу Струйскому, какъ результатъ своего путешествія по чужимъ землямъ, и плодъ стараній и успѣховъ въ живописи.

Въ это время изъ журналовъ узналъ онъ, что въ Парижѣ скоро откроется великолѣпная картинная выставка, на которую приглашали всѣхъ извѣстныхъ художниковъ и охотниковъ. Орестъ даже получилъ пригласительныя письма отъ нѣкоторыхъ изъ своихъ собратій по искусству, съ которыми успѣлъ познакомиться, бывши въ Парижѣ. Не ѣхать туда было для него совершенно невозможно, тѣмъ болѣе, что у него давно уже были заготовлены нѣкоторыя картины для этой выставки. Но главный свой трудъ, вѣнецъ своего таланта, дѣвушку, выжимающую послѣ купанья мокрые волосы, онъ не хотѣлъ везти туда. Она должна была въ первый разъ явиться глазамъ знатоковъ въ Петербургѣ, которому онъ и семейство его такъ много были обязаны.

Но какъ оставить Лору? Какъ разстаться съ очаровательною итальянкою, которую онъ любилъ страстно, которая для него была также необходима, какъ свѣтъ, на который глядѣлъ онъ, какъ воздухъ, которымъ дышалъ онъ? Это тревожило душу Ореста; но не столько любовь, сколько ревность мучила нашего художника. Мысль, что безъ него кто-нибудь увидитъ его Лору, его святыню, будетъ говорить съ ней, можетъ быть, заставитъ ее улыбаться или вздохнуть, одна эта мысль вливала цѣлый адъ мученій въ его душу. Большего онъ не смѣлъ и предполагать. Большего онъ и не перенесъ-бы!

— Милая Лора! говорилъ Орестъ итальянкѣ. Не знаю, какъ согласить мнѣ чувства съ обязанностію. Я долженъ ѣхать, но какое-то мрачное предчувствіе тяготитъ мою душу. Въ Парижѣ долженъ я пробыть, по крайней мѣрѣ, три мѣсяца. Такая продолжительная разлука убьетъ меня.

Печальная Лора молчала; на глазахъ ея блеснули крупныя слезы.

— Скажи одно слово, Лора, и я останусь съ тобою; не поѣду во Францію, продолжалъ Орестъ; откажусь отъ славы, и въ одной любви къ тебѣ заключу блаженство всей моей жизни!

— Нѣтъ, Орестъ, поѣзжай, куда прязываетъ тебя обязанность. Лора не будетъ мѣшать тебѣ на пути къ славѣ. Но ты забудешь бѣдную дѣвушку, которая довѣрчиво отдалась тебѣ всею душою...

— Никогда, клянусь Богомъ никогда! ты не знаешь меня, Лора. Нѣтъ! Орестъ не будетъ счастливъ безъ своей милой. Какъ только устрою дѣла свои, мы поѣдемъ въ Россію, гдѣ живетъ мое семейство. У Ореста не будетъ другой жены, кромѣ

дочери Франчески. И въ холодномъ сѣвѣрѣ любовь наша создастъ новую Италію, еще прекраснѣе здѣшней.

— О, какъ я нетерпѣливо буду ждать твоего возврата, мой Орестъ.

— Но послушай, Лора, началъ въ полголоса Орестъ. Ты знаешь, какъ много я люблю тебя, ты знаешь, какъ безумно ревнивъ я. Прошу тебя, заклинаю тебя нашею взаимною любовью, дай мнѣ обѣщаніе, которое я потребую отъ тебя, и поклянись исполнить его въ точности, если тебѣ дорогъ твой Орестъ.

— Клянусь? Какое-жъ обѣщаніе?

— Обѣщайся мнѣ никогда не выходить изъ своей хижины дальше сада вашего; обѣщайся, что ни чей взоръ не упадетъ на тебя въ продолженіе этой трехмѣсячной разлуки. Я обезпечу Франческу на это время. Я знаю, что вы бѣдны; далъ-бы и болѣе, но я небогатъ еще самъ. Вы обѣ не будете знать нужды, особенно ты; тебѣ не будетъ надобности ходить въ ближній городъ. Обѣщаешься-ли ты исполнить это требованіе, моя Лора? Только получа его, я могу собраться съ духомъ оставить тебя.

— Я уже поклялась напередъ.

— И такъ, теперь я спокоенъ. Богъ слышалъ твою клятву и ангелы записали ее на небѣ. Прости!

—

Орестъ отправился въ Парижъ. Тяжело было ему это путешествіе; одно только будущее радовало его душу. Молодой безумецъ! кто можетъ ручаться за безвѣстное будущее?

Въ Парижѣ, вмѣсто трехъ мѣсяцевъ, онъ прожилъ полгода. Причиною замедленія была болѣзнь, слишкомъ некстати посѣтившая влюбленнаго артиста. Одною отрадою его была переписка съ Лорою. Письма ихъ были нѣжны: оба любили и терпѣли отъ разлуки; а въ такихъ случаяхъ, и, можетъ быть, только въ такихъ, перо пишетъ подъ диктовку сердца. Болѣе всего мучила Ореста мысль, что въ послѣдніе три мѣсяца разлуки старая Франческа съ Лорою могли терпѣть точно такую-же нужду, какъ и прежде, когда еще онъ не помогалъ имъ изъ своего кошелька. Къ довершенію горя, на этотъ разъ финансы и самого Ореста были довольно въ плохомъ положеніи. Изъ Россіи онъ давно не получалъ ничего, ни отъ своего благодѣтеля, графа Струйскаго, ни отъ отца. Посланникъ, къ которому онъ былъ адресованъ старымъ графомъ, проживалъ въ Италіи. А кромѣ его не отъ кого было надѣятся помощи.

Но какъ-бы то ни было, по прошествіи полугода разлуки

съ милою дѣвушкою, Орестъ отправился обратно въ Италію, спѣша увидить кумиръ своего сердца. Проѣзжая Верону, онъ былъ у Посланника, полюбившаго его еще въ первое свиданіе, когда онъ явился къ нему съ рекомендательнымъ письмомъ отъ дяди. Молодой артистъ откровенно признался доброму вельможѣ, что онъ богатъ славой, но бѣденъ деньгами, и бумажникъ его опять наполнился. Хвала русскимъ вельможамъ, покровительствующимъ и на родинѣ, и въ чужихъ странахъ, молодымъ талантамъ!

Посланникъ, узнавъ куда Орестъ ѣдетъ, пригласилъ его ѣхать съ собою.

— Я отправлюсь завтра же, говорилъ онъ: въ Изолу Беллу, къ моему пріятелю, князю Столлини. У него такая богатая картинная галлерея, что грѣхъ не видать ее такому артисту, какъ ты, Жефруа; къ тому же князь писалъ мнѣ, что на дняхъ галлерея эта умножилась новыми оригинальными картинами кого-то англійскаго художника.

Орестъ съ признательностію воспользовался лестнымъ для него приглашеніемъ, тѣмъ болѣе, что Изола-Белла была весьма недалеко отъ селенія Велаты, гдѣ жила Лора.

На другой день они отправились.

Въ самомъ дѣлѣ, картинная галлерея итальянскаго князя, къ которому привезъ Ореста посланникъ, заслуживала полнаго вниманія знатока. Тутъ были лучшія копіи съ извѣстнѣйшихъ произведеній, и даже много оригинальныхъ картинъ, давно пріобрѣтшихъ европейскую извѣстность.

Обласканный владѣльцемъ замка, Орестъ остался на нѣсколько времени у него, чтобы осмотрѣть богатое его собраніе. Хозяинъ познакомилъ его съ англійскимъ живописцемъ, у котораго недавно купилъ много прекрасныхъ картинъ его работы.

Живописецъ этотъ, не смотря на свое искусство, былъ вполнѣ англичанинъ: флегма, холодный и почти ничѣмъ невоспламененный. Оресту трудно было бы сойтись съ нимъ; но искусство не могло не сблизить этихъ людей, хотя и совершенно различныхъ характеровъ. Англичанинъ жилъ въ замкѣ князя, и нанялся даже у него на цѣлые два года, смотрѣть за картинами, что нужно исправлять и пополнять. Ему былъ отведенъ особый флигель для работъ.

Однажды, Орестъ убѣдилъ живописца показать ему свою мастерскую.

Это была длинная галлерея, съ большими окнами на всѣ стороны, уставленная картинами закрытыми, полуоткрытыми

и едва начатыми. Англичанинъ многое показывалъ молча своему товарищу по искусству, и также молча выслушивалъ его сужденія, изрѣдка, говоря только: право? вы думаете? или что-нибудь подобное.

Между многими картинами, которыми любовался Орестъ, особенно понравилась ему одна головка женская. Молча смотрѣлъ онъ на это прелестное, ясное лицо, нѣсколько напоминавшее его сердцу обворожительную Лору.

— Вамъ нравится? спросилъ его англичанинъ.

— Прекрасная головка! въ натурѣ немного найдешь такихъ прекрасныхъ лицъ.

— Есть еще лучше.

— Вѣрно рѣдкость.

— Показать вамъ?

— Что такое?

— Портретъ красавицы итальянки.

— Очень радъ. Неужели подлинникъ лучше этой картины? Во всей Италіи я знаю одну только женщину прелестнѣе; но вы не могли ее видѣть.

— Всякую женщину можно видѣть.

— Не думаю!

— Подите за мной. Но только, чтобъ это было между нами. Я нарисовалъ дѣвушку въ видѣ Венеры, выходящей изъ купальни, и хочу сдѣлать сюрпризъ князю въ день его рожденія.

Англичанинъ повелъ Ореста въ небольшую боковую комнату, гдѣ также стояли картины его работы. Одна изъ нихъ, самая большая, была завѣшена полотномъ. Къ ней подвелъ англичанинъ своего гостя.

— Хороша ли? спросилъ онъ Ореста, открывая картину.

Орестъ вскрикнулъ пронзительно. Передъ нимъ былъ портретъ Лоры.

Въ видѣ Венеры, выходящей изъ мраморной купальни, была написана во весь ростъ обворожительная итальянка. Всѣ формы ея полнаго, роскошнаго тѣла были открыты. Сходство разительное. Нельзя было и сомнѣваться. Картина была снята съ нее. Всѣ эти волшебныя прелести такъ знакомы душѣ Ореста; вотъ даже небольшое родимое пятнушко на плечѣ, которое онъ такъ часто, бывало, осыпалъ горячими поцѣлуями въ минуты изступленныхъ восторговъ!

Англичанинъ улыбался съ довольною миною. Онъ думалъ, что красота портрета и вѣрность его кисти извлекли изъ гру-

ди Ореста его пронзительное восклицаніе. Стонъ болѣзненнаго сердца счелъ онъ возгласомъ удивленія.

— Славная женщина! продолжалъ онъ, раскрывая свою большую малахитовую табакерку и подчуя табакомъ Ореста.

Съ задыхающимся отъ бѣшенства и ревности голосомъ, Орестъ быстро вышибъ изъ рукъ изумленнаго англичанина его табакерку, и вскрикнулъ:

— Говори несчастный, гдѣ ты видѣлъ эту женщину?

— Что такое *несчастый*, спросилъ англичанинъ, плохо понимавшій французскій языкъ, на которомъ говорили они. За чѣмъ вы уронили мою табакерку?

— Гдѣ ты видѣлъ эту женщину? продолжалъ Орестъ, трепеща всѣмъ тѣломъ, съ глазами налитыми кровью. Кто эта женщина?

— Это моя любовница.

— Гдѣ живетъ она?

— Не далеко отсюда. Въ селеніи Велата.

— И она любитъ тебя, говоришь ты?

— Да, я заплатилъ ей золотомъ за мою любовь, и за позволеніе списать съ нее эту картину?

— Адъ и проклятіе! вскричалъ изступленный Орестъ, и, какъ безумный, побѣжалъ вонъ изъ галлереи.

Англичанинъ долго, съ глупымъ изумленіемъ, смотрѣлъ вслѣдъ за нимъ, потомъ медленно почесалъ свой отвислый подбородокъ, и поднимая съ полу табакерку, проворчалъ себѣ подъ носъ:

— Петербургскіе живописцы съумасшедшіе люди. Хорошая картина приводитъ ихъ въ бѣшенство. Какая досада! крышка у табакерки попортилась!

На другой день, рано утромъ, несчастный Орестъ былъ уже у дверей хижины старой Франчески. Тамъ всѣ еще спали. Солнце весело улыбалось изъ-за крутаго утеса. Въ природѣ было все такъ прекрасно, тихо, свѣтло, и такая ужасная буря свирѣпствовала въ сердцѣ несчастнаго!

Черезъ полчаса, старая Франческа вышла изъ хижины въ свой небольшой садикъ и увидѣла Ореста. Она вскрикнула отъ радостнаго удивленія. На ея голосъ выглянула изъ окна полураздѣтая Лора, и черезъ мигъ уже лежала въ объятіяхъ своего любовника.

— Какъ ты блѣденъ, мой милый, говорила она, осыпая его щеки горячими поцѣлуями. Какъ ты много перемѣнился!

— А не перемѣнилась ли ты сама, Лора? мрачно спросилъ ее Орестъ.

— Какъ видишъ, мой другъ, я все таже. Ахъ, какъ давно и нетерпѣливо я ждала тебя, сидя, какъ заключенная птичка, въ нашей хижинѣ.

Орестъ мрачно посмотрѣлъ на коварную итальянку.

— Лора! сказалъ онъ ей. Я усталъ съ дороги, не могу теперь оставаться у васъ. Приходи часа черезъ два ко мнѣ на квартиру. Я остановился тамъ-же, гдѣ жилъ прежде.

—Зачѣмъ-же къ тебѣ, Орестъ? Почему не хочешь ты остаться у насъ? Матушка отправляется на весь день, на свадьбу, въ ближнее селеніе; мы будемъ одни...

— Нужно, Лора, непремѣнно нужно, чтобы ты была у меня сегодня. Мнѣ надобно поскорѣй поправить кое-что въ моей картинѣ. Краски выстоялись. Надобно повѣрить сходство съ тобою.

Онъ ушелъ. Черезъ два часа, итальянка, подъ чернымъ покрываломъ на соломенной шляпкѣ, съ большими полями, была уже въ его квартирѣ.

Видъ и пріемы Ореста были какъ-то торжественны въ минуты, когда Лора, сбросивъ свою шляпку, и разсыпавши по обѣимъ плечамъ свои густые локоны, съ дѣтскою радостію бросилась къ нему на шею. Орестъ даже не поцѣловалъ ее, и, мрачно подведя къ большой картинѣ, снятой съ нея, сказалъ, указывая на пустой стулъ.

— Сядь тутъ, Лора.

— Что съ тобою, мой Орестъ? спросила итальянка, съ лицомъ, на которое начала набѣгать блѣдность.

— Лора! сказалъ Орестъ, какое у васъ въ Италіи наказаніе опредѣлено за измѣну? ты однажды назвала мнѣ его.

— Смерть! едва проговорила трепещущая итальянка, и тутъ только въ первый разъ замѣтила небольшой, блестящій кинжалъ, за сюртукомъ Ореста.

— Ты сама произнесла приговоръ свой, Лора! сказалъ дико Орестъ. Не вскакивай съ мѣста; не бѣги къ дверямъ, они заперты. Я взялъ всѣ предосторожности. Слушай, Лора. Ты погубила и себя, и меня. Ты измѣнила мнѣ, я все знаю... Зачѣмъ было играть моимъ благороднымъ сердцемъ! Зачѣмъ было обманывать Бога ложными клятвами?

— Мой Орестъ! выслушай меня...

— Нѣтъ, нѣтъ! я болѣе не твой Орестъ! не хочу и слушать тебя! сотвори послѣднюю молитву, Лора. Ты не выйдешь изъ этой комнаты.

— Клянусь тебѣ!...

— Не клянись! Ты и такъ уже погубила свою душу. Какъ послѣ твоихъ клятвъ, послѣ такой любви, какую я питалъ къ тебѣ... и отдать себя за презрѣнное золото другому... отвѣчать его поцѣлуямъ.

— Ради самого Бога, выслушай меня, Орестъ. Я меньше

виновата, нежели ты думаешь. Твое долгое отсутствіе... рѣдкія письма... наша бѣдность... совѣтъ матушки...

Дико захохоталъ, хохотомъ неистоваго Оттело, изступленный Орестъ, и, схватя кинжалъ, бросился къ завѣтной картинѣ... Онъ кололъ ее кинжаломъ, рвалъ на куски, крича неистово: такъ да погибнетъ для меня все въ природѣ! такъ уничтожаю я всѣ лучшія мечты моей жизни! Лора! портретъ истребленъ, а этотъ портретъ былъ моей святынею, моимъ образомъ: О! должно уничтожить и коварный подлинникъ. Не хочу, чтобы чья-нибудь святотатственная кисть еще разъ изобразила черты твои на полотнѣ! Поцѣлуй меня, моя Лора!

Лора бросилась къ нему на грудь. Уста ея встрѣтили раскаленный поцѣлуй, а грудь холодное лезвее... Она вскрикнула, и этотъ крикъ былъ послѣдній... кинжалъ вонзился въ самое сердце.

Какъ Каинъ—братоубійца пустился бѣжать Орестъ изъ роковой комнаты. Убійство не могло долго оставаться тайною. Оправдываться было невозможно. Онъ поскакалъ въ Изолу-Беллу.

Тамъ, съ блѣднымъ лицомъ, съ помутившимися глазами, палъ онъ въ ноги русскому посланнику, и признался во всемъ. Добрый вельможа, помня любовь къ нему своего дяди, стараго графа Струйскаго, умѣлъ, хотя и не безъ большихъ хлопотъ, скрыть убійцу отъ преслѣдованія законовъ. Черезъ три дня Орестъ былъ тайно выпровоженъ за границу, и отправился во Францію. Дорога въ Россію запала для него навсегда.

Онъ пріѣхалъ на родину; но безъ радости въ сердцѣ, безъ спокойствія въ душѣ. Преступленіе было скрыто отъ законовъ; но куда уйдетъ, куда скроется убійца отъ суда неумолимой совѣсти?

Черезъ мѣсяцъ Орестъ убѣжалъ тайно отъ всѣхъ въ пустыньку Святой Урсулы...»

—

Черезъ полтора года, на уединенномъ кладбищѣ монастыря, на невысокомъ зеленомъ бугоркѣ, поставили скромный камень, съ чернымъ крестомъ и подписью: здѣсь лежитъ смиренный инокъ Жеромъ, на другой сторонѣ камня текстъ изъ Священнаго Писанія, «*Мали и зли быша дніе его!*»

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ЗВУКИ.

Есть звуки у моря, и чудно они
Встаютъ изъ бездонной его глубины.
Могучіе звуки: подъ сумракомъ водъ
Могучею жизнью природа живетъ.

Въ дубровѣ зеленой звукъ трепетный скрытъ,
И что-то привѣтно душѣ говоритъ:
То пѣсня веселья, подъ тѣнью вѣтвей
Ей вторитъ весенней зарей соловей.

Есть звуки въ пустынной полянѣ, когда
На небѣ блѣднѣетъ подъ тучей звѣзда,
И вихорь на крыльяхъ широкихъ летитъ
И пыльныя волны вздымая крутитъ.

Безъ звука въ природѣ могила одна,
Тиха, безотвѣтна ея глубина, —
Въ ней арфа лишь скрыта, но звукъ по струнамъ
Скользнулъ и умчался къ роднымъ небесамъ.

И въ сердцѣ есть звуки, и чудны они,
Могучи, свободны, какъ рокотъ волны,
И трепетно сладки, какъ шелестъ листовъ,
И дики, какъ вѣтеръ, дитя облаковъ.

И звуки изъ сердца, то свѣтлой слезой
Дрожатъ на рѣсницахъ, то пѣснью живой
И стройною льются, бѣгутъ далеко, —
И сердцу отрадно, свѣтло и легко.

Когда жъ, какъ могила, сокроетъ оно,
Что долго любило, чѣмъ жило давно, —
Оно, какъ могила, затихнетъ, замретъ,
И въ дальнее небо свой звукъ отошлетъ.

Ѳ. Двощинская.

=

ЦВѢТОКЪ.

Есть цвѣтокъ... его на лирѣ
Вѣчно славить я готовъ.
Есть цвѣтокъ... онъ въ грустномъ мірѣ
Краше всѣхъ другихъ цвѣтовъ.
То цвѣтокъ неоднолѣтній:
Все милѣе, все привѣтнѣй
Онъ растетъ изъ году въ годъ,
И, дивя собой природу,
По семнадцатому году
Полной прелестью цвѣтетъ.
Онъ подъемлется такъ статно,
Шейка тонкая бѣла,
А головка ароматна,
И кудрява, и мила.
Онъ витаетъ съ свѣтѣ горнемъ,
И плѣнительно живой—
Онъ не связанъ грязнымъ корнемъ
Съ нашей бѣдною землей.
Не на стеблѣ, при дорожкахъ,
Неподвижно одинокъ, —
Нѣтъ,—на двухъ летучихъ ножкахъ
Вьется рѣзвый тотъ цвѣтотъ.
Отъ невзгодъ зимы упрямой
Жизнь его охранена
За двойной ревнивой рамой
Свѣтозарнаго окна,—
И, безпечный, онъ не слышитъ
Бурь, свистящихъ въ хладной мглѣ:
Онъ въ свѣтлицѣ нѣгой дышетъ,
Рдѣетъ въ комнатномъ тѣплѣ.

Непонятное растенье!
Нѣженъ, хрупокъ каждый сгибъ:
Лишь одно прикосновенье—
И прелестный цвѣтъ погибъ!

Увлекая наши взоры,
Слабый ищетъ онъ опоры;
Но страшитесь!. Онъ порой,
Томный, розово-лилейный,
Дышетъ силой чародѣйной,
Колдовствомъ и ворожбой.
Полный прелести, онъ разомъ
Сердце ядомъ напоитъ,
Отуманитъ бѣдный разумъ,
Обольститъ и улетитъ!

В. Бенедиктовъ.

=

ВРЕМЯ.

Время бродитъ старикомъ,
Подъ косматымъ парикомъ,
И въ окошко костылемъ
Грозно къ намъ стучится

Время вѣрный часовой—
И зоветъ оно съ собой,
По привычкѣ вѣковой,
Смертнаго сразиться...

И съ костлявою рукой
Старца, жилистой, сухой,
Мы спѣшимъ отважно въ бой,
Не трезвы съ похмѣлья!

Мы хотимъ его убить,
Убаюкать, усыпить,
Въ сладкой чашѣ утопить
Буйнаго веселья

Но, безумные бойцы!
Съ нимъ боролись мудрецы,
Не такіе удальцы —
Пали жертвой битвы!

Кто же время покоритъ?
Или кто съ нимъ устоитъ?..
Тотъ, кто взялъ надежный щитъ —
Вѣры и молитвы.

В. Корсакъ.

=

ДОБРЫЙ СОВѢТЪ.

Не вѣрь любви... любовь обманетъ!
Не вѣрь ты дружбѣ... нѣтъ ея!
И рано-ль, поздно-ли, настанетъ
Разувѣренье для тебя.

Любовь и дружба — сонъ прекрасный,
Но все не болѣе, какъ сонъ,
И только мукой ежечасной
Поплатится всегда несчастный
За то, что вѣровалъ въ нихъ онъ.

Зачѣмъ-же расточать безумно
Намъ чувства лучшія свои,
И въ вихрѣ жизни праздно-шумной
Искать и дружбы и любви?

Зачѣмъ въ напрасныхъ ожиданьяхъ
Терять намъ лучшіе года,
Чтобъ послѣ, въ горѣ и страданьяхъ,
Забывъ о свѣтлыхъ упованьяхъ,
Томиться скукой завсегда?

Нѣтъ! лучше и зародышъ чувства
Въ груди своей ты задуши,
И помни — здѣсь одно искуство,
Но нѣтъ нигдѣ родной души!

Вооружась разсудкомъ хладнымъ,
Люби ты одного себя,
Простись съ мечтаніемъ отраднымъ
И будь бойцомъ ты безпощаднымъ,
Другихъ съ усмѣшкою губя.

И хоть не счастливъ, но доволенъ
Своей судьбою будешь ты,
Спокоенъ, равнодушенъ, воленъ
Забывъ, что въ мірѣ есть мечты.

Д. Сушковъ.

=

* * *

Одинъ я провожу мучительныя ночи,
Но не безумная въ нихъ царствуетъ любовь:
Не смотрятъ мнѣ въ глаза пронзительныя очи,
Не ревность буйная волнуетъ въ сердцѣ кровь;
Не кудри темныя, не станъ, не грудь, не плечи—
Неугомонная рисуетъ мнѣ мечта;
Не жду условнаго я часа тайной встрѣчи,
Не жаждутъ жгучаго лобзанія уста.
Ни встрѣчи радостной, ни горькаго прощанья
Ужъ для меня теперь мгновенья не придутъ,
И съ устъ моихъ ни чьи горячія лобзанья
Слѣда послѣдняго лобзанья не сотрутъ.
Безъ сна я провожу мучительныя ночи
За тѣмъ, что мой фіалъ до дна ужъ осушенъ,
За тѣмъ, что вѣчнымъ сномъ спятъ милыя мнѣ очи
И для покоя мнѣ такой-же нуженъ сонъ!

Н. Грековъ.

=

ФОНТАНЪ.

Давно-ли ты быстро, красиво, высоко
Металъ свою влагу игривымъ столбомъ?
Давно-ли твой говоръ былъ слышенъ далеко,
И я любовался сребристымъ дождемъ?
Давно-ли? давно-ли?... Гдѣ жъ прежнія силы?
Я помню то время, когда ты шумѣлъ:
Какъ жадно я слушалъ твой ропотъ унылый!
Но вотъ, какъ нарочно, ты вдругъ онѣмѣлъ...
Гора вѣковая тебя завалила:
Я вѣрю, что душно подъ нею лѣжать!
Не такъ ли у насъ отнимаетъ могила
Товарища брата, сестру, или мать?

Ип. Голубинъ.

=

ЗАБЫВЧИВО СЕРДЦЕ.

Забывчиво сердце для горя:
Минута, слеза — и легко!
Знать много святыхъ утѣшеній
Сокрыль въ немъ Господь глубоко.
Рѣшимость ли, сила, надежда
Иль, просто, забвеніе въ насъ,
Но радости первой, какъ дѣти
Игрушкѣ мы рады тотчасъ.
Готовы объятія другу,
Любовь и прощенье врагамъ,
И міръ весь прекрасенъ, какъ будто
Явился впервые онъ намъ...
Такъ съ видимой жизнью природы
Мы жизнію сердца сходны,
Въ ней все — и печаль непогоды,
И радость святой тишины.

Н. Хвощинская.

ТЕАТРАЛЪ.

(*Эскизъ*).

Вы желаете знать, кто я:
Умный малый иль дуракъ,
Въ родѣ-ль свѣтскаго героя,
Иль какой нибудь чудакъ?
Я ни то, ни се, ни третье,
Я не левъ и не шакалъ,
Не онагръ я, не медвѣдь я,
А чистѣйшій театралъ.
Вкусъ мой древній, вкусъ аѳинскій:
Весь мой міръ театръ Большой,
Иногда Александринскій,
Да Михайловскій порой.
Но съ сценической натурой
Не отсталъ я отъ людей,
Занятъ то литературой,
То объѣздкой лошадей.
Иногда читаю драмы,
Водевильный дребедень,
И балетныя программы,
Да афишки всякій день.
Разговоромъ много вѣсу
Я могу себѣ придать,
И любой балетъ и пьесу
Вамъ возмусь пересказать.
Я легко перещитаю
Всѣхъ актеровъ и актрисъ,
И заранѣе ужъ знаю,
Кто беретъ что въ бенефисъ.
Мало люди, всѣ кулисы
На театрѣ близки мнѣ,
Каждой мыши тамъ и крысы
Біографія въ умѣ.
Тамъ въ своей я чисто сферѣ,
Сцена жизнь, любовь моя,
Мой родной пріютъ въ партерѣ,
Въ немъ мой домъ, моя семья.
Поутру я прозябаю
И хожу, какъ будто тѣнь,
Съ семь часовъ я оживаю..

(Я въ театрѣ каждый день).
Для меня посты — мученье;
Я страдаю, какъ больной,
Лишь бываю въ восхищеньи
Отъ живыхъ картинъ порой.
Я таланты уважаю,
Но съ талантомъ за урядъ,
Каюсь грѣшный, поощряю
Красоту и милый взглядъ!
Что милѣй быть можетъ въ свѣтѣ
Какъ на сценѣ красота?
А особенно въ балетѣ,
Гдѣ все дивно, какъ мечта!
Эти ручки, эти ножки,
Глазки, станъ, воздушный газъ,
Сердце вамъ скребутъ какъ кошки
И какъ иглы колятъ глазъ!...
Славу, честь, дѣла мірскія
Суетой считаю я,
Связи, почести людскія —
Все ничтожно для меня!
Я въ театрѣ только веселъ,
Въ немъ я счастіе храню,
И своихъ завѣтныхъ креселъ
Съ цѣлымъ міромъ не сравню!
Въ креслахъ честь моя и сила,
Въ нихъ я баринъ и судья,
Поощряю все, что мило,
Дурно что—караю я!...
Что жъ по вашему, медвѣдь я,
Модный левъ или шакалъ?
Я ни то, ни се, ни третье,
Я чистѣйшій театралъ!

П. Ѳедоровъ.

ИСТОРІЯ ИСКУССТВА.

—

ЛАРРА.

ИСПАНСКІЙ ЮМОРИСТЪ.

Статья Шарля Мазада.

—

Изъ чего состоитъ душа юмориста? Какіе элементы входятъ въ эту натуру, безпокойную, потрясаемую всякимъ дуновеніемъ? Самое названіе, можетъ быть, покажетъ это лучше всякаго опредѣленія. Слово новое, *юмористъ*, не выражаетъ ли смѣсь чувствительности и ироніи, граціи и безпощаднаго сарказма, легкомыслія и глубины, нѣжности и силы, смѣсь, составляющую характеръ самый странный и необъяснимый? *Юморъ* есть соединеніе этихъ качествъ, по видимому, несовмѣстимыхъ, но сходящихся, однако-же, въ нѣкоторыхъ исключительныхъ натурахъ, которыхъ оригинальность именно состоитъ въ этомъ разнообразіи. Юморъ, это откровенная и живая вспышка ума, всему сочувствующаго, все понимающаго и все выражающаго; это свободное, неправильное и смѣлое теченіе мысли, никогда не дремлющей, играющей отступленіями и увлекающейся ими, когда поподается ей какое нибудь скрытое противорѣчіе нашей природы, какая нибудь поруганная истина; — мысли, влекомой къ неизвѣстному какимъ-то таинственнымъ магнетизмомъ и проникающей подъ легкою и свободною оболочкою въ самые темные изгибы нравственнаго міра, бросающее на каждомъ шагу слова наблюдательности, дающей всему видъ прихотливый, создающей силою фантазіи перемѣнчивые образы еще болѣе перемѣнчивой дѣйствительности. Послѣдуйте за этою блуждающею мыслію. Вы ее видите веселою, смѣющеюся, насмѣшливою; кажется, она на своемъ мѣ-

стъ. Но не довѣряйтесь этой веселости; она мгновенна; смѣхъ прикрываетъ слезы; грусть слѣдуетъ за вспышкой радости. Только тогда духъ сохраняетъ ясность и спокойствіе, когда не прикрывается наружню оболочкою, обманывающую обыкновенныхъ людей. Но не можетъ вѣчно улыбаться тотъ, кто перебираетъ всѣ фибры человѣческія, и даже смѣхъ его принимаетъ особенный характеръ. Въ немъ иронія принимаетъ серіозный или трогательный оттѣнокъ, и что производитъ эту быструю перемѣну? Какая нибудь бездѣлица, неуловимая для надутой важности. Птичка въ клѣткѣ внушитъ трепещущія страницы о рабствѣ и свободѣ! ничтожный случай на улицѣ возбудитъ пылкое сочувствіе къ общественнымъ страданіямъ; мимолетное облако вызоветъ завѣтныя, трогательныя воспоминанія; плачь ребенка подниметъ тяжелые жизненные вопросы. Подождите еще минуту: прихотливый геній, такъ глубоко взволновавшій васъ, уже нашелъ свою легкую иронію, свою неистощимую веселость, свой сильный и мѣткій сарказмъ. Эта быстрота впечатлѣній, эти вѣчноновые контрасты составляютъ секретъ юмориста, увлекаемаго только настроеніемъ духа; одаренный чудною способностію обнимать обѣ стороны жизни, раздѣляться между смѣхомъ и слезами, онъ переходитъ отъ одного предмета къ другому, освѣщая все своею неутолимою наблюдательностію.

Подъ этимъ знаменемъ юмористической фантазіи, составляющей самую живую форму сатиры, толпится цѣлая фаланга писателей, — Свифты, Стерны, Квеведо, Гоцци, — которые рѣзко отличаются отъ другой породы сатириковъ, болѣе воздержныхъ и скромныхъ,—Буало, Попе, Арджансола, поэтовъ трудолюбивыхъ и благоразумныхъ, идущихъ прямо къ цѣли, не увлекаясь ни мелькнувшею мыслію, ни порывомъ вдохновенія. Въ ихъ произведеніяхъ блещетъ красота внѣшняя, геній порядка; созданія первыхъ увлекаютъ внутреннею прелестью, разнообразіемъ, всѣми случайностями пылкаго восторга. Мы находимъ подобныхъ писателей даже въ древности. Горацій, практическій философъ, скептическій совѣтникъ всѣхъ возрастовъ, и юноши и старца, не есть ли юмористъ римской литературы? Въ самомъ дѣлѣ, взгляните на этого поэта, «посѣдѣвшаго преждевременно, наслаждающагося солнцемъ, легко воспламеняющагося, и также легко утихающаго,» какъ онъ самъ говоритъ; взгляните на него, когда онъ мечтаетъ о сладостномъ и вѣчномъ противорѣчіи любви, такъ ловко имъ

помѣченномъ и такъ очаровательно выраженномъ въ его Donec gratus eram, шли тихо повторяющаго меланхоличвскую пѣснь о скоротечности времени:

Увы! увы! утекаютъ быстрые годы!

Въ древности греческой авторъ *Птицъ* и *Осъ*, Аристофанъ, переходящій отъ высокаго лиризма къ странному шутовству, тоже принадлежитъ къ числу рѣдкихъ талантовъ, играющихъ жизненными контрастами и облекающихъ познаніе сердца человѣческаго въ прихотливую одежду юмора. Къ нимъ можно присоединить Лукіана, котораго смѣлый сарказмъ преслѣдуетъ умирающихъ боговъ, Лукіана, возвышающагося иногда до истиннаго краснорѣчія. Мы хотимъ показать только существенную разницу между этими писателями и юмористами позднѣйшаго времени: чѣмъ болѣе развивается цивилизація, тѣмъ утонченнѣе, проницательнѣе и желчнѣе становится наблюдательность; тѣмъ болѣе энергіи пріобрѣтаетъ чувствительность, и тѣмъ болѣзненнѣе выражается скептицизмъ, волнующій эти умы. Величайшій образецъ, это Шекспиръ, съ высоты своей царственной ироніи судящій, устами Гамлета, перевороты смерти, взвѣшивающій въ своей рукѣ остатки *бѣднаго Іорика*, этотъ жалкій прахъ шута, занимающій не менѣе мѣста, какъ и прахъ Александра. Поэтическая прелесть и высокомѣрная горечь, блескъ и глубина, все здѣсь; таковъ высокій типъ, воспроизводимый съ тысячами оттѣнковъ новѣйшими юмористами. Современная Испанія, среди умственнаго обновленія, полнаго неудачь и жалкихъ попытокъ, имѣетъ въ Ларрѣ человѣка, достойнаго занимать мѣсто между этими прихотливыми и наивными мыслителями, сатирика, преслѣдующаго истину подъ обманчивымъ покровомъ, избѣгающаго избитыхъ дорогъ и придающаго страницамъ объ искусствѣ, политикѣ или правахъ, драматическій интересъ, производимый смѣшеніемъ насмѣшки съ душевнымъ волненіемъ.

И такъ, всѣ литературы имѣютъ писателей, которыхъ произведенія обозначены въ различной степени печатью независимой фантазіи. Югъ имѣетъ своихъ юмористовъ, какъ и сѣверъ, и интересно было бы прослѣдить это направленіе духа человѣческаго во всѣхъ его выраженіяхъ, во всѣхъ его мелкихъ оттѣнкахъ, во всѣхъ формахъ, измѣняющихся по времени и мѣсту. Любопытно было бы слѣдовать по стопамъ юмора въ каждой эпохѣ и въ каждой странѣ, въ Германіи, въ

Англіи или въ Италіи, даже во Франціи, гдѣ положительность національнаго духа не мѣшаетъ иногда неожиданнымъ вспышкамъ, и въ Испаніи, гдѣ Ларра возобновилъ прерванное начало, собралъ наслѣдство Сервантеса, Квеведо и другихъ, мѣнѣе извѣстныхъ авторовъ. Дѣйствительно, юмористическая фантазія встрѣчается въ прошлой литературѣ Испаніи, въ особенномъ свойственномъ ей видѣ. Въ ней нѣтъ аналитическаго наблюденія, развитаго протестантизмомъ; она не теряется въ метафизакѣ ума и сердца, увлекающей смѣлое вдохновеніе Жанъ-Поля; она не погружается въ мистическія и сверхъ-естественныя мечтанія Гофмана и не прикрывается волшебною и дѣтскою миѳологіею Гоцци. Ея существенное качество есть теплое и могучее разумѣніе практической жизни, всѣхъ ея условій, всѣхъ контрастовъ. Она отличается изображеніемъ дѣйствительности во всей ея наготѣ. По этому самыя смѣлыя созданія испанскаго юмора, даже разцвѣченныя оттѣнкомъ чудеснаго, носятъ печать непоподражаемо-яснаго и точнаго наблюденія. Самые странные вымыслы его имѣютъ жизнь и рѣзкую очерченность, напоминающія энергическую манеру нѣкоторыхъ испанскихъ живописцевъ. Причудливость его выражается въ быстромъ движеніи сценъ, въ разнообразной и драматической послѣдовательности картинъ, въ искусномъ сочетаніи элементовъ дѣйствительности, въ рельефномъ изображеніи страстей, пороковъ, недостатковъ, проводимыхъ передъ вами во всѣмъ блескѣ ихъ ничтожества и ихъ гордости.

Эти качества, доведенныя до высшей степени развитія, создали *Донъ-Кихота*, произведеніе единственное, показывающіе зрѣлость ироніи въ Испаніи въ то мгновеніе, когда національный духъ, оставляя сферу рыцарскаго идеализма, привязывался къ землѣ. Таковъ же, въ низшемъ разрядѣ, характеръ всей литературы называемый littérature picaresque: этаго ряда сатирическихъ очерковъ нравовъ, этой народной иліады бродяжничества, беззаботной нищеты, отважныхъ промысловъ: Lazarille de Tormès, Guzman de Alfarache, el gran Tacano, Rinconetta y Cortadillo, la Gitanilla de Madrid. Всѣ эти сочиненія составляютъ различныя эпизоды одной юмористической иліады, не лишенной единства, хотя написанной разными авторами, и несправедливо почитаемой не слишкомъ разборчивою апологіею галерныхъ героевъ. Напротивъ того, это живая и свободная драма, въ которой встрѣчаются всѣ общественныя физіогноміи отъ брод-

щаго цыгана безъ пристанища и закона, до гордаго и бѣднаго дворянина, отъ сластолюбиваго и невѣжественнаго монаха до корыстнаго и продажнаго судьи. Не цѣлое ли общество представляется удивленнымъ взорамъ студента дона Клеофаса въ *Хромомъ бѣсѣ?* Неистощимый запасъ легкой веселости и насмѣшливости оживляетъ эти произведенія. Но не думайте, чтобы эта иронія боялась коснуться вопросовъ серьозныхъ и важныхъ. Прочтите внимательно сильную и трогательную страницу *Гусмана Альфарача* о богатыхъ и бѣдныхъ, начинающуюся такъ: «Бѣднякъ, это — истертая монета. Хочетъ онъ говорить, его не слушаютъ; встрѣтится ли съ кѣмъ, его избѣгаютъ; даетъ ли совѣтъ, возбуждаетъ ропотъ; дѣлаетъ ли чудеса, его называютъ колдуномъ; его добродѣтель — лицемѣріе, малѣйшій проступокъ—богохульство, его мысль наказывается какъ преступленіе; правосудія для него нѣтъ и развѣ въ той жизни избавится онъ отъ постоянныхъ оскорбленій. Объ его нуждахъ никто не заботится. Кто утѣшаетъ его въ испытаніяхъ? кто сопутствуетъ ему въ уединеніе? Никто ему не помогаетъ; всякій, напротивъ того, воздвигаетъ ему препятствія.... Но какъ отлична судьба богатаго!.... »

Изъ всѣхъ этихъ писателей, едва извѣстныхъ по имени, самый замѣчательный, истинный представитель испанскаго юмора, есть Квеведо. Брошеный въ жизнь, полную случайностей, съ геніемъ въ высшей степени дѣятельнымъ, проницательнымъ и плодовитымъ, лирическій поэтъ, авторъ книгъ историческихъ, политическихъ и аскетическихъ, которыя онъ писалъ, какъ Стернъ свои проповѣди, между двумя главами *Тристрама Шенди*. Квеведо выказываетъ всю силу своего оригинальнаго таланта только въ произведеніяхъ наименѣе почитаемыхъ историками литературы и подходящихъ къ разряду произведеній фантастическихъ. Возмите его *Міръ съ изнанки* (el Mundo por dedentro.) Посмотрите, какого страннаго вожатаго беретъ онъ для изученія тайныхъ пружинъ свѣта. Это *разочарованіе* (el Desenganno), представляющееся ему въ образѣ колкаго и суроваго старика. Этотъ старикъ ведетъ его по большой улицѣ міра, называемой *лицемѣріемъ*, «улицѣ, въ которой каждый человѣкъ имѣетъ домъ, квартиру или мѣсто отдыха. Одни живутъ въ ней; счастливы тѣ, которые по ней только проходятъ!» Передъ Квеведо проходятъ всѣ лицемѣрія людскія и онъ налагаетъ на каждое изъ нихъ неизгладимое клеймо устами безпощаднаго старца. Разочарованіе показываетъ ему на каждомъ шагу порокъ и слабость, прикрывающіеся на-

ружною строгостью нравовъ, смѣлый и лукавый эгоизмъ подъ маскою милосердія и филантропіи, непостоянство сердца, выдаваемое за вѣрность, корыстолюбіе подъ именемъ любви и даже физическое безобразіе, старающееся украсить себя искуственною красотою. Это настоящая процессія разнообразныхъ пороковъ, ложью втирающихся въ свѣтъ. Все оживляется, все движется, все олицетворяется подъ изобрѣтательнымъ и мощнымъ перомъ Квеведо.

Нужна ли другая картина? Возмите его ироническое и погребальное сновидѣніе, el Sueno de las calaveras. Это всеобщее пробужденіе мертвыхъ, призываемыхъ на страшный судъ и собирающихъ свои разсѣянные члены, которые никакъ не сходятся. Здѣсь сластолюбцы, «которые не хотятъ взять своихъ глазъ, чтобы не свидѣтельствовать самимъ противъ себя на судилищѣ; тамъ нищіе, которые не хотятъ отыскать своего языка.» Далѣе купцы, «*выворачивающіе свою душу на изнанку*...» Можно ли забыть этого Прокурора, Прометея въ новомъ родѣ, у котораго коршунъ безпрестанно обгрызаетъ ногти, все вновь вырастающіе, и судью, вѣчно моющаго свои руки въ ручьѣ, чтобы смыть съ нихъ *жиръ*, оставленный просителями. Есть еще другое лицо, не менѣе любопытное и дѣйствительное, мертвецъ меланхолическій и скучный, исхудалый и тощій, выступающій впереди всей фаланги. Хотите знать его имя, обратившееся въ поговорку? Это *нѣкто*, странный миѳъ, безъименное существо, играющее столь важную роль въ жизни. Распространители худыхъ слуховъ приписываютъ ему свои клеветы, невѣжды свои глупости, педанты свои двусмысленныя цитаты, великіе политики свои утреннія новости. Римляне называли его quidam. Какъ бы ни называли его теперь, все таки это тотъ, который никогда не возражалъ ни на что, но сохраняетъ даже по смерти, по словамъ испанскаго сатирика, свою бѣлую одежду въ знакъ своей невинности во всемъ, что на него взваливаютъ. Чудный типъ, занимающій важное мѣсто въ комическомъ перечисленіи людскихъ слабостей! надобно слѣдовать за авторомъ шагъ за шагомъ въ каждой главѣ этого произведенія неподражаемаго остроумія, въ *домѣ сумасшедшихъ отъ любви*, въ *стойлахъ Плутона*, чтобы составить понятіе о его наблюдательности, тонкости, изобрѣтательности, горечи и шутливости.

Правда, для полноты юмора Квеведо не достаетъ симпатической нѣжности, трогательнаго состраданія, развитыхъ бо-

лѣе новѣйшимъ вліяніемъ и полнѣе выражающихся въ Ларрѣ. Квеведо слишкомъ рѣзко выставляетъ смѣшную сторону человѣчества, и не схватываетъ вполнѣ другихъ сторонъ его, болѣе нѣжныхъ, болѣе великодушныхъ; но, вмѣсто сердечной теплоты, онъ обладаетъ краснорѣчіемъ ума, получающимъ подъ его перомъ живой и живописный оборотъ. Нѣкоторыя изъ его картинъ дышатъ неподдѣльнымъ величіемъ. Таковъ образъ смерти, «обвѣшанной коронами, скиптрами, митрами, бархатомъ, шитьемъ, холстомъ и власяницей, съ однимъ глазомъ открытымъ, другимъ закрытымъ, молодой съ одной стороны, старой съ другой, не останавливающейся въ своемъ шествіи и часто уже подходящей, когда ее почитаютъ еще за горами.» Въ *Романсѣ*, гдѣ онъ описываетъ свою жизнь, гдѣ онъ говоритъ: «Нѣтъ бѣдняка, который не просилъ бы у меня милостыни, нѣтъ богача, который не оскорбилъ бы меня..... нѣтъ друга, который меня не обманываетъ, нѣтъ врага, который не былъ бы моимъ!» въ этомъ *романсѣ* Квеведо пишетъ почти слово въ слово одну изъ очаровательнѣйшихъ страницъ *горшка съ золотомъ* Гофмана, гдѣ студентъ Ансельмъ также расказываетъ всѣ неудачи своей жизни. Это вѣчная исторія безпечнаго мыслителя, мучимаго фортуною. Посмотрите, однако-же, до чего доводятъ свобода ума и неисправимая смѣлость насмѣшки! Квеведо, игравшій важную роль, бывшій секретаремъ герцога Оссуны, вице-короля неаполитанскаго, отличившійся во многихъ политическихъ переговорахъ, впадаетъ въ немилость; переводимый изъ тюрьмы въ тюрьму, отягченный нищетою, истомленный заключеніемъ, онъ не теряетъ своего сатирическаго духа. Незадолго до своей смерти, изъ мрачной тюрьмы, съ покойною и гордою грустью писалъ онъ герцогу Оливаресу: «чтобы быть мертвымъ, мнѣ недостаетъ только могилы, мѣста отдохновенія людей уже несуществующихъ. Я все потерялъ; мое имущество, всегда небольшое, теперь дошло до ничтожности и послужило на уплату тюремныхъ расходовъ. Друзья мои! ихъ пугаетъ мое несчастіе; мнѣ остается только упованіе на васъ. Впрочемъ, милость не можетъ даровать мнѣ много лѣтъ, также, какъ и гнѣвъ не отнимаетъ ихъ теперь у меня...» Прибавимъ, какъ послѣднюю черту, эту фразу, внушенную Квеведо утомленіемъ: «Я не нахожу въ этомъ мірѣ ничего, на чемъ могъ бы остановить глаза, не вспоминая тотчасъ о смерти.» Ларра задумалъ изобразить жизнь этого человѣка, игралище столькихъ испытаній, въ драмѣ, отъ которой осталось только нѣсколько неизданныхъ отрыв-

ковъ. Новый сатирикъ Испаніи увлекся заблужденіемъ, общимъ всѣмъ, имѣвшимъ несчастную идею выбрать въ герои писателей, подобныхъ Шекспиру или Мольеру. Въ самомъ дѣлѣ, что предстоитъ автору въ такомъ случаѣ? Поставить ли этихъ великихъ поэтовъ среди ихъ вѣка, среди общества, отражающагося въ ихъ произведеніяхъ, между событій, поразившихъ ихъ и воспроизведенныхъ ими? Это значитъ искуственно передѣлывать то, что они сдѣлали инстинктивнымъ произволомъ генія; безполезно поддѣлывать образъ ихъ мыслей и обороты ихъ языка. Взять ли только ихъ имя, измѣнивъ условія ихъ жизни, замѣнивъ истину поэтическимъ вымысломъ? Это произведетъ рѣзкія несообразности, попадающіяся намъ иногда на глаза. Мы увидимъ Мольера и Босююэта, танцующихъ польку и говорящихъ новѣйшія элегіи или сатиры. Чтоже касается до Ларры, ему вмѣсто этой дѣтской забавы предстояло самому играть роль Квеведо своего времени.

Произведенія Ларры составляютъ самую вѣрную исторію современной Испаніи, не въ наружныхъ проявленіяхъ ея общественной жизни, а въ измѣненіяхъ внутренняго духа народа. Его пытливый умъ не останавливается на внѣшнихъ событіяхъ, на перемѣнахъ министерствъ, на придворныхъ или казарменныхъ революціяхъ; онъ проникаетъ глубже: онъ выставляетъ скрытныя пружины, движущія партіями и людьми, противурѣчія мнѣній и ложность положеній. Каждая изъ его страницъ, кажущаяся съ перваго взгляда произведеніемъ вѣтреннаго и парадоксальнаго ума, есть коментарій болѣе истинный, чѣмъ дѣйствительность, находящаяся передъ вашими глазами. Самаго обыкновеннаго выраженія, nadie pase sin hablar al portero (никто не проходитъ, не говоря дворнику), Dios nos assista! (Богъ помочь!) — достаточно для возбужденія его насмѣшливыхъ размышленій, для выраженія въ какомъ нибудь забавномъ вымыслѣ всѣхъ недостатковъ прошедшаго, для изображенія въ нѣсколькихъ чертахъ дѣтства народа, не способнаго управлять собою, вѣчно занятаго разрушеніемъ созданнаго вчерашнимъ днемъ, колеблющагося между всѣми направленіями. Страннымъ соединеніемъ словъ, el Humcre-globo (человѣкъ шаръ), — онъ обрисовываетъ эти незаконныя честолюбія, возвышающіяся случайно, во времена безпорядка, такъ, что нельзя даже понять, на что они опираются. Какой публицистъ лучше выказалъ неисцѣлимую порчу націи, долгое время неподвижной и погрязшей въ праздной нищетѣ?

Какой политикъ лучше подмѣтилъ и охарактеризовалъ эту смѣсь различныхъ поколѣній и классовъ, неимѣющихъ между собою никакой связи, которые, вступая на новый путь, не понимаютъ другъ друга, разъединяются, разобщаются и своими раздѣленіями и разобщеніемъ парализируютъ общее стремленіе страны? Кто смѣлѣе обнаружилъ эту ужасную язву разложенія цѣлой націи? Не съ мѣньшею силою выразилъ Ларра упадокъ нравственныхъ вѣрованій, свойственный всякой революціонной эпохѣ; онъ не только представилъ изображеніе его въ своихъ произведеніяхъ, но самъ былъ самымъ рѣзкимъ примѣромъ, самымъ трагическимъ олицетвореніемъ этого упадка, потому что онъ палъ жертвою этого неизлѣчимаго зла! Въ нѣсколько лѣтъ увяла ранняя и мощная зрѣлость этого мощнаго ума. Въ 1832 году Ларра былъ еще почти юношею; онъ умеръ старикомъ въ 1837, — одряхлѣвъ умомъ и душою, достигнувъ на лету, подъ дважды славнымъ именемъ *Фигаро*, народности, также не избѣжавшей стрѣлъ его сарказма. Вся жизнь этого славнаго насмѣшника полна горькаго противорѣчія съ самимъ собою; интересъ, возбуждаемый и человѣкомъ, и произведеніями его, возрастаетъ съ этимъ постепеннымъ преобразованіемъ, съ усиленіемъ разочарованія, производящимъ перемѣну въ наблюдательности, въ ироніи и въ изображеніи общества.

Ларра почерпаетъ свой характеръ изъ положенія Испаніи 1832 г. El Pobrecito Hablador, относящійся къ этой эпохѣ, есть легкая, живая сатира, напоминающая веселую и шутливую насмѣшливость Аддиссона. Онъ не щадитъ ни страсти къ должностямъ, ни продажности, ни національной лѣни, такъ хорошо выраженной однимъ словомъ, — *приходите завтра* (vuelva! usted manana!) — ни тщеславія, ни любви къ неподвижности, ни одного изъ пороковъ, внесенныхъ привычкою въ народный характеръ. Чтобы быть свободнѣе, Ларра переноситъ дѣйствіе въ Батуэкасъ, бѣдную страну, заключенную въ узкой лощинѣ, и такъ мало извѣстную, что объ ней говорятъ, что она открыта послѣ Америки! Между пороками, господствующими въ Батуэкасо, какъ забыть невѣжество, это грубое, наивное и самодовольное невѣжество, существующее только въ дряхлой Испаніи? Ларра покажетъ вамъ, какъ въ этой блаженной странѣ утѣшаются мыслію, что никто еще не умиралъ отъ невѣжества. El Pobrecito Hablado дѣлаетъ изъ Батуэкаса благословенную землю, гдѣ не читаютъ, не пишутъ,

даже не говорятъ, изъ страха шпіонства. «Есть люди, пишетъ баккалавръ Мунгія своему другу Нипорезу: которые живутъ здѣсь тѣмъ, что другіе говорятъ: поэтому мы принуждены молчать. Взгляни на насъ, завернутыхъ въ плащи, шепчущихся, остерегающихся своихъ отцовъ и братьевъ... Тебѣ покажется, что всѣ мы совершили или готовимся совершить какое нибудь преступленіе. Если что болѣе удивительное? человѣкъ живетъ словами другихъ! Говорите послѣ этого, что Батуэкосы не промышленный народъ!» Но наступаетъ мгновеніе, когда это всеобще молчаніе прерывается: Ларра подслушиваетъ первый лепетъ и замѣчаетъ его съ ироніею, изъ подъ которой проглядываетъ надежда. «При моемъ послѣднемъ отѣздѣ изъ Батуэкоса, говоритъ баккалавръ, пронесся слухъ, что начали говорить. Бѣдные Batuecos!» Любопытно сравнить эту насмѣшливую картину страны, обреченной на молчаніе съ другою статьею Ларры las Palabras, написанною во время полнаго разгара шумныхъ и безплодныхъ споровъ, въ которой обнаруживается горечь разочарованія, суровая иронія обманутыхъ надеждъ. Въ первомъ сочиненіи испанскій юмористъ показываетъ нѣмоту, обращенную въ законъ; въ другомъ, онъ изображаетъ высокопарное господство слова шумнаго, пустаго и надутаго, разитъ рабскую легковѣрность человѣка, который склоняется подъ это новое иго, какъ вчера подчинялся унизительному молчанію. Человѣкъ вѣритъ всему, говоритъ онъ; имъ можно управлять одними словами.

«Хотите вести его къ смерти? Перемѣните нѣсколько словъ, и скажите ему: я веду тебя къ славѣ! Онъ тотчасъ пойдетъ. — Хотите подчинить его вашей власти? Скажите ему смѣло: я долженъ повелѣвать тобою. Онъ покорится безпрекословно. — Вотъ все искусство управленія людьми.... Составляйте фразы, гремите словами: *заря правосудія, горизонтъ міра, благодѣяніе порядка и свободы, гидра раздоровъ, общее право, законность* и проч. и проч. и вотъ народы скачутъ отъ радости, сочиняютъ стихи, воздвигаютъ тріумфальныя арки, покрываютъ ихъ надписями. Чудный даръ слова!»

Но послѣдуемъ далѣе за порывами насмѣшливаго воображенія Ларры, прослѣдимъ измѣненія его юмора среди современнаго движенія Испаніи. Едва вспыхнула междуусобная вой-

на на границахъ Португаліи и въ Наваррѣ, онъ направляетъ туда *сверкающій мечь* сатира, о которомъ говоритъ Ювеналъ. Онъ влечетъ на сцену призракъ прошедшаго, возстающій на послѣдній бой, во всемъ безпорядкѣ его страстей, его пороковъ, его злоупотребленій. Можетъ ли быть сатира насмѣшливѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ вѣрнѣе дѣйствительности, чѣмъ его *Юнта въ Костель -о- Бранко?* Тамъ, въ этомъ важномъ собраніи, начинающемъ новую эру благоденствія Испаніи, сходятся министры, сами себя возводящіе въ должость, казначеи безъ казны, полководцы безъ солдатъ, верховные совѣтники, ожидающіе лучшихъ дней для вознагражденія своей преданности, и даже великій канцлеръ Королевства, худощавый, сухой, «живой образъ противорѣчія», всѣ, составляющіе *верховную юнту правительства всѣхъ Испаній и Индій.* Чего недостаетъ правительству, такъ хорошо организованному? сущей бездѣлицы,—какаго нибудь приверженца, ничтожнаго подданнаго, признающаго его власть. По этому немалую радость возбуждаетъ завербованной юнтою кастильянецъ, путешествующій по своимъ дѣламъ, малозаботящійся о томъ, кто имъ управляетъ, и чрезвычайно удивленный своею важностію, которой онъ и неподозрѣвалъ. Тотчасъ раздается звонъ колоколовъ, и *верховная юнта*, находя въ такомъ ниспосланномъ свыше случаѣ конецъ своихъ затрудненій, назначаетъ всеобщій и произвольный энтузіазмъ. «Всякій, говоритъ она, долженъ, подъ страхомъ смерти, дышать искреннею и добровольною радостію, отъ 6 часовъ утра до 10-ти вечера.» Однимъ словомъ, *верховная юнта въ Костель-о-Бранко* почти уже спасаетъ Испанію, какъ вдругъ нѣсколько здоровыхъ контрабандистовъ задуваютъ эту славную мечту, снова начинаемую въ болѣе безопасныхъ ущеліяхъ Бискаіи. Тамъ сарказмъ Ларры находитъ того же непріятеля подъ другими видами. Грабежъ, голодное варварство, монашеское невѣжество изображены держущими ключи Испаніи. Честные и дебелые монахи стоятъ на стражѣ и, сказать по просту, обираютъ на дорогѣ двухъ удивленныхъ путешественниковъ, испанца и француза. У одного они отнимаютъ деньги, у другаго книги, предметъ контрабанды, годный — увы! — только въ огонь, да часы, годные для храненія, у которыхъ, пословамъ шутливаго сатирика, одинъ достойный монахъ передвигаетъ стрѣлку, чтобы приблизить часъ обѣда. Когда путешественники такимъ образомъ очищены, отецъ Вака, въ порывѣ милосердія и уваженія къ личной свободѣ, выдаетъ имъ подорожныя, «отъ

такого-то числа перваго года христіанства, въ революціонный городъ Мадритъ, возставшій противъ Алавы.» —

Такимъ образомъ, Ларра слѣдитъ за всѣми фазами испанской революціи, освѣщаетъ своимъ остроуміемъ и рѣзкою насмѣшкою самыя темныя, самыя загадочныя стороны положенія этой страны. Онъ обрисовываетъ всѣ случайности, всѣ анамаліи, и дѣлаетъ ихъ ощутительными для всякаго глаза своею рельефною рисовкою. Испанская революція ярко изображена въ этой сатирической полемикѣ, въ этихъ серьозныхъ отрывкахъ подъ шуточными заглавіями,— *Юнта въ Костельо-Бранко, Обстоятельства, Въ какомъ мірѣ мы живемъ! Выгода дѣлать вещи вполовину, Письма либерала, Возвращеніе Фигаро.* Но, занимаясь политикою, Ларра обращалъ вниманіе и на литературную критику, и часто въ рѣзкихъ и остроумныхъ статьяхъ касался важныхъ литературныхъ вопросовъ, разсматривая ихъ особенно въ ошношеніи къ вопросамъ нравственнымъ и тѣсно связывая ихъ съ развитіемъ образованности Испаніи. Возмите его статью объ *Антони*, разборъ этой, теперъ забытой, драмы, и вы увидите рѣдкую прямоту сужденія, необыкновенный тактъ, и хотя не во всемъ согласитись съ критикомъ, но навѣрно признаете въ немъ внутреннее убѣжденіе, здравый разсудокъ и силу выраженія. Непримиримый врагъ подражанія французской литературѣ, онъ старался пробудить въ Испаніи духъ оригинальности, которой онъ былъ едва ли не единственнымъ представителемъ.

И этотъ-то мощный умъ, украшенный всѣми прелестями оригинальнаго творчества, представляетъ намъ грустное зрѣлище бѣдственнаго пораженія. Такова, дѣйствительно, исторія Ларры. Сквозь выраженія здраваго разсудка, поэзіи, плодотворной ироніи, истины, проглядываетъ гибельная болѣзнь, охватывающая мало-по-малу его душу, подтачивающая незамѣтно его геній и обнаруживающаяся лихорадочнымъ потрясеніемъ его способностей. Это скептицизмъ, сперва скрытый подъ рѣзвою веселостію, но потомъ укороняющійся, распространяющійся, овладѣвающій вполнѣ его умомъ и сердцемъ и бросающій свою тѣнь на все, окружающее его. Избытокъ сомнѣнія заглушаетъ въ немъ жалость и пораждаетъ глубокое презрѣніе. Скука одолѣваетъ его, безъ цѣли блуждаетъ онъ среди толпы. И въ такомъ то положеніи ума и души, новая любовь, истинная и глубокая, какъ думалъ онъ, овладѣла его сердцемъ.

Но горькій, всеразрушающій скептицизмъ Ларры не дозволилъ ему вкусить тихаго блаженства любви. Гордый, неловѣрчивый, онъ игралъ чувствами другихъ, какъ своими собственными, и оскорблялъ любимую женщину горькой насмѣшкой холоднаго сомнѣнія. Разумѣется, все это произвело разрывъ, враждебно подѣйствовавшій на характаръ Ларры. Къ личной горести присоединились общественныя бѣдствія. Это было въ 1836 году: Испанія была жертвою анархическаго своеволія; пламя монастырей Каталоніи покрывало заревомъ горизонтъ, кровь нѣсколькихъ бѣдныхъ монаховъ Мадрита была проливаема страстями, не имѣвшими даже достоинства искренности, и солдатское опьяненіе посмѣивалось надъ законами въ Гранхѣ. Съ этого времени, иронія Ларры принимаетъ отчаянный и мрачный характеръ; каждая статья его, по его выраженію, есть гробница какого нибудь заблужденія, какой нибудь надежды. Онъ написалъ эту краснорѣчивую и насмѣшливую эпитафію Испаніи, называющуюся: *День мертвыхъ* (El dia de defuntos). Мертвецы — это не покоющіеся въ мирѣ на кладбищѣ, но посѣщающіе ихъ; весь городъ — огромная гробница; ничто не сохранилось. Свобода! она покоится въ темницѣ; на похоронной урнѣ ея высѣчена цѣпь. Кастильское мужество! оно въ *арсеналѣ* съ обломками древнихъ оружій. Побѣда! она сокрыта въ поляхъ Испаніи. Торговля и промышленность! онѣ остались безъ жизни на обезлюдѣвшихъ улицахъ и поляхъ. Слава литературная! она тоже не существуетъ... Вотъ какую плачевную картину рисуетъ авторъ, выставляя Испанію *Булоньскимъ лѣсомъ* европейскихъ дуэлей, мѣстомъ битвы чужеземныхъ соперничествъ, вторымъ Римомъ, по величію воспоминаній и ничтожеству настоящаго.

Но, чтобы вполнѣ проникнуть въ глубину этой уязвленной души, чтобы открыть таинственный и мутный источникъ, изъ котораго изливаются эти ѣдкія вдохновенія, надо прочесть страницы полныя страстной, грубой, цинической энергіи, страницы краснорѣчивыя, однако-же, въ которыхъ Ларра выставляетъ самаго себя какъ бы на анатомическомъ театрѣ. Это *Рождественская ночь или философскій бредъ.* Въ древности былъ день, когда отношенія между господиномъ и рабомъ измѣнялись; цѣпи невольника падали на мгновеніе; ему давали не свободу, но временное своеволіе сатурналій, изъ котораго онъ выходилъ болѣе огрубѣлый, и въ это время онъ могъ все дѣлать, все говорить, даже истину. Ларра возобновляетъ

этотъ обычай съ своимъ лакеемъ, грубымъ астурійцемъ, котораго усыпленный умъ пробуждается въ опьяненіи. Господинъ, возвратившись домой, видитъ его шатающимся, съ неподвижными и тусклыми глазами; невольно вырывается изъ его устъ слово жалости: «Жаль! сказалъ астуріецъ, выпрямляясь; зачѣмъ жалѣть обо мнѣ? Еслибы я жалѣлъ объ тебѣ, это было бы понятно, можетъ быть... Слушай, ты приходишь печальный по обыкновенію, а я, веселѣе, чѣмъ когда нибудь. Отчего ты блѣденъ и разстроенъ всякій вечеръ, когда я отворяю тебѣ дверь? Отчего ты ворочаешься на постели, какъ преступникъ, спящій съ угрызеніями совѣсти, тогда какъ я сплю беззаботно? Кто изъ насъ долженъ жалѣть объ другомъ? Ты, кажется, не преступенъ; по крайнѣй мѣрѣ. — тебя нетребуетъ на судъ. Правда, законъ возстаетъ только на обыкновенныхъ преступниковъ, которые воруютъ крючкомъ или убиваютъ ножами; но тѣ, которые бросаютъ смятеніе въ семейство, соблазняя честную женщину или дѣвушку, которые воруютъ съ картами въ рукахъ, которые убиваютъ словомъ, сказаннымъ на ухо, или письмомъ, тайно подосланнымъ, тѣ не преступники въ глазахъ общества и законъ не досягаетъ ихъ, потому что жертва не залита кровью, не выставляетъ своей раны, но умираетъ медленно, подтачиваемая ядомъ, поданнымъ палачемъ. Сколько умерло убитыхъ невѣрнымъ, неблагодарнымъ, клеветникомъ! Ихъ хоронятъ, говоря, что докторъ ничего не понялъ въ ихъ болѣзни; а тайный кинжалъ вонзился въ ихъ сердце. Ты, можетъ быть, одинъ изъ этихъ преступниковъ, и внутренно самъ обвиняешь себя . . . .

— Молчи, пьяница?

— Нѣтъ, выслушай меня пьянаго . . . Ты ищешь счастія въ сердцѣ человѣческомъ и для того раздираешь его на части, безпрестанно роясь въ немъ, какъ человѣкъ, взрывающій землю, чтобы найти въ ней сокровище. Я не ищу ничего и разочарованіе не ожидаетъ меня за каждой надеждой. Ты литераторъ, ты писатель, и какимъ мученіямъ не подвергаетъ тебя твое самолюбіе, ежедневно раздражаемое равнодушіемъ однихъ, завистью другихъ, враждою большинства! Награждаемый за плутовство, ты насмѣхался бы надъ другомъ, еслибы могъ имѣть друзей, и ты не хочешь чувствовать угрызеній совѣсти! Человѣкъ партіи, ты борешься съ другою партіею; въ этой борьбѣ всякое пораженіе — униженіе для тебя, всякая побѣда слишкомъ дорого куплена, чтобы доставить наслаж-

деніе. Ты оскорбляешь, и не хочешь имѣть враговъ! Меня же кто оклевещетъ? кто знаетъ? Ты даешь мнѣ плату, достаточную для удовлетворенія моихъ нуждъ. Тебѣ платитъ свѣтъ, какъ другимъ своимъ служителямъ. Ты называешь себя либераломъ, а въ тотъ день, когда овладѣешь бичемъ, будешь хлестать другихъ, какъ тебя хлестали. Люди свѣтскіе, вы называете себя людьми съ честью и съ характеромъ, и каждый день вы перемѣняете мнѣнія, отрекаетесь отъ вашихъ правилъ. Мучимый жаждою славы, — рѣдкое противорѣчіе! — ты презираешь, можетъ быть, тѣхъ, для кого пишешь, и съ кадильницей въ рукахъ вымаливаешь ихъ ласкательства. Ты льстишь своему читателю, чтобы онъ льстилъ тебѣ. .

— Довольно! довольно!

— Постой. Я, наконецъ, незнаю нужды, ты же, напротивъ того, несмотря на свое богатство, можетъ быть отдаешься въ руки ростовщика для какой нибудь пустой прихоти, потому что вамъ нужно золото для какого нибудь пира, гдѣ выказывается ваша суетность. Ты читаешь день и ночь, перелистывая книги, чтобы отыскать въ нихъ истину, и страждешь, не находя ее нигдѣ. Существо смѣшное, ты танцуешь безъ веселія, и твое безпокойное движеніе похоже на колебаніе пламени, горящаго безъ сознанія. Когда я хочу женщинъ, то кладу плату на руку, и нахожу вѣрныхъ больше чѣмъ на четверть часа. Ты же кладешь руку на сердце и бросаешь его подъ ноги первой попавшейся, и хочешь, чтобы она не попирала его съ презрѣніемъ; ты отдаешь ей этотъ залогъ, не зная ее. Ты ввѣряешь свое сокровище женщинѣ за ея красоту, и ты спокоенъ, потому что любишь. Если завтра оно пропадетъ, ты будешь обвинять хранителя, тогда какъ тебя одного слѣдовало бы называть безразсуднымъ и глупымъ.

— Сжалься! замолчи, адскій голосъ!

— Я кончаю. Ты выдумываешь слова и изъ нихъ создаешь идеи: наука, искусство, элементы существованія, политика, слава, власть, богатство, дружба, любовь. Когда же ты находишь, что это одни слова, то богохульствуешь и проклинаешь. А, между тѣмъ, бѣдный астуріецъ ѣстъ, пьетъ и спитъ, и никѣмъ не обманутъ; если онъ не счастливъ, то и не злополученъ; онъ, по крайнѣй мѣрѣ, не свѣтскій человѣкъ, не честолюбецъ, не щеголь, не писатель, не влюбленный. Жалѣй же о бѣдномъ астурійцѣ! Ты управляешь имъ, а не умѣешь управится съ

собою! Жалѣй обо мнѣ: я пьянъ отъ вина, правда, а ты, ты опьяненъ желаніями и безсиліемъ!..»

Теперь легко даже невнимательному наблюдателю измѣрить разстояніе, отдѣляющее El Pobrecito Halbloder отъ послѣднихъ произведеній Ларры. Однимъ взглядомъ можно охватить обѣ стороны его существованія, произведенія промежуточныя ясно показываютъ, какой внутренній переворотъ наполнилъ пространство между двумя крайними точками. Дѣйствительно, въ борьбѣ заключается тайна такой жизни; полемъ битвы была душа, одаренная самыми рѣдкими качествами. Грустно въ концѣ подобной борьбы видѣть только новую побѣду смерти. Немного времени прошло послѣ того, какъ написаны были пламенныя страницы *Рождественской ночи*, и Ларра поднялъ руку на себя, въ цвѣтѣ лѣтъ, на двадцать восьмомъ году. Въ день его смерти, 13 февраля 1837 года, какая-то женщина, говорятъ, приходила къ нему, чтобы довершить разрывъ, уже начатый, чтобы взять письмо любви и уничтожить послѣдній обвинительный слѣдъ; едва она вышла, Ларра пересталъ существовать. Должно-ли изъ этого заключить, что обманутая любовь убила испанскаго юмориста? Нѣтъ, это только случай въ числѣ причинъ, вооружившихъ его противъ самого себя. До этой крайности довело его ужасающее сомнѣніе, горькое и жестокое отвращеніе, порожденное безпощадною наблюдательностію, скептицизмомъ, лишившее его умъ энергіи, волю правоты и уничтожившее въ его сердцѣ бодрость, возвышающуюся надъ неудачами. Вспомните слова Гёте объ Вернерѣ: онъ не могъ болѣе жить; червь подточилъ его душу и отравилъ источники жизни. Тоже было и съ Ларрою; его матерьяльное самоубійство было приготовлено самоубійствомъ моральнымъ.

Сатира была для него обоюдуострымъ мечемъ, смертельно поразившимъ его самого. Можетъ быть обвинятъ его: съ точки зрѣнія тѣсной и строгой морали, это будетъ справедливо; но состраданіе не бываетъ ли иногда также справедливостію, и не его ли мѣсто на могилѣ этого человѣка, думавшаго, что жизнь безъ вѣрованій и надеждъ не жизнь, а тяжкая ноша, которую надо сбросить? Одно состраданіе можетъ прикрыть, не оправдывая ихъ, эти поступки, которые Шекспиръ называлъ *римскими*, и которые не стоятъ этого названія, съ тѣхъ поръ, какъ предлогомъ ихъ сдѣлались не бѣдствія отечества, а личныя неудачи. Мы же противопоставимъ произвольному и безславному концу Ларры смерть другаго человѣка, бывшую для

испанскаго юмориста предметомъ краснорѣчиваго размышленія, смерть графа Кампо Аланже, покинувшаго роскошь, почести, блестящія наслажденія, пышную праздность для защиты своихъ убѣжденій съ оружіемъ въ рукахъ, и павшаго, какъ простой солдатъ, подъ стѣнами Бильбао. «Онъ умеръ, благородный и великодушный юноша, говоритъ Ларра: онъ умеръ съ вѣрою въ сердцѣ. Судьба несправедлива была къ намъ, пережившимъ его, къ нему милостива. Въ жизни ждало его разочарованіе: счастіе прежде послало ему смерть. Онъ умеръ въ полнотѣ жизни. Но, между оплакивающими его, не всѣмъ данъ выборъ и многіе проходятъ къ смерти чрезъ разочарованіе; они то должны завидовать ему....» И въ самомъ дѣлѣ, только такая смерть можетъ быть принята безъ огорченія, потому что она не безполезная жертва, и потому что, не смущая человѣчества, она возвышаетъ его и дѣлаетъ ему честь.

—

ЮМОРИСТИКА.

ТЕТИНЬКА.

ФИЗІОЛОГИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Родные, люди вотъ какіе!
А. ПУШКИНЪ.

Почетное титло «*тетинька*» никакъ не должно смѣшивать съ названіемъ «*тетки*» или «*тетушки*.» Тетинька можетъ не быть сестрой вашего отца или матери; она, просто, можетъ вамъ приходиться какою нибудь десятою водой на киселѣ; но это все равно, потому, что все-таки должно величать ее *тетинькой*, и еще нерѣдко съ присовокупленіемъ эпитетовъ: почтеннѣйшей, дражайшей и т. п. — Близость родства, стало быть, ничего тутъ не значитъ; если важность состоитъ въ томъ, что *тетинька* непремѣнно должна быть бездѣтною вдовою, или дѣвой, уже въ періодѣ отчаянія, и въ обоихъ случаяхъ имѣть въ запасѣ, покрайней мѣрѣ, душъ 500, или ломбардный билетъ этакъ тысячъ въ 200 или 300, что еще, можетъ быть, лучше душъ; ибо билетъ кредитныхъ установленій легко переходитъ изъ рукъ въ руки, да и за передачу его правительство не беретъ никакихъ пошлинъ.

Чѣмъ старѣе *тетинька*, тѣмъ она, разумѣется, пользуется большимъ уваженіемъ и предупредительностію. Штатъ ея племянниковъ и племянницъ всегда соразмѣренъ съ ея состояніемъ, и, по мѣрѣ того, какъ *тетинька* скопляетъ болѣе и болѣе, этотъ штатъ возрастаетъ не по днямъ, а по часамъ. Куда бы ни сунулась тетинька — въ церковь ли, въ гостиный дворъ, или куда въ гости предупредительные родственники ни на шагъ отъ нея, и вьются какъ пчелы около улья, сладко жужжа: — «ангелъ мой, тетинька! — Каково ваше здоровье, тетинька? — Тетинька, дайте поцѣловать вашу ручку!» — и т. п. Не думайте, однако-же, любезный читатель, чтобы тетинька была дѣйствительно какой-нибудь ангелъ во

плоти; совсѣмъ нѣтъ! она также мало похожа на ангела, какъ вы и я, какъ тотъ и этотъ, если еще, можетъ быть, не менѣе, — и человѣкъ безпристрастный, не имѣющій въ виду подобной тетиньки и незнакомый съ ея житьемъ-бытьемъ, невольно глядитъ на нее, какъ на мертвечину, окруженную со всѣхъ сторонъ стаей голодныхъ вороновъ и хищныхъ шакаловъ. Да и можно ли смотрѣть на нее иначе?... Чтобы разрѣшить этотъ вопросъ, намъ необходимо нужно покороче познакомиться съ тетинькой и проникнуть во всѣ закулисныя тайны этого почтеннаго средоточія семейныхъ помысловъ и родственныхъ стремленій.

О происхожденіи тетиньки трудно сказать что-нибудь положительное: иногда она происходитъ отъ благодарныхъ, но бѣдныхъ родителей, а иногда случается и на оборотъ; но, во всякомъ случаѣ, судьба надѣляетъ ее отъ природы умомъ не умомъ, а какимъ-то преждевременнымъ инстинктомъ разсчета, который во многихъ случаяхъ, особенно по части жизни практической, замѣняетъ ей и умъ, и даже опытность. Сердца въ тетинькѣ не ищите: судьба объ этомъ дарѣ нисколько не позаботилась, да, можетъ быть, оно и къ лучшему—чувство и расчетъ какъ-то между собою не вяжутся.... Еще въ дѣтствѣ тетинька отличалась отъ своихъ сверстницъ рѣзкими чертами характера. Она не любила ни куколъ, ни рѣзвыхъ и шумныхъ игръ, свойственныхъ дѣтскому возрасту;—она, бывало, по цѣлымъ днямъ то и дѣло вертится то около маменьки, то около своей пяньки-баловницы, то около сварливой ключницы, и къ каждой по очереди ластится и чего-нибудь да выпрашиваетъ, такъ наивно, такъ мило, что даже ключница, которую въ домѣ прозвали *скопидомкой*, ни въ чемъ не могла отказать ей.

— Никитишна!

— Что, мой свѣтикъ? что тебѣ, сударынька?

— Поцѣлуй меня, Никитишна?

— Экая распремилая барышня! Изволь-изволь, Машинька.

И бывало Никитишна брала ее на руки, приговаривая:

— Ужь въ прямь Богъ наградилъ родителей этакимъ сокровищемъ!..

— Никитишна! опять зачинала Маша.

— Что, мое нещечко?

— Я у тебя хотѣла чего-то попросить...

— Чего тебѣ угодно, свѣтикъ ты мой?

— Да вѣдь ты не дашь?

— Скажи, чего, сударыня; если можно, такъ отъ чего же не дать.

— Я хотѣла попросить у тебя вареньица, Никитишна...

— Ну, вотъ этого-то, сударыня, и не могу. Почнешь новую банку, а барыня-то увидитъ, да и заругаетъ, скажетъ: зачѣмъ-молъ ты починаешь безъ спросу?...

— Маменька не узнаетъ...

— Что ты, Богъ съ тобой! Какъ неузнаетъ—узнаетъ!

— Видишь, какая ты скупая, Никитишна: ничего не хочешь для меня сдѣлать. — И крупныя слезы навертываются на глазахъ безцѣннаго ребенка.

— Ну, ну, не плачь, моя красавица, не плачь же. Вотъ, какъ пойду въ кладовую, такъ принесу вареньица; да чуръ, не показывать братцамъ и сестрицамъ. Уйди куда-нибудь въ уголочикъ, да и скушай себѣ на здоровье.

Это наставленіе Никитишны было совершенно излишнимъ для милой Маши; она и безъ того, по врожденному чувству расчета, никакъ бы не пошла хвастать передъ сестрицами и братцами тѣмъ, чего, вѣроятно, у нея стали бы просить: дѣлежа она терпѣть не могла...

Войдя въ лѣта, Маша (станетъ называть ее пока этимъ именемъ) разумѣется, сдѣлалась еще расчетливѣе. Первымъ дѣломъ ея было выказать необыкновенныя свои способности по части домоправленія и экономіи. Она во все вмѣшивалась, во все входила, завела книги для прихода и расхода и, наконецъ, къ вящему утѣшенію родителей, отставила отъ должности Никитишну, отобрала у нея ключи отъ кладовыхъ, погребовъ и ледниковъ, и вступила въ полное управленіе по части хозяйственной администраціи. Какъ ни была крута экономка Никитишна, а все-таки время ея управленія не разъ приходило на память голодавшей дворнѣ въ барскомъ домѣ, даже самъ баринъ и дѣтки-то ихъ, за исключеніемъ развѣ самой Машеньки, частенько вставали изъ-за-обѣда въ такомъ расположеніи духа, что хоть сейчасъ опять садиться за столъ.

Такъ проходило время. Сначала эти экономическія распоряженія Марьи Ивановны не очень приходились понутру ни господамъ, ни холопамъ; но къ чему не привыкаютъ люди, если не находятъ средствъ поправить своего положенія?.. Мало-по-малу всѣ въ домѣ привыкли къ голоду и новому порядку вещей, — и когда, наконецъ, по истеченіи года, родители Маши увидѣли значительное пріумноженіе доходовъ, то они невольно забыли о ворчаніяхъ желудка, но пришли въ какой-то умилительный восторгъ отъ своей неоцѣненной дочки. — Что за умница у насъ, Маша! говорила Пелагея Силишна сожителю своему Ивану Пафнутьичу. — Виданое ли дѣло, чтобы такая молодая дѣвушка была такъ домовита и распорядительна? Нечего грѣха брать на душу, вотъ я ужъ посѣдѣла въ замужествѣ, да и съ малолѣтства, по недостаточному состоянію родителей, привыкла къ хозяйству, — а куда мнѣ за ней! далеко кулику до Петрова дни!

— Божіе благословеніе, матушка! сказалъ Иванъ Пафнутьичъ.

— Во истину такъ, Ванюша, во истину. Посмотришь у другихъ, не далеко ходить, хоть бы у Евдокіи Сергѣевны, легко сказать — пять дочерей, да все такія балбѣсихи! А вѣдь хоть шаромъ покати, ни одной нѣтъ хозяйки... Правду сказать, и наши-то Полинька да Сашенька бѣлоручки... Ну, да вѣдь не всѣмъ же Богъ положилъ одно на сердце.

— Одному талантъ, другому два, а третьему и три, матушка.

— Вотъ ужъ справедливо. Совѣстно хвастать, ну да вѣдь какъ же опять и правды-то не сказать: А счастливъ будетъ тотъ, кому Богъ назначитъ Машу въ сожительницы! Мужеенекъ-отъ будетъ у ней, какъ у Христа за пазушкой: за всѣмъ присмотритъ, всѣмъ распорядится; со всякой дряни, съ позволенія сказать, пѣнку сниметъ.

— Да, матушка, на это она у насъ мастерица!

— Да и разумъ то у нея, батюшка, Иванъ Пафнутьичъ, не по лѣтамъ. Ономнясь, шутя я говорю:—а что, Маша, вѣдь поручикъ-то Пѣтуховъ славный изъ себя кавалеръ, и ловкій да и умный такой—пошла бы ты за него, а?—Какъ вспыхнетъ, да и говоритъ: «что вы, Богъ съ вами, маменька! Красивыхъ то голышей не оберешься—да что въ нихъ? Тьфу!»—А я продолжаю нарочно: это ты только такъ говоришь, Маша, а вѣдь знаешь, что не съ деньгами жить, а съ милымъ человѣкомъ... А какъ бы ты думалъ, что она мнѣ на это?..

— Я думаю, матушка, что нибудь этакое...

— Да ужъ именно этакое.—«Перестаньте, маменька, говоритъ, что вы это такое выдумали, Богъ знаетъ! Ну, что такое, говоритъ, милый человѣкъ? Ничего, такъ—фу! — пустяки; я, говоритъ, ужъ если выйду за мужъ,—такъ за богатаго: это, говоритъ, дѣло-то будетъ вѣрнѣе.»—А я все-таки нарочно ей говорю: да гдѣ же взять богатыхъ? нынче, Маша, богатые-то женишки жгутся, сами ищутъ приданаго; а ужъ если какой и подвернется, такъ того и гляди, что какой-нибудь уродъ, или старикъ какой, калѣка.—Что бы ты думалъ, она мнѣ на это, а?

— Полагаю, матушка, что она опять что-нибудь этакое...

— Именно, именно такъ,—она говоритъ: «такъ чтожъ такое, что уродъ? развѣ уродъ не человѣкъ, что-ли? А старикъ и того лучше, былъ бы добръ, да было бы мнѣ надъ чѣмъ похозяйничать, да была бы я барыней въ домѣ, а все остальное, мамаша, пустякъ!..» Признаюсь, Иванъ Пафнутьичъ, не мало я подивилась: откуда, думаю, у дѣвки въ семнадцать лѣтъ столько ума-разума? Насъ съ тобой, батюшка, на старости поучить. Нечего сказать, бой дѣвка...

— Бой, матушка, бой...

— Истинная благодать Божія!

— Благодать, матушка...

— Утѣшеніе за труды и попеченія родительскія!

— Подлинно утѣшеніе, матушка!...

Изъ этого разговора дальновидной матери съ сговорчивымъ отцомъ, читатель, конечно, ясно видитъ, какое практико-экономическое направленіе приняли мысли и преднамѣренія Машеньки. Это отнюдь не была игра случая или обстоятельствъ; совсѣмъ нѣтъ! Сѣмена этой философіи таились въ душѣ будущей тетиньки съ самыхъ юныхъ лѣтъ, можетъ быть, даже съ того времени, какъ она, еще ребенкомъ, ластилась къ Никитишнѣ и, выманивъ у нея гостинецъ, пряталась въ уголокъ,

избѣгая встрѣчи съ сестрами. Хотя мы всѣ въ одинъ голосъ бранимъ слѣпую судьбу, но, право, она не ко всѣмъ строга и неумолима. Правда, она не на всѣхъ расточаетъ свою благосклонность, не всѣмъ одинаково улыбается, но тѣмъ не менѣе у нея также есть свои любимцы, для которыхъ она ничего не щадитъ: желаніе ихъ для нея точно также свято и ненарушимо, какъ для насъ имянное повелѣніе. Марья Ивановна была имянно въ этой категоріи. Богъ знаетъ, за что и почему, но только судьба взяла ее подъ свою защиту и баловала во всемъ, какъ любимое свое дѣтище. Очень естественно, что «будущая тетинька», имѣя такую сильную протекцію, выждала себѣ такого мужа, какой ей бымъ нуженъ—стараго-престараго, сѣдаго, какъ лунь, хилаго, больнаго, но за то обладателя 500 душъ, съ туго набитыми карманами. Что побудило почтеннаго старца на этотъ отважный подвигъ — неизвѣстно. Видно, ужъ такова была его судьба.

По выходѣ за мужъ, Марья Ивановна была по своему совершенно счастлива. Домъ у нея былъ, какъ говорится, полная чаша; амбары полнехоньки, кладовыя биткомъ набиты; сундуки ломились отъ всякаго скорба; словомъ сказать, Марьѣ Ивановнѣ было гдѣ разгуляться, было гдѣ отвести душу. Супругъ Марьи Ивановны, какъ водится, чрезвычайно страдалъ двумя болѣзнями—подагрою и скупостью, но Марья Ивановна оттого отнюдь не была въ накладѣ,—напротивъ, изъ этой немочи достойнаго своего сожителя умѣла она извлечь все то, что составляло прямое, вѣрное, истинное счастіе цѣлой ея жизни. Подагра, усадившая старца, дала Марьѣ Ивановнѣ возможность завладѣть всѣми домашними угодьями; а скупость, по ея мнѣнію, если не была добродѣтелью, то прекраснѣйшимъ свойствомъ человѣческаго сердца. Конечно, въ этомъ случаѣ Марья Ивановна была, какъ видно, довольно снисходительна къ мужу; но это опять не безъ причины: Марья Ивановна сама любила припрятать копѣйку на черный день.

Я предвижу, что многимъ покажется непонятно, какимъ образомъ могло случиться, что въ сердцѣ Марьи Ивановны, не помятомъ еще годами и опытомъ, не было ни одного свѣтлаго, жаркаго, всеувлекающаго чувства, ни одной вѣтренной мечты, ни одного слѣпаго увлеченія; какимъ образомъ, подумаютъ многіе, Марья Ивановна могла избѣжать вѣчныхъ законовъ, предопредѣленныхъ самою природою, и въ молодости не была никогда молодою, а прямехонько себѣ изъ ребенка сдѣлалась бабою, брюзгливою, зоркою, скупою старухой? Чудно! противъ этого я не скажу ни слова, но Марья Ивановна была такова и въ этомъ; я сошлюсь, пожалуй, на всѣхъ наличныхъ *тетинекъ*, которыя, ни дать ни взять, скроены по одной съ нею мѣркѣ.

Но къ дѣлу. Прошло лѣтъ 15—и Марья Ивановна овдовѣла, получа послѣ покойнаго сожителя все его недвижимое и всю движимость. Я не безъ цѣли пропускаю этотъ 15-лѣтній періодъ счастливаго, но, впрочемъ, довольно однообразнаго су-

пружества; мнѣ хочется, какъ можно скорѣе вывести на свѣжую воду мою героиню и познакомить съ нею читателя. Еще при жизни мужа тетинька распорядилась очень хорошо. Она настояла на томъ, чтобы всѣ родовыя помѣстья были проданы, и на мѣсто ихъ куплены новыя, яко-бы благопріобрѣтенныя; потомъ было совершено также духовное завѣщаніе, на основаніи котораго имѣніе переходило къ тому изъ супруговъ, кто останется въ живыхъ. Все это законно обезпечило, какъ нельзя лучше, состояніе вдовы и давало ей полное право на владѣніе завѣщаннаго ей имущества; но наслѣдники, какъ то: сестры, племянники и т. п. покойнаго мужа, думали иначе. Соблазнъ былъ великъ: они очень хорошо знали и помнили, что покойному были они съ родни—и въ одинъ голосъ кричали: «штуки, мошенничество! если родовое продано, такъ куда-же дѣвались деньги?..» въ слѣдствіе такого разсужденія, они тотчасъ же приступили къ дѣлу, т. е. подали въ Губернское Правленіе просьбу, въ которой называли себя прямыми и естественными наслѣдниками, прося о вводѣ ихъ во владѣніе. Узнавъ о проискахъ мужниныхъ родственниковъ, тетинька переполошилась такъ, что страхъ! ей казалось, что одно притязаніе родственниковъ на наслѣдіе уже лишало ее значительной части имѣнія. Тетинька была въ отчаяніи. Не смотря на всю свою расторопность по части хозяйственной экономіи, она терялась въ догадкахъ, на что ей рѣшиться. Обратиться къ кому нибудь изъ сосѣдей и просить ихъ заступничества — хорошо, да къ кому именно обратиться? Вотъ тутъ-то и загвоздка. Обратиться къ Пирошкову—нельзя: онъ такъ, Богъ его знаетъ, ведетъ свои-то собственныя дѣла, что у него послѣдняя деревенька чуть-чуть нейдетъ съ молотка. Можно бы просить Крюкова, да на руку-то онъ, что называется, охулки не положитъ: Марья Ивановна умретъ не забудетъ, что онъ продалъ ей какъ то лошадь, которая, такъ себѣ, ни съ того, ни съ другаго, черезъ годъ околѣла... Обратиться къ Глотову—оно бы и хорошо! дѣла свои онъ ведетъ недурно, подобно ей, со всякой дряни умѣетъ пѣнку снять, и обманывать-то онъ никогда никого не обманывалъ и знакомство имѣетъ отборное: съ уѣзднымъ предводителемъ—другъ, съ исправникомъ—свой, съ становымъ ужъ и говорить нечего... пуншъ пьютъ вмѣстѣ. Словомъ сказать, всѣмъ взялъ, а ввѣриться Глотову все какъ-то не приходится: пьетъ, шельма, такъ, что ажно до чертиковъ. Такимъ образомъ, перебравъ всѣхъ сосѣдей, Марья Ивановна увидѣла, что не на нихъ слѣдовало опустить якорь надежды, и рѣшилась, послѣ зрѣлаго размышленія, отправиться въ столицу, гдѣ служили большая часть ея родственниковъ, чтобы чрезъ ихъ посредство выбиться изъ хлопотъ и обезпечить за собою законное наслѣдіе. Какъ ни тяжело было ей такое странствованіе, какъ ни больно было ей разстаться съ домовыми книгами и ключами отъ своихъ запасныхъ магазиновъ; но у страха глаза велики—и она, сдѣлавъ подробныя распоряженія касательно всѣхъ мелочей хозяйственнаго управленія, отправи-

лась *на своихъ* въ Петербургъ, разумѣется, въ сопровожденіи стараго плута—слуги и двухъ дѣвокъ. Это обстоятельство, по видимому столь незначительное, имѣло весьма важныя послѣдствія. Не пріѣзжай Марья Ивановна въ Петербургъ, тогда Богъ знаетъ, чтобы съ ней было. Въ деревенской глуши типическій характеръ этой женщины остался бы тайною, а можетъ быть, и вовсе не достигъ бы полнаго своего развитія. Но жребій былъ кинутъ—и день пріѣзда Марьи Ивановны въ столицу былъ, такъ сказать, днемъ ея возрожденія для той жизни, для которой природа создаетъ *тетинекъ*.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, Марья Ивановна остановилась у одной изъ ближайшихъ родственницъ. Нельзя представить себѣ, нельзя даже подумать описать, съ какою радостію, съ какимъ восторгомъ она была встрѣчена. Если бы, кажется, полиція дозволила зажечь иллюминацію, то добрая родственница не пожалѣла бы освѣтить на свой счетъ цѣлую улицу. Чего ужъ тутъ не было: и слезъ-то, и вздоховъ-то, и увѣреній разнаго сорта. Когда, наконецъ, добрая родственница пришла въ себя отъ перваго порыва радости, то тутъ же начала кидаться то къ той, то къ другой двери, крича довольно громко: — Маша! Любаша! Петруша! — Жанъ! подите сюда, друзья мои! Тетинька Марья Ивановна пріѣхала... и потомъ, снова обратясь съ поцѣлуями къ своей гостьѣ, она продолжала:—Ахъ, сестрица, позвольте вамъ представить дѣтокъ моихъ: они, право, такіе милашки—вотъ вы увидите сами...

Реченныя милашки высыпали изъ всѣхъ угловъ и чуть было совсѣмъ не зачмокали тетиньку. Можно положительно сказать, что при этой встрѣчѣ тетинька получила болѣе поцѣлуевъ, нежели во все продолженіе своей жизни, включая даже и поцѣлуи своего покойнаго сожителя. Въ послѣдствіи, число этихъ лобзаній возрасло неимовѣрно: на что другое, а ужъ на поцѣлуи родственниковъ тетинька никакъ немогла пожаловаться. Когда все успокоилось, тетиньку усадили на первое мѣсто и начались распросы:

— На долго ли вы къ намъ, сестрица?

— О, maman, вѣрно на долго: мы тетиньку иначе не отпустимъ, сказала одна изъ милашекъ.

— Конечно, сестрица говоритъ правду, maman, говорила другая.

— Иначе и быть не можетъ! говорила третья милашка, нѣжно поглядывая на тетиньку, которая сидѣла на диванѣ, хлопала глазами, какъ сова, и выжидала удобной минуты, чтобы отвѣчать на заданный ей вопросъ.

— Я увѣрена, начала опять добрая родственница, что дѣти мои отгадали ваше намѣреніе; они вѣдь такія у меня умныя, такія право, милашки... не правда-ли?

— Очень-очень большія милашки, сказала, наконецъ, тетинька и потомъ глубоко вздохнувъ, проговорила: — недай-то Богъ, чтобы сбылись ихъ пророчества!...

— Какъ такъ, сестрица?

— Можетъ ли это быть! завопили въ одинъ голосъ милашки.

— Да такъ-таки, сестрица, такъ. Проживши столько лѣтъ въ деревнѣ, я такъ привыкла къ этому образу жизни, что ни за что бы на старости лѣтъ не прибрѣла сюда, еслибы не Божеское наказаніе, да не обстоятельства.

Эти слова видимо не пришлись по сердцу добрымъ родственникамъ: лица у нихъ вытянулись, глаза заходили какъ-то странно...

— Да, продолжала тетинька жалобнымъ голосомъ: ужъ такія обстоятельства, что ужасъ! Нечего дѣлать, кинула все хозяйство на плохія руки, да и пріѣхала...

— Что же такое, сестрица?

— Дѣла по наслѣдству.

— Какія же такія дѣла по наслѣдству, сестрица? вѣдь имѣніе, кажется, записано на ваше имя, да и духовная-то, вѣроятно, сдѣлана покойникомъ въ вашу пользу.

— Сдѣлано-то все сдѣлано въ порядкѣ и какъ слѣдуетъ; да какіе-то дальные-предальные тамъ родственники покойнаго, при самомъ вводѣ меня во владѣніе, брякъ просьбу въ Губернское...

— Ахъ, они какіе!...

— Да ужъ такіе, милая сестрица! Но еслибы вы знали, что они понаписали, — это ужасти! Представьте себѣ: пишутъ, что у покойнаго «нашего дяди», замѣтьте, *дяди*, а онъ не былъ имъ никогда никакимъ дядей — правда, у покойнаго была сестра, да вѣдь она ужъ давнымъ-давно скончалась, да и того... да и чтожъ ея дѣти, сестрица?... Далѣе пишутъ, милая сестрица, *родовое*... да вѣдь оно давно продано... если оно продано, пишутъ, такъ гдѣ-жъ деньги?...

— Каковы?

— Судите сами; спрашиваютъ: гдѣ-молъ деньги?

— Ахъ, какіе дерзкіе!... Да вы, просто, сестрица, скажите: мужъ прожилъ, я прожила—какое вамъ до этого дѣло?...

Я ужъ объ этомъ думала, сестрица. Но вотъ какое обстоятельство: они вѣдь, пожалуй, станутъ спрашивать: откуда же взялись у васъ деньги на покупку новаго имѣнія?

— Да какъ они это смѣютъ? Жанъ, ты служишь въ департаментскомъ министерствѣ...

— Т. е. въ департаментѣ министерства.

— Ну, да... пожалуйста, завтра же справься и напиши тетинькѣ такой отвѣтъ, чтобы они замолчали, эти... грабители.

— Ваше дѣло совершенно правое, ангелъ мой тетинька, сказалъ Жанъ,—и если только вамъ будетъ угодно мнѣ довѣриться, то вы не далѣе, какъ черезъ полгода, будете введены во владѣніе...

— Въ самомъ дѣлѣ, другъ мой! вскрикнула тетинька, и красныя пятна выступили у ней на лицѣ, что было единственнымъ признакомъ сильныхъ внутреннихъ потрясеній: въ самомъ дѣлѣ?

— Повѣрьте мнѣ, отвѣчала добрая родственница, не давъ болѣе выговорить ни слова сыну:—я за это ручаюсь вамъ, сестрица. Мой Жанъ весь въ покойнаго моего мужа — такой умница, сестрица, что вы не повѣрите... такой, знаете...

— Прелестный, сестрица—это я вижу.

— Помилуйте, тетинька; я считаю за долгъ быть вамъ полезнымъ, хотя бы это стоило...

Это послѣднее слово, которое употреблено было вѣроятно для усиленія рѣчи, задѣло тетиньку за живое; красныя пятна, только-что выступившія отъ радости, теперь побагровѣли отъ чего-то, что не было похоже на радость и тетинька чуть-чуть не вскочила съ своего мѣста, какъ будто подъ нее подвернулась иголка.

— Гораздо больше... продолжалъ Жанъ...

Тетинька не могла дольше выдержать. Слова: *стоитъ* и *больше* невольно вырвали у нея отчаянный вопросъ:

— А что это будетъ стоить?

— Я хотѣлъ сказать...

— Я помню, вы сказали: гораздо больше...

— Т. е. я хотѣлъ сказать, тетинька, что еслибъ мнѣ это стоило гораздо больше труда...

Тетинька вздохнула свободнѣе и продолжала: — Да, вотъ оно что! А какъ вы думаете, что это будетъ собственно мнѣ-то стоить?

— Т. е. что вы хотите этимъ сказать, сестрица? сказала добрая родственница, желая во что бы ни стало перебить разговоръ съ сыномъ и выказать вполнѣ свои юридическія свѣдѣнія: ужъ не касательно ли денегъ?..

— Да, сестрица. Я такъ, знаете, поуздержалась во время болѣзни мужа... все это... доктора... лекарства, тамъ похороны, знаете... да и хозяйство-то теперь кинула, Богъ знаетъ на чьи руки. При этихъ горькихъ воспоминаніяхъ, тетинька вынула платокъ изъ ридикуля: разореніе!.. платокъ былъ наготовѣ: разореніе!.. проговорила она и платокъ былъ поднесенъ къ самымъ глазамъ.

— Это ровно ничего не будетъ вамъ стоить тетинька, сказалъ Жанъ.

— Такъ, ровно ничего, прервала добрая родственница—ровнехонько ничего, сестрица.

— Дай-то Богъ! проговорила тетинька тѣмъ нѣжнымъ, медовымъ голосомъ, которымъ она, бывало, въ дѣтствѣ выпрашивала гостинцы у Никитишны.

Дѣло тетиньки, если и не было чисто, какъ день, за то совершенно подходило подъ всѣ узаконенныя формы — и потому не представляло большихъ затрудненій ходатаю одержать верхъ надъ ея противниками. Въ надлежащій срокъ, *тетинька* была введена во владѣніе. Не смотря на всѣ угодливости и прислуги добрыхъ родственниковъ, тетинька, по окончаніи дѣла, тотчасъ же собралась къ своимъ домашнимъ пенатамъ, куда влекли ее очаровательныя мечты о хозяйствѣ. Это

рѣшеніе тетиньки взволновало доброе семейство, и въ самомъ дѣлѣ, какъ вдругъ-таки разстаться — и разстаться, можетъ быть, навсегда съ такою *милою*, съ такою *дорогою* родственницею, какова была тетинька! это невозможно, это просто, значило выпустить богатѣйшій кладъ изъ подъ самаго носа, это никакъ невозможно. Въ одно прекрасное утро, добрая родственница не мало думала, какъ бы удержать *тетиньку*, и наконецъ, произнесла съ торжествующимъ видомъ: «если ужъ просьбы неймутъ, ну такъ не грѣхъ попробовать что нибудь другое... авось... будетъ дѣйствительнѣе...

Въ тотъ-же день за чайнымъ столикомъ добрая родственница, послѣ обыкновеннаго размѣна привѣтствій, начала слѣдующій разговоръ:

— И такъ, сестрица, вы насъ оставляете: Богъ вамъ судья! Конечно, можетъ быть, я неумѣла доставить вамъ тѣхъ удобствъ, къ которымъ вы привыкли у себя; но Богъ видитъ, что я все дѣлала отъ души...

— Что вы это, сестрица, Богъ съ вами! произнесла съ видимымъ удивленіемъ тетинька: — вы меня конфузите; я у себя въ деревнѣ, при всѣмъ достаткѣ, не жила такой барыней. Нѣтъ, сестрица, вы это напрасно думаете: я у васъ просто какъ сыръ въ маслѣ катаюсь.

— Такъ отчего-же вы, сестрица, торопитесь въ деревню? Подумайте, ангелъ мой, сколько лѣтъ мы не видались и какъ вашъ отъѣздъ будетъ тягостенъ для меня и цѣлаго моего семейства. Жана это просто убьетъ; вѣрите-ли, онъ полюбилъ васъ какъ мать родную... признательно сказать, я даже ревную нѣсколько...

Тетинька хлопала глазами и не находила словъ для отвѣта. Не давая себѣ труда, или лучше сказать, не умѣя читать въ чужомъ сердцѣ, тетинькѣ казалась какъ-то диковата, непостижима эта привязанность, которой она никакъ не ожидала, и которая ей, по правдѣ сказать, и не слишкомъ нравилась. По расчетливому чувству, тетинькѣ казалось, что любить ее такъ сильно было вовсе не за что. Въ самомъ дѣлѣ, что-жъ она такое сдѣлала для своимъ родственниковъ? она пріѣхала къ нимъ въ домъ и остановилась у нихъ какъ бы у себя; ѣла и пила вдоволь, нисколько не затрудняясь, потому что ѣла и пила чужое; сверхъ всего этого, навязала еще свое дѣло имъ на руки — и за все это вмѣсто ропота и нарѣканій, тетинька то и дѣло встрѣчала улыбки радушія и готовность для нея хоть въ огонь и воду. Эта процедура со стороны родственниковъ такъ озадачила тетиньку, что она, вмѣсто отвѣта, произнесла съ разстановками:

— Стран...но!..

— Оно, если вы хотите, сестрица, ни чуть не странно, потому-что у моего Жана, да и у всѣхъ моихъ дѣтей прекрасное сердце — они очень скоро привязываются въ людямъ достойнымъ...

— Я не къ тому, сестрица, перебила тетинька: но мнѣ

какъ-то странно, что вы ходите меня удержать, тогда, какъ я кромѣ безпокойства, ничего вамъ не сдѣлала...

— Что вы это, Богъ съ вами, сестрица? Вы насъ безпокоили? За вашъ пріѣздъ я по гробъ буду считать себя вамъ обязанной...

— Это странно... опять съ запинками проговорила тетинька: очень даже какъ-то странно... за свое добро, да за свои хлопоты вы меня же благодарите...

Добрая родственница какъ будто этого не слыхала и съ таинственнымъ видомъ, какъ бы внезапно вдохновенная какою-то глубоко-печальною истиною, потупила глаза въ землю и глубоко вздохнула...

— Что съ вами? спросила тетинька.

— Такъ, ничего, сестрица, съ живостію отвѣчала добрая родственница, какъ бы вдругъ очнувшись отъ тяжелой думы.

— Maman, сказалъ Жанъ, не принимавшій до того времени никакого явнаго участія въ разговорѣ: — Maman, вы что-то вздохнули.

— Ахъ! мнѣ жаль сестрицу...

— Тетиньку?

— Ахъ, да, сказала добрая родственница, горестно посмотрѣвъ на тетиньку, которая съ своей стороны никакъ не могла понять, отъ чего бы ее жалѣть, когда ее ввели во владѣніе и тѣмъ упрочили ея владычество надъ всѣми кладовыми, сундуками, комодами и т. п. — Ахъ, да, продолжала добрая родственница мнѣ жаль сестрину — помяни мое слово, милый Жанъ (мнѣ не хотѣлось бы этого вовсе говорить) помяни ты мое слово, что негодяи родственники не оставятъ ее въ покоѣ...

— Вы обо-мнѣ говорите, сестрица? спросила тетинька, вытаращивъ на нее глаза.

— Ни за что не оставятъ въ покоѣ... какъ только сестрица отъ насъ, они опять на нее вскинутся, разбойники.

— На меня! да какъ они это посмѣютъ сдѣлать, да кто имъ далъ право, да развѣ они Бога и Царя не боятся? вопила тетинька, смущенная до глубины сердца этою выходкою доброй родственницы.

— Ахъ, сестрица, до сихъ поръ вы жили у насъ, среди родной семьи; но вдовье дѣло бѣдовое... я знаю на опытѣ.

— Мой мужъ былъ не чета вашему, сестрица: больной, словно ребенокъ какой...

— Ахъ, сестрица, вы не то говорите; хоть и больной, а все же голова. Больной ребенокъ, а все же при немъ вы не бось не знали, что такое хлопоты, дѣла и т. п., а какъ овдовѣли, такъ ужъ и пошло все не то... а какъ знать, что еще можетъ случиться впослѣдствіи...

Уразумѣвъ отчасти истину этихъ словъ, тетинька страхъ какъ переконфузилась, мурашки пробѣжали у нея по всему тѣлу, съ головы до пятъ, глаза посоловѣли, съеженное лицо вытянулось, и она вдругъ зарыдала ..

— Сестрица, что это съ вами? ради Бога успокойтесь, сестрица! Маша, подай скорѣе одеколону! Жанъ, пошли за докторомъ! Петя, подай стаканъ холодной воды...

— Не безпокойтесь, не надо, произнесла осипшимъ голосомъ тетинька. Но что же мнѣ дѣлать, сестрица, скажите, научите меня ради Бога, чтобы разъ навсегда отвязаться отъ мужниной роденьки.. Ахъ, Господи, Ты Боже мой!.. Какъ посмотришь, да какъ подумаешь хорошенько, сестрица, такъ ничего-то право нѣтъ хуже этой родни, прости Господи! Ну, чего бы имъ кажется? Ну, на что бы имъ чужое-то добро— такъ нѣтъ! Чужой кусокъ изъ рукъ рвутъ... больно лакомы... Вспомнили бы, бездѣльники этакіе, русскую поговорку: раньше вставай, да свой припасай...

Доброй родственницѣ, по видимому, этотъ эпизодъ о роднѣ не совсѣмъ пришелся по сердцу, она опустила глаза въ землю и протяжно проговорила:

— Да, сестрица, конечно, чего нѣтъ на свѣтѣ... есть неблагодарные... но есть опять и такіе... такіе, которые все рады сдѣлать, всѣмъ услужить близкому человѣку...

Вошедши разъ въ пассію, тетинька не умѣла себя воздержать. Ни чуть не заботясь, каково было присутствующимъ, она съ фанатическою яростью пушила, на чемъ свѣтъ стоитъ, всѣхъ и каждаго, кто только имѣлъ несчастіе быть ея родственникомъ; но утомясь, наконецъ, отъ гнѣва, она снова приняла видъ угнетенной вдовицы и нѣжнымъ голосомъ сказала: что же, сестрица, научите меня, какъ быть?

— Очень просто: оставайтесь въ Петербургѣ.

— Что вы, помилосердуйте, сестрица! возопила тетинька! а хозяйство-то мое... а имѣніе-то ..

— Хозяйство и имѣніе само по себѣ; а вы, сестрица, сами по себѣ.

— Какъ-же это такъ?

— А вотъ какъ: оставайтесь въ Петербургѣ, такъ они, небось, побояться... подумаютъ: затронешь, такъ она пожалуй, прямо къ министрамъ кинется...

— А что! вѣдь въ самомъ дѣлѣ?..

— Божусь, божусь вамъ, сестрица, что это наведетъ ихъ на разумъ. Они непремѣнно скажутъ: эге!.. знать она себѣ на умѣ, коли проживаетъ около...

— Да...

— Скажутъ, видно у ней есть тамъ рука...

— Точно.

— Могу васъ увѣрить, что это такъ.

— Оно конечно такъ, произнесла тетинька отчаяннымъ голосомъ: да петербургская-то жизнь кусается. Здѣсь не то что у себя въ деревнѣ: квартиру найми, дровъ на зиму припаси, а столъ, а то, а другое .. одни холопы да холопки живую съѣдятъ до смерти. Нѣтъ, сестрица, и рада бы въ рай, да состояніе не позволяетъ!..

— Богъ съ вами, ангелъ мой! вскрикнула добрая родствен

ница, кидаясь въ объятія оторопѣвшей *тетиньки:* повѣрьте, что вамъ всего этого не нужно: мой домъ, столъ и прислуга, все къ вашимъ услугамъ...

Тетинька не отвѣчала ни слова; но, судя по вытаращенымъ глазамъ и судорожному движенію губъ, видно было, что это предложеніе не только изумило, но привело ее въ какой-то трепетъ и недоумѣніе. Она незнала: слышитъ ли она это наяву, или это ей такъ только во снѣ грезится. Добрая родственница не упустила изъ виду смущенія тетиньки, и чуть чуть не заливаясь слезами, нѣжно нашептывала: и такъ, сестрица, вы моя гостья, вы мой ангелъ-утѣшитель... Боже ты мой! какъ дѣти-то мои будутъ рады? Жанъ-то, Жанъ! Я воображаю его радость.

Возгласы доброй родственницы привели, по видиму, въ память ошеломленную *тетиньку*, и она едва внятнымъ голосомъ произнесла:

— Да какъ же это такъ!.. мнѣ, конечно, это выгодно...

— Ахъ, сестрица, гдѣ родственная любовь и дружба, тамъ выгоды въ сторону.

— Но мнѣ, право, совѣстно...

— Побойтесь Бога!..

— Впрочемъ...

— Послушайте, сестрица, сказала добрая родственница истинно патетическимъ тономъ: я знаю вашъ умъ и ваше сердце, какъ свои пять пальцевъ: и увѣрена, что будь я на вашемъ мѣстѣ, вы бы для меня сдѣлали еще гораздо больше. По рукамъ же, сестрица, по рукамъ: вы моя гостья, моя плѣнница, моя госпожа...

Тетинька машинально протянула руку. Добрая родственница вскочила съ мѣста, трагически обратилась къ образу, висѣвшему на стѣнѣ, и торжественно произнесла. «Господи! благодарю тебя!...»

Придя къ себѣ въ комнату, тетинька долго была въ какомъ то забытьи. Богъ знаетъ, что за мысли бродили у ней, въ головѣ! Деревня, огородъ, ключи, Петербургъ, дерзкіе племянники покойнаго ея мужа, которые, впрочемъ, вовсе не были ему родственниками, Губернское Правленіе... однимъ словомъ дрянь такая лезла въ голову, что ужасъ! наконецъ, мало-по-малу, послѣ усиленныхъ соображеній, тетинька пришла въ себя и подумала: никто какъ Господь Богъ! видно теперь Онъ, Владыко, сжалился надъ моимъ сиротствомъ!..

Въ важныхъ кризисахъ жизни тетинька была довольно сообщительна и любила поговорить и посовѣтоваться съ крѣпостною дѣвкой своей, Устиньей, которая, мимоходомъ замѣтить, вполнѣ была достойна званія наперстницы своей госпожи. Еще дѣвченкой лѣтъ десяти, Устинья взята была, какъ говориться, во-дворъ, и весьма скоро получила важную должность при особѣ тетиньки. Какъ только эта почтенная дама ложилась въ постель, Уська (такъ называла ея барыня для краткости и во избѣжаніе пустословія) сейчасъ же являлась на

сцену и начинала чесать у ней въ головѣ и потирать пятки. Черезъ нѣсколько лѣтъ, Уська превратилась въ Устинью и заняла еще болѣе важную должность. Она стала одѣвать и раздѣвать тетиньку, а по временамъ даже разговаривать съ нею, наконецъ, входя, какъ называется, въ большій и большій форсъ, Устинья сдѣлалась правымъ глазомъ и правою рукою своей госпожи. Скоро вся дворня стала величать ее Устиньей Яковлевною...

Однажды въ дѣвичьей, когда завялся разговоръ между служанками объ Устиньѣ Яковлевнѣ, одна изъ нихъ, которая видно была побойчѣе, сказала:

— Устинья Яковлевна! чертова она кукла, а не Устинья Яковлевна!

— Тссъ! сказала другая: развѣ ты незнаешь въ какомъ она нынчѣ почетѣ?

— А за что? продолжала таже бой-дѣвка: за то, что она этакая... Бога не помнитъ, свою сестру продастъ, барынѣ во всемъ потакаетъ...

— Тссъ!

— Не чего тссыкать! я люблю говорить на прямки: и барыня-то того... а ужъ Уська еще пуще..,

Эти всѣ обстоятельства и отзывы объ Устиньѣ довольно ясно показываютъ, что она стоила барской милости. Кончивъ ab ovo, приступаю теперь къ разговору тетиньки съ Устиньей, послѣдовавшемъ за предложеніемъ доброй родственницы.

— Знаешь что? сказала *тетинька*, вошедшей въ комнуту Устиньѣ Яковлевнѣ.

— Что такое, сударыня?

— Я остаюсь на жительство въ Питерѣ.

— Какъ такъ! сказала Устинья, которой, видимо, не пришлось это понутру.

— Да такъ-таки, остаюсь. И при этомъ тетинька весьма подробно сообщила Устиньѣ всѣ свои опасенія, и условія, на которыхъ она остается въ домѣ доброй родственницы... Устинья сомнительно покачала головою.

— Ну, что-же ты качаешь головой.

— Да вотъ видите, сударыня, будете здѣсь полугостьею.

— Какъ такъ?

— Да такъ, что называется ни то, ни се.

Всякой другой, кромѣ Устинки, подобный отзывъ не прошелъ бы даромъ, но тетинька въ этихъ случаяхъ была истиннымъ Сократомъ въ женской юбкѣ и потому, не обратя вниманія на дерзость холопки, спросила:

— Отъ чего же это, Устиньюшка?

—Какъ, сударыня, отъ чего? Видѣнное ли дѣло, чтобы въ чужихъ людяхъ могло быть такое спокойствіе, какъ у себя дома, да еще въ деревнѣ: тамъ у васъ все свое, все подъ рукой, а здѣсь — прости Господи! плюнуть не куда: того и гляди попрекать станутъ.

—Что ты, Богъ съ тобой, Устинья! Мнѣ еще ни разу се-

стрица ничѣмъ не колола глазъ; напротивъ, она то и дѣло говоритъ: возмите все въ свое распоряженіе, сестрица; говоритъ, будьте совершенно, какъ у себя дома; вы мнѣ этимъ сдѣлаете большое одолженіе... Попытка, Устиньюшка, не пытка, а спросъ не бѣда: поживемъ, да попробуемъ, если пойдетъ такъ, какъ шло до этого времени, то повѣрь, что намъ и здѣсь не хуже будетъ деревни.

— Ужъ ежели такъ, сударыня, то я вамъ совѣтую не дремать, а какъ можно скорѣе все прибрать себѣ въ руки... да и того...

Тетинька не отвѣчала на это ни слова; но по движенію глазъ видно было, что она совсѣмъ не прочь отъ этого. Рѣшившись такимъ образомъ остаться въ Петербургѣ и жить въ домѣ доброй родственницы, тетинька не замедлила приступить къ истинѣ совѣтовъ своей доморощенной наперстницы. Исподволь, мало-по-малу, она завладѣла всѣмъ хозяйствомъ и всѣми домашними распоряженіями сестрицы. Ключи отъ кладовыхъ, погребовъ и другихъ угодій вдругъ очутились въ рукахъ тетиньки. Не прошло мѣсяца, какъ глядь—тетинька уже закупала провизію, заказывала столъ, вела домовыя книги, давала словесные и ручные выговоры людямъ и все это gratis, т. е. на иждивеніе доброй родственницы. Это обстоятельство до того понравилось тетинькѣ, что она въ весьма короткое время совсѣмъ почти забыла о деревнѣ и чрезвычайно полюбила Петербургскую жизнь.

— Мнѣ говорили, что въ Петербургѣ все дорого, думала часто про себя тетинька: сущій вдоръ! я здѣсь живу, ѣмъ, пью, распоряжаюсь всѣмъ, сколько душѣ угодно, а между тѣмъ все это мнѣ приходится очень дешево. выведеннаго яйца нестоитъ. Бывало, въ деревнѣ, не пройдетъ дня денскаго, чтобы староста не пришелъ и не сказалъ: соблаговолите, сударыня на то, да на се. Непроходило сплошъ одного мѣсяца, чтобы какой нибудь мелкотравчатый сосѣдишка по дорогѣ не заѣхалъ въ гости — тамъ, поди ты, изволь кормить его клячъ, корми его челядь; да и его самого, чорта, изволь угощать... Нѣтъ, право, живя у чужихъ людей, хлопотъ гораздо меньше! Что ни говори себѣ Устинья, а здѣсь своей копѣйки не проживешь. Съ недѣлю тому назадъ, ко мнѣ было сунулась *Варька*, да и говоритъ: «У меня башмаки задырявѣли; нужно, сударыня, купить новыя.» — А мнѣ какое до этого дѣло, говорю я: ступай къ своей барынѣ да и требуй отъ нея башмаковъ: вѣдь я не у себя дома, вѣдь ты не мнѣ служишь... Право, какъ посмотришь, да пораздумаешь, такъ невольно скажешь, что о Петербургѣ престрашные отпускаютъ турусы на колесахъ.

Тетинька, по природѣ своей невидѣвшая дальше своего носа, конечно, имѣла полное право разсуждать такимъ образомъ: но мы, знающіе близко и коротко добрыхъ родственниковъ и Петербургскую жизнь, не можемъ довольно надивиться этому разсужденію. *Въ Петербургѣ жить дешево? — Въ Петербургѣ*

найти людей расположенныхъ?.. — Эхъ-ма! Спросите-ка вы объ этомъ у бѣдняка, который за 1000 рублей въ годъ пантируетъ съ Выборгской на Литейную, и сидитъ въ должности съ 9-ти часовъ утра до пяти и шести вечера; спросите-ка вы у этого раззолоченаго и затянутаго красавца, легко ли ему достается его шитая красота? Легко ли, наконецъ, какой нибудь труженикъ ремесленникъ вытеребливаетъ, въ потѣ заработанный рубль, у какого нибудь этакого фонъ-барона, важнаго барина, или такъ называемаго *аристократа?* спросите-ка у нихъ да и смѣкайте!

Въ Петербургѣ живется хорошо однимъ только тетинькамъ, да еще развѣ... но объ этомъ ни слова: всякій знаетъ, кому еще хорошо жить на бѣломъ свѣтѣ... Тетинька, разсуждавшая такимъ образомъ о Петербургѣ, вѣроятно забыла, что она тетинька, т. е. бездѣтная вдова съ *капиталомъ*. Добрая родственница, у которой поселилась тетинька, была себѣ на умѣ, т. е. вполнѣ Петербургская дама, очень хороша понимавшая, что не посѣявъ, не пожнешь, не давъ, не взыщешь... На этомъ-то основаніи добрая родственница и дѣлала всѣ пожертвованія и уступки для тетиньки. Великое дѣло — разсчетъ? Разсчетомъ можно запутать не только тетиньку, но даже любаго математика ..

Взглянемъ же теперь на жизнь тетиньки въ настоящую минуту. Тетинька, привыкнувъ въ деревнѣ вставать въ 7-мь часовъ, и въ Петербургѣ не вставала никогда позже. Только что пробьетъ семь — она уже на ногахъ, вскочитъ, одѣнется и прямо-прямешенько за распоряженія. Устинья всегда была уже тутъ, и слѣдующій разговоръ завязывался между ними:

— Всѣ еще дрыхнутъ?..

— Дрыхнутъ, сударыня...

— Эко ихъ право!..

— Да ужъ точно, сударыня...

— Слушай, Устиньюшка: ты сегодня распорядись вотъ какъ; когда всѣ сядутъ за столъ и принесутъ самоваръ, ты чайнаго ящика не подавай, а положи сама двѣ, три ложечки въ чайникъ, да и поставь на самоваръ; поразопрѣетъ, такъ отъ двухъ трехъ ложекъ будетъ крѣпокъ... всю семью напоишь, да и скотамъ-то еще останется вдоволь...

Послѣ этого хозяйственнаго разспоряженія, тетинька обыкновенно заводила съ Устиньею разговоръ другаго рода.

— А знаешь ли ты, что я хочу сдѣлать?

— Что такое, сударыня?

— Заказать себѣ новый чепчикъ.

— А зачѣмъ это, сударыня? развѣ у васъ мало ихъ. Слава Богу! всякіе есть: и такіе, и средніе, и понаряднѣе...

— Если не нужно чепчика, такъ не сдѣлать-ли себѣ новый капотецъ: нынче, я замѣчаю, пошли въ моду клетчатыя тафтачки... хорошо и недорого.

— Эхъ, сударыня, пусть недорого; да зачѣмъ вамъ но-

вое платье, когда отъ старыхъ шкафъ ломится... въ десять лѣтъ не изволите сносить и того, что есть...

Тетинька послѣ этого отвѣта на время погружалась въ какое-то пріятное раздумьѣ, и потомъ, обыкновенно говорила: какая ты скупая, Устинья! — Впрочемъ, точно ли ты полагаешь, что мнѣ ни чепчика, ни капота не нужно...

Совершенно не нужно, сударыня, на кой ихъ... отвѣчала Устинья рѣшительнымъ тономъ.

Эти сухіе, и, по видимому, ничего не значущія утреннія бѣсѣды между тетинькой и ея наперсницей, заключали въ себѣ весьма интересный смыслъ: это была игра двухъ хитрыхъ умовъ, понимающихъ другъ друга какъ нельзя лучше. Тетинька говоря съ Устиньей о новомъ чепцѣ и тафтичкѣ, никогда и въ помышленіи не имѣла обзавестись ими; а говорила это ради того, чтобы хотя на словахъ пощедрится и помотать нѣсколько. Хитрая дѣвка, давно смѣкнувшая слабую сторону своей госпожи, очень ловко вывертывалась изъ разговора, и съ каждымъ днемъ выигрывала болѣе и болѣе во мнѣніи тетиньки. Послѣ бесѣды съ Устиньей, и чаю съ доброй родственницей и ея милашками, тетинька обыкновенно проводила остальное утро за пяльцами. Усѣвшись за нихъ, она вышивала съ чужаго узора, по чужой канвѣ и чужими гарусами. Въ этомъ случаѣ, она была истинно безкорыстна и труды свои ставила ни во что. Тетинька думала про себя: узоръ чужой, шерсть чужая; такъ отъ чего-жъ мнѣ не позабавиться!...

За обѣдомъ, по установленному порядку, тетинька обыкновенно садилась на первое мѣсто, и принимала роль хозяйки дома.

— Сестрица, говорила она: — я незнала, что вы чувствуете себя дурно и заказала шти. Не кушайте, пожалуй...

— Жанъ, говорила она, обращаясь къ извѣстному намъ милашкѣ: ты что-то сегодня блѣденъ... пожалуйста, не ѣшъ штей... А вы, говорила она, обращаясь къ другимъ милашкамъ: смотрите, кушайте меньше... а то вѣдь сразу потолстѣете или желудокъ испортится; послѣ хлопочи съ вами.

Если случайно былъ кто нибудь изъ постороннихъ: то тетинька, угощая, какъ слѣдуетъ гостя, *думала про себя*: зачѣмъ его, право, чортъ принесъ!

Подъ предсѣдательствомъ тетиньки, такъ начинался обѣдъ и совершенно также оканчивался.

Послѣобѣденное время во днѣ тоже, что въ году осень: каждому, кто неимѣетъ похвальной привычки спать, или какъ говориться отдыхать, становиться невыразимо тяжело и скучно.

Карты въ этомъ горѣ великое пособіе и въ домѣ доброй родственницы тотчасъ же послѣ обѣда составлялся семейный преферансъ. Тетинька же, не въ упрекъ будь ей сказано, была не послѣдней охотницей покозырять, но всегда, однако же, постоянно, прежде, нежели она бывало сядеть за зеленое поле, отговаривается что ни есть мочи:

— Нѣтъ, говоритъ она: воля ваша сестрица, а я не сяду; играйте втроемъ, а я посмотрю...

— Да отчего же это? обыкновенно говорила добрая родственница:—безъ васъ что и за игра?.. Садитесь, пожалуйста, ангелъ мой... утѣшьте меня.

И тетинька, послѣ нѣсколькихъ отнѣкиваній и возраженій, выходила на поле битвы. Я полагаю, что тетинька никогда бы долго неломалась передъ карточнымъ столомъ, еслибы преферансъ была такая игра, въ которую бы она немогла ничего проиграть, но тутъ каждый разъ, какъ ей предлагали карточку, въ воображеніи ея являлся страшный фантомъ проигрыша; фантомъ, который отнималъ у ней всякую охоту покозырять. Семейный преферансъ обыкновенно бываетъ копѣечный, но для тетиньки копѣйка и рубли имѣли одно и тоже значеніе: вынуть изъ кармана грошъ для ней было едва ли не также тяжело, какъ сотенную бумажку... къ тому же, тетинька никогда не выигрывала: она была всегда жертвой — хоть грошъ, а все-таки, бывало, всегда проиграетъ.

— Вотъ видите, я говорила, что проиграю: оно такъ и вышло, а кажется, меньше всѣхъ ставила ремизы; мнѣ рѣшительно никогда неслѣдуетъ играть въ карты...

— Ахъ, сестрица! говорила обыкновенно добрая родственница: сегодня проиграли, а завтра выиграете...

— Нѣтъ, нѣтъ! говорила тетинька рѣшительнымъ тономъ: завтра я ни за что въ свѣтѣ не сяду... И послѣ этаго рѣшительнаго отвѣта, тетинька обыкновенно вынимала кошелекъ, расплачивалась копѣйка въ копѣйку и начинала слѣдить за расплатою другихъ. Если Жанъ, бывало, не додастъ какой-нибудь копѣйки доброй родственницѣ, или на оборотъ, то тетинька принимала въ этомъ наживѣйшее участіе, котораго немогла даже скрыть.

— Жанъ, говорила она: ты не додалъ маменькѣ двухъ копѣекъ; съ тебя еще слѣдуетъ ей получить: ты проигралъ 47 копѣекъ, а отдалъ только четвертакъ да двугривенный.

Если Жанъ пропускалъ это мимо ушей, она съ таинственнымъ видомъ обращалась къ доброй родственницѣ и говорила ей:

— Сестрица, Жанъ вамъ не додалъ двухъ копѣекъ... онъ вѣдь проигралъ 47, а отдалъ только 45-ть.

Если и на этотъ разъ она не получала удовлетворительнаго отвѣта, то она видимо волновалась и безпокоилась, какъ будто о какомъ нибудь важномъ дѣлѣ. Боже ты мой, чтобы это было, еслибы ей самой кто нибудь не додалъ копѣйки?.. Тайна вѣчнаго проигрыша тетиньки заключалась ни въ чемъ иномъ, какъ въ ея скупости и трусливости. По ея понятіямъ, нужно было имѣть *семь вѣрныхъ взятокъ*, чтобы набрать *шесть*, и по этому она вѣчно твердила одно и тоже: пасъ, пасъ и пасъ!.. Какъ ни разумны вообще пословицы; но между ними есть и такія, въ которыхъ нѣтъ ни на волосъ правды; напримѣръ, я часто слышу: «скупость не глупость,» а на дѣлѣ оказывается, что скупость идетъ часто объ руку съ глупостью. Въ

доказательство, я приведу одинъ изъ случаевъ жизни тетиньки.

Разъ какъ-то, въ одно прекрасное утро, при повѣркѣ разныхъ счетовъ и отчетовъ, тетинькѣ пришло въ голову изчислить свои доходы. Не буду говорить, много-ли ихъ оказалось въ наличности, и довольна ли ими была тетинька, но достовѣрно знаю, что она ясно усмотрѣла, что въ одномъ изъ ея имѣній есть большая лѣсная дача, которая ровно никакого неприноситъ дохода. Это ее нѣсколько смутило, и она въ туже минуту рѣшилась посовѣтоваться съ *Жаномъ*, не продать ли, дескать, эту негодную дачу!.. Въ дѣлахъ серьозныхъ, касающихся до сбора оброка, уплаты недоимокъ, продажи и покупки вещей, тетинька предпочтительно любила бесѣдовать съ Жаномъ. Устинья, дока въ дѣлѣ чепцовъ и тафтичекъ, рѣшительно пасовала въ болѣе важныхъ вопросахъ. Въ этихъ-то случаяхъ Жанъ заступалъ Устиньино мѣсто и весьма успѣшно оправдывалъ это предпочтеніе. Коротко сказать, тетинька, посовѣтовавшись съ Жаномъ, положила продать свою *глупую лѣсную дачу*, которая занимала мѣсто на ея землѣ, а между тѣмъ, не приносила никакихъ доходовъ. Само собою разумѣется, что Жанъ тотчасъ же взялся за пріисканіе выгоднаго покупщика. Въ два, три дня дѣло было слажено: Жанъ былъ чудо, а не дѣлецъ! онъ ввелъ тетиньку во владѣніе законнымъ имѣніемъ, такъ послѣ этого ужъ какъ ему было не продать чужаго; за дачу дали 50000 чистою золотою и серебренною монетою. Дѣло, казалось, было въ шляпѣ, но вотъ тутъ то и произошло то обстоятельство, по случаю котораго я вкладываю этотъ эпизодъ. Она считала серебренные рубли по 3 р. 75 к. ассиг. а ихъ начали принимать по 3 р. 50 к. Вотъ и вышла сумма гораздо меньше ожидаемой.

— Да какъ же это такъ? растолкуй мнѣ, Жанъ, ради Бога, какъ это такъ! Вѣдь деньги не товаръ какой нибудь, такъ отъ чего же бы имъ, кажись, такъ вздешевѣть.

Жанъ со всѣмъ возможнымъ краснорѣчіемъ старался растолковать тетинькѣ сущность дѣла — но куда тебѣ! тетинька и слышать ничего не хотѣла и стояла на томъ, что деньгамъ дешевѣть ни подъ какимъ видомъ не слѣдуетъ.

Мысль, что она такъ много потеряла, не давала ей ни днемъ ни ночью покою. Чтобы какъ нибудь разсѣяться отъ этого обстоятельства, она разложила деньги въ баклажки, заперла ихъ въ комодъ, положила ключи въ ридикюль и ни слова никому болѣе. Жанъ, спустя нѣсколько времени, неоднократно, обиняками давалъ знать тетинькѣ, что большую сумму денегъ не слѣдуетъ держать дома, потому что проценты теряются, да и то, и другое, и третье можетъ случиться, но тетинька притворялась, какъ будто этого не понимаетъ, а въ существѣ она никакъ не могла рѣшиться внести въ банкъ деньги и получить въ обмѣнъ билетъ, на которомъ значилось бы менѣе пятидесяти тысячной суммы. Этотъ билетъ, какъ ражонъ какой, вѣчно бы кололъ ей глаза; онъ вѣчно напоминалъ бы ей о

ея промахѣ и объ переложеніи, съ которымъ она, не смотря ни на какія доводы, не могла примириться. Время шло, а время, какъ извѣстно всѣмъ и каждому, есть едва ли не лучшій врачъ и цѣлитель нашихъ душевныхъ скорбей. Тетинька мало-по-малу стала менѣе думать о своей потерѣ, и, наконецъ, утѣшилась тѣмъ, что въ другой разъ ее не проведутъ на бобахъ, и что прежде, нежели она возметъ съ кого нибудь деньги, будетъ справляться съ Сенатскими Вѣдомостями.

Продержавъ такимъ образомъ деньги въ баклажкахъ, она въ одно прекрасное утро рѣшилась, наконецъ, внести ихъ въ какое нибудь кредитное установленіе; по этому случаю, разумѣется, былъ призванъ Жанъ. Жанъ, готовый жизнію пожертвовать для тетиньки, разумѣется, охотно принялъ порученіе; попросилъ для большей аккуратности предварительно перещитать деньги. Можно легко себя представить, что тетинька не долго заставила объ этомъ просить себя. Считать деньги, когда ихъ у кого много, никто не откажется, а тѣмъ паче тетинька. Съ жадностію схватилась она за первую, попавшуюся ей въ руки баклажку; но кто возмется описать весь ужасъ тетиньки, когда она вскрыла ее. Этотъ ужасъ, по-крайней-мѣрѣ, стократно превосходилъ ужасъ Данта, вступившаго въ смрадное жилище ада. Съ ея лицомъ было то, чего пересказать нельзя... въ крикѣ, который она испустила, при этомъ случаѣ, казалось слышались милліоны смертей и мученій. Дѣйствительно, зрѣлище было ужасное. Туго набитая баклажка — до половины была опорожнена, или, какъ говорится высохла; тетинька, испустивъ крикъ, кинулась прямо къ другой, третьей и четвертой баклажкѣ; къ счастію эти баклажки были въ нормальномъ положеніи, и тутъ только тетинька перевела духъ и едва внятнымъ голосомъ произнесла: ну, хотя за это благодарю Господа моего!

Жанъ, не желая распространяться объ этомъ грустномъ предметѣ, не говоря ни слова, сосчиталъ деньги, въ которыхъ опять оказался важный недочетъ и отвезъ куда слѣдуетъ.

Вслѣдствіе наистрожайшихъ домашнихъ розысковъ, оказалось, что воромъ былъ ея крѣпостной человѣкъ Иванъ, котораго она за честность, безкорыстіе и трезвость привезла съ собою изъ деревни. Исторія, какимъ образомъ *честный* Иванъ покусился на такой мошенническій поступокъ, нейдетъ къ дѣлу, и мы скажемъ тотько что онъ, пронюхавъ кладъ, таскалъ оттуда то рубликъ, то два, смотря, разумѣется, по мѣрѣ своей надобности. Честному и безкорыстному Ивану тетинька, само собой разумѣется, тотчасъ же велѣла забрить лобъ, и въ добавокъ къ денежнымъ потерямъ, лишилась еще вѣрнаго слуги.

Какъ бы то ни было, тетинька жила была... и наконецъ, благодаря судьбѣ и своей врожденной беззаботности, достигла тѣхъ высокопочтенныхъ лѣтъ, въ которыя люди уже не умираютъ, а такъ-таки, въ одно прекрасное утро засыпаютъ себѣ сномъ праведниковъ. Когда это прекрасное утро настало для

тетиньки, она, послѣ бреда, пришла на время въ себя, позвала Устинью и сказала ей слабымъ голосомъ: я умираю!..

— Богъ съ вами, сударыня, что это вы...

— Я чувствую, что мнѣ сжимаетъ грудь... жжетъ сердце... мнѣ душно, Устиньюшка...

— Богъ съ вами! произнесла Устинья, которая, между нами будь сказано, была совсѣмъ не прочь полюбоваться карачуномъ своей барыни. Устинья была давно себѣ на умѣ, и очень хорошо знала, что смерть тетиньки будетъ ей съ руки.

Послѣ мученій нѣсколькихъ часовъ, тетинька дѣйствительно отошла... куда именно, это Богъ знаетъ!.. Для рая душа ея была слишкомъ ничтожна, или ада — черезъ чуръ пуста...

Не нахожу словъ описать всю тоску, все не притворное горе доброй родственницы: она просто чуть-чуть не рвала на себѣ волосы. Жанъ и всѣ малашки доброй родственницы подражали ей чрезвычайно: воплямъ и сѣтованіямъ не было конца. Похороны тетиньки были трогательны донельзя. Все общество родственниковъ рвалось и ревѣло надъ ямой, въ которую опустили бренные остатки усопшей. О чемъ бы, казалось, было рыдать имъ? Ровно не о чемъ: со смертію тетиньки, повидимому, умерло, изчезло, уничтожилось созданье безполезное на свѣтѣ... Это былъ нуль, не прилагаемый ни къ какой цифрѣ, это было что-то такое, чего и назвать нельзя. Послѣ похоронъ, всѣ родственники тетиньки съѣхались въ домъ доброй родственницы. Лица у всѣхъ были вытянуты, какъ слѣдуетъ при подобныхъ случаяхъ. Каждый изъ присутствующихъ, даже послѣ тетинькиной смерти, старался еще лицемѣрить, и выказать по наружности то, чего на душѣ вовсе не было. Добрая родственница и ея милашки, казалось, были совершенно убиты. Слезы у нихъ такъ и катились изъ глазъ, вздохи и оханья надрывали имъ грудь: Боже ты мой! они, казалось, были такъ огорчены, что и разсказать нельзя. Время шло, а между присутствующими не завязывалось никакого общаго разговора, хотя правду сказать, всѣ они были въ глубинѣ души наэлектризованы одною и тою же мыслію. Эта мысль, разумѣется, относилась къ духовному завѣщанію покойницы. Каждому изъ присудствующихъ, а тѣмъ паче доброй родственницѣ, какъ говорится, брюхомъ хотѣлось знать распоряженіе усопшей; но никто не рѣшался первый заговорить объ этомъ: у насъ есть обыкновеніе раскрывать духовное завѣщаніе не ранѣе, какъ по истеченіи шести недѣль со дня смерти. Нельзя достовѣрно сказать, долго-ли бы еще продолжалось это молчаніе, еслибы добрая родственница не была выше предразсудковъ и обыкновеній и не зачала рѣчь такимъ образомъ:

— И такъ, нашего ангела нѣтъ уже съ нами! Жанъ, поди сюда, поцѣлуй меня, не убивайся другъ мой — это общая доля человѣческая.

Жанъ подошелъ къ матери, поцѣловалъ у ней руку, и зарыдалъ, какъ дитя.

— Не плачь, мое сокровище! не плачь, дитя мое! Душа тетиньки въ царствѣ небесномъ, а воля и сердце ея въ завѣщаніи, которое мы скоро узнаемъ...

— И признаюсь, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, произнесъ кто-то изъ среды общества.

— Да, сказала добрая родственница, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Святыя распоряженія въ Бозѣ почивающей не должно откладывать въ долгій ящикъ...

— Точно! — сущая правда! — во истину! — Ей-ей такъ! — раздалось со всѣхъ сторонъ — и всѣ единодушно согласились тотчасъ же распечатать духовное завѣщаніе и узнать волю усопшей. Въ одно мгновеніе ока юдоль слезъ и сѣтованій превратилася въ какое-то шумное вавилонское столпотвореніе. Всѣ присутствующіе заходили и зажужжали, какъ пчелы, всѣ бросились въ комнату, гдѣ находилась драгоцѣнная воля въ Бозѣ почивающей и слова: увидимъ!... посмотримъ! услышимъ!... раздавались со всѣхъ сторонъ. Когда все общество родственниковъ подошло къ столу, гдѣ хранилось духовное завѣщаніе тетиньки, каждымъ невольно овладѣлъ какой-то паническій страхъ. Каждому изъ нихъ пришло въ голову: что если эта старая корга забыла меня и ничего не оставила? Прошу покорно, что тогда будетъ?...

Недоумѣніе присутствующихъ продолжалось не долго: добрая родственница и на этотъ разъ не ударила себя лицомъ въ грязь. Взявъ безцѣнный конвертъ, въ которомъ заключалась священная воля усопшей, она его разпечатала, вынула духовную и прочла слѣдующее:

«Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь».

— Хорошо! сказалъ кто-то. Начало законно, посмотримъ далѣе!

«Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь! произнесла снова добрая родственница, голосомъ полнымъ духовнаго умиленія.

— Тссъ! слушайте!!!... раздалось по всей комнатѣ...

«Будучи въ полномъ умѣ и сознаніи — я завѣщаю слѣдующее:

«Во первыхъ, всѣхъ крестьянъ, такой-то и такой-то губерніи, съ принадлежащими имъ угодьями, я отпускаю на волю: да благословятъ они мою память!...

— Вотъ ужъ подлинно баба, сказалъ кто-то: станетъ распоряжаться — все испортитъ.

«Во вторыхъ, всѣ капиталы приобрѣтенные мною, могу сказать честно и праведно, я жертвую въ пользу такой-то обители»...

«Въ третьихъ, все движимое мое имущество и тысячу руб. асс., я завѣщаю Устиньѣ, которая во все время служила мнѣ вѣрно и праведно.»

— Добрая барыня! сказала Устинья, стоявшая у двери: она незабыла рабу свою.

— Дурафья была покойница! сказалъ кто-то.

— Изъ ума выжила! сказала добрая родственница!..

«Доброй и многолюбимой мною родственницѣ, я оставляю въ знакъ памяти, *турецкую* шаль, подаренную мнѣ покойнымъ мужемъ въ день нашей свадьбы; нося ее, пусть помнитъ она обо мнѣ!»

— Подавись ты этой шалью, если не подавилась ею моль, подумала добрая родственница.

«Племяннику моему, Ивану такому-то, любившему меня какъ мать, я назначаю золотую табакерку съ моимъ портретомъ: зная его безкорыстіе, я немогла придумать, чѣмъ лучше вознаградить привязанность его ко мнѣ.»

«Всѣмъ остальнымъ моимъ родственникамъ, желаю отъ души всякаго благополучія и успѣховъ въ жизни. — Я умираю съ покойною совѣстію, свято уповая, что по великой благости Божіей, онъ услышитъ молитвы мои и помилуетъ васъ и меня рабу грѣшную.»

ВМѢСТО ЭПИЛОГА.

Письмо доброй родственницы къ какой-то тетинькѣ:

=

Напрасно, много-любезная Дарья Ивановна, вы поздравляете меня съ небольшимъ наслѣдствомъ. Сестрица дѣйствительно умерла; но, видно, мы ей угодить не умѣли — и она меня и все мое семейство забыла въ духовной. Правда, она оставила мнѣ какую-то тряпку, въ знакъ памяти — ну да вѣдь съ этакимъ наслѣдствомъ поздравлять нечего... Не думайте, мой добрый другъ, чтобы я когда нибудь имѣла въ виду поживиться чѣмъ нибудь отъ кого бы то ни было; въ своемъ безкорыстіи я ссылаюсь на Бога; знаете, мнѣ даже какъ-то противны тѣ люди, которые заражены гнусною страстію расчета, или чего нибудь подобнаго... Однако-же, при всемъ этомъ, я признаюсь вамъ, другъ мой, мнѣ какъ-то больно и досадно, что покойная сестрица забыла меня... Не интересъ, а справедливость заставляетъ меня сказать это. Въ самомъ дѣлѣ, я ужъ не знаю, гдѣ покойница могла найти больше радушія и предупредительности, какъ въ моемъ домѣ: я, всѣ дѣти мои, а въ особенности Жанъ, (вы знаете моего Жана, каковъ онъ) то и дѣло глядѣли ей, въ глаза и старались предупредить малѣйшее ея желаніе. Бывало, чтобы угодить покойницѣ, привыкшей въ деревнѣ вставать съ пѣтухами, я сама и все мое семейство вскакивало ни свѣтъ, ни заря. Объ хозяйственныхъ распоряженіяхъ и издержкахъ — ужъ я неговорю ни слова, — самой право стыдно. Вѣрите-ли, что я, зная страсть покойницы къ хозяйству, передала ей всѣ ключи отъ шкафовъ и погребовъ, и ни во что не вмѣшива-

лась — а, между тѣмъ, за все платила изъ своего кармана. Мало того! Ужъ если пошло на откровенность, то я должна вамъ признаться, что даже поганой ея дѣвкѣ, Устиньѣ, готова была во всемъ уступить, зная отчасти вліяніе, которое эта шельма имѣла на покойницу. При благородствѣ моего характера, вы можете себѣ представить, чего мнѣ это стоило!

Какъ бы то ни было, за себя собственно, я ни мало не въ претензіи на покойницу. По опытности моей въ жизни, я давно уже привыкла расчитывать на неблагодарность людей, и собственно я нисколько не оскорблена распоряженіемъ покойницы; но признаюсь вамъ, мой любезный другъ, что за моего Жана я въ большомъ неудовольствіи на покойницу; не подумайте, пожалуйста, чтобы перомъ моимъ водила какая нибудь этакая корысть — Боже меня сохрани и помилуй! Но крайне больно подумать, что покойница такъ несправедливо забыла его въ своемъ духовномъ завѣщаніи. Мой Жанъ (вы знаете какой онъ милашка)! былъ просто сказать, — ея благодѣтелемъ. Вы, я чай слышали, что покойница пріѣхала въ Петербургъ, гонимая цѣлою стаею голодныхъ племянниковъ своего покойнаго мужа, которыя, во что бы то ни стало, хотѣли оттягать *у нея имѣніе* — и повѣрьте, они бы у ней его отняли, еслибы не мой Жанъ. Безъ хвастовства, вы сами знаете, какъ уменъ, добръ, ловокъ и расторопенъ мой Жанъ. Онъ мигомъ предложилъ покойницѣ свои услуги; знаете, поѣхалъ въ одинъ Департаментъ, въ другой, третій — коротко сказать, не прошло двухъ мѣсяцовъ, какъ покойница была введена во владѣніе. А пускай бы она попробовала безъ него дѣйствовать, такъ ей бы это и въ копѣйку пришлось, да чего добраго, еще, и всего бы наслѣдства лишилась пожалуй. Мой Жанъ, кромѣ того что облагодѣтельствовалъ ее по горло, былъ во всемъ, можно сказать, ея правою рукою: совѣтъ ли какой подать, съѣздить ли куда по ея дѣламъ, онъ, бывало, вѣрите ли, скорѣй въ должность не пойдетъ, проманкируетъ визитомъ, а ужъ, бывало, непременно угодитъ своей милой драгоцѣнной, какъ онъ ее называлъ, тетинькѣ. И чѣмъ же за все она вознаградила его? Какъ вы думаете? Какой-то табакерчижкой, будто бы съ ея портретомъ, а этотъ портретъ на нее столько же похожъ, сколько на меня съ вами... или на какое нибудь дырявое рѣшето. Вы, вѣроятно, мой ангелъ, полюбопытствуете узнать, кому, наконецъ, досталось все имѣніе покойницы? дѣйствительно это любопытно. Распоряженіе умершей не только любопытно, но стоило бы право, распубликовать во всѣхъ газетахъ... Вообразите себѣ: всѣхъ мужиковъ отпустила на волю... Всѣ капиталы—покойница оставила въ пользу какой-то «обители.» Спору нѣтъ, назначеніе весьма христіанское! Но вѣдь не тѣмъ быть помянута, покойница при жизни гроша никогда не подала нищему. Все движимое, какъ бы вы думали, кому она завѣщала? Вы удивитесь, изумитесь до нельзя, если я вамъ скажу это: вообразите себѣ, другъ мой:—Устиньѣ, скверной-пресквернoй дѣвкѣ, которая влѣзла къ ней въ душу, въ довѣрен-

ность—ужъ чортъ знаетъ, право, почему! Но я, кажется, слишкомъ расписалась, и надоѣла вамъ, безцѣнный другъ мой, предметомъ, не стоющимъ ничего ровно. Одно мнѣ только крайне досадно, что я, на старости лѣтъ, при всей моей смышлености очень глупа. Видитъ Богъ, какъ я досадую на себя и за то, что принуждала себя и моего Жана любить, и потворствовать покойницѣ. Свѣтъ хуже, прости Господи, сатаны: и каждый, если не говоритъ, то, по крайней мѣрѣ, думаетъ, что я и Жанъ увивались около покойницы, что у насъ были на нее корыстные замыслы... Между тѣмъ, какъ ни я, ни онъ — и въ помышленіи ничего корыстнаго не имѣли. Но объ этомъ довольно пока: по пріѣздѣ вашемъ къ намъ въ Петербургъ, поговоримъ больше...

Прощайте, моя неоцѣненная: цѣлую васъ заочно милліонъ разъ, и искренно молю Бога, да приведетъ онъ насъ скорѣе свидѣться.

По гробъ, вся ваша.

P. S. Мой Жанъ, не имѣя чести васъ лично знать, очень радъ случаю сказать, что отъ души васъ любитъ, и заочно цѣлуетъ ваши ручки. Прощайте!...

СЕРГІЙ ДУРОВЪ.

ЗАПИСКИ ФЛОРЫ,

КОМИЧЕСКОЙ АКТРИСЫ.

—

ГЛАВА VI.

1809-й годъ былъ однимъ изъ счастливѣйшихъ годовъ для нашего театра; онъ пріобрѣлъ Потье, комика, какихъ не бывало съ давнихъ поръ. Потье сначала не понравился нашей публикѣ. Люди, привыкшіе къ наивнымъ дурачествамъ Брюне, и къ грубымъ каррикатурамъ Тьерслена, не понимали его тонкой, обдуманной игры. Голосъ его казался глухимъ и непріятнымъ; онъ говорилъ съ разстановками, и его по этому считали холоднымъ. «Ладно, говорилъ Потье, они меня не понимаютъ; но погодите: свыкнемся, слюбимся.» Къ счастью, онъ выбралъ для своего дебюта роль *Парикмахера-Поэта*, въ которой былъ превосходенъ: Брюне прежде игралъ эту роль съ большимъ успѣхомъ, но когда онъ увидалъ въ ней Потье, — то сказалъ: «я этой роли уже не трону, онъ ее играетъ лучше меня.» Дѣйствительно, это была единственная роль, въ которой Потье былъ хорошо принятъ. Въ *Интригѣ подъ кровлею* его въ первый разъ освистали. Однако же, онъ чрезъ нѣсколько времени опять явился въ ней, и она потомъ была одною изъ его лучшихъ пьесъ.

Я играла съ нимъ въ обѣихъ пьесахъ; какъ я ни была молода, но ясно видѣла, что это человѣкъ съ необыкновеннымъ талантомъ; я всегда старалась угождать ему; онъ меня полюбилъ за это, и сказалъ однажды, оставшись со мною одинъ въ фойе, послѣ репетиціи:

— Видишь, милая Флора, ваши хорошенькія актрисы могутъ играть водевиль, а вовсе не понимаютъ, что такое комедія; онѣ никогда не играли ее. Я своимъ развитіемъ обязанъ именно тому, что прежде, чѣмъ принялся за этотъ мелкій родъ, игралъ серьозныя пьесы, которыя однѣ могутъ образовать хорошихъ комиковъ.

Я пошелъ въ актеры по любви къ искусству; мои родные противились моему желанію, и еслибы не революція, мнѣ не бывать бы на театрѣ. Наше семейство принадлежитъ къ хорошему судейскому дому, котораго нѣкоторые члены заслугами и связями дошли до званія герцоговъ и перовъ, именно Потье-де-Жевръ и Потье-де-Бланмениль. Гордиться тутъ, разумѣется, нечѣмъ; родиться изъ хорошаго дома еще небольшая заслуга. Честный актеръ гораздо лучше дворянина, незаслуживающаго уваженія. Воспитывался я въ военномъ училищѣ кавалера Пауле; изъ товарищей моихъ нѣкоторые сдѣлались честью нашихъ армій. Въ 1793 году, во время перваго возванія, я вступилъ въ военную службу, въ пѣхоту; но слабость здоровья не позволила мнѣ оставаться въ ней долго; я возвратился въ Парижъ, вскорѣ послѣ Терроризма. Семейство мое, подобно многимъ другимъ, было совершенно разорено; дѣлать мнѣ было нечего; во мнѣ опять закипѣла страсть къ театру; и я рѣшился попытать свои силы на самыхъ мелкихъ бульварныхъ сценахъ, между прочимъ, у Лаццари; я получалъ по три франка за представленіе, бывалъ освистанъ, но не унывалъ.

У Лаццари игрались всѣ пьесы прежняго итальянскаго театра; самъ Лаццари былъ превосходный арлекинъ. Роли въ этихъ пьесахъ не были писаны; но директоръ зналъ всѣ пьесы на память, обозначалъ роли актерамъ, а они уже должны были импровизировать, и какъ они иной разъ импровизировали! Впрочемъ, режиссеръ, Гассье-Сентъ-Аманъ, очень хорошо исполнялъ роль Скапина, главную послѣ арлекина; Панталонъ также былъ недуренъ. Одинъ разъ какъ-то Панталона нигдѣ не могли отыскать; я только что сыгралъ свою пьесу; Лаццари пришелъ ко мнѣ, и сказалъ. «Потье, у меня пропалъ сегодня Панталонъ, заступи его мѣсто. Чортъ знаетъ, куда дѣвался Роберъ. Надѣнь его костюмъ, и сыграй его роль въ *Венеціянской тартанѣ*.

— Да я не знаю роли!

— Чтожъ за важность?

— Что-же я стану говорить?

— Все, что придетъ въ голову. Я буду подсказывать. Не разстрой моего представленія; я тебѣ заплачу вдвое.

«Я видалъ пьесу, и рѣшился играть; нарядился въ костюмъ Панталона, надѣлъ маску, подвязалъ бороду колбасою, и такъ хорошо справился съ ролью, что Лаццари обнялъ меня, въ восторгѣ заплатилъ вдвое, и ангажировалъ меня на амплуа Панталона, говоря, что я на то рожденъ. Но мнѣ не суждено было играть Панталона въ другой разъ; на слѣдующій день послѣ представленія, театръ сгорѣлъ.

«Театръ «Комическихъ Развлеченій», подъ управленіемъ Дегарма, игралъ въ то время большой репертуаръ, трагедіи и комедіи; можно было, заплативъ за мѣсто двѣнадцать су въ первомъ ярусѣ и шесть су въ партерѣ, видѣть пьесы Корнелья, Расина, Вольтеа,

Мольера и Бомарше. Вотъ что называется и дешево и мило. Жоанни, мой сослуживецъ по арміи, игралъ главныя трагическія роли; онъ представилъ меня Дегарму, который тотчасъ ангажировалъ меня на вторыя комическія роли; первыя игралъ нѣкто Гобленъ, человѣкъ, имѣвшій нѣкогда огромное состояніе, которое онъ промоталъ на домашніе спектакли, на которыхъ онъ самъ игралъ; разорившись, онъ, для утѣшенія, поступилъ на бульварный театръ.

«Театръ нашъ былъ прелюбопытный театръ. Онъ былъ открытъ незадолго до революціи, подъ управленіемъ актера-литератора Планше Валькура, и имѣлъ право давать свои представленія только за дымкою, которая отдѣляла актеровъ отъ зрителей. Но, по взятіи Бастиліи, во время представленія какой-то патріотической пьесы, Валькуръ изорвалъ дымку, при кликахъ: Vive la liberté! Съ того времени онъ принялъ республиканское прозвище Аристида Валькура. Послѣ того дирекція скоро черезъ разныя руки перешла къ Дегарму, который игралъ первыхъ любовниковъ въ трагедіяхъ, комедіяхъ и операхъ; а жена его играла первыхъ любовницъ.

«Никогда я не забуду забавнаго приключенія, случившагося однажды при представленіи трагедіи *Ромео и Юлія*. Въ пятомъ дѣйствіи, г-жа Дегармъ, игравшая Юлію, лежала на катафалкѣ, и превосходно представляла мертвую. Къ несчастью, шелъ сильный дождь, а кровля нашего театра была плоха. Вода просачивалась сквозь черепицу, и крупная капля упала на самый носъ Юліи. Она тряхнула головою и сдѣлала преуморительную гримасу. За первою каплею послѣдовала другая, и опять таже гримаса. Ромео шепчетъ женѣ: «Да не шевелись же!» Но какъ не шевелиться, когда капли воды такъ и щелчкаютъ меня по носу! Г-жа Дегармъ смотрѣла вверхъ, видѣла, какъ новая капля готовилась упасть; она отвернула голову, и капля упала ей въ глазъ. Зрители, не понимавшіе сначала ея безпокойства, стали также поглядывать вверхъ, и скоро замѣтили капавшую воду. Шутки посыпались со всѣхъ сторонъ, одинъ шутникъ всталъ съ мѣста и сказалъ несчастной Юліи: не прикажете-ли подать вамъ зонтикъ? — Трагедія кончилась среди общаго хохота.

«У насъ игрались также новые водевили Габіо, Рене Перена, и Севрена. Въ *Больномъ ревнивцѣ* Севрена, я игралъ роль аптекаря и очень смѣшилъ публику.

«Мы терпѣли большой недостатокъ въ фигурантахъ и статистахъ, но нѣкоторые молодые литераторы, ходившіе къ намъ за кулисы, нерѣдко замѣняли ихъ; также, когда не случалось у насъ суфлера, должность эту бралъ на себя кто нибудь изъ этихъ господъ.

«Въ 1799 году труппа наша совсѣмъ разстроилась и театръ закрылся. Тогда образовалась новая труппа и основала свой театръ подъ громкимъ именемъ *Театра Народныхъ Побѣдъ*; это было

во время блистательнаго похода Бонапарте въ Италію. Директорами его были Помпей, игравшій нѣкогда благородныхъ отцовъ на театрѣ Тампльскаго бульвара, и Форъ, бывшій прежде актеромъ и танцовщикомъ на театрѣ въ Сите, а потомъ поступившій на Французскій театръ. На этомъ театрѣ думали давать серьозныя пьесы, и я былъ ангажированъ на вторыя комическія роли; первымъ комикомъ былъ самъ Форъ.

«Труппа была довольно хорошо составлена, по крайней мѣрѣ въ сравненіи съ тою, къ которой я принадлежалъ предъ тѣмъ. Въ одномъ эти два театра были схожи: оба плохо платили; но я игралъ, и былъ доволенъ. При мнѣ была и моя сестра; она очень хорошо играла старухъ и характерныя роли. Когда мы послѣ успѣшнаго представленія возвращались домой, не получивъ своего мѣсячнаго жалованья, мы весело садились за свой скудный ужинъ, смѣялись, шутили, и припоминали за стаканомъ воды свои вечерніе успѣхи.

«Чтобы поразнообразить свой репертуаръ, мы давали иногда и новые водевили, которыми насъ снабжали Гама, нашъ режиссеръ, Жакленъ, суфлеръ, и Дезожье, нашъ капельмейстеръ. Между прочимъ, мы играли премилую арлекинаду подъ названіемъ: *Еще чортъ!* (черти были тогда въ большомъ ходу на всѣхъ театрахъ) и комедію въ стихахъ Госса *Женщины-политики*, которая въ послѣдствіи была играна и на Французскомъ театрѣ. Мы пустились даже одинъ разъ въ трагедію, и дали *Арта, воина-философа;* это была аллегорія, относившаяся къ первому консулу; она намъ доставила много славы и не мало денегъ. А вѣдь слава, безъ денегъ, дымъ; мнѣ же нужны были деньги; я оставилъ театръ Народныхъ Побѣдъ, и рѣшился искать счастья въ провинціи, хотя и тяжело мнѣ было разстаться съ Парижемъ, колыбелью моихъ успѣховъ. У меня были добрые товарищи, хорошія роли; мнѣ часто аплодировали; одинъ разъ даже, въ роли Бридуазона, въ *Свадьбѣ Фигаро* меня вызвали; а тогда вызовы еще имѣли значеніе. Правда, мнѣ приходилось иногда изъ услужливости играть какихъ нибудь болвановъ въ трагедіяхъ; какого нибудь Альдамона въ *Танкредѣ*, или Феникса въ *Андромахѣ*, или актера въ *Китайскомъ сироткѣ*. За то, я думаю, и былъ я въ нихъ настоящимъ болваномъ.

«Какъ бы то ни было, я отправился въ провинцію; игралъ въ разныхъ городахъ Нормандіи и Бретани, и имѣлъ огромный успѣхъ въ Бордо, играя вмѣстѣ съ Мартелли, превосходнымъ комикомъ, котораго неразъ сравнивали съ Моле; его совѣты принесли мнѣ пользу, въ искусствѣ, которое я страстно люблю, и на которое смотрю вовсе не какъ на ремесло. Огромный успѣхъ свой въ роли, которая, казалось была вовсе не по мнѣ, именно, въ роли волокиты въ *Прекрасной Фермершѣ*, побудилъ директора Фервиля (отца нынѣшняго превосходнаго актера), ангажировать меня въ Бордо.

«Теперь я опять въ Парижѣ; посмотримъ, что будетъ далѣе. Я хочу быть комикомъ, а не шутомъ; шутовству мы смѣемся; но въ тоже время пожимаемъ плечами. Ты, молода, милая Флора, у тебя есть способности, потому я и говорю съ тобою какъ другъ и опытный человѣкъ. Я уже десять лѣтъ на театрѣ, видалъ множество актеровъ, но мало комиковъ; и ты старайся быть не актрисой, а комическою артисткою. Тебѣ даютъ роли влюбленныхъ, но повѣрь мнѣ, ты должна играть комическія роли.»

Исторія первыхъ лѣтъ Потье врѣзалась въ моей памяти. Я никогда не забывала его совѣтовъ, и если иногда отступала отъ нихъ, то память о немъ всегда возвращала меня на истинный путь. Двѣнадцать лѣтъ я играла съ нимъ, изучала его, дивилась ему; и изъ примѣра его научилась еще болѣе, чѣмъ изъ его совѣтовъ. Года два онъ не имѣлъ заслуженнаго имъ успѣха; но въ 1811 году роль Мирлифлира, въ *Чудесной кошкѣ*, упрочила его славу, и навѣкъ стяжала ему любовь публики. Тальма, нерѣдко бывавшій у насъ за кулисами, говорилъ, что никогда не видалъ такого превосходнаго фарсера.

Но возвратимся къ Брюне и къ 1809 году.

10-го сентября, Бертье потребовалъ Брюне въ Гробуа, чтобы дать представленіе для императора, который долженъ былъ пріѣхать туда съ охоты. Впослѣдствіи мы узнали, что насъ требовали для того, чтобы развлечь его величество отъ мрачныхъ и печальныхъ мыслей, которыя возбуждала въ его умѣ, или скорѣе въ сердцѣ, борьба дружбы и благодарности съ политическими расчетами; онъ задумывалъ тогда одно важное дѣло, которое вы сейчасъ узнаете.

Намъ назначили одну изъ самыхъ забавныхъ нашихъ пьесъ, *Каде-Руссель, учитель краснорѣчія.* Я играла Машу, жену Каде-Русселя. Въ одной изъ залъ былъ устроенъ театръ, маленькій, низенькій; мы были почти на одной высотѣ съ зрителями, носомъ къ носу съ императоромъ, котораго пасмурное, строгое лицо порядкомъ смущало насъ всѣхъ, въ особенности же меня, не отличавшуюся смѣлостью. Брюне успокоивалъ меня, говорилъ, что ему много разъ случалось играть передъ императоромъ, что онъ снисходителенъ. Я ободрилась, сколько могла, и вышла на сцену. Императрица Жозефина, сидѣвшая подлѣ императора, сказала ему вполголоса: Она недурна, эта актриса. — Наполеонъ отвѣчалъ отрывисто: Да. — Это меня ободрило. Но императору, очевидно, не слишкомъ нравились грубые разговоры пьесы, и онъ спросилъ довольно громко, что жъ не выходитъ Брюне?

Брюне, услышавъ это изъ за кулисъ, вышелъ, не дожидаясь очереди; но какъ проходы между кулисами были узки, онъ зацѣпился, выронилъ свою бритвенницу и коробку съ пудрою, и онѣ покатились на полъ. Бритвенница разбилась въ дребезги, а пудра поднялась облакомъ, въ которомъ мы совершенно исчезли. Брюне бросился поднимать свои приборы, и, нагнувшись, сронилъ шляпу, которая отскочила и упала прямо на колѣна Камбасересу. Эрцканцлеръ, торопли-

во отбросилъ напудренную шляпу на сцену и попалъ прямо въ лицо Гюго, который въ свою очередь, ослѣпленный ударомъ, отскочилъ назадъ на Блондена. Эта суматоха развеселила императора, и все общество расхохоталось по его примѣру, кромѣ эрцканцлера, который тщательно стиралъ пудру и помаду съ своихъ черныхъ бархатныхъ брюкъ, и сказалъ, обращаясь къ Реньо: къ чему было выбирать такую глупую пьесу? гораздо бы лучше хорошенькій водевиль, въ какихъ играетъ Кюизо, напримѣръ: *Корзинку апельсиновъ*, или *Маленькаго горниста*.

Реньо отвѣчалъ ему лукаво: Императоръ не любитъ женщинъ въ мужскомъ платьи!

Между тѣмъ, все пришло въ прежній порядокъ; удовольствіе императора ободрило насъ. Брюне былъ превосходенъ, а мы не отставали отъ него, кромѣ Гюго, который безпрестанно протиралъ глаза и шепталъ мнѣ: Я точно бѣлены объѣлся.

Высокіе зрители, увлеченные комическимъ жаромъ Брюне, который ломался, какъ бѣшеный и декламировалъ свои нелѣпые стихи съ такимъ же огнемъ, какъ Тальма декламировалъ стихи Корнеля или Расина, хохотали до упаду. Этикетъ былъ отложенъ въ сторону, и дѣло шло какъ нельзя лучше, какъ вдругъ все неожиданно измѣнилось.

Въ пьесѣ, Бланше влюбленъ въ Машу, жену Каде-Русселя, и ходитъ къ учителю подъ предлогомъ, будто хочетъ у него учиться играть трагедіи. Приходитъ его отецъ, и говоритъ Каде-Русселю: «Неужели ты воображаешь, что онъ таскается къ тебѣ за твоимъ краснорѣчіемъ? Какъ бы не такъ! Онъ, просто, хочетъ увезти твою Машу, и поставить тебя въ необходимость просить развода.» — «А ты думаешь, что я женился для одной потѣхи? отвѣчаетъ Каде-Руссель; совсѣмъ нѣтъ, я женился для прочной цѣли: чтобы не дать пресѣчься моему роду, чтобы возродиться въ себѣ самомъ, и не умереть безъ наслѣдниковъ...»

Ударъ грома, разразившійся надъ театромъ, не произвелъ бы такого дѣйствія, какъ эти слова. Императрица Жозефина закрыла лицо вѣеромъ; императоръ наморщилъ лобъ; всѣ зрители переглянулись между собою со страхомъ, замѣтивъ, какое впечатлѣніе эта фраза произвела на Наполеона.

Мы не знали, чѣмъ объяснить эту внезапную перемѣну. Каммергеръ Сенъ-Сиръ бросился за кулисы, къ режиссеру Гиберу.

— Помилуйте! что они тамъ говорятъ!

— Что написано въ пьесѣ, отвѣчалъ Гиберъ.

— Какъ это можно! императоръ будетъ гнѣваться!

— А мы чѣмъ виноваты; вы сами назначили пьесу.

— Будетъ еще въ пьесѣ рѣчь о разводѣ?

— Вся пьеса основана на разводѣ.

— Такъ ступайте же на мѣсто суфлера, и велите актерамъ выбрасывать все, что касается до развода.

Гиберъ занялъ мѣсто суфлера, дѣлалъ намъ всевозможные знаки; но мы ничего не понимали. Какъ только Брюне открывалъ ротъ, онъ приказывалъ ему молчать, и подсказывалъ другому. Мы перепутались; зрители казались озабочены; императрица не знала, какъ ей держать себя, Наполеонъ былъ мраченъ, и не слушалъ пьесы. Мы пропускали фразы, выкидывали цѣлыя сцены; выходила путаница, въ которой ничего нельзя было разобрать. Наконецъ, мы кое-какъ дотащились до развязки. Приди въ объятія твоего супруга, Маша, сказалъ Брюне, обнимая меня, и ни слова болѣе о раз. ..

— Раздорахъ, шепнулъ Гиберъ.

— Нѣтъ, о разводѣ, отвѣчалъ Брюне, я знаю роль.

Наконецъ, занавѣсъ опустился, къ великой радости и актеровъ и зрителей.

Вотъ разгадка всего дѣла; мы узнали ее нѣсколько времени спустя. Въ это время шли тайныя разсужденія о разводѣ Наполеона съ Жозефиною; объ этомъ знали одни приближенные; императрица невольно приложила разсужденіе Каде-Русселя къ собственному положенію, и волненіе ея разстроило общую веселость. Когда дѣло стало извѣстно, нашъ директоръ говорилъ однажды объ этомъ случаѣ съ эрцканцлеромъ, который бывалъ у насъ каждый день; Камбасересъ сказалъ ему, что когда Бертье сталъ говорить императору, сколько онъ сожалѣетъ объ этомъ происшествіи, Наполеонъ отвѣчалъ: это доказываетъ, какъ вѣрно хранится моя тайна; потому-что, еслибъ эти господа знали ее, они не рѣшились бы говорить о такомъ предметѣ. Брюне, однако-же, въ простотѣ души, былъ увѣренъ, что императоръ сердитъ на него, хотя онъ ни тѣломъ, ни душой не былъ виноватъ ни въ пьесѣ Ода, ни въ выборѣ камергера.

Два года спустя, въ 1811 году, королева Гортензія очень любившая Брюне, призвала его въ Сенъ-Ле играть *Каде-Русселя тестя*, пародію *Двухъ зятьевъ*, которые производили въ то время фуроръ. Я играла въ ней *Манетту*; это была одна изъ первыхъ моихъ комическихъ ролей, и я играла ее съ успѣхомъ. Когда Брюне вышелъ впередъ, и сказалъ фразу, которою кончается эта пародія: «Никогда не дарите ничего своимъ дѣтямъ, если хотите, чтобы ихъ благодарность была равна вашимъ благодѣяніямъ!» ему показалось, будто Наполеонъ поморщился; вспомнивъ, что у императора недавно родился сынъ, и что онъ его при рожденіи пожаловалъ королемъ Римскимъ, онъ прибавилъ отъ себя: «а если ужъ дарить такъ развѣ подарите имъ престолъ, когда можете!» за тѣмъ онъ пренизко поклонился.

Эта выходка чрезвычайно разсмѣшила Наполеона; онъ обратился къ королевѣ Гортензіи, и сказалъ ей: Брюне пускается въ политику!

—

ГЛАВА VII.

Въ 1808 и 1809 годахъ, докторъ Галь кружилъ голову всему Парижу. Безъ него не давалось ни бала, ни обѣда. Каждая модница считала обязанностью дать ощупать себѣ черепъ, и потомъ говорила пріятельницамъ: Знаешь, моя милая, у меня шишка вкуса, желвакъ музыки, наростъ терпѣнія, горбъ великодушія, и проч. и проч. Не всегда онѣ, впрочемъ, откровенно говорили о шишкахъ, которыя Галь дѣйствительно находилъ на ихъ головахъ. Модистки, которыя умѣютъ всѣмъ воспользоваться, чтобы придать цѣны своему тряпью, не упустили и этого случая; онѣ создали новаго рода чепцы, со множествомъ выемокъ и выпуклостей, и назвали ихъ токами au docteur Gall.

И мнѣ съ двумя моими товарками, Кюизо и Друвиль, вздумалось также дать себя ощупать знаменитому доктору. Мы не хотѣли, чтобы онъ зналъ, что мы актрисы; Кюизо выпросила карету у Камбесереса, и мы отправились къ доктору, назвавъ себя княгинями. Мы были одѣты очень нарядно, разумѣется, въ токахъ au docteur Gall. На Кюизо и на Друвиль были токи зеленые съ желтымъ и краснымъ; онѣ очень походили на попугаевъ, но что дѣлать: такая была мода. Я, какъ блондинка, надѣла токъ черный, съ розовыми выпуклостями; онъ былъ мнѣ очень къ лицу.

Пріѣздъ нашъ былъ очень блистателенъ; лакей съ удивительною вѣжливостью отворилъ дверь настежъ мнимымъ княгинямъ. Самъ докторъ встрѣтилъ насъ въ дверяхъ своей пріемной. Мы вошли величественною поступью, настоящими театральными царицами, и важно разсѣлись въ поданныя намъ кресла.

Я съ любопытствомъ разсматривала Галля, и постараюсь начертить вамъ его портретъ. Онъ былъ человѣкъ лѣтъ подъ пятьдесятъ, съ открытымъ, высокимъ лбомъ, съ огромною лысиною; остатки сѣдыхъ волосъ его падали локонами за ушами. Глаза его были невелики, но проницательны и умны. Носъ его напоминалъ мнѣ Одри, но не съ тѣмъ выраженіемъ глупости. Ротъ его выступалъ нѣсколько впередъ, и имѣлъ при всей своей строгости, довольно насмѣшливое выраженіе.

Комната, въ которой насъ принялъ докторъ, была обставлена множествомъ мертвыхъ головъ, и хотя на нихъ не оставалось ничего, дающаго физіогномію, онѣ безъ глазъ смотрѣли на насъ, и челюстями будто корчили намъ рожи. Эти черепы были разставлены на полкахъ, съ ярлыками. На столѣ передъ докторомъ лежалъ также черепъ, покрытый мелкими рисунками и кружечками съ нумерами.

— Мое общество, сказалъ намъ докторъ, раскланявшись: покажется вамъ очень невеселымъ и нелюбезнымъ. Это моя библіотека, мои книги, мои учители; всѣ эти черепы говорятъ мнѣ, наставляютъ меня.

— Какъ, говорятъ!... вскричала Кюизо, вскочивъ со стула, и бросившись къ дверямъ.

— Небойтесь, княгиня, возразилъ докторъ, улыбаясь. Онѣ говорятъ только со мною, и говорятъ, не произнося ни слова...

— Въ противуположность многимъ живымъ, подхватила я, смѣясь.

— Ваше сіятельство умѣете уколоть, замѣтилъ докторъ. Признаюсь, его комплиментъ льстилъ моему самолюбію.

— Не любопытствуете-ли вы, сударыни, продолжалъ докторъ, узнать, кому принадлежали эти черепы? Вотъ этотъ черепъ мошенника, этотъ — убійцы, вотъ черепъ отравителя, черепъ лгуна, черепъ лицемѣра, черепъ игрока.

— Боже мой, что за разбойничье собраніе! вскричала Друвиль.

— Съ этой стороны, продолжалъ докторъ, общество по благороднѣе. Вотъ черепъ добряка, черепъ человѣка съ сильными страстями, черепъ генія. А вотъ этотъ маленькій, легонькій черепъ принадлежалъ хорошенькой женщинѣ.

— Боже мой! воскликнула Кюизо, когда подумаю, что и я буду такимъ же уродцемъ! морозъ пробираетъ по кожѣ.

Докторъ задернулъ занавѣсъ, который скрылъ всѣ черепы, и сказалъ: Но будетъ заниматься прошедшимъ, перейдемъ къ настоящему, которое гораздо милѣе, являясь въ вашихъ чертахъ. Я догадываюсь, что вы изволили пріѣхать за тѣмъ, чтобы я осмотрѣлъ ваши выпуклости, и объяснилъ ваши наклонности, ваши влеченія, ваши страсти. Начну съ самой нетерпѣливой, продолжалъ онъ, обращаясь къ Друвиль... Но не сердитесь, если я вамъ скажу правду, не...

— Мы затѣмъ и явились, отвѣчала я.

— Предупреждаю васъ, продолжалъ Галь, что мнѣ не нужно знать ни вашихъ лѣтъ, ни званія, ни склонностей; я все узнаю чрезъ одно прикосновеніе.

Мы переглянулись съ безпокойствомъ.

Докторъ положилъ руки на голову Друвиль, пристально посмотрѣлъ ей въ глаза, и сказалъ: У васъ шишка благочестія; вы любите уединеніе и тихія, чистыя удовольствія семейной жизни; свойства ваши—любовь къ порядку, бережливость и предусмотрительность.

— А я и не догадывалась, сказала Друвиль. — Мастеръ своего дѣла, почтенный докторъ! шепнула она мнѣ.

Докторъ перешелъ къ Кюизо.

— Вотъ горбъ скромности, созерцательности; преимущественно же развитъ горбъ вѣрности.

— Весьма пріятно узнать новость, сказала Кюизо. Правду говорятъ: себя самого никогда не знаешь!

Дѣйствительно, докторъ сдѣлалъ великое открытіе, отъискавъ у моей товарки Кюизо горбъ вѣрности.

Дошла очередь до меня. О, сказалъ докторъ, просовывая пальцы въ мои бѣлокурые волосы; въ этой головѣ много рѣдкихъ свойствъ. Преимущественно развитъ горбъ сочиненія. Я увѣренъ, что вы занимаетесь литературою. Вотъ даже отличительный признакъ стихотворства.

Признаюсь, я въ то время и не думала, что сдѣлаюсь когда нибудь писательницею; чтоже касается до стихотворства, я во всю жизнь свою написала только четыре стишка, да и тѣ преплохіе.

— Прикажете этимъ кончить консультацію? спросилъ докторъ съ важнымъ видомъ.

— Очень вамъ благодарны за трудъ, отвѣчала Кюизо, вставая.

— Вамъ извѣстна цѣна?

— Цѣна, чего? спросила Друвиль.

— Моихъ консультацій, въ особенности для такихъ особъ, какъ вы... Мы переглянулись въ недоумѣньи.

— Тысяча франковъ, продолжалъ докторъ Галь.

—Тысяча франковъ! вскричала Друвиль, совершенно забывшись: тысяча франковъ! за-то, чтобъ взъерошить голову? дорогонько.

Это восклицаніе совершенно озадачило меня и Кюизо.

— Когда такъ, сказалъ докторъ, съ удивительнымъ хладнокровіемъ, когда вамъ не угодно дать мнѣ тысячу франковъ, то надѣюсь, что вы дадите мнѣ, по-крайней-мѣрѣ, билетъ въ театръ.

— Билетъ въ театръ?

— Точно такъ, билетъ въ театръ, отвѣчалъ докторъ Галь, смѣясь. Я имѣлъ удовольствіе видѣть васъ всѣхъ вчера, въ театрѣ Разнообразія; вы всѣ были такъ милы, что мнѣ хочется посмотрѣть васъ еще разъ... Вы превосходно играете комедію, но сознайтесь, что и я играю ее не дурно. Во всякомъ случаѣ, у васъ премиленькія головки

— Желаю, чтобы онѣ какъ можно долѣе не попадали въ ваше собраніе, сказала Кюизо, отвѣшивая ему преважный поклонъ.

Въ одно время съ докторомъ Галлемъ были въ большой модѣ двѣ пьесы: *Заколдованная кошка*, и *Сандрильона*. Послѣдняя подала поводъ къ презабавному приключенію.

Этьенъ, писавшій прежде для нашего театра, но давно уже оставившій насъ для большихъ театровъ, поставилъ на сцену Комической Оперы свою *Сандрильону*, которая имѣла исполинскій успѣхъ, благодаря прелестной музыкѣ Николо Изуара, а еще болѣе энтузіазму, который возбуждала въ главной роли миленькая Александрина Сент-Обенъ. Славное имя ея матери и наставницы, а еще болѣе собственная ея молодость, красота, ея пляска съ бубнами, сдѣлали эту молодую артистку кумиромъ публики. Разумѣется, что въ этотъ годъ было обиліе на *Сандрильоны*; на каждомъ театрѣ была своя, иногда даже двѣ; но только наша подъ названіемъ *Заколдованной кошки*, могла поспорить въ успѣхѣ съ *Сандрильоною* Комической Оперы; а между тѣмъ, эту роль игралъ у

насъ сорокапятилѣтній мужчина; за то этотъ мужчина былъ Брюне. Кто не видалъ его, не можетъ и представить себѣ до какой степени доводилъ онъ иллюзію въ таліи, въ походкѣ, въ плечахъ, и даже въ своемъ вздернутомъ лицѣ. Онъ дѣлался совершенно женщиною, и даже хорошенькою женщиною! И слѣда небыло уже ни Жокриса, ни Каде-Русселя; передъ вами была премиленькая, невинная дѣвушка. Весь Парижъ сбѣгался смотрѣть его.

Но возвратимся къ Александринѣ Сент-Обенъ. Товарищъ нашъ, Жоли, влюбился въ нее до безумія. Онъ сталъ свататься; не только всѣ театры, весь городъ заговорилъ объ этомъ, потому-что весь городъ думалъ объ одной *Сандрильонѣ*.

Одинъ богатый англичанинъ, пріѣхавшій за нѣсколько дней въ Парижъ, слыша безпрестанно о хорошенькой *Сандрильонѣ*, захотѣлъ посмотрѣть это чудо, и послалъ своего слугу взять ложу на эту пьесу. Слуга, какъ видно, не слишкомъ знакомый съ Парижемъ и театрами, увидѣлъ на афишѣ названіе пьесы и взялъ ложу въ театрѣ Разнообразія. Англичанинъ отправился въ театръ, просмотрѣлъ *Заколдованную кошку* и Брюне такъ ему понравился, что онъ, въ полной увѣренности, что это Александрина, влюбился въ нашу Сандрильону столько же, сколько Жоли былъ влюбленъ въ настоящую. Каждый богатый англичанинъ убѣжденъ, что гинеи несомнѣнный проводникъ къ сердцу актрисы; и нашъ англичанинъ рѣшился удовлетворить свою страсть. На слѣдующій же день онъ послалъ записку въ британскомъ слогѣ прелестной Сандрильонѣ. Содержаніе записки было богатое, но не краснорѣчіемъ; въ ней заключалось обѣщаніе нѣсколькихъ банковыхъ билетовъ, и требованіе свиданія; а для большей дѣйствительности къ ней была приложена бриллiантовая браслетка, которую любезный англичанинъ просилъ прелестную нимфу надѣть въ знакъ согласія на его предложеніе.

Мы приняли это сначала за шутку; но когда показали браслетку брильянщику, онъ объявилъ, что бриллiанты въ ней настоящіе, и очень цѣнные. Не зная, какъ объяснить это приключеніе, мы посовѣтовали Брюне надѣть браслетку, онъ послушался: англичанинъ вышелъ изъ театра, увѣренный въ своей побѣдѣ.

На другой день, Жоли зашелъ позавтракать къ Тортони, съ другомъ своимъ, Перреномъ, актеромъ Комической Оперы; два человѣка усѣлись за сосѣднимъ столомъ, приказали подать бифстексъ и чаю, и стали довольно громко разговаривать; одинъ изъ нихъ былъ французъ; въ другомъ произношеніе изобличало иностранца; впрочемъ, онъ говорилъ по-французски такъ, что его можно было понимать. Французъ спросилъ его, какимъ образомъ онъ попалъ въ Парижъ, не смотря на строгое запрещеніе англичанамъ жить въ нѣкоторыхъ городахъ; англичанинъ отвѣчалъ, что онъ получилъ позволеніе, и что у кого есть деньги, тому все воз-

можно. «Я пріѣхалъ повеселиться, говорилъ онъ своимъ ломаннымъ языкомъ: и буду веселиться много.» Затѣмъ, онъ разсказалъ свое приключеніе, свое предложеніе и вѣрный успѣхъ. Жоли былъ пораженъ этимъ разговоромъ и въ негодованіи сказалъ англичанину, что онъ, вѣроятно, хвастаетъ такими вещами, которыхъ не можетъ доказать.

— А вамъ что мѣшаться въ чужое дѣло?

— Видно не чужое, сударь.

— Что вамъ за дѣло до мамзель Александрины?

— Больше, чѣмъ вы думаете.

— Такъ, положитъ больше моя гиней, а я положитъ еще больше.

— Вы, сударь, слишкомъ дерзки.

— Вы самъ битъ дерзкій, а я очень ради сказать вамъ это.

— Это такъ не обойдется; вы не знакомы съ Александриною.

— Нѣтъ, еще не знакома; но битъ знакома, когда захочу.

— Говорю вамъ, что не будете.

— Завтра, скажу вамъ, что битъ знакома.

Всѣ бывшіе въ кофейнѣ знали Жоли; всѣ столпились вокругъ спорящихъ, спрашивая въ чемъ дѣло.

— Вотъ этотъ англичанинъ, сказалъ Жоли, оскорбляетъ женщину, говоритъ, что моя невѣста назначила ему свиданіе.

— Я сейчасъ докажитъ, сказалъ англичанинъ; пошлю мой лакей спросить отвѣтъ.

— Если получите отвѣтъ, мы будемъ драться.

— Я побитъ васъ, говорю....

Ссора становилась все жарче; однако-же, противниковъ розняли, а англичанинъ, между тѣмъ, послалъ своего слугу въ тотъ театръ, гдѣ былъ наканунѣ, за отвѣтомъ. Знакомые стали успокоивать Жоли, и совѣтовали ему дождаться отвѣта, который, вѣроятно, объяснитъ все дѣло, и докажетъ ошибку англичанина. Жоли не хотѣлъ ничего слышать, хотя и увѣрялъ, что отвѣта не будетъ, или онъ будетъ достоинъ той, которую онъ избралъ.

Слуга возвратился чрезъ нѣсколько минутъ, съ письмомъ. Англичанинъ взялъ его, раскрылъ, и сказалъ торжествующимъ голосомъ: «Я зналъ, что англичанинъ всегда одержитъ верхъ своими банкнотами. Извольте.... читайте — вслухъ.

Жоли взялъ письмо, и, блѣдный, какъ смерть, прочелъ слѣдующее: «Милостивый государь, возвращаю вамъ вашъ подарокъ, которымъ я имѣла вчера тщеславіе и неосторожность пощеголять. Я никогда не дѣйствовала изъ корыстолюбивыхъ видовъ; сердца своего я не продаю и не отдаю въ наймы; отдамъ его только тому, кто мнѣ полюбится; васъ же я незнаю; впрочемъ, очень пріятно будетъ съ вами познакомиться. Приходите на сцену послѣ представленія, и спросите меня. Я желаю, чтобы вы видѣли меня поближе; иллюзія сцены часто обманываетъ людей, вы можетъ быть найдете меня совсѣмъ не тѣмъ, чѣмъ воображаете. Если,

увидѣвъ меня, вы останетесь при прежнемъ образѣ мыслей, я увижу, что мнѣ будетъ дѣлать. *Сандрильона.*»

— Да это не ея рука, вскричалъ Жоли, не ея выраженія.

— Все равно, отвѣчалъ Перренъ, я не отойду отъ тебя. Размѣняйся съ этимъ господиномъ карточкою; а вечеромъ будемъ ждать конца представленія. А до тѣхъ поръ будь остороженъ, все объяснится. Если же будетъ нужда въ объясненіи другаго рода, я буду твоимъ свидѣтелемъ, твоимъ секундантомъ, чѣмъ тебѣ угодно.

Съ трудомъ убѣдили Жоли послушаться дружескаго совѣта; однако-же, онъ размѣнялся съ соперникомъ карточкою, и всѣ разошлись.

Вечеромъ, Жоли и Перренъ были въ Комической Оперѣ, а англичанинъ въ театрѣ Разнообразія. По окончаніи пьесы, англичанинъ пришелъ на сцену; придверницѣ заранѣе велѣно было впустить его, и мы всѣ ждали его на сценѣ; это множество народу сначала изумило его. Ридеръ, нашъ режиссеръ, подошелъ къ нему и спросилъ, что ему угодно.

— Я пришелъ поговорить съ актрисою, игравшею Сандрильону, отвѣчалъ англичанинъ.

— Это я, сказалъ Брюне, настоящимъ своимъ голосомъ; и съ этими словами снялъ токъ и женскій парикъ, и открылъ свою бритую голову: онъ всегда брилъ ее, чтобы удобнѣе рядиться въ парики Жокриса и Каде-Русселя. Изумленный англичанинъ не вѣрилъ глазамъ.—Вы видѣли меня только въ одной пьесѣ, продолжалъ Брюне: если угодно вамъ посмотрѣть меня въ другой, я надѣюсь, что *Отчаяніе Жокриса* позабавитъ васъ не менѣе Сандрильоны.

— Жокрисъ! подхватилъ англичанинъ; я знать тотъ господинъ по наслышкѣ. Такъ вы г. Брюне, который играть г. Жокрисъ?

— Вы можете въ этомъ убѣдиться черезъ четверть часа.

— Такъ здѣсь не театръ Комической Опера?

— Нѣтъ, здѣсь театръ Разнообразія.

— Моя слуга битъ большой болванъ; она битъ Жокрисъ. Г. Брюне, я очень ради битъ на вашъ знакомъ; я битъ большой болванъ также, а вы битъ большой актеръ. Я проситъ васъ, и всѣхъ эти господа и миледи, позавтракать завтра со мной въ Rocher de Cancale; и проситъ также г. Жоли, чтобы отдать ей назадъ своя карточка; я хотѣть помириться на шампанское.

Видя, что нашъ англичанинъ такъ весело принималъ шутку, мы приняли его приглашеніе, а Обертель, побѣжалъ въ Комическую Оперу, разсказать другу своему, Жоли, ошибку, возбудившую его ревность. Жоли и Перренъ ждали англичанина въ дверяхъ театра. Узнавъ все приключеніе, они, какъ и слѣдовало, только посмѣялись ему. Александринѣ, разумѣется, не сказали о немъ ни слова, а на другой день приключеніе кончилось очень пріятно въ

великолѣпнымъ завтракомъ, за которымъ пили за здоровье невѣсты и за здоровье Брюне.

Нѣсколько времени послѣ того, Жоли женился на Александринѣ Сент-Обенъ. Англичанинъ же не пропускалъ ни одного представленія *Заколдованной Кошки*. Какъ скоро Брюне выходилъ на сцену, онъ каждый разъ восклицалъ: И этотъ маленькій человѣкъ не бить женщина! Жаль, много жаль!

—

ГЛАВА VIII.

Жизнь актрисы не вся проходитъ въ разыгрываніи ролей; чувства, страсти, которыя она представляетъ, она нерѣдко испытываетъ на дѣлѣ. Она имѣетъ свою роль въ свѣтѣ, какъ и на театрѣ, и эта роль часто гораздо труднѣе и тягостнѣе. По большей части воображаютъ, что актриса не придаетъ никакой важности своимъ связямъ, и что сердце ея въ нихъ вовсе не участвуетъ; сомнѣваются даже въ возможности въ ней чувства деликатности, и напрасно. На театрѣ, какъ и въ свѣтѣ, бываютъ исключенія; а какъ наша жизнь болѣе открыта, то каждый нашъ поступокъ извѣстенъ и перетолковывается публикою по большей части не въ нашу пользу, и часто очень несправедливо. Это вступленіе покажется слишкомъ важнымъ для главы изъ моихъ записокъ; но я заступаюсь за все сословіе, къ которому принадлежу сама, за честь всѣхъ своихъ сверстницъ. Если мы, по положенію своему, болѣе другихъ женщинъ, подвержены проступкамъ и неосмотрительностямъ, то тѣмъ болѣе должно бы отдавать справедливости нашимъ дѣйствіямъ, когда ими руководитъ похвальное, благородное чувство. Это вступленіе, впрочемъ, не безъ цѣли; это прологъ драмы, а въ моей жизни была не одна драма.

Я уже говорила, что испытала наблагодарность мужчинъ; я въ ней утѣшилась, и дала себѣ слово въ другой разъ не отдавать своего сердца такъ неосмотрительно. Я хотѣла жить въ покоѣ, равнодушно, заниматься однимъ театромъ, стараться дополнить слишкомъ скудное образованіе, которое я получила въ дѣтствѣ. Но шляпа, щегольски надѣтая на бекрень, чудная брильянтовая булавка въ прелестномъ шейномъ платкѣ, жилетъ ослѣпительной бѣлизны и свѣтлосиній фракъ съ блестящими пуговицаан, нарушили мой покой. Я назову этого чародѣя Генрихомъ.

Любезные читатели, что я сбираюсь вамъ разсказать, можно назвать романомъ, истинною повѣстью, домашнею драмою; здѣсь идетъ дѣло о смерти человѣка! Не моимъ бы перомъ изображать любовь съ ея восторгами, ревность съ ея изступленіемъ. Я неимѣю таланта Жоржа Санда!.... но, за неимѣніемъ искусства, которымъ обладаютъ писательницы, посвятившія себя изученію этаго пред-

мета, я скажу, что чувствовала, что видѣла, что думала, что говорила, и что мнѣ отвѣчали. Эта глава будетъ не изъ послѣднихъ по своей занимательности въ моихъ запискахъ.

Я въ то время еще не играла тѣхъ каррикатурныхъ ролей, тѣхъ забавныхъ нелѣпостей, которыя разрушаютъ иллюзію, необходимую для того, чтобы женщина могла нравиться, и которыя могутъ возбудить въ мужчинахъ развѣ только минутную прихоть. Я играла небольшія роли влюбленныхъ, молодыхъ крестьянокъ: одна изъ послѣднихъ ролей моихъ въ этакомъ родѣ была въ то время роль Софіи въ *Гусарской продѣлкѣ*. Эта роль была очень удачна; многія изъ моихъ товарокъ завидовали мнѣ, и очень дивились, почему она была отдана мнѣ, а не имъ, главнымъ любовницамъ. Въ этой-то роли я очаровала Генриха.

Всѣ любовныя связи на театрѣ начинаются почти одинаково. Наводятъ трубку, дѣлаютъ знаки глазами, руками, потомъ посылаютъ чрезъ придверницу букеты и записочки. При разъѣздѣ, выходятъ на актерскій подъѣздъ, чтобы посмотрѣть, идетъ ли молодая актриса одна, или ее кто провожаетъ. Если нѣтъ случая съ нею поговорить, то, покрайней мѣрѣ, стараются обратить на себя ея вниманіе; берутъ ложу на авансценѣ, чтобы разсмотрѣть ее ближе; не пропускаютъ ни одного ея представленія, аплодируютъ ей въ щегольскихъ перчаткахъ, выставивъ руки какъ можно дальше изъ ложи. Это введеніе романа измѣняется только въ мелочахъ. Что же касается до записочекъ, онѣ всегда болѣе или менѣе глупы, болѣе или менѣе смѣшны или дерзки, смотря потому, кѣмъ писаны: самолюбцемъ-ли, увѣреннымъ что никакое сердце не можетъ противъ него устоять, или такимъ человѣкомъ, который и негоняется за сердцемъ, а говоритъ биржевымъ языкомъ о единовременныхъ награжденіяхъ, платежахъ по срокамъ или постоянномъ жалованьи. Стыдъ болѣе на сторонѣ пишущихъ такія записки, чѣмъ получающихъ ихъ!

Каково было мое удивленіе, когда я получила записку Генриха! Я ни минуты не могла сомнѣваться въ томъ, что она была отъ молодаго человѣка, котораго я уже съ мѣсяцъ видѣла въ каждое представленіе въ одной и той же ложѣ, одного, и, который ни на мгновеніе не спускалъ съ меня глазъ. Я уже говорила что онъ одѣвался съ чрезвычайнымъ вкусомъ, но безъ глупаго франтовства. Физіономія его была задумчива, улыбка выразительна: въ большихъ черныхъ глазахъ, не смотря на ихъ огонь, была видна удивительная кротость. Онъ не могъ не замѣтить, что обратилъ на себя мое вниманіе. — Никогда, признаюсь, не читала я такой нѣжной и благородной записки. Прося того же, чего просятъ и другіе, Генрихъ выражался такъ тонко и такъ благородно, что давалъ только угадывать, и ничего не говорилъ прямо. Тутъ-то я поняла, какое превосходство даетъ человѣку передъ другими благородство ума и сердца. Я должна сознаться откровенно;

что я не написала отвѣта на это милое письмо, потому только, что не могла написать ничего подобнаго этой запискѣ. Въ душѣ моей тѣснились мысли и чувства достойныя тѣхъ, которыя были высказаны въ письмѣ; но есть люди, которые умѣютъ чувствовать, но не умѣютъ выражать своихъ чувствъ.

За этимъ первымъ письмомъ послѣдовало скоро и другое. Генрихъ жаловался на мое молчаніе и приписывалъ его незаслуженному съ его стороны пренебреженію. Онъ писалъ мнѣ, что былъ убѣжденъ, въ томъ, что никакая другая связь съ моей стороны не могла препятствовать принятію его предложенія; ибо онъ собралъ самыя точныя свѣдѣнія и зналъ навѣрное, что я свободна. «Впрочемъ, продолжалъ онъ, наружность нерѣдко обманчива: и сердце ваше можетъ быть несвободно?»

На этотъ разъ, я разсудила, что могла безопасно отвѣчать: «Сердце мое свободно.» Я лгала, сердце мое уже не было свободно: но нельзя же мнѣ было писать ему, что я его уже любила, хотя это и была бы правда. Я знала Генриха только въ лицо; я никогда не говорила съ нимъ, не собирала о немъ *точныхъ свѣдѣній*; онъ могъ быть изъ числа тѣхъ молодыхъ людей, которые получаютъ хорошее состояніе на то только, чтобы его промотать, громкое имя на то, чтобы его опозорить. Или онъ могъ быть изъ тѣхъ людей, которые, не имѣя ни имени, ни состоянія, занимаютъ и то и другое, и отдаютъ ихъ въ ростъ безвозвратно. Бывъ уже два раза обманута, я не хотѣла подвергаться опасностямъ новаго обмана; на этотъ разъ онъ поразилъ бы не умъ, а сердце, потому что я чувствовала къ нему непреодолимое влеченіе.

Одно обстоятельство еще усилило мое затрудненіе. Послѣ нѣсколькихъ писемъ, одно нѣжнѣе другаго, я получила письмо, которое совершенно разстроило всѣ мои мысли: «Я долженъ предупредить васъ, писалъ мнѣ Генрихъ, что я чрезвычайно ревнивъ; до того ревнивъ, что не хочу, чтобы другой могъ любить ту, которую я люблю. Вы безпрестанно на глазахъ у всѣхъ и можете внушить другому туже страсть, которую внушили мнѣ; эта мысль преслѣдуетъ меня и не даетъ мнѣ покоя. До заключенія связи, которую я буду считать счастіемъ всей своей жизни, я хочу знать, способна ли та, которой я ее предлагаю, понять всю ея цѣну,... всю ея торжественность. Я лучше разорву узы, пока они связываютъ меня одною, покорюсь горести, которой мнѣ будетъ стоить эта жертва, чѣмъ подвергнусь опасности еще болѣе жестокихъ страданій. Я хочу, чтобы та, которую я люблю, принадлежала мнѣ одному, жила для меня одного; знаю, какимъ опасностямъ подвергается женщина на театрѣ; и прежде, чѣмъ получу отъ васъ признаніе, которымъ меня обнадеживаетъ ваше письмо, я спрошу васъ: чувствуете ли вы себя въ силахъ рѣшиться на большую жертву? Это вамъ покажется съ моей стороны дерзостью, тиранствомъ; но я желаю, требую, чтобы вы отказались отъ теа-

тра. Мое имя, званіе, положеніе, а еще болѣе образъ мыслей и сердце, не позволяютъ мнѣ любить женщину, которую можетъ любить всякій; повторяю, что я ревнивъ, ревнивъ до эгоизма. Это письмо будетъ послѣднимъ, потому-что если вы не отвѣтите на него согласіемъ, я болѣе писать не стану; если же вы согласны на мое требованіе, мнѣ не будетъ болѣе нужды вамъ писать, ибо тогда я надѣюсь васъ видѣть.»

Судите о моемъ изумленіи и недоумѣніи! Отказаться отъ театра, отъ успѣховъ, которые мнѣ видѣлись впереди! Я любила театръ, родилась на театрѣ, и надѣялась умереть на театрѣ; притомъ, я уже довольно испытала въ жизни, чтобы безпокоиться о своей будущности. Съ другой стороны, я любила, любила до безумія, и любовь моя была тѣмъ сильнѣе, что питалась однѣми мечтами; я даже не знала, кого любила. Въ этомъ затруднительномъ положеніи я рѣшилась посовѣтоваться, потому-что чувствовала, что, слѣдуя однимъ внушеніямъ своего сердца и своего разсудка, я могла рѣшиться на всякое безумство. Но къ кому мнѣ обратиться за совѣтомъ? не къ завистливымъ же товаркамъ, неразборчивымъ къ любовнымъ связямъ, на которыя онѣ смотрѣли или какъ на временную интрижку, или какъ на торговый оборотъ? Многія женщины въ лучшихъ подругахъ своихъ видятъ однѣхъ соперницъ, и не упустятъ случая дать имъ совѣтъ, который ихъ погубитъ, если онъ только можетъ принести пользу самимъ совѣтчицамъ. Мужчины въ этомъ случаѣ безкорыстнѣе и прямодушнѣе, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи къ намъ; но какъ обратиться къ мужчинѣ, съ такою щекотливою просьбою?

Я, наконецъ, рѣшилась посовѣтоваться съ человѣкомъ честнымъ, прямымъ, благоразумнымъ, котораго лѣта позволяли мнѣ обратиться къ нему безъ всякаго опасенія; онъ зналъ меня съ самаго рожденія, и я не могла сомнѣваться въ его участіи ко мнѣ: это былъ добрый старикъ Дюваль, долго бывшій на нашемъ театрѣ актеромъ не знаменитымъ, но добросовѣстнымъ, полезнымъ и умнымъ; его непринужденное добродушіе придавало яркій свѣтъ игрѣ Брюне; нерѣдко онъ не менѣе его самаго былъ забавенъ хладнокровіемъ и флегмою, съ которыми переносилъ всѣ глупости Жокриса, шутки Рикко и дерзости Даньера.

Я отправилась къ Дювалю. Любезный г. Дюваль, сказала я ему: я пришла съ вами посовѣтоваться.

— Любезная Флора, отвѣчалъ онъ, давно ли ты считаешь меня юрисконсультомъ?

— Я считаю васъ не юрисконсультомъ, а человѣкомъ здраваго ума и добраго сердца.

— Надѣюсь, что Богъ не совсѣмъ обидѣлъ меня первымъ; второе же всегда къ услугамъ моихъ добрыхъ товарищей.

— Дѣло идетъ о счастьи или несчастьи всей моей жизни.

— Вотъ какъ! дѣло, видно, не шуточное. Уже не *Ложныя ли совѣщанія* Дорвиньи, въ которыхъ я играю адвоката? Посмотримъ въ чемъ дѣло?

— Дѣло серьезное: оно касается моего сердца.

— И ты просишь совѣта у меня, старика? мнѣ поздо немножко мѣшаться въ такія дѣла.

— Но вы человѣкъ опытный.

— Опытъ дорого стоитъ, любезная Флора: онъ покупается лѣтами и безразсудствами; а когда до него доживешь, остается уже только сожалѣть о прожитыхъ годахъ.

— Предохраните же меня отъ такого сожалѣнія, г. Дюваль!

— Любезная Флора, видала ты *Трехъ сестеръ* Данкура?

— Нѣтъ, эта пьеса не нашего репертуара.

— Изъ комедій, моя милая, можно нерѣдко почерпать добрые совѣты. Я игралъ въ этой пьесѣ судью. Мельничиха приходитъ просить у него совѣта, выходить ли ей, или не выходить за своего прикащика. Послѣ многихъ разсужденій и совѣщаній, она говоритъ ему наконецъ: — Кстати, я забыла сказать вамъ, что это дѣло уже рѣшеное. — Не то ли теперь и съ твоимъ дѣломъ?

Я разсказала ему все дѣло, свою нерѣшимость, и, въ особенности, какъ мнѣ тяжело было отказаться отъ театра.

— Дѣло, точно, не шуточное, любезная Флора, сказалъ Дюваль, послѣ нѣкотораго размышленія. У тебя есть званіе, которое ты любишь, и въ которомъ можешь надѣяться успѣха. Обѣщаетъ ли онъ обезпечить твою будущность?

— Онъ ничего не обѣщаетъ, я этого и не спрашивала: но человѣкъ, требующій, чтобы я для него отказалась отъ своего званія, вѣроятно, намѣренъ обезпечить, можетъ быть.... даже....

— Жениться на тебѣ?

— Я полагаю.

— Послушай, Флора, я буду говорить съ тобою, какъ отецъ. Въ первыя минуты любви, можно обѣщать жениться, и даже въ самомъ дѣлѣ жениться; а что сдѣлано, того не воротишь. Когда же пройдетъ первый пылъ страсти, когда спадетъ повязка очарованія, онъ можетъ раскаяться въ безразсудномъ поступкѣ, и вся тяжесть страданія падетъ не на мужа, а на жену. Изъ того, что ты мнѣ разсказала, должно заключить, что это молодой человѣкъ знатнаго происхожденія; у него есть семейство, безъ согласія котораго онъ не можетъ ничего дѣлать. Если даже онъ въ такихъ лѣтахъ, что можетъ располагать собою, противъ желанія родныхъ,

онъ долженъ поссориться съ ними, а кто тебѣ ручается, что онъ не будетъ потомъ объ этомъ сожалѣть. Если онъ женится на тебѣ, всѣ будутъ знать, что онъ женатъ на актрисѣ; онъ не посмѣетъ представить тебя въ свое общество, или ты будешь предметомъ общаго пренебреженія и насмѣшекъ; можетъ быть, тебя не будутъ оскорблять въ лицо, но будь увѣрена, что за глаза тебя разорвутъ на клочки. И все это дойдетъ до него. Мужчины, можетъ быть, сжалятся и будутъ молчать; но женщины не дадутъ покоя, ни тебѣ, ни ему. Мало-по-малу, мужъ твой станетъ сожалѣть о своемъ поступкѣ; отъ сожалѣнія одинъ шагъ къ раскаянію: разорвать этихъ оковъ не будетъ возможности, но все ихъ бремя обратится на тебя одну. Онъ будетъ свободенъ, а ты будешь рабою. Подумай объ этомъ. Если онъ тебя любитъ, и ты его любишь, я могу тебѣ дать только одинъ совѣтъ: не отдавай своей свободы; придетъ время, ты сама будешь рада, что сохранила ее. Мой совѣтъ иному покажется не совсѣмъ согласнымъ съ строгою нравственностью; но нравственность имѣетъ свои степени; должно уважать общественные нравы; но безусловно покоряться имъ, иной разъ значитъ нарушать ихъ.

Я только слушала и плакала.

— Что касается до театра, продолжалъ Дюваль, это другое дѣло. Какая судьба актрисы? Пока она молода и мила, ее ласкаютъ, обожаютъ; она привыкаетъ быть кумиромъ публики; но молодость проходитъ; свѣжее личико покрывается морщинами, голосъ лишается своей свѣжести; напрасно бѣлила и румяна призываются на помощь увядающей красотѣ; они одна маска; актриса принуждена перейти на другое амплуа; по мѣрѣ того, какъ она старѣется, уменьшается ея жалованье, пока не придетъ время сойти со сцены, и если актриса не отложила чего нибудь въ сторону, что въ нашемъ званіи очень трудно, въ особенности для женщины, то она принуждена волочить на сценѣ жалкое существованіе, и умираетъ... гдѣ?...

Я все слушала и плакала.

Черезъ двѣ недѣли, я уже не была актрисою, и жила въ прелестномъ загородномъ домѣ близь Медона. У меня была горничная, два лакея, экипажъ, четверня лошадей; словомъ, я жила барынею. Кромѣ сада и рощи, прилегавшихъ къ дому, у меня была небольшая ферма. Домъ былъ отдѣланъ съ рѣдкимъ изяществомъ; это былъ просто волшебный дворецъ въ миніатюрѣ; но самъ волшебникъ еще не являлся. Признаюсь, отсутствіе его начинало уже меня безпокоить; была ли я новая Душенька въ дворцѣ Амура, или новая Земира въ палатахъ Азора? Я вспоминала сказку о *Красавицѣ и звѣрѣ*, и начинала бояться, чтобы Генрихъ не оказался совсѣмъ не тѣмъ, чѣмъ я его воображала. Уже цѣлую недѣлю

проводила я въ этомъ уединеніи; вокругъ меня было все, что можетъ усладить жизнь: картины, библіотека, прелестный будуаръ, очаровательный садъ; но я была одна.

Наконецъ, получила я записку отъ Генриха, въ которой онъ просилъ позволенія явиться ко мнѣ. Опять Генрихъ, и все Генрихъ, и только! Кто же этотъ человѣкъ, и зачѣмъ скрываетъ онъ отъ меня свою фамилію? Отъ того ли, что званіе его и положеніе въ свѣтѣ слишкомъ высоки, чтобы ихъ открыть? Я терялась въ догадкахъ; боялась, не поступила ли я слишкомъ неосмотрительно; но успокоивалась, вспоминая нѣжныя письма Генриха, его благородную наружность, какъ будто можно судить по наружности! Я отвѣчала ему, что жду его прибытія. Вечеромъ, на дворъ въѣхалъ кабріолетъ; я подбѣжала къ окну; Генрихъ вышелъ изъ кабріолета и ступилъ на подъѣздъ. Въ волненіи, кинулась я на софу; вошелъ Генрихъ, бросился къ моимъ ногамъ, схватилъ мою руку, и съ восторгомъ поцѣловалъ ее, потомъ онъ всталъ, взялъ стулъ, и сѣлъ противъ меня. Онъ молчалъ, а я боялась заговорить первая, и только думала про себя: неужели онъ нѣмъ?

Наконецъ Генрихъ заговорилъ. «Все, что съ вами дѣлается, можетъ вамъ показаться страннымъ, сказалъ онъ, взволнованнымъ голосомъ; я предупреждалъ васъ заранѣе о нѣкоторыхъ причудахъ; но одна причуда во мнѣ сильнѣе всѣхъ прочихъ; я хочу, чтобы вы меня любили ради меня самого. Вниманіе мое докажетъ вамъ силу моей любви; одно мое желаніе: любить васъ, говорить вамъ о своей любви, убѣдить васъ въ ней. Прежде, чѣмъ вы дадите мнѣ отвѣтъ, вы должны узнать меня. Вы здѣсь полная госпожа; можете принимать меня, когда вамъ угодно; отказывать мнѣ, когда я вамъ наскучу. Я оставилъ себѣ павильонъ въ концѣ сада; и буду тамъ жить, пока вы не пожелаете, чтобы я переселился въ другое мѣсто.

Я была смущена; я ожидала совсѣмъ другихъ рѣчей. Не стану разсказывать всего, что произошло въ это свиданіе и въ слѣдующія; но чрезъ нѣсколько дней, Генрихъ уже не жилъ въ павильонѣ въ концѣ сада.

Я нѣкоторое время вела самую счастливую жизнь; каждое желаніе мое было немедленно исполняемо; бесѣда Генриха была чрезвычайно занимательна; любовь его не только не охлаждалась, а напротивъ, усиливалась съ каждымъ днемъ; часть дня онъ проводилъ въ Парижѣ, но почти каждый вечеръ возвращался ко мнѣ. Случалось, впрочемъ, что онъ не пріѣзжалъ по нѣскольку дней; за то, послѣ такого долгаго отсутствія, онъ былъ еще любезнѣе и нѣжнѣе.

Жизнь моя текла беззаботно, но однообразно; мало-по-малу, я стала скучать; притомъ, меня мучило любопытство; эта таинствен-

ность, которая сначала имѣла для меня какую-то романическую прелесть, стала безпокоить меня. Когда я свыклась съ Генрихомъ и стала смѣлѣе, я рѣшилась сдѣлать ему нѣсколько вопросовъ, но онъ отвѣчалъ мнѣ, улыбаясь:

— Какое тебѣ дѣло? Генрихъ любитъ тебя, ты его любишь; развѣ тебѣ надоѣла наша любовь и счастье?

Послѣ того я уже не смѣла его разспрашивать; но любопытство стало еще болѣе терзать меня.

—

ГЛАВА IX.

Однажды, Генрихъ объявилъ мнѣ, что ему предстоитъ небольшая поѣздка, и что онъ съ недѣлю не навѣститъ меня. Онъ прощался съ такою нѣжностью, какъ бы разставался со мною на долго; онъ уѣхалъ, и одиночество мое стало мнѣ тяжелѣе прежняго. Счастье однообразно, а въ жизни нужна перемѣна. Непріятности, даже огорченія придаютъ большую цѣну счастью; я иногда сожалѣла о своихъ прежнихъ заботахъ, о тревогахъ театральной жизни... о театрѣ, о своихъ роляхъ, о рукоплесканіяхъ публики, о зависти товарокъ, обо всемъ, что наполняетъ эту тревожную жизнь, въ которой горести и радости безпрестанно смѣняются, и взаимно вознаграждаются. Квартира моя была прелестна, но въ ней все было одно и то же; я уже пересмотрѣла всѣ свои картины, перечитала всѣ книги своей библіотеки. У меня былъ прелестный садъ; но я его знала наизусть, и не имѣла еще въ то время страсти къ садоводству; впослѣдствіи, я не могла обойтись безъ сада, и живя въ четвертомъ этажѣ, разводила себѣ садъ на окнѣ. Роща моя манила помечтать, но мечтать одной, куда какъ скучно! Куда дѣвались мои веселыя бесѣды въ фойе, споры во время репетицій, выговоры режиссера, когда опоздаешь, упреки авторовъ за невыученную роль, похвалы ихъ, когда они довольны исполненіемъ пьесы?

Среди этихъ печальныхъ размышленій, мнѣ вздумалось прогуляться по Медонскому лѣсу. Я велѣла заложить коляску; но черезъ часъ, мнѣ наскучило лѣниво тащиться въ коляскѣ, я вышла, и сказала людямъ, что хочу гулять одна.

На поворотѣ одной аллеи, встрѣтила я двухъ гуляющихъ, которые остановились въ удивленіи, увидѣвъ меня, и мнѣ послышался знакомый голосъ: — Смотри, Флора!

— Ахъ, Легранъ, Обертенъ, воскликнула я въ свою очередь.

— А мы ужъ думали, что ты совсѣмъ пропала, умерла! сказалъ мнѣ Обертенъ.

— Что ты здѣсь дѣлаешь?

— Откуда ты?

— Куда ты?

— Какая нарядная!

— Дѣла, видно, идутъ хорошо!

— Какъ я рада, что васъ встрѣтила, добрые товарищи!

— Мы сами рады не менѣе тебя.

— Какой случай занесъ васъ сюда?

— У насъ небыло репетиціи, потому-что мы сегодня не играемъ; вотъ мы и воспользовались свободнымъ днемъ, чтобы прогуляться, и благодаримъ судьбу, что она привела насъ въ Медонъ и столкнула съ тобою.

— Вы свободны; мнѣ бы очень хотѣлось зазвать васъ къ себѣ, пообѣдать, да я боюсь...

— Своего *сожителя*? спросилъ Обертенъ.

— Его нѣтъ дома; но я боюсь толковъ своихъ людей.....

— Такъ у тебя водятся и люди?

— Все есть; постойте, я вамъ все разскажу.

— Послушай, сказалъ Леграпъ, если ты не можешь дать намъ пообѣдать у себя, такъ отобѣдай съ нами. Мы пообѣдаемъ по загородному, въ трактирѣ, пойдемъ съ нами.

Я приняла предложеніе съ невыразимою радостью. Встрѣтить товарищей, наслышаться театральныхъ вѣстей, побесѣдовать на свободѣ, разсказать имъ свою исторію, это было для меня блаженствомъ! Тоска моя мигомъ разсѣялась, я стала опять прежнею, веселою, беззаботною Флорою. Я взяла руку Леграна, и мы вошли въ трактиръ; но я объявила, что хочу заплатить за обѣдъ. Обертенъ сначала не соглашался; какъ можно допустить, чтобы женщина платила за обѣдъ. Но Леграпъ замѣтилъ, что они въ моихъ владѣніяхъ, что я ихъ повелительница, и что мнѣ нельзя отказывать. Обертенъ согласился, взявъ съ меня слово позволить ему отплатить въ другой разъ тѣмъ же.

Мы заняли чистенькую комнату, окнами въ лѣсъ; я заказала лучшій обѣдъ, какой могъ намъ подать трактирщикъ, и бесѣда завязалась. «Прежде всего, дорогіе товарищи, сказала я, давайте мнѣ театральныхъ вѣстей; что дѣлается на театрѣ? что говорится? вспоминаете ли вы обо мнѣ?...

— Мужчины жалѣютъ о твоемъ отсутствіи, а женщины показываютъ видъ, будто очень опечалены. Новыхъ актеровъ нѣтъ, кромѣ одного молодаго человѣка по седьмому десятку, который поставилъ недавно *Пьесу безъ а*.

— Что это за *Пьеса безъ а*?

— Пьеса въ которой нѣтъ буквы *а*.

— Понимаю; но къ чему это?

— Къ тому, что автору показалось весьма оригинальнымъ написать пьесу, въ которой ни разу не встрѣчается эта буква. Ему бы лучше написать хорошую комедію со всѣми буквами алфавита; но все уродливое возбуждаетъ любопытство и сзываетъ народъ; потому пьесу взяли, разыграли, и въ день представленія театръ былъ набитъ биткомъ. Увертюра прогремѣла, занавѣсъ поднимается, всѣ ждутъ великаго событія. Театръ представляетъ комнату, съ разныхъ сторонъ входятъ Дюваль и Менгоцци; и первое слово Менгоцци по выходѣ на сцену: «*А*,—вы уже здѣсь.» Весь театръ такъ и покатился со смѣху; Менгоцци смотритъ на суфлера, и поправляется: «Э, вы уже здѣсь!» Но уже было поздо; это несчастное *а* убило пьесу. Настоящій успѣхъ имѣли только *Блудный сынъ* и *Китайскія куклы*, въ которыхъ Потье и Брюне неподражаемы. Но пора тебѣ разсказать намъ, что ты подѣлываешь въ Медонѣ.

Я разсказала имъ свою исторію съ Генрихомъ, и они не менѣе меня дивились его продолжительному инкогнито. Легранъ сказалъ мнѣ пресерьезно:

— Знаешь, что случилось недавно съ г-жею Дерневиль, актрисою Сенъ-Мартенскихъ воротъ?

— Не знаю; еще закулисная сплетня, разскажи поскорѣе!

— Ты знаешь, что г-жа Дерневиль имѣла связь съ богатымъ человѣкомъ, держала экипажъ и жила на большую ногу.

— Ну, что же изъ этого?

— Этотъ богатый человѣкъ, сыпавшій золото вокругъ себя, жившій какимъ-то княземъ, хотя и не таился, какъ твой Генрихъ, но то слылъ лордомъ первой руки, то американскимъ негоціантомъ, то русскимъ вельможею, и не представлялъ доказательствъ ни на одно изъ этихъ званій.

— Чтожъ далѣе?

— Всѣ гадали, откуда у него береться такое богатство? Его самого никто не спрашивалъ, потому что онъ не сказалъ бы.

— Боже мой, Легранъ, ты меня пугаешь.

— Г-жа Дерневиль была спокойна; этотъ человѣкъ обожалъ ее, какъ тебя обожаетъ твой.

— Далѣе!

— Предупреждалъ всѣ ея прихоти, какъ Генрихъ предупреждаетъ твои прихоти.

— Ну, далѣе!

— Въ одинъ прекрасный вечеръ, или нѣтъ, это было утромъ, стучатся въ дверь. И кто бы, какъ ты думаешь? Полицейскій комисаръ, въ мундирѣ, въ шарфѣ, съ двумя жандармами.

— Ну, чтоже далѣе?

— Г-жа Дерневиль отвѣчаетъ, скромно потупивъ глаза, что она въ настоящее время мужа не имѣетъ.

— Ну, мужъ ли онъ вамъ или нѣтъ, здѣсь живетъ мужчина?

— Онъ выѣхалъ изъ города съ недѣлю назадъ.

— Квартира на его имя?

— Нѣтъ, на мое, и все, что въ ней находится, принадлежитъ мнѣ.

— Покажите росписку хозяина и квитанцію во взносѣ пошлинъ.

— Вотъ онѣ.

— Хорошо; знаете вы г. Сенъ-Жюльена?

— Онъ часто бываетъ у меня.

— Вы знаете, чѣмъ онъ живетъ?

— Я никогда его объ этомъ не спрашивала; я считала его всегда капиталистомъ.

— И очень ошибались; онъ живетъ выдѣлываніемъ фальшивой монеты.

— Боже мой, возможно ли?

— Это совершенная правда.

Бѣдняжка лишилась чувствъ; комиссаръ оказалъ ей всѣ пособія, какія можетъ оказать въ такомъ случаѣ полицейскій чиновникъ; жандармы предлагали распустить ей шнуровку....

— Бѣдняжка!

— Вотъ какой опасности можетъ подвергаться женщина, незнающая, кого она принимаетъ, такъ какъ ты принимаешь Генриха.

— Боже мой, Легранъ, вскричала я, встревоженная, ты разсказываешь все это, будто....

— Будто шутку! это очень понятно; я серьозныхъ ролей не играю.

Исторія этого Сенъ-Жюльена заставила меня призадуматься о собственномъ моемъ положеніи. Когда мы пообѣдали, я попросила товарищей проводить меня до дому, и не забывать меня. Обертенъ обѣщалъ собрать свѣдѣнія, и постараться узнать, кто такой мой Генрихъ.

Они оставили меня у входа; я возвратилась домой встревоженная, и не спала во всю ночь. Къ утру уснула отъ усталости; но сонъ мой былъ безпокоенъ; мнѣ все снились фальшивые монетчики, жандармы, полиція, пока я не проснулась отъ страха. Однако-же, я встала и сошла въ садъ, смѣясь своему страху: «ну, возможно ли, думала я, чтобы Генрихъ, добрый, любезный, благородный, былъ злодѣй!... Нѣтъ, нѣтъ, это вздоръ.» День я провела довольно спокойно; но вечеромъ меня опять взяло безпокойство. Подъ предлогомъ нездоровья, я велѣла горничной послать себѣ постель подлѣ меня.

Черезъ два дни, Генрихъ возвратился изъ своей поѣздки, и присутствіе его совершенно успокоило меня. Мнѣ самой стало стыдно своихъ несправедливыхъ подозрѣній, и онъ никогда не узналъ ихъ. — Любезная Флора, сказалъ онъ мнѣ, я подвергъ тебя тяжкому испытанію. Одиночество, въ которомъ я тебя оставилъ, было тебѣ тягостно, хотя ты переносила его безъ жалобы. За то теперь я постараюсь доставить тебѣ нѣкоторыя развлеченія. На дняхъ нѣсколько моихъ короткихъ пріятелей будутъ у насъ обѣдать. Я взялъ ложу въ Комическую Оперу; беньуаръ съ рѣшеткою; насъ тамъ никто не увидитъ; завтра дадутъ двѣ пьесы, которыя имѣли большой успѣхъ: *Жана Парижскаго* и *Двухъ Ревнивцевъ*.

Я съ радостью подумала, что заключеніе мое, наконецъ, кончается. Въ *Жанѣ Парижскомъ* комизмъ Жюлье, голосъ Мартена, и талантъ г-жи Реньо очаровали меня не менѣе музыки Боэльдье. Отъ Эллевіу я была безъ ума! Видя въ *Двухъ Ревнивцахъ* умную, наивную игру г-жи Гаводонъ, я невольно вздыхала, думая про себя: не играть мнѣ болѣе комедіи!

Вскорѣ послѣ того, я узнала изъ газетъ, что на театрѣ Разнообразія давали пародію на *Жана Парижскаго*. Мнѣ до смерти хотѣлось хоть разъ побывать въ этомъ театрѣ; я воспользовалась этимъ случаемъ, чтобы просить Генриха свозить меня туда. Лицо его сдѣлалось мрачнымъ.

— Если это тебѣ непріятно, Генрихъ, я не хочу.

— Нѣтъ, я ни въ чемъ не хочу тебѣ отказывать.

— Но.....

— Тебѣ хочется, и будетъ. Но ты можешь сама понять, что я не желаю, чтобы тебя тамъ видѣли; ты надѣнешь вуаль, и я возьму ложу съ рѣшеткою. Мы поѣдемъ завтра.

На другой день карета наша дѣйствительно остановилась передъ театромъ Разнообразія. Въ сѣняхъ я прошла мимо Кретю, который разговаривалъ съ главнымъ кассиромъ, Дервилемъ, и поклонился намъ. Г-жа Мине, мать комика Поля Мине, который игралъ въ Амбигю и въ Палероялѣ, а потомъ нѣсколько лѣтъ былъ Петербургѣ, впустила насъ въ ложу. Я думала, что меня никто не узналъ.

Не могу передать, какое впечатлѣніе произвело на меня эта зала, въ которой мнѣ самой столько разъ аплодировали! Пьесы были для меня новыя, Потье былъ истиннымъ комикомъ въ *Бывшемъ молодомъ человѣкѣ*. А какъ онъ былъ уморителенъ въ пародіи; какъ хорошо перенималъ манеру Жюлье; какъ Казо пародировалъ пѣніе Мартена. Но сердце мое сжалось, когда я увидѣла Эломиру въ роли Маріо. «Эта роль была бы моя! подумала я.» Я завидовала даже Адельгонду и Верне, которые играли слугъ; мнѣ жаль было театра; но я любила Генриха!

Нѣсколько дней спустя, нѣкоторые пріятели Генриха обѣдали у насъ въ Медонѣ. Я старалась, какъ могла, исполнить роль хозяйки; я къ ней еще не привыкла. Мнѣ все казалось, будто на меня смотрятъ съ усмѣшкою, и это ужасно смущало меня.

Такъ прошелъ годъ. Я невидала Обертена, и не получала отъ него обѣщанныхъ извѣстій; Генрихъ былъ въ отлучкѣ недѣли на двѣ; я рѣшилась написать къ Обертену; онъ явился съ отвѣтомъ самъ.

— Чтожъ, любезная Флора, сказалъ онъ мнѣ: теперь, вѣроятно, уже все узнала?

— Ничего не знаю.

— Какъ! не знаешь еще, кто твой Генрихъ?

— Не знаю.

— Помилуй, всѣ его знаютъ.

— Только не я.

— Если бы я могъ это подумать, я давно бы пришелъ сказать тебѣ. Онъ принималъ у тебя гостей, былъ съ тобою въ театрѣ; ты пріѣзжала даже въ театръ Разнообразія. Кретю видѣлъ, какъ ты прошла, г-жа Мине впустила тебя въ ложу.

— Однако-же, лицо мое было закрыто вуалемъ.

— А голосъ, походка! но всего болѣе нескромность пріятелей Генриха.

— Кто же онъ? ты знаешь, кто онъ?

— Еще бы не знать! но если онъ тебѣ не сказывается, я не знаю, хорошо ли съ моей стороны выдавать его тайну.

— Полно, Обертенъ, скажи мнѣ! По крайней мѣрѣ, не фальшивый монетчикъ?

Обертенъ расхохотался.

— Ну, тѣмъ хуже для него; на что похоже, чтобы ты одна не знала того, что бы тебѣ слѣдовало узнать первой. Генрихъ — виконтъ Б.... Отецъ его сенаторъ, а мать родственница Талейрана.

— Боже мой! воскликнула я, въ слезахъ.

— Какъ, ты плачешь о томъ, чему должна бы, напротивъ, радоваться. Родные его очень богаты.

— Чему же мнѣ тутъ радоваться?

— Какъ, чему? ты съ ума сошла!

— Нѣтъ, онъ на мнѣ не женится.

— А ты надѣялась?

— Онъ обѣщалъ мнѣ не жениться.... ни на комъ, кромѣ меня.

— Полно, Флора, покорись своему счастью. Ты писала мнѣ, что Генрихъ уѣхалъ на двѣ недѣли; твоимъ товарищамъ очень хочется повидаться съ тобою; пока его нѣтъ, ты должна непремѣнно дать намъ обѣдъ.

— Помилуй, какъ можно?

— Отъ чего же нѣтъ? Принять одного — такъ неловко; Богъ знаетъ, что подумаютъ; твои домашніе, пожалуй, еще донесутъ ему, насплетничаютъ..... Ну, а цѣлое общество совсѣмъ другое дѣло.

— Ты думаешь? Сказать правду, мнѣ и самой до смерти хотѣлось повидаться съ моими старыми товарищами. Поручаю тебѣ пригласить ихъ. Кого же ты выберешь?

— Выбирай сама. Хочешь товарокъ?

— Поменьше.

— По-моему, ни одной еще бы лучше. Онѣ взбѣсятся, когда увидятъ тебя хозяйкою, барынею; станутъ посмѣиваться, а какое тогда удовольствіе!

— Въ какой же день? Да спектакль вамъ помѣшаетъ; не лучше ли завтракъ?

— Нѣтъ, у насъ на недѣлѣ три дня свободныхъ, по случаю праздниковъ.

— Такъ въ четвергъ.

— Пожалуй, въ четвергъ. Кого же пригласить?

— Самыхъ добрыхъ малыхъ.

— Тузовъ не надо. — Во первыхъ, буду я, потомъ Дюбуа, Флери, Легранъ, который позабавитъ насъ каррикатурами, Блонденъ— будетъ?

— Пригласи еще Дюваля.

— Да онъ не больно веселъ?

— Все равно; мнѣ хочется, чтобы и онъ былъ; у меня на то свои причины.

— Пожалуй, старика Дюваля; онъ добрый малый, хотя и старикъ. — Такъ до свиданія, въ четвергъ.

Въ условленный день, вся веселая компанія собралась ко мнѣ довольно рано. И говорить нечего, какъ намъ было весело; гости были охотники покутить, а мнѣ было такъ пріятно видѣть добрыхъ товарищей. Они поздравляли меня, радовались моему счастью, смѣялись, шутили, играли въ кегли, на бильярдѣ, качались на качеляхъ. Мы собирались уже садиться за столъ, когда вбѣжала моя горничная, встревоженная, и сказала мнѣ, что видѣла кабріолетъ Генриха въ концѣ аллеи.

— Боже мой, что скажетъ онъ, когда встрѣтитъ васъ здѣсь, не бывъ предупрежденъ? — Дайте мнѣ только время приготовить его; разсыптесь по саду; я все улажу... скажу, что вы зашли случайно, захватили меня въ расплохъ. Скорѣе!

Въ одно мгновеніе, все скрылось за зеленью; Дюбуа высунулъ голову изъ-за куста сирени, и закричалъ мнѣ: готово!

Я не замѣтила, что Леграна не было между ними.

Генрихъ пріѣхалъ; я выбѣжала ему на встрѣчу, стараясь скрыть волненіе, которое онъ, впрочемъ, приписалъ радости. Однако-же, онъ смотрѣлъ на меня съ какимъ-то безпокойствомъ.

— Ты не ждала меня, милая Флора?

— Нѣтъ; тѣмъ пріятнѣе мнѣ видѣть тебя ранѣе назначеннаго сроку.

— Мнѣ надо о многомъ поговорить съ тобою, продолжалъ Генрихъ, съ нѣкоторою торжественностью. Пойдемъ въ садъ; мы тамъ сядемъ на скамейку, и побесѣдуемъ.

— Тебѣ жарко, въ саду свѣжо; пойдемъ лучше въ гостиную.

— Какъ хочешь... или въ твою комнату.

Генрихъ обхватилъ рукою мою талію, и сказалъ мнѣ, всходя на лѣстницу: «Милая Флора, я долго испытывалъ тебя, и, кажется, теперь знаю тебя довольно коротко, чтобы открыть тебѣ тайну, которую такъ долго скрывалъ отъ тебя. Ты должна узнать, кто я, и что я намѣренъ для тебя сдѣлать... Но вотъ твой будуаръ; пойдемъ туда, его таинственность очень кстати, когда дѣло идетъ о тайнѣ.

При словѣ тайна, я невольно вздрогнула; Генрихъ это замѣтилъ, пристально взглянулъ на меня, потомъ отворилъ дверь будуара, и, снова затворивъ ее, сказалъ мнѣ удивленнымъ и гнѣвнымъ голосомъ: тамъ кто-то есть!

— Кто? воскликнула я въ испугѣ.

— Вѣроятно, воръ или злодѣй....

Съ этими словами онъ вынулъ изъ кармана два пистолета, и отворивъ дверь, сказалъ грознымъ голосомъ: «Кто тутъ? что ты здѣсь дѣлаешь?»

Человѣкъ, растянувшійся на диванѣ, проснулся, и отвѣчалъ, потягивая руки, и зѣвая во всѣ челюсти: ну скороли-жъ мы сядемъ за столъ?

— Зачѣмъ здѣсь этотъ негодяй? спросилъ Генрихъ, грозно взглянувъ на меня.

Я узнала лѣнтяя Леграна, который, по обыкновенію, залегъ спать, между тѣмъ, какъ другіе прогуливались, или играли на бильярдѣ. Я не знала, что мнѣ отвѣчать.

— Объясните ли вы мнѣ, зачѣмъ вы здѣсь, и что вы дѣлали въ этомъ будуарѣ? спросилъ его Генрихъ.

— Спалъ; диванъ такой мягкій. Но къ чему эти пистолеты? ужъ не сбираетесь ли вы разыграть послѣднюю сцену *Нѣмаго?* Мнѣ, ей-Богу, не до того.

— Милостивый государь, если вы благородный человѣкъ, вотъ вамъ пистолеты, берите одинъ.

— Покорнѣйше благодарю; дайте мнѣ лучше что нибудь другое. Помилуй, Флора, куда ты заманила меня? Затѣмъ ты развѣ пригла-

сила меня, чтобы меня подстрѣлили, какъ зайца? Я закричу караулъ.

И дѣйствительно, онъ принялся кричать, какъ будто его рѣзали. На крики его, всѣ прочіе гости сбѣжались изъ саду.

Генрихъ былъ этимъ столько же раздосадованъ, сколько удивленъ; однакоже отъ тотчасъ же отправился, и сказалъ мнѣ спокойно: У васъ гости; напрасно вы мнѣ этого не сказали; вы виноваты, если я напугалъ этого господина.

— Большой бѣды тутъ еще нѣтъ, возразилъ Легранъ. — Вы, вѣроятно, здѣшній хозяинъ? Имѣю честь свидѣтельствовать вамъ свое почтеніе; очень пріятно познакомиться. Я невольно возбудилъ вашу ревность; мнѣ очень жаль; но будьте увѣрены, что я уважаю свою товарку, какъ новорожденное дитя.

— Вашу товарку? — Генрихъ осмотрѣлся кругомъ, и узналъ актеровъ театра Разнообразія.

Старикъ Дюваль подошелъ къ нему и сказалъ спокойнымъ голосомъ, что онъ не можетъ сердиться на меня за то, что я хотѣла оказать вѣжливость своимъ прежнимъ товарищамъ. Генрихъ, повидимому, согласился съ нимъ, и сказалъ гостямъ, что онъ не хочетъ нарушать праздника, но что проситъ извинить его, если онъ самъ не можетъ оставаться; что важное дѣло отзываетъ его въ Парижъ, и что онъ предоставляетъ мнѣ одной угостить ихъ. Затѣмъ онъ поклонился и вышелъ. Я пошла за нимъ: «Мой другъ, ты не сердишься на меня?»

— Нисколько; только я поставилъ себя въ дураки своею ревностью. Я не могу остаться обѣдать; мое присутствіе только нарушитъ общее веселье; я приѣду завтра.

— Точно ты не сердишься на меня?

— Нисколько, увѣряю тебя.

Онъ пожалъ мнѣ руку, сѣлъ въ кабріолетъ, и уѣхалъ; и я возвратилась къ гостямъ. Обертенъ былъ не совсѣмъ спокоенъ на мой счетъ. «Небойся ничего, сказала я ему, хотя и сама была вовсе не спокойна; онъ вспыльчивъ, но добръ; мнѣ нечего бояться.»

— Хорошо сдѣлалъ, что уѣхалъ, сказалъ Легранъ. Онъ *важный господинъ*; я при немъ не могъ бы врать пустяковъ.

Мы сѣли за столъ. Я старалась быть веселою, хотя на душѣ у меня было тяжело, и я радешенька была, когда гости уѣхали.

Какъ можете себѣ представить, ночью я почти не смыкала глазъ. На слѣдующее утро, едва я проснулась, горничная подала мнѣ письмо:

«Милая Флора, не думай, чтобы вчерашнее происшествіе сколько нибудь измѣнило мои чувства къ тебѣ; это была женская прихоть, очень извинительная. Я хотѣлъ вчера открыть тебѣ очень многое; но гораздо лучше это написать, и мнѣ легче

высказать, и тебѣ будетъ болѣе времени обдумать отвѣтъ. Ты, вѣроятно, замѣтила, что мои отлучки стали чаще и продолжительнѣе; не приписывай ихъ охлажденію моей любви; причиною этаго семейный заговоръ противъ меня; родные задумали... женить меня. Выгодная, чудесная партія, говорятъ они; они на это смотрятъ, какъ на торговое дѣло. Но я понимаю вещи иначе; я, или женюсь по любви, или вовсе не женюсь. Богатства мнѣ ненужно, у меня довольно своего; а честолюбія я не знаю. Болѣе всѣхъ преслѣдуетъ и терзаетъ меня мать. Цѣлый уже мѣсяцъ я борюсь, и буду бороться вѣчно, потому-что это въ моемъ характерѣ.

«Мнѣ остается одно средство избавиться отъ преслѣдованій родныхъ; ѣхать за границу; я намѣренъ отправиться путешествовать по Германіи и Италіи. Тебѣ также нужно оставить мѣста, гдѣ ты слишкомъ близка къ тому, что окружало твою первую молодость. Если ты меня любишь, какъ я тебя люблю, поѣдемъ со мною; будемъ жить другъ для друга, въ странѣ, гдѣ намъ будетъ вольнѣе, мнѣ вдали отъ преслѣдованій и семейныхъ оковъ, тебѣ вдали отъ воспоминаній, которыя ты должна изгладить изъ памяти.

«Даю тебѣ два дня на размышленіе; на третій явлюсь за отвѣтомъ, и узнаю, есть ли для тебя на свѣтѣ предметъ дороже меня. Если ты откажешь, я поѣду одинъ, поѣду какъ можно дальше, не забыть тебя, а оплакать свою утрату.

«Прощай на два дни, а затѣмъ, твой на всю жизнь

«Генрихъ.»

—

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

—

Русскій Театръ.

—

ГОНИ ЛЮБОВЬ ХОТЬ ВЪ ДВЕРЬ, ОНА ВОЙДЕТЪ ВЪ ОКНО. Комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч. *Скриба*, передѣланная съ французскаго *П. С. Ѳедоровымъ*.

МУЖЪ ХОРОШЪ И ЖЕНА НЕ ДУРНА. Опера-водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч. *П. И. Григорьева 1-го*, Новая (?) музыка, *Кажинскаго* (?!?).

АЙ ДА ФРАНЦУЗСКІЙ ЯЗЫКЪ! Шутка въ одномъ дѣйствіи.

ДЕНЬГИ, МАТЬ, ОТЕЦЪ И НЕВѢСТА, или ОТКУДА ЧТО БЕРЕТСЯ! Комедія въ двухъ дѣйствіяхъ, переводъ съ французскаго.

(*Бенефисъ г. Мартынова*).

—

Бенефисъ, даваемый артисту, какъ вознагражденіе за его сценическую дѣятельность, имѣетъ свое значеніе и въ отношеніи къ публикѣ. Это отчетъ въ успѣхахъ артиста на избранномъ имъ поприщѣ и публика, удостоивая его своимъ посѣщеніемъ, хочетъ тѣмъ доказать степень удовольствія, доставленнаго ей его дарованіемъ и трудолюбіемъ. Стало быть, никогда нельзя болѣе кстати высказаться о талантѣ и направленіи актера, какъ послучаю его бенефиса. Къ сожалѣнію, не всегда критикѣ представляется такой удобный случай для эсте-

тическаго обсужденія артиста, какъ, напримѣръ, теперешній, и она молча, по большей части, должна положить оружіе, за неимѣніемъ предмета живаго, сознательнаго, подходящаго къ требованіямъ вѣка и законамъ искусства. Притомъ, судить можно только о художникѣ, въ которомъ ясно обнаружилось призваніе, который творитъ и въ творчество свое вноситъ или новыя идеи искусства, или новую сторону жизни. Таковъ именно Александръ Астафьевичъ Мартыновъ, актеръ современной русской сцены.

Но сценическій артистъ есть художникъ второстепенный или, такъ сказать, *окончательный*: онъ олицетворяетъ въ себѣ чужое созданіе, образы уже готовые, чувства и мысли данныя, требующія только окончательнаго воплощенія въ видимыя формы. Стало быть, въ сценическомъ творчествѣ многое зависитъ отъ матерьяла, который данъ художнику. Разсмотримъ же сперва направленіе литературно-драматическое, чтобы вѣрнѣе оцѣнить дарованіе и заслуду сценическаго художника.

Каждый вѣкъ, каждая эпоха, внося свои идеи въ искусство, подчиняли его извѣстнымъ условіямъ, и самое творчество дѣлили на степени, сообразныя съ понятіями тогдашняго общества, потому-что драматическая литература всегда была и будетъ самымъ ближайшимъ выраженіемъ современной ей жизни, ибо она черпаетъ свои образы и мысли изъ господствующаго вокругъ нея движенія.

Древніе имѣли только два подраздѣленія драматическаго творчества: *трагедію* и *комедію*. Значеніе ихъ Аристотель опредѣлилъ очень ясно: Comedia enim deteriores, tragoedia meliores quam nunc sunt, imitari conantur; т. е. въ *комедіи* человѣкъ долженъ изображаться хуже, въ *трагедіи* лучше, чѣмъ онъ есть.

Въ XVII и XVIII вѣкѣ Франція издавала законы эстетики, потому-что имѣла блистательныя имена на всѣхъ поприщахъ литературы. Подраздѣленія явленій драматическихъ мѣнялись, смотря по времени и по взгляду, часто бывали странны, и еще чаще въ высшей степени нелѣпы. Тамъ существовали: *героическая трагедія, мѣщанская драма, высокая* и *низкая комедія*; къ нимъ, впослѣдствіи, присоединились *мелодрама* и *водевиль*. У Аристотеля мы видимъ, по крайней мѣрѣ, что идея подраздѣленія основана на прямомъ и вѣрномъ началѣ, на *изображеніи человѣка*, хотя и ограниченномъ тѣсною рамою единства *мѣста, времени и дѣйствія*. У французовъ законъ подраздѣ-

ленія покоится просто на смѣшныхъ уставахъ общества: полубоги, цари и вельможи могли дѣйствовать только въ *трагедіи*; остальнымъ смертнымъ была отведена *мѣщанская драма*, но и тутъ строгій этикетъ напудреннаго и раскрахмаленнаго вѣка не терпѣлъ смѣси; лица высшаго круга съ своими выкрученными фразами и шитыми кафтанами являлись только въ *высокой комедіи*, низшему разряду была отведена *комедія низкая*, или грубый фарсъ. Аристократизмъ нравовъ отразился и въ литературѣ. Позднѣйшее основаніе подраздѣленій сценическихъ произведеній еще нелѣпѣе. Оно зависило отъ развязки пьесы и отъ поведенія дѣйствующихъ лицъ на сценѣ: если въ концѣ кто нибудь умиралъ—это называлось просто *драмою*, если онъ умиралъ съ пѣснями и плясками—такъ *мелодрамою*; если люди, подъ конецъ, вступали въ законный бракъ—это называлось *комедіею* — (и едва-ли это не самая ловкая насмѣшка надъ супружествомъ); если бракъ совершался съ куплетцами и пѣсенками—такъ это былъ *водевиль*.

Французская революція, измѣнивъ общественный бытъ Франціи, очистила нѣсколько и эстетическія понятія. Романтическая школа, нестѣсняемыя формами, заставила обратиться, и авторовъ и публику, отъ внѣшности къ внутреннему содержанію произведеній, отъ правилъ изложенія къ осуществляемымъ идеямъ, отъ условленныхъ формулъ къ непредвиденнымъ эфектамъ.

Въ Германіи, гдѣ Шиллеръ и Гёте придали драматической литературѣ нѣкоторый родъ самобытнаго развитія, главное вниманіе было обращено на трагедію, но уже на трагедію романтическую, болѣе или менѣе Шекспировскую, хотя еще носившую въ себѣ зародышъ древней трагедіи т. е. усиліе представить человѣка въ идеальномъ видѣ, *лучше, чѣмъ онъ есть*. Идеализмъ завлекъ нѣмцевъ слишкомъ далеко, даже изъ предѣловъ земной природы, къ идеямъ метафизическимъ, въ туманы умозрительной философіи, въ царство мистики. Всѣ лица въ трагедіяхъ Шиллера воплощенныя идеи философіи, видимыя отраженія мечтательныхъ утопій, у Гёте — тоже самое, хотя онъ похитрѣе прикрываетъ ихъ простотою языка и неизысканностію дѣйствія.

Одинъ Шекспиръ ранѣе и вѣрнѣе всѣхъ постигъ настоящее значеніе драмы: онъ выводилъ жизнь, какъ она есть, съ ея свѣтлою стороною и тѣнями, съ ея веселыми и печальными событіями и не наряжалъ человѣка въ пурпуръ идеальной красоты, но показывалъ сердце его съ изнанки, со всѣми его

побужденіями и страстями, мечтами и заблужденіями. Но Шекспира въ Европѣ поняли и оцѣнили довольно поздно, а онъ, между тѣмъ, можетъ по всѣмъ правамъ назваться отцемъ романтической школы.

Въ наше время старинныхъ и странныхъ подраздѣленій драматическаго творчества существовать не можетъ; понятія объ немъ установились; предметъ его, какъ и прежде, *человѣкъ*, но не лучше и не хуже, какъ онъ есть, а въ томъ видѣ, какъ создала его природа, какъ образовали его обстоятельства, какимъ сдѣлала его общественная или семейная жизнь; строгая истина и натура — два главныя требованія современной намъ драматургіи; основная идея, взятая прямо изъ дѣйствительности, необходимое условіе каждаго драматическаго произведенія. Форма его произвольная. Стало быть, при такихъ требованіяхъ всѣ виды творчества должны соединяться въ одинъ главный родъ въ — *драму*, которая, смотря по сферѣ, въ которой совершается ея дѣйствіе, можетъ быть политическою, историческою или общественною. Она историческая — если разрѣшаетъ вопросъ, оправдываемый событіями исторіи; политическая — когда идея ея основана на борьбѣ человѣческой природы съ недостатками гражданскаго общества, несогласными съ требованіями и идеями вѣка; она, наконецъ, общественная — когда выводитъ условія жизни общественной или семейной, ставящія человѣка въ ложное положеніе, оскорбляющія его чувства, унижающія достоинство, однимъ словомъ, нарушающія внутренній міръ его души. Но вездѣ и во всякомъ случаѣ должна быть борьба; гдѣ нѣтъ борьбы, тамъ нѣтъ движенія, нѣтъ страстей, нѣтъ жизни, нѣтъ драмы. Разумѣется, что изображеніе человѣка въ ложномъ положеніи къ окружающему его обществу, если это положеніе основано только на господствующемъ предразсудкѣ или заблужденіи, имѣетъ свою забавную сторону, но вмѣстѣ съ тѣмъ лицо все таки остается пассивнымъ, и возбуждая смѣхъ, возбуждаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и сожалѣніе. Всякое уклоненіе отъ природы, отъ здраваго разума, отъ истинныхъ условій быта гражданскаго, отъ обязанностей семейнаго человѣка, составляетъ комизмъ драмы.

Таковы всѣ комедіи лучшихъ современныхъ драматурговъ, Скриба и Гуцкова. «*Цѣпь,*» «*Кумовство*» (La Camaraderie) «*Семейство Рикебуръ,*» «*Гони любовь въ дверь, она войдетъ въ окно,*» — Скриба, «*Сердце и свѣтъ*, «*Первообразъ Тартюфа*» (Das Urbild des Tartüffe) «*Коса и мечь*» — Гуцкова, высокія, по-

трясающія драмы, несмотря на свою комическую форму. Какъ ни забавно положеніе лицъ, какъ ни смѣшно сцѣпленіе обстоятельствъ, однако этотъ Рикербургъ, простой и честный купецъ, который цѣною богатства почитаетъ себя вправѣ купить знатную жену и дѣлается жертвою несообразнаго брака, въ сущности вовсе не смѣшонъ. Этотъ молодой человѣкъ, который за одинъ юношескій порывъ, налагаетъ на себя цѣпь связи, дѣлающей его несчастнымъ на всю жизнь, такъ-же больше достоинъ сожалѣнія, чѣмъ смѣха, хотя обстоятельства, въ которыя онъ поставленъ, дѣйствительно забавны. А эта тёща, разрушающая семейное согласіе собственныхъ дѣтей, развѣ не тотъ же общественный *фатумъ*, дающій начало, повидимому, очень забавымъ, по сущности, вовсе неутѣшительнымъ положеніямъ. Гуцковъ, олицетворившій въ двухъ комедіяхъ своихъ, честолюбца и сребролюбца, жертвующихъ душевной чистотою и покоемъ совѣсти своимъ страстямъ, нарисовалъ двѣ комическія фигуры, полныя драматической глубины, заставляющія зрителя смѣятся сквозь слезы. Такъ же смѣшенъ *Чацкій* Грибоѣдова, среди окружающаго его общества, смѣшны въ свою очередь и *Фамусовы* и *Репетилавы* и *Загорецкіе* и *Скалозубы* — но вникните поглубже въ эти характеры, и улыбка невольно смѣнится у васъ думою, можетъ быть, совсѣмъ не утѣшительною, объ обществѣ, которое произвело эти образцы.

Здѣсь уже не то, что составляло стихіи творчества Мольера, который бралъ общую человѣческую страсть въ широкомъ размѣрѣ, во всѣхъ ея проявленіяхъ, и влагалъ ее въ одно лицо, назвавъ его *скупымъ*, *мнимымъ больнымъ*, *лицемѣромъ*, *чванливымъ* и т. д. Его лица идеалы выводимыхъ имъ страстей: вы найдете въ нихъ общія черты съ тысячами людей, и не отыщите человѣка, вполнѣ похожаго ни на одно изъ нихъ; его скупой, больной, лицѣмѣръ и проч. столькоже французы, какъ англичане, нѣмцы и русскіе или, лучше сказать, они ни французы, ни нѣмцы, ни русскіе, ни англичане — они просто люди, безотносительно къ мѣсту и времени. Въ нихъ не отражается духъ, направленіе, потребности и нравы вѣка и страны; они вѣчны, какъ вѣчна природа человѣческаго сердца, и принадлежатъ всѣмъ народамъ, живущимъ обществами и имѣющимъ общіе интересы. Еще менѣе похожа современная комедія на произведенія французскихъ писателей конца XVIII вѣка, гдѣ всѣ завязки покоились на любовныхъ интригахъ, запутываемыхъ и разрѣшаемыхъ остроум-

ными лакеями и ловкими служанками, всегда гораздо умнѣйшими своихъ господъ. Лекейская комедія существовала на французской сценѣ, какъ явное противорѣчіе обществу, ибо въ это время феодальные нравы Франціи доходили до гибельной своей апогеи и слуга почитался ни больше, ни меньше, какъ простою домашнею утварью.

И такъ, комедія въ наше время есть таже драма, только съ интересомъ исключительнымъ или частнымъ. Злоупотребленія административныя, одной какой нибудь страны, заблужденія и предразсудки извѣстнаго общества или сословія, наконецъ, несогласія, неустройства семейной жизни, какъ слѣдствія неравенства характеровъ, ложныхъ понятій, небрежнаго воспитанія — составляютъ ея область. Въ то время, какъ драма историческая, основанная на непремѣнныхъ событіяхъ историческаго міра, и драма политическая, представляющая разногласіе духа времени съ устарѣвшими формами требуютъ обще-человѣческихъ началъ, ибо имѣютъ предметомъ судьбу цѣлыхъ царствъ и народовъ, драма общественная — или собственно такъ называемая *комедія*, какъ зеркало нравовъ отдѣльнаго общества или сословія, болѣе всего способна принять на себя отпечатокъ извѣстной національности, и даже самобытныя черты того или другаго сословія, той или другой касты. Это очень просто и естественно: духъ времени, потребности вѣка одинаковы для цѣлаго міра; устройство гражданское, права человѣчества, личная безопастность равно дороги для всѣхъ народовъ; но общественная и семейная жизнь каждаго народа зависитъ отъ развитія его понятій, отъ степени образованности, отъ его нравовъ, характера и стремленій. Нравы народа воинственнаго не могутъ стать въ одинъ уровень съ нравами націи торговой; требованія американскаго поселенца найдутъ въ сравненіе съ потребностями утонченнаго француза; православная Русь не можетъ походить на пылкую и чувственную Испанію и т. д.

Поэтому, комедія всегда имѣетъ болѣе или менѣе колоритъ мѣстности, не подходящій подъ общія формы, и если для актера трагическаго существуютъ общія мѣста для передачи той или другой страсти, выраженія общія цѣлому человѣчеству, то отъ комика, кромѣ того, требуется еще типъ той національности, въ которой совершается дѣйствіе драмы, отпечатокъ касты, къ которой принадлежитъ лицо, имъ представляемое. Въ этомъ отношеніи актеръ комическій всегда

несравненно выше трагическаго: кромѣ воспріимчивости, глубокаго сознанія и чувства, мы должны видѣть въ немъ еще наблюдательность, наглядность, талантъ хорошаго копировщика. Подлинники лицъ, имъ создаваемыхъ, у насъ передъ глазами, сравненіе близко, и всякое отступленіе отъ натуры составляетъ въ немъ уже ощутительный недостатокъ.

Но элементы комизма весьма различны. Не все то, что заставляетъ насъ смѣяться — можетъ быть названо комизмомъ. Есть комизмъ внутренній, глубокій, сознательный, и есть комизмъ внѣшній, грубый и ничтожный. Первый соотвѣтствуетъ глубокому трагическому проникновенію, второй — трагической пластикѣ, т. е. общепринятымъ формамъ, подходящимъ ко всему и употребляемымъ вездѣ и всюду людьми бездарными. Комизмъ внутренній возбуждаетъ въ зрителѣ сочувствіе, онъ можетъ увлечь его, иногда глубоко тронуть, даже потрясти; комизмъ внѣшній только щекочетъ глазъ, какъ и все, что противуестественно, что выходитъ изъ обыкновеннаго порядка вещей, что поразительно по своей уродливости. Истинный комизмъ выводитъ передъ вами живые образы, лица, которыя вамъ какъ-будто знакомы и родственны, хотя вы ихъ никогда не встрѣчали въ жизни, но они знакомы вамъ, потому-что въ личность ихъ замкнуты всѣ черты общества, въ которомъ вы живете, всѣ стихіи эпохи; они передъ вами движутся и живутъ именно тою жизнію, которая кипитъ около васъ каждый день, и вы сочувствуете невольно ихъ положенію, ихъ страданіямъ, привычкамъ и предубѣжденіямъ. Истинный комикъ, выходя на сцену, не имѣетъ намѣренія смѣшить васъ природною уродливостію или причудами костюма, онъ хочетъ быть только вѣренъ лицу и быту, которыя представляетъ, зная, что смѣшное заключается не въ его *внѣшности*, а въ *личности* т. е. въ нравственномъ устройствѣ его характера и въ положеніи, въ которое поставили его обстоятельства, противорѣчащія этому нравственному устройству. Быть вѣрнымъ истинѣ, правдоподобнымъ — вотъ вся его цѣль; и когда онъ ее достигаетъ, вы смѣетесь отъ всего сердца, но не тѣмъ грубымъ смѣхомъ, который нервически дѣйствуетъ на одни ваши мускулы, отъ котораго вы даже не можете удержаться при видѣ человѣка, падающаго на улицѣ, хотя въ нечаянномъ паденіи ближняго нѣтъ ничего достойнаго смѣха, но смѣхомъ задушевнымъ, имѣющимъ разумное начало. Истинный комикъ никогда не прибѣгнетъ къ фарсу, потому-что фарсъ есть насиліе; не станетъ придавать каждому слову осо-

бенную интонацію и сопровождать его дополнительнымъ жестомъ, потому-что въ этомъ видно сознаніе, а по сознанію никто смѣшенъ не бываетъ, кромѣ шута по ремеслу; онъ не присвоитъ себѣ физическаго порока, не станетъ заикаться, трясти головою, прихрамывать, ходить въ перевалку по утиному, подергивать лицомъ, подмигивать глазомъ, потому-что онъ знаетъ, что цѣль комедіи рисовать нравственное отступленіе человѣка отъ природы, а не физическіе недостатки, неизбѣжный законъ человѣческаго организма.

Вы видите часто комиковъ, которые свою тождественность прикрываютъ только разными париками: сегодня съ лысиной напереди, завтра съ лысиной назади, въ одной пьесѣ съ бакенбардами, подбѣгающими подъ носъ, въ другой съ бакенбардами, загнутыми за уши, сегодня парикъ черный, завтра рыжій, сегодня носъ насандаленъ румянами, завтра натертъ мѣломъ, пять, шесть уродливыхъ сюртуковъ и фраковъ довершаютъ разнообразіе этихъ непризванныхъ протеевъ; поскрипываніе табакеркою, нюханье табаку съ искаженіемъ лица, такъ или этакъ, размахиваніе носовымъ платкомъ, гримаса за гримасою — вотъ всѣ элементы ихъ комизма. Это ходячія каррикатуры — и больше ничего; они возбуждаютъ смѣхъ — уродливостью костюма и рожами, которыя корчатъ, а не развитіемъ характеровъ, не типическимъ сходствомъ съ дѣйствительностію. Но каррикатура — не натура: истинный комизмъ есть живопись, а это только пародія на живопись. Первый достается изученіемъ общества вообще и человѣка въ особенности, второй, какъ видите, пріобрѣтается на дешевыя и чисто внѣшнія средства. Талантъ грубаго комика часто гораздо болѣе зависитъ отъ костюмера, чѣмъ отъ него самаго. Всякое воспроизведеніе дѣйствителной жизни — есть высокій комикъ; всякое передразниваніе — комизмъ грубый. Вы въ высокомъ комикѣ узнаете черты многихъ лицъ, которыя, можетъ быть, въ дѣйствительности никогда и не существовали, но они какъ будто съ вами встрѣчались; грубый комикъ подрисуется подъ извѣстное лицо, поддѣлается подъ его пріемы, подъ голосъ, и при всемъ сходствѣ портрета, вы все таки не узнаете въ этой копіи подлинникъ, потому, что схвачена одна только наружность, безъ внутренняго выраженія, безъ характера, которыхъ низкій комикъ усвоить себѣ никода не въ состояніи, иначе онъ не былъ бы низкимъ

комикомъ. У французовъ есть два слова, прекрасно характеризующія эти два различія комизма; высокаго комика они называютъ acteur — *актеромъ*, низкаго — comedien, *комедіаномъ*, т. е. скомарохомъ. Люди втораго разряда не должны вовсе принадлежать къ области искусства, они не художники, а просто забавники.

Г. Мартыновъ по всѣмъ правамъ принадлежитъ къ раздяду первоклассныхъ комиковъ, потому-что онъ одаренъ истинно художническимъ постиженіемъ и обладаетъ всѣми стихіями высоко-комическаго выраженія. Въ немъ есть качества, которыя рѣдко встрѣчаются въ сценическомъ артистѣ. Не говоря уже о томъ удивительномъ тактѣ, который заставляетъ его всегда вѣрно и мѣтко попасть именно на слабую или комическую сторону характера представляемаго лица, не говоря о простотѣ и естественности его игры, мы укажемъ на достоинство, которое рѣдко достается на долю актеру, именно, на умѣнье совершенно уничтожить свою личность, чтобы замѣнить ее чужою. Мы видимъ часто актеровъ съ замѣчательнымъ дарованіемъ, но которые ни въ одной роли не могутъ заставить забыть себя самихъ: при вѣрной передачѣ различныхъ характеровъ, у нихъ всегда одна и таже оболочка, ихъ собственная личность, которая иногда и не совсѣмъ соотвѣтствуетъ представляемому лицу. Мартыновъ въ кажной роли какъ будто вновь перерождается. Вы видите его часто въ четырехъ пьесахъ и видите какъ будто четырехъ разныхъ актеровъ, до того велика въ немъ способность разнообразить свою игру и приноровлять все существо свое къ самымъ разнороднымъ характерамъ. Главное мастерство его состоитъ въ вѣрности изображенія людей, которыхъ онъ олицетворяетъ, и это мастерство тѣмъ выше, что онъ, по большей части, играетъ въ водевиляхъ, гдѣ тѣсная рама не даетъ авторамъ возможности вполнѣ развить характеры. Но для Мартынова довольно нѣсколькихъ намековъ, двухъ - трехъ чертъ и онъ изъ этого создаетъ чудное цѣлое, дополняя все остальное своимъ талантомъ. Посмотрите на него, на примѣръ, въ *Квартетѣ* Акселя, гдѣ онъ является глухимъ аматеромъ музыки и говоритъ пять-шесть словъ счетомъ: не есть ли это провосходнѣйшій типъ всѣхъ-возможныхъ меломановъ, нарисованный самыми яркими, самыми поразительными красками? Вотъ вамъ начальникъ отдѣленія въ другомъ водевилѣ Акселя *Приключеніе въ Полюстровѣ*, лицо являющееся только два раза, съ трубкою въ зубахъ, и говорящее не болѣе восьми

фразъ, а что сдѣлалъ изъ этого лица Мартыновъ! Въ этомъ лицѣ не каррикатура, не пошлая насмѣшка надъ чиновникомъ; нѣтъ, это физіологія цѣлаго класса людей, составляющаго значительную часть нашего общества, филіологія рѣзкая, поразительная своею истиною, заключающая въ себѣ полную исторію быта, понятій, помысловъ цѣлой касты. Глядя на этого чиновника, вы въ одинъ мигъ угадываете степень его образованности, его наклонности и желанія; вы видите его прошедшее и будущее; узнаете, каковъ онъ долженъ быть съ начальникомъ и каковъ съ подчиненными — вся душа его передъ вами наизнанку! Поглядите, наконецъ, на того - же Мартынова въ *Купеческой Горкѣ*, гдѣ онъ является подгулявшимъ представителемъ *почтеннаго* сословія: что это за натура, что за истина, какъ схвачены тончайшія черты этого класса людей, какъ ярко выраженъ весь характеръ въ интонаціи этихъ двухъ словъ, которыя онъ только и говоритъ всѣмъ и каждому: *молчи... мальчишка*! и въ возгласѣ: *помирилъ и съ гору*! когда онъ хочетъ перебить игру большими кушами денегъ. Здѣсь ярко выражено все уваженіе разбогатѣвшаго купца къ деньгамъ и все презрѣніе ко всему, что не можетъ тягаться съ нимъ казною. Мы съ умысломъ указываемъ здѣсь на самыя ничтожныя роли Мартынова, чтобы показать, какъ великъ въ немъ даръ наблюдательности, воспріимчивости и выраженія. Этихъ ролей, при чтеніи пьесъ, вы и не замѣтите; а между тѣмъ, ими только эти пьесы и держатся на сценѣ. Въ подобныхъ роляхъ Мартынова рѣшительно нельзя разбирать, какъ актера, на него надо смотрѣть, какъ на геніальнаго живописца людей и общества, потому что авторъ не даетъ ему никакихъ матерьяловъ, а указываетъ только мѣсто и опредѣляетъ званіе, а онъ самъ уже создаетъ все остальное, черпая эти удивительные образы изъ неизсякаемаго источника своего таланта.

Но Мартыновъ не только отличный живописецъ, онъ еще и глубоко чувствующій человѣкъ и есть роли, въ которыхъ онъ доходитъ до высоко художественныхъ созданій, до патетическаго элемента. Къ сожалѣнію, такія пьесы рѣдко даются, потому что для изученія артиста въ такихъ созданіяхъ требуется серьозное проникновеніе и вниманіе, а обычные посѣтители русскаго театра отъ этого давно отвыкли. Мы укажемъ на главнѣйшія изъ такихъ ролей. Въ комедіи: *Кащей*, нарисованной довольно вѣрно, но бѣдной драматическимъ движеніемъ и театральными эфектами, Мартыновъ дивнымъ об-

разомъ олицетворяетъ русскаго скупаго. Скажемъ по истинѣ, этотъ характеръ втрое труднѣе Мольерова Гарпагона; въ немъ есть исключительная натура, требующая особеннаго колорита, а страсти выражены гораздо ярче. Здѣсь Мартыновъ показалъ, что онъ можетъ возвыситься до трагическаго величія: въ послѣднихъ сценахъ комедіи онъ заставлялъ зрителей содрогнуться: и все это безъ малѣйшей натяжки, безъ подготовленныхъ эфектовъ, безъ сценическихъ усилій! Онъ дѣйствовалъ одной натурой, но натурой поразительной по своей истинѣ и наготѣ.

Мы знаемъ, кромѣ Мартынова, въ Европѣ только одного актера, который можетъ такъ создавать характеры и производить подобное впечатлѣніе на зрителей—это Буффе, въ Парижѣ. У Буффе съ Мартыновымъ много родственнаго, когда онъ играетъ въ *Дочери Скупаго*, но только у Мартынова перевѣсъ въ томъ отношеніи, что онъ своему скупому долженъ былъ еще придалъ колоритъ русской національности, тогда какъ *Гранде*, характеръ, обрисованный общими чертами, подходящій и къ французу, и къ нѣмцу, и къ англичанину, и къ кому вамъ угодно. Другая высоко-художественная роль Мартынова семидесятилѣтній старикъ въ «*Что имѣемъ—не храним*ъ». Здѣсь онъ играетъ вашими чувствами по произволу: заставя сперва отъ души смѣяться надъ положеніемъ этого старца-ребенка, робкаго и нерѣшительнаго, привыкшаго сорокъ пять лѣтъ жить подъ башмакомъ своей жены, онъ производитъ общій хохотъ, когда подъ вліяніемъ Бахуса вдругъ возмущается противъ своей тиранки и разрываетъ супружескій союзъ; но еще минута—и вы плачете вмѣстѣ съ нимъ, когда онъ высказываетъ чувства своего одиночества и сиротства. Это младенецъ, брошенный безъ призора и не знающій куда ему обратиться. Сколько силы и правды въ этомъ выраженіи, сколько добродушія и искренности въ этихъ такъ просто высказываемыхъ чувствахъ, сколько, наконецъ, знанія сердца и типической истины во всемъ явленіи этого старика! Вотъ это настоящій комизмъ, высокое, обоятельное искусство. Не стану говорить о роли Жучка въ *Дѣловомъ человѣкѣ*, гдѣ Мартыновъ такъ мѣтко постигъ задачу и такъ мастерски ее выполнилъ, представя трудный характеръ человѣка безъ образованія, натершагося въ свѣтѣ и, по положенію своему, желающаго подойти подъ уровень хорошаго общества и подъ-стать своей женѣ, воспитанной по модѣ. Здѣсь онъ сама натура, и все это безъ малѣйшаго фарса, безъ всякаго усилія обратить на

себя вниманіе, чѣмъ нибудь особеннымъ, безъ претензіи на лишнее рукоплесканіе.

Но отдавая полную справедливость огромному таланту Мартынова, таланту, который имѣлъ весьма немного равныхъ себѣ на нашей сценѣ, съ тѣхъ поръ, какъ она существуетъ, мы должны, однакожъ, сказать, что онъ актеръ, по преимуществу *русскій*, что онъ великъ только въ народныхъ характерахъ, въ нравахъ, которые изучилъ, къ которымъ присмотрѣлся. Всякая чуждая національность видимо его связываетъ и игра его въ роляхъ иностранныхъ много теряетъ своей свѣжести, истины и оригинальности. Причину этого надо искать въ его первоначальномъ образованіи; можно пожалѣть, что знакомство съ иностранными литературами не освоило его съ бытомъ, нравами и складомъ ума другихъ народовъ; съ другой стороны, можно сказать, что это незнаніе чужихъ національностей принесло ему большую пользу: оно заставило его больше углубиться въ русскую жизнь, въ ней искать элементы для своего таланта и придало его творчеству тотъ характеръ самобытности, которому мы такъ дивимся, который насъ восхищаетъ. Прибавимъ къ этому, что природа отказала Мартынову въ одной изъ главнѣйшихъ стихій комическаго таланта—въ *веселости*, этомъ обаятельномъ качествѣ, которое такъ заразительно и всегда имѣетъ такое сильное вліяніе на зрителя. Характеры, выводимые Мартыновымъ, какъ бы они забавны ни были, всегда положительны, серьозны, иногда даже мрачны: въ нихъ всегда проглядываетъ какая-то задушевная мысль, что-то въ родѣ страданія. Онъ можетъ быть добродушнымъ, разсѣяннымъ, на сценѣ, быть, что называется, въ духѣ, но рѣзвымъ и веселымъ никогда. Отсутствіе этого качества, можетъ быть, и заставило его глубже проникать въ самаго себя и отыскивать новыхъ пружинъ для возбужденія веселости въ зрителяхъ. Что другому достается дешевою цѣною природнаго дара, то онъ долженъ добывать трудомъ и глубокою обдуманностію. Веселость подкупаетъ зрителя и онъ уже на половину задобренъ въ пользу актера, который съ перваго шага умѣлъ быть веселъ. За то это свойство, какъ и хорошая память, заставляетъ иногда артиста дѣйствовать самонадѣянно, съ небрежностью, и мы видали даже примѣры, гдѣ это свойство губило великія дарованія и низводило истинныхъ художниковъ до степени забавниковъ.

Мартыновъ теперь еще въ полномъ развитіи; будущее представляетъ ему широкое поприще для совершенствованія и ус-

пѣховъ. Еще онъ не видалъ великихъ иностранныхъ комиковъ, Буффе, Арналя, Ашара, Гіасента, Тусе, Сансона, Ренье, Дёринга, Бекмана, а при его проницательности и художественномъ тактѣ, знакомство съ ними принесло бы обильные плоды. Жаль также, что упадокъ нашей драматической литературы не представляетъ для этого рѣдкаго дарованія довольно широкой арены, что у насъ вовсе не появляется комедій, гдѣ бы ему представились характеры полные, оконченные, хорошо развитые! Для такого художника, каковъ Мартыновъ, за границей повсюду явились бы авторы, чтобы обмѣняться съ нимъ обоюдными успѣхами!

Читатели вѣрно простятъ намъ, что мы такъ распространились объ артистѣ, который въ настоящую эпоху составляетъ одну изъ величайшихъ художественныхъ знаменитостей Россіи и котораго оцѣнка—есть прямая обязанность нашего журнала. По настоящему, намъ слѣдовало бы еще провести паралель между имъ и другими русскими комиками, но, во первыхъ, истинныхъ комиковъ у насъ такъ мало, во вторыхъ, Мартыновъ ни съ которой стороны нейдетъ съ ними въ сравненіе и въ третьихъ,

Хоть многое бы можно пояснить,
Да чтобъ гусей не раздразнить!

Приступимъ лучше къ отчету о его бенефисѣ.

Гони людовь хоть въ дверь, она войдетъ въ окно! — Увы и ахъ! что можетъ быть справедливѣе этого изрѣченія! И кто его не испыталъ между восмнадцатью и двадцатью пятью годами, между бредомъ головы и горячкою сердца, межлу ослѣпленіемъ Ромео и ревностью Отелло?

Я помню самъ—давно то было,
Въ лѣта порывовъ и стиховъ,
Когда мечта все золотила,
Когда я вѣрить былъ готовъ
Въ любовь и дружбу... помню я...

Тсъ! стой! ни слова больше, здѣсь откровеніямъ не мѣсто: дѣло идетъ о Надеждѣ Ивановнѣ Верховской, и о свойствахъ ея, стало-быть все постороннее въ сторону. Надежда Ивановна, видите ли, воспитана своею маменькою, Анною Андрѣевной Ланшевой, въ тѣхъ самыхъ правилахъ, въ которыхъ маменька сама была образована ея бабушкою. Правила эти очень простыя и общепонятныя для женскаго ума, они состоятъ въ слѣдующемъ: женщина должна жить на свѣтѣ для себя и не

для кого инаго; ей назначено повелѣвать — мужчинѣ повиноваться; желанія ея должны быть закономъ, прихоти—неизбѣжимой, естественной потребностью: если мужчина не исполняетъ первыхъ, онъ бунтовщикъ, если не уважаетъ послѣднихъ, онъ тиранъ; въ томъ и другомъ случаѣ ему надо мстить, чтобы поддержать свое достоинство. Женщина должна выходить за мужъ не за тѣмъ, чтобы любить своего мужа, почитать его, подчиняться его характеру, это все бредни, а за тѣмъ, чтобы быть свободной въ своихъ поступкахъ, имѣть щитъ для прикрытія достоинства въ маленькихъ сердечныхъ грѣшкахъ, и открытую шкатулку—для поддержанія его, посредствомъ модныхъ шляпокъ, блондъ, мантилій, кружевъ, экипажей и всякой другой дребеденью. Назначеніе дѣвушки выдти непремѣнно за мужъ, стало быть, она должна стараться понравиться жениху, а мужу ей ужъ нравиться не-зачѣмъ; всякой женихъ, какой-бы онъ ни былъ, непремѣнно будетъ мужъ, похожій на всѣхъ мужей, стало быть, при выборѣ должно справляться не съ своимъ сердцемъ, а съ карманомъ жениха. Выдти за мужъ для дѣвушки тоже, что выдти изъ подъ опеки для мальчика, т. е. получить полное право дѣлать все то, что прежде запрещалось, не знать ни чьей воли надъ собою и бросать деньги полными горстями безъ оглядки. Жена не должна входить въ обстоятельства и положеніе мужа; какое ей до этого дѣло, онъ хоть повѣсься, а подавай все, что ей надо; пусть онъ бьется, какъ рыба, работаетъ, какъ лошадь, разоряется, дѣлаетъ долги, хлопочетъ и отдувается, какъ знаетъ; ея дѣло,— смотрѣть на него не какъ на существо, ближайшее къ ея сердцу, а какъ на волшебный мѣшокъ съ деньгами и только припѣвать:

Надувайся, надувайся, мой любезный кошелекъ!

Таланты, любезность, грація должны пріобрѣтаться дѣвушкою для того, чтобы они на первый случай служили силками для поимки жениха, а потомъ, по замужествѣ, для блистанія въ свѣтѣ. Женихъ, имѣвшій однажды глупость жениться, есть уже плодъ, оторванный отъ заманчиваго дерева, изъ него можно иногда пожать сокъ, но особенно о немъ заботиться не стоитъ. Передъ нимъ можно ходить растрепой и неумойкою, развалиться на дивавѣ и зѣвать, изъ новыхъ нотъ дѣлать папильотки, ругаться съ утра до ночи съ горничными, онъ человѣкъ свой, домашній, притомъ самый скромный: сору изъ избы не вынесетъ, для своей же пользы; а кра-

сивые наряды, а музыка и танцы, а живой и милой разговоръ, словомъ, всѣ румяна и бѣлила—для свѣта, для общества, для другихъ: въ свѣтѣ могутъ быть интересы, надежды, виды, а дома что?—мужъ, старая, давно разгаданная загадка.

И такъ, всѣ эти добрыя начала женскаго воспитанія, всѣ эти назидательно-возвышенныя идеи, всѣ истинно материнскія наставленія могутъ быть сосредоточены въ три главныя правила: 1-е стараться поймать мужа; 2-е, держать его въ ежовыхъ рукавицахъ; и 3-е, пренебрегать имъ для поддержанія своего достоинства. Увы! Къ несчастію, много маменекъ, похожихъ на Анну Андрѣевну, и много выходитъ матерей семействъ, воспитанныхъ по ихъ методѣ. Но на этотъ разъ, о которомъ мы хотимъ говорить, дѣло приняло довольно счастливый оборотъ. Надежда Ивановна, дочь Анны Андрѣевны, успѣла уже исполнить первое правило своей маменьки; она поймала мужа, молодаго Верховскаго, человѣка богатаго и съ душою, который влюбился въ нее на пропалую. Комедія начинается въ минуту, когда должно осуществиться второе правило, т. е. надо прибрать мужа къ рукамъ. На бѣду, молодая жена сама влюблена, какъ перепелка, въ своего Базиля, у нея на него не поднимается рука, и маменька съ ужасомъ видитъ, что вмѣсто повелительницы, дочь ея можетъ сдѣлаться рабою своего мужа. Она спѣшитъ на помощь. Надинька становится покорною куклою, которая дѣйствуетъ по ниточкатъ, на которыхъ водитъ ее мать. Первымъ слѣдствіемъ вмѣшательства тещи въ семейное счастіе ея дѣтей, есть жаркая ссора между молодыми супругами изъ за какой-то тряпки, первая истерика жены и даже скачекъ ея въ окно, изъ втораго этажа. Мужъ въ отчаяніи, онъ видитъ въ женѣ воплощеннаго демона, но все не можетъ побороть своей любви къ ней. Они разъѣжжаются по разнымъ домамъ. Для тещи этаго мало: она хочетъ укротить дерзкаго бунтовщика и заставить его у ногъ жены вымаливать прощеніе. Подстрѣкаемый любовью и разлукою слабый смертный готовъ уже ей покориться; но, по счастію, къ нему заѣзжаетъ дядя, Шатровъ, человѣкъ опытный въ семейномъ блаженствѣ и въ женской натурѣ, который со славою кончилъ тридцатилѣтнюю войну съ своей покойницей. Онъ тотчасъ понялъ въ чемъ дѣло и заставляетъ племянника дѣйствовать по своему. Нашла коса на камень! Племянникъ волочится за крестьянками, ѣздитъ къ молоденькой вдовѣ сосѣдкѣ, жена начинаетъ ревновать; онъ сбирается за границу, жена въ отчаяніи. Начинаются мирные

переговоры — но не ладятся. Теща въ бѣшенствѣ: для поддержанія своего достоинства, она непремѣнно хочетъ развести супруговъ и только ищетъ къ тому предлога. Между тѣмъ, молодая жена отыскиваетъ средства къ сближенію съ мужемъ; дядя говоритъ ей, что на это есть только одно средство, войти къ нему тѣмъ-же путемъ, которымъ она отъ него ушла, именно—чрезъ окно. Жена управителя, Маша, укрѣпляетъ ее въ этомъ намѣреніи. Вечеркомъ, въ сумракахъ, онѣ приносятъ лѣстницу и Надинька отправляется по ней въ окно къ мужу. Дядя, между тѣмъ, посылаетъ извѣстить тещу, что зять заперся въ спальнѣ съ неизвѣстною женщиною. Вотъ и предлогъ къ разводу или къ поддержанію достоинства, какъ она это называетъ. Анна Андрѣевна является съ толпою слугъ, какъ свидѣтелей, со свѣчами, фонарями, и застаетъ измѣнника — съ своею дочерью! — Досказывать нечего: супруги счастливы, по крайней мѣрѣ, на эту минуту, но страшно за ихъ будущность: бѣда если воспитаніе и правила, внушенныя Надинькѣ ея чадолюбивою маменькою пустили корни въ ея сердцѣ! Но теща ихъ оставила, однимъ соблазномъ меньше: будемъ надѣяться всего лучшаго. Во всякомъ случаѣ, изъ послѣдствій ихъ жизни неистощимый Скрибъ вѣрно напишетъ еще комедію, такую-же умную и игривую, какъ эта.

П. С. Ѳедоровъ очень ловко перенесъ дѣйствіе изъ Франціи на русскую почву; это было ему тѣмъ удобнѣе, что главная мысль пьесы какъ-разъ въ пору нашимъ нравамъ, какъ будто выкроена по нашей мѣркѣ. Характеры лицъ хорошо выдержаны, положенія игривы и новы, языкъ живъ и дѣйствіе кипитъ на сценѣ. Пріятно встрѣтить такую пьесу на русской сценѣ, гдѣ подобныя встрѣчи становятся рѣдкостью.

Пьеса эта имѣла колоссальный успѣхъ на всѣхъ европейскихъ сценахъ, на русской ей не такъ посчастливилось, она нравилась — и только! Для выполненія ея нужны тонкая, умная, отчетливая игра, вѣрная обрисовка характеровъ и совокупность дѣйствія (ensemble), которыхъ нельзя требовать при бенефисной обстановкѣ на скорую руку. Довольно, если актеры, хоть *что-нибудь* запомнятъ изъ своихъ ролей и спустятъ ихъ *какъ-нибудь*; строгой обдуманности отъ нихъ и требовать невозможно. Лучше другихъ роли свои выполняли г-жи Жулева (*жену*) и Сосницкая (*маменьку*). Мужескія лица на этотъ разъ безропотно уступили пальму первенства женскимъ, вопреки нравоученію пьесы.

Господа Григорьевъ 1-й и Кажинскій почувствовали силь-

ное влеченіе составить оперу для Александрынскаго театра, вѣроятно вслѣдствіе сознанія музыкальныхъ способностей его труппы. Г. Григорьевъ написалъ либретто самаго страннаго, самаго неожиданнаго и поразительнаго содержанія; г. Кажинскій написалъ музыку, которая очень пріятно напоминаетъ произведенія Боэльдье, Обера, Герольда и всѣхъ композиторовъ игривыхъ, комическихъ оперъ. Къ несчастію, выполнять оперу должны были артисты, которые менѣе всего пѣвцы, гг. Мартыновъ, Марковецкій, Григорьевъ и др. и потому музыка въ этой оперѣ стала позади содержанія. Господинъ Жардовскій, страшный волокита, во избѣжаніе ревности молодой жены, придумалъ прехитрую штуку отвлекать ее отъ подозрѣній, въ минуты, когда она застаетъ его въ пастушескихъ объясненіяхъ съ другими. Онъ притворяется отчаянно разсѣяннымъ, обнимаетъ и цѣлуетъ всѣхъ хорошинькихъ женщинъ безъ разбора, и пріятельницъ жены, и своихъ просительницъ, и субретокъ, и модистокъ, словомъ, у этаго новаго Донъ-Жуана, въ полосатыхъ панталонахъ, никому спуска нѣтъ: онъ всѣхъ женщинъ вообще, по разсѣянности, принимаетъ за свою жену, и не стѣсняясь вслѣдствіе того даже ея присутствіемъ, явно гуляетъ на счетъ своей дражайшей половины. На бѣду онъ неосторожно проговорился о своей хитрости въ запискѣ, которая попадаетъ въ руки г-жи Жардовской. Смѣтливая жена не поднимаетъ пыли, по заведенному у женъ обычаю, не дѣлаетъ сцены, не вцѣпляется въ глаза невѣрному, но сама начинаетъ разыгрывать такую-же комедію. Принимая за мужа молодаго прапорщика Усикова, она расточаетъ ему любезности, даетъ цѣловать ручки и такъ далѣе, до той точки разсѣянности, на которой испуганный мужъ почитаетъ нужнымъ ее остановить. Видя, какъ заразительна разсѣянность, онъ проворно отъ нея выздоравливаетъ, безъ доктора и безъ помощи заграничныхъ источниковъ. Супруги живутъ теперь очень ладно. *Мужа* играетъ г. Мартыновъ, *г-жу Жардовскую* его жена: Мужъ хорошъ и жена не дурна!

АЙ ДА ФРАНЦУЗСКІЙ ЯЗЫКЪ! маленькая, физіологическая сценка, въ которой выведенъ старикъ прапорщикъ, выслужившійся изъ солдатъ и затѣявшій на старости обзавестись молоденькой женою. Канцеляристъ Травкинъ, влюбленный въ его невѣсту, вводитъ его въ просакъ, заставляя его выпить лишнюю рюмку, а невѣсту съ матерью заговорить по французски. Вся пьеска видимо написана для одного разсказа инвалида,

о томъ, какъ онъ служилъ первоначально на Черномъ морѣ и какъ тамъ были три брата Пырковы, Александра Сергѣичъ, Мануйла Сергѣичъ и Лаверьянъ Сергѣичъ. — Авторъ этой шутки въ первый разъ выступаетъ на драматическое поприще, у него есть юморъ, который онъ умѣетъ облекать въ живой, разговорный языкъ. Но для сцены въ этой шуткѣ слишкомъ мало дѣйствія и движенія, чтобы она могла возбудить драматическій интересъ.

—

Деньги, мать, отецъ и *невеста*, или *откуда что берется!* — Старая, но хорошенькая французская комедійка «Prosper et Vincent.» Завязка вся основана на двухъ мальчикахъ, удивительнаго сходства, которыхъ перемѣшала общая ихъ кормилица. Изъ этого выходитъ рядъ самыхъ смѣшныхъ событій и забавныхъ сценъ. Здѣсь большая задача для актера, который разомъ долженъ играть обоихъ молодыхъ людей, и Проспера, капитана, и Мишеля, лавочника, т. е. характеръ влюбленнаго благовоспитаннаго человѣка и комическаго простака, безъ всякаго образованія. Г. Марковецкій мастерски разрѣшаетъ эту задачу.

—

ЦАРСКОЕ СЛОВО или СВАТОВСТВО РУМЯНЦОВА. Историческая комедія, въ трехъ дѣйствіяхъ, соч. *П. И. Хмѣльницкаго*

ТРИ ПОЩЕЧИНЫ, или МОЛОДЫЕ НА РАЗНЫХЪ ПОЛОНАХЪ. Комедія-водевиль, передѣланная съ французскаго г. *Григорьевымъ 1.*

SALON POUR LA COUPE DES CHEVEUX. (**ЗАЛА ДЛЯ СТРИЖКИ ВОЛОСЪ**). Шутка въ одномъ дѣйствіи, соч. *Григорьева* 1.

БУКЕТЪ ЖИВЫХЪ ЦВѢТОВЪ.

(*Бенефисъ г-жи Вѣры Самойловой* 2.)

—

Сегодня настоящій праздникъ для нашей театральной лѣтописи! Въ предъидущемъ отчетѣ мы только-что говорили о великомъ комикѣ Мартыновѣ, теперь намъ представляется случай поговорить о г-жѣ Вѣрѣ Самойловой 2, этой молодой, даровитой артисткѣ, еще не такъ давно выступившей на театральные помосты и составляющей уже нынѣ первое украшеніе русской сцены! Впрочемъ, мы еще въ 1841 году, когда она впервые вышла въ роли Варвары Прозоровской, въ драмѣ «*Князь Серебряный*», предсказали ей этотъ успѣхъ, подобно тому, какъ предсказывали г-жѣ Альбони пальму первенства, которую она должна стяжать въ Европѣ, какъ пѣвица. Вотъ

прошло съ небольшимъ шесть лѣтъ съ тѣхъ поръ, и театръ, наполненный въ бенефисъ г-жи Самойловой лучшею петербургскою публикою, дождь цвѣтовъ и вѣнковъ и градъ рукоплесканій, сыпавшіеся на нее, ясно показываютъ, что предрѣченіе наше сбылось. Отъ всей души радуемся его осуществленію.

Вѣрѣ Васильевнѣ Самойловой *второй* дано природою все, что необходимо для хорошей артистки: привлекательная наружность, стройный, высокій станъ, пріятный, звучный голосъ, говорящіе глаза и подвижная, игривая физіогномія. Но все это только матерьялы для внѣшняго проявленія артиста. Но природа одарила ее еще тѣми двумя сокровищами, которыя составляютъ внутренняго человѣка, которыя не пріобрѣтаются ни навыкомъ, ни усиліями, ни подражательностію, словомъ, тѣми двумя клейнодами, которые одни образуютъ великихъ людей вообще, отличныхъ художниковъ въ особенности, именно — *умомъ* и *чувствомъ*. Посредствомъ этихъ-то двухъ качествъ г-жа Самойлова 2 сразу поняла требованія сцены и проникла въ тѣ таинства, которыя даютъ силу, энергію, увлекательность драматическому актеру; къ врожденной граціи, она присоединила манеры благородныя, каждый характеръ она старается напитать теплотою души, для каждаго чувства, ею вполнѣ понимаемаго, найти звуки въ своемъ сердцѣ, и потому каждое появленіе ея на сценѣ возбуждаетъ сперва интересъ, а потомъ невольное сочувствіе. Никогда вы не замѣтите въ В. В. Самойловой излишества жестовъ, столь обычнаго въ русскихъ актрисахъ и совершенно противнаго обычаямъ порядочнаго общества; но недополнять словъ жестами довольно трудно для тѣхъ, кто произноситъ ихъ безъ внутренняго убѣжденія, а просто, какъ заученную ребенкомъ фразу грамматики. Г-жа Самойлова жесты замѣняетъ игрою физіогноміи, интонаціею на слова, выраженіемъ глазъ, что придаетъ ея игрѣ прелесть и явно показываетъ, что она говоритъ не на вѣтеръ, но глубоко проникнута предметомъ своего осуществленія. Лучше всего можно постигнуть актрису въ хорошей комедіи, гдѣ требуется тонкость ума, смѣтка, попеременная игра чувства и воображенія. Мы видали г-жу Самойлову въ такихъ роляхъ и въ нихъ вполнѣ оцѣнили ея замѣчательное дарованіе. Пусть нѣкоторые критики упрекаютъ г-жу В. Самойлову въ подражаніи г-жамъ Плесси, Алланъ, Вольнисъ, упрекъ этотъ есть самый блистательный комплиментъ ея уму и любви къ искусству, самый крупный перлъ, какой только персіянинъ могъ бы поднести возлюбленной своей хуріи. Замѣчать достоинства великихъ артистовъ, усвоивать себѣ все то, что въ нихъ хорошо, въ актерѣ значитъ тоже самое, что въ живописцѣ изученіе классическихъ образцовъ, за что вѣроятно его никто не упрекнетъ. Г-жу Самойлову называютъ литографіей съ г-жи Плесси—это и невѣжливо, и несправедливо. Мы не имѣемъ привычки увлекаться патріотическимъ чувствомъ въ дѣлѣ искусства, потому что здѣсь оно рѣшительно

неумѣстно; мы уважаемъ талантъ, будь онъ отечественный или иностранный, но въ этомъ случаѣ скажемъ откровенно, что мы предпочитаемъ живую и бойкую литографію античной масляной картинѣ. Вы можете приписать это дурному вкусу, не будемъ спорить; но мы уважаемъ свой вкусъ, какъ онъ ни дуренъ, потому-что онъ основанъ на крайнемъ нашемъ разумѣніи, потому-что источникомъ ему служатъ эстетическое воззрѣніе на предметъ; потому, наконецъ, что онъ часть нашего убѣжденія. Въ искусствѣ, по нашему мнѣнію, первое мѣсто должны занимать *истина* и *натура*, гдѣ мы ихъ не видимъ, тамъ не сознаемъ непогрѣшимаго совершенства. На-примѣръ, въ сценическомъ искусствѣ есть два рода выраженія *декламація* и *дикція*, первая есть манера красиво, звучно, внятно передать стихъ или фразу, т. е. придать имъ блескъ и силу, вторая есть манера высказать, какъ чувствуешъ и понимаешъ этотъ стихъ или фразу, т. е. согрѣть ихъ теплотою собственной души, дать имъ выраженіе истины. Мы, разумѣется, предпочитаемъ дикцію. Есть люди, которые въ произведеніяхъ литературы ищутъ слога, правильности грамматической, риторическихъ украшеній; другіе хотятъ прежде всего видѣть въ нихъ мысль, и если она вѣрна, не обращаютъ вниманія на внѣшнюю ея форму. Вообще весь родъ человѣческій раздѣляется на два несогласные класса, на людей увлекающихся внѣшностію, и на людей требующихъ сущности. Какъ-же согласить ихъ вкусы, какъ сочетать ихъ понятія о вкусѣ?

Актеры бездарные, видя хорошихъ артистовъ, стараются перенять ихъ манеры и даже дурныя привычки, они ихъ *передразниваютъ*; но артистка, подобная В. В. Самойловой можетъ, глядя на хорошіе образцы, усвоивать себѣ ихъ образъ воззрѣнія на искусство, тонкости ихъ колорита, тайны ихъ постиженія, и изъ всего этого талантъ ея возпроизведетъ новые образы, не рабскія копіи, но геніальныя подражанія, въ родѣ Гётевскихъ подражаній древнимъ.

Упрекъ въ переимчивости палъ на г-жу Самойлову именно за роль, въ которой она превосходна, за роль *Эммы* въ водевилѣ «Три пощечины,» данномъ ею въ бенефисъ. Разскажемъ въ короткихъ словахъ его содержаніе:

Вчера Эмма праздновала свою свадьбу съ Полемъ, а сегодня она несчастлива до послѣдней крайности. Она не говоритъ съ мужемъ, не подпускаетъ его къ себѣ, дѣлаетъ ему все на-перекоръ и даже помышляетъ о разводѣ. Молодые провели ночь на разныхъ половинахъ, а первое утро въ ссорахъ. Но какая-же этому причина? Развѣ Эмму выдали противъ воли? Развѣ мужъ ея старикъ? Развѣ они не любятъ другъ друга? Ничего не бывало, все въ величайшемъ порядкѣ, а взаимная любовь ихъ даже переходитъ за предѣлы—всякаго порядка. Причина размолвки ревность со стороны молодой; убѣжденіе, что жена его ненавидитъ,—со стороны мужа. Эмма за день до свадьбы видѣла, какъ женихъ ея подбѣ-

галъ къ каретѣ, въ которой сидѣла молодая дама, съ которой онъ куда-то и уѣхалъ. Въ день свадьбы за столомъ ему подали записку женской руки, въ которой приглашали на свиданіе и онъ тотчасъ же послѣ обѣда отправился. Вечеромъ, молодая жена нашла въ его комнатѣ цѣлую связку любовныхъ писемъ..... Ударъ былъ нанесенъ, ревность вспыхнула, жить съ такимъ чудовищемъ невозможно! Вмѣсто того, чтобы объясниться съ мужемъ, Эмма посылаетъ за адвокатомъ и проситъ помочь ей развестись съ Полемъ. Адвокатъ говоритъ, что хорошо было бы, еслибъ мужъ занесъ на нее руку, тогда дѣло было бы въ шляпѣ, а что любовную интригу законъ въ резонъ не принимаетъ О, коли дѣло стало за пощечиной, Эмма ее получитъ непремѣнно. Является мужъ, она всячески старается его оскорбить, взбѣсить, вывести изъ терпѣнія и когда достигаетъ своей цѣли и уже подставляетъ щечку, пощечина всякой разъ достается не ей, а кому нибудь изъ лакеевъ. Наконецъ, выведенная изъ терпѣнія, она сама даетъ мужу пощечину.... да вѣдь какую! Разводъ становится для нее невозможнымъ и это большое счастіе, потому-что все дѣло объясняется, рѣшительно въ пользу Поля. Любовныя письма писаны не къ нему, а къ его пріятелю, и онъ взялся доставить ихъ дамѣ, съ которой видѣла его жена, чтобы спасти ее отъ подозрѣній мужа.

Изъ этого разсказа уже видно, какъ трудна и разнообразна роль Эммы, сколько въ ней страсти, нюансовъ, жизни.... повторяемъ, г-жа Самойлова исполнила ее превосходно. И вслѣдствіе того пьеса имѣла большой успѣхъ.

Комедія *Царское слово*, составлена Н. И. Хмѣльницкимъ изъ того-же анекдота, изъ котораго Кукольникъ почерпнулъ свой разсказъ: *Новый годъ*. Гвардіи маіоръ Румянцевъ затѣялъ жениться на дочери тщеславнаго помѣщика Полубояринова, которую мелькомъ видѣлъ въ ассамблеи. Онъ является свататься къ Полубояринову, когда того нѣтъ дома. Дочки его, провинціалки, вскормленныя деревенскими ватрушками и воспитанныя во всѣхъ предубѣжденіяхъ старины, дичатся людей вообще, отъ мужчинъ приходятъ въ ужасъ, а отъ военнаго готовы провалиться подъ полъ. Онѣ никакъ не рѣшаются принять гостя безъ отца, но двоюродная сестрица ихъ, Марья Андрѣевна Матвѣева, всегда жившая при дворѣ, побойчѣе ихъ, она берется сдѣлать гостю приличную встрѣчу. Входитъ Румянцевъ, плѣняется ею, открываетъ прямо свою страсть и дѣлаетъ предложеніе. Графиня Матвѣева не успѣла еще опомниться и открыть ему истину, какъ возвращается Полубояриновъ и Румянцевъ остается въ заблужденіи. Провинціальный дворянинъ радъ предложенію царскаго любимца; остается только испросить согласіе государя. Петръ Великій сперва самъ хочетъ посмотрѣть невѣсту, выбранную Румянцовымъ, и велитъ пригласить ее въ ассамблею. Пока у Полубояринова учитель танцованія преподаетъ урокъ менуэта, Петръ тихо подходитъ къ дверямъ, и къ несчастію,

видитъ, какъ старшая дочь Полубояринова капризничаетъ, ломается и не хочетъ танцовать. Онъ тутъ же рѣшаетъ, что свадьбѣ этой не бывать. Между тѣмъ и Марья Андрѣевна открываетъ Румянцову свое имя и проситъ у него извиненія въ недоразумѣніи, въ которое она его поставила. Бѣдный Румянцевъ пораженъ въ самое сердце; не менѣе его страдаетъ и виновница всей бѣды, потому-что она его страстно любитъ. Но о бракѣ нечего и думать: графъ Матвѣевъ родословный, имянитый вельможа, а Румянцевъ бѣднякъ и еще въ мелкомъ чинѣ. Но самъ государь, узнавъ обо всемъ, вызывается быть его сватомъ — и дѣло, какъ водится, ладится.

Въ этой пьесѣ очень много дѣйствующихъ лицъ, хотя дѣйствительныхъ характеровъ весьма немного; въ ней есть интересныя историческія воспоминанія, но мало драматическаго движенія: это понятно, вся интрига укладывается въ одинъ актъ, а ихъ три, стало-быть надо же ихъ было пополнить вводными лицами, побочными обстоятельствами, сторонними интересами, которые развлекаютъ зрителя и ослабляютъ главное впечатлѣніе драмы.

Разыграна эта пьеса очень хорошо. Особенно прекрасенъ г. Сосницкій, въ роли Полубояринова. Если можно сдѣлать какое нибудь замѣчаніе, такъ развѣ то, что женскіе костюмы, особенно дѣвицъ Полубояриновыхъ, немножко разногласятъ съ вѣкомъ Петра Великаго. Василисѣ Петровнѣ, живущей въ родѣ няньки въ домѣ Полубояринова, какъ ревностной приверженницѣ старины, также не мѣшало-бъ быть съ платочкомъ на головѣ и въ полу-русскомъ костюмѣ.

Зала для стрижки волосъ—фарсъ, придуманный для того, чтобы соединить въ одной пьесѣ первыхъ комиковъ трехъ труппъ, французской, нѣмецкой и русской: гг. Верне, Мора и Мартынова. Верне представляетъ француза-парикмахера и говоритъ ломаннымъ русскимъ языкомъ; Мартыновъ и Моръ приходятъ къ нему, одинъ завиваться, другой за накладкой, и говорятъ ломаннымъ французскимъ языкомъ. А говорятъ они о томъ, о семъ, а больше ни о чемъ Но публика смѣется — и этого довольно.

Въ заключеніе спектакля явился *букетъ живыхъ цвѣтовъ*, въ которомъ самая взыскательная критика не найдетъ ничего похулить, до того эти цвѣтки свѣжи, душисты, красивы, приманчивы. Всѣ эти розы, лиліи, незабудки, камеліи, васильки и проч. взлелѣяны въ теплицѣ Императорскаго Театральнаго Училища и роскошно въ немъ распустились. Букетъ связанъ изъ одинадцати красивѣйшихъ женщинъ русскаго театра: г-жъ Жулевой, Колосовой, Селезневой, Лукиной, Ѳаддѣевой, Ширяевой, Розановой, Радиной, Кесаревой, Гриневой и Мартыновой. Этотъ селамъ гораздо краснорѣчивѣе многихъ пьесъ, въ которыхъ онѣ говорятъ!

ѲЕДОРЪ КОНИ.

ИТАЛЬЯНСКІЙ ТЕАТРЪ.

—

Клятва (Il Giuramento). Мелодрама въ трехъ дѣйствіяхъ; музыка Меркаданте.

(Бенефисъ г-жи Джули-Борси.)

Манфредо, графъ Сиракузскій, влюбленъ въ Элоизу, иностранку, живущую при дворѣ его и влюбленную въ свою очередь въ Вишардо Беневентскаго, котораго она скрываетъ отъ преслѣдованій враговъ подъ именемъ своего брата. Въ сердцѣ Вишардо, благодарность борется съ любовью: преданный Элоизѣ, онъ ищетъ незнакомку, возбудившую въ немъ первое сладостное чувство, и узнаетъ ее въ Біанкѣ, женѣ Манфредо. Онъ прокрадывается къ ней, но это свиданіе прервано Элоизой: она грозитъ Біанкѣ, но узнавши въ ней спасительницу своего отца, жертвуетъ для нее своею любовью и искусно отвлекаетъ подозрѣнія Манфредо. Но Манфредо ревнивъ; на время успокоенный, онъ снова начинаетъ подозрѣвать жену напередъ и наконецъ рѣшается отравить ее, распустивъ слухъ объ ея смерти. Элоиза, принявшая все на себя, даетъ Біанкѣ, вмѣсто яду, сонный порошокъ и усыпленную переноситъ къ себѣ. Вишардо узнаетъ о смерти Біанки, узнаетъ, кѣмъ она отравлена, и грознымъ судьею приходитъ къ Элоизѣ. Отчаяніе страстной, любящей души, потерявшей всю надежду на взаимность, пожертвовавшей местію клятвѣ, волнуетъ Элоизу; она жаждетъ смерти и, видя съ глубокою тоскою разрушеніе своего счастія, сама обвиняетъ себя въ отравленіи Біанки. Месть заглушаетъ всѣ чувства въ душѣ Вишардо, и въ изступленіи онъ закалываетъ ее кинжаломъ. Но Біанка просыпается; онъ узнаетъ все, и бѣдная Элоиза умираетъ на его рукахъ, благословляя его послѣдними словами.

Вотъ содержаніе этой мелодрамы, изобилующей эфектными сценами и доставившей богатую канву для композитора. Теперь посмотримъ, что сдѣлалъ изъ нея Меркаданте.

Трудно судить о какой бы то ни было оперѣ, слышавъ ее только одинъ разъ; еще труднѣе вѣрно оцѣнить ее, когда кампозиторъ и манера его намъ вовсе незнакомы. Только желаніе скорѣе познакомить читателя Пантеона съ новою на нашей сценѣ оперою даетъ намъ смѣлость высказать не мнѣніе наше объ ней, а первое впечатлѣніе, произведенное ею. Въ послѣдствіи, когда мнѣніе наше установится, когда мы ознакомимся съ этою, во многихъ отношеніяхъ, новою для насъ музыкою, мы откровенно сознаемся, если найдемъ первое впечатлѣніе наше ошибочнымъ. Прямо ибезъ увертокъ выскажемъ мы тогда всѣ свои ошибки, потому что ошибаться не стыдно, а стыдно упорствовать въ заблужденіи, сознавая его.

Изъ всѣхъ оперъ Меркаданте, мы слышали только одну, Elisa e Claudio, и она оставила въ умѣ нашемъ такое смутное и неопредѣленное воспоминаніе, что мы должны судить объ этомъ маэстро только по его *Клятвѣ*. Значитъ все, что мы ни скажемъ объ немъ, объ его манерѣ, достоинствахъ и недостаткахъ, относится только къ ней и на ней одной опирается.

Мы никакъ не думаемъ поставить Меркаданте рядомъ съ Россини или Мейерберомъ, не можемъ даже не сознаться, что онъ во всѣхъ почти отношеніяхъ стоитъ ниже Верди, а все таки должны сказать, что онъ композиторъ замѣчательный, съ большимъ талантомъ и не слишкомъ часто встрѣчающеюся самобытностію. По мастерству инструментовки, онъ стоитъ выше Донизетти, хотя не такъ богатъ мотивами мелодическими; за то онъ оригинальнѣе плодовитаго творца *Лучіи*. Въ его аріяхъ болѣе самобытности, болѣе страсти и силы, чѣмъ въ лучшихъ мотивахъ Донизетти. Не возвышаясь до Беллиніевской полноты въ выраженіи чувствъ, не обладая ни мощною глубиною идей Донъ-Жуана, ни неподдѣльнымъ величіемъ и энергіею, поражающими въ Семирамидѣ, ни цѣлостію Роберта, ни драматизмомъ Верди, Меркаданте все таки кладетъ на музыку свою печать полноты и единства созданія и даетъ каждой партіи особый характеристическій отпечатокъ. Это не опера Донизетти, настоящій концертъ, гдѣ арія слѣдуетъ за дуэтомъ, секстетъ или тріо за аріей, безъ всякой внутренней связи; гдѣ тоноръ, басъ и сопрано поютъ вмѣстѣ или порознь, отличаясь только объемомъ,

а не характеромъ партіи. У Меркаданте, оркестръ хотя и не играетъ той роли, какъ въ операхъ Верди и особенно Мейербера, но и не служитъ простымъ акомпаньеманомъ пѣнія. Однимъ словомъ, музыка Меркаданте есть, если можно такъ выразится, музыка *эклектическая*. Не жертвуя ни оркестромъ въ пользу голосовъ, ни голосами въ пользу оркестра, онъ ищетъ средины, medium terminum, и довольно удачно согласуетъ требованія пѣнія съ эфектами оркестровки. Речитативъ его не пошлая послѣдовательность звуковъ, наполняющая кое-какъ промежутокъ между нумерами пѣнія, какъ постоянно видимъ у Донизетти и — увы! — иногда у даровитаго творца Нормы; онъ возвышается иногда до энергіи речитативовъ *Отелло* и *Семирамиды*; таковы напр. четвертая сцена I-го акта (Элоиза, Бруноро), шестая сцена II (Манфредо) и начало 2-й сцены 3-го акта (*Вишардо*, Біанка), особенно отъ словъ: Voi avete il veleno до S'io l'amava. Меркаданте не пренебрегаетъ хорами, но и неупотребляетъ ихъ во зло.

Первый актъ оперы il Giuramento, самый длинный, слабѣе прочихъ; но и въ немъ мы замѣтили многіе прекрасные нумера, какъ то: нѣжную, полную страсти, арію Вишардо (Belle, adorata incognita); прелестный хоръ (Era stella), предшествуемый весьма замѣчательною интродукціею, главный мотивъ которой повторяется флейтой въ акомпоньеманѣ хора; дуэтъ Элоизы и Біанки (Di Viscardo io sono amante), полный драматизма и получающій новую силу отъ искусно подготовленнаго контраста въ окончаніи его (Ma s'è ver che voi l'amate) и финальный кватуоръ (Elaisa in queste soglie), чрезвычайно удачно прерываемый хоромъ (All'armi!).

Во второмъ актѣ особенно замѣчательны: арія Вишардо (O barbaro mio fato), этотъ болѣзненный, выстраданный вопль души, растерзанной неожиданнымъ горемъ, оканчивающійся чудною музыкальною фразою; интродукція шестой сцены, гдѣ скрипки и віолончели, слегка поддерживаемыя духовыми инструментами, развиваютъ мотивъ, отзывающійся потомъ и въ хорѣ (Alla pace degli eltiet) и въ аріи Манфредо конецъ этой аріи (io t'imploro), поддерживаемый замирающимъ оркестромъ, вызываетъ слезу своею трогательною простотою; дуэтъ Элоизы и Біанки (Oh! qual nome pronunziaste) выше похвалъ: смѣло ставимъ его на ряду, если не выше знаменитаго дуэта Нормы и Адальгизы. Нѣжно льется финальная фраза, изъ сердца вылетаютъ чуждые звуки, и послѣ прерывистаго

Oh! piangi... piangi, abbracciami, замираютъ въ чуть слышномъ Jo scordo il mio tormento.

Третій актъ, украшеніе всей оперы, разнообразенъ и драматиченъ въ высшей степени. Послѣ речитатива, полнаго движенія, начинается арія Элоизы (Mancgli estremi istanti), дышущая глубокимъ религіознымъ чувствомъ и высокимъ самоотрѣченіемъ; безукрашенность, простота, можно сказать, нагота мелодіи придаютъ ей строгій и наивный характеръ. Входитъ Вишардо: одушевленный и энергическій речитативъ смѣняется чуднымъ, выразительнымъ *кантабиле* дуэта (L'adorava qual s'adora); любовь, нѣжность, ярость, мщеніе, все передаютъ страстные звуки. Вишардо грозитъ Элоизѣ; она въ отчаяніи, въ трепетѣ высказываетъ любовь свою; оркестръ переходитъ отъ одного мотива къ другому, темпъ ускоряется, колеблющееся tutti инструментовъ поддерживается барабанами и акомпанирующими аккордами скрипокъ; живѣе и громче, громче и живѣе льются звуки и это страшное, потрясающее душу crescendo оканчивается быстрымъ, неожиданнымъ переходомъ въ чуть слышное pianissimo lentemente, переходомъ, усиливающимъ грозное впечатленіе перваго мотива. — Опера оканчивается тихою, прелестною аріею умирающей Элоизы (Per me gia s'apre il cielo).

Что сказать объ исполненіи? Оно было такъ хорошо, что поразило даже насъ, привычныхъ къ превосходному пѣнію и отчетливой, художнической игрѣ нашихъ оперныхъ артистовъ.

Г. Тамбурини (Манфредо) свою довольно слабо очерченную роль исполнилъ какъ истинный художникъ: даже незначительнымъ пассажамъ онъ умѣлъ придать особенный колоритъ и характеръ, возвысившій ихъ и скрывшій слабость концепціи и отдѣлки. Такъ напр. ничтожную арію (Tremi, cada l'attèra Agrigento) онъ пропѣлъ съ такимъ неподдѣльнымъ одушевленіемъ, съ такою жизнію, что бѣдность мотива исчезла въ прелести исполненія.

Г. Гуаско (Вишардо) былъ также очень хорошъ отъ начала до конца; но въ дуэтѣ третьяго акта онъ превзошелъ самого себя. Сила и выразительность пѣнія, энергія и высокій трагизмъ игры, все это увлекало и очаровало публику. Какимъ грознымъ укоромъ прогремѣла роковая фраза речитатива.

Voi aveta il veleno... ed io... un pugnale! (*)

(*) У васъ былъ ядъ... а у меня... кинжалъ!

Сколько страсти, сколько отчаянной, безнадежной любви слышалось въ его репликѣ:

Se m'era cara?.. oh quanto! (*)

И какъ полно, какъ нѣжно полилась изъ устъ его нѣжная, страстная пѣснь (L'adorava)! Жадно слѣдите вы за нимъ, и кровь застываетъ при чудной музыкальной фразѣ:

La... prostratevi... piangete... (**)

выраженной энергически. И падаетъ Элоиза предъ нимъ на колѣна, и молитъ его; но мщеніе непреклонно; грозно вопрошаетъ онъ ее:

Bianca l'ebbe allor da te?

и съ жаромъ, съ одушевленіемъ рисуетъ страшную картину:

Del suo tiranno a pie cadea...
Bianca, in affanno, pieta chiedea...
Veduta a piangere, crudel, tu l'hai... (***)

Однимъ словомъ, вся сцена была исполнена г. Гуаско съ поразительною, высокою естественностію.

Г-жа Ангри, любимица публики послѣ *Семирамиды*, была очень хороша въ роли Біанки. Дуэтъ съ г-жею Борси и финальное тріо (Борси, Ангри, Тамбурини) втораго акта были исполнены ею превосходно.

Но царицею спектакля была сама бенефиціантка г-жа Борси. Роль свою, превосходно развитую композиторомъ, она передала полно, отчетливо и изящно. Переходы страсти, малѣйшіе оттѣнки были схвачены и выражены ею съ неподражаемымъ совершенствомъ. Но въ третьемъ актѣ, она была уже не актрисой, не пѣвицей, а женщиной, испытывающей и чувствующей все, выражаемое ею! Восторгъ публики не зналъ предѣловъ. Осыпанная нѣсколько разъ цвѣтами еще въ продолженіе спектакля, г-жа Борси, послѣ превосходно пропѣтой

(*) Была-ль мнѣ дорога?.. О, какъ!

(**) Молитесь... плачьте...

(***) А ты, ты сжалилась ли надъ Біанкой? Она припадала къ стопамъ тирана... въ томленіи, молила о жалости... а ты, жестокая, только смотрѣла на ея слезы...

финальной аріи, была вызвана болѣе двадцати разъ. Многочисленные почитатели ея высокаго таланта поднесли ей прекрасный золотой вѣнокъ, осыпанный рубинами; на листьяхъ его вырѣзаны всѣ роли, созданныя ею на нашей сценѣ. Говорятъ, около 300 человѣкъ участвовали въ этомъ подаркѣ. Г-жа Борси можетъ хранить его, какъ дань благодарности и восторга большинства Петербургской публики.

Бенефисъ г-жи Борси былъ настоящимъ праздникомъ и для бенефиціантки, и для слушателей.

г. г. п-ъ.

—

ПАНОРАМА

СОВРЕМЕННЫХЪ ТЕАТРОВЪ.

—

ФРАНЦІЯ.

Парижъ. Театральная жизнь идетъ здѣсь своимъ чередомъ; толки и крики объ Альбони умолкли; только изрѣдка, когда она является въ новой роли, журналы мимоходомъ задѣваютъ другъ друга; Дюпре по прежнему поетъ безъ голосу, одною методою; ему аплодируютъ на-пропалую, а между тѣмъ, чувствуя свое безсиліе, онъ принужденъ передавать весь свой репертуаръ, роль за ролью, болѣе счастливымъ соперникамъ, Пультье и Беттини, которые не имѣютъ и тѣни его таланта, но за то не успѣли еще *пропѣть* своего голоса. Поговариваютъ, что дирекція Большой Оперы ангажировала двухъ новыхъ теноровъ Роже и Гуаско; и давно пора, потому-что безъ тенора съ талантомъ и *съ голосомъ*, оперѣ нѣтъ спасенія; говорятъ также объ ангажированіи г-жи Віардо-Гарсіи, и о поставкѣ Мейерберова *Пророка*; даже утверждаютъ, что именно по требованію великаго композитора дирекція рѣшилась завестись новымъ теноромъ и примадонною. Г-жа Черрито-Сенъ-Леонъ съ мужемъ порхнула съ парижской сцены въ Венецію, подаривъ на память капельмейстеру Большой Оперы, Жирару, великолѣпный капельмейстерскій жезлъ. Новаго въ Большой Опера нѣтъ покамѣсть ничего; готовятъ *Роберта Дьявола*, который уже разучивается, подъ надзоромъ самого композитора.

Комическая Опера поставила новое произведеніе неутомимыхъ Скриба и Обера, оперу—*Гайде или Тайна*, въ трехъ дѣйствіяхъ;

это опера серія, и слѣдовательно должна бы быть представлена на театрѣ Большой Оперы, если бы композиторъ не сомнѣвался въ его средствахъ. Вотъ содержаніе этого новаго созданія двухъ знаменитыхъ сотрудниковъ: Лоредано, адмиралъ Венеціанской Республики, гроза турковъ, былъ бы прекрасный человѣкъ, если бы не было у него на душѣ одного грѣха: въ молодости, играя въ кости съ пріятелемъ своимъ Доменико, и проигравъ все свое имущество, въ минуту отчаянія, онъ покривилъ совѣстью, перевернулъ кость, и этимъ средствомъ обыгралъ Доменико, который съ отчаянія застрѣлился. Съ тѣхъ поръ Лоредано не имѣетъ минуты покоя; чтобы сколько нибудь загладить свое преступленіе, онъ взялъ къ себѣ воспитанницу Доменика Рафаэлю, отдалъ ей все имущество ея воспитателя, и намѣренъ на ней жениться, чтобы сдѣлать ее наслѣдницею и своего имѣнія; при этомъ онъ приноситъ ей въ жертву собственную свою любовь къ своей невольницѣ, прекрасной Кипріоткѣ Гайде. Но при Лореданѣ находится злодѣй, капитанъ Масиньери, приставленный для наблюденія за нимъ Венеціянскимъ Сенатомъ. Масиньери подстерегъ тайну Лоредана во время его сна, и пользуется этимъ, чтобы держать въ рукахъ адмирала. Онъ требуетъ руки Рафаэли, но получаетъ отказъ, потому-что Лоредано скорѣе погибнетъ постыдною смертью, чѣмъ отдастъ свою воспитанницу такому злодѣю. Злоба Масиньери еще болѣе усиливается, когда молодой дворянинъ, Андреа, служащій во флотѣ волонтиромъ, овладѣваетъ турецкимъ кораблемъ и получаетъ въ награду отъ адмирала начальство надъ этимъ кораблемъ, на который Масиньери мѣтилъ для себя. По возвращеніи въ Венецію, угрозы и козни Масиньери удвоиваются, въ особенности, когда онъ узнаетъ, что Андреа любитъ Рафаэлю, и что Лоредано отдаетъ ему ея руку, узнавъ въ немъ сына несчастнаго Доменико; онъ хочетъ донести Совѣту Десяти о преступленіи адмирала въ то самое время, какъ совѣтъ разсуждаетъ объ избраніи его въ достоинство дожа. Гайде, узнавъ о намѣреніи Масиньери, останавливаетъ его, и предлагаетъ ему свою руку въ награду за роковое духовное завѣщаніе, которое должно погубить ея возлюбленнаго; она царская дочь; присоединеніе Кипра къ республикѣ возвращаетъ ей свободу и богатство; Мосиньери прельщается ея предложеніемъ; но въ то же время Андреа принуждаетъ его драться, и убиваетъ его. Опера кончается, какъ слѣдуетъ, двумя свадьбами. Либретто,

какъ всѣ либретты Скриба, написано ловко, живо, съ знаніемъ сцены и требованій композиціи; къ тому же, композиторъ имѣлъ въ виду на первую роль молодаго артиста, Роже, съ прекраснымъ голосомъ и рѣдкимъ драматическимъ талантомъ; немудрено, что онъ создалъ оперу, достойную лучшихъ его временъ. Есть въ ней мѣста пошлые, напримѣръ аллегро въ ритмѣ вальса, оканчивающее увертюру, или шумное морское сраженіе во второмъ дѣйствіи; есть нумера растянутые, въ томъ числѣ два капитальные нумера оперы, дуэты Лоредана и Масиньери, Гайде и Лоредана въ третьемъ дѣйствіи; если хотите, можно винить композитора также за неумѣренное употребленіе баркаролъ: но за то есть мѣста превосходныя, богатыя мелодіею и полныя драматизма: лучшія изъ нихъ безспорно первая баркарола Лоредана, ноттурно на два голоса, Гайде и Рафаэли, арія Лоредана во второмъ дѣйствіи, баркаролла Гайде съ глухимъ хоромъ, въ родѣ нѣмецкихъ Brummlieder, куплеты Лоредана «Il faut mourir,» въ третьемъ дѣйствіи; всего же лучше сцена сомнамбулизма Лоредана въ первомъ дѣйствіи, когда онъ высказываетъ Масиньери все, что у него на душѣ, и отдаетъ ему роковое завѣщаніе, содержащее исторію его преступленія. Эта сцена представляетъ свѣжую, энергическую мелодію, смѣлыя модуляціи и оркестровые эфекты, поражающіе своею новостью и драматизмомъ. Роже, въ роли Лоредана, доказалъ въ сотый разъ, что ему нѣтъ роли не по силамъ, и что онъ такой же превосходный трагикъ, какъ и пѣвецъ. Опера вообще имѣла большой успѣхъ, вполнѣ заслуженный.

Кромѣ этой оперы Обера и пренесчастной оперетки какого-то г. *Шара*, съ текстомъ *Вандербурка* и *Деформжа*, явившейся на театрѣ Національной Оперы подъ именемъ *Медузиной головы*, лирическіе театры не представляютъ ничего новаго. Итальянская опера нѣсколько ожила съ поступленія въ ея труппу г-жи Альбони, которая для втораго дебюта являлась въ *Ченерентолѣ* и имѣла такой же огромный успѣхъ, какъ и въ Семирамидѣ. Г-жа Кастелланъ продолжаетъ очаровывать публику въ *Лучіи де Ламермуръ*. Маріо и Гризи примѣтно спадаютъ съ голосу; Персіани безпрестанно больна.

Но если лирическіе театры бѣдны новостями, то на драматическихъ за то ихъ не оберешься; правда, много между ними и такихъ, о которыхъ не стоитъ упоминать, двѣ-три даже были рѣшительно освистаны, однако-же и за исключеніемъ ихъ,

остается такъ много новыхъ пьесъ, что мы не знаемъ, съ чего начать. Развѣ съ самой послѣдней, тѣмъ болѣе, что она, по мнѣнію нѣкоторыхъ добрыхъ людей, есть *событіе* въ театральныхъ лѣтописяхъ; виноваты, мы считаемъ ее развѣ только событіемъ въ лѣтописяхъ малувательства! Эта знаменитая пьеса, которою такъ давно грозился знаменитый *возродитель* французскаго театра, авторъ *Этюды* изъ Шиллеровой трагедіи *Коварство и любовь*, и *вольнаго перевода* Гамлета, и будущій творецъ *вольнаго перевода* Мекбета, Александръ Дюма. Драма называется *Монте-Кристо* и скроена изъ всѣмъ извѣстнаго романа, она дѣлится на два вечера, а каждый вечеръ въ пяти дѣйствіяхъ; многія дѣйствія въ двухъ и въ трехъ картинахъ. Такъ какъ всѣ, вѣроятно, читали романъ, то мы не будемъ разсказывать новой драмы Дюма и Маке, а только означимъ общими словами содержаніе дѣйствій и картинъ, чтобы дать понятіе о томъ, какъ авторы распорядились своимъ матерьяломъ. Драма начинается прибытіемъ *Фараона* въ Марсельскую гавань; потомъ авторы переносятъ насъ въ домъ отца Эдмунда Дантеса, потомъ въ хижину Марседы. Во второмъ дѣйствіи трактиръ отца Памфила; Кадерусъ напивается, Донгларъ пишетъ роковое письмо, Ферновъ относитъ его къ королевскому прокурору, жандармы схватываютъ Дантеса. Свадьба Вильфора выброшена; къ нему приводятъ Дантеса для допроса; сюда же принесено свѣдѣніе Нуартье съ сыномъ, которое своею забавностью нѣсколько уменьшаетъ мрачность втораго дѣйствія. Въ третьемъ дѣйствіи тюрьма Дантеса и Фаріи, и ихъ знакомство. Въ четвертомъ зрители переносятся въ Парижъ, къ графу Марсерфу; Мерседа графиня. Угрозы Бертуччіо Вильфору, который ѣдетъ въ Отѣль. Вторая картина четвертаго дѣйствія представляетъ домъ Вильфора въ Отелѣ; Бертуччіо поражаетъ Вильфора въ то самое время, какъ онъ зарываетъ доказательства происхожденія новорожденнаго. На крикъ Вильдорфа выбѣгаетъ родильница, въ бѣлой юбкѣ и камзолѣ, и занавѣсъ опускается. Этотъ выходъ больной очень не понравился большей части публики; не находя его въ строгомъ смыслѣ непристойнымъ, мы только замѣтимъ, что онъ равно ни къ чему не ведетъ, и не содѣйствуетъ эфектности сцены; слѣдовательно не-зачѣмъ было оскорблять скромность зрителей. Пятое дѣйствіе опять происходитъ въ замкѣ Ифъ; сцена представляетъ вдругъ нумера обоихъ узниковъ и платформу часоваго. Дантесъ и Фарія готовы бѣжать, но лютая болѣзнь въ одинъ день поражаетъ аббата (въ романѣ

болѣзнь продолжается полгода). Первый вечеръ заключается бѣгствомъ Дантеса; вы видите, какъ онъ бросается въ море, какъ онъ достигаетъ скалы....

За тѣмъ авторы покорнѣйше просятъ зрителей поужинать, выспаться, справить свои ежедневныя дѣла, пообѣдать и потомъ возвратиться дослушать вторую половину драмы.

Дантесъ на острову *Монте-Кристо* съ спасшими его контрабандистами; они уходятъ на охоту, оставляя навольника одного. Дантесъ отыскиваетъ входъ въ пещеру, проникаетъ въ нее; контрабандисты, возвращаясь съ охоты, кличутъ его, ищутъ, и наконецъ отправляются безъ него; вслѣдъ за тѣмъ Дантесъ возвращается съ кладомъ. Во второмъ дѣйствіи, на постояломъ дворѣ Калеруса встрѣчаемъ мы контрабандиста Бертуччіо, и уродливую Карконту; потомъ приходитъ и аббатъ Бузони (Дантесъ), выслушиваетъ изъ устъ Кадеруса собственную свою исторію, узнаетъ, что отецъ его умеръ съ голоду, что невѣста, проплакавъ полтора года, вышла за другаго, даетъ разсказчику брилліантъ и уходитъ. Тутъ прелестная сцена, превосходно разыгранная Кастелемъ и Бутенемъ, въ которой брильянщикъ Жуаннесъ и Кадрусъ спорятъ о цѣнѣ брилліанта; наконецъ, торгъ состоялся, но гроза принуждаетъ Жуаннеса ночевать на постояломъ дворѣ; его рѣжутъ; защищаясь, онъ смертельно ранилъ Карконту. Третье дѣйствіе у смотрителя тюремъ Бовиля; денежная сдѣлка между нимъ, Марелемъ и повѣреннымъ римскаго банкирскаго дома, которая спасаетъ Мореля отъ банкротсва на три мѣсяца. Четвертое дѣйствіе въ Нимской тюрьмѣ, въ которой содержится Бертуччіо, обвиненный въ убійствѣ Жуаннеса; аббатъ Бузони обѣщаетъ его выручить, съ тѣмъ, чтобы онъ не измѣнилъ его тайнѣ. Вильфоръ также приходитъ въ тюрьму, узнать объ участи ребенка, зарытаго въ отельскомъ саду. Бертуччіо ничего ему не говоритъ; въ тоже время приходятъ его освободить, вслѣдствіе показаній аббата. Пятое дѣйствіе въ кабинетѣ Мореля; Юлія идетъ, куда ей было тайно назначено, и возвращается во-время, для выручки отца; въ тоже время извѣщаютъ о прибытіи *Фараона*. Декорація смѣняется и изображаетъ Марсельскую гавань, къ которой пристаетъ *Фараонъ*; всеобщая радость; Дантесъ, отнынѣ Монте-Кристо наблюдаетъ все со шлюбки. Этимъ заключается второй вечеръ. Десять дѣйствій, и все еще одинъ только прологъ. Сколько еще вечеровъ составитъ самая драма мести—не знаемъ. Неужели это сборище сценъ, изъ которыхъ очень многія болѣе

или менѣе эффектны, можетъ назваться драмою? Неужели это произведеніе драматурга, поэта? Какъ угодно, каждое новое произведеніе *фирмы* Александра Дюма, все болѣе и болѣе утверждаетъ насъ во мнѣніи, что если онъ былъ когда поэтомъ, то это время уже давно прошло, а теперь онъ только удивительно смѣтливый спекулянтъ и антрепренеръ. Его-то дѣйствія и громкія обѣщанія долженъ бы Скрибъ избрать, когда задумалъ написать комедію *Пуфъ;* онъ самое полное олицетвореніе этой печальной черты нашего вѣка. Но Скрибъ, имѣя передъ глазами такой превосходный образецъ, не замѣтилъ его, или, вѣроятнѣе, не хотѣлъ воспользоваться имъ. Впрочемъ, Скрибъ подарилъ насъ прелестною комедіею; авось-либо придетъ время, когда онъ же, или кто другой отдѣлаетъ по заслугамъ и этихъ торгашей, которые взбираются на ходули, кричатъ вездѣ о преобразованіи, возрожденіи искусства, о развитіи высокихъ идей, и, имѣя средства въ рукахъ, употребляютъ ихъ для удовлетворенія своего мелкаго тщеславія или жадности къ деньгамъ. Но возвратимся къ *Пуфу* Скриба.

Герой Скриба по своему также мастеръ пускать пуфы. Много лѣтъ онъ перебивался нѣсколькими тысченками доходу, какъ вдругъ узнаетъ, что братъ его умеръ въ какомъ-то венгерскомъ захолустьи, и оставилъ ему въ наслѣдство три милліона. Дегоде отправляется въ Венгрію, напутствуемый поздравленіями и добрыми желаніями толпы пріятелей, встревоженныхъ этимъ внезапнымъ слухомъ. Пріѣхавъ въ Венгрію, онъ дѣйствительно находитъ три милліона наслѣдства, но сверхъ того еще три милліона долговъ. По расплатѣ съ кредиторами, у него остается отъ всего наслѣдства только полуразвалившійся домъ на концѣ Парижа. Съ горестью поѣхалъ онъ обратно во Францію; больно ему было явиться передъ новоприобрѣтенными друзьями такими же гольяками, какъ онъ самъ былъ прежде. Но Дегоде малый догадливый; раздумывая о своемъ положеніи, онъ смекнулъ, что не въ томъ дѣло, чтобы быть дѣйствительно богатымъ, а въ томъ, чтобы люди считали тебя богатымъ. Онъ такъ и распорядился: пріѣхалъ въ Парижъ и не открываетъ никому своей неудачи, не разувѣряетъ никого въ своемъ богатствѣ, но живетъ такъ же скромно и скупо, какъ въ прежнее время, соразмѣряя расходы съ настоящимъ положеніемъ своего состоянія. Прежде его считали человѣкомъ благоразумнымъ, но никто не хотѣлъ его знать; теперь же всѣ его бранятъ старымъ скрягою, а всѣ къ нему льнутъ, вельможи, капиталисты,

литераторы, въ томъ числѣ и маркизъ Мариньянъ, къ великой радости его дочери Коринны Дегоде, которая утѣшается въ своихъ дѣвическихъ неудачахъ литературою и ученостью. Мнѣніе о богатствѣ Дегоде такъ обще и твердо, что по смерти богатаго пріятеля его, Деларошa Бернара, его назначаютъ опекуномъ Антоніи Деларошъ, какъ человѣка, по своему огромному состоянію не способнаго поживиться чужимъ добромъ. Антонія привлекаетъ въ домъ Дегоде множество посѣтителей, въ которыхъ Коринна видитъ поклонниковъ своего таланта. Никто, однако-же, не обращалъ на нее вниманія, увлекаясь красотою Антоніи. Самъ даже Мариньянъ, хотя и ученый и академикъ, предпочиталъ хорошенькіе глазки и очаровательное невѣжество Антоніи педантизму и учености Коринны; немудрено, впрочемъ, что онъ, какъ человѣкъ опытный въ пуфѣ и пронюхалъ оригинальный пуфъ Дегоде, и столько же вѣрилъ его милліонамъ, сколько уму его дочери. Коринна же любитъ его, а Антонія любитъ другаго; съ общаго согласія составляютъ онѣ заговоръ, чтобы обратить Мариньяна на надлежащій путь. Коринна очень хорошо понимаетъ корыстные виды Мариньяна, и, чтобы отвратить сердце его отъ Антоніи, старается поколебать вѣру его въ ея богатство, увѣряя, что оно сильно потрясено неудачными спекуляціями Максансе, которому отецъ Антоніи ввѣрилъ свои капиталы. Къ-несчастію, она записала замыселъ свой въ свои *замогильныя записки*, которыя всегда открыты на ея столѣ, и Мариньянъ узнаетъ его. Что можетъ быть благопріятнѣе пуфисту? Когда при множествѣ свидѣтелей, открывается разстройство дѣлъ и разорѣніе Антоніи, онъ выслушиваетъ вѣсть спокойно и подписываетъ свадебный контрактъ. Пуфъ былъ задуманъ мастерски, но судьба хотѣла сама подшутить надъ шутникомъ; извѣстіе о разореніи Максансе и Антоніи было справедливо. Можете себѣ представить отчаяніе Мариньяна, этой жертвы собственнаго своего пуфа. Однако-же, судьба только погрозила ему, она не хотѣла изъ за него погубить и Антонію; перемѣна биржеваго курса разомъ дала другое направленіе дѣламъ Максансе; судьба же ухватилась за другой мастерской пуфъ Мариньяна, чтобы удовлетворить Антонію и Коринну. Ученый академикъ напечаталъ книгу объ алжирской области, которую будто бы составилъ по собственноручнымъ запискамъ генерала Сентъ-Авольда. Къ несчастію, когда авторъ читаетъ въ дружескомъ кругу неизданные еще отрывки своего сочиненія, въ числѣ слушателей находится Альберъ, молодой офицеръ Африканской арміи, возлюбленный Антоніи; онъ замѣ-

чаетъ неточности въ сочиненіи почтеннаго академика, который въ отвѣтъ на его замѣчанія даетъ ему рукопись, Альберъ узнаетъ въ ней вмѣсто историческихъ записокъ генерала Сентъ-Авольда, собственный свой романъ, писанный имъ въ Африкѣ. Какой стыдъ Мариньяну, если этотъ новый пуфъ его откроется! что будутъ о немъ говорить враги? Онъ принужденъ сдаться на капитуляцію; Альберъ обѣщаетъ молчать на томъ только условіи, чтобы онъ уступилъ ему Антонію. Въ утѣшеніе Мариньянъ женится на Коринне.

Другой знаменитый французскій драматургъ, Баяръ, написалъ также прелестную комедію въ трехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ, игранную на Французскомъ театрѣ, подъ названіемъ: «*Карточный замокъ*» Вотъ ея содержаніе. Г-жа Дюранъ пречестолюбивая женщина, которая во что бы ни стало, намѣрена облагодарить слишкомъ мѣщанское имя своего мужа, проведя по его по лѣствицѣ государственныхъ должностей, чрезъ государственный совѣтъ, палату депутатовъ или даже теплую префектуру. Г. Дюранъ, напротивъ, страшный любитель покоя; онъ незнаетъ другихъ почестей, кромѣ закладовъ на скачкахъ, другой дипломаціи, кромѣ сплетень сосѣдей и общественныхъ обѣдовъ, поэтому онъ не хочетъ слышать ни о какой должности, какъ бы она ни была выгодна и удобна. Когда терзаемая честолюбіемъ г-жа Дюранъ заговоритъ объ открывшейся вакансіи на мѣсто префекта или сборщика податей, мужъ отбивается руками и ногами; мало того, что онъ самъ не схолитъ къ благосклонному покровителю, онъ вытолкалъ бы его за дверь, еслибъ тотъ явился къ нему. Несмотря на все это, г-жа Дюранъ надѣется переупрямить мужа, и волею не волею посадить его префектомъ въ Лиможѣ, на мѣсто умершаго барона д'Анженни. Она принимаетъ мѣры, дѣлаетъ распоряженія, бѣдный Дюранъ въ отчаяніи; онъ видитъ, что министерская милость виситъ у него надъ головою, а у него нѣтъ даже соперника, котораго бы онъ могъ противупоставить женѣ. Наконецъ, однако-же, онъ нападаетъ на двоихъ—на своего двоюроднаго братца Шарля Сольe, который всѣмъ бы годился, но слишкомъ влюбленъ въ г-жу д'Анженнъ; другой, Дефленъ, самый дерзкій, самый неутомимый искатель; не имѣя никакого права, онъ вездѣ продерется, шумитъ, копошится, хитритъ. Такой-то человѣкъ и нуженъ Дюрану; въ немъ одномъ видитъ онъ свое спасеніе; для большей вѣрности успѣха, Дюранъ передаетъ заранѣе Дефлену всѣ мѣры своей жены, всѣ ея представленія и просьбы,

такъ, что Дефленъ вездѣ поспѣваетъ получасомъ прежде ея; этого еще мало; Дюранъ отдаетъ Дефлену рекомендательное письмо къ министру, написанное въ его собственную пользу, и долженствующее непремѣнно доставить ему мѣсто. Г-жа Дюранъ узнаетъ всѣ продѣлки, однакоже не унываетъ. Она видя, что честолюбіемъ на Дюрана не подѣйствуешь, пускается на хитрости, старается подѣйствовать на него ревностью; она показываетъ ему письмо, написанное Шарлемъ къ баронессѣ д'Анжеенъ, увѣряетъ, будто оно писано къ ней самой, и умоляетъ мужа удалиться отъ дерзкаго преслѣдователя, и ѣхать префектомъ въ Лиможъ. Средство оказалось дѣйствительнымъ; ревность гоняетъ Дюрана по всѣмъ министрамъ и покровителямъ, и такъ гоняетъ его, что онъ обгоняетъ Дефлена. Г-жа Дюранъ не нарадуется на его усердіе, и падаетъ въ обморокъ отъ восторга, узнавъ, что всѣ ея старанія увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Но какова ея досада, когда она узнаетъ, что мѣсто дано не ему, а Шарлю Солье: «Ты хотѣла уѣхать отъ него въ Лиможъ, говоритъ ей мужъ; по моему лучше его туда отправить!» Шарль много не споритъ; отказывается отъ очаровательной баронессы, ѣдетъ въ Лиможъ, и въ придачу къ упавшей съ неба префектурѣ беретъ дѣвицу Дефленъ, которою до сихъ поръ пренебрегалъ. Эта комедія, живая, замысловатая, остроумная, какъ всѣ произведенія Баяра, разыграна превосходно. *Прово* въ роли Дефлена создалъ истинный типъ неутомимаго искателя; *Ренье* прекрасенъ въ роли Дюрана; г-жа *Брюганъ* также очень хороша въ роли г-жи Дюранъ, но глядя на нее, мы невольно подумали, что эта роль назначалась по настоящему талантливой артисткѣ, которую у Парижа похитилъ нашъ Петербургъ, г-жѣ Вольнисъ.

Г. Бешаръ, молодой литераторъ, являющійся въ первый разъ передъ публикою на театрѣ *Одеона*, съ комедіею въ трехъ дѣйствіяхъ: *Испытанія великаго человѣка*, представляетъ намъ какъ будто въ противуположность къ миролюбивому Дюрану, богатаго, честолюбиваго торговца. Джобсонъ, пивоваръ мильонеръ, представилъ себя въ кандидаты, на званіе депутата; много ему хлопотъ съ выборами; наконецъ, однако-же, отрѣченіе его противника успокоиваетъ его. Этотъ противникъ какой-то пройдоха, Джонъ-Пунчъ, составившій себѣ имя и состояніе основаніемъ журнала, который за деньги поддерживаетъ частные интересы. Отрѣченіемъ отъ кандидатства, Джонъ-Пунчъ снискалъ дружбу пивовара и уговариваетъ его отдать свою дочь Марію за его родственника, графа Андерсона. Но Марія

не желаетъ быть графинею, потому-что любитъ своего двоюроднаго брата, Генриха, молодаго адвоката, богатаго одними надеждами. Джобсонъ слышать не хочетъ о такомъ зятѣ, прогоняетъ племянника, и объявляетъ дочери, что она будетъ графинею. И почему же не быть? Въ супружествѣ соединяютъ не жениха съ невѣстою, а два мѣшка денегъ, слѣдовательно, на одно только и слѣдуетъ обращать вниманіе: подъ пару ли мѣшки. Марія не согласна съ этимъ ученіемъ; однако-же она не смѣетъ противиться волѣ отца; къ счастью, добрый ангелъ вступается за влюбленныхъ, и выручаетъ ихъ; этотъ добрый ангелъ — кузина Маріи, Жульетта. Она начинаетъ съ того, что крадетъ чудесную рѣчь, которую Джобсонъ долженъ произнести въ этотъ день въ Нижней Палатѣ. Надо вамъ сказать, что Джобсонъ великій ораторъ, къ крайнему изумленію Джона-Пунча, который никакъ не можетъ понять, откуда у него берется такое краснорѣчіе; да и не мудрено, что не понимаетъ, это знаетъ одна Жульетта; она одна знаетъ, откуда являются готовыя рѣчи на столѣ дяди. Представьте себѣ отчаяніе пивовара-депутата, когда онъ не находитъ обычной порціи краснорѣчія; народъ толпится, чтобы слушать его, а онъ долженъ молчать. Джонъ-Пунчъ торжествуетъ; онъ изъ-подъ руки оскорбляетъ Джобсона въ одной газетѣ, объясняя молчаніе оратора ссорою съ секретаремъ. Чтобы уничтожить клевету, надо или драться съ журналистомъ, или произнести громовую филиппику на клеветниковъ; несчастный пивоваръ дрожитъ при одной мысли о дуэли, а филиппикъ писать не умѣетъ; ему остается послушаться Джона-Пунча и отречься отъ званія депутата. Пунчъ уже заранѣе радуется своему счастью, какъ вдругъ узнаютъ, что кто-то уже стрѣлялся за Джобсона, и принудилъ журналиста отречься отъ своихъ словъ; кстати, отыскивается и рѣчь, съ новыми доводами, и съ выходкою на клеветниковъ. Возвращаясь въ восторгѣ изъ палаты, послѣ самаго блестящаго для него засѣданія, Джобсонъ застаетъ у ногъ своей дочери племянника Генриха; но смягчается и соглашается на свадьбу, узнавъ, что Генрихъ выходилъ за него на дуэль, и что онъ же сочинитель рѣчей; къ тому же онъ богатъ, благодаря извѣстности, которую онъ пріобрѣлъ своимъ талантомъ. Джобсонъ въ восторгѣ отрекается отъ званія депутата въ пользу зятя, а Джонъ-Пунчъ остается съ носомъ.

Авторъ этой комедіи, Фредерикъ Бешаръ, человѣкъ съ несомнѣннымъ талантомъ; есть у него недостатки, на-пр. любовь

Жульетты къ Андерсону, затѣмняетъ лучшую сторону ея характера, тѣмъ болѣе, что къ концу пьесы она совершенно исцѣляется отъ этой любви; характеръ Пунча также не совсѣмъ выдержанъ; уловка съ рѣчами, являющимися неизвѣстно откуда, помнится намъ, уже употреблена въ нѣсколькихъ пьесахъ; со всѣмъ тѣмъ, однако-же, пьеса г. Бешара ведена умно, живо, естественно, представляетъ много наблюдательности и стремленіе автора выражать идеи. Вступленіе его на поприще драматической литературы было самое лестное.

15-го января, праздновалась 226-я годовщина рожденія Мольера; какъ водится, и во Французскомъ театрѣ и въ Одеонѣ давались пьесы великаго комика; въ первомъ *Донъ-Жуанъ* и *Мнимый больной*; во второмъ *Тартюфъ*, Les précienses ridicules, и крошечная комедія, или скорѣе анекдотъ въ одномъ дѣйствіи, въ стихахъ, *г. Легюильона*: Le protégé de Molière. Это старая сказка о томъ, какъ Расинъ, влюбленный въ г-жу Мольеръ, чрезъ нее представляетъ свое сочиненіе на сужденіе Мольера; знаменитый комикъ, изумленный дарованіемъ молодаго поэта, принимаетъ его какъ роднаго, и предсказываетъ ему успѣхъ и славу. Между тѣмъ два мелкіе стихокропателя, Леклеркъ и Корасъ, стараются поссорить Мольера съ Расиномъ, внушая ему сомнѣнія на счетъ вѣрности жены; но истина торжествуетъ, и Расинъ остается другомъ, сыномъ Мольера. Пьеса, какъ водится въ такихъ случаяхъ, приправлена ѳиміамокуреніями Мольеру и обращеніями къ публикѣ, и въ особенности къ *юному поколѣнію*, и тому подобными спеціями. Много ли прибудетъ отъ того славы Мольеру и пользы *юному поколѣнію*, то-есть, не сошедшему еще съ школьныхъ лавокъ, не знаемъ; что же касается до прочихъ зрителей, имъ скука и тоска смертная. Кстати, г. Легюильонъ обѣщаетъ поставить въ скоромъ времени комедію, подъ названіемъ *Послѣдній Фигаро;* если вѣрить слухамъ, это должно быть произведеніе очень любопытное: оно должно представить родъ волшебнаго фонаря, въ которомъ пройдутъ всѣ характерическія эпохи французской жизни въ истекшую половину вѣка.

Театръ *Всякой Всячины* (Ambigu-Comique), поставилъ наконецъ давно обѣщанную драму покойнаго Фредерика Сулье, *Гортензію де Бланжи*, въ трехъ дѣйствіяхъ, съ прологомъ г. Берую, друга Сулье. Эту драму чрезвычайно хвалятъ, и много аплодируютъ ей; но кажется, имя автора болѣе содѣйствуетъ ея успѣху, нежели достоинство самаго произведенія. Дервилье нѣког-

да любилъ Гортензію де Бланжи, когда она еще была женою старика; теперь она вдова, свободна, но счастіе для нея невозможно. Дервилье слишкомъ рѣзко выразилъ свое мнѣніе о женщинѣ, въ которой страсть восторжествовала надъ долгомъ, свое презрѣніе къ человѣку, который согласится жениться на такой женщинѣ. Онъ самъ сватается на Амаліи, дочери Дюперона. Гортензія отвѣчаетъ презрѣніемъ на измѣну прежняго своего любовника; она рѣшается уѣхать, но передъ отъѣздомъ посылаетъ Дюперону ящикъ, заключающій ея переписку съ Дервилье; эта переписка показываетъ въ ней женщину благородную и мужественную, въ которой страсть только послѣ отчаянной борьбы восторжествовала надъ долгомъ. Амалія не хочетъ выходить за Дервилье, а онъ отказывается отъ прежняго образа мыслей, и женится на Гортензіи. Изумительная мораль!

Презабавная новая пьеска играется на сценѣ Драматической Гимназіи: *Средство не давать подарковъ на новый годъ*, сочиненіе *Лабиша* и *Лефранка*. Тувенель и Дюпитонъ держатъ вмѣстѣ шпалерную фабрику, которая, несмотря на всѣ ихъ старанія и усилія, даетъ имъ не болѣе двухъ тысячъ франковъ въ годъ барыша на каждаго; а супруги ждутъ отъ нихъ чудесныхъ подарковъ къ новому году; г-жа Тувенель не можетъ ни на минуту забыть кружевной шарфъ, видѣнный ею въ одномъ магазинѣ, а г-жѣ Дюпитонъ страхъ-какъ приглянулась брильянтовая брошка. Мужья, пожалуй, могли бы удовлетворить ихъ прихоти, если бы не кружили имъ головъ двѣ красавицы, къ которымъ также нельзя явиться безъ новогодныхъ подарковъ; вотъ они и думаютъ, нельзя ли отложить подарки женамъ до слѣдующаго года; стоитъ только найти предлогъ съ ними повздорить. Дюпитонъ принимается нюхать табакъ и дуть въ выдохлый кларнетъ, а Тувенель потрясаетъ домъ густыми звуками офиклеиды. Но и жены себѣ на-умѣ; онѣ тотчасъ смекнули въ чемъ дѣло, и какъ дорогіе сожители ни терзаютъ имъ носовъ и ушей, онѣ съ каждымъ часомъ все милѣе и любезнѣе. Наконецъ, Тувенель придумываетъ другое средство: «Ты приволокнись къ моей женѣ, говоритъ онъ пріятелю, а я стану волочиться за твоею; по данному знаку, я войду и застану тебя у ногъ моей жены; потомъ точно также поступимъ мы и съ твоею супругой.» Сказано, сдѣлано: но проказницы, подслушавшія разговоръ своихъ почтенныхъ супруговъ, принимаютъ волокитъ такъ любезно, такъ кокетливо, что пріятели замышляютъ уже кромѣ шутокъ украсить другъ другу лбы. Дюпитонъ спѣшитъ купить г-жѣ Тувенель шарфъ, а Тувенель ска-

четъ за бральянтовою брошкою для г-жи Дюпитонъ. Можете себѣ представить досаду и стыдъ мужей, когда они видятъ, какъ ихъ ловко одурачили жены; они извиняются, какъ умѣютъ, и даютъ себѣ слово въ другой разъ добровольно покоряться обычаю и прекрасному полу.

Недурна также новая пьеска театра Разнообразія, *Маркизъ де Лозенъ*, Кармуша и Вермона. Она не нова по вымыслу, не замѣчательна по формѣ; но въ ней много остроумія и веселости, а дивная игра г-жи Дежазе, въ роли маркиза, спасетъ и не такую пьесу. Маркизъ де Лозенъ отыскиваетъ наслѣдство, которое у него оспориваетъ какая-то нѣмецкая графиня Матильда. Три имперскіе совѣтника назначены для рѣшенія тяжбы. Маркизъ, отправляясь въ Германію, узнаетъ, что судьи къ нему очень нерасположены, и что одинъ изъ нихъ, баронъ Геренсфорстеръ, даже опекунъ графини Матильды. Можно бы, пожалуй, замѣтить, что ни по какому законодательству не позволяется быть судьею въ собственномъ дѣлѣ, но у водевилистовъ свои законы, въ которыхъ нѣтъ ничего общаго съ исторіею и здравымъ смысломъ. Какъ бы то ни было, но Лозенъ рѣшается очаровать судей и склонить ихъ на свою сторону; провѣдавъ ихъ слабые стороны, онъ принимается за дѣло. Г. Бухенсбергъ страшный латинистъ, поклонникъ Горація, помѣшанъ на старыхъ изданіяхъ, и обладаетъ лучшимъ изданіемъ своего любимаго поэта, которое носитъ при себѣ, въ роскошномъ футлярѣ. Лозенъ прикидывается такимъ же любителемъ латыни, безпрестанно воспѣваетъ хвалы Горацію, и ученый судья обѣщаетъ ему свое покровительство. Второй судья, баронъ Геренсфорстеръ имѣетъ другую слабость: онъ проводитъ жизнь на охотѣ, или за бутылкою ренвейна. Лозенъ сходится съ нимъ въ трактирѣ, въ охотничьемъ нарядѣ, пьетъ втрое болѣе его, напивается до того, что его принуждены отсти домой на рукахъ. Можно ли устоять противъ такого героя; баронъ въ порывѣ энтузіазма забываетъ даже, что онъ опекунъ графини, и рѣшаетъ, что никто не можетъ быть достойнѣе такого пьяницы получить имѣніе. Третій судья находится подъ башмакомъ жены; Лозенъ волочится за нею, и тѣмъ приобрѣтаетъ его голосъ. Послѣ этого, весьма естественно, что тяжба рѣшается въ пользу маркиза; а чтобы не обидѣть графиню Матильду, онъ женится на ней, ибо узналъ въ ней незнакомую особу, которой давно отдалъ свое сердце.

Мы могли бы назвать еще цѣлый рядъ новыхъ пьесъ, съ большими или меньшими претензіями, болѣе или менѣе неудач-

ныхъ; *Цецилію Лебренъ*, г-жи Ансело, которая упала самымъ торжественнымъ образомъ; *Христофора Коломба*, трагедія Десена, которой герой болѣе похожъ на ярморочного пройдоху, чѣмъ на геніальнаго мореплавателя, открывшаго новую часть свѣта; *Лафатера*, и проч, и проч.; но кажется лучше уволить отъ этой скуки и себя и читателей, и обратиться къ двумъ пьесамъ, сочиненнымъ на прощаніи съ минувшимъ 1847 годомъ. Это такъ называемыя revues (смотры); одна изъ нихъ играна на театрѣ Одеона, другая на театрѣ Сен-Мартенскихъ воротъ.

Revue Одеона называется *Послѣднимъ пиромъ 1847 года* (Le dernier banquet de 1847), она въ двухъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ, соч. Камилла Дусе, уже извѣстнаго нѣсколькими хорошенькими комедіями. Это первая пьеса такого рода, являющаяся на сценѣ первокласснаго театра; до сихъ поръ онѣ принадлежали только мелкимъ театрамъ; впрочемъ въ нихъ нерѣдко, подъ видомъ беззаботной шутки, гораздо больше наблюдательности и сатиры, чѣмъ во многихъ пьесахъ крупнаго репертуара; къ этому числу принадлежитъ и revue г. Дусе. Тутъ проходятъ передъ вами, среди града шутокъ, остротъ, каламбуровъ, и магнетизеръ Бальзака, и балетъ безъ танцовщиковъ, и пѣвецъ, утратившій голосъ но сохранившій методу, и Вѣгошникъ, и Гамлетъ, и сдавшійся Абдель-Кадеръ, словомъ, это калейдоскопъ, составленный изъ всѣхъ событій канувшаго въ вѣчность 1847 года. Признаемся, вдесятеро пріятнѣе смотрѣть эту беззаботную, иногда впрочемъ и ѣдкую шутку, чѣмъ драмы на ходуляхъ Историческаго театра.

Revue театра Сен-Мартенскихъ воротъ принадлежитъ перу братьевъ Коньяровъ, и называется: *Преставленіе свѣта*. Бонниваръ, отказавшись отъ торговли, поселился у Адской заставы и занимается астрономіею; его поддѣлъ бѣсъ честолюбія; день и ночь смотритъ онъ на небо, и силится отыскать новую планету. Но какъ водится въ изслѣдованіяхъ ученыхъ, Бонниваръ не находитъ того, что ищетъ, а находитъ на слѣдъ другаго великаго открытія: нѣсколько уже дней замѣчаетъ онъ странное движеніе и безпорядокъ межлу небесными тѣлами; планеты, того и смотри, запляшутъ новую пляску, отъ которой землѣ не сдобровать. Словомъ, Бонниваръ предусматриваетъ совершенную революцію въ планетной системѣ. Вдругъ является племянникъ Боннивара, кутило, сорви голова, который и не кажетъ глазъ къ дядѣ иначе, какъ за деньгами. Ему нужны пятьдесятъ франковъ, чтобы попировать съ пріятелями; предвидя неминуемый отказъ, онъ задумываетъ выманить эти деньги хитростью. Онъ переряжается, приходитъ къ Боннивару

персидскимъ ученымъ, и объявляетъ, что онъ открылъ своими изчисленіями, что черезъ три дня должно быть преставленіе свѣта. «Я тоже думалъ! отвѣчаетъ Боннивaръ, и на радости даетъ персидскому мудрецу взаймы сто франковъ. Но если черезъ три дня преставленіе свѣта, такъ къ чему наука и бережливость, думаетъ Боннивaръ; давай лучше покутить, поѣду въ Гавръ, посмотрѣть хоть разъ предъ смертью на море. Переносимся въ Гавръ; между тѣмъ, какъ Боннивaръ изслѣдуетъ красоты моря и испытываетъ морскую болѣзнь, прогуливаясь на яликѣ, къ гавани пристаетъ китайская джонка; изъ нея выходитъ мандаринъ и объявляетъ, что онъ даетъ паспорты въ Китай всѣмъ честнымъ лицамъ, могущимъ принести пользу Поднебесному царству. Тотчасъ являются за паспортами парижскій сидръ, голландскія торговки, мозольные операторы, подвязные волосы, металлическіе зубы, долгожизненный элексиръ, и всякія другія произведенія европейской промышленности съ самыми забавными рекомендаціями. Между тѣмъ, Боннивaръ возвращается съ своей морской прогулки, и покупаетъ лепешки, имѣющія свойство временно прекращать жизнь, посредствомъ онѣмѣнія; онъ хочетъ заснуть на тысячу двѣсти лѣтъ, чтобы не видать преставленія свѣта; съ тою же цѣлью покупаетъ онъ стклянку хлороформу. Съ этими запасами онъ ѣдетъ назадъ въ Парижъ. Во второмъ дѣйствіи, мы находимъ его у Мольерова фонтана; нимфа фонтана является ему и призываетъ на смотръ всѣ Парижскіе театры; за тѣмъ нашъ астрономъ платитъ 500 франковъ за мѣсто въ воздушномъ шарѣ и отправляется въ Венсеннъ, а оттуда на извощикѣ на площадь Согласія. Наступилъ торжественный часъ; еще нѣсколько минутъ и пробьетъ конецъ міра. При первомъ ударѣ двѣнадцати часовъ, Боннивару становится страшно, онъ съѣдаетъ свои лепешки, и усыпляется хлороформомъ.

Въ третьемъ дѣйствіи кругомъ пусто, Боннивaръ просыпается и съ трудомъ высвобождаетъ ноги изъ выросшаго вокругъ нихъ куста; шляпа его обросла грибами, зонтикъ заросъ мохомъ. Боннивaръ оглядывается; вмѣсто Палаты Депутатовъ, стоитъ лѣсъ; вмѣсто Тюильрійской площади, прудъ; церковь св. Магдалины обратились въ гору; Лукзорскій обелискъ одна развалина; стоитъ одна только арка Звѣзды единственная память славы Франціи! Боннивaръ проспалъ 1200 лѣтъ. Но это еще все ничего! не такія еще увидите чудеса! Прибѣгаетъ молодая дѣвушка, и за нею гонится заяцъ съ ружьемъ; ѣдетъ коляска: въ ней сидятъ лошади, а везутъ люди; вотъ облавы; звѣри все-

возможныхъ родовъ бьютъ людей, сотнями. Медвѣдь завидѣлъ Боннивара, стрѣляетъ въ него, астрономъ падаетъ, а за нимъ опускается занавѣсъ. Но успокойтесь, любезный читатель; вотъ передъ вами опять площадь Согласія, съ фонтанами и домами; вокругъ цѣлы и церьковь св. Магдалины и Палата Депутатовъ; Боннивaръ все это видѣлъ во снѣ; онъ просыпается въ объятіяхъ племянника и ключницы, которые искали его цѣлую ночь, и наконецъ нашли соннаго на площади. Все объясняется; племянникъ кается въ своей продѣлкѣ, а Боннивaръ прощаетъ и обѣщаетъ себѣ бросить астрономію, которая такъ обманула его, а лучше пить и веселиться, и спокойно доживать свой вѣкъ.

Въ заключеніе нашего обозрѣнія Парижскихъ театровъ сообщимъ еще нѣсколько вѣстей, относящихся собственно къ хозяйственной части ихъ. Директоръ театра *Водевиля* Лефевръ объявленъ несостоятельнымъ, и театръ его закрытъ, говорятъ впрочемъ, что онъ намѣренъ подать аппеляцію противъ рѣшенія Коммерческаго суда, и доказать, что онъ можетъ продолжать свои дѣла; въ такомъ случаѣ немудрено, что онъ получитъ снова право на управленіе этимъ театромъ. — Александръ Дюма и Миркуръ отказались отъ званія директоровъ, первый Историческаго театра, второй Національной Оперы. Дюма уступаетъ всѣ свои права своему товарищу Гостейну, который и при немъ почти одинъ завѣдывалъ всѣмъ управленіемъ. Преемникъ Миркура пока еще не утвержденъ; это бывшій помощникъ Миркура Шаль.

БОНАВЕНТУРА.

—

ГЕРМАНІЯ.

БЕРЛИНЪ. Двѣ новыя оперы, балетъ и четыре комедіи на одномъ театрѣ, и шесть новыхъ комедій и водевилей на другомъ, у насъ считается богатою жатвою новостей. Прибавьте къ этому три оркестра, Штрауса, Бильзе, Канталя и Беренса, двѣ труппы вольтижеровъ, (изъ которыхъ лучшая Гверры) англійско-датскаго магика Андерсона, который не показалъ намъ ни одного новаго фокуса, и наконецъ всякаго рода панорамы, діорамы, труппу обезьянъ, привлекающую чуть-ли не болѣе посѣтителей, чѣмъ всѣ труппы людей и лошадей; всѣхъ этихъ болѣе или менѣе художественныхъ наслажденій доброму Берлинцу хватитъ на долгое время. Если ваше естественное чувство, подобно моему, оскорбится тѣмъ, что я ставлю всѣ эти наслажденія на одну доску, не взыщите; съ волками жить, по волчьи выть,

говоритъ пословица; какъ не говорить о вольтижерахъ, фокусникахъ и ученыхъ обезьянахъ, когда они отбиваютъ посѣтителей у театровъ; если я самъ и не постигаю, въ чемъ заключается ихъ эстетическое достоинство, то все таки скромность моя побуждаетъ меня приписать это только собственному недостатку вкуса.

Но возвратимся къ театру и къ новымъ пьесамъ. На придворномъ театрѣ поставлены въ послѣднее время:

1) *Рiензи*, большая опера въ пяти дѣйствiяхъ; текстъ и музыка Ричарда Вагнера. Кто знаетъ, хотя бы только отчасти, положенiе, въ которомъ Вагнеръ писалъ, лѣтъ десять тому, эту исполинскую партитуру, тотъ невольно отдастъ дань уваженiя его таланту, а еще болѣе его мужеству и желѣзной волѣ. Какъ часто, почти неизвѣстный молодой артистъ, всѣми пренебрегаемый въ Парижѣ, борясь даже съ матерiальною надеждою, восклицалъ, бросая съ отчаянiемъ свою работу: «Будетъ ли когда Рiензи поставленъ на сцену?» И въ самомъ дѣлѣ, непонятное почти чудо, что опера его тотчасъ была принята Дрезденскимъ театромъ, который черезъ-чуръ остороженъ, когда дѣло идетъ о принятiи оперы, требующей большихъ издержекъ. Счастье также Вагнеру, что главная партiя, *Рiензи*, досталась Тихачку, единственному тенору въ Германiи, могущему совладать съ этою трудною задачею.

Вагнеръ очень замѣчательный драматическо-музыкальный талантъ; онъ это въ особенности доказалъ, какъ сочинитель своихъ текстовъ. Въ чисто музыкальномъ отношенiи у него не достаетъ мелодiи, техническаго искусства, въ особенности въ обработкѣ голосовъ, и наконецъ нѣжности чувства. Нѣкоторая степень мягкости чувства необходима каждому композитору; даже самъ неукротимый Ахиллесъ плакалъ надъ трупомъ убитаго друга, горевалъ о похищенной любовницѣ; героическая опера отнюдь не должна быть вся вылита изъ бронзы и чугуна. Либретто Рiензи свидѣтельствуетъ о значительномъ драматическомъ талантѣ автора, оно отличается прекраснымъ расположенiемъ частей, множествомъ истинно поэтическихъ положенiй, и краткостью и мѣткостью выраженiй; едвали найдется между нѣмецкими либретистами авторъ, написавшiй лучшую программу для оперы. Въ одномъ, кажется, можно упрекнуть его; зачѣмъ Рiензи его любитъ одинъ Римъ, и кромѣ Рима только свою сестру. Мнѣ кажется, опера много бы выиграла, если бы вмѣсто сына Колонны, влюбленнаго въ сестру Рiензи, авторъ представилъ дочь Колонны, влюбленную въ самого Рiензи, который принесъ бы эту любовь въ жертву своимъ политическимъ вѣрованiямъ. Восклицанiе Рiензи

«Римъ моя невѣста!» обращенное къ любящей дочери вельможи, произвело бы несравненно сильнѣйшее дѣйствіе, нежели обращаясь къ сестрѣ. Любовь же Адріана къ Иренѣ, сестрѣ Ріензи, представляетъ только второстепенный интересъ, тѣмъ болѣе, что характеръ Адріана очень слабъ и когда онъ бросается въ горящій домъ Ріензи, чтобы погибнуть съ нимъ и съ сестрою, этого никто почти и не замѣчаетъ. Также непріятное впечатлѣніе производитъ то, что этого единственнаго въ оперѣ любовника играетъ женщина; такое среднее существо, любовникъ съ женскимъ голосомъ, можетъ годиться только въ мѣрную оперу Беллини; въ оперѣ же полной республиканской энергіи и воинственности, онъ почти смѣшонъ.

Въ музыкальномъ отношеніи, замѣчу въ особенности, вступительное анданте увертюры; оно истинно превосходно; аллегро, по моему мнѣнію, можно бы выбросить безъ всякой потери для оперы; напротивъ, она сдѣлалась бы оттого только покороче, и слѣдовательно менѣе утомительна. Первая сцена полна жизни и драматизма, какъ вообще во всей музыкѣ Вагнера много огня и жизни; жаль только, что она проявляется у него болѣе въ матерьяльныхъ, физическихъ, чѣмъ въ духовныхъ формахъ. Всѣ марши въ оперѣ безусловно хороши, и даже не чужды оригинальныхъ мотивовъ. Во второмъ дѣйствіи прекрасно тріо; въ третьемъ сцена, въ которой Адріанъ и Ирена молятся на сценѣ, съ хоромъ римскихъ женъ, между-тѣмъ, какъ за сценою сраженіе; это лучшій нумеръ Вагнеровой партитуры. Въ четвертомъ и въ пятомъ дѣйствіяхъ композиторъ переноситъ насъ изъ шумной, дикой жизни народа, въ тайны внутренней жизни главныхъ лицъ; здѣсь встрѣчаемъ мы нѣсколько прекрасно задуманныхъ, выразительныхъ фразъ; въ особенности оригиналенъ и производитъ превосходный эфектъ маршъ въ f-dur. Послѣднее дѣйствіе, и въ драмѣ, и въ музыкѣ, кажется мнѣ самымъ слабымъ. Драматическое напряженіе вдругъ упадаетъ, мелодія бѣднѣетъ, главною причиною всему показанный выше недостатокъ. Будь вмѣсто Адріана Колонны невѣста Ріензи; пятое дѣйствіе заключалось бы самою потрясающею катастрофою; въ настоящемъ же видѣ, сцена его съ сестрою, послѣ напряженія четырехъ длинныхъ дѣйствій, скучна и утомительна, а дуэтъ Адріана съ Ирено́ю слабъ.

Исполненіе оперы должно вполнѣ удовлетворять композитора, который самъ дирижировалъ оркестромъ въ первыя три представленія; онъ едва ли имѣлъ когда въ своемъ распоряженіи лучшій хоръ (въ особенности мужеской) и болѣе могучій

оркестръ; солисты такъ же съ честью исполнили свое дѣло. *Фистеръ*, въ роли Ріензи, не могъ, разумѣется, произвести такого потрясающаго дѣйствія, какъ Тихачекъ, потому что голосъ его не имѣетъ той львиной силы, а болѣе пріятенъ и легокъ; притомъ ему недоставало увѣренности въ своихъ силахъ и въ побѣдѣ. Никто неожидалъ даже, чтобы Фистеръ могъ справиться съ этою ролью, и спѣть ее сначала до конца, неутомивъ слишкомъ ощутительно своего голоса; этотъ подвигъ значительно поднялъ его во мнѣніи публики. Г-жа Кестеръ-Шлегель исполнила роль Адріана Колонны превосходно, и вполнѣ заслужила единодушныя рукоплесканія слушателей; трудную арію третьяго дѣйствія она спѣла съ удивительнымъ совершенствомъ; только въ сильныхъ страстныхъ сценахъ, недоставало огня и энергіи въ игрѣ. Г-жа Тушекъ съ честью исполнила роль Ирены, не смотря на то, что трагическія роли вообще вовсе не въ хатактерѣ ея таланта; менѣе значительныя роли Колонны, Орсини, Дель-Веккіо, Барончелли, Легата исполняли Беттихеръ, Краусъ, Цимше, Гейнрихъ, и Фишеръ; соло въ хорѣ вѣстниковъ мира, пѣла даровитая Брексендорфъ. Всѣ артисты съ необыкновенною тщательностью и любовью старались показать талантъ молодаго композитора во всемъ его блескѣ. Хоръ вѣстниковъ мира, на одни женскіе голоса безъ оркестра, былъ исполненъ не совсѣмъ чисто и согласно. Но онъ, во-первыхъ, слишкомъ труденъ и слишкомъ высокъ для дискантовъ; во-вторыхъ, хоръ входитъ на сцену по двое и растянутъ на такое длинное пространство, что въ одномъ концѣ почти не слыхать того, что поется на другомъ; по этому немудрено, что онъ нетолько беретъ не чисто, но даже сбивается иногда съ такту.

Что касается до успѣха оперы, онъ былъ то, что французы называютъ cuccès d'estime; всѣ хвалятъ, но всѣ явно скучаютъ; главная тому причина непомѣрная длина оперы и слишкомъ громозвучная оркестровка. Пѣвицы нерѣдко возбуждаютъ болѣе состраданія, нежели художественнаго интереса, кажется видишь передъ собою утопающихъ пловцовъ, которыхъ крики оглушаются бурею оркестра. Вообще во всѣмъ сочиненіи видна юношеская запальчивость; самъ авторъ считаетъ нынѣ свою оперу произведеніемъ несозрѣвшаго таланта.

2) Еще менѣе успѣха имѣлъ *Претендентъ*, комическая опера въ трехъ дѣйствіяхъ, *Бергера*, съ музыкою *Кюкена*. Критики безпощадно втоптали въ грязь это произведеніе одного изъ любимыхъ нѣмецкихъ сочинителей романсовъ. Я не могу согласится съ ихъ черезъ-чуръ строгимъ сужденіемъ. Либретто

не то, чтобы рѣшительно скверно, но вяло и безсвязно. Либретистъ очевидно хотѣлъ дать композитору побольше случаевъ къ миніатюрному изображенію чувствъ, къ какому привыкъ сочинитель романсовъ. Было это сдѣлано по желанію композитора или нѣтъ, не знаю; но во всякомъ случаѣ, изъ этаго родилась какая-то мозаическая работа, весьма ничтожная въ частностяхъ, но въ общемъ жеманная и безсвязная. Такимъ образомъ композиторъ остался въ оперѣ прежнимъ сочинителемъ пѣсенъ; въ Претендентѣ много хорошенькихъ мелодій, хотя не всегда новыхъ; цѣлаго же вовсе нѣтъ. Первое дѣйствіе скучно; второе, напротивъ, будетъ имѣть успѣхъ, вездѣ, гдѣ роль почтоваго писаря Левро будетъ исполнять пѣвецъ съ свѣжимъ голосомъ и съ комическимъ дарованіемъ. Краузъ, котораго Берлинъ донынѣ слышалъ только въ серьозныхъ партіяхъ, произвелъ невыразимый эфектъ, явившись въ первый разъ въ комической роли; исполнивъ ее съ непринужденностью, умомъ, и послѣдовательностію, которыхъ отъ него никакъ не ожидали. Послѣ роли Левріо, самыя благодарныя роли — Претендента, Цециліи, Эмиля и г-жи Лонсталь; лучшія ихъ нумера во второмъ и въ началѣ третьяго дѣйствія. Что Кюкенъ въ своей оперѣ старался подражать легкой французской школѣ Обера и Алана такъ же несомнѣнно, какъ и то, что онъ далеко отстаетъ отъ нихъ; и это то направленіе, кажется, всего болѣе возбудило на него гоненія нѣмецкихъ критиковъ. Какъ бы то ни было, непомѣрно строгое сужденіе критиковъ, свело и безъ того не большое участіе публики на степень нуля. Уже въ первомъ представленіи было мало слушателей, на второе представленіе пришло еще меньше, а—еще доживетъ ли опера до третьяго вопросъ еще? Неудовольствіе публики на самое произведеніе не помѣшало ей отдать явную справедливость исполненію, Краузу, Манціусу (Эмиль) и г-жѣ Тущекъ (Цецилія).

3) *Теа* или *фея цвѣтовъ*, балетъ въ трехъ картинахъ, *Павла Тальони*, съ музыкою *Пуньи*, самое успѣшное изъ новыхъ произведеній, поставленныхъ на Придворномъ Оперномъ театрѣ. Въ немъ въ первый разъ дебютировала у насъ Марія Тальони, дочь автора балета, и племянница знаменитой соименницы, кружившая еще прошлою весною голову всему Лондону; молодость, красота и граціозность, искусство, сила и выраженіе соединяются въ ней, какъ ни въ одной другой танцовщицѣ. Ей неболѣе восемнадцати лѣтъ. Съ перваго появленія ея на нашей сценѣ, Берлинцы стали восторженными поклонниками

ея таланта. Самый балетъ принадлежитъ къ занимательнѣйшимъ поэтическимъ созданіямъ хореграфическаго искусства; мысль его заимствована изъ эстампа «Живые цвѣты;» вторая картина, пляска живыхъ цвѣтовъ, мастерское произведеніе фантазіи г. Тальони, который не даромъ считается первымъ тацмейстеромъ нашего времени. Въ новомъ балетѣ нѣтъ между-дѣйствія: всѣ три картины идутъ одна за другою непрерывно, смѣняясь посредствомъ чрезвычайно замысловатыхъ картинъ.

Отъ оперы и балета обратимся къ комедіи:

4. *Голубой бантъ* (Die blaue Schleife) комедія въ пяти дѣйствіяхъ *Густава Манзена* (барона фонъ Путлица); первый опытъ молодаго талантливаго писателя, но не довольно еще знакомаго со сценою; при лучшей обстановкѣ она имѣла бы гораздо большій успѣхъ.

5. *Бетхеръ, золотыхъ дѣлъ мастеръ*, историческая комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, съ прологомъ, доктора К. Тёпфера; также первый опытъ, слѣдовательно заслуживаетъ снисхожденія; содержитъ нѣсколько удачныхъ мѣстъ, но вообще не связно; характеръ главнаго лица не выдержанъ; нѣкоторые второстепенныя лица довольно удачны; характеръ Авроры Кенигсмаркъ исторически невѣренъ. Пьеса впрочемъ имѣетъ успѣхъ, благодаря превосходному исполненію, въ особенности же игрѣ талантливаго актера Дёринга.

6. *Незамужняя жена* (Fräulein Gattinn), комедія въ одномъ дѣйствіи, передѣланная съ французскаго Фридрихомъ; пьеса эта можетъ имѣть успѣхъ только на французскомъ театрѣ, разыгранная французскими актерами; она дана у насъ только два раза и принята чрезвычайно холодно. Лучше было бы ее вовсе не переводить.

7. *Деревня и городъ* (Dorf und Stadt) драма въ двухъ отдѣленіяхъ и въ пяти дѣйствіяхъ, заимствованная изъ извѣстной повѣсти Ауербаха «Профессорша,» г-жею Бирхъ - Пфейферъ, имѣла, подобно почти всѣмъ произведеніямъ этой ловкой писательницы, такой успѣхъ, что почти затмила всѣ прочія новости, мѣста покупаются въ тридорога; никто въ порядочномъ домѣ не посмѣетъ признаться, что не видалъ этой драмы. Г-жа Бирхъ-Пфейферъ, по обыкновенію своему, не стѣснялась повѣстью, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сохранены цѣлые разговоры, многое она измѣнила, многое внесла совершенно свое, но все это связано со свойственною ей ловкостью въ пьесу, которая, можетъ быть, не выдержитъ строгой критики, но на сценѣ, при

хорошемъ исполненіи, должна имѣть успѣхъ. Г-жа Штихъ играетъ Лорлу такъ умно и одушевленно, съ такою непринужденностію и истиною, съ такимъ чувствомъ, что публика не перестаетъ ей аплодировать во все время присутствія ея на сценѣ; ее превосходно поддерживаетъ Дёрингъ. Во второмъ отдѣленіи отличаются Генрихсъ и дѣвица Фирекъ, послѣдняя дѣлаетъ удивительные успѣхи въ своемъ искусствѣ. И сочинительница, и всѣ участвующія въ драмѣ, вызываются по нѣскольку разъ послѣ каждаго дѣйствія, почти послѣ каждой сцены.

Изъ новыхъ пьесъ, которыя должны явиться въ непродолжительномъ времени, назову слѣдующія: *Іосифъ Гайднъ*, Лубарша; *Прихоть*, Бенедикса; *Струэнзе*, Гейнриха Лаубе; *Герцогиня*, комедія Клейна; и двѣ комедіи Фельдмана: *Вѣжливый человѣкъ*, и *г. Совѣтникъ и его дочери*.

Такая же дѣятельность на Конигштетскомъ театрѣ, на которомъ уже давно держится одна пьеса, *Вѣтошникъ*; послѣ двадцати представленій, онъ все еще служитъ заманкою, и даетъ значительные сборы. Вновь поставленныя въ послѣднее время, слѣдующія пьесы: *Шутка моряка* (Ein Seemannschvank) и *Братъ Каинъ*, Шмидта, автора Вѣтошника; обѣ пьесы уже были играны на другихъ театрахъ; первая вертится около жизни моряковъ, въ изображеніи которой авторъ стяжалъ такую славу; вторая основана на старинной легендѣ, и не чужда драматическаго интереса; она поставлена по случаю пріѣзда къ намъ Громанна, который, являлся въ ролѣ Олая Персонъ; для него же, возобновлена, не совсѣмъ удачно, старая комедія *Дона Діана — Тетка и племянница* Бёрнера, держится на сценѣ, благодаря превосходному исполненію, и въ особенности оригинальной игрѣ *Ларронжа* въ роли слуги. — Также поставлены два новые водевиля Калиша: *Господинъ Каролина* и *Баронъ староста*; послѣдній уже сыгранъ въ Гамбургѣ подъ названіемъ *Сельскаго міра*. Въ авторѣ этихъ пьесъ, Кенигштадскій театръ пріобрѣлъ новаго Анжели, человѣка вполнѣ поминающаго условія этого рода пьесъ, и обладающаго рѣзкою ловкостью и замысловатостью въ веденіи ихъ; въ пользу его водевилей говоритъ и то, что нашъ талантливый балетный композиторъ Герихъ согласился писать къ нимъ музыку. Обѣ пьесы имѣютъ огромный успѣхъ; можно только упрекнуть автора въ томъ, что выбранная имъ мысль не нова; но на этотъ упрекъ, онъ вѣроятно отвѣтитъ пьесами, совершенно новыми на нѣмецкой сценѣ; уже говорятъ о разучиваніи двухъ пьесъ: *Сто тысячь*

талеровъ и *Берлинъ ночью.* Жлутъ также двухъ новыхъ пьесъ Лубарша: *Лженаслѣдникъ* и *Пауль Джемсъ.*

Въ настоящее время находится у насъ датскій композиторъ Саломонъ, поставившій уже три оперы въ Копенгагенѣ, съ большимъ успухомъ; довольно вѣроятно, что одна изъ нихъ будетъ поставлена и у насъ, на придворномъ театрѣ, именно *Алмазный крестъ.*

—

Вѣна. — Вѣна считается однимъ изъ главныхъ городовъ Европы, въ отношеніи драматическаго искусства; а знаете, что въ Вѣнѣ до сихъ поръ, кромѣ театра an der Wien, не было ни одного хорошаго зданія для помѣщенія театра. Вѣнцы вообще очень равнодушны къ красотѣ строеній; театръ валится, они поставятъ подпорку, и ничего знать не хотятъ; они готовы сидѣть хоть въ сараѣ, только забавляйте ихъ. Маринелли и Генслеръ нажили большое состояніе безпрестанными починками Леопольдштадтскаго театра. Наконецъ, мѣсяцевъ семь тому, директоръ Карлъ, содержатель театра въ Леопольдштадтскомъ предмѣстьи, рѣшился пожертвовать нѣсколько сотенъ тысячъ, собранныхъ многолѣтнимъ трудомъ, и подарить своихъ согражданъ театромъ, который не только былъ бы удобенъ, но могъ бы служить украшеніемъ городу. «До истеченія года, сказалъ онъ: приглашаю васъ въ новую залу, которую построю на мѣсто старой.» Вѣнцы недовѣрчиво покачали головами; и какъ они безъ театра жить не могутъ, то перешли вмѣстѣ съ Карломъ во временной театръ, т. е. въ какой-то темный, грязный сарай, въ такой-же темной и грязной улицѣ. Карлъ сдержалъ слово; едва прошло семь мѣсяцевъ, онъ открылъ свой новый театръ, 10-го декабря прошедшаго года. Карлъ не поскупился; будто волшебствомъ выросло изъ земли зданіе, въ простомъ, но благородномъ стилѣ; внутренняя отдѣлка вполнѣ соотвѣтствуетъ наружности. Вся зала окрашена бѣлою краскою, съ золотыми арабесками; особенно же прекрасный эфектъ производитъ сводъ, отъ котораго распространяются во всѣ стороны лучи свѣта; основаніе свода составляетъ обручъ изъ нѣсколькихъ сотенъ газовыхъ рожковъ; изъ центра опускается великолѣпная люстра, въ которой горитъ также газъ; свѣтъ, смотря по надобности, уменьшается во множествѣ степеней, а для усиленія оптическаго эфекта, внутренніе круги купола обращаются въ транспарантъ. Ложи оклеены матовыми серебренными обоями, которымъ еще большій блескъ придаютъ красные бархат-

ные ободки и борты; кресла также обиты краснымъ бархатомъ. Залы, корридоры, лѣстницы просты, но чрезвычайно красивы.

Въ день, назначенный для открытія новаго театра, директоръ вышелъ со всѣми артистами, представиться публикѣ, которая встрѣтила его самыми неистовыми рукоплесканіями; директоръ отвѣчалъ краткою рѣчью, въ которой просилъ публику содѣйствовать ему и въ реформѣ самыхъ спектаклей; дѣйствительно, эта реформа необходима, но не смотря на добрую волю и на смѣтливость Карла, она не можетъ быть произведена такъ скоро. По окончаніи рѣчи начался спектакль, прекрасною, торжественною увертюрою Линдпентнера. За тѣмъ слѣдовала комедія Бенедикса «Прихоть,» пьеса не замѣчательная сама по себѣ, но очень хорошо разъигранная; потомъ передѣланный Шнейдеромъ съ французскаго водевиль: «Марлійская мельничиха,» въ которомъ игралъ и самъ Карлъ; и наконецъ фарсъ Нестроя «Школьный учитель,» также передѣланный съ французскаго. Нестрой, единственный представитель старшаго класса, очень забавенъ среди толпы мальчиковъ, между которыми отличаются г-жа Рарбекъ, маленькая Фрейзингеръ, и маленькій Морицъ. Вообще надо сознаться, что труппа Леопольдштадтскаго театра въ фарсахъ превосходна; но кромѣ фарсовъ не можетъ играть ничего.

Вѣнцы въ восторгѣ отъ новаго театра; Карла носятъ на рукахъ; въ особенности же за то, что онъ отдалъ половину перваго сбора бѣднымъ. Вѣнскій магистратъ поднесъ ему за этотъ благородный поступокъ золотую медаль, а жители Леопольдштадта, подъ предводительствомъ своего главы, Кланка, дали ему серенаду.

—

Кромѣ открытія новаго театра, Вѣна представляетъ въ настоящее время мало любопытнаго. Упомянемъ только о двухъ новыхъ пьесахъ:

На Іозефштадскомъ театрѣ данъ: *Кабакъ оборотней*, романтико-комическая сказка, въ трехъ дѣйствіяхъ, съ пѣніемъ, танцами и великолѣпнымъ спектаклемъ; сочиненіе *Карла Гафнера*, музыка *Эмиля Титля*; танцы балетмейстера *Райнольди*. Уже самое это объявленіе, и предлинное описаніе всѣхъ ея чудесъ, сопровождавшее его на афишкѣ, показываетъ, къ какому разряду принадлежитъ эта пьеса. Сказка о *Кабакѣ оборотней* отчасти сходна со сказкою о *Вилисахъ*. Волшебница обратила дѣвушекъ, обманутыхъ въ любви, въ бѣлыя розы. Прежніе любовники ихъ, сострадая къ несчастнымъ, рѣшаются возвратить

имъ свободу; овладѣвъ посредствомъ разныхъ хитростей лѣшими, которые стерегутъ очарованный садъ, они вступаютъ въ міръ духовъ, простирающійся отъ цвѣтущихъ луговъ, чрезъ страшныя пещеры до самаго дна морскаго. Но предпріятіе ихъ остается безъ успѣха; волшебница объявляетъ имъ только, что въ сердцѣ любящихъ заключается талисманъ, долженствующій искупить страдальца. Возвратясь на землю, они плачутъ надъ увядающими розами, и ихъ слезы любви и раскаянія оказываются тѣмъ волшебнымъ талисманомъ, который долженъ возвратить имъ возлюбленныхъ. Гафнеръ искусно воспользовался этими простыми данными, пополнилъ ихъ разными эпизодами, по большей части комическими, и создалъ прелестную пьеску. Музыка Титля богата пріятной, легкой мелоліей; въ особенности хорошій эфектъ производитъ пѣсня «Колокольчики» съ хоромъ. Живописные танцы и группы, богатые костюмы, прекрасныя декораціи, также содѣйствуютъ успѣху пьесы.

Театръ an der Wien поставилъ наконецъ давно обѣщанную *Маритану*, оперу въ трехъ дѣйствіяхъ, англійскаго композитора *Уильяма Винсента Уоллеса* (Wallace); текстъ Эдуарда Фирзболя, переведенъ А. Бекеромъ.

Судьба неблагопріятствовала этой оперѣ; нѣсколько разъ была она объявлена, и всегда какое нибудь обстоятельство принуждало на время отложить ея представленіе. Это разумѣется не можетъ въ сущности мѣшаетъ успѣху пьесы, но все таки имѣетъ нѣкоторое вліяніе на него сначала; публика приписываетъ это отлагательство трудности постановки, а съ трудностью ея соразмѣряетъ и свои требованія и чѣмъ долѣе заставляютъ ее ждать, тѣмъ строже она будетъ судить произведеніе. Для Маританы это было тѣмъ опаснѣе, что она произведеніе композитора едва извѣстнаго намъ по имени, а отъ незнакомца мы требуемъ болѣе, чѣмъ отъ стараго знакомаго, съ которымъ уже свыклись. Кромѣ того, это произведеніе англичанина, а англійскимъ композиторамъ мы плохо довѣряемъ, не смотря на огромный успѣхъ Бальфа, потому что англійскія оперы недавно только стали выходить за предѣлы своего роднаго острова.

Англійская драматическая музыка, не смотря на стараніе нѣсколькихъ талантливыхъ артистовъ, не имѣетъ еще самостоятельнаго характера, не составляетъ особенной школы; въ ней поочередно отражается вліяніе школъ италіанской, французской и нѣмецкой. Этотъ недостатокъ, впрочемъ, въ наше время встрѣчается и во многихъ произведеніяхъ другихъ народовъ,

которые также любятъ примѣшать къ своему кое что чужое. Въ наше время мало пишется оперъ, въ которыхъ бы не замѣтно было это болѣе или менѣе переварившееся смѣшеніе элементовъ. Опера Уоллеса, въ Лондонѣ, говорятъ, выдержала до двухъ сотъ представленій, здѣсь она принята хорошо; но такого баснословнаго числа представленій ей невидать. Въ композиторѣ виденъ несомнѣнный талантъ, техническое искусство, знаніе эфектовъ, но недостаетъ единства; виноватъ этому отчасти либретистъ. Нѣсколько нумеровъ есть превосходныхъ; въ особенности второе дѣйствіе, представляющее довольно разнообразія въ мелодіи и въ рисункахъ акомпанимента; въ третьемъ дѣйствіи довольно эфектна басовая арія, но грѣшитъ пошлыми итальянскими фигурами; первое дѣйствіе вяло и безцвѣтно. Другой недостатокъ оперы, также происходящій отъ либретта, состоитъ въ томъ, что героиня лицо совершенно пассивное, и что въ оперѣ нѣтъ ни одной важной женской партіи; и гораздо бы вѣрнѣе было назвать ее Донъ-Сезаръ де Базанъ, или Донъ-Хозе. Правда и то, что г-жа Майеръ, игравшая роль Маританы, нисколько не старалась дать значеніе своей партіи, она играла съ вялостью и нерадѣніемъ, которыхъ отъ нея никакъ нельзя было ожидать. Публикѣ въ особенности понравился романсъ Штаудигля во второмъ дѣйствіи, и его же арія въ третьемъ дѣйствіи; онъ долженъ былъ повторить оба нумера. Бельчицкій (теноръ) пѣлъ свою партію хорошо, но не умѣлъ схватить характера испанскаго распутника. Очень хороша была г-жа Гельвигъ, въ роли Лазарильо; всѣ остальные были ниже посредственности. Кромѣ изчисленныхъ нумеровъ, публикѣ очень понравилась мастерски обработанная увертюра. Композиторъ, г-жа Гельвигъ и гг. Штаудингль и Бельчицкій, были по нѣскольку разъ вызваны, послѣ втораго и третьяго дѣйствій.

—

АНГЛІЯ.

Лондонъ.—Давно уже жалуются на упадокъ драматической литературы и театровъ въ Англіи; и дѣйствительно, грустно становится, когда посмотришь, чѣмъ пробавляются театры въ отечествѣ Шекспира, Марло, Бена Джонсона, Конгрива и Фарквира. Что нужно для потѣхи Джона Булля? A broad fun, какъ онъ говоритъ, шутка, фарсъ; но не злая, насмѣшливая шутка француза; а грубая, плоская шутка, которая бы смѣшила его своею нелѣпостью. Къ Рождеству каждый театръ считаетъ

обязанностью поставить новый фарсъ или пантомиму, въ которой арлекинъ, клоунъ, паяццо въ тысяча первый разъ повторяютъ свои глупости; это предметъ состязанія для всѣхъ театровъ, и даже имѣетъ вліяніе на общее вниманіе къ нимъ публики. Princess's theatre, на примѣръ, славится тѣмъ, что всегда даетъ лучшія рождественскія пантомимы; нынѣшнею зимою журналы серьезно сѣтовали о томъ, что театръ Жюльена, который также долженъ былъ покориться нелѣпому обычаю, освященному временемъ, отсталъ въ этомъ отношеніи отъ своихъ сверстниковъ. Только двѣ новыя пьесы, изъ поставленныхъ въ теченіи нынѣшней зимы (мы, разумѣется, не говоримъ объ операхъ), выходятъ изъ этого разряда; и изъ тѣхъ одна только лондонскаго производства; другая вывезена изъ Америки. Эти двѣ пьесы суть: *Любезная Елисавета* (Dearest Elizabeth), Оксенфорда и *Женина тайна* (The wife's secret); обѣ играны на Геймаркетскомъ театрѣ.

Вотъ содержаніе первой: *Ліонель Лаксъ*, человѣкъ хотя женатый, но совсѣмъ не прочь отъ любовныхъ похожденій; постоянный повѣренный и сообщникъ его въ этихъ дѣлахъ садовникъ Гемфрей. Гемфрей также женатъ тайно, на горничной г-жи Лаксъ, Бетси. Убирая комнаты своихъ господъ, Бетси находитъ неконченную записку своего господина, на имя какой-то любезной Елисаветы. Она удерживаетъ письмо на всякій случай, не смотря на всѣ просьбы писавшаго, который, наконецъ, не находитъ другаго средства, какъ сказать, что любезная Елисавета она сама; польщенное самолюбіе смягчаетъ ее, она соглашается отдать не только письмо, для окончанія его, но въ придачу еще произвольное количество поцѣлуевъ. Этотъ неожиданный успѣхъ побуждаетъ волокиту продолжать начатое дѣло уже на всю шутку; повѣреннымъ ему служитъ по обыкновенному Гемфрей, который въ порывѣ ревности вырываетъ изъ рукъ его письмо, и грозитъ показать его г-жѣ Лаксъ, какъ скоро она возвратится изъ поѣздки. Волокита опять въ тискахъ; онъ уговариваетъ пріятеля своего, Уинча, сказать, что письмо писано подъ его диктовку; къ несчастью, Гемфрей подслушалъ совѣщаніе, и заговариваетъ о роковомъ письмѣ въ присутствіи г-жи Уинчъ, которая обращаетъ гнѣвъ свой на Лакса, какъ на сообщника невѣрнаго супруга. Но гнѣвъ ея скоро укрощается, ибо она узнаетъ въ Лаксѣ стариннаго знакомаго; письмо же, какъ оказывается, писано къ ней самой; чтобы не навести ничего не подозрѣвающаго мужа на слѣдъ истины, она великодушно прощаетъ его; а Лаксъ,

чтобы не нажить новой бѣды, закуриваетъ письмомъ сигару. Пьеса чрезвычайно забавна; Килей превосходенъ въ роли холоднаго, находчиваго Лакса, а г-жа Килей въ роли то дерзкой, то кокетливой служанки Бетси.

Женина тайна, американскаго драматурга Ливеля, не отличается ни новостью вымысла, ни поэзіею, ни оригинальностью характеровъ; это однако же пьеса, которая всегда будетъ имѣть успѣхъ, потому что полна сценъ безъ глубокаго драматизма, но эфектныхъ, и постоянно возбуждающихъ любопытство; наконецъ, главныя роли играютъ Кинъ и его жена, а съ такимъ актеромъ, какая пьеса не будетъ имѣть успѣха.

Содержаніе пьесы заключается въ слѣдующемъ: дочь одного кавалера, т. е. приверженца Стюартовъ, за мужемъ за офицеромъ, служащимъ въ войскѣ Кромвеля. Мужъ пріѣзжаетъ въ отпускъ, вскорѣ послѣ того, какъ братъ жены пришелъ просить у ихъ убѣжища отъ преслѣдованія республиканцевъ. Пуританецъ, управляющій, пользуется этимъ, чтобы поссорить своего господина съ женою, которую онъ ненавидитъ за ея аристократическое происхожденіе; добрый, довѣрчивый офицеръ слѣпо вѣритъ всѣмъ внушеніямъ злодѣя, который, наконецъ, показываетъ ему жену его въ объятіяхъ брата. Но есть въ пьесѣ и добрый геній, горничная, добрая, вертлявая, преданная госпожѣ; она выводитъ злодѣя на свѣжую воду, объясняетъ все дѣло, и отвращаетъ трагическую развязку. Для приправы есть въ пьесѣ еще влюбленный, во все вмѣшивающійся пажъ, есть французскій контрабандистъ, и проч. Кинъ прекрасно выражаетъ благородную, довѣрчивую душу мужа; прекрасно представляетъ горесть и негодованіе обманутой любви и довѣрія. Жаль только, что онъ слишкомъ много ходитъ по сценѣ; это производитъ очень непріятное впечатлѣніе. Роль г-жи Кинъ слаба до крайности; тѣмъ удивительнѣе, какъ она умѣла влить въ нее столько теплоты чувства, столько истинно женской нѣжности: остальныя роли также сыграны очень хорошо Вебстеромъ, г-жею Килей (служанка) и дѣвицею Рейнольдсъ (пажъ).

Недавно пріѣхалъ съ какого-то провинціальнаго театра молодой актеръ, г. Брунъ, и дебютировалъ съ успѣхомъ въ роли Отелло; но какъ онъ въ непродолжительномъ времени долженъ еще явиться въ нѣсколькихъ другихъ пьесахъ стараго репертуара, то мы тогда уже поговоримъ о его талантѣ подробнѣе.

—

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

—

СИГНАЛЫ МУЗЫКАЛЬНЫЕ.

—

Въ № 1 Пантеона мы говорили о прекрасномъ явленіи на нашей оперной сценѣ, о *Семирамидѣ*, — Россини, лучшей оперѣ чисто-итальянской школы, нынѣ мы можемъ поговорить о другомъ важномъ явленіи, объ оперѣ рѣшительно противоположной Семирамидѣ, о *Донъ-Жуанѣ* — Моцарта, составляющемъ вѣнецъ музыки нѣмецкой, музыки сознательной, глубокой, основанной на самыхъ чистыхъ началахъ духа человѣческаго.

Но прежде, чѣмъ мы приступимъ къ отчету объ исполненіи этого дивнаго творенія на нашей лирической сценѣ, мы находимъ нелишнимъ изложить здѣсь историческое развитіе двухъ противоположныхъ музыкальныхъ школъ, итальянской и германской, ихъ направленіе и результаты, и въ тоже время показать перевороты, произведенные въ древней музыкѣ Моцартомъ и Россини, двумя представителями этихъ школъ. Такой анализъ можетъ опредѣлить ихъ заслуги и мѣсто въ области искусства и точку, съ которой въ настоящее время должно смотрѣть на ихъ послѣдователей.

Я имѣлъ уже случай однажды изложить свой взглядъ на этотъ предметъ, въ иномъ мѣстѣ, но полагаю, что здѣсь повтореніе будетъ совершенно не лишнимъ, потому-что оно опредѣлитъ и основанія сужденія нашего о самомъ исполненіи этихъ двухъ оперъ.

Италія, освященная искусствами древняго міра, озаренная лучами божественнаго откровенія, сдѣлавшаяся величественной гранію, чрезъ которую западное человѣчество шагнуло къ новымъ убѣжденіямъ, къ сознанію духа въ формахъ вещественнаго міра,—должна была сдѣлаться и колыбелью новѣйшаго искусства. Въ ней долженъ былъ ожить древній міръ въ преображенномъ видѣ, во всемъ блескѣ и величіи, чтобы распространить свѣтъ новой религіи, наукъ и художествъ на всю

остальную Европу. Въ Италіи возникли первыя и знаменитѣйшія училища, библіотеки, академіи. Въ правовѣдѣніи, въ медицинѣ, въ математическихъ наукахъ Италія сдѣлалась свѣтильникомъ и образцомъ для остальныхъ народовъ. Въ теченіе многихъ вѣковъ итальянцы занимали первое мѣсто между образованными націями. Прекрасное небо Италіи, пламенное воображеніе народа безпечнаго и веселаго, его врожденная любовь ко всему прекрасному, которая естественно рождалась отъ безпрерывнаго созерцанія красотъ природы и античныхъ памятниковъ, вмѣстѣ съ грандіозными обрядами богослуженія, требовавшими слѣпаго, дѣтскаго вѣрованія—развили въ итальянскомъ народѣ наклонность къ изящнымъ искусствамъ, къ поэзіи, живописи, музыкѣ, ваянію и архитектурѣ. Его художественное образованіе тѣсно слито съ укорененіемъ и распространеніемъ католицизма. Всѣ величайшія произведенія искусствъ носятъ въ Италіи отпечатокъ глубокаго религіознаго убѣжденія, которое одно можетъ быть источникомъ истинной поэзіи. Великолѣпнѣйшія ея зданія — храмы; лучшія картины — образа; чудеснѣйшія статуи — изображенія святыхъ; лучшія поэтическія созданія — «Священная Комедія» Данта, «Освобожденный Іерусалимъ» Тасса. Первое сильное распространеніе и развитіе музыки началось тамъ-же съ тѣхъ-поръ, какъ папа Григорій-Великій ввелъ пѣніе и музыку въ богослуженіе. Въ XVI и XVII вѣкахъ, Италія во всѣхъ отношеніяхъ достигла вершины своего величія. Все способствовало къ распространенію и возвеличенію искусствъ—и богатство физическихъ и нравственныхъ средствъ страны, и могущество ея республикъ и княжескихъ домовъ, и ревность римскихъ первосвященниковъ, которые употребляли искусства, какъ средство, чтобы возвысить великолѣніе и вліяніе церкви и римскаго престола на Европу, и, наконецъ, щедрость князей, которые не щадили золота и наградъ для своего сластолюбія и роскоши. Политическій переворотъ въ половинѣ XVII столѣтія нанесъ сильный ударъ нравственному развитію Италіи. Ограниченіе свободы мысли, упадокъ гражданскаго благосостоянія, потеря монополіи всемірной торговли, продолжительныя войны и долгое, тяжкое ярмо чужевластія—лишили итальянцевъ увѣренности въ своихъ силахъ, породили раболѣпство, ослабили народную энергію и сдѣлали ихъ равнодушными къ отечественной славѣ и даже къ интересамъ католицизма, потрясеннаго реформаціею. Но за то, среди политическаго униженія, подъ гнетомъ рабства и насилія, для нихъ осталось одно только утѣшеніе: любовь къ поэзіи, къ живописи, къ музыкѣ. Съ-

этихъ-поръ, самое направленіе итальянскихъ искусствъ приняло характеръ самобытности. Произошелъ совершенный разрывъ наставника—Италіи съ ученицею — Европою. Германія, Франція, Нидерланды основали свои собственныя теоріи въ искусствахъ и сами начали учить Европу. Въ Италіи возникли разныя школы, которыя своему національному искусству давали различное значеніе, почти-всегда основанное на характерѣ мѣстности.

Жизнь внутренняя, политическая Италіи была уничтожена; внѣшняя, физическая—устремилась на искусства, какъ на единственное поле дѣятельности, какъ на единственную отраду въ страданіяхъ; такимъ образомъ, *искусство* сдѣлалось *жизнью* итальянскаго народа. Отсюда поясняется необыкновенный художественный тактъ, который поражаетъ насъ даже въ самомъ необразованномъ итальянцѣ; эта наклонность къ долчессѣ и къ far niente, которая обнаруживается въ цѣлой націи; этотъ поэтическій инстинктъ, который пораждаетъ импровизаторовъ, который надѣляетъ воображеніе композиторовъ—такимъ обиліемъ легкихъ, граціозныхъ, такъ сказать, опьяняющихъ вдохновеній. Ни сильныхъ страстей, ни глубины мысли и чувства нельзя искать въ этихъ созданіяхъ, потому-что ихъ нѣтъ въ самой жизни народа. Это произведенія одной счастливой минуты, которыхъ цѣль на минуту же обольстить мечтою счастія. Итальянецъ лѣнивъ и равнодушенъ; ни одна современная гражданская или нравственная идея его не взволнуетъ; ни одинъ тяжкій вопросъ не встревожитъ его внутренняго покоя: одна цѣль его жизни—щекотаніе органовъ чувственности, возбужденіе пріятныхъ, упоительныхъ ощущеній. Онъ религіозенъ, не будучи проникнутъ вѣрою; онъ страстенъ—безъ глубокаго чувства; онъ способенъ на всякій смѣлый подвигъ, но только не изъ внутренняго убѣжденія.

Этотъ характеръ народности отсвѣчивается и въ жизни итальянца и въ его художественныхъ произведеніяхъ. Итальянецъ жаденъ къ деньгамъ, но онъ не любитъ денегъ: онъ смотритъ на нихъ, какъ на средство временнаго, минутнаго удовлетворенія своей страсти къ чувственнымъ удовольствіямъ. Въ потѣ лица, въ страшномъ трудѣ добудетъ онъ себѣ нѣсколько скуди, чтобы тотчасъ же бросить ихъ такому же философу за блюдо поленты или макаронъ, или отдать за пріятное зрѣлище. Онъ сытъ — и ничто не понудитъ его къ труду: онъ спокойно храпитъ подъ великолѣпнымъ портикомъ, или подъ навѣсомъ лимоннаго дерева, и не тронется съ мѣста за

всѣ сокровища міра. Но вотъ раздалась канцонетта странствующаго пѣвца, или импровизація бѣднаго поэта, и тотъ же лѣнивецъ вскакиваетъ, бѣжитъ хоть на край города, и по цѣлымъ часамъ готовъ слушать и хвалить артиста или поэта, не смотря на солнечный жаръ и усталость. Минутныя блестки пѣнія, минутныя искры поэзіи пробуждаютъ въ немъ всю энергію: глаза его горятъ, грудь сильно волнуется, мускулы въ судорожныхъ движеніяхъ. Въ этотъ мигъ онъ кажется вамъ героемъ, способнымъ на все великое и прекрасное, но въ самомъ дѣлѣ это пиѳія, которая одушевляется только во время служенія Апполону: изсякъ истотникъ восторга,—и восторгъ охладѣлъ до новыхъ потрясеній. Онъ пойдетъ въ спадацины или разбойники, чтобы добыть денегъ; онъ хладнокровно сторгуется за ударъ стилета и также хладнокровно совершитъ убійство, но въ то же время онъ дастъ милостыню оборванному площадному арлекину и набожно броситъ монету въ церковную кружку. Его вѣрованіе такъ же безсознательно, какъ и его влеченіе къ поэзіи и изъисканнымъ наслажденіямъ жизни.

То же самое олицетвореніе формъ вещественной жизни, ту же чувственность, то же изобиліе минутныхъ, легкихъ увлеченій найдете вы и во всѣхъ искусствахъ новѣйшей Италіи— въ ея картинахъ, въ ея музыкѣ, въ ея статуяхъ. Роскошь формъ, сладострастіе, грація, возможная физическая красота, совершенство отдѣлки, все, что поражаетъ зрѣніе и слухъ,— составляетъ отличительный типъ всѣхъ произведеній итальянцевъ. Но ни въ одномъ не отыщите вы идеала, глубокой идеи, одѣтой въ форму изящную, того высокаго проявленія духа, которому нужно было облечься въ звукъ или образъ, чтобы проникнуть въ нашу душу и найти въ ней сочувствіе.

Въ музыкѣ, это направленіе итальянизма ощутительнѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ искусствахъ. Вникнувъ въ судьбу Италіи и въ характеръ ея народа, легко объяснить себѣ всѣ преимущества и недостатки итальянской музыки, ея первобытное величіе и теперешнее растлѣніе; легко понять всѣ ея перевороты, начиная съ патріарха церковнаго стиля, Палестрины, до нынѣшней аріи buffo, съ безсмертнаго «Miserere» Аллегри, до музыкальнаго эпикура — Россини, не даромъ прозваннаго, «più dolce signo» нашего вѣка. Первоначально, итальянская музыка раздѣлялась на пять школъ, изъ которыхъ каждая имѣла самобытный характеръ. *Нижнеитальянская* (Неаполитанская) отличалась жизнію и истиной выраженія; *среднеитальянская* (Римская и Болоньская) — возвышенностію, правиль-

ностію и чистотою стиля; *верхнеитальянская* (Венеціанская и Ломбардская) — яркимъ колоритомъ. Явился Россини и соединилъ въ себѣ всѣ школы, или, лучше сказать, своей игривостью, своимъ пламеннымъ воображеніемъ, легкостью и граціозностью своихъ мотивовъ увлекъ все за собою и такимъ образомъ уничтожилъ всѣ прежнія школы. Вотъ въ чемъ состоитъ переворотъ, имъ сдѣланный. Господство мелодіи и украшеннаго пѣнія, при ощутительной скудности гармоніи, при весьма-нерадивой инструментовкѣ, или переполненіи оркестра духовыми инструментами, барабанами и литаврами, — вотъ отличительныя свойства его композиціи и характера почти всѣхъ его послѣдователей. Подобно ему, они хлопочутъ болѣе всего объ игривости, блескѣ, минутномъ одушевленіи, внѣшней отдѣлкѣ своихъ оперъ; стиль ихъ сладострастенъ, роскошенъ и разнообразенъ; цѣль ихъ дѣйствовать на слушателя неожиданными эффектами, музыкальными трудностями, затейливыми украшеніями, поражать и увлекать его посредствомъ безпрерывнаго раздраженія нервовъ. Италія искони была страною свѣтлыхъ, сильныхъ голосовъ; къ этому преимущественно способствовалъ климатъ и самая вѣра, потому-что итальянецъ, послѣ азбуки, прежде всего учиться церковному пѣнію; набожность научаетъ его съ дѣтства сдружать свой голосъ съ звуками органа, такъ-что пѣніе становится въ Италіи недѣлимымъ свойствомъ народнаго характера. Итальянскіе композиторы пользовались этимъ счастливымъ свойствомъ народа, они обратили все свое вниманіе на пѣніе, на обработку голоса; начали употреблять его не какъ органъ души человѣка, но какъ послушный инструментъ, изъ котораго можно извлекать всѣ-возможныя звуки. Отсюда родилась страсть къ фіоритурамъ и руладамъ, въ которыхъ, разумѣется, всякое живое чувство души должно было погибнуть. Но внѣшняя сила выраженія, но эффектъ драматическій и механическое дѣйствіе на органы слушателя, — оттого стали ощутительнѣе. Этотъ родъ пѣнія совершенно соотвѣтствуетъ декламаціи — и Россини, въ музыкѣ то же, что Корнель и Вольтеръ въ трагедіи: вся сила, вся красота его въ наружной формѣ выраженія, въ силѣ, въ громкихъ, звучныхъ фразахъ, а не во внутреннемъ движеніи драмы. Но онъ за то понятенъ всѣмъ и каждому: творчество его не требуетъ отъ слушателя особеннаго эстетическаго чувства и глубокаго проникновенія въ излагаемый предметъ; онъ дѣйствуетъ на него механически, оглушительно, затемняя въ немъ всякое сознаніе — en l'enivrant.

Слѣдствія такой ереси были очень пагубны для итальянской музыки. Древній, строгій стиль совершенно изчезъ; переполненіе (Ueberladung, surchargement) замѣнило простоту, бравура — выразительность, манера — душу. Всѣ эти нововведенія, которыя дали искусству совершенно-ложное направленіе, между-тѣмъ своею новизною и наружной прелестью увлекали всѣхъ за собою, какъ иногда пріятный грѣхъ вводитъ въ соблазнъ самыхъ непоколебимыхъ стоиковъ.

Въ «Семирамидѣ», одномъ изъ значительнѣйшихъ твореній Россини, мы находимъ всѣ достоинства и недостатки основанной имъ школы. Здѣсь онъ вылился весь, вылился въ самыхъ лучшихъ формахъ, которыя геній могъ внушить ему, — и вы видите, какъ онъ, довольный своимъ твореніемъ, подобно Нарциссу, любуется самъ собою въ каждомъ счастливомъ мотивѣ, въ каждой удачной фразѣ, повторяя ихъ по два раза. Никто не отниметъ музыкальныхъ красотъ у этого колоссальнаго въ своемъ родѣ творенія; но всякой, даже самый присяжный меломанъ, сознается, что an long эти красоты его утомляютъ. Высидѣть два полные акта этой оперы— подвигъ, который можно совершить по обѣту. Вы выходите изъ театра какъ-будто совершенно разбитые; всѣ нервы ваши раздражены отъ безпрерывнаго потрясенія, душа утомлена; но если вы пошарите въ глубинѣ ея, вѣрно не найдете ни одного впечатлѣнія, ни одного чувства, вынесеннаго изъ этаго бурнаго моря звуковъ и мелодій. Отчего же это происходитъ? Какая причина такого внутренняго холода при такомъ наружномъ раздраженіи? Не та ли, которую я изложилъ выше — что вся эта музыка не драма, т. е. не движеніе страстей и внутренней жизни человѣка, выраженное звуками, а просто декламація съ прекрасными лирическими мѣстами, то же самое, что трагедія Вольтера и Расина. Перемѣшайте всѣ дѣйствующія лица, какъ колоду картъ; назовите Арзаса — Семирамидою, Семирамиду — Ассуромъ, Ороя — Идреномъ, а царя индійскаго — тѣнью Нина, и ни какой перемѣны, кромѣ голосовъ, въ оперѣ не произойдетъ. Всѣ партіи сильны, щеголевато обработаны; всѣ имѣютъ свои блестящія мѣста, свои бравурныя аріи, свои эффектныя фермaты, свои роскошныя колоратуры, но ни въ одной изъ нихъ не просвѣчиваетъ характеръ дѣйствующаго лица; ни въ одной нѣтъ внутренняго движенія страсти, которое одно только имѣетъ магническую силу сообщенія съ душою слушателя. Снимите съ актеровъ костюмы, уберите декораціи: пусть споютъ они

вамъ всю оперу во фракахъ и бѣлыхъ перчаткахъ, съ приличной важностью на лицѣ, при концертномъ освѣщеніи — и вы увидите, что опера ничего не утратитъ: красоты ея останутся тѣ же, и впечатлѣніе будетъ тоже, потому-что то и другое лежитъ въ голосѣ пѣвцовъ, въ инструментахъ музыкантовъ, во внѣшней формѣ выраженія. На сценѣ одна игра актеровъ, ихъ тѣлодвиженія, ихъ мимика, костюмы и декораціи даютъ вамъ понять положеніе дѣйствующихъ лицъ, но отнюдь не ихъ пѣніе. Каждая арія есть превосходная, отдѣльная концертная пьеса, а всѣ вмѣстѣ продолжительный концертъ, связанный речитативами. Опера «Семирамида», какъ и всѣ оперы Россини, составлена по извѣстному, аппробаванному рецепту.

Вр. Бравурную арію для примадоны. 1
Нѣжный дуэтъ для нея и перваго тенора. . 1
Каватину для тенора. 1
Арію для баритона (basso cantante). 1
Речитативъ и арію для контральто 1
Дуэтъ для него и сопрано. 1
Тріо для контральто, сопрано и басса . . . 1
Хоровъ жрецовъ или дѣвъ. 2
Шумныхъ финаловъ съ музыкой на сценѣ и въ оркестрѣ 2

Придай: Нѣсколько хоровъ для пополненія арій и прикрытія тѣхъ высокихъ нотъ, которыхъ пѣвцы или пѣвицы не въ состояніи взять; *перемѣшай* все съ речитативами ad libitum и задай въ одинъ пріемъ почтеннѣйшей публикѣ, и если подѣйствуетъ, то *повторяй* какъ можно чаще.

Оперы Россини, требуя отъ пѣвцовъ чрезвычайныхъ усилій и отличной обработки голоса, подарили міру первѣйшихъ пѣвицъ Пасту, Гризи, Ѳоадоръ (т. е. Ѳедорову, ибо она—русская), Малибранъ, Зонтагъ, дали развитіе необыкновеннымъ талантамъ Рубини, Тамбурини, Лаблаша, которые въ свою очередь возвеличили творенія маэстро свыше ихъ достоинства. Но то, что было счастіемъ для оперъ Россини, становится для нихъ въ то же время и бѣдствіемъ. Нужны первоклассные пѣвцы, чтобы найти наслажденіе въ его созданіяхъ. Такъ напр., «Семирамида» никогда не достигнетъ до полнаго торжества, если на партію вавилонской царицы не найдется новая Паста или Малибранъ. Дайте эту холодную партію холодной пѣвицѣ, которая не въ состояніи согрѣть ее своимъ собственнымъ жаромъ, расцвѣтить ее энергіей и блескомъ своего

голоса — и вся опера погибла безъ возврата. Дайте Арзаса пѣвицѣ новой и робкой, которая еще незнакома со всѣми фокус-покусами итальянскаго пѣнія, и она ничего не произведетъ этой ролью, назначенной для произведенія безпрестаннаго эффекта въ оперѣ.

Въ позднѣйшіе годы, Россини, какъ человѣкъ съ необыкновеннымъ геніемъ, самъ постигъ свои недостатки и обратился къ изученію нѣмцевъ. Ему хотѣлось соединить элементы нѣмецкой музыки съ своею игривою и блестящею методою композиціи, и такимъ образомъ основать новую школу музыки, германо-итальянскую. Первою его попыткою былъ «Вильгельмъ Телль» (у насъ «Карлъ Смѣлый»), попыткою смѣлою и весьма удачною, которая поставила его на ряду съ Глуккомъ, Керубини и Мегюлемъ. Слѣдствіемъ того же счастливаго направленія Россини были финалъ 2-го акта «Моисея» и сцена *Благословенія знаменъ* въ «Мухаммедѣ», написанные имъ вновь во Франціи. Но къ-сожалѣнію, съ тѣхъ поръ великій маэстро почилъ на лаврахъ и предоставилъ осуществленіе своей мысли могучему таланту Мейербера.

Перейдемъ теперь къ нѣмецкой музыкѣ. Въ основныхъ своихъ стихіяхъ, она составляетъ совершенную противоположность съ итальянскою. Какъ итальянская музыка развивалась изъ чувственности и внѣшней жизни итальянцевъ, такъ нѣнѣмецкая, отдѣлясь въ XVIII вѣкѣ отъ итальянской, приняла направленіе германскаго духа. Нѣмцы, которые, устранясь отъ обыкновеннаго порядка жизни, искали источника истины и красоты въ мірѣ идеи, и абстрактныя свои понятія вносили въ область наукъ и искусствъ, — дали и музыкѣ своей мистическое значеніе. Въ этой поэтической сферѣ музыка ихъ созрѣла до такъ-называемаго романтизма, который, поправъ холодную пластику и высвободя искусство изъ оковъ узаконенной формы, далъ ей свободу развиваться самобытно, широко, какъ новой стихіи для выраженія міра духовнаго. Гайднъ, Гендель, Себастьянъ Бахъ, Глукъ Моцартъ, Бетховенъ и всѣ эти великіе германскіе композиторы, были не просто музыканты, набрасывавшіе на бумагу свои мимолетныя мысли или блестки своего воображенія, нѣтъ, это были великіе мыслители, поэты, которые проникали въ духъ природы и человѣка, стремились къ міру невидимому и, зачерпнувъ въ немъ вдохновеніе глубокою душою, старались передать свои идеи и чувства подъ оболочкою звуковъ. Ихъ творенія, какъ всякое сознательное дѣйствіе души человѣческой, имѣли свои причины и

цѣли. Отъ того нѣмецкая музыка приняла характеръ глубины и важности. Она была живописью звуковъ; она замѣняла и краски и слова: ею рисовали картины природы («Времена Года»—Гайдна); ею писались самыя величественныя поэмы, достойныя Гомера («Сотвореніе Міра»); ею выражали глубочайшія чувства вѣры и упованія («Мессія» Генделя); ею передавали метафизическія, абстрактныя идеи (симфоніи Бетховена, фуги Баха); ею, наконецъ, живописали характеръ и страсти человѣка (оперы Моцарта).

Главныя свойства нѣмецкой музыки состоятъ въ простотѣ, благородствѣ и силѣ выраженія, въ строгости и грандіозности стиля, въ наивности, теплотѣ и истинѣ чувства, въ правильности ритма и въ опредѣленности речитатива. Чтобы выражать глубокія ощущенія души и сильныя страсти, надо дать голосу полною свободу, не стѣсняя его условіями какой-нибудь принятой формы. Потому пѣніе у нѣмецкихъ композиторовъ почти всегда просто, ясно, не загромождено украшеніями, не испещрено завитками руладъ и фіоритуръ. Въ оперѣ пѣвцу дана полная свобода, какъ актеру, придавать звуку надлежащее выраженіе, требуемое чувствомъ, или порывомъ страсти, которыя онъ рисуетъ. По этому, хорошая нѣмецкая опера, хорошо исполненная, никогда не оставитъ васъ холоднымъ: вы сочувствуете дѣйствующему лицу, потому-что его страданія или страсти доходятъ до вашей души, и непремѣнно выносите изъ театра какое нибудь чувство. Съ перваго взгляда, каждая нѣмецкая опера кажется скучною, потому-что въ ней нѣтъ блестящихъ мотивовъ, игривыхъ модуляцій, фейерверковъ пѣнія, которыми итальянцы и французы избаловали нашъ слухъ. Люди, безсознательно смотрящіе на искусство и отыскивающіе въ немъ одно легкое удовольствіе, называютъ даже нѣмецкую музыку *глубиною премудрости, бездною учености*; но для человѣка съ эстическимъ чувствомъ, способнаго проникаться предметомъ, она всегда представитъ неизсякаемый источникъ истиннаго наслажденія. Таковы оперы «*Донъ-Жуанъ*»—«*Волшебная Флейта*»—«*Милосердіе Тита*» —Моцарта, «*Весталка*» — Спонтини, — «*Ифигенія*» — Глука «*Іосифъ*», Мегюля — «*Вампиръ*» — Маршнера, «*Прерванное Жертвоприношеніе*»—Винтера, «*Водовозъ*»—Керубини, и въ новѣйшее время «*Робертъ*» и «*Гугеноты*» — Мейербера и «*Жидовка*»—Галеви. Всѣ эти творенія не терпятъ поверхностнаго вниманія; съ перваго раза они покажутся даже непонятными, какъ и всякое высшее проявленіе творчества; но чѣмъ болѣе вы ихъ слу-

знаете, чѣмъ болѣе въ нихъ вникаете, тѣмъ больше находите истинныхъ красотъ и глубокихъ идей. Этимъ поясняется колоссальный успѣхъ Мейерберовыхъ оперъ и «Жидовки» Галеви, которыя въ первое представленіе показались дикими и непонятными для присяжнихъ дилетантовъ. Тѣ же впечатлѣнія испытываетъ каждый и при первомъ взглядѣ на картину Брюлова—«Послѣдній день Помпеи»; Шекспиръ также не понятенъ для толпы, а между-тѣмъ въ немъ заключается все, что чувство и умъ человѣческіе могли создать великаго. Нѣмецкая музыка должна быть прежде почувствована, потомъ спѣта; итальянцы, первые пѣвцы въ мірѣ по выработкѣ голоса, никогда не могутъ хорошо передать нѣмецкихъ композицій; онѣ для нихъ слишкомъ-просты, слишкомъ голы; искать силы и выраженія для звуковъ въ душѣ—они не привыкли, а для каскадовъ и фейерверковъ пѣнія въ этихъ мелодіяхъ слишкомъ мало простора. По этой причинѣ, и «Донъ-Жуанъ» Моцарта, этотъ перлъ нѣмецкой музыки, никогда не производилъ сильнаго эффекта на итальянскихъ театрахъ, хотя Моцартъ и писалъ его для итальянской труппы. Первѣйшіе таланты итальянскихъ сценъ не постигали ни идей, ни характеровъ, выраженныхъ Моцартомъ, который какъ Рафаэль музыки, есть зеркало простоты, естественности и возвышеннаго изящества. Доказательствомъ тому служитъ конецъ, придуманный итальянскими импрессаріо, состоящій въ декараціи ада и пляскѣ чертей. Композиторъ не искалъ этихъ наружныхъ и грубыхъ эфектовъ, очень хорошо зная, что театральный адъ, съ его холстинною лавою и картонными мученіями, больше смѣшонъ, чѣмъ поразителенъ. Онъ довольствовался тѣмъ, что обрисовалъ міръ духовъ звуками своихъ дивныхъ хоровъ, и не гонялся за видимыми *ужастями*.

Идея «Дона-Жуана» состоитъ въ осуществленіи матеріализма и вѣры въ свѣтлый міръ нетлѣнныхъ наслажденій, въ изображеніи борьбы темнаго духа земли — съ высшимъ призваніемъ человѣка. Этой идеей проникнута вся опера; она выражается въ каждомъ отдѣльномъ характерѣ пьесы, и каждому изъ нихъ музыка даетъ его типическую физіонгомію и колоритъ. Вотъ передъ вами донья-Анна, воплощенная мечта любви и непорочности. Одно прикосновеніе къ ней нечистаго помысла земли разрушаетъ весь міръ ея свѣтлыхъ мечтаній и свергаетъ ее съ неба блаженства на земныя страданія. Она любила дона-Оттавіо со всею теплотою непорочнаго сердца; но мысль, что она была причиною смерти отца, уничтожила

ея рай. Отнынѣ для нея нѣтъ болѣе счастія: отецъ ея, можетъ быть, умеръ съ мыслью о ея преступленіи, съ проклятіемъ на устахъ, только вѣра въ свиданіе съ святымъ старцемъ, надежда на оправданіе передъ нимъ поддерживаетъ ея тѣлесныя силы. Она хочетъ явиться передъ нимъ непорочною, какою была при его жизни, и любовь ея къ Оттавіо превращается въ нѣжное чувство дружбы. Необыкновенныя силы души требуются отъ артистки, которая берется за роль доньи Анны; звукъ голоса, выраженіе его — все должно знакомить слушателя съ положеніемъ ея сердца. Сцена ея надъ трупомъ отца — должна потрясти васъ до мозга костей: это вопль души, разстающейся съ тѣломъ, положеніе близкое къ помѣшательству; это первый ударъ сердца, который склонилъ гордый, прекрасный цвѣтокъ къ землѣ; онъ еще роскошенъ, онъ еще благоухаетъ, но чувствуетъ, что зародышъ мучительной смерти увяданія уже въ его жилахъ. Судите сами, какъ должна она произнесть многозначительные звуки:

Padre mio! caro padre!
Padre amato!.. io manco... io moro...

Другая сцена, въ которой она открываетъ любимому человѣку свой позоръ и описываетъ ему ночное путешествіе дона-Жуана, еще ужаснѣе. Робкая, дѣвственная душа, полная одной мыслью объ отмщеніи за кровь отца, забываетъ все и разрушаетъ сама послѣднюю надежду на земное свое счастіе. Для этого разсказа въ ней сохранилась еще энергія; но послѣ него, въ теченіе всей пьесы, вы видите существо полутѣлесное, котораго дни сочтены, а послѣдняя ея арія:

Non mi dir, bell' idol mio,

есть пѣснь умирающаго лебедя: отъ нея вѣетъ холодомъ могилы. Въ послѣднихъ словахъ ея выражено состояніе души Анны: Forse un giorno il cielo ancora Sentirà pietà di me.

Самъ Моцартъ одинъ разъ только былъ доволенъ выполненіемъ партіи доньи-Анны, которую почиталъ лучшимъ своимъ созданіемъ. Это было въ первое представленіе «Донъ Жуана» въ Мюнхенѣ. Пѣвица умерла въ ту же ночь отъ сильнаго волненія и потрясенія нервовъ. Когда Моцарту объявили объ этомъ на другой день, онъ сказалъ: «въ хоръ ангеловъ нуженъ былъ лишній голосъ для славословія Творца, и скорбную сестру призвали на небо». Въ этихъ словахъ заключается весь идеалъ его доньи Анны.

Въ противоположность къ доньѣ Аннѣ выставленъ имъ характеръ доньи Эльвиры, женщины вполнѣ земной, съ ма-

терьяльною страстью, которая, сознавая всѣ пороки, всю нравственную пустоту дона Жуана, не можетъ отъ него оторваться. Она предостерегаетъ отъ его коварства донью-Анну и Церлину, не изъ боязни за ихъ униженіе, а изъ ревности, изъ чувства своей оскорбленной любви. Она преслѣдуетъ невѣрнаго проклятіями и слезами; но, при первомъ его ласковомъ словѣ, кидается съ ослѣпленіемъ въ его объятія, и до того счастлива его обладаніемъ, что не замѣчаетъ даже, что раскаявшійся ея вѣтренникъ ни кто другой, какъ Лепорелло. Моцартъ обрисовалъ характеръ Эльвиры бурнымъ, страстнымъ пѣніемъ, онъ далъ ей даже украшенія, чтобы показать, что страсти ея почерпнуты изъ темперамента, а не изъ высшей настроенности души. Третье женское лицо драмы Моцарта—Церлина. Это существо доброе и простодушное; жизнь кипитъ въ немъ, и молодое его сердце готово принять всякое внѣшнее впечатлѣніе. Глубокія чувствованія ему недоступны; въ душѣ его таится завѣтъ долга и чистоты нравственной. Церлина легко склоняется на обольщенія дона Жуана, потому-что она легковѣрна; она готова забыть любовь свою къ Мазетто, впрочемъ очень искреннюю, потому-что предложенія богатаго кавалера льстятъ ея честолюбію, и что добродѣтель ея основана не на прочныхъ началахъ внутренняго сознанія, а на правилахъ и поученіяхъ, которыя ей натвердили съ дѣтства. Моцартъ придалъ ея пѣнію грацію и наивное выраженіе. За то, вникните въ сцену обольщенія, и вы поймете, что дитя Церлина должна непремѣнно попасть въ сѣти, ей разставленныя. Возлѣ сладкихъ напѣвовъ дона Жуана, вы слышите въ оркестрѣ какой-то голосъ духа, который обжигаетъ бѣднаго ребенка своимъ адскимъ пламенемъ.

Донъ Жуанъ — воплощенный матеріализмъ. Характеръ его выраженъ музыкою превосходно. Но это не простой развратникъ, какимъ передаютъ его иные, а человѣкъ съ энергическою, сильною душою, который, по ложному убѣжденію, впалъ въ атеизмъ, играетъ жизнью, потому-что не вѣритъ въ ея безконечность, презираетъ людей, потому-что видитъ въ нихъ слѣпыя орудія къ удовлетворенію своихъ страстей. Онъ не вѣритъ въ глубокое чувство, потому-что не признаетъ его безсмертнаго источника. Все кажется ему минутнымъ въ мірѣ, и онъ пользуется минутою и услаждается всѣмъ, что можетъ только придумать разгоряченное воображеніе сластолюбца. При другомъ направленіи духовныхъ силъ, донъ Жуанъ былъ бы героемъ добродѣтели, потому-что предается своимъ идеямъ со

всею пылкостію пламеннаго темперамента. Но онъ не знакомъ съ *галантерейнымъ обращеніемъ* и приступаетъ къ женщинамъ съ самоувѣренностію и гордостію: хладнокровно льститъ ихъ самолюбію, не унижаясь до подленькаго селадонства; онъ не вѣритъ въ добродѣтель женщинъ и въ любви ихъ видитъ одно побужденіе сладострастія, безъ участія сердца. Чтобы удовлетворить свою минутную прихоть, онъ готовъ разрушить полміра и смѣло идетъ на опасность, довѣряя счастію минуты и не заботясь о послѣдствіяхъ. Онъ убиваетъ командора не изъ ненависти, не изъ злости, а потому, что это было необходимо для его собственной безопасности.

L'ha voluto, suo danno...

(Онъ этого хотѣлъ—тѣмъ хуже для него!)

говоритъ онъ и хладнокровно отталкиваетъ трупъ ногою. Но онъ не станетъ робко ощупывать его, чтобы увѣриться, точно ли онъ умеръ. Это было бы малодушіемъ и совершенно не въ характерѣ дона Жуана. Донъ Жуанъ не потрясенъ согласіемъ статуи явиться къ нему на пиръ, потому-что почитаетъ это дѣйствіемъ разгоряченнаго воображенія и не вѣритъ въ иной міръ, кромѣ матерьяльнаго. Онъ пораженъ, когда каменный гость дѣйствительно къ нему приходитъ; но и тутъ самолюбіе заставляетъ его съ твердостію стать къ нему лицомъ-къ-лицу. До самой послѣдней минуты, онъ вѣренъ себѣ и, нисходя въ вѣчный огонь, чувствуетъ только физическія страданія. Лепорелло, слуга дона Жуана—человѣкъ, который дорожитъ блаженствомъ души своей; онъ понимаетъ нравственное паденіе своего господина, желалъ бы остановить его и спасти отъ грѣха, но, видя неуспѣшность своихъ поученій, помогаетъ ему во всѣхъ его проступкахъ, потому-что любитъ деньги больше души своей, и потому-что животная натура въ немъ сильнѣе вѣры. Онъ привязанъ къ дону Жуану, какъ цѣпная собака къ привратнику, который ее кормитъ. Онъ хотѣлъ бы его оставить, но онъ связанъ съ нимъ слишкомъ крѣпко узломъ выгодъ; онъ радъ бы иногда не исполнить господской воли, противной его совѣсти, но боится тычка шпаги или побоевъ, — а онъ любитъ жизнь столько же, какъ и деньги. Эта корысть, смѣшанная съ боязнью, эта любовь къ *животу* возлѣ сознанія лучшаго бытія—дѣлаютъ Лепорелло лицомъ комическимъ. Онъ больше жалокъ, чѣмъ смѣшонъ: онъ веселъ сквозь слезы и пляшетъ изъ-подъ палки. Всѣ черты этого характера прекрасно выражены музыкою, и во всѣхъ его аріяхъ-буффо просвѣчиваетъ печальная иронія. Весьма неловко поступилъ тотъ ар-

тистъ, который возьметъ характеръ Лепорелло съ шутовской стороны и вздумаетъ сдѣлать изъ него итальянскаго забавника, потѣшающаго толпу фарсами.

Мазетто—типъ простоты и довѣрчивости. Церлина его прекрасно понимаетъ и беретъ надъ нимъ власть. Она очень довѣрчиво подставляетъ ему спину для побоевъ, зная, что онъ разнѣжится и не тронетъ ее пальцемъ. Это послушная машина, безъ сознанія, которую можно пустить въ ходъ и остановить, когда захочешь. Но сквозь грубую оболочку души, въ немъ просвѣчиваетъ чувство. Онъ жалокъ и смѣшонъ, потому-что не видитъ, какъ его обманываютъ.

Донъ-Оттавіо, совершенная противоположность къ этому характеру. Онъ влюбленъ въ донью Анну, но, при любви, не забываетъ и условій свѣта. Съ горячностью берется онъ защищать свою невѣсту и мстить за смерть ея отца—

Tutto il mio sangue
Versaro si bosogna!

(Всю кровь свою пролью за тебя, если нужно!)

говоритъ онъ въ первомъ пылу; но потомъ, когда донья Анна открываетъ ему свое ночное похожденіе,—любовь и горячность его видимо охладѣваютъ. Онъ слѣдуетъ за нею болѣе изъ приличія, чѣмъ по влеченію сердца. Онъ не мститъ дону Жуану за оскорбленіе своей возлюбленной по-рыцарски, со шпагою въ рукахъ: нѣтъ, онъ жалуется на него суду. Не надеждою на счастіе, не изъявленіемъ любви довѣрчивой и чистой старается онъ утѣшить скорбную подругу; онъ предлагаетъ ей для вознагражденія въ утратѣ отца, свое сердце и руку—*даже завтра*... прибавляя очень сметливо «si vuoi» — «*если ты хочешь.*»Въ этомъ «*даже завтра*» и «*если ты хочешь*» высказывается вся его мелкая душа, и донья-Анна хорошо понимаетъ смыслъ этихъ словъ. Въ ея послѣдней аріи, которая слѣдуетъ за этимъ предложеніемъ, видно, что она разгадала Оттавіо.... въ словахъ «ma il mondo!» гаснетъ послѣдняя искра ея счастія. Она узнала, что ей остается одно утѣшеніе—смерть.

Вотъ бѣглый очеркъ характеровъ музыкальной драмы Моцарта. Великій композиторъ глубоко проникъ въ идею Мольера, и пополнилъ въ ней звуками то, чего поэтъ не могъ выразить словами. Не говоря уже о томъ, что эта дивная музыка очерчиваетъ рѣзко и вѣрно каждый характеръ,—она имѣетъ колоритъ мѣстности, нравовъ: она до того отдѣляетъ васъ отъ дѣйствительности, что вамъ кажется, будто всѣ эти лица не могли и не должны выражаться иначе, какъ музыкою. Нигдѣ

Моцарта нельзя изучить такъ глубоко, какъ въ «Донѣ Жуанѣ». Тутъ поражаетъ васъ все: и строгая соразмѣрность строенія всей оперы, и отчетливость мельчайшихъ ея подробностей, равновѣсіе гармоніи и мелодіи, которыя идутъ рука объ-руку, нигдѣ не подавляя другъ друга. Искусство и чувство, вымыслъ и созданіе, колоритъ частей и цвѣтъ всего творенія—все полно, все оригинально и мощно въ этой оперѣ. Это чистый музыкальный шекспиризмъ! До конца втораго акта, въ ходѣ драмы нѣтъ ничего сверхъестественнаго, но вы уже слышите въ музыкѣ участіе непостижимаго, таинственнаго міра, которое васъ приготовляетъ къ трагической развязкѣ пьесы, гдѣ все царство духовъ распахиваетъ передъ вами свои широкія ворота. Вникните въ пѣніе статуи командора: это звукъ трубы, призывающей мертвыхъ къ жизни, живыхъ—къ покаянію. Хоры, сопровождающіе ея пѣніе проникаютъ холодомъ въ жилы. Композиторъ вездѣ одинаково могучъ,—и въ серьёзномъ, строгомъ стилѣ, и въ капризахъ веселости и остроты. Если указывать на превосходныя мѣста этой музыки, то надо разложить передъ вами партитуру оперы, отъ первой ея ноты до послѣдней. Музыка «Дона-Жуана» впивается въ нашу душу наепльно, и чѣмъ больше ее слушаешь, тѣмъ глубже чувствуешь ея обаяніе. Вы изъ театра не вынесете, можетъ быть, ни одного мотива, но впечатлѣніе, ими произведенное, останется въ васъ надолго. Оркестровка—верхъ совершенства! Дѣйствія оркестра не подавляютъ васъ массою звуковъ, какъ у Россини и его послѣдователей: инструменты дорисовываютъ только то, что не досказано мелодіею; голосъ человѣческій первенствуетъ надъ ними; они отголоски, вторящіе звукамъ, вырваннымъ изъ души. Но тамъ, гдѣ пробуждаются страсти, кипитъ и оркестръ. Въ пѣніи почти нѣтъ украшеній; оно просто, и потому именно выразительно и сильно, что просто.

Вспомните, что оперѣ «Донъ-Жуанъ» уже слишкомъ 60 лѣтъ, а досихъ поръ она доставляетъ слушателю неисчерпаемый источникъ наслажденія, мѣжду-тѣмъ, какъ новѣйшая германо-итальянская школа Мейербера угрожаетъ совершенною погибелью всѣмъ послѣдователямъ Россини.

Вотъ главныя основанія, характеръ и направленіе двухъ музыкальныхъ школъ и очеркъ двухъ оперъ, которыя могутъ быть приняты за прототипы ихъ творчества. Результатъ изъ нашего сравненія всякій легко выведетъ самъ. Прибавимъ только, что нѣмцы, образовавшіеся по солиднымъ созданіямъ своей музыки, никогда не споютъ хорошо итальянской оперы,

гдѣ всѣмъ пожертвовано наружному блеску; но за то и самые искуснѣйшіе пѣвцы Италіи не передадутъ вамъ «Дона Жуана» потому-что, привыкнувъ ко внѣшности музыкальнаго исполненія, они не въ состояніи проникнуть въ духъ и глубину этого созданія.

Намъ слѣдуетъ поговорить объ исполненіи *Дона-Жуана*, на нашей итальянской сценѣ. Исполнить отчетливо, даже прекрасно музыкальную часть роли, и дать настоящій цвѣтъ характеру двѣ вещи совершенно различныя. Донъ-Жуанъ Моцарта, между тѣмъ, такое твореніе, которое для полнаго впечатлѣнія требуетъ того и другаго. Поэтому на первоклассныхъ сценахъ, геніальнѣйшими артистами онъ иногда бывалъ выполняемъ не совсѣмъ удовлетворительно и непроизводилъ сильнаго впечатлѣнія. Требованія этой оперы слишкомъ строги и опредѣлительны, и малѣйшія отступленія отъ ея требованій слишкомъ замѣтны, чтобы она когда нибудь и гдѣ нибудь могла быть дана въ совершенствѣ. Пѣвцы, какъ мы уже говорили, раздѣляются вообще на такихъ, которые глубоко проникаются духомъ музыкальнаго характера, и на такихъ, которые обращаютъ главное вниманіе на внѣшнюю отдѣлку партій, на блескъ и красоту выраженія, на эфектность украшеній. По этому пѣвцы итальянской школы, щеголевато и ярко передающія пѣніе, не охотно берутся за нѣмецкія композиціи, которыя по строгому своему стилю, недопускаютъ измѣненій въ пользу эфектовъ внѣшнихъ, и стѣсняютъ ихъ въ исполненіи. У насъ опера Моцарта была исполнена первоклассными итальянскими артистами, была исполнена прекрасно, но совершенно въ духѣ итальянской школы. Нѣкоторые темпы были измѣнены, а строгіе судьи этимъ не вполнѣ, довольны потому-что у Моцарта такъ все расчитано на внутренній эфектъ, что въ партитурѣ его нѣтъ точки, поставленной безъ сознанія. За то многія мѣста въ оперѣ были исполнены такъ превосходно, какъ ихъ можетъ быть никогда не слыхали и едва-ли гдѣ нибудь услышатъ.

Г. Тумбурини всю партію *Дона-Жуана* пропѣлъ прекрасно, а дуэтъ съ Церлиною: La ci darem la mano... арія: Finchè vino... и, наконецъ, канцонетта подъ балкономъ Эльвиры: Deh vieni alla finestra, o mio tesoro! исполнены съ неподражаемымъ мастерствомъ, свойственнымъ только этому превосходному пѣвцу. Что касается до драматическаго характера Дона-Жуана, то онъ переданъ г. Тамбурини совсѣмъ не такъ, какъ привыкли понимать его нѣмцы и

какъ мы сами его очертили. Г. Тамбурини болѣе легкомысленный шалунъ и повѣса, чѣмъ глубокій скептикъ, презирающій въ мірѣ все, кромѣ сластолюбія.

Г. Сальви — въ партіи *Дона-Оттавіо* обнаружилъ много теплоты и усердія, и въ этомъ отношеніи онъ въ ней былъ даже удовлетворительнѣе, чѣмъ Рубини, который былъ холоденъ; но въ речитативахъ онъ не могъ сравниться съ этимъ дивнымъ пѣвцомъ, который умѣлъ оттѣнять ихъ тою удивительною манерою, въ высшей степени драматическою, которая ему одному свойственна. Роль Оттавіо непремѣнно требуетъ нюансовъ въ игрѣ и пѣніи, и во многихъ мѣстахъ одушевленіе г. Сальви придавало ей энергію. Арія: Il mio tesoro intante... единственное мѣсто кантабиле, пропѣта имъ прекрасно.

Партія *доны Анны* на этотъ рззъ была выполнена блистательнымъ образомъ. Г-жи Джули-Борси передала ее со всей энергіей, чистотой, ясностью и мастерствомъ, которыя составляютъ отличительный характеръ этой пѣвицы. Г-жа Кастеланъ была въ этой роли несравненно ниже ея, во первыхъ потому, что она пѣвица холодная, не драматическая, во вторыхъ, что для объема голоса г-жи Кастелланъ эта партія слишкомъ высока.

Г. Росси — въ роли *Лепорелло* велъ себя гораздо скромнѣе Ровере, и въ этомъ отношеніи много выигрывалъ: онъ гораздо ближе подходилъ къ идеалу характера Лепорелло, и пропѣлъ всю партію отчетливо и даже хорошо, на сколько позволяли ему средства. Это одна изъ труднѣйшихъ басовыхъ партій, требующая отъ пѣвца сильнаго, чистаго голоса, и большой гибкости. Спѣть ее хорошо равняется почти тому же, что спѣть другую партію превосходно.

Г-жа Фрецоллини — была мила и неивна въ роли *Церлины*. Многія мѣста исполнены ею блистательно; въ сценахъ любви просвѣчивало много нѣги и задушевнаго выраженія. Она замѣнила съ успѣхомъ г-жу Віардо въ этой партіи, но къ несчастію ея и къ общему сожалѣнію, нельзя же того сказать о г. Тамбурини младшемъ, который въ роли *Мазетто* былъ несравненно слабѣе нашего Артемовскаго; а какъ у него есть дуэты съ Церлиною, то они и не могли производить того сильнаго впечатлѣнія, какъ производили прежде.

Изъ этого видно, что опера Моцарта, по средствомъ труппы и по взгляду итальянцевъ на эту музыку, исполнена у насъ прекрасно. Остается прибавить, что обстановка ея соотвѣтствуетъ вполнѣ выполненію. Декораціи и костюмы отличны,

въ концѣ даже есть огненная декорація, представляющая адъ, съ танцами демоновъ, украшенная машинами. Это добавочная роскошь, которой скромный, а можетъ быть и самонадѣянный, авторъ оперы, не смѣлъ въ свое время требовать отъ скупыхъ и бѣдныхъ нѣмецкихъ театровъ, и потому ее въ партитурѣ своей не назначилъ, ограничившись лаконическою прописью: «*Донъ-Жуанъ проваливается сквозь землю, откуда пышетъ пламя.*»

Ѳ. КОНИ.

—

СИГНАЛЫ ЛИТЕРАТУРНЫЕ.

=

Литература наша погружена въ пріятный, летаргическій сонъ. Слава Богу! она устала, бѣдная, отъ работы надъ этимъ безчисленнымъ множествомъ переводныхъ романовъ пустозвучной французской фельетонной промышленности, отъ фабрикаціи многихъ дюжинъ русскихъ ярморочныхъ повѣстушекъ и романчиковъ, съ заманчивыми историческими и фантастическими заглавіями, отъ брошюрокъ касательно межеванія, вспахиванія, унавоживанія, улучшенія земель, которыя авторы видали вблизи только на Крестовскомъ островѣ и въ Петровскомъ паркѣ; отъ томовъ назиданій на счетъ кухни, домашней экономіи, истребленія насѣкомыхъ, выращиванія волосъ, домашняго леченія, безплатнаго обученія языкамъ, написанныхъ, по большой части людьми, которые берутъ обѣдъ отъ кухмистера по 20 коп сер., владѣютъ двумя стульями, столомъ о трехъ ножкахъ и кроватью, истинною областью финикійскихъ боговъ; которые дѣйствительно нашли вѣрнѣйшій способъ уничтожать лысины, — прикрывая ихъ парикомъ, или накладкою отъ Вотье или Дени, которые, наконецъ, показываютъ, какъ безъ учителя можно научиться языкамъ, которыхъ сами незнаютъ.

Она устала отъ всего этого, бѣдная русская литература! Она отдыхаетъ на лаврахъ, не заботясь, сколько желудковъ отравлено ея *опытными хозяйками:* и *поваренными книгами*, сколько болѣзней уничтожено на вѣки ея *домашними лечебниками*; сколько легковѣрныхъ сидятъ безъ хлѣба отъ ея *удобрительныхъ* брошюръ; сколько любознательныхъ самолюбій не умѣютъ объясниться ни на одномъ языкѣ, вслѣдствіе ея *самоучителей* и *наглядныхъ методъ*! Что ей за дѣло до этихъ мелочей, доброй, умной литературѣ; она сыта, ея издатели обанкрутились, ея слава гуляетъ въ мѣшкахъ по дальнымъ окраинамъ Россіи, ея читатели стряпаютъ, мажутся, лечатся, орутъ и пашутъ: умственныя дѣятельность возбуждена, чего-же больше! О результатахъ думать нечего. Удивительное слово *экономія*! Приложенное къ жизни домашней, сельской, умственной, физической, оно всегда производитъ свое магическое дѣйствіе и слу-

жить промышленникамъ въ родѣ колокольчика, которымъ въ прудахъ сзываютъ легковѣрныхъ карасей, когда они понадобятся на соусъ подъ сметаною. По счастію, художники этихъ литературно-промышленныхъ дѣлъ, понемногу истребляются на Руси, подобно насѣкомымъ, которыхъ сами не могли истребить. Этому очищенію литературной атмосферы, мы, по большой части, обязаны добросовѣстнымъ журналамъ, которые не переставали въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ преслѣдовать обманы и ложное направленіе въ наукѣ и литературѣ, и почти пальцами указывали на непризванныхъ ихъ дѣятелей. Но какъ ни полезны эти благородныя усилія, однако злоупотребленіе еще долго не прекратится и легковѣріе читателей все еще будетъ находить пагубную для себя пищу. — въ этихъ gyasi-литературныхъ издѣліяхъ. Причинъ на это много. Во первыхъ, литературныя партіи, несогласія самихъ литераторовъ, противоположность ихъ цѣлей и вслѣдствіе того, и самого взгляда на вещи; во вторыхъ, недостатокъ-въ дѣйствительно хорошихъ и полезныхъ книгахъ, дороговизна ихъ и строгость ихъ обсуживанія въ журналахъ; въ третьихъ, недостатокъ средствъ къ обнародованію и распространенію умныхъ и дѣльныхъ сочиненій. Если сравнить годовой итогъ дребедени переводной и самодѣльной, съ итогомъ книгъ по разнымъ отраслямъ наукъ и искусствъ, у насъ получится весьма печальная пропорція 200 къ 10. У насъ нѣтъ еще этого отдѣльнаго класса людей, существующаго повсюду, извѣстнаго подъ названіемъ *издателей*, класса полезнаго, одушевляемаго въ своихъ предпріятіяхъ столько-же любовью къ просвѣщенію, народною гордостью и патріотизмомъ, какъ и личными выгодами, класса образованнаго, умѣющаго оцѣнить ученое и литературное произведеніе и дать ему ходъ. Наши издатели, по большой части, книгопродавцы, а книгопродавцы наши простые торговцы, которые потому занялись этой отраслью торговли, что съ дѣтства попали въ книжную лавку въ сидѣльцы. Попадись они въ лобазъ, они точно такъ же торговали бы теперь дегтемъ и саломъ, какъ торгуютъ произведеніями ума и фантазіи, и съ точно такимъже глубокимъ познаніемъ своего предмета. Эти издатели въ книгѣ видятъ только число листовъ и частей, бумагу и печать, и расчитывая на нихъ, предлагаютъ за многолѣтній, совѣстливый трудъ такую цѣну, что автора невольно забираетъ желаніе скорѣе сжечь свое произведеніе, чѣмъ пустить его въ свѣтъ. Имъ не нужно содержаніе книги, имъ нужны только громкія имена, прославленныя журналами, иногда также не изъ совсѣмъ безразсчетныхъ видовъ; они пустой романъ предпочтутъ умному историческому сочиненію; пошлый водевиль — трагедіи Кальдерона и Шекспира; туалетную книжечку или сборникъ плохихъ стишковъ и анекдотовъ—любой философской, ученой, и практической книгѣ. Притомъ, они соображаются со вкусомъ большинства, который, какъ извѣстно, есть вкусъ невѣжества. И вотъ тянется веренница

изданій, одно другаго пустѣе, одно другаго ничтожнѣе, отъ великолѣпныхъ книжищъ съ политипажами до мелочныхъ секретовъ, запечатанныхъ въ конвертъ, который можно распечатать, заплативъ сперва деньги. Поэтому неудивительно, что у насъ вдругъ выйдетъ какая нибудь пошлая повѣсть или нелѣпое путешествіе въ стихахъ, въ изданіяхъ, стоившихъ по своему великолѣпію тысячи рублей серебромъ. Разумѣется, что такія явленія, при дѣйствіи пара, который поддаютъ имъ изъ подручныхъ журналовъ, производятъ минутный эфектъ, но потомъ они остаются на рукахъ издателей, серебряные рубли обращаются въ заверточную бумагу, а счеты типографіи, политипажеровъ, рисовальщиковъ, бумажныхъ фабрикантовъ являются грозной фалангой—и результатъ изъ всего —банкрутство! Изданіе продается на пуды, каждый пудъ равно за пятую часть того, что стоилъ каждый экземпляръ. Поэтому и говорятъ у насъ, что они издаютъ не *литературу*, а *макалатуру*.

Вездѣ слышишь жалобы, что никто не читаетъ и не покупаетъ русскихъ книгъ, да какъ же ихъ и покупать, когда онѣ продаются чуть-чуть не на вѣсъ золота, и когда, по прочтеніи ихъ, въ любознательномъ читателѣ рождается такое разувѣреніе, что онъ навсегда добровольно отрекается отъ всѣхъ даровъ русскихъ музъ. По этимъ-то двумъ сильнымъ причинамъ, по невозможности хорошему автору найти добросовѣстнаго издателя, и по дороговизнѣ книгъ, которыя не раскупаются, вся литература русская отыскала себѣ убѣжище въ журналахъ, которые можно въ наше время почитать полными представителями всей русской литературной дѣятельности. Но взгляните, много ли и тамъ дѣятелей? Вездѣ, во всѣхъ періодическихъ изданіяхъ, являются и исчезаютъ одни и тѣже имена. Они создаются самыми журналами, которымъ геніи необходимы для поддержки ихъ вѣса въ читающемъ мірѣ, исчезаютъ быстро потому, что эти геніи, въ дѣйствительности люди даровитые, истощаются въ срочной журнальной работѣ, въ насиліяхъ, которымъ они подвергаютъ свое воображеніе, и неуспѣваютъ развить свой талантъ сознательно и глубоко. Сколько мы видѣли людей, которые первымъ своимъ произведеніемъ производили сильное впечатлѣніе, при второмъ слабѣли, при третьемъ исчезали совершенно, такъ, что самые журналы, воздвигшіе имъ пьедестали, и вѣрующіе въ *неукоснительный прогрессъ*, должны были сознаться въ ихъ слабости. Но это неизбѣжное зло во всякой литературѣ, которая не имѣетъ геніальныхъ представителей, талантовъ первой величины, главъ партій, основанныхъ на какой нибудь исключительной школѣ въ искусствѣ или на извѣстномъ литературномъ направленіи. Когда нѣтъ такихъ именъ, мелкіе таланты и талантики занимаютъ гордо ихъ мѣсто и разыгрываютъ роль представителей, пока неистощатся. Опорные пункты или такъ называемые авторитеты такъ же необходимы въ литературѣ, какъ

фундаментъ въ постройкѣ, и за неимѣніемъ самородныхъ основъ, журналисты по неволѣ бываютъ принуждены употреблять искуственныя,—которыя—увы! часто разсыпаются бутомъ и щебнемъ. Изъ того-же источника сама собою уже поясняется шаткость литературныхъ убѣжденій. Современные журналы поражаютъ, если не качествомъ помѣщаемыхъ въ нихъ произведеній, (за которыя они впрочемъ и отвѣчать не могутъ, потому что при огромной потребности статей, не можетъ быть строгаго выбора,) такъ покрайнѣй мѣрѣ ихъ количествомъ, и кто же, въ самомъ дѣлѣ, рѣшится разоряться на покупку книгъ, когда подписавшись на четыре журнала, онъ получитъ почти цѣлую библіотеку литературы по всѣмъ отраслямъ наукъ, искусствъ, политики, агрономіи, философіи и проч? И такъ, журналистика поглотила всю нашу литературу, предоставя мелочной торговлѣ все то, что оказалось для нея не нужнымъ или непригоднымъ. Журналисты сдѣлались настоящими книгопродавцами, книгопродавцы конторщиками журналистовъ. Исчезли имена, подъ знамя которыхъ въ предшествовавшія эпохи стекались всѣ таланты, знаменитости размельчились, каждый день являются и исчезаютъ новыя, однѣ распускаются, какъ листы весенніе, другія блѣднѣютъ и падаютъ, какъ осенніе. И вотъ, когда критика ищетъ себѣ пищи, ей почти не на чемъ остановить взора, кромѣ мелкой, жалкой посредственности, которая за отсутствіемъ людей, торащится въ люди. А попробуйте съ этой бѣдной ничтожностью поговорить языкомъ участія, языкомъ дѣльнымъ, указать ей на настоящій путь, обнаружить ея уклоненія отъ законовъ вкуса и смысла .. У! тутъ поднимется такой гвалтъ, что Боже упаси! Чѣмъ ничтожнѣе, чѣмъ мелочнѣе писака, тѣмъ громаднѣе его самолюбіе. Онъ надувается годъ, два, и смотришь родитъ пошлость; найдутся люди, которые придутъ отъ нея въ восторгъ неописанный, станутъ восхищаться, разсматривать ее въ газовый микроскопъ, увеличивающій въ милліонъ разъ, найдутъ въ ней и жизнь, и остроуміе, и намекъ, и разрѣшенную задачу искусства, и Богъ вѣдаетъ что такое... Не даромъ-же говорится

Прямой талантъ вѣзлѣ защитниковъ найдетъ!

И пойдетъ полемика! Что-же дѣлать въ этомъ случаѣ человѣку сознательному, желающему добра искусству, процвѣтанія литературѣ, устраненія меркантильности отъ дѣла мысли и слова? Ему остается молчать, пожавъ плечами, и повторить вмѣстѣ съ Димитріемъ Донскимъ: *Презрѣнье мой отвѣтъ на дерзкія слова!* Не вступать же въ позорный бой съ людьми, которые его ни понять, ни оцѣнить не могутъ, которые не видятъ другой цѣли въ своей дѣятельности, кромѣ своихъ грошевыхъ выгодишекъ, не понимаютъ, что истинный художникъ выступаетъ на арену за тѣмъ только, чтобы быть оцѣненнымъ, чтобъ слышать правдивый приговоръ своимъ произведеніемъ, и изъ строгой критической истины

черпать свой опытъ и свое совершенствованіе. Выходятъ на охоту противъ краснаго звѣря, гдѣ есть борьба, есть равныя силы, но на жука и таракана никто еще не заряжалъ ружья. Довольно махнуть рукой, чтобы очистить атмосферу отъ гадовъ, на минуту только нарушающихъ благоуханіе прекраснаго вечера!

Пантеонъ себѣ поставилъ за правило не отвѣчать ни на какія мелочныя выходки противъ него или его издателя, онъ имѣетъ много другихъ, гораздо полезнѣйшихъ обязанностей, и можетъ занять своихъ читателей статьями болѣе интересными, чѣмъ пустая перебранка.

Споръ объ искусствѣ — дѣло другое! Мы всегда готовы отвѣчать на всякое мнѣніе, какъ бы оно ни было противуположно съ нашимъ, если только въ немъ видны убѣжденія и желаніе достигнуть истины, а не пустыя выходки витязей пера. Мы всегда готовы потолковать, даже поспорить съ человѣкомъ любящимъ и понимающимъ искусство, съ человѣкомъ, видящимъ въ немъ что-то повыше ремесла. Такой споръ полезенъ, даже необходимъ, ибо онъ ведетъ къ совершенству, это не пустая битва съ вѣтряными мѣльницами!. . . . . .

Но что-же сдѣлалось съ нашею литературою? Она спитъ себѣ да и только! Не угостилъ-ли ее г. Пироговъ порядочнымъ пріемомъ сѣрнаго эѳира, помощію изобрѣтеннаго имъ снаряда? Не вдохнула ли она изрядную порцію хлороформа? Кажется, нѣтъ! А между тѣмъ, она спитъ сномъ крѣпкимъ, сномъ непробуднымъ! Вѣрно, какой нибудь модный магнетизеръ погрузилъ ее въ магнетическій сонъ, въ которомъ она много видитъ и ничего не высказываетъ! Бѣдняжка!

Но она начинаетъ что-то лепетать... Тише! она вѣрно пришла въ состояніе ясновидѣнія. Дѣйствительно, она покачиваетъ головою, размахиваетъ руками, бьетъ тактъ ногами, вотъ она запѣла старинную пѣсню .. Вотъ начинаетъ другую, третью, четвертую... что это? Какая смѣсь! и слова Пушкина, и стихи Мерзлякова, и Нелединскій, и Державинъ! Это какой-то кавардакъ хорошаго съ худымъ, новаго съ старымъ, лакейскаго съ поэтическимъ.... она рѣшительно въ бреду, бѣдняжка! Но это бредъ сознательный, однакожъ: у ней книга въ рукѣ.... Посмотримъ, что за дикая книга? Ахъ, это *Русскій пѣсенникъ К. Авдѣевой*, книга, которая запоздала явиться въ свѣтъ только тридцатью годами!

Но вотъ она окончила пѣніе и бросила пѣсенникъ въ каминъ. Взоръ ея принимаетъ строгое выраженіе, грознымъ, педантическимъ языкомъ начинаетъ она излагать «*Правила нравственности*!» Отъ пѣсни къ проповѣди! Прошу покорно: каковъ скачекъ! Но наша ясновидящая, кажется, что-то расположена сегодня поучать. Кончивъ свои *Правила нравственности*, она обращается къ молодымъ дамамъ и дѣвицамъ, и подаетъ имъ «*Совѣты, касательно сохраненія красоты, сбереженія здоровья, умѣнія одѣваться и образо-*

ванія себя.» Совѣты дѣльные и, къ счастію, такъ живо изложенные, такъ искусно перемѣшанныя съ веселыми разсказами и неподдѣльнымъ остроуміемъ, что невольно врѣзываются въ память. Нѣтъ ли у васъ экземплярчика, любезная ясновидящая, одолжите, пожалуйста! — Ни одного, цѣлое изданіе расхватано въ три недѣли! Погодите: ужъ второе въ тискахъ.

Наконецъ, утомленная продолжительнымъ говоромъ, наша ясновидящая литература подаетъ намъ четыре книги и опять погружается въ прежній крѣпкій, непробудный сонъ. За то книги, хоть куда! Спите спокойно почтеннѣйшая, у насъ теперь есть пока назидательное! Займемся имъ.

«*Исторія финансовыхъ учрежденій Россіи, графа Дмитрія Толстаго*» Это трудъ основательный, добросовѣстный, показывающій въ авторѣ полное знаніе своего предмета. Книга эта знакомитъ насъ спеціальнымъ образомъ съ трудной наукою о финансахъ. Чтобы дать отчетъ объ этомъ сочиненіи, надо написать ему подробный разборъ, который вышелъ бы изъ границъ фельетонной статьи. Наше дѣло подать только сигналъ о появленіи умной и полезной книги, и сказать въ подкрѣпленіе нашей рекомендаціи, что она была удостоена преміи Императорскою Академіею наукъ.

Первая часть «*Промышленной Химіи*» *Н. Витта*, есть драгоцѣнный подарокъ для русскихъ технологовъ. Практическое направленіе этого сочиненія придаетъ ему новую цѣну, и обѣщаетъ блестящій успѣхъ, оченъ понятный въ наше промышленное время. Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ продолженія этого полезнаго труда, чтобы потомъ сравнить его съ подобнымъ же трудомъ профессора Геймана, издающимся въ Москвѣ, подъ названіемъ «*Технической Химіи.*»

«*Новороссійскій календарь на 1848 годъ*» чрезвычайно полонъ и разнообразенъ по содержанію. Кромѣ шести мѣсяцослововъ, греко-россійскаго, римско-католическаго, армянскаго, реформатскаго, еврейскаго и магометанскаго, кромѣ обыкновенныхъ календарныхъ статей, онъ содержитъ очень много любопытныхъ статистическихъ данныхъ о Бессарабіи и Новороссійскомъ краѣ, двухъ странахъ, съ которыми мы еще плохо знакомы и которыхъ изученіе можетъ представить много результатовъ, интересныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно полезныхъ. Изяществомъ и полнотою Новороссійскій Календарь перещеголялъ Петербургскій.

Но самое любопытное и пріятное явленіе нынѣшняго мѣсяца составляетъ: «*Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка*» составленный вторымъ отдѣленіемъ Императорской Академіи наукъ. Эта книга больше, чѣмъ подарокъ, она благодѣяніе для всѣхъ занимающихся русскою литературою и языкомъ вообще; подобное изданіе давно уже составляло самую вопіющую потребность настоящаго времени: злоупотребленія, закравшіяся въ нашу писменность и разговорный языкъ, такъ велики, что пора было издать

какой нибудь положительный законъ, основанный на духѣ и народности языка, чтобы остановить искаженія и произвольные толки Трудъ этотъ приняла на себя Академія: ей онъ и принадлежалъ по всѣмъ правамъ, какъ блюстительницѣ чистоты и точности русской науки, русской словесности и языка. 1848 годъ можетъ возгордиться тѣмъ, что онъ началъ свое литературное и ученое существованіе такимъ важнымъ памятникомъ для словесности. Мы не разъ еще побесѣдуемъ объ этомъ *словарѣ* съ нашими читателями.

Вотъ и все, что принесла русская литература въ послѣднее время. Собственно изящно-литературнаго, какъ видите, ничего нѣтъ. Впрочемъ, нѣтъ для насъ съ вами, читатель Пантеона, потому-что мы не можемъ-же въ сигналахъ извѣщать васъ о появленіи какихъ нибудь пустяковъ, мертворожденныхъ, т. е. назначаемыхъ заранѣе въ мѣшки букенистовъ, на толкучіе рынки и на матерьялъ для критиковъ толстыхъ журналовъ.

—

СИГНАЛЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

—

Когда посмотришь на суету и движеніе Петербургскихъ улицъ, подумаешь, что жизнь у насъ кипитъ и клокочетъ, какъ какой нибудь кавказкій или богемскій горячій ключь, что она имѣетъ милліоны потребностей, поглощаетъ неисчислимое количество новостей и развлеченій, истощается въ безостановочномъ водоворотѣ разнаго рода прогрессовъ: нравственныхъ, общественныхъ, умственныхъ, промышленныхъ, художественныхъ и проч. и проч. Ничего нибывало! Тише, безколыханнѣе нашей жизни не найдешь ничего въ мірѣ, даже Мертвое Озеро включительно; безмятежнѣе и однообразнѣе петербургца не можетъ быть никакая механика; довольнѣе и самодовольнѣе нѣтъ созданій на свѣтѣ — онъ живетъ себѣ день за день, сегодня, какъ вчера, и радъ радехонекъ, что можетъ сказать — словами Грибоѣдова: *Вчера былъ балъ, а завтра будетъ два!* Онъ въ состояніи смотрѣть на театрѣ одни и тѣже пьесы двѣ недѣли сряду, хотя-бы въ нихъ не было никакого интереса, ни умственнаго, ни художественнаго; онъ въ силахъ сплошь два года

удивляться лошади, которая по щекотливому приглашенію бича бѣгаетъ вправо и влѣво, поднимаетъ платокъ, на который ей укажутъ, становится на колѣна, когда ее ударятъ по ногамъ, и притворяется мертвой, когда у нея въ перспективѣ добрый арапникъ; онъ можетъ безсознательно повторять за любой газетой, если она скажетъ, что такой-то крошечный человѣчекъ — великанъ, такой то микроскопическій талантикъ — геній, и завтра-же побѣжитъ въ любую лавченку, объ которой ему напишутъ, что она первый магазинъ въ мірѣ: печатная буква имѣетъ еще на петербургца магическое вліяніе, явное доказательство ясной и дѣвственной безмятежности его разумичныхъ силъ. Его можно закликать куда вздумается, оттолкнуть отъ чего угодно! Онъ дѣйствуетъ постоянно, какъ бы подъ вліяніемъ какого-то наркотическаго опъяненія и пробуждается изъ летаргіи съ восторгами, неистовыми увлеченіями, столь же легко потухающими, какъ легко они возбуждаются.

Нравственная причина такого состоянія духа петербургскаго жителя, отчасти заключается въ его сѣверно-русской натурѣ, отчасти въ климатическомъ вліяніи, но больше всего въ его сосредоточенной, регулярной, служебной жизни, истощающей его силы до пустоты. Все, что хоть на одну линію вырываетъ изъ этого автоматическаго существованія, имѣетъ для него прелѣсть новизны, хотя новаго въ этой новизнѣ, кромѣ развѣ названія, ничего нѣтъ. Онъ хватается за все съ такимъ-же жаромъ, съ какимъ выбѣгаетъ на Невскій Проспектъ, въ Лѣтній садъ, выѣзжаетъ на свои дранчатыя дачи, чтобы поймать клочекъ солнечнаго сіянья, чтобы насладиться пародіей на лѣто, такъ остроумно названной Пушкинымъ *каррикатурой южныхъ зимъ*. Ему нужно тряхнуть организмомъ, вздохнуть свободно, хотъ на минуту — гдѣ и какъ, — ему все равно.

Вотъ поясненіе того, почему у насъ въ Петербургѣ часто имѣютъ успѣхъ такія вещи, которыя вездѣ и всюду не возбудили бы даже вниманія; почему самыя полезныя и дѣйствительно уважительныя нововведенія скоро забываются и упадаютъ. Перемѣна — величайшая потребность Петербургскаго человѣка, который, подобно древнимъ римлянамъ, только и кричитъ danem et Circense! Онъ бѣснуется и выходитъ изъ себя, когда одинъ отличный пѣвецъ появится въ оперѣ и готовъ взять театръ приступомъ, и бѣжитъ изъ оперной залы, когда на сценѣ ея собранъ самый дивный букетъ изъ превосходнѣйшихъ талантовъ цѣлаго свѣта. По той же причинѣ онъ не можетъ вынести равнодушно двухъ прекрасныхъ однородныхъ явленій рядомъ: онъ старается убить одно изъ нихъ, чтобы безпрепятственнѣе наслаждаться другимъ. Двѣ отличныя пѣвицы колятъ ему глаза, онъ шикаетъ одной и хлопаетъ другой; два однородныхъ заведенія для общественнаго удовольствія для

него ненавистны: онъ будетъ посѣщать одно и презирать другое; два хорошіе оркестра рвутъ его душу на части: онъ прославитъ одинъ, закидаетъ грязью другой. Но дайте ему все тоже, только постепенно, поочередно—и онъ въ конечномъ восторгѣ, однако-жъ пальму первенства онъ всегда вручитъ послѣднему явленію, какъ *новѣйшему*. Непостоянство петербургскаго вкуса равняется непостоянству петербурской погоды, и слава Богу, Еслибъ вкусъ былъ постояненъ, онъ не вынесъ бы этого непостояннаго климата.

Поэтому, когда намъ приходится говорить о новостяхъ петербургской общественной жизни, намъ становится неимовѣрно тяжко и мы завидуемъ плодовитымъ фельетонистамъ, которые четыре раза въ мѣсяцъ умѣютъ выставить вамъ на гладкой скатерти своихъ газетъ такое огромное количество самыхъ вкусныхъ и разнообразныхъ новостей. А мы оглянемся кругомъ—все пусто, все старо, то подбѣлено, то перекрашено, то подновлено, а въ сущности все одно и тоже, и невольно вскликаемъ:

Жизнь эта — глупое лото!
Глядишь — все тоже прелъ тобою:
У насъ не ново даже то,
Что все неново подъ луною.

Мы даже неимѣемъ благоразумной привычки Москвичей, которые создаютъ себѣ новое изъ стараго, давно забытаго, за неимѣніемъ новизны насущной. Они бѣгаютъ глядѣть «Днѣпротскую Русалку» и «Князя Невидимку», которыми восхищались наши бабушки, и которыя стали для насъ настоящими миѳами; для нихъ въ январѣ 1848 года современенъ еще «Переходъ черезъ Балканскія горы,» который для насъ сталъ просто холодной исторической страницей; они находятъ новую прелесть въ Славянщинѣ, въ шапкѣ мурмолкѣ, въ имянинной кулебякѣ, въ печеныхъ жаворонкахъ, а мы, злополучные, растлѣнные гніющимъ Западомъ ни въ чемъ не видимъ новизны, прогресса, не умѣемъ себя утѣшить мыслью, что идти, туда-ли, сюда-ли, впередъ-ли, назадъ-ли, все таки значитъ *идти*. А гдѣ есть движеніе — тамъ есть и жизнь.

Но, чтобы не зайти слишкомъ далеко, пойдемте въ Циркъ, въ бенефисъ г. Поля Кюзана, который обѣщаетъ намъ много новаго, а новое, какъ изволите видѣть, за рѣшительнымъ недостаткомъ, намъ крайне нужно. Незнаю какъ вы, а я люблю смотрѣть на эти зрѣлища, гдѣ человѣческая природа вступаетъ въ состязаніе съ животною, гдѣ звѣрь становится разумнѣе инаго человѣка, гдѣ человѣкъ хочетъ перещеголять звѣря терпѣніемъ и силою. Умный скотъ въ царствѣ животныхъ для меня такое почтенное лицо, что я гоневольно уважать его. Но вотъ, зала освѣщена, оркестръ Кюзана гремитъ, войдемте: вы увидите много удивительнаго, чрезвычайно удивительнаго, потому-что здѣсь все, начиная отъ потолка до песку, которымъ посыпана арена—все удивительно.

Странное дѣло произошло въ Циркѣ въ бенефисъ Кюзана! *Публика*, обыкновенно скупая на дорогія мѣста и потому рѣдко посѣщающая Циркъ и въ обыкновенные спектакли, наполнила биткомъ всѣ мѣста, партеръ и ложи, несмотря на чрезмѣрную, гиперболическую, баснословную цѣну, (по 20 руб. сер. за каждую ложу на четыре персоны): такъ, что за два часа до спектакля не возможно было достать ни одного билета. *Спектакль*, по обыкновенію однообразный или, покрайней мѣрѣ, заключающій въ себѣ повтореніе одного и того же, угостилъ на этотъ разъ своихъ зрителей совершенно и вполнѣ новымъ представленіемъ; и вдобавокъ новою дебютанткою, подающею огромныя надежды, и которая, повидимому, превзойдетъ всѣхъ своихъ сверстницъ. — Это воспитанница Театральнаго Училища, дѣвица *Анна Натарова*. Циркъ не театръ, гдѣ послѣ перваго блистательнаго дебюта часто наступаетъ рядъ слабыхъ ролей, и актеръ падаетъ и спускается на второстепенныя амплуа, какъ это нерѣдко бывало; но здѣсь, гдѣ для успѣха требуется положительный талантъ, изъ одного дебюта уже видно, чего можно надѣяться отъ выступающей артистки. Способность, стараніе, влеченіе и такъ сказать предназначеніе самою природою къ подобному поприщу — все обнаруживается сразу. Не съ большимъ въ полгода молодой дѣвочкѣ (ей нѣтъ кажется и 14 лѣтъ) сдѣлать такіе успѣхи въ такой трудной наукѣ, требующей кромѣ природной ловкости и сложенія, еще долговременнаго упражненія — это можно объяснить развѣ только русской натурой, способной на всё.

Натарова уже теперь выдѣлываетъ нѣкоторыя штуки лучше тѣхъ, которымъ это служитъ уже издавна ремесломъ, и которые взросли на этомъ. На-примѣръ: простые прыжки черезъ шарфы, которые выходятъ такъ неграціозны у другахъ наѣздницъ, она дѣлаетъ *съ антрша* и съ необыкновенной граціей, что обличаетъ въ ней также хорошую танцорку. На ногу она становится твердо, съ увѣренностію; позы ея благородны и въ высшей степени привлекательны. Если такъ пойдетъ дальше, то мы можемъ сформировать свою собственную труппу, незаимствуясь отъ иностранцевъ. У насъ есть же воспитанникъ г. Стуколкинъ, который занималъ роль Віоля въ пьесѣ «Женихъ и обезьяна.» (Роль обезьяны).

Послѣ Натаровой болѣе всего замѣчателенъ былъ самъ бенефиціантъ (*г. П. Кюзанъ*). Онъ являлся въ 3-хъ роляхъ: (*Жизнь солдата*), сцена переодѣванія исполнена имъ съ большою ловкостію; даже костюмировка обличаетъ вполнѣ

артиста. Онъ представляетъ шесть періодовъ жизни солдата: крестьянина, рекрута, солдата, генерала и инвалида, и наконецъ генія славы сътрубой и лавровой вѣтвью въ рукѣ. 2) *Ѣзда на лошади Иваное*, которую онъ выдрессировалъ въ короткое время, обличаетъ въ немъ искусснаго наѣздника: лошадь эта дѣлаетъ все, что онъ захочетъ, и наконецъ 3) въ комической сценѣ *Модистки и Студенты* онъ является странствующимъ скрыпачемъ и на скрыпкѣ удивительно зло и мѣтко пародируетъ Эрнста, и въ заключеніе танцуетъ съ г-жею Леру pa de deux. Что за сокровище этотъ г. *Кюзанъ*: артистъ, превосходный наѣздникъ, комическій актеръ, дирижеръ оркестра, хорошій композиторъ танцевъ, музыкантъ, танцоръ, режиссеръ труппы, словамъ все, что угодно! Всѣ конскія кадрили и галопы его произведенія! Даже въ бенифисъ свой онъ далъ новый кадриль, названный *кадрилемъ Севера* и заимствованный у Варламова, Глинки, Алябьева и другихъ русскихъ композиторовъ. Удивительный человѣкъ этотъ Поль Кюзанъ!

Изъ интересныхъ явленій этого спектакля была лошадь *Полька*, дрессированная *Карономъ*. Нужно вамъ сказать, что эта Полька чисто русская лошадь, побывавшая въ рукахъ Каррона только нѣсколько мѣсяцовъ, а теперь она толькончто не говоритъ—по русски. По французски-же, можетъ быть, и говоритъ, покрайнѣй мѣрѣ, навѣрное все понимаетъ, потому-что слушается только одной тихой команды безъ всякаго прилагательнаго слова бичемъ, узнаетъ время по часамъ, и даже играетъ въ куклы. Удивительный тоже человѣкъ и г. Карронъ.

Осталась еще комическая сцена: *Модистки и Студенты*, чрезвычайно смѣшная, особенно потому, что возбуждаетъ интересъ впродолженіи цѣлаго получаса, не имѣя почти никакого содержанія. Въ этомъ бенефисѣ явился въ первый разъ по выздоровленіи г. *Віоль* и показалъ свое искусство въ разнохарактерныхъ интермедіяхъ, возбуждая постоянное удивленіе и смѣхъ публики. Удивительный человѣкъ и Віоль!

Г-жа Леру въ первый разъ по выздоровленіи явилась въ роли Сильфиды въ сценѣ «*Шотландецъ и Сильфида.*» Изъ другихъ старыхъ, но хорошихъ явленій давали «*Конныя забавы*» (г. Бюклей, Рембертъ и г. Доверинь) и *Паравозъ*, комическую сцену, разыгранную г-ми Лежаръ, Луи и Рембертомъ.

Все удивительно!..

ФИГАРО.

СМѢСЬ.

—

МИХАИЛЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ВЕЛИЧКИНЪ.

(*Некрологъ*).

—

23-го минувшаго января скончался въ С. Петербургѣ актеръ-пансіонеръ Императорскихъ театровъ и почетный гражданинъ Михаилъ Васильевичъ Величкинъ, который въ теченіе тридцати-пяти лѣтъ занималъ довольно важное мѣсто на русской сценѣ и нѣкоторое время пользовался даже славою и любовію публики.

Величкинъ родился 1-го ноября 1791 года, Тверской губерніи, въ Кашинскомъ уѣздѣ, и съ малолѣтства воспитывался въ домѣ тамошняго богатаго помѣщика князя Александра Ивановича Шаховскаго, отца извѣстнаго драматическаго писателя, князя Александра Александровича. Величкинъ первоначально готовился совершенно на иное поприще. Князь Александръ Ивановичъ хотѣлъ приготовить его для поступленія въ Московскій Университетъ и потомъ открыть ему путь по гражданской службѣ. Но судьба поступила иначе. Старый князь былъ большой любитель театра и имѣлъ свою труппу актеровъ, которые постоянно играли на театрѣ, устроенномъ въ его имѣніи. У Величкина былъ прекрасный голосъ, онъ пѣвалъ въ хорѣ его пѣвчихъ и нерѣдко являлся на сценѣ. Въ 1803 году, князь Александръ Александровичъ, служившій тогда въ гвардіи, пріѣхалъ въ отпускъ къ отцу и, замѣтивъ способности Величкина, взялъ его съ собою въ Петербургъ, для помѣщенія въ Императорское театральное училище; куда и поступилъ Величкинъ въ 1805 году, 13-ти лѣтъ отъ роду. Въ это время онъ былъ очень хорошъ собою. Театральное начальство, по его способности къ музыкѣ и по прекрасному голосу, готовило-было его на роли первыхъ любовниковъ въ операхъ, но и тутъ судьбою опредѣлено было ему другое. Въ 1807 году посѣтила его жестокая оспа и едва не лишила жизни. Оправясь отъ болѣзни, онъ ужъ не имѣлъ ни прежней наружности, ни голоса. Оспа оставила на немъ свои слѣды: лицо его покрылось рябинами, голосъ сдѣлался сиповатъ, а въ послѣдствіи онъ лишился почти всѣхъ волосъ на головѣ. Тогда онъ рѣшился избрать на сценическомъ своемъ поприщѣ комическія роли, къ которымъ, не смотря на всѣ препятствія, всегда стремился и чувствовалъ себя болѣе способнымъ. Воспитываясь въ училищѣ, онъ игралъ на школьномъ Кушелевскомъ театрѣ, который былъ въ свое время оселкомъ возникающихъ талантовъ, и хотя

показывалъ уже значительныя способности, но явился на Большомъ театрѣ въ первый разъ, въ 1808 году, въ маленькой роли *Неофита*, въ оперѣ «Федулъ съ дѣтьми.» — Выйдя изъ училища въ 1812 году, онъ сталъ чаще являться на большой сценѣ, но занималъ большею частію неважныя роли и только послѣ смерти извѣстнаго комическаго актера Рожественскаго, около 1815 года, сдѣлавшись преемникомъ его амплуа, онъ сталъ играть болѣе важныя роли.

Тогдашняя публика и тогдашніе актеры понимали театръ по своему. Искусство еще не подвергалось строгимъ условіямъ вкуса, критика была простою вѣстовщицей мнѣній большинства, а большинство во всемъ сообразовалось съ нравами и понятіями Парижа, не разбирая, къ лицу-ли русскому французскій кафтанъ, и идутъ ли къ нашему народному характеру ухватки націи, недавно еще сокрушившей всѣ начала своей гражданской, нравственной и общественной жизни. Тогда парижанъ сводилъ съ ума Потье. Потье почитался величайшимъ комикомъ, когда либо существовавшимъ въ мірѣ; такъ величали его французы, такъ повторяли за ними иностранцы, а мы — привыкли вѣрить имъ на слово. Потье, между тѣмъ, былъ величайшимъ фарсеромъ т. е. актеромъ, который все старался утрировать, переливать черезъ край, естественно-смѣшное по положенію представлять натянуто-смѣшнымъ по внѣшности. Гримасы, неестественные жесты, безобразная костюмировка, играли значительнѣйшую роль въ создаваемыхъ имъ характерахъ, чѣмъ наблюдательность и участіе души. Но Потье былъ въ модѣ, что онъ ни дѣлалъ — называлось прекраснымъ, и прекрасному въ этихъ безобразныхъ формахъ старались подражать всѣ артисты, и наши, подобно всѣмъ, потому-что только изскаженіями человѣка и нелѣпыми фарсами можно было заслужить любовь тогдашней публики. Величкинъ принадлежалъ своей эпохѣ. 1815 годъ, можно сказать, былъ началомъ сценическихъ успѣховъ Величкина. Въ особенности онъ замѣченъ былъ публикою въ оперѣ *Домовые* и съ этихъ поръ, пріобрѣтая болѣе и болѣе любовь зрителей, онъ пользовался ихъ благосклонностью до послѣднихъ лѣтъ своей службы при театрѣ. Въ послѣдніе годы, память его, утомленная безпрерывнымъ изученіемъ ролей и участіемъ почти въ каждомъ спектаклѣ, стала нѣсколько измѣнять ему. Притомъ, характеръ комической игры въ то время уже значительно измѣнился: Рязанцовъ и Дюръ дали искусству должное направленіе. Отъ комика прежде всего стали требовать натуры, истины, правдоподобія и неподдѣльной веселости. Величкинъ былъ уже слишкомъ старъ, чтобы подчиниться новымъ требованіямъ, притомъ же сила привычки обратилась ему во вторую натуру. Онъ вышелъ въ отставку въ 1840 году, съ званіемъ почетнаго потомственнаго гражданина, но до конца жизни не остывала въ немъ любовь къ театру. Величкинъ, въ продолженіе сценическаго своего поприща, сыгралъ болѣе 380 ролей въ комедіяхъ, драмахъ, операхъ и водевиляхъ. Нѣкоторыя изъ нихъ памятны еще многимъ любителямъ театра. Лучшими ролями его репертуара были слѣдующія: *Ганса*, въ оперѣ «Ломоносовъ;» *Коппа*, въ комедіи «Молодость Генриха V;» *Петра*, въ драмѣ «Ненависть къ людямъ и

раскаяніе;» *Пана Чупкевича*, въ комедіи «Полубарскія затѣи»; *Митрофанушки*, въ комедіи «Недоросль»; *Глупдубрилова*, въ комедіи «Глухой»; *Нѣжина*, въ оперѣ «Любовное свиданіе;» *Барона*, въ комедіи «Липецкія воды»; *Прудіуса*, въ оперѣ «Казакъ стихотворецъ»; *Фаддея*, въ оперѣ «Мельникъ»; *Рецензина*, въ комедіи «Наказанный ханжа», *Дубницкаго*, въ водевилѣ «Приключеніе въ жидовской корчмѣ»; *Чупкевича*, въ водевилѣ «Два учителя»; *Инквартуса*; въ комедіи «Пустодомы»; *Гримардо*, въ водевилѣ «Суженаго конемъ не объѣдешь»; *Форштмейстера*, въ водевилѣ «Новая шалость»; *Вертера*, въ водевилѣ «Вертеръ;» и многія другія. Особенный фуроръ производилъ онъ въ роли *Рецензина*, не столько игрою, какъ маленькой выходочкою, которую онъ себѣ позволилъ для стяжанія успѣха. Онъ одѣлся въ костюмъ и подрисовался подъ лицо одного изъ извѣстнѣйшихъ въ то время журналистовъ-литераторовъ, человѣка уважаемаго и почтеннаго, нисколько характеромъ не походившаго на Рецензина. Толпа всегда рада, когда ей выставляютъ на позоръ какое-нибудь незапятнанное имя или значительное лицо, чтобы отмстить на немъ свое невѣжество и его возвышенность надъ собою. Къ такимъ средствамъ прибѣгаетъ бездарность, не чувствуя въ себѣ силъ произвести впечатлѣніе истиннымъ талантомъ и умомъ, пошлые фарсеры подрисовываются подъ лицо извѣстныхъ лицъ и этимъ явно выпрашиваютъ себѣ движеніе ладоней. Но какъ должны быть жалки и ничтожны авторы, которые на такихъ выходкахъ только и основываютъ свою сценическую славу и которые для успѣха вставляютъ десятокъ безучастныхъ лицъ въ пьесу, лишь бы на нихъ фраки, шинели, волоса, усы были такіе, какіе носятъ такой-то, или такой-то! и это-то подъ-часъ называется *остроуміемъ*. O tempora, o mores! — Величкинъ былъ добръ душею; готовъ былъ на всякія услуги, имѣлъ чрезвычайно веселый характеръ и былъ любимъ искренно товарищами, для которыхъ не былъ опасенъ, и знакомыми, которымъ часто помогалъ. Школа Величкина на русской сценѣ еще не исчезла. Все, что только нравится, какъ бы оно въ сущности ни было далеко отъ правъ на произведеніе впечатлѣнія, всегда найдетъ подражателей, и нравы предковъ не скоро вымираютъ въ потомкахъ! Есть комики, которые еще и въ наше время держаться на такихъ же зыбкихъ пьедесталяхъ, на какомъ возвысился Величкинъ, которые подобно ему, увлеченному своимъ вѣкомъ, полагаютъ комизмъ въ подрисовкахъ лица, въ смѣшныхъ парикахъ, въ крупныхъ жестахъ, въ искаженіяхъ физіогноміи, въ утиной походкѣ, въ скрыпѣніи табакеркою, въ размахиваніи носовымъ платкомъ и въ безпрерывныхъ обращеніяхъ къ публикѣ, какъ будто бы она тоже принадлежитъ къ числу дѣйствующихъ лицъ въ пьесѣ. Увы! и теперь еще находятся поклонники и покровители такихъ героевъ сцены. Величкинъ былъ невиненъ въ своихъ недостаткахъ, въ немъ они были слѣдствіемъ вкуса его времени; но подражателямъ его нѣтъ оправданія, кромѣ одного, *отсутствія дарованія и призванія*, а въ такомъ случаѣ.

Soyez plutot potiers,
Si c'est votre metier!

Привыкнувъ къ дѣятельной жизни, Величкинъ скучалъ въ отставкѣ безъ дѣла и вѣроятно это бездѣйствіе было причиною, что въ послѣдніе годы жизни онъ сталъ подвергаться болѣзненнымъ припадкамъ. Съ начала января нынѣшняго года, онъ чувствовалъ уже себя не совсѣмъ хорошо, но тяжко болѣнъ былъ только два дни. Еще утромъ 22 числа онъ ходилъ съ помощью сына, по комнатѣ, но къ ночи впалъ уже въ безпамятство и 23 числа скончался, въ 3 часа утра, 56-ти лѣтъ отъ роду, оставя послѣ себя вдову, четырехъ сыновей и дочь.

Отпѣваніе и погребаніе его тѣла происходило 26 января на Смоленскомъ кладбищѣ. Множество друзей, знакомыхъ и почти всѣ товарищи и сослуживцы Величкина шли за его гробомъ.

—

МИКЕЛЬ-АНДЖЕЛО.

(*Статья Александра Дюма*).

I.

Въ 1474 году, 6-го марта, въ понедѣльникъ, въ 4 часа утра, въ замкѣ Капрезе, близь Ареццо, родился ребенокъ мужескаго пола, и нареченъ въ святомъ крещеніи Микель-Анджело.

Странное предопредѣленіе, котораго почти нельзя приписать простой игрѣ случая! Санціо и Буонаротти, два величайшіе живописца въ Италіи и въ свѣтѣ, названы именами ангеловъ! а еще страннѣе, когда подумаешь: развѣ Рафаэль не ангелъ кротости, состраданія и любви? а Микаэлъ не ангелъ правосудія, силы, кары?

Отецъ новорожденнаго былъ Лудовико Леонардо, по прозванію Буонаротти, подеста мѣстечекъ Кіузи и Капрезе, потомокъ графовъ Каносса, одного изъ древнѣйшихъ домовъ Тосканы.

Мессиръ Лудовико доканчивалъ послѣдній мѣсяцъ своей службы, когда небо послало ему этого ребенка, который долженствовалъ доставить ему столько заботъ и столько славы. Поэтому, окрестивъ ребенка, онъ тотчасъ же оставилъ свое мѣстопребываніе и переѣхалъ въ свое Сеттиньянское помѣстье. Впослѣдствіи, онъ, не колебаясь, посвятилъ всѣхъ другихъ своихъ сыновей торговлѣ, которая у Флорентинцевъ считалась однимъ изъ самыхъ благородныхъ занятій, и которой они отчасти были обязаны своимъ могуществомъ.

Но старшему сыну добрый подеста прочилъ болѣе блестящую и полезную будущность; онъ думалъ сдѣлать его своимъ преемникомъ по гражданской службѣ; онъ уже воображалъ себѣ своего Микель-Анджело подестою, секретаремъ, посланникомъ, пожалуй и министромъ; ему и въ голову не приходило, что въ семействѣ его родился просто каменьщикъ, какъ онъ говорилъ впослѣдствіи, въ минуты безполезнаго гнѣва.

Въ жизни великихъ людей все предопредѣлено Провидѣніемъ. Сеттиньянская область полна каменоломенъ; въ ней болѣе работниковъ, чѣмъ ученыхъ; кормилицею будущаго сановника была жена каменотеса. Ребенокъ, крѣпкій и здоровый, выросъ на открытомъ воздухѣ; крошечныя рученки его съ малолѣтства сроднились съ камнемъ и рѣзцомъ; первые крики его заглушались скрежетомъ пилъ и стукомъ молота.

Можете себѣ представить, какое кислое лицо сдѣлалъ малютка,

когда надѣли ему плащъ на плеча, и баретку на голову, сунули подъ мышку грамматику и послали бѣдняжку къ мессиру Франческо д'Урбано заучивать латинскія склоненія и спряженія.

У отцовъ есть какая-то врожденная страсть принуждать дѣтей выбирать то занятіе, къ которому они чувствуютъ наименѣе склонности и способности. Поэту, подобно Овидію или Петраркѣ, они набиваютъ голову римскимъ правомъ и декреталіями; художника, подобнаго Микель-Анджелу или Челлини, принуждаютъ учиться по-гречески, играть на флейтѣ. Недаромъ Данте восклицалъ въ порывѣ геніяльнаго негодованія:

Ma voi, torcete alla religione
Tal ch'era nato a cingersi la spada,
E fate re d'tal che dà sermone.
Onde la... vostra e fuor o'strada.

«Вы посвящаете олтарю того, кто былъ рожденъ носить мечъ; дѣлаете царемъ того, кто умѣетъ только говорить проповѣди. Вотъ почему ваша жизнь идетъ ложнымъ путемъ.»

Эти слова никого не исправили, и во вѣки вѣковъ отцы будутъ поступать точно такъ же. Отецъ Буонаротти, хотя и подеста, не долго упрямился; правда, что сына его переупрямить было дѣло не легкое; впрочемъ, старику не было недостатка въ предлогахъ; всѣ дѣти начинаютъ съ того, что рисуютъ углемъ носы; но не изъ всѣхъ выходятъ Микель-Анджелы. Когда мессиръ Лудовико увидѣлъ, что сыну видно уже такъ на роду написано, что не заставишь его бросить кисть и рѣзецъ, чтобы взяться за книги и перо, онъ подосадовалъ, побранился, потомъ махнулъ рукою и отсталъ.

Правда и то, что сама судьба была противъ мессира Лудовико. Въ школѣ, куда онъ отдалъ сына, былъ маленькій шалунъ, Гранани, который доставлялъ ему тайкомъ оригиналы для рисованія. Однажды, проказникъ даже заманилъ Микель-Анджело въ мастерскую, или, какъ говорили въ то время, въ лавку своего учителя. Гранани смѣло представилъ своего товарища Гирландойю, который принялъ его чрезвычайно ласково, и просилъ показать образчикъ своего рисованія. Микель-Анджело, робкій и дикій, вмѣсто отвѣта, только покраснѣлъ и опустилъ глаза; однако-же, ласка учителя ободрила его и онъ, наконецъ, рѣшился вынуть изъ кармана картинку, которую тщательно и съ удивительнымъ терпѣніемъ раскрасилъ. Это былъ эстампъ голландца Мартина Шёна, изображавшій искушеніе святаго Антонія. Предметъ долженъ былъ прельстить юное, пламенное воображеніе Микель-Анджела; это были группы безобразныхъ, уродливыхъ демоновъ, дразнившихъ святаго отшельника палками. Микель-Анджело не только далъ новую жизнь картинкѣ контрастами тѣней и яркостью цвѣтовъ, но онъ даже исправилъ по своему рисунокъ, далъ причудливыя формы фигурамъ, инымъ выпучилъ глаза, другимъ разрѣзалъ рты, третьимъ взбилъ гривы, поставилъ окаянныхъ въ самыя странныя и разнообразныя положенія; словомъ, создалъ новую, оригинальную и поразительную картину. Изумленный художникъ въ безмолвіи любовался картиною, завидуя нѣсколько генію ребенка, и размышляя, не лучше ли пода-

вить холоднымъ пренебреженіемъ рождающійся геній, долженствовавшій затмить и его собственную славу и славу многихъ другихъ; но восторгъ взялъ верхъ надъ завистью; онъ воскликнулъ, что въ жизнь ничего не видалъ подобнаго, и указывая на молодаго человѣка, сказалъ со вздохомъ:

— Это новое свѣтило, которое только что еще восходитъ, но со временемъ затмитъ многія звѣзды, сіяющія теперь на небѣ, окруженныя свѣтомъ и спутниками!

На слѣдующій день Доминико Гирландойо явился къ бывшему подестѣ Капрезскому.

Мессиръ Лудовико принялъ его съ тою привѣтливостію, съ тѣмъ братскимъ дружелюбіемъ, которое водилось въ то время между всѣми приверженцами одной партіи; всѣ они назывались сосѣдями, хотя бы жили въ самыхъ отдаленныхъ концахъ города.

—Мессиръ Буонаротти, сказалъ живописецъ послѣ обычныхъ привѣтствій, я пришелъ просить у васъ милости, въ которой, надѣюсь, вы мнѣ не откажете.

— Что прикажете? спросилъ подеста съ важностью, свойственною всѣмъ должностнымъ лицамъ, хотя бы они даже были самые добрые и простые люди. Нуженъ вамъ добрый совѣтъ? моя опытность и мое знаніе къ вашимъ услугамъ. Нужна помощь? располагайте мною и моимъ семействомъ. Деньги? берите изъ моего кошелька, сколько угодно.

—Очень вамъ благодаренъ, мессиръ; я знаю, что вы всегда готовы оказать услугу, и обращусь къ вамъ, какъ скоро будетъ нужда; въ настоящее же время я не прошу ни совѣта, ни помощи, ни денегъ.

—Что же вамъ угодно, любезный Гирландойо?

Живописецъ не зналъ, какъ начать переговоры, довольно щекотливые для того, кто зналъ упрямый нравъ стараго дворянина: однако-же, скрывая, какъ умѣлъ, свое безпокойство подъ личиною простодушія, онъ сказалъ довольно смѣло:

—Я пришелъ просить васъ отдать мнѣ вашего сына; я хочу сдѣлать изъ него художника.

При этомъ неожиданномъ предложеніи, старикъ вскочилъ на стулѣ, и едва не выбросилъ любезнаго сосѣда въ окно. Но, смиривъ тотчасъ свой гнѣвъ, съ силою, очень неудивительною въ отцѣ Микель-Анджела, онъ велѣлъ позвать сына, бросилъ на него грозный взглядъ, и, не говоря ни слова изумленному и не на шутку перепуганному живописцу, подошелъ къ столу, обмокнулъ перо въ чернила. и сталъ писать на пергаминѣ, читая вслухъ написанное:

«1488 года, апрѣля перваго дня, я Лудовико, сынъ Леонорда Буонаротти, отдаю сына своего Микель-Анджела въ ученіе къ Доминику и Давиду Гирландайо, срокомъ отъ вышеписаннаго числа на три года, на слѣдующихъ условіяхъ: вышеозначенный Микель-Анджело обязуется оставаться у своихъ хозяевъ три года въ качествѣ ученика, для обученія его живописи, и долженъ притомъ исполнять все, что ему отъ хозяевъ приказано будетъ; въ вознагражденіе же за его службу Доминико и Давидъ Гирландойо долженъ заплатить ему двадцать четыре флорина; именно: за первый годъ шесть, за второй восемь, въ третій десять; всего девяносто шесть ливровъ.»

—Извольте же мнѣ дать двѣнадцать ливровъ въ задатокъ, сказалъ Буонаротти, стараясь говорить твердымъ голосомъ, вотъ вамъ и росписка.

Произнося эти слова, старикъ Буонаротти былъ похожъ на Брута, подписавшаго смертный приговоръ сына.

Гирландойо поспѣшилъ заплатить условленную цѣну, не желая дальнѣйшихъ объясненій съ угрюмымъ старикомъ; и дѣло было кончено.

Подеста всталъ съ важнымъ видомъ, проводилъ посѣтителя до двери, и, указавъ рукою на сына, сказалъ: можете взять этого мальчика съ собою и дѣлать съ нимъ, что угодно; отнынѣ онъ вашъ.

II. Скульпторъ.

Нѣсколько времени спустя, ученикъ Гирландойо посѣтилъ сады Медичи. Тутъ онъ встрѣтилъ нѣсколько старыхъ пріятелей, Сеттиньянскихъ каменотесцевъ, которые приняли его съ радостью и съ любовью; ему показали всѣ богатства этого новосозданнаго музея. Микель-Анджело съ жадностью разсматривалъ всѣ эти дивныя творенія, изувѣченныя временемъ, и снова поставленныя на алтарь уваженіемъ современниковъ. Античная красота поражала, но не увлекала его; къ его художническому удивленію присоединялась тайная горечь, невольная зависть, желаніе не творить подобное, но превзойти древнихъ. Въ душѣ его кипѣла безпредѣльная гордость; его брало почти отчаяніе, когда онъ думалъ, что столько счастливцевъ родилось до него, которымъ стоило только списывать природу, чтобы обезсмертить себя; между тѣмъ, какъ и что дѣлать ему, для того, чтобы превзойти ихъ? Эти размышленія, разумѣется, озлобили его сердце, и безъ того склонное къ уединенію и угрюмости. Въ лѣта, когда дѣти живутъ для одной радости и для счастья, онъ уже былъ дикъ и язвителенъ. Чтобы онъ сказалъ, великій Боже, еслибъ въ то время, какъ онъ гулялъ по садамъ св. Марка, онъ узналъ, что года за четыре или за пять родился въ городкѣ Урбино, художникъ, долженствовавшій быть самымъ чистымъ воплощеніемъ той идеальной красоты, которой онъ завидовалъ у древнихъ, и что міръ будетъ поклоняться этому художнику, подъ именемъ Рафаэля.

Работники Лаврентія Щедраго, не постигая тайныхъ мыслей, терзавшихъ душу юноши, но зная страсть его къ камнямъ, подарили ему кусокъ мармору. Ему позволили сдѣлать изъ него, что онъ захочетъ, и ходить въ садъ, когда ему вздумается. Вмѣсто отвѣта, Микель-Анджело схватилъ рѣзецъ, снялъ камзолъ, и сталъ высѣкать голову фавна. Лавка Гирландойо была брошена точно такъ же, какъ прежде была брошена школа мессира Франческо, къ крайней досадѣ учителя, который лишался въ немъ дѣятельнаго и полезнаго помощника, и къ великой радости соучениковъ, которые были не прочь избавиться отъ ненавистнаго соперника.

Однажды, въ то время, какъ онъ доканчивалъ голову своего стараго фавна, къ нему подошелъ человѣкъ лѣтъ сорока, довольно нехорошій собою, неопрятно одѣтый, сталъ подлѣ него, и молча смотрѣлъ на его работу. Микель-Анджело работалъ съ чрезвычайнымъ усердіемъ, не обращая вни-

манія на незнакомца, и заботясь о немъ не болѣе, чѣмъ о мраморной пыли, летѣвшей изъ-подъ его молотка.

Окончивъ свою голову, Микель-Анджело отступилъ онъ нея, чтобы посмотрѣть на нее издали, и лицо его засіяло удовольствіемъ. Безмолвный свидѣтель, кажется, того только и ждалъ. Онъ медленно подошелъ къ молодому скульптору, и положилъ ему руку на плечо:

— Любезный другъ, сказалъ онъ ему съ улыбкою: если позволите, я сдѣлалъ бы вамъ одно замѣчаньеце.

Микель-Анджело быстро оборотился къ нему, взглянулъ на него съ самодовольнымъ, надменнымъ выраженіемъ начинающаго живописца, и протяжно произнесъ два слова: Замѣчаніе, вы?...

— Такъ точно, замѣчаніе.

— На моего фавна?

— На вашего фавна.

— Кто же вы такой, сударь, чтобы позволять себѣ дѣлать замѣчанія на мой трудъ?

— Какое вамъ дѣло знать, кто я, только бы замѣчаніе мое было справедливо.

— А кто же рѣшитъ, кто изъ насъ правъ, вы или я?

— Это я предоставляю вамъ самимъ.

— Ну, посмотримъ, что вы скажете? и Микель-Анджело гордо сложилъ руки крестомъ.

— Вѣдь вы желали изобразить смѣющагося стараго фавна?

— Конечно; это всякій видитъ.

— Гдѣ же вы видѣли, спросилъ незнакомецъ, смѣясь: чтобы у старика были всѣ зубы цѣлы?

Молодой скульпторъ покраснѣлъ и прикусилъ губу; замѣчаніе было справедливо. Какъ скоро незнакомецъ отвернулся отъ него, онъ однимъ ударомъ вышибъ своему Фавну два зуба; для большей вѣрности, онъ хотѣлъ даже изрыть ему десну; но не имѣя при себѣ нужныхъ орудій, онъ оставилъ это дѣло до слѣдующаго дня.

Едва садъ былъ отворенъ, Микель-Анджело былъ уже на мѣстѣ; но голова фавна пропала; а на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ оставилъ наканунѣ свой кусокъ мармору, стоялъ вчерашній незнакомецъ.

— Гдѣ же мой фавнъ? спросилъ молодой художникъ гнѣвнымъ голосомъ.

— Я приказалъ убрать его, отвѣчалъ незнакомецъ съ вчерашнею флегмою.

— Но кто же вы и какое имѣете право приказывать въ саду Лаврентія Щедраго.

— Идите за мною, и увидите.

— Пойду за вами, чтобы принудить васъ отдать мнѣ моего фавна.

— Можетъ быть сами будете рады оставить его тамъ, гдѣ онъ теперь.

— Увидимъ.

— Увидимъ.

Незнакомецъ пошелъ ко дворцу съ прежнимъ спокойствіемъ, и хотѣлъ уже взойти на лѣстницу, когда Микель-Анджело, схвативъ его за руку, сказалъ ему полуробкимъ, полугнѣвнымъ голосомъ:

— Куда же вы идете? Или вы думаете, что можно такъ входить въ покои государя? Въ садъ его еще пожалуй, когда онъ позволяетъ. Насъ вытолкаютъ за дверь.

Незнакомецъ прошелъ прихожую. Слуги передъ нимъ встали съ мѣста; часовые отдавали ему честь.

Микель-Анджело шелъ за нимъ съ возрастающимъ безпокойст-

вомъ. — Ужъ не дворцовый ли чиновникъ подумалъ онъ; въ такомъ случаѣ, я напрасно былъ такъ запальчивъ Какъ бы то ни было, а фавнъ мой, и онъ долженъ мнѣ его отдать; если онъ непремѣнно хочетъ, я пожалуй заплачу за марморъ.

Незнакомецъ шелъ далѣе, чрезъ галлереи и покои, и никто не думалъ удерживать его.

— Чортъ возьми, подумалъ Микель-Анджело, ужъ не самъ ли секретарь? славное же я сдѣлалъ дѣло!

Незнакомецъ отворилъ дверь кабинета, отдѣланнаго съ царскою роскошью и украшеннаго самыми рѣдкими и дорогими произведеніями искусствъ. Молодой художникъ остановился на порогѣ; смѣлость вдругъ оставила его, онъ былъ смущенъ и дрожалъ. И было чего испугаться! онъ оскорбилъ такую важную особу, которая входитъ безъ доклада въ кабинетъ Лаврентія. Стараясь придумать извиненіе, онъ случайно поднялъ глаза, и увидѣлъ своего фавна на богатомъ каминѣ.

— Ты видишь, мой другъ, сказалъ незнакомецъ съ кротостью, что я приказалъ убрать твоего фавна изъ саду за тѣмъ только, чтобы поставить его въ болѣе достойное мѣсто.

— Но что скажетъ государь, когда увидитъ этотъ ничтожный опытъ среди всѣхъ этихъ драгоцѣнныхъ вещей?

— Государь подаетъ тебѣ руку.

Микель-Анджело, тронутый до слезъ, наклонилъ голову, и дружески пожалъ поданную ему руку.

— Отнынѣ ты будешь у меня домашній; будешь работать у меня, обѣдать за моимъ столомъ, будешь у меня на одной ногѣ съ моими дѣтьми. Иди въ мою уборную, и вели себѣ подать фіолетовый плащъ, какой носятъ въ торжественные дни Пьетро и Джьяно Медичи.

— Государь, сказалъ тронутый художникъ: прежде, чѣмъ я воспользуюсь вашими милостями, позвольте мнѣ сбѣгать къ отцу. Пусть онъ раздѣлитъ мое счастіе. Онъ выгналъ меня изъ отцовскаго дома, какъ недостойнаго лѣнтяя; я ворочусь къ нему, какъ покорный сынъ: онъ строгъ, но онъ справедливъ, и послѣ всего, случившагося со мною, онъ пойметъ, что я долженъ не раскаяваться въ своемъ проступкѣ, а гордиться имъ. Съ нынѣшняго дня, я могу вездѣ являться съ открытымъ лбомъ, даже у себя; потому-что Лаврентій Медичи призналъ меня художникомъ.

— Хорошо, мой другъ, ступай къ отцу, и скажи ему, что мое покровительство распространится и на все его семейство; я позволяю ему явиться ко мнѣ во дворецъ, и просить какой хочетъ должности во Флоренціи.

Старикъ Буонаротти спокойно завтракалъ въ своей комнатѣ, какъ вдругъ нѣсколько грозныхъ толчковъ потрясли дверь. Подеста самъ отворилъ дверь и отступилъ на три шага, увидѣвъ Микель-Анджело, блѣднаго, запыхавшагося, безъ шапки, покрытаго пылью и глиною. Юноша въ одинъ прыжокъ очутился въ объятіяхъ отца,

— Прочь отъ меня, негодяй! вскричалъ подеста, дрожа отъ гнѣва при видѣ такой дерзости.

— Батюшка, батюшка, не гоните меня; ради Бога, выслушайте меня.

— Прочь, недостойный сынъ, не марай меня своею грязью.

— Ради Бога, только выслушайте меня!

— Развѣ ты хочешь, чтобы я проклялъ тебя?

— Я изъ дворца Медичи.

— Не хочу знать, откуда ты, и что ты дѣлаешь; это твое дѣло, а не мое. У меня былъ прежде сынъ Михель-Анджело; я надѣялся, что онъ будетъ славою и опорою семейства, радостью и утѣшеніемъ моимъ на старости; но теперь у меня его нѣтъ, слава Богу; я продалъ этого неблагодарнаго, непокорнаго сына мастеру Гирландайо за восьмнадцать флориновъ.

— Ради моей матери, выслушайте меня.

— Иди къ своимъ каменщикамъ; тамъ твое мѣсто.

— Мое мѣсто, сказалъ Михель-Анджело вставая, мое мѣсто во дворцѣ государя; мое мѣсто среди первыхъ художниковъ Европы, за столомъ Лаврентія Щедраго.

— Боже, Боже мой! онъ сошелъ съ ума, возопилъ отецъ, переходя отъ гнѣва къ отчаянію и страху.

— Идите за мною, батюшка, сказалъ Михель-Анджело твердо и прерывисто; идите за мною, и увидите. Я говорю вамъ, что самъ Лаврентій жалъ мнѣ руку, и теперь ждетъ васъ, предлагаетъ вамъ должность, какую вы сами выберете; съ Микель-Анджеломъ не торговаться же!

Старикъ Буонаротти былъ въ недоумѣніи; онъ жалъ голову руками, будто желая собраться съ мыслями, и съ безпокойствомъ думалъ, кто изъ нихъ сошелъ съ ума, онъ ли самъ, или его сынъ?

Микель-Анджело волею-неволею повлекъ его ко дворцу Медичи. Подеста глазамъ не вѣрилъ. Часовые не загораживали имъ дороги, а царедворцы почтительно передъ ними сторонились.

Когда они пришли къ кабинету, пажъ отворилъ имъ дверь, и оба очутились передъ Лаврентіемъ Медичи.

— Мессиръ Буонаротти, сказалъ государь, идя навстрѣчу къ старику: я потревожилъ васъ, чтобы просить у васъ позволенія удержать при себѣ Микель-Анджела, и чтобы поздравить васъ съ сыномъ, который будетъ первымъ художникомъ своего вѣка. Онъ будетъ у меня, какъ дома. Вы сами назначьте ему жалованье. Я все исполню, съ однимъ, впрочемъ, условіемъ, о которомъ сынъ вашъ васъ вѣроятно предупредилъ; просите у меня такой должности, которая наиболѣе согласна съ вашими склонностями и привычками.

Лудовико не могъ тотчасъ отвѣчать; онъ былъ удивленъ и взволнованъ. Однако-же, онъ скоро оправился, вспомнилъ, что Лаврентій такой же флорентинскій гражданинъ, какъ и онъ, подалъ ему руку, какъ равный равному, и сказалъ:

— Я думаю, что сынъ мой будетъ награжденъ выше заслугъ, если ему дадутъ пять червонцевъ въ мѣсяцъ.

— А для себя, Буонаротти, чего вы желаете?

— Для себя?.. при таможнѣ есть одна неважная вакансія, которую можетъ занимать только дворянинъ. Дайте мнѣ эту должность, я увѣренъ, что буду исправлять ее съ честью.

— Тебѣ всегда оставаться бѣднякомъ, любезный Лудовико, сказалъ Лаврентій, смѣясь, когда ты можешь просить чего хочешь, и довольствуешься ничтожнымъ мѣстомъ при таможнѣ.

— Этого слишкомъ довольно для

отца каменотеса, отвѣчалъ Лудовико.

Этотъ каменотесъ долженъ былъ подарить міру *Моисея*, *Вакха*, Il pensieroso, и сколько еще другихъ дивныхъ произведеній!

III. Живописецъ.

Александръ VI, страшный Родериго Борджіа, умеръ отъ яду, имъ самимъ приготовленнаго для другаго. Юлій II взошелъ на престолъ св. Петра. Это былъ человѣкъ честолюбивый, съ желѣзною волею, надменный, неумолимый, властолюбивый, вспыльчивый, мстительный, не терпѣвшій противорѣчія и уничтожавшій все, что противилось его замысламъ.

Одна черта показываетъ его нравъ.

Микель-Анджело былъ уже человѣкомъ знаменитымъ, и слава возбудила противъ него множество враговъ. Папа, заказывая ему свою статую, сказалъ: Представь меня въ колоссальной бронзовой статуѣ, которая будетъ поставлена на порталѣ св. Петронія. Вотъ тебѣ три тысячи червонцевъ въ задатокъ: когда тебѣ нужны будутъ деньги, обращайся прямо ко мнѣ. Поспѣши сдѣлать модель, и постарайся, чтобы статуя была достойна и Юлія II и Микель-Анджела.

— Рисунокъ готовъ, отвѣчалъ Микель-Анджело. Правою рукою ваше святѣйшество будетъ благословлять, какъ слѣдуетъ, а въ лѣвой будетъ держать книгу.

— Книгу! вскричалъ Юлій II съ гнѣвомъ; нѣтъ, дай мнѣ мечъ! Я знать нехочу вашихъ премудростей; другое дѣло мечъ; на мечѣ я хоть съ кѣмъ поспорю!

Нѣсколько дней спустя, онъ пришелъ въ мастерскую скульптора посмотрѣть, подвигается ли работа.

— Все это очень хорошо, сказалъ онъ, улыбаясь; но скажи, что твоя статуя благословляетъ или проклинаетъ?

— Она грозитъ народу, если онъ будетъ непокоренъ, отвѣчалъ Микель-Анджело.

. . . . . .

Въ 1508 году, Микель-Анджело, возвращаясь изъ Болоньи, является въ Ватиканъ, прямо съ дороги, запыленный, изнуренный; папа обнимаетъ, ласкаетъ его.

— А статуя?

— Кончена; отливка была очень удачна; портретъ вашей святости втрое болѣе настоящаго росту, дышетъ величіемъ и вселяетъ страхъ. Въ лѣвой рукѣ, по желанію вашей святости, блещетъ мечъ.

— Теперь поговоримъ о нашихъ большихъ предпріятіяхъ; вѣдь все твое время принадлежитъ мнѣ.

— Я жду приказаній вашей святости.

Папа всталъ, и опершись на руку своего любимца, пошелъ показать ему все, что было сдѣлано въ его отсутствіе, постройки Санъ-Галло, работы Браманте, фрески Рафаэля. Микель-Анджело, всегда справедливый, даже къ врагамъ, всѣхъ осыпалъ похвалами. Наконецъ, они приходятъ на площадь св. Петра. Огромные куски каррарскаго мармора ожидали рѣзца великаго ваятеля.

Осмотрѣвъ церковь со всѣхъ сторонъ, и пройдясь по дворцовымъ садамъ, Юлій II и Микель-Анджело вошли въ Сикстинскую часовню. Уже было подъ вечеръ.

Папа остановился среди обширной часовни, и поднявъ руку къ своду, сказалъ, какъ самое простое дѣло:

— По смерти дяди, внутренняя отдѣлка этого прекраснаго зданія осталась неконченною. Я хочу,

чтобы потомство говорило: Юлій II кончилъ то, что началъ Сикстъ IV. Трудъ этотъ я поручаю тебѣ. Ты будешь и архитекторомъ, и живописцемъ, и скульпторомъ; наполни этотъ сводъ фресками и изваяніями; насели его фигурами. До сихъ поръ ты показалъ одну сторону своего генія; пусть весь міръ узнаетъ, глядя на плафонъ Сикстинской часовни, что Микель-Анджело такой же великій живописецъ, какъ и ваятель.

Микель-Анджело пристально посмотрѣлъ на папу, чтобы убѣдиться, что онъ точно не шутитъ.

— Чтоже ты не отвѣчаешь? сказалъ папа.

— Я не разслушалъ, отвѣчалъ изумленный художникъ.

— Я поручаю тебѣ расписать сводъ Сикстинской часовни. Понимаешь?

— Ваша святость изволитъ шутить надо мною.

— Какимъ образомъ?

— Мое дѣло мять глину и колоть марморъ; я отъ роду не писалъ, и даже не знаю пріемовъ фрески. Правда, я рисовалъ картонъ для залы совѣта во Флоренціи; но это былъ только рисунокъ. Въ мои ли лѣта приниматься за новое ремесло? Ваша святость, вѣроятно, хочетъ только испытать меня.

— Я сказалъ тебѣ, чего хочу, а твое дѣло повиноваться.

— Я вамъ говорю, что эта мысль внушена вашей святости моими врагами; это ихъ козни. Если я откажусь, я останусь безъ работы и подвергнусь вашей немилости; если же приму предложеніе, осрамлюсь и погублю небольшую славу, которую пріобрѣлъ въ своемъ искусствѣ. Но я лучше соглашусь подвергнуться вашему гнѣву, чѣмъ неизбѣжному стыду. Я рѣшился; ѣду сегодня же во Флоренцію.

— Увидимъ, поѣдешь ли, сказалъ Юлій сурово, и оставилъ бѣднаго художника одного, въ отчаяніи.

Что тогда происходило въ душѣ Микель-Анджела, извѣстно только Богу и ему. Если онъ не палъ подъ бременемъ этой пытки, то потому только, что былъ одаренъ сверхъестественною силою. Представьте себѣ человѣка, у котораго въ головѣ болѣе сорока статуй, которому стоитъ взять рѣзецъ, чтобы пролить жизнь въ марморъ и произвести нѣсколько исполинскихъ созданій; онъ пріѣзжаетъ, полный вѣры и надежды, чтобы приняться за работу; и этотъ человѣкъ, великимъ, отчаяннымъ усиліемъ воли, мѣняетъ планъ, цѣль, средства, бросаетъ камень, и создаетъ новое царство изъ тѣней и красокъ, переходитъ къ новому искусству въ одну ночь. Можно ли представить себѣ болѣе исполинское торжество человѣческой воли?

На слѣдующій день, Юлій II засталъ художника на томъ же мѣстѣ, гдѣ оставилъ его на канунѣ; онъ сидѣлъ, поникши головою, вперивъ глаза въ землю, сложивъ руки на груди, углубленный въ думу; цѣлая ночь борьбы оставила слѣды на его блѣдныхъ щекахъ, въ его красныхъ глазахъ; но на челѣ его горѣлъ огонь вдохновенія.

— Что же? спросилъ папа.

— Согласенъ, отвѣчалъ Микель-Анджело.

— Я это зналъ. Повѣрь, Микель-Анджело, враги хотѣли покрыть тебя стыдомъ, и вмѣсто того доставятъ тебѣ новое торжество.

Въ тотъ же день, Микель-Анд-

жело выписалъ изъ Флоренціи Джакопо ди Сандро, Анджело-Доннино, Буджіардини, Гранани, словомъ, всѣхъ извѣстнѣйшихъ мастеровъ фрески, повелъ ихъ на свои лѣса, далъ имъ уголъ стѣны и заставилъ писать. Въ два или три часа онъ совершенно познакомился съ механизмомъ новаго для него искусства. Потомъ онъ щедро наградилъ ихъ, сбилъ всю ихъ работу, заперся въ часовнѣ, и никого не впускалъ.

Чрезъ полтора года Микель-Анджело окончилъ свой исполинскій трудъ. Когда онъ сошелъ съ лѣсовъ, глаза его такъ привыкли смотрѣть верхъ, что ему трудно было обращать ихъ внизъ. Не горестный ли то символъ генія, который, пробывъ нѣкоторое время въ горнихъ предѣлахъ, принужденъ возвращаться къ людямъ.

Къ числу всякаго рода страданій, преслѣдовавшихъ Микель-Анджело, во время этого испытанія, надо присоединить нетерпѣніе, понужденія и угрозы надменнаго папы. Не смотря на старость и дряхлость, онъ каждый день всходилъ на лѣса, ворчалъ, [совѣтовалъ, понуждалъ бѣднаго художника, который охотно отдалъ бы остальные дни своей жизни, чтобы его только оставили въ покоѣ. Однажды папа журилъ его за скудность яркихъ красокъ и золота. — Святой отецъ, отвѣчалъ художникъ, люди, которыхъ я пишу, въ свое время не носили золота; это были люди святые, любившіе бѣдность и презиравшіе богатство.

Въ другой разъ папа сердился на медленность живописца. «Когда же ты кончишь?» вскричалъ онъ.

— Когда буду доволенъ, отвѣчалъ Микель-Анджело

Наконецъ сталъ подходить праздникъ *всѣхъ святыхъ*; папа въ послѣдній разъ взобрался на лѣса и объявилъ коротко и сухо, что хочетъ въ этотъ день служить обѣдню въ часовнѣ.

— А если я къ тому времени не кончу? сказалъ художникъ, выведенный изъ терпѣнія.

— Если не кончишь?... если не кончишь?... въ такомъ случаѣ я велю тебя сбросить съ лѣсовъ.

—Отъ него станется; пожалуй, онъ исполнитъ угрозу, подумалъ Микель-Анджело; и въ тотъ же вечеръ лѣса были сняты.

Не стану описывать потрясающаго впечатлѣнія, которое произвелъ плафонъ, когда былъ открытъ. Тогда, какъ и нынѣ, онъ считался самымъ удивительнымъ чудомъ искусства. А творцу его было семьдесятъ три года.

Прошло два года; папа умеръ, и Микель-Анджело горько оплакивалъ его. Эти два человѣка были рождены другъ для друга. Юлій II не могъ жить безъ Микель - Анджело. Разсказываютъ, что незадолго до смерти, онъ поссорился съ Микель-Анджеломъ, который просилъ отпуска во Флоренцію, на праздникъ Иванова дня; ссора эта, по обыкновенію, кончилась мировою и новыми милостями. Говорятъ даже, что бѣдный старикъ, чувствуя, можетъ быть, приближеніе смерти, и боясь оставить непріятное воспоминаніе въ сердцѣ любимаго художника, послалъ просить у него извиненія и подарилъ ему на поѣздку пять сотъ червонцевъ.

Юлій II единственный человѣкъ, смѣвшій бранить Микель-Анджела и грозить ему; однажды онъ даже поднялъ на него трость.

Несмотря на то, Микель-Анджело не могъ утѣшиться въ его смерти, послѣ слуги своего Урбино, онъ никого такъ не любилъ на землѣ, какъ Юлія II.

IV. Больной.

Работая надъ своею большою картиною *Страшный Судъ*, Микель-Анджело однажды упалъ съ лѣсовъ и сильно ушибъ ногу. Въ припадкѣ мизантропіи, онъ заперся у себя и никого не принималъ. Но онъ забылъ, что докторъ его еще упрямѣе его самого; узнавъ о несчастіи своего друга, Бачіо Рontини явился къ нему, но какъ ни старался, не получалъ отвѣта. Онъ сталъ кричать, браниться, звать сосѣдей, слугъ; отвѣта не было. Онъ беретъ лѣстницу, приставляетъ ее къ окнамъ; всѣ окна на-глухо затворены крѣпкими ставнями. Что дѣлать? другой бы отступился; но Рontини не унывалъ отъ такихъ пустяковъ. Съ трудомъ опускается онъ въ подвалъ, и съ такимъ же трудомъ, выбирается въ комнату Буонаротти, чтобы волею или неволею вылечить больнаго брюзгу. И пора было: терзаемый болью, художникъ рѣшился заморить себя голодомъ.

V. Архитекторъ.

Какъ архитекторъ, Микель-Анджело подарилъ намъ ризницу и библіотеку св. Лаврентія, верхъ дворца Фарнезе, церковь св. Іоанна Флорентинскаго, Капитолій, и дивный куполъ св. Петра въ Римѣ.

Исторія этого памятника, который до сихъ поръ остается величайшимъ чудомъ человѣческаго искусства, займетъ цѣлый томъ. Константинъ заложилъ первый его камень въ 324 году; въ 626 году Гонорій придѣлалъ къ нему двери изъ цѣльнаго серебра; сарацыны похитили ихъ въ 846 году. Въ тринадцатомъ и четырнадцатомъ вѣкахъ нѣсколько папъ исправляли его древнюю базилику. Николай V задумывалъ перестроить все вновь по рисункамъ Леона-Батиста Альберта; но едва начали выводить стѣны, папа умеръ, и работы прекратились.

Наконецъ 18 апрѣля 1506 г. Юлій II, на семьдесятъ третьемъ году своей жизни, положилъ первый камень новой церкви. Браманте, Рафаэль, Джульяно ди Санъ-Галло, Фра-Джіоконде Веронскій по-очередно трудились надъ ней. Огромныя суммы денегъ потрачены на сооруженіе этого исполинскаго памятника, которому, казалось, какъ новому Вавилонскому столпу, не видать конца.

Когда Павелъ III прибѣгнулъ, какъ къ послѣдней надеждѣ, къ генію и честности Буонаротти, церковь св. Петра была предлогомъ самыхъ постыдныхъ сдѣлокъ и грабежей. Полутораста лѣтъ работы и десяти милліоновъ червонцевъ не стало бы для множества колоколенъ, куполовъ, шпицовъ, колоннъ, портиковъ, аркадъ, украшеній всѣхъ вкусовъ и временъ, которыя корыстолюбивые архитекторы внесли въ первоначальный проэктъ.

Микель-Анджело, сколько могъ, уклонялся отъ этой чаши. Онъ зналъ, какія горести и испытанія она готовила ему на старость. «Богъ свидѣтель, говорилъ онъ Вазари, что я противъ воли взялся за постройку церкви св. Петра.» Въ письмѣ къ Амманази, по-поводу своего проэкта, онъ говорилъ: «если онъ будетъ принятъ, мнѣ будетъ отъ

того много непріятностей; объясните это папѣ, ибо я нездоровъ.»

Несмотря, однакоже, на многократный отказъ, онъ принужденъ былъ наконецъ согласиться; онъ потребовалъ модели своего предшественника. Ученики и приверженцы Санъ-Галло, предвидѣвшіе что Микель-Анджело прекратитъ ихъ грабежи, представляя ему планы, сказали съ горестью: это лугъ, на которомъ всегда найдется, что скосить.

—Вы совершенно правы, отвѣчалъ Микель.Анджело; въ этомъ прекрасномъ рисункѣ не достаетъ только одного единства.

Въ двѣ недѣли онъ сдѣлалъ свою рельефную модель; она стоила только двадцать пять скудій. На модель Санъ-Галло было употреблено четыре года и истрачено пять тысячъ сто восемьдесятъ золотыхъ скудій.

Какъ скоро Микель-Анджело представилъ свой планъ, на слѣдующій же день назначили его архитекторомъ и главнымъ директоромъ работъ церкви св. Петра.

Буонаротти потребовалъ одного условія, и настоялъ на немъ: чтобы возложенная на него должность была безвозмездна; преслѣдуя корыстолюбцевъ, онъ самъ хотѣлъ быть примѣромъ безкорыстія.

Получивъ самую неограниченную власть, старикъ принялся за работы. Онъ велѣлъ сломать всю пристройку Санъ-Галло, и безъ жалости разогналъ толпу торгашей и грабителей.

Скоро стало возвышаться совсѣмъ новое, простое и величественное зданіе, въ видѣ греческаго креста. Въ три года, Микель-Анджело связалъ всѣ четыре стороны, окончилъ двѣ лѣстницы, ведущія на вершину сводовъ, подкрѣпилъ арки и устои. Зданіе примѣтно возвышалось. Главною цѣлью великаго художника было сдѣлать невозможною всякую передѣлку, которую могли бы затѣять въ его планѣ корыстолюбіе или зависть. Наконецъ, Павелъ III, передъ смертью, въ 1549 году, имѣлъ удовольствіе видѣть главную базилику, окончательно отдѣланную, въ своемъ видѣ.

Тотъ же коринѳскій орденъ былъ употребленъ во внѣшней и во внутренней отдѣлкѣ храма. Полукруги двухъ колоннадъ, своды, пристройки, окна, все было кончено. Наконецъ, стало возвышаться внѣшнее каменное основаніе, на которомъ долженъ былъ вознестись къ небу, на одномъ рядѣ колоннъ, дивный куполъ, совершенство человѣческаго искусства.

Впродолженіе семнадцати лѣтъ, среди безпрестанныхъ непріятностей и испытаній, частью вслѣдствіе частой перемѣны папъ, частью вслѣдствіе козней и наговоровъ враговъ, Микель-Анджело трудился съ неутомимымъ рвеніемъ и безкорыстіемъ надъ сооруженіемъ этого великаго памятника, котораго окончаніе онъ считалъ самою священною своею обязанностью. Въ одномъ письмѣ, въ отвѣтъ на предложеніе и настояніе герцога Тосканскаго, онъ говоритъ: «Выпросите мнѣ у герцога позволеніе наблюдать за постройкою церкви св. Петра, пока она не будетъ доведена до того, чтобы нельзя уже было дать ей другой видъ. Отказавшись ранѣе, я буду виновникомъ великаго разоренія, великаго срама и грѣха.»

Онъ достигъ своей цѣли. По смерти его, Джіакомо делла Порта и Доминико Фонтана достроп-

ли этотъ огромный сводъ, съ религіозною точностью придерживаясь модели. Уваженіе къ его послѣдней волѣ было такъ глубоко, что папа Пій IV отрѣшилъ Пьеро Лигоріо за отступленіе отъ нея.

Слѣдовательно, церковь Петра есть очевидно твореніе Микель-Анджела; и хотя ее продолжали впослѣдствіи въ видѣ латинскаго креста, во всемъ этомъ зданіи выказывается геній Микель-Анджела. Это истинный памятникъ, въ которомъ должна обитать его великая душа на землѣ; единственный памятникъ, достойный великаго художника.

VI. Человѣкъ.

Несмотря на всѣ эти труды и славу, на цѣлую жизнь испытаній и побѣдъ, старость Микель-Анджела была полна скорби и тоски. Онъ одинъ пережилъ свой вѣкъ. Браманте, Санъ-Галло, Рафаэль, всѣ его сверстники, соперники и враги, сошли въ могилу. Сколько прошло передъ нимъ королей и папъ! Одинъ онъ стоялъ, мрачный и угрюмый старикъ, на развалинахъ павшаго народа; и, поставивъ искусство на высшую степень совершенства, не видѣлъ за собою ни учениковъ, ни подражателей, единственнаго потомства художника!

Въ часы мрачной, неутѣшной тоски, онъ торопливою рукою кололъ марморъ, чтобы разогнать тяжелыя воспоминанія. Такимъ образомъ, онъ отдѣлалъ вчернѣ послѣднюю свою группу, которую назначилъ для своего надгробнаго памятника; она изображала любимый предметъ его: мертваго Христа на колѣнахъ матери.

Сколько онъ былъ бережливъ на себя самаго, столько-же былъ щедръ на другихъ; часто онъ питался однимъ кускомъ хлѣба, а давалъ огромныя суммы племянникамъ, слугамъ, бѣднымъ, и въ особенности художникамъ. Онъ былъ неутомимъ въ трудѣ, задумчивъ, мраченъ, избѣгалъ удовольствій, любилъ уединеніе; ни подъ какимъ видомъ не позволялъ себѣ отступать отъ обязанностей; былъ строгъ къ другимъ, и еще болѣе къ себѣ, ненавидѣлъ подлость и презиралъ глупость. Жизнь его безукоризненна сначала до конца; онъ соединялъ душу Катона съ геніямъ Фидія.

Микель-Анжело умеръ отъ медленной лихорадки, 17 февраля 7563 г.; ему было 88 лѣтъ, 11 мѣсяцевъ и 15 дней.

Завѣщаніе свое онъ продиктовалъ въ немногихъ словахъ: «отдаю душу свою Богу, тѣло землѣ, а имущество ближайшимъ родственникамъ.»

Вазари описываетъ его наружность слѣдующимъ образомъ: «Круглая голова, широкій, квадратный лобъ, съ выдавшимися висками; носъ раздавленный (кулакомъ Торреджіани;) глаза скорѣе малые, чѣмъ большіе, темнокаріе, съ желтыми и голубыми крапинками, брови рѣдкія, губы тонкія; очень хорошій подбородокъ; борода рѣдкая и дѣлившаяся на срединѣ подбородка на двѣ ровныя части.»

Микель-Анджело былъ средняго росту, широкъ въ плечахъ, хорошо сложенъ, сухъ и жилистъ. Тѣлосложеніе имѣлъ крѣпкое и здоровое; во всю свою жизнь былъ только два раза серьозно болѣнъ.

Сколько извѣстно, онъ только одинъ разъ любилъ, и то любовью платоническою; предметомъ этого нѣжнаго благоговѣнія была зна-

менитая Викторія Колонна, столь извѣстная въ исторіи итальянской поэзіи; онъ никогда не могъ простить себѣ, что не посмѣлъ вмѣсто руки поцѣловать ее въ лобъ, когда видѣлъ ее въ послѣдній разъ. Настоящимъ предметомъ его страсти было одно искусство. Однако-же, платоническая любовь внушила ему нѣсколько стихотвореній въ родѣ Петрарковыхъ; но въ этой прозрачной, чистой поэзіи видно что-то болѣе энергическое и опредѣленное, чѣмъ у Петрарки.

Дѣйствительно любилъ Микель-Анджело только слугу своего, Урбано; не смотря на свои восемьдесять два года, онъ самъ ухаживалъ за нимъ, въ послѣднюю его болѣзнь, и провелъ нѣсколько ночей у его изголовья, не раздѣваясь. Онъ подарилъ ему двадцать тысячь франковъ, чтобы онъ не имѣлъ нужды служить другому.

Для потомства исторія Микель-Анжела начертана въ трехъ словахъ: въ трехъ разныхъ искусствахъ онъ оставилъ три величайшія творенія. — *Страшный судъ*, *Моисея* и куполъ св. Петра.

—

ЧЕТЫРЕ ДЮЖИНЫ СИНИХЪ ЧУЛОКЪ АНГЛІИ

Англія придумала насмѣшливое прозвище *синихъ чулокъ*, (*) для женщинъ, пускающихся въ литературу; не смотря на то, нигдѣ нѣтъ такаго множества женщинъ, съ успѣхомъ подвизающихся на литературномъ поприщѣ, какъ въ Англіи; правда, нѣтъ у англичанъ такихъ знаменитыхъ именъ, какъ у французовъ г-жи Сталь и Жоржъ-Сандъ, или у нѣмцевъ Рахиль и Беттина; однако-же, ихъ писательницы занимаютъ почетныя мѣста въ изящной литературѣ; нѣкоторыя даже съ замѣчательнымъ талантомъ владѣли стихомъ, который, по странности, не давался великимъ писательницамъ Франціи и Германіи. Въ слѣдующихъ строкахъ мы постараемся представить читателямъ въ хронологическомъ порядкѣ галерею, къ сожалѣнію не совсѣмъ полную, самыхъ замѣчательныхъ изъ нихъ, съ біографическими и критическими замѣчаніями.

Леди Елисавета Керю (Lady Elisabeth Carew) первое женское имя, встрѣчающееся въ лѣтописяхъ англійской литературы; она издала въ 1613 году трагедію «Маріамь, прекрасная царица Іудейская»; сочиненіе очень слабое въ драматическомъ отношеніи, но полное благородной простоты и величія. — Только чрезъ полвѣка послѣ нея встрѣчаемъ мы другое женское имя:

Маргариты, герцогини Ньюкестльской; она оставила двѣнадцать браліантовъ комедій, стихотвореній, философскихъ и богословскихъ разсужденій; нѣжно любимый супругъ помогалъ ей почти во всѣхъ ея трудахъ; чѣмъ Горацій Вальполь часто пользовался, чтобы осмѣять литературную чету въ своей книгѣ о вѣнценосныхъ и благородныхъ писателяхъ. Самое извѣстное сочиненіе герцоги-

(1) Леди Монтелью составила литературное общество, которое было прозвано клубомъ Синихъ Чулокъ, потому что одинъ членъ его, Вельямпнъ Стиллингъ Флитъ, бывшій въ большой чести у ученыхъ дамъ, ходилъ всегда въ синихъ чулкахъ; прозвище скоро вошло въ общее употребленіе, въ особенности же послѣ знаменитой сатиры Байрона: *Синіе*.

ки Ньюкестльской прелестное стихотвореніе: «Забавы и увеселенія царицы фей». Она умерла въ 1673 году.

Катерина Филипсъ, родившаяся въ 1631 г., писала подъ именемъ Оринды: стихотворенія ея были напечатаны противъ ея воли. Коулей и Драйденъ воздвигли ей прочный памятникъ въ своихъ сочиненіяхъ лестными отзывами о ея дарованіи и прекрасной душѣ.

Афра Бенъ (Aphra Behn), воспѣтая Попе, подъ именемъ Астреи, стяжала очень двусмысленную славу семнадцатью весьма вольными комедіями. Она играла также очень двусмысленную политическую роль по порученію Карла II; она была шпіономъ, и жила въ этомъ качествѣ въ Антверпенѣ; любовники ея и почитатели служили ей орудіями; умерла въ 1689 году.

Леди Рахиль Рессель (Lady Rachel Russell), англійская Севинье, извѣстна своими прелестными письмами, которыя печатаны долго спустя послѣ ея смерти, и доставили ей почетное имя въ литературѣ; но она уже была извѣстна и прежде своею героическою супружескою любовью. Когда Уильямъ Рессель приговоренъ былъ къ смерти (1683 г.) ему не оставалось никакого средства защиты, она вызвалась оправдать его; и дѣйствительно, представила письменное оправданіе (изустно защищать его ей не позволили); однако же, это не имѣло успѣха; такъ же безуспѣшны были всѣ прочія попытки ея спасти его; онъ погибъ вмѣстѣ съ Ольджеронъ-Сиднеемъ. Леди Рессель была вторая дочь графа Соутаметонскаго, и родилась въ 1636 году; оставшись вдовою послѣ лорда Вогана, она вышла въ 1667 г. за Уильяма Ресселя, бывшаго пятью годами моложе ея; страстная любовь къ ней спасла его отъ распутства, въ которое реставрація вовлекала всю молодежь; благородный характеръ жены имѣлъ сильное вліяніе на него. Она умерла въ 1793 году, восемидесяти семи лѣтъ. Ея письма не имѣютъ легкости и игривости ума г-жи Севинье; но за то въ нихъ болѣе теплаго чувства и глубины; они очень важны для исторіи.

Анна, графиня Уингельса (Winchelsea), умершая въ 1720 г., сочинительница «ночныхъ думъ», единственнаго истинно поэтическаго стихотворенія, явившагося въ шестидесятилѣтній промежутокъ между Мильтоновымъ «Потеряннымъ раемъ» и Томсоновыми «Временами года.» Стихъ ея музыкаленъ, описаніе природы одушевлено и живописно.

Леди Мери Уортлей Монтегью (Lady Mary Wortley Montague), род. 1690, ум. 1762 г.; изобрѣтательница путевыхъ писемъ. Описаніе ея путешествія на востокъ слишкомъ извѣстно, чтобы говорить о немъ подробнѣе; кромѣ того, она написала множество эклогъ, эпиграмъ и стихотвореній. Попе говорилъ, что она для него слишкомъ умна; извѣстно, что Попе былъ страстнымъ почитателемъ этой прекрасной и умной женщины; но встрѣтивъ съ ея стороны одну насмѣшку и холодность, онъ сдѣлался непримиримымъ ея врагомъ. Семейныя письма ея, писанныя въ позднѣйшее время, представляютъ любопытную противуположность ея путешествію на востокъ, полному ума, неблюдодательности и циническихъ подробностей. Въ семей-

ныхъ письмахъ беретъ верхъ женская нѣжность; холодная, гордая Леди, наблюдательница чужихъ народовъ и нравовъ, дѣлается нѣжною, заботливою бабушкою; въ письма ея къ дочери, о женскомъ воспитаніи, полны глубокихъ истинъ, и должны бы быть настольною книгою всѣхъ матерей.

Мистеръ Грель (Mis. Thrale), род. 1740, ум. 1822 г. была долго пріятельницею Джонсона; полагаютъ даже, что онъ принималъ участіе во всѣхъ ея произведеніяхъ, частью дружескими совѣтами, частью собственнымъ перомъ. Она была женою богатаго и образованнаго пивовара, у котораго Джонсонъ жилъ нѣсколько лѣтъ; по смерти мужа она вышла за итальянскаго пѣвца Піоцци, и жила съ нимъ на берегахъ Арно; тутъ она продолжала свои литературныя занятія, но уже не съ такимъ успѣхомъ, какъ во время дружбы своей съ Джонсономъ, который былъ очень недоволенъ ея вторичнымъ бракомъ.

Леди Анна Барнардъ (род. 1750, ум. 1825), написала множество прекрасныхъ балладъ и пѣсенъ, которыя перешли въ уста народа; впродолженіе пятидесяти лѣтъ имя ея, какъ писательницы, было неизвѣстно; только незадолго до смерти, она открылась въ письмѣ къ Валтеръ-Скотту.

Клара Ривъ, (Clara Reeve) первая историческая романистка въ Англіи; Валтеръ-Скоттъ говоритъ о ней съ чрезвычайнымъ уваженіемъ; извѣстнѣйшій ея романъ «Старинный англійскій баронъ» вышелъ въ 1777 году.

Шарлотта Смитъ (Mis. Charlotte Smith) родил. 1749, умер. 1806 г. На ея стихотвореніяхъ и многочисленныхъ романахъ лежитъ печать высокаго таланта. Несчастныя супружескія отношенія и нищета принудили ее взяться за перо, для поддержанія себя и дѣтей; и въ то же время отразились на всѣхъ ея сочиненіяхъ горькою меланхоліею.

Сусанна Блемеръ (Susan Blamire), одна изъ лучшихъ шотландскихъ балладистокъ; пѣсни ея вышли новымъ изданіемъ почти черезъ сто лѣтъ послѣ перваго ихъ появленія.

Анна Летиція Барбольдъ (Anna Laetitia Barbauld), род. 1743, ум. 1825 г.; стихотворенія и прозаическія сочиненія ея пользуются большимъ уваженіемъ; ея біографія Ричардсона свидѣтельствуетъ притомъ замѣчательный критическій талантъ.

Анна Сюардъ (Anna Seward), пользововалась въ свое время большою славою; ее называли, по мѣсту ея рожденія, Личфильдскимъ лебедемъ; но стихотворенія ея манерны и полны мелкаго тщеславія. Изъ тщеславія же, она завязала переписку съ Вальтеръ-Скоттомъ, и посвятила ему три тома стихотвореній, которыя онъ нашелъ непростительно дурными. Впрочемъ, въ напечатанныхъ ея письмахъ довольно ума и оригинальности.

Мистрисъ Гентеръ (Mrs. Hunter) должна быть упомянута хоть потому, что Гайднъ обезсмертилъ нѣкоторыя ея стихотворенія своею музыкою, еще до выхода ихъ въ свѣтъ. Только въ 1806 году вышло полное ихъ собраніе.

Мери Тай (Mary Tyghe), ирландская писательница, полная страсти и фантазіи; самое значительное ея стихотвореніе «Психея» отличается одушевленіемъ и яр-

костью красокъ. Томасъ Муръ воспѣлъ свою соотечественницу въ одной изъ своихъ пѣсенъ; исторія ея жизни, кажется, извѣстна очень немногимъ; она была полна испытаній и скорби.

Фелиція Гименсъ (Felicia Hemans), род. 1803, ум. 1835 г., одна изъ самыхъ даровитыхъ англійскихъ писательницъ. Она была дочь Валлисскаго купца Брауна, и съ самыхъ юныхъ лѣтъ оказывала необыкновенную любовь и сочувствіе къ красотамъ природы; это свойство составляетъ отличительную черту всѣхъ ея произведеній. Въ пятнадцать лѣтъ она уже издала первое свое сочиненіе, но рѣшительно безъ успѣха; это, однако-же, не устрашило ее; чрезъ нѣсколько лѣтъ стихотворенія ея сдѣлались любимымъ чтеніемъ публики, и не разъ удостоивались значительныхъ наградъ, назначенныхъ частью отъ королевскаго, частью отъ частныхъ литературныхъ обществъ. На 19 году Фелиція вышла за капитана Гименса, котораго подарила пятью сыновьями; супружество это однакоже было очень несчастно; мужъ уѣхалъ въ Италію, оставивъ ее съ дѣтьми на попеченіе ея брата, на рукахъ котораго она и окончила свою страдальческую жизнь. Послѣднее стихотвореніе, которое она продиктовала за нѣсколько часовъ передъ смертью, представляетъ трогательное свидѣтельство ея покорности Провидѣнію, и глубины ея чувствъ. Несмотря на всеобщую любовь, которою пользуются ея стихотворенія въ настоящее время, имъ нельзя пророчить долгой жизни; уже Вальтеръ-Скоттъ говорилъ, что въ нихъ слишкомъ много цвѣту и мало плода, и что они поблекнутъ такъ же скоро, какъ цвѣты. Вездѣ блестящія картины, тихая грусть и женская нѣжность; но вездѣ недостатокъ силы; болѣе значительныя стихотворенія даже рѣшительно скучны, а драматическіе опыты ниже посредственности.

Летиція Елисавета Лендонъ. (Laetitia Elisabeth London), родил. 1802, ум. 1838 г., гораздо извѣстнѣе предъидущей, и гораздо выше ея по таланту; въ Англіи она считается въ числѣ первоклассныхъ поэтовъ. Преждевременная трагическая смерть сдѣлала имя ея еще болѣе извѣстнымъ. Послѣ бурной и безпокойной молодости, она вышла на тридцать шестомъ году за Георга Маклина, губернатора Капъ-Кости, на Золотомъ берегу, и тамъ, послѣ двухмѣсячнаго супружества отравлена синильною кислотою; нѣкоторые утвреждаютъ, будто преступленіе это совершила негритянка, любовница ея мужа, изъ ревности; другіе полагаютъ, что она выпила стклянку по неосторожности. Недавно вышедшія записки ея не даютъ никакого поясненія на эти событія. Она была женщина сильныхъ страстей, безпрестанно въ разладѣ съ собою и со свѣтомъ; глубокая меланхолія ея сочиненій, говорятъ, представляла разительную противуположность ея всегда веселому и живому обхожденію Послѣднія ея сочиненія были свободнѣе и естественнѣ епервыхъ, и менѣе вдавались въ субъективность; она подавала прекраснѣйшія надежды, которыя разрушены ея преждевременною смертью.

Жана Байли (Joan Baillie) извѣстна своими мелкими стихотвореніями, отличающимися музыкальностью стиха, и драматическими сочиненіями; первыя не такъ извѣстны, какъ бы они за-

служивали; послѣднія, напротивъ, считаются въ Англіи образцовыми, хотя ни одна ея трагедія не имѣла успѣха на сценѣ. Первымъ ея драматическимъ произведеніемъ было собраніе опытовъ, какъ въ трагедіи такъ и въ комедіи; это произведеніе скоро обратило на себя общее вниманіе, вышло въ нѣсколько мѣсяцевъ девятью изданіями, и положило основаніе славѣ сочинительницы. Ей было въ то время тридцать четыре года (1798); съ тѣхъ поръ она издала множество другихъ сочиненій, которыя упрочили ея славу.

Елисавета Инчбольдъ (Elisabeth Inchbold), род. 1753, ум. 1821 г., женщина столько же замѣчательная оригинальностью своего характера, сколько литературнымъ талантомъ. Она написала нѣсколько прекрасныхъ комедій и романовъ; молодою дѣвушкою бѣжала она изъ родительскаго дома, и поступила на театръ. Записки ея, изданныя послѣ ея смерти, занимательнѣе всякаго романа. Ужаснувшись беззащитности и трудностей своего драматическаго поприща, она обратилась къ защитѣ пожилаго, почтеннаго актера, который посовѣтовалъ ей выдти замужъ. «Кто же меня возьметъ?» сказала она съ прискорбіемъ. «Я возьму,» отвѣчалъ Инчбольдъ; «и защищу васъ отъ всѣхъ преслѣдованій.» Этотъ странный бракъ былъ очень счастливъ; но смерть скоро разлучила супруговъ, и Елисавета Инчбольдъ опять осталась одна. Драматическіе труды ея доставили ей имя и состояніе и дали прочное положеніе въ свѣтѣ; изъ романовъ ея, въ особенности замѣчательны «Обыкновенная исторія» и «Искусство и природа.»

Фанни Бёрней (Fanny Burney), впослѣдствіи графиня д'Арбле, род. 1752, ум. 1840 г., извѣстна всей Европѣ двумя романами «Эвелина» и «Цицилія;» послѣ нихъ самое замѣчательное ея произведеніе, недавно изданныя, многотомныя и многословныя ея записки. Фанни была рѣдкимъ ребенкомъ; до восьмаго года она еще не умѣла читать, но уже отличалась удивительною наблюдательностью; талантъ ея развивался втайнѣ, и на семнадцатомъ году она написала уже свой романъ «Эвелина,» который былъ печатанъ однако-же только черезъ десять лѣтъ, и разошелся съ неимовѣрною быстротою. Эта книга доставила ей мѣсто при дворѣ, и она скоро сдѣлалась любимицею королевы Шарлотты; но тяжесть ея придворной обязанности и связанная съ нею неволя побудили Фанни Берней, на сорокъ первомъ году жизни, выдти за французскаго эмигранта, графа д'Арбле, съ которымъ она прожила нѣкоторое время въ Парижѣ. Послѣдующіе ея литературные труды доставили ей хорошія деньги, но по достоинству далеко уступали первымъ. Сестра ея по отцу, *Сара Берней*, также пытала свои силы въ романѣ, но не съ такимъ талантомъ и не такимъ успѣхомъ.

Софія и *Гарріетъ Ли* (Lee), двѣ сестры, писавшія недурные романы, повѣсти и трагедіи; меньшая, Гарріетъ, имѣла болѣе успѣха. Байронъ заимствовалъ изъ одной ея повѣсти, бывшей въ свое время въ большомъ ходу, трагедію *Вернеръ*, слабѣйшее произведеніе великаго поэта, сказать мимоходомъ, и далеко уступающее подлиннику. Обѣ сестры жили сначала доходами, которые онѣ

получали отъ своего заведенія для воспитанія дѣвицъ, въ Батѣ: потомъ совершенно посвятили себя литературѣ, которая доставила имъ обильное вознагражденіе и независимость.

Анна Радклифъ (род. 1764 г.) извѣстна всѣмъ своими ужасными романами, которые были переведены на всѣ языки; англійскіе критики называютъ ее Сальваторомъ Розою романа. Ея фантазія созидаетъ уродливое, ужасы природы и всю богатую область людскихъ страховъ въ потрясающія картины; едва ли какое женское перо бывало такъ увлекательно и такъ богато вымысломъ. Въ характеристикѣ она гораздо слабѣе; характеры ея безпрестанно повторяются; въ особенности неподражаема она въ картинахъ природы, которыя она съ пластическою истиною ставитъ на первый планъ своихъ страшныхъ сценъ, и тѣмъ прикрываетъ ихъ неестественность и преувеличеніе. Она имѣла многихъ подражателей: въ числѣ ихъ называютъ даже Байрона.

Эмилія Опай (Opie), одна изъ лучшихъ подражательницъ предъидущей; описанія ея почти такъ же увлекательны и такъ же мрачны; впрочемъ, она съ успѣхомъ трудилась и на другомъ, болѣе самостоятельномъ поприщѣ; сюда принадлежатъ ея «Повѣсти сердца», «Разсказы изъ дѣйствительной жизни», «Домашнія сцены», и проч.

Анна Марія Портеръ, ученица и любимица Вальтеръ-Скотта; она начала писать съ двѣнадцати лѣтъ, чѣмъ обязана своему учителю. Она издала до пятидесяти томовъ, но лучшее ея сочиненіе «Донъ Себастьянъ.» Сестра ея, *Дженъ Портеръ* (Jone Porter) также напила нѣсколько романовъ, въ которыхъ видѣнъ талантъ; но обѣ сестры часто впадаютъ въ однообразіе и преувеличеніе.

Марія Еджвортъ (Maria Edgeworth), безспорно самая извѣстная и любимая англійская прозаическая писательница; ея дѣтскія книги переведены почти на всѣ европейскіе языки и составляютъ любимое чтеніе дѣтей; довольно извѣстны также ея романы, или, какъ она ихъ называетъ: «*современные разсказы*». Всего же болѣе прославилась миссъ Еджвортъ своими народными разсказами, которымъ она первая дала право гражданства въ литературѣ. Одинъ англійскій критикъ очень справедливо замѣтилъ, что она избавила романъ отъ языка модныхъ салоновъ, и отъ тьмы графинь, любовниковъ, найденышей и искателей приключеній, какъ другая литературная эпоха должна была освободиться отъ миѳологическихъ лицъ и образовъ. Въ особенности свою родину, Ирландію, любитъ она представлять въ этомъ новомъ родѣ разсказовъ, который болѣе всѣхъ прочихъ ея произведеній, показываетъ въ полномъ блескѣ ея богатый и оригинальный талантъ. Съ 1800 до 1834 года она безпрестанно издавала новыя сочиненія, всегда свѣжія и занимательныя, безъ повтореній и безъ длиннотъ. Марія Эджвортъ была направлена къ своей литературной дѣятельности отцомъ, который самъ писывалъ тайкомъ; она показывала ему всѣ свои опыты, и увѣряла впослѣдствіи, что безъ его совѣтовъ и ободреній она никогда не избавилась бы отъ сомнѣнія въ собственныхъ своихъ силахъ, никогда не убѣдилась бы въ дѣйствительности своего при-

званія и, можетъ быть, даже не написала бы ни строчки.

Дженъ Остенъ (Jane Austen), род. 1775, ум. 1817 г., принадлежитъ къ лучшимъ писательницамъ семейной жизни; романы ея занимательны и поучительны, какъ дѣйствительная жизнь; ихъ простота и истина очаровываютъ умъ, а мораль проникаетъ въ сердце, потому-что она не проповѣдуется учительскимъ языкомъ, а выводится сама собою изъ разсказа. Однако-же, она можетъ жаловаться на несправедливое невниманіе къ ней; сочиненія ея для современниковъ были слишкомъ просты и не довольно православны, какъ выражается одинъ рецензентъ, говоря о квакерской литературѣ. Только въ послѣднее время стали любить ея романы, перечитывать ея «Pride and prejudice,» «Sense and sensibilite,» и проч., и сожалѣть о ранней ея кончинѣ; замѣтимъ при этомъ, что англичане, говоря о кончинѣ сороколѣтней женщины, употребляютъ всегда выраженіе «въ цвѣтѣ лѣтъ,» которое мы едва посмѣемъ приложить къ тридцатилѣтней.

Мери Брентонъ (Mary Brunton), род. 1778, ум. 1818 г., извѣстна нѣсколькими нравоучительными романами; лучшій изъ нихъ «Самовладѣніе» (Self-control), въ которомъ она старается опровергнуть опасное мнѣніе, будто исправившійся кутило лучшій супругъ; книга эта имѣла такой успѣхъ, что въ одинъ мѣсяцъ разошлось три изданія; это побудило сочинительницу, которая сама о себѣ говорила, что она съ тѣхъ поръ писала и кухонные рецепты, приняться за новыя предпріятія; къ сожалѣнію, смерть не позволила ей исполнить этого намѣренія; она оставила нѣсколько начатыхъ трудовъ, обѣщавшихъ очень много.

Елисавета Гамильтонъ (род. 1758, ум. 1816 г.), можетъ назваться изобрѣтательницею въ Англіи сельскихъ разсказовъ; ея произведенія въ этомъ родѣ имѣли непосредственное вліяніе на улучшеніе сельскаго быта въ ея отечествѣ, Шотландіи. Въ числѣ сочиненій г-жи Гамильтонъ есть такія, которыхъ одно названіе показываетъ ихъ направленіе и значеніе: напр. «Замѣчанія для начальниковъ общественныхъ школъ»; «Письма о женскомъ воспитаніи»; «Опытъ о новѣйшей философіи»; и проч. Въ романахъ большую пользу принесли ей знаніе человѣческой природы и сатирическій умъ.

Анна Моръ (Hannah More), род. 1745, ум. 1833 г. посвятила свое великое дарованіе исключительно религіознымъ цѣлямъ; сначала она писала нравоучительныя комедіи, которыя имѣли успѣхъ, благодаря игрѣ друга ея, Гаррика; потомъ стала писать драматизированныя легенды святыхъ и, наконецъ, обратилась къ прозѣ, и съ каждымъ днемъ становилась отвлеченнѣе и болѣе чуждалась свѣта. Подъ конецъ жизни, она жила съ двумя сестрами отшельницею въ деревнѣ, посвятивъ себя воспитанію и улучшенію своихъ грубыхъ и запущенныхъ сосѣдей, и имѣла удовольствіе видѣть благодѣтельное вліяніе своихъ усилій. Сочиненія ея составили ей 30,000 фунтовъ стерлинговъ состоянія, изъ которыхъ половину она посвятила на благодѣтельныя цѣли. Едва ли какая книга въ Англіи такъ много читается, какъ ея «Опытъ о религіи свѣтскихъ людей,» или ея «Раз-

мышленія объ обыкновеніяхъ и обращеніи знатныхъ;» романъ ея «Целебсъ, или выборъ жены, наблюденія надъ домашнею жизнью, религіею и моралью,» одинъ былъ напечатанъ десятью изданіями въ одинъ годъ. Ея рѣзкій умъ, живая фантазія и умѣнье владѣть языкомъ, даютъ прелесть и занимательность каждому ея сочиненію, несмотря на глубину его и нравственную цѣль; жаль, что они еще не довольно извѣстны.

Леди Морганъ называютъ нерѣдко англійскою графинею Ганъ-Ганъ; сближеніе это не столько основано на сравненіи ихъ талантовъ, сколько на сходствѣ дѣлаемыхъ имъ упрековъ и критическихъ сужденій о той и другой. Вотъ какъ характеризуютъ Леди Морганъ въ Англіи: «Если у нея не всегда бываетъ вкусъ, то во всякомъ случаѣ есть талантъ; ей недостаетъ нѣжнаго чувства; но за то она всегда говоритъ свободно и смѣло, а какъ она, гоняясь за модою и знатностью, сама перенимаетъ всѣ глупости большаго свѣта, то и разсказываетъ о нихъ все, что знаетъ. Она одинаково расточаетъ сатиру, злыя выходки, и лесть; съ мужескимъ презрѣніемъ смотритъ она на общественное мнѣніе; характеръ ея есть смѣсь страсти и прихотливости.» Обѣихъ бранятъ, надъ обѣими смѣются и обѣихъ читаютъ; графиня Ганъ-Ганъ, какъ поборница извѣстнаго рода романовъ, имѣла болѣе вліянія на нѣмецкую литературу, чѣмъ Леди Морганъ на англійскую; за то Леди Морганъ гораздо выше, какъ женщина политическая, и какъ представительница болѣе всемірныхъ, болѣе объективныхъ воззрѣній. Леди Морганъ дочь знаменитаго въ свое время актера Оуенсона, и родилась въ Ирландіи; въ шестнадцать лѣтъ она уже издала въ свѣтъ свои ирландскія пѣсни, съ музыкою; вообще поэтическій талантъ свой она всегда посвящала прославленію ирландской народности. Многіе ея лирическіе опыты перешли въ уста народа и безъ сомнѣнія переживутъ прочіе ея труды.

Мистриссъ Нортнъ достойная дочь Шеридона. Англичане называютъ ее своимъ женскимъ Байрономъ; и дѣйствительно, у нея тотъ же внутренній огонь, которымъ проникнуты всѣ сочиненія Байрона, и который потокомъ переходитъ въ душу читателя; не рѣдко также она подходитъ къ нему мечтательною завѣтностью чувствъ, смѣлостью мыслей и силою выраженій; притомъ вездѣ видно, что это не подражаніе, а результатъ дѣйствительнаго сходства душъ. Въ семнадцать лѣтъ *Сара Елисавета Шериданъ* выступила уже на литературное поприще двумя большими трудами: «Скорби Розаліи» и «Вѣчный Жидъ.» Нѣсколько лѣтъ спустя она вступила въ несчастное супружество съ Георгомъ Чаппель-Нортномъ; бракъ этотъ разорванъ въ 1840 году, когда честь и счастье писательницы сдѣлались жертвою клеветы; ее обвиняли въ любовной связи съ лордомъ Мельборномъ. Въ этихъ обстоятельствахъ съ благородною ревностью заступилась за несчастную герцогиня Сутерлендская; Мистриссъ Нортнъ благодарила ее въ трогательныхъ, безсмертныхъ стихахъ; герцогиня успѣла наконецъ своимъ вліяніемъ совершенно очистить честь писательницы, и даже доставить ей снова входъ ко двору строгой королевы Викторіи.

Каролина Сутей (Southey), очень милая современная стихотво-

рица; стихи ея читаются довольно много, и отличаются естественностью, благозвучіемъ и нѣжнымъ чувствомъ.

Елисавета Барретъ, кромѣ нѣсколькихъ большихъ поэтическихъ произведеній, извѣстна также своею рѣдкою ученостью; она перевела Эсхилова *Прикованнаго Прометея*.

Мери Гоуитъ (Mary Howitt), извѣстна своею любовью и сочувствіемъ къ нѣмецкой литературѣ. Еще въ 1823 году издала она вмѣстѣ съ мужемъ собраніе балладъ и разныхъ стихотвореній; потомъ она довольно долго жила съ нимъ въ Гейдельбергѣ, и съ рѣдкимъ искусствомъ перевела на англійскій языкъ нѣкоторыя произведенія нѣмецкихъ поэтовъ. Въ последнее время Мери Гоуитъ издала въ свѣтъ множество книгъ, но по большой части дѣтскихъ. Свѣтлый умъ и нѣжное чувство составляютъ главную прелесть ея сочиненій.

Мистриссъ Джонстонъ (M-rs. Johnstone), написала множество историческихъ романовъ, изъ которыхъ нѣкоторые стали знакомить читателей съ обворожительною жизнью шотландскихъ горъ.

Миссъ Ферреръ (Miss Ferrier), одна изъ многочисленныхъ писательницъ, окружавшихъ Вальтеръ-Скотта. Онъ говоритъ о ней въ своемъ дневникѣ, что она самая талантливая и самая скромная изъ всѣхъ писательницъ, сколько онъ ихъ зналъ, онъ хвалитъ ея бесѣду, умную, но безъ всякихъ претензій, и то, что на ней небыло ни малѣйшаго слѣда синечулочничества. Миссъ Ферреръ заимствовала свои романы изъ дѣйствительности, и создала богатую галлерею комическихъ фигуръ, которыя могутъ стать рядомъ съ образцами этого рода въ англійской литературѣ. Съ 1818 по 1834 г. написала она романы: «Супружество», «Наслѣдство», «Полковничья дочь» и проч.

Леди Каролина Лемъ (Lamb), сочинительница трехъ книгъ, имѣвшихъ въ свое время большой успѣхъ; первая изъ нихъ, «Гленарвонъ» вышла въ 1816 году и принята всѣми за изображеніе Байрона; она представляетъ опасности модной жизни; другое ея сочиненіе изображаетъ зло, которое можетъ надѣлать благородный, но слишкомъ слабый характеръ; третье «Ада Рейсъ,» (1823) есть смягченная передѣлка повѣсти о Донѣ-Жуанѣ. Во всѣхъ этихъ сочиненіяхъ очевидны намеки на Байрона. Леди Каролина Лемъ этимъ невольно показываетъ, что вся жизнь ея была подъ вліяніемъ его несчастной звѣзды. На двадцатомъ году она вышла за Уильяна Лема (впослѣдствіи лорда Мельборна, того самаго, котораго сплетники пожаловали въ любовники Мистриссъ Нортнъ), и была предметомъ всеобщаго восхищенія знатнаго круга, какъ по оригинальности и непринужденности всего своего существа, такъ и по своему поэтическому таланту и красотѣ, пока она не встрѣтила лорда Байрона и не полюбила его всею силою своей страстной души. Впродолженіе трехъ лѣтъ эта связь подавала поводъ ко всякимъ толкамъ; Байрона обвиняютъ въ томъ, что онъ шутилъ сердцемъ бѣдной женщины; послѣдовалъ разрывъ, и Леди Каролина удалилась въ свои помѣстья, гдѣ вела потомъ уединенную жизнь. Странный случай нарушилъ ея долго-

лѣтнее спокойствіе; поѣхавъ однажды съ мужемъ прогуляться верхомъ, она встрѣтила дроги, на которыхъ везли прахъ Байрона въ Нюстедъ. Ее принесли домой безъ чувствъ, и она слегла продолжительною, тяжкою болѣзнью; врачи замѣчали въ ней слѣды помѣшательства; съ этого времени она совершенно измѣнилась въ образѣ жизни и мыслей, хотя и утверждала, будто совершенно спокойна. За три года передъ смертью, она развелась съ мужемъ, который однако же послѣ того часто навѣщалъ ее, и до самой смерти ея былъ постоянно съ нею въ перепискѣ; она, съ своей стороны, также говорила о немъ всегда съ уваженіемъ и съ теплою дружбою.

Графиня Блессингтонъ была также въ близкихъ сношеніяхъ съ любимцемъ музъ и женщинъ, Байрономъ, но только въ литературныхъ, какъ видно изъ книги ея о великомъ поэтѣ; она была въ одно съ нимъ время въ Генуѣ, и имѣла случай часто бесѣдовать съ нимъ и наблюдать его. Многочисленныя ея сочиненія: «Исповѣдь пожилой дамы», «Два друга», «Гувернантка», «Жертвы общества», «Мередитъ», «Путевые очерки Франціи и Италіи», много читаются; въ нихъ видѣнъ тонкій, основательный умъ и много наблюдательности; но всѣ ея романы грѣшатъ въ отношеніи плана и развитія характеровъ; сверхъ того, въ сатирѣ ея слишкомъ много горечи и личности.

Мери Рессель Митфордъ (Mary Russel Mitford) извѣстна своими трагедіями, которыя мало чѣмъ уступаютъ трагедіямъ Іоганны Байли, а еще болѣе своими сельскими разсказами, въ которыхъ много поэзіи и тонкой наблюдательности. Въ 1824 году вышелъ первый томъ ихъ подъ названіемъ «Наша деревня» (Our village;) это прелестные очерки сельскихъ нравовъ. За тѣмъ вышло еще четыре тома, которые имѣли огромный успѣхъ, несмотря на то, что молодая писательница нѣсколько лѣтъ тщетно старалась найти имъ мѣсто въ журналахъ. Читая теперь эти простые, оригинальные очерки, трудно понять неблагопріятный пріемъ, встрѣченный ими сначала. Впослѣдствіи журналы наперерывъ честили ее и добивались ея сотрудничества. Съ 1838 года получаетъ она пенсію за мужнія заслуги.

Анна Марія Голль (Anna Maria Hall), ирландка, и, подобно многимъ своимъ единоземцамъ и сверстникамъ, воспѣваетъ свою родину и земляковъ. Одно изъ лучшихъ ея сочиненій «Свѣтъ и тѣнь ирландской жизни,» вышло въ 1838 году; съ большимъ успѣхомъ трудилась она также на поприщѣ нравоучительнаго романа, надо вообще замѣтить, что этотъ родъ въ большой чести у англійскихъ писательницъ, и не мудрено; женщина, посвящающая свои дарованія и дѣятельность на распространеніе нравственности, въ Англіи всегда награждается общимъ уваженіемъ и искреннею признательностію, между тѣмъ, какъ въ другихъ странахъ книги ея не стали бы читать.

Мистриссъ Троллопъ, весьма плодовитая писательница; ея путешествія по Америкѣ, Германіи; Италіи и Бельгіи, и преувеличенные, впрочемъ, очень занимательные романы ея «Рексгильскій викарій», «Вдова», «Фабричникъ», и др. читаются во всей Европѣ. Англичане не жалуютъ ее; они находятъ ея рѣзкій умъ и горькую сатиру слишкомъ не женски-

ми. Въ первый разъ выступила она на литературное поприще въ 1832 году; и съ тѣхъ поръ написала десятки томовъ.

Мистриссъ Горъ (Mrs. Gore), представляетъ любопытныя картины жизни знатнаго круга въ Англіи; въ романахъ ея являются всѣ члены высшаго общества, ея добродѣтельныя лица суть идеалы такта и боязни нарушить малѣйшее правило фашона; впрочемъ, въ ея сочиненіяхъ много истины и потому они занимательны; первый ея романъ вышелъ въ 1827 году.

Леди Декръ (Lady Dacre), извѣстна нѣсколькими превосходными романами (1833), въ особенности всѣмъ извѣстны «Тивельзномъ», который пережилъ множество изданій и переведенъ почти на всѣ языки; впрочемъ, она никогда открыто не признавала себя за автора этой книги.

Графиня Морлей также написала нѣсколько романовъ и повѣстей и охотно читается для препровожденія времени.

Леди Шарлотта Бери (Lady Charlotte Bury), прославилась въ особенности изданіемъ въ свѣтъ знаменитаго дневника изъ временъ Георга IV; она занимала какую-то должность при дворѣ принцессы Валлисской, и имѣла довольно случаевъ узнать всѣ слабости и проступки этой несчастной принцессы. Издательница навлекла на себя всеобщее осужденіе этимъ злоупотребленіемъ довѣрія.

Эллень Пикерингъ (Ellen Pickering), принадлежитъ къ самымъ новымъ писательницамъ; ея романы: «Кто наслѣдникъ», «Тайный врагъ», «Сиръ Микаэль Полетъ», и др., читаются не безъ удовольствія.

Гарріета Мартино (Harriet Martineau) издала въ 1830 г. собраніе популярныхъ политико-экономическихъ разсказовъ; въ 1839 году явился ея романъ «Дирбрукъ,» принадлежащій къ тому же роду; онъ притомъ очень любопытенъ по мастерскому изложенію состоянія Англіи. Послѣднее ея сочиненіе явилось въ 1844 г. подъ названіемъ: «Жизнь въ комнатѣ больнаго». Сочинительница тѣмъ прекраснѣе могла развить въ этомъ сочиненіи свой замѣчательный талантъ, что по опыту знаетъ уединенную жизнь больнаго. Несмотря на слабое свое здоровье, она успѣла своими сочиненіями пріобрѣсти независимое существованіе; одна черта дѣлаетъ честь ея благородной душѣ: она нѣсколько разъ отказывалась отъ пенсіи, предлагаемой ей правительствомъ, чтобъ имѣть возможность, какъ она говоритъ, свободнѣе стоять за права бѣдныхъ классовъ. Отрадно заключить нашу галлерею писательницъ такимъ рѣдкимъ и прекраснымъ явленіемъ, какъ Гарріета Мартино.

Можно бы къ этимъ четыремъ дюжинамъ прикинуть еще дюжины двѣ; напримѣръ Элизу Кукъ, Леди Эммелину Уортлей, Мистриссъ Колериджъ, Мистриссъ Брукъ, наконецъ, знаменитаго поэта Шеллея, и проч. и проч, но онѣ являлись въ литературѣ только временно, такъ сказать, наѣздами; Мистриссъ Теллей, дочь Годвина (автора Калеба Уилльямза), издала въ 1817 году престрашный романъ съ духами и привидѣніями «Франкенштейнъ», который обратилъ на себя особенное вниманіе тѣмъ, что подалъ Байрону мысль написать своего Вампира. Сверхъ того, мо-

жно бы составить еще такую же галлерею писательницъ изъ множества туристокъ; таковы напр. Мистриссъ Брей, миссъ Уольди (Waldie), Леди Сель (Sale), мистриссъ Броутонъ (Broughton) Эмма Робертсъ, мистриссъ Постантъ и проч., но литературная ихъ слава еще не упрочена и сомнительна.

—

ЛЕГЕНДА О ДОНѢ-ХУАНѢ.

Кто не знаетъ легенды о Донѣ-Хуанѣ, знаменитомъ Севильскомъ негодяѣ, который за грѣхи свои противъ прекраснаго пола и за другія свои непохвальныя дѣла попалъ въ карающія руки духовъ ада? Повѣсть о Донѣ-Хуанѣ обошла всѣ европейскіе театры, то въ видѣ комедіи, то балета, то шутки, пока не стала сюжетомъ дивнаго творенія Моцарта. Но не всѣ, можетъ быть, знаютъ, что эта народная легенда имѣетъ историческое основаніе; потому многіе, вѣроятно, не безъ удовольствія прочтутъ слѣдующій разсказъ Вашингтона-Ирвинга.

Однажды, вечеромъ, я гулялъ по улицамъ Севильи съ однимъ пріятелемъ, испанцомъ, талантливымъ литераторомъ и неутомимымъ изслѣдователемъ баснословной старины своего отечества. Общество его было мнѣ тѣмъ пріятнѣе, что онъ готовъ былъ исходить всѣ углы обширной Севильи, и могъ разсказать исторію каждаго стариннаго памятника, которыми этотъ городъ такъ богатъ.

Пробродивши большую часть ночи, мы достигли, наконецъ, воротъ стариннаго монастыря. «Постойте, сказалъ мнѣ спутникъ, остановивъ меня за руку: вотъ францисканскій монастырь, съ которымъ связана извѣстная вамъ, вѣроятно, повѣсть о Донѣ-Хуанѣ и мраморной статуѣ.

—Я слыхалъ о ней, отвѣчалъ я; эта повѣсть знакома мнѣ съ самаго дѣтства.

— Эта повѣсть произошла въ этомъ самомъ монастырѣ, сказалъ мнѣ спутникъ.

— Неужели она дѣйствительно основана на истинномъ происшествіи? спросилъ я съ сомнѣніемъ.

— Безъ всякаго сомнѣнія. Событіе, о которомъ я говорю, случилось въ царствованіе короля Альфонса XI. Донъ-Хуанъ принадлежалъ къ благородному дому Теноріо, одному изъ самыхъ старинныхъ домовъ Андалузіи. Отецъ его, донъ Діего Теноріо, былъ любимецъ короля, и многіе члены его фамиліи были въ числѣ de los veinte y cuatro, т. е двадцати четырехъ членовъ городскаго совѣта. Надѣясь на покровительство своихъ сильныхъ родственниковъ, донъ-Хуанъ пустился въ самое дерзкое распутство; ни одна женщина, какого бы она ни была сословія, не могла укрыться отъ его преслѣдованій; онъ сталъ скоро страхомъ всѣхъ севильскихъ отцовъ, грозою всѣхъ мужей. Однажды, онъ забылся до того, что пробрался ночью во дворецъ дона Гонзаго де Уллоа, командора Калантравскаго ордена, и хотѣлъ обольстить его дочь. Но на крики несчастной сбѣжалась вся прислуга; въ темнотѣ завязался рукопашный бой; донъ Хуанъ успѣлъ бѣжать; но донъ Гонзаго тяжело былъ раненъ и вскорѣ умеръ отъ раны, не умѣвъ назвать своего убійцы. Всѣ подозрѣнія пали на дона Хуана; онъ не рѣшился явиться въ судъ и подвергнуться преслѣдованіямъ сильныхъ Уллоа, оставилъ Севилью и поѣхалъ искать убѣжища при дѣдѣ своемъ, донѣ Пед-

рѣ Теноріо, бывшемъ въ то время посланникомъ при Неапольскомъ дворѣ. Тутъ онъ пробылъ до тѣхъ поръ, пока не утихло всеобщее негодованіе, возбужденное смертью дона Гонзаго, и пока родственники его не успѣли отвратить грозы. Между тѣмъ, донъ Хуанъ и въ Неаполѣ продолжалъ свой прежній образъ жизни, и дошелъ до того, что дядя, наконецъ, рѣшительно отступился отъ него, и онъ принужденъ былъ выѣхать изъ города. Онъ воротился въ Севилью, надѣясь, что вліяніе родственниковъ позволитъ ему безнаказанно распутничать по прежнему.

Вскорѣ по пріѣздѣ своемъ въ Севилью, онъ случайно посѣтилъ этотъ францисканскій монастырь, и увидѣлъ конную статую убитаго имъ дона Гонзаго, который былъ погребенъ въ самомъ монастырѣ, въ придѣлѣ, принадлежавшемъ фамиліи Уллоа. Тутъ донъ Хуанъ пригласилъ статую придти къ нему на попойку; извѣстна ужасная катастрофа, кончившая его жизнь, и доставившая этой повѣсти такую славу въ народѣ.

— Но до какой степени вѣрятъ этой легенды Севильцы? спросилъ я.

Большая часть вѣритъ ей вполнѣ; сказка эта давно принадлежитъ къ самымъ любимымъ легендамъ народа, отвѣчалъ мой спутникъ. Когда дается пьеса, передѣланная изъ этой легенды извѣстнымъ нашимъ драматургомъ Тирсо-де-Молина, театръ всегда бываетъ полонъ. Даже между высшими сословіями, которыя, по большей части, съ дѣтства сроднились съ нею, многіе покосятся на того, кто осмѣлится отзываться о ней съ сомнѣніемъ. Были, впрочемъ, попытки объяснить преданіе естественнымъ образомъ; полагаютъ, что дона-Хуана тайно выслали или скрыли, чтобы прекратить его дерзкія распутства, и удовлетворить фамилію Уллоа, не подвергая виновнаго безчестному наказанію, а чтобы объяснить его внезапное сокрытіе распустили слухъ о похищеніи его статуею командора. Низшихъ классовъ вы, однако-же, ничѣмъ не разувѣрите въ истинѣ преданія о Каменномъ гостѣ. И долго еще мраморная статуя будетъ низвергать его въ адъ, въ примѣръ безбожникамъ и обольстителямъ прекраснаго пола.

—

КАЛЕЙДОСКОПЪ.

—

Bald ist es dieß, bald ist es das,
Bald ist es nicht's, bald ist es was!

—

Вечерній вѣтерокъ Обера. За нѣсколько лѣтъ, Фелисьенъ Давидъ изобрѣлъ на Востокѣ восходъ солнца. Осмотрѣнный марсельскою таможнею, этотъ восходъ солнца прибылъ по-почтѣ въ Парижъ. Въ Консерваторіи публика видѣла солнце и заставила его восходить два раза. Теперь Оберъ изобрѣлъ вечерній вѣтерокъ (La brise). Этотъ неуловимый, невидимый, неосязаемый вѣтерокъ вѣетъ въ оперѣ *Гайде*; онъ состоитъ изъ двадцати фигурантокъ, которыя издаютъ губами глухіе и протяжные звуки. О чемъ же думали живописцы, представлявшіе вѣтерокъ мальчикомъ съ надутыми щеками и голубыми крыльями? Понятно, что Оберу не труднѣе было бы изобрѣсти и вѣтеръ: стоитъ только набрать дюжину басовъ. Мери полагаетъ даже, что по этому способу можно подражать всѣмъ возможнымъ вѣтрамъ; для урагана, напримѣръ, надо выписать дюжину горластыхъ бурлаковъ изъ Марсели.

Но парижанамъ очень нравится вечерній вѣтерокъ Обера; когда они слышатъ его, имъ чудится, что вѣтеръ играетъ ихъ волосами, что они чувствуютъ упоеніе моря; имъ хочется запѣть баркароллу. Они воображаютъ себя венеціянскими гондольерами. Но сколько бѣдъ можетъ надѣлать этотъ вечерній вѣтерокъ!..... Я уже вижу густую толпу подражателей. «А! г. Оберъ изобрѣлъ вечерній вѣтерокъ! хорошо же: вотъ вамъ зефиръ!—У васъ есть восходъ солнца: вотъ вамъ закатъ луны. Прошу выдать мнѣ привиллегію!...»

Но это еще не все. Нѣмцы обвиняютъ парижанъ въ поддѣлкѣ, въ присвоеніи чужой собственности; они говорятъ, что знали вечерній вѣтерокъ еще до Обера, и уже сто лѣтъ называютъ его въ музыкѣ—Brummstimme.

Brummstimme..... хорошо доказательство! Другое дѣло, еслибъ нѣмцы изобрѣли вѣтеръ, который стонетъ въ сосновомъ лѣсу, холодный, сѣверный вѣтеръ, завывающій въ длинныхъ корридорахъ стараго замка. Но венеціанскій вѣтеръ, душистый и полный нѣги, вѣтерокъ Лидо, освѣжающій умъ и чувства, — полноте, господа нѣмцы! — его могъ изобрѣсти только одинъ человѣкъ, — парижскій итальянецъ, — Оберъ. Нѣмцамъ принадлежитъ честь изобрѣтенія бури. Ихъ Бетговенъ былъ настоящій громовержецъ. Послѣ него эта вѣтвь искусства постоянно процвѣтаетъ, и для лучшаго подражанія грому одинъ лейпцигскій инструментальный мастеръ изобрѣлъ даже новый ин-

струментъ и назвалъ его *берліозгорномъ*.

Съ нѣкотораго времени, музыка удачно подмѣтила тайны природы: восходъ солнца, громъ, вечерній вѣтерокъ.,... До чего дойдутъ эти завоеванія? Фелисьенъ Давидъ не только занеръ солнце въ свое фортепьяно, но еще заставляетъ звѣзды плясать по своей дудкѣ. Музыканты производятъ все, даже дождь и ясную погоду, такъ, что того и гляди завистливый Зевсъ въ одно прекрасное утро принужденъ будетъ пришибить двухъ — трехъ изъ нихъ настоящимъ громомъ, во спасеніе искусства и для примѣра прочимъ.

—

ПО РУКАМЪ.

Нынче всякая рука
Тянетъ, жнетъ и строитъ,
Благо *сходитъ съ рукъ слегка* —
Рука руку моетъ.

Душа въ душу, *по рукамъ*—
И конецъ науки;
Въ неудачѣ—мастерамъ
Стоитъ вымыть руки.

Не касаясь важныхъ баръ,
Даже между нами
Всякій *загрѣбаетъ жаръ*
Чужими руками.

Вотъ посмотришь: *руку жатъ*
Выкинули штуку,
Чтобы легче поддѣвать
На скорую руку.

Ловкой, держится пока,
Хоть и есть улика,
За то.... *сильная рука*,
А она владыка.

Этотъ видитъ все насквозь,
Кажется, не глупъ онъ...
А посмотришь—*руки врозь*!
А прочтешь—*изъ рукъ вонъ*!

Н. Хмѣльницкій.

—

О смертности въ литературѣ. Одинъ досужій статистикъ сдѣлалъ слѣдующія вычисленія: изъ тысячи издаваемыхъ книгъ 600 не окупаютъ расходовъ; 200 доставляютъ ровно столько, что стоили; 100 приносятъ небольшой барышъ, и только остальныя 100 даютъ значительныя выгоды. Изъ этой тысячи книгъ, около восьми сотъ пятидесяти, забываются къ концу года, а другіе сто, по прошествіи трехъ лѣтъ! Не болѣе пятидесяти держатся до семи лѣтъ, а чрезъ двадцать лѣтъ говорятъ не болѣе, какъ объ десяткѣ. Изъ пятидесяти тысячъ сочиненій, изданныхъ въ семнадцатомъ столѣтіи, только пятьдесятъ пользуются извѣстностію и еще перепечатываются. Изъ восьмидесяти тысячъ произведеній восьмнадцатаго вѣка, потомство сохранило не болѣе, какъ и отъ семнадцатаго. Уже три тысячи лѣтъ пишутъ книги, но не болѣе пяти сотъ авторовъ, собранныхъ со всей земли, уцѣлѣли отъ разрушительнаго дѣйствія времени.

—

Кёрнеръ, извѣстный нѣмецкій воинъ-поэтъ, какъ видно изъ изданной «*Переписка Шиллера съ Кернеромъ*,» назывался не Теодоромъ, какъ онъ всегда писалъ на своихъ сочиненіяхъ, а Карломъ. Въ этой же перепискѣ говорится о гитарѣ, которую Шиллеръ долженъ былъ заказать для него въ Іенѣ и послать въ Дрез-

денъ. Это та самая гитара, которую Теодоръ Кёрнеръ всегда имѣлъ при себѣ, даже въ походѣ 1813 года. «Эта лира и его мечь еще до нынѣ сохраняются, какъ святыя воспоминанія о поэтѣ.» При этомъ случаѣ вспомнимъ, что въ вышедшемъ во Франкфуртѣ первомъ выпускѣ «*Воспоминаній изъ войнъ за германскую независимость въ 1813 и 1814 годахъ*,» одинъ очевидѣцъ описываетъ смерть и погребеніе героя-пѣвца. «Въ Кёрнеровой ротѣ были два столяра, которые въ туже ночь сколотили гробъ. Близь нашего лагеря (на выгонѣ у Воббелина), стояла изба пастуха. Туда перенесено было тѣло Кернера и положено на столѣ, посрединѣ сѣней, на дубовыхъ листьяхъ. Молодаго героя хотѣли похоронить подъ однимъ изъ двухъ старыхъ дубовъ, стоявшихъ среди лагеря; но маіоръ Петерсдорфъ, храбрый солдатъ и добрый, но нисколько не поэтическій человѣкъ, нашелъ, что гораздо приличнѣе положить поэта подъ каменную версту, на ближайшей большой дорогѣ, чтобы этотъ столбъ служилъ какъ бы памятникомъ Кёрнеру. Но друзья Кернера настояли на своемъ и маіоръ уступилъ имъ. Подъ дубомъ взошла скромная могила поэта. Подъ тѣмъ же дубомъ покоится и сестра его Эмма, дѣвушка возвышенной души, которая въ своемъ кругу также усердно содѣйствовала возстанію Германіи, какъ поэтъ въ своемъ; въ послѣдствіи она нарисовала своего брата въ военномъ мундирѣ, Люцовскаго егерскаго полка и съ этой-то картины снята извѣстная гравюра. Неожиданно пораженная нервною горячкою, она была похоронена, по желанію ея, подъ Веббелинскимъ дубомъ

Памятныя записки короля Людовика Филиппа, которыя онъ читаетъ въ своемъ семействѣ каждый вторникъ и четвергъ, по вечерамъ, принадлежатъ къ любопытнѣйшимъ мемуарамъ нашего времени. Къ сожалѣнію, они не будутъ напечатаны; впрочемъ уже многія бумаги, не назначавшіяся для печати, были изданы въ свѣтъ, и тоже самое можетъ случиться и съ этими записками. Вскорѣ должны тоже появиться замѣчательные мемуары Жоржъ-Занда, этой великой женщины, ставшей выше всѣхъ писателей нашего времени. Вѣроятно эти записки займутъ мѣсто на-ряду съ *исповѣдью* Жанъ-Жака-Руссо.

—

Двѣ всемірныя знаменитости, генералъ *Вашингтонъ* и генералъ *Томъ Пусъ*, прибыли въ Вѣну. Кто не знаетъ именъ этихъ двухъ людей, изъ которыхъ одинъ замѣчателенъ, какъ *великій*, другой — какъ *крошечный* человѣкъ? На этотъ разъ это двѣ лошади, которыхъ подъ этими именами показываютъ за деньги. Одна англійской породы, другая шотландка, одна исполинъ, другая карлица лошадинаго царства.

—

Новый способъ устроить любовное свиданіе. Знаменитый живописецъ, Жерико на дняхъ отправился въ театръ Одеона въ омнибусѣ. Въ каретѣ сидѣла дама, молоденькая, хорошенькая и повидимому принадлежащая къ хорошему обществу. Всѣ старанія живописца обратить на себя ея вниманіе были напрасны; она показывала видъ, что не замѣчаетъ его, и не доѣзжая до театра, вышла изъ кареты. Жерико слѣдуетъ

за нею, заговариваетъ; дама улыбается и, наконецъ, принимаетъ руку живописца, котораго она узнала по его портрету, бывшему на выставкѣ. Разговоръ вскорѣ оживился, но дама не хотѣла объявить своего имени. Наконецъ, они разстались, назначивъ свиданіе на другой день, въ два часа, въ Тюильрійскомъ саду. Художникъ былъ тамъ уже около часа, а дама все не являлась. На другой, на третій день таже исторія; художникъ догадался, что надъ нимъ посмѣялись. Тогда онъ рѣшился проникнуть тайну незнакомки и отмстить за себя. Въ обнибусѣ дама сидѣла возлѣ него справа, на улицѣ подала ему лѣвую руку. Она была одѣта щеголевато, выражалась изящно и остроумно, изъ разговора ея можно было понять, что она легитимистка, потому-что въ Парижѣ почти всѣ щеголихи легитимистки, если не по убѣжденію, то для того, чтобы придать себѣ аристократическій тонъ. Значитъ, она получаетъ легитимистическую *газету*, или покрайнѣй-мѣрѣ, читаетъ ее. Поэтому живописецъ отправился къ редактору, разсказалъ ему свое приключеніе, и просилъ напечатать объ этомъ статью, прибавя въ концѣ: «Я знаю теперь, почему дама не явилась на свиданіе: у нея должно быть только одинъ глазъ т, е. она кривая, чего я не могъ вдругъ замѣтить, потому что она все обращалась ко-мнѣ одной стороною.» Чего Жерико ожидалъ, то и случилось. Дней черезъ десять, онъ получилъ письмо слѣдующаго содержанія: «Что вы говорите въ статьѣ—несправедливо; у меня оба глаза здоровы и хороши, и чтобы вамъ это доказать, я пріѣду къ вамъ завтра въ три часа, чтобы вы списали мой портретъ.» Свиданіе устроилось Портретъ и подлинникъ принадлежать теперь хитрому художнику.

—

Г-жа Штольцъ, раздосадованная тѣмъ, что Парижская публика ее такъ скоро забыла, предложила Національной Оперѣ пѣть шесть мѣсяцевъ даромъ. Аданъ всепокорнѣйше ее за это отблагодарилъ: онъ пока еще не расположенъ разоряться. На этомъ театрѣ ставятъ теперь новую оперу Жерара и Нерваля, подъ названіемъ *Черногорецъ*, въ которой въ первомъ финалѣ и пѣвцы и хористы являются на сцену верхомъ на лошадяхъ. — Видно на одной музыкѣ далеко не уѣдешь; безъ лошадей опера не везетъ.

—

Фелисьенъ Давидъ пишетъ большую оперу на либретто Делавиня: La nonne sanglante (Кровавая монахиня).

—

Александръ Филипповичъ Македонскій, извѣстный герой древности, узнавъ, что одинъ солдатъ назвался его именемъ, призвалъ его къ себѣ и сказалъ: «Ты хочешь носить мое имя, согласенъ, но только во время битвы не забудь, что тобя зовутъ Александромъ.» Тоже самое случилось съ Тюренномъ, который, не смотря на кротость своего характера, разсердился на солдата не на шутку: «Чортъ возьми, генералъ! отвѣчалъ ему усачь, что-же прикажете дѣлать, когда у меня страсть къ великимъ именамъ, еслибъ я зналъ только имя лучше вашего, вотъ вамъ честное слово, я не тронулъ бы вашего.»

—

Королева Викторія давала 4-го января большой балъ. Въ заключеніе былъ прочитанъ переводъ

Антигоны г. Бартлея. Большая пріемная зала Виндзорскаго дворца была приготовлена для этого. Отъ 30 до 40 пѣвцовъ сидѣли полукругомъ въ галлереѣ и поддерживали чтеніе музыкою Мендельсона.

—

Некрологъ. Января 8-го скончался въ Вѣнѣ даровитый и одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ молодыхъ композиторовъ Германіи, Фюксъ, авторъ извѣстной оперы «Гуттенбергъ», имѣвшей въ прошломъ году такой огромный успѣхъ на всѣхъ лирическихъ сценахъ Германіи. По смѣрти его, нашли въ его бумагахъ совершенно оконченную оперу «Саламанкскій студентъ».

—

Воздушныя пушки. Испанецъ Монтемайоръ изобрѣлъ какія-то воздушныя пушки, объ которыхъ мадритская газета Eco del Comercio очень громко распространяется. Изобрѣтатель предложилъ испанской королевѣ за 15,000 пьястровъ устроить воздушный шаръ, подъ названіемъ *Эолъ*, который можетъ поднять двѣ такія пушки, летѣть, куда ему прикажутъ и съ высоты своего величія поразить ея враговъ, какъ громомъ небеснымъ. Намъ кажется, что эти воздушныя пушки пригодны только для воздушныхъ замковъ, и что главная ихъ выгода состоитъ въ 15,000 пьястровъ, которые онѣ принесли бы изобрѣтателю.

—

Наѣздница Королина Лойо, которая въ прошломъ году восхищала еще нашихъ охотниковъ до хорошихъ лошадей, теперь сильно шевелитъ равнодушіе и кошельки англичанъ. Она разъѣзжаетъ въ циркѣ Лондонскаго Воксала, въ труппѣ нашего стараго знакомца Турнье. Имя этой амазонки напоминаетъ намъ слова одного лошадинаго энтузіаста, который, возвратясь изъ цирка Гверры, не находилъ приличныхъ выраженій для своего восторга. «Она просто — говорилъ онъ — какъ будто бы срослась съ лошадью, такъ, что право трудно рѣшить, гдѣ оканчивается человѣкъ, и гдѣ начинается скотина!» — Похвала, по истинѣ, очень оригинальная,

—

КУПЛЕТЫ

изъ новаго водевиля: *Современный анекдотъ съ жильцомъ и домохозяиномъ.*

1.

Добро и зло — необходимы міру;
У васъ есть домъ — другой и такъ живетъ,
Одинъ, положимъ, платитъ за квартиру,
Другой — глядишь, ни гроша не даетъ;
Одинъ къ жильцамъ хорошъ домовладѣлецъ,
Другой — готовъ обидѣть, какъ злодѣй!
Одинъ — съ жильцомъ не споритъ изъ бездѣлицъ,
Другой радъ взять и вьюшки отъ печей.
Добро и зло нашъ другъ и нашъ мучитель!
И, какъ жильцы въ домахъ поразберутъ:
Въ одномъ дому пречестный управитель,
Въ другомъ глядишь: разбойникъ, воръ и плутъ!
Да и жильцы: одинъ живетъ претихо,
И аккуратно платитъ завсегда,
Другой живетъ и весело, и лихо,
Притомъ, живетъ безъ денегъ и стыда!
Да, да, мы всѣ безъ денегъ въ этомъ мірѣ!
Въ долгахъ затѣмъ и дѣти и отцы,
Что на землѣ, какъ въ временной квартирѣ,
И вы, и я не вѣчные жильцы!

2.

ПЕТЕРБУРСКІЙ ЖИЛЕЦЪ.

У меня знакомыхъ много,
Всѣ хлопочутъ поддержать,
Словомъ—есть вездѣ дорога...
Право, есть гдѣ въ долгъ занять.
Жить порядочно мнѣ надо,
Чтобъ себя неуронить ..
Только вотъ одна досада:
Не могу долговъ платить!
Впрочемъ, я еще не въ штатныхъ,
Хоть и рыщу отъ долговъ,
Въ Петербургѣ — тьма печатныхъ,
Неоплатныхъ должниковъ!

—

Въ нашъ затѣйливый вѣкъ
Холостой человѣкъ,
И не то иногда затѣваетъ:
Пьетъ, играетъ, кутитъ,
Деньги страшно соритъ,
И наслѣдство отцовъ проживаетъ!
Я-жъ, совсѣмъ не кучу,
А лишь только хочу
Чтобъ поправиться средство мнѣ дали,
Чтобъ до будущихъ благъ,
Какъ поможетъ Аллахъ,
Изъ квартиры насильно не гнали.
Я кой-какъ извернусь...
А вѣрнѣе женюсь,
Не на бѣдной красивой вертушкѣ,
Нѣтъ, ужъ я отыскалъ
Пребольшой капиталъ,
У одной допотопной старушки!

3.

УПРАВИТЕЛЬ И ЖИЛЕЦЪ.

Управитель.

Я давно привыкъ къ угрозамъ!
Денегъ нѣтъ у васъ?
Такъ, авось, я васъ морозомъ
Выживу отъ насъ!

Жилецъ.

Но, вѣдь это не поможетъ...

Управитель.

Нѣтъ, свое возьметъ:
Если совѣсть не тревожитъ,
Холодъ проберетъ!
Чтобъ спастися отъ обмановъ,
Я теперь готовъ
Выводить, какъ таракановъ,
Всѣхъ дурныхъ жильцовъ!

Жилецъ,

Такъ хозяинъ не дождется
Денегъ получить.

Управитель.

Денегъ нѣтъ? такъ вамъ придется
Жизнью заплатить!

Жилецъ.

Вотъ что значитъ управитель!
Кто ты? ада сынъ?
Кто ты? плутъ, злодѣй. грабитель?....

Управитель, (съ гордостію).

Здѣшній мѣщанинъ!

П. Григорьевъ.

БАЛАГУРЪ.

—

Одна женщина молилась вслухъ во храмѣ и просила небо продлить дни тирана ея страны, Діонисія Сиракузскаго, который, услышавъ это, спросилъ ее, почему она такъ заботится объ его жизни. «Государь, отвѣчала она, вы третій тиранъ, царствующій въ нашей землѣ на моемъ вѣку. При первомъ, у меня были четыре коровы: онъ отнялъ у меня одну. Въ досадѣ я молила боговъ отмстить за меня и избавить отъ него Сиракузы. Моя молитва была услышана. Сынъ его наслѣдовалъ престолъ. Я принуждена была отдать вторую корову для его пріема. Я опять стала жаловаться и молиться — и онъ умеръ. Вы третій, и можетъ быть не знаете, что при вашемъ вступленіи на престолъ у меня отняли третью корову. Живите же, государь, живите, какъ можно дольше, чтобы мнѣ не пришлось умереть съ голоду, лишась послѣдней коровы.»

—

Молодой литераторъ, прохаживаясь по Невскому Проспекту, зашелъ въ лавку фаянсовыхъ издѣлій—русской фабрикаціи. Между разными бездѣлками и посудою всѣхъ формъ, онъ увидѣлъ два большіе оляповатые кувшина, предурно раскрашенные въ помпейскомъ вкусѣ, на которыхъ красовался ерлыкъ съ надписью: *Этрусскія вазы*! «Для чего эти ерлыки?» спросилъ онъ у купца. — А это-съ нарочно, отвѣчалъ торговецъ, а то многіе не знаютъ-съ, какая это посудина. — «Напрасно, отвѣчалъ литераторъ, кто взглянетъ на эту работу, тотчасъ увидитъ, что *это русскія вазы*.

—

Полиціи разъ донесли, что какой-то штукарь, занимающійся гаданіемъ, кромѣ того еще берется призывать духовъ. Его потребовали къ начальству. «Ты гадаешь?» спрашиваютъ его. — Гадаю. — «На чемъ?» — На картахъ и на кофе. «Почему-же на картахъ и на кофе?» — Потому-что не хочу оставаться на бобахъ. — «А правда ли, что ты призываешь духовъ?» — Призываю — только они не являются.

—

Нинона Ланкло сказала разъ, что еслибъ она жила въ то время, когда Зевсъ создавалъ женщину, она посовѣтовала бы ему отвести морщинамъ мѣсто на подошвахъ.

—

Одинъ молодой человѣкъ писалъ своему пріятелю: «Мнѣ крайняя нужда въ трехъ стахъ цѣлковыхъ, одолжи мнѣ ихъ; ты во всемъ такъ счастливъ, стало-быть есть надежда, что ты получишь ихъ обратно.»

—

Недавно, въ исправительной полиціи, президентъ спросилъ человѣка, обвиненнаго въ бродяжничествѣ: «Имѣешь ли ты какія-нибудь средства къ существованію? — Какъ-же! отвѣчалъ подсудимый; у меня есть еще желудокъ, довольно исправный.»

—

Недавно, въ кандитерской, молодой англичанинъ, читая *Пуншъ*, курилъ сигару; пепелъ съ нея безпрестанно прожигалъ его черный атласный шарфъ. Другой посѣтитель, стоявшій у камина, спиною къ огню, три раза замѣтилъ ему это. При четвертомъ предостереженіи, джентльменъ, съ досадою вскричалъ: «Годдемъ! Что вамъ за охота мѣшаться не въ свое дѣло? Вотъ у васъ уже съ полчаса тлѣетъ пальто, а я не сказалъ же вамъ ни слова.»

—

РЕПЕРТУАРЪ

РУССКОЙ СЦЕНЫ.

№ 2.

АНДРЕЙ СТЕПАНОВИЧЪ БУКА,

или

КТО НЕ ПЛЯСАЛЪ ПО ЖЕНСКОЙ ДУДКѢ.

Оригинальная комедія-водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ.

П. Григорьева 1-го.

—

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

АНДРЕЙ СТЕПАНОВИЧЪ БУКА, старый совѣтникъ.
ВЛАДИМІРЪ ПЕТРОВИЧЪ ПЕРСКІЙ, его племянникъ.
ЗАХАРЪ ЗАХАРОВИЧЪ ЧИСТЯКОВЪ, двоюродный братъ Буки.
АННА ЛЬВОВНА ЕЛАГИНСКАЯ, молодая богатая вдова.
ВАРВАРА АНДРЕЕВНА, жена Чистякова.
ПИСАРЕВЪ, пріѣхавшій изъ города чиновникъ.
СЛУГА.

Дѣйствіе происходитъ на дачѣ Чистякова.

—

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Служба — прежде всего.

I.

Г. И Г-ЖА ЧИСТЯКОВЫ *сидятъ за чаемъ;* **ЕЛАГИНСКАЯ** *изящно одѣтая, сидитъ на маленькомъ модномъ диванѣ, передъ нею столикъ, заваленный газетами и журналами, которые она небрежно проглядываетъ.*

ЧИСТЯКОВЪ, (*прихлебывая чай*). Эхъ, голубушка, Варвара Андреевна, ты такъ принаровилась къ моему вкусу, что я нигдѣ не могу пить чаю такъ аппетитно, какъ дома! Право! (*прихлебывая*) Просто сласть! — а какъ еще чмокну тебя въ уста сахарныя... (*цѣлуя жену*). Такъ еще слаще! ха! ха! ха! Что, Анна Львовна, согласитесь, что вамъ завидно смотрѣть на наши супружескія нѣжности?

ЕЛАГИНСКАЯ, (*вздыхая*). Ахъ, да! Впрочемъ, вы стоите, Захаръ Захарычъ, чтобы жена любила васъ отъ души. У васъ прелюбезный, преочаровательный характеръ! Вы всегда добры, веселы, снисходительны къ людскимъ слабостямъ, и ничего не жалѣете для удовольствій семейной жизни. Вы просто — мужъ, какихъ мало.

ЧИСТЯКОВЪ. Неужели? Слышишь, Варя?

Г-ЖА ЧИСТЯКОВА. Ахъ, Анна Львовна, пожалуйста не очень хвалите его, а то онъ, пожалуй, заберетъ въ голову, что онъ во сто разъ лучше меня, и чего добраго....

ЧИСТЯКОВЪ. Ха, ха, ха! какъ-разъ испорчюсь? Ахъ ты дряннушка! какъ ты смѣешь обо мнѣ такъ думать? да я тебя зацѣлую до полусмерти! (*цѣлуетъ ее*) Анна Львовна, удержите меня! Я ее съѣмъ! Какъ ты могла подумать, чтобы я былъ лучше тебя? Нѣтъ, дружечикъ, если пошло на откровенность, такъ я просто мужъ очень обыкновенный, а въ отношеніи личности, просто дрянь передъ тобою. Не такъ-ли, Анна Львовна?

ЕЛАГИНСКАЯ. Не правда, Захаръ Захарычъ! вы въ десять разъ всѣмъ лучше вашего двоюроднаго братца, Андрея Степановича, и помоложе его.

ЧИСТЯКОВЪ. Ахъ, да! мы про брата-то и забыли. Что-то тамъ у него засѣлъ нашъ бѣдный Володя?.. Охъ, я увѣренъ, что братъ, какъ набожный философъ, только разругаетъ вашего бѣднаго жениха, и всѣ наши надежды лопнутъ, какъ мыльный пузырь.

ЕЛАГИНСКАЯ. Я также полагаю, а потому составляю такой рѣшительный планъ въ головѣ, который, при вашей помощи, вѣрно приведетъ наше дѣло къ благополучному концу.

ЧИСТЯКОВЪ. О, что до насъ, мы съ женой рады сдѣлать все, чтобы только устроить вашу свадьбу.

Г-ЖА ЧИСТЯКОВА. Да, хорошо, еслибъ теперь Володя выманилъ сюда Андрея Степановича, такъ мы бы общими силами напали на этого Тартюфа.

ЧИСТЯКОВЪ. И все-таки, я думаю, не заставили бы его любить и уважать женскій родъ. Онъ на этотъ счетъ самый упрямый и отчаянный оригиналъ.

Въ службѣ только свѣтъ онъ видитъ,
Здѣсь — отшельникомъ живетъ,
Родъ весь женскій ненавидитъ,
И пренабожно клянетъ!
Всѣмъ вамъ страшно достается;
При женѣ—какъ листъ дрожитъ,
Скорчитъ рожу, отвернется,
Или — лыжи навостритъ!

Бѣдной женщинѣ онъ гроша
Не подастъ, хоть вѣкъ проси,
Между тѣмъ, такой святоша,
Что и Боже упаси!
Про соблазнъ, пороки трубитъ,
Свято чтитъ посты весь вѣкъ...
А чины и деньги любитъ
Ужъ какъ грѣшный человѣкъ!

Но вообразите, Анна Львовна, когда ему было 30 и 35 лѣтъ, онъ вѣдь былъ прелюбезный малый: любилъ всѣхъ хорошенькихъ, со многими даже затѣвалъ интрижки, разъѣзжалъ по баламъ, волочился...

ЕЛАГИНСКАЯ. А! этого я прежде не слыхала! Это важное обстоятельство, я приму его къ свѣденію.

ЧИСТЯКОВЪ. А когда я съ нимъ разстался, лѣтъ семь тому назадъ, онъ даже хлопоталъ жениться. Теперь-же, какъ вошелъ въ лѣта и въ чины,—чортъ знаетъ!—рѣшительно измѣнился, а что всего досаднѣе, хочетъ еще на бѣду и бѣднаго племянника заразить своей философіей. Эхъ, терпѣть я не могу этихъ ханжей, этихъ криволушныхъ и надутыхъ философовъ, которые только хитрятъ, умничаютъ, а пользы молодому поколѣнію не дѣлаютъ никакой.

Г-ЖА ЧИСТЯКОВА. Ахъ, какъ-бы я желала отомстить ему за всѣхъ бѣдныхъ женщинъ!

ЕЛАГИНСКАЯ. (*вставая.*) А! такъ онъ не всегда былъ такимъ эгоистомъ! Хорошо же! посмотримъ, съ какими вѣстями придетъ отъ него Владиміръ Петровичъ... Ежели нашъ общій врагъ не позволитъ племяннику жениться на мнѣ—кончено! Я, какъ обиженная, вооружусь смѣлостію и докажу философу, что нашъ полъ гораздо лучше, нежели объ немъ думаютъ.

ЧИСТЯКОВЪ. Ха, ха, ха! хорошенько его! Я съ женой перехожу на вашу сторону! Что, въ самомъ дѣлѣ, за дьявольщина такая! ему подъ 50 лѣтъ, такъ, пожалуй, можно убѣгать отъ женщинъ, но за что-же губить молодца-племянника? Жаль, право, что Володя всѣмъ обязанъ моему брату и далъ покойной матери клятву не выходить изъ его воли, а то бы мы просто плюнули на почтеннаго Андрея Степановича.

ЕЛАГИНСКАЯ. Нѣтъ, знаете ли что, друзья мои? Я бы теперь даже желала, чтобы Вольдемаръ получилъ отказъ, если ужъ онъ просилъ согласія на нашу свадьбу.

ЧИСТЯКОВЪ. Ну, вотъ еще новое! что вы!

Г-ЖА ЧИСТЯКОВА. Какъ отказъ? мы васъ не понимаемъ!

ЕЛАГИНСКАЯ. (*постепенно одушевляясь.*) Да, да! я хочу одна имѣть удовольствіе вступиться за честь всѣхъ благородныхъ женщинъ и отомстить страшно лицемѣрному святошѣ! О, погодите! у женщины, съ хорошенькимъ лицомъ, съ умомъ рѣшительнымъ и смѣлымъ, найдутся тысяча средствъ передѣлать гордаго мужчину на свой ладъ! Конечно, бывши полгода за-мужемъ за хворымъ старикомъ, я не имѣла надобности щеголять ни умомъ, ни кокетствомъ... но теперь, когда я истинно любима, когда я могу осчастливить своею рукой благороднаго, прекраснаго молодаго человѣка, когда полное счастіе такъ близко отъ насъ... и вдругъ, что-же? Какой-то жал-

кій, смѣшной и устарѣвшій уродецъ смѣетъ вооружаться на насъ?.. О, это обидно! я такъ огорчена! такъ взволнована... что готова теперь истощить весь свой умъ, всѣ таланты... и напередъ увѣрена, что буду съ вами торжествовать полную побѣду!

ЧИСТЯКОВЪ. Браво! такъ! такъ! ужъ если женская натура заговорила, такъ нашъ братъ поневолѣ крылья опуститъ, какъ мокрая курица.

ЕЛАГИНСКАЯ. А! да вотъ идетъ Вольдемаръ! Ну, что мой другъ, какія вѣсти? (*идетъ къ нему на встрѣчу.*)

—

II.

ТѢЖЕ, ПЕРСКІЙ, (*на цыпочкахъ и въ страхѣ, одѣтый по лѣтнему, очень изысканно и пестро.*)

ПЕРСКІЙ. О, Господи! ровно никакихъ! Я, какъ дуракъ, совсѣмъ растерялся!

ВСѢ. Такъ у васъ о женитьбѣ и рѣчи не было?

ПЕРСКІЙ. Помилуйте! я его засталъ за чтеніемъ какой-то великолѣпной премудрости, о грѣшной суетѣ мірской; потомъ, смотрю, онъ началъ вздыхать, молиться, а меня заставилъ читать эту премудрость! Я незналъ, что дѣлать! читалъ, читалъ, и ровно ничего не понялъ. Потомъ онъ преважно подошелъ ко мнѣ и спросилъ: «Что? а? разбери же теперь и скажи мнѣ: изъ чего мы всѣ бьемся въ этой грѣшоой юдоли?»—Я вертѣлся на стулѣ, хотѣлъ было сказать ему многое... что, конечно, дядюшка, если ужъ кто чувствуетъ себя способнымъ бѣжать отъ свѣта и его соблазновъ, это такъ хорошо; однако зачѣмъ же вы сами-то добиваетесь быть дѣйствительнымъ статскимъ? и проч. и проч.

ЕЛАГИНСКАЯ. И что же?

ПЕРСКІЙ. Ну, и ровно ничего не смѣлъ сказать!

ЧИСТЯКОВЪ. Ахъ, ты несчастный! Экъ онъ тебя запугалъ!

ПЕРСКІЙ. Да, смѣйтесь! а онъ сегодня какъ-то особенно страшно настроенъ къ душеспасительнымъ идеямъ. И я, вотъ теперь только, передъ уходомъ, рѣшился сказать ему: однако, дядюшка, я полагаю, что человѣкъ истинно честный, живя, молъ, въ свѣтѣ, можетъ быть христіаниномъ, помогать ближнимъ, доставлять счастіе окружающимъ, особливо въ добромъ

семейномъ кругу, съ прекрасною женою... и указалъ на васъ Захаръ Захарычъ...

ВСѢ. Что-же онъ?

ПЕРСКІЙ. Охъ! какъ онъ вдругъ вскочитъ, да взглянетъ на меня такимъ звѣремъ, что я незналъ, какъ унести ноги! Весь поблѣднѣлъ отъ злости и началъ ворчать, бѣгая по комнатѣ. «А! вотъ что! понимаю! братецъ мой хочетъ развратить твою слабую душу! втянуть въ омутъ! хорошо! узнаетъ онъ семейный кругъ! я ему докажу что съ нимъ сдѣлаетъ его прекрасная жена! Ступай, и скажи, что я хочу съ нимъ объясниться на единѣ, да смотри, чтобы тутъ не лѣзла въ глаза его домашняя змѣя.»

Г-ЖА ЧИСТЯКОВА. Скажите, пожалуйста! да за что же онъ меня такъ безсовѣстно обижаетъ?

ЧИСТЯКОВЪ. Полно, мой другъ, успокойся. . я его за тебя такъ же отдѣлаю по своему.

ЕЛАГИНСКАЯ. Нѣтъ, друзья мои! ужъ предоставьте лучше мнѣ начать войну съ нашимъ злодѣемъ! (*смотря налѣво.*) Что это? кажется онъ! Пойдемте въ садъ, я вамъ объясню всѣ мои затѣи.

ПЕРСКІЙ. О! изъ любви къ вамъ, я заранѣе на все готовъ, только, пожалуйста, избавьте меня отъ деспотизма дяди! (*уходитъ съ Елагинскою.*)

ЧИСТЯКОВЪ. Ступай и ты, дружечикъ мой, но теперь нарочно, не говоря ничего, посмотри ему прямо въ глаза и цѣлуй меня при немъ, да хорошенько. (*Отходитъ къ сторонѣ*)

Г-ЖА ЧИСТЯОКВА. Хорошо, хорошо. У! лицемѣръ! (*остается на мѣстѣ и, сложа руки, гордо смотритъ.*)

—

III.

ТѢЖЕ, АНДРЕЙ СТЕПАНОВИЧЪ БУКА.

(*блѣдная. отчасти каррикатурная фигура, въ просторномъ сюртукѣ, два ордена на шеѣ, голова подъ парикомъ, идетъ, читая какую-то книгу и неожиданно столкнудшись съ г-жею Чистяковой, быстро отворачивается, съ испугомъ.*)

БУКА. О, Господи! (*про себя.*) Тьфу! тьфу! какая противная встрѣча! тьфу! ничего нѣтъ для меня хуже, какъ неожиданно повернется передъ носомъ чудовище въ юбкѣ! бррръ! такъ даже... морозъ пройметъ! тьфу! незнаешь, что дѣлать!..

(*стоитъ отвернувшись и какъ будто дрожитъ.*) Гдѣ же мой счастливый братецъ? Что это? она кажется, стоитъ, грѣховодница и все смотритъ на меня?.. чего ей отъ меня хочется? не думаетъ ли, что я обращу смиренныя очи на ея змѣиныя прелести? О, Господи! избавь меня отъ лукаваго! Тьфу! тьфу (*громко.*) Захаръ Захарычъ, гдѣ же вы?

ЧИСТЯКОВЪ. (*подходя весело.*) Здѣсь, братецъ, здѣсь! А! Варинька, да и ты здѣсь, мое сокровище! Что ты такъ засмотрѣлась на моего братца? Ступай-ка въ садъ, къ намъ гости пріѣхали... милая Анна Львовна здѣсь.

Г-ЖА ЧИСТЯКОВА. Иду, мой другъ, только позволь еще взглянуть на любезнаго Андрея Степановича! Я такъ рѣдко имѣю счастіе видѣть ихъ, что рада отъ души... (*про себя.*) Вѣкъ бы невидаться! (*вслухъ.*) До свиданія, мой добрый, мой милый другъ! (*цѣлуетъ его громко нѣсколько разъ, и убѣгаетъ.*)

БУКА. (*про себя*). О, Господи! какіе предательскіе поцѣлуи. Тьфу! развратъ! омерзеніе! О, проклятыя женщины! (*закрываетъ лицо книгой*) и цѣлуютъ мужей, и надуваютъ въ одно время! а мужья-то радехоньки, болваны!

ЧИСТЯКОВЪ. Ну, что братецъ? здоровъ ли ты?

БУКА. А что?

ЧИСТЯКОВЪ. Да тебя, какъ будто ломаетъ, или трясетъ лихорадка...

БУКА. (*съ досадою*). Это пройдетъ... а надъ тобой, я бы желалъ, чтобы отнынѣ трясло всякое горе, всякая злая немочь... всякая...

ЧИСТЯКОВЪ. (*смѣясь*). Спасибо! спасибо! истинно братское желаніе! Ха, ха, ха! только я не знаю, за какіе грѣхи ты такъ христіански клянешь меня? растолкуй...

БУКА. Гмъ! несчастный! и ты еще можешь спрашивать?

ЧИСТЯКОВЪ. Какъ же, я, братецъ, всегда спрашиваю, когда не понимаю въ чемъ дѣло.

БУКА. Знаешь ли, съ кѣмъ ты теперь такъ сладко цѣловался?

ЧИСТЯКОВЪ. Какъ съ кѣмъ? съ моею доброю, милой женою.

БУКА. Тьфу! Ошибаешься, заблудшій, легковѣрный слѣпецъ! это злѣйшій твой врагъ! твое наказаніе! это ходячее вѣроломство въ образѣ женщины! это демонъ, гремучая змѣя, кродилъ въ юбкѣ!

ЧИСТЯКОВЪ. Постой! постой! переведи духъ, а то тебя кашель схватитъ. Ха, ха, ха! Что тебѣ сдѣлала моя добрая Варинька?

БУКА. Гмъ! еще смѣется, несчастный! Гмъ! перестань смѣяться.

ЧИСТЯКОВЪ. Ха, ха, ха! Не могу! Ты душа моя, такія гримасы корчишь, что, кажется, и мертвый лопнетъ со смѣху! ха, ха, ха!

БУКА. (*топнувъ ногою*). Да перестань же! или я такъ взбѣшусь, что забуду наше родство и разругаю тебя на чемъ свѣтъ стоитъ.

ЧИСТЯКОВЪ. А христіанское-то смиреніе?

БУКА. (*опомнясь*). О, Господи! прости и помилуй слабаго грѣшника! Тьфу! тьфу! Послушай, бѣдный братъ! неужли ты не понялъ, что сказало, уходя отсюда это коварное созданіе?

ЧИСТЯКОВЪ. Кто? моя добрая Варенька?

БУКА. (*со злостью*). Да кто тебѣ сказалъ, несчастный, что она добрая? вѣдь она женщина!!! а всякая женщина создана именно только на зло и пагубу нашу! Да, она добрая только наружно, а внутренно всегда коварна, какъ злая фурія! Отъ кого мы страдаемъ, отъ кого часто происходятъ всѣ наши несчастія? Отъ чего мы часто бываемъ вовсе на себя не похожи? забываемъ всякое благочестіе, утопаемъ въ грѣхахъ и развратѣ? а?—оттого, что вокругъ насъ вѣчно эти женщины, жены, эти дѣвицы, все это адское чудовищное племя, которое насъ гнететъ, опутываетъ коварными сѣтями, влечетъ отъ глупости къ пороку, раззоряетъ, дурачитъ, не даетъ опомниться... (*приходя въ себя*). О, Боже милостивый! какъ только вспомню о женщинахъ, такъ дьявольская злость и кипитъ въ каждой жилкѣ! Тьфу! (*сквозь зубы*). Такъ бы вотъ взялъ, да и передушилъ всѣхъ!!

ЧИСТЯКОВЪ. Полно, братъ, Андрей Степановичъ, опомнись! Право, вѣдь ты грѣшишь больше нашего! Можно ли такъ страшно осуждать самое лучшее созданіе въ мірѣ? Да и съ чего ты забралъ въ голову, что сами-то мы лучше и безпорочнѣе женщинъ? Полно! во-первыхъ, проклинать безъ разбору весь нѣжный полъ и грѣшно, и крайне несправедливо. Во-вторыхъ, ты читаешь душеспасительныя книги, а вовсе не слѣдуешь христіанскому благочестію. Конечно, есть женщины, не стоящія ни любви, ни уваженія, но за то, братъ, сколько есть такихъ, что просто, во всѣхъ отношеніяхъ, объядѣнье! Да вотъ, хоть моя милая Варенька...

БУКА. Погоди! отдѣлаетъ тебя эта милая. Погоди, сдѣлаетъ изъ тебя такого милаго, что послѣ не мило будетъ и на свѣтъ глядѣть!

ЧИСТЯКОВЪ. Ха, ха, ха! Да ты цѣны ей не знаешь!

Вѣдь это чудо, не жена!

БУКА. *(про себя).*

Нѣтъ! это аспидъ! сатана!

ЧИСТЯКОВЪ.

Ее нельзя не полюбить...

БУКА. *(также).*

А я велѣлъ бы задушить!

ЧИСТЯКОВЪ.

Со мной привѣтлива, мила...

БУКА. *(ему)*

Пока другаго не нашла!

ЧИСТЯКОВЪ.

А какъ цѣлуется со мной!

БУКА. *(особо).*

Лобзаетъ, какъ Іуда злой!

ЧИСТЯКОВЪ.

Что за безцѣнная душа!

БУКА. *(также).*

А я бы не далъ ни гроша!

ЧИСТЯКОВЪ.

Мной дорожитъ, какъ на заказъ...

БУКА.

Продастъ и выкупитъ, какъ разъ!

ЧИСТЯКОВЪ.

Ни въ чемъ со мною не хитритъ.

БУКА.

А на душѣ-то чортъ сидитъ!

ЧИСТЯКОВЪ.

Мила, прелестна, молода. .

БУКА.

Онѣ подмазаны всегда!

ЧИСТЯКОВЪ.

Хозяйство—страхъ умно ведетъ.

БУКА.

И вѣчно мужа обочтетъ!

ЧИСТЯКОВЪ.

Итоги вѣрны чудо какъ!

БУКА.

А мужъ въ итогѣ—все дуракъ!

БУКА. Но, впрочемъ, ты можешь вѣрить своей женѣ, жить и дѣлать въ жизни всевозможныя глупости, ты, какъ мужъ, имѣешь на это привиллегію, и мнѣ все равно. Но вотъ въ чемъ дѣло! я требую отъ тебя отнынѣ навсегда, чтобы ни ты, ни жена твоя, не совращали съ пути истиннаго моего Владиміра! Слышишь? Я хочу быть одинъ его наставникомъ.

ЧИСТЯКОВЪ. Помилуй! да съ чего-жъ ты это взялъ? Мы его не совращаемъ, а напротивъ, желаемъ навести молодаго человѣка на путь истинный.

БУКА. Вы? хе, хе, хе! а чѣмъ это? Какими благими совѣтами?

ЧИСТЯКОВЪ. Желаемъ ему, чтобы онъ вполнѣ походилъ на человѣка, то есть, чтобы не былъ такимъ, какъ его дядя Андрей Степанычъ Бука, чтобы онъ началъ жить такъ, какъ всѣ порядочные люди. Онъ хорошо служитъ, на отличномъ счету у высшаго начальства, и теперь ему надо только полюбить и жениться.

БУКА. (*отскакивая*). Жениться! о, позоръ! тьфу! да я и тебя, и его, и всѣхъ васъ со свѣта сживу, если племянникъ только подумаетъ о женитьбѣ! а этой, которая, можетъ быть, ужъ ловитъ его, я то сдѣлаю, что она у меня...

ЧИСТЯКОВЪ. Полно! ничего не сдѣлаешь, не сладишь.

БУКА. Божусь тебѣ всѣмъ, что сдѣлаю ей всякое несчастіе, всякое зло! изуродую своими руками!

ЧИСТЯКОВЪ. Полно! какая еще женщина попадется... иная скорѣй тебя самаго изуродуетъ.

БУКА. Меня? да я однимъ взглядомъ уничтожу въ прахъ всякую, которая осмѣлится только покуситься на мою особу!

ЧИСТЯКОВЪ. А ты все-таки очень золъ на нихъ?

БУКА. Какъ челов..... нѣтъ! какъ тигръ! какъ гіенна!

ЧИСТЯКОВЪ. И племянника хочешь сдѣлать такимъ же?

БУКА. Еще хуже!

ЧИСТЯКОВЪ. Да вѣдь это, ей-Богу, грѣшно! Ну, такъ ли поступаютъ благонамѣренные люди? Къ чему же ты читаешь духовныя книги?

БУКА Ну, не тебѣ, братъ, разсуждать объ этомъ. Племянникъ подъ моимъ надзоромъ будетъ уменъ, остороженъ, и никогда не будетъ раскаиваться.

(*Елагинская показывается у входа*).

ЧИСТЯКОВЪ. А жаль! право жаль! ему предстоитъ прекрасная партія! онъ былъ бы вполнѣ счастливъ.

БУКА. То есть, такъ, какъ ты! Есть о чемъ жалѣть! эти

прекрасныя партіи и мнѣ когда-то представлялись, но я на нихъ плюнулъ.

(*Елагинская, приближаясь, дѣлаетъ знаки Чистякову*).

ЧИСТЯКОВЪ. Нѣтъ, ужъ извини! Это, просто, братецъ, чудная женщина! Умна, мила, добра, богата, просто прелесть! которая такъ же чрезвычайно и тобой интересуется.

БУКА. Что?!

ЧИСТЯКОВЪ. Она какъ-то тебя видѣла, и ты, несмотря на свою суровость, невольно обратилъ на себя ея вниманіе. Она преочаровательная особа! И кажется, горитъ желаніемъ заслужить твое расположеніе.

БУКА. Что? Что? Тьфу! Тьфу!

—

IV.

ТѢЖЕ, ЕЛАГИНСКАЯ. (*съ живостію подходитъ къ нимъ*).

ЕЛАГИНСКАЯ. Прощайте, добрый Захаръ Захарычъ! Я ѣду въ городъ...

(*Бука отскакиваетъ назадъ въ испугѣ и съ крикомъ*)

ЕЛАГИНСКАЯ. Ахъ!!! Я, кажется, васъ перепугала? простите, я такъ тороплюсь... (*быстро проходитъ впереди Буки и беретъ шляпку со стола*).

БУКА. (*про себя, отворачиваяся въ другую сторону*) О, Господи!

ЕЛАГИНСКАЯ. Это, кажется, вашъ почтенный братецъ, котораго вы мнѣ такъ хвалили? (*кокетливо присѣдаетъ передъ Букой*).

ЧИСТЯКОВЪ. Точно такъ, Анна Львовна... прелюбезный, предобрый человѣкъ!

ЕЛАГИНСКАЯ. Ахъ, я очень буду счастлива, если намъ удастся покороче познакомиться... Я такъ много слышала объ васъ хорошаго.

БУКА. (*растерявшись совершенно*) Ммм...гмъ! Ее...ммм... (*въ сторону.*) Тьфу! Тьфу!

ЕЛАГИНСКАЯ. Очень пріятно... но теперь я ѣду...

(*Елагинская опять быстро проходитъ впереди его, къ Чистякову, даже нѣсколько задѣваетъ Буку вуалью, или платьемъ.*)

БУКА. (*снова отскакиваетъ въ противную сторону*). О, Господи! Что это?

ЧИСТЯКОВЪ. Послушайте: да неужли вы насъ оставляете? а мы сейчасъ только съ братомъ объ васъ говорили.

БУКА. (*про себя*) Что онъ? съ ума сошелъ?

ЕЛАГИНСКАЯ. Благодарю васъ за дружбу и ласковый пріемъ; я бы очень рада была побесѣдовать съ вами, но у меня есть такія священныя обязанности... у меня братъ очень боленъ, а я его лучшій другъ... Впрочемъ, мы еще увидимся.... до свиданія! (*тихо ему*). Уйдите вмѣстѣ со мною. (*ласково Букѣ*). До пріятнаго свиданія, любезный Андрей Степановичъ.

БУКА, (*также.*) Гмъ!.. до сви... до свид... (*про себя*) О, Владыко! помилуй мя грѣшнаго! (*уходитъ въ садъ*).

ЧИСТЯКОВЪ. Такъ позвольте же мнѣ проводить васъ, прелестная Анна Львовна. (*ухндятъ въ садъ*).

—

V.

БУКА, *одинъ, потомъ вскорѣ* **ЕЛАГИНСКАЯ**.

БУКА. (*стоя на одномъ мѣстѣ.*) О! Бо...Бо...Боже милостивый!... что... это?... Что это?... Я совсѣмъ оторопѣлъ... ст...с...странно, чего я такъ испугался? впрочемъ, она вдругъ влетѣла, такъ, фу! какъ бѣсъ какой!... Тьфу! тьфу! Даже задѣла меня своимъ раздушеннымъ платьемъ... тьфу!

ЕЛАГИНСКАЯ. (*быстро пробѣгая мимо Буки къ столу, беретъ зонтикъ*). Ахъ, я незнаю, что со мной сдѣлалось сегодня?... Извините, милый Андрей Степановичъ.

БУКА. (*когда она пробѣгаетъ мимо, опять сильно пугается, вскрикнувъ*). О, о, Господи!

ЕЛАГИНСКАЯ. Бѣгу, бѣгу! друзья мои! (*скрывается*).

—

VI.

БУКА, *одинъ, но вскорѣ* **ЕЛАГИНСКАЯ** *снова показывается въ дверяхъ.*

БУКА. Ой! ой! ой! опять она меня задѣла... Я... незнаю... что это со мной? У меня какъ будто ноги отнялись! боюсь тронуться съ мѣста... Го—го—господи, Боже мой! неужли Ты караешь меня искушеніемъ? Сколько разъ она мимо меня шмыгнула... да такъ, передъ самымъ носомъ, скоро, фу! фу! охъ,

я чувствую, что это... дьяволъ въ фалборкахъ! (*задумывается*) Впрочемъ, сколько я замѣтилъ... она... того... (*улыбаясь самодовольно*) дьяволъ этакой... ммм... ма! даже, можетъ быть... дьяволъ и не настоящій, а... пополамъ съ женщиной! (*опомнясь*) Охъ! что я! Тьфу! тьфу! согрѣшилъ окаянный!

ЕЛАГИНСКАЯ. (*громко говоритъ, показываясь въ дверяхъ*) Ахъ! это ужасно! Я совсѣмъ потеряла голову!

БУКА, (*вспрыгнувъ на мѣстѣ*). Опять!!!

ЕЛАГИНСКАЯ. Милый Андрей Степановичъ, будьте такъ добры, потрудитесь подать мой платокъ и перчатки...

БУКА. Но...но.. сударыня... я незнаю...

ЕЛАГИНСКАЯ. Вонъ тамъ, на столѣ, ради Бога поскорѣй!...

БУКА, (*бросаясь съ неловкостію и подаетъ ей перчатки.*) Во—во—вотъ—съ...вотъ—съ... извольте...

ЕЛАГИНСКАЯ. Ахъ, какъ вы милы! Благодарю!—А гдѣ же платокъ?

БУКА, (*снова бросаясь къ столу за платкомъ*). А! сейчасъ... сейчасъ... О! Господи! что я творю! Прости меня! Вотъ-съ... (*подаетъ*).

ЕЛАГИНСКАЯ. О! да вы преобязательный кавалеръ! И такъ, до радостнаго свиданія! Да, не правда-ли: мы еще увидимся?

БУКА. О! ко...ко... конечно.. я...я..

ЕЛАГИНСКАЯ, (*кокетливо*). Такъ ждите меня! (*скрывается*).

—

VII.

БУКА, (*одинъ, бросаясь на колѣна.*) О, Творецъ! согрѣшилъ я, подлый рабъ! Избавь меня мрака искушенія! (*закрываетъ лицо обѣими руками, и потомъ начинаетъ ихъ обнюхивать*). Что это? А, держалъ ея платокъ... ммм! Какъ пріятно пахнетъ!... А если она нечистый духъ? (*вскакивая*) Нѣтъ! мнѣ бы этого не хотѣлось! Потому, что она... Какъ видно... она... Я еще не знаю... что она, но, по крайней мѣрѣ, братъ... Какъ она... То есть, какъ онъ говоритъ... Что она... То есть, въ ней того... Нѣтъ этого... А она просто того... Какъ мнѣ кажется...

Мила и добродушна!...
Чуть-чуть не обняла!
Быстра, легка, воздушна...
Чортъ знаетъ, какъ мила!
Да что-жъ это за мука?
Стою и жду всѣхъ золъ...
Андрей Степанычъ Бука,
Васъ лѣшій обошелъ!

—

VIII.

БУКА, ЧИСТЯКОВЪ, (*входитъ веселый*).

ЧИСТЯКОВЪ, (*за кулисами*). Это ангелъ!

БУКА, (*испугавшись*) Ай! Опять!... Нѣтъ, это братъ Захаръ. (*начинаетъ важно ходить по комнатѣ*).

ЧИСТЯКОВЪ. Ну, Андрей Степанычъ, милая Анна Львовна отъ тебя въ восхищеніи! Не прадали: чудная женщина, а?

БУКА, (*сердито самъ съ собою*) Чортъ!!!

ЧИСТЯКОВЪ. Обворожительна, какъ...

БУКА. Дьяволъ!

ЧИСТЯКОВЪ. А ужъ добра какъ!...

БУКА. Сатана!

ЧИСТЯКОВЪ. На кого взглянетъ, такъ просто...

БУКА. Въ омутъ тянетъ!

ЧИСТЯКОВЪ. Ты ей чрезвычайно понравился.

БУКА, (*оплевываясь*). Тьфу! тьфу! тьфу!

ЧИСТЯКОВЪ, (*про себя*). Она велѣла мнѣ его подготовить, чтобы ловче было начать мщеніе. (*ему*) Она говоритъ, что ты на ея глаза очень интересенъ.

БУКА. Тьфу! тьфу! перестань! Я ничего не слышу!

ЧИСТЯКОВЪ. Что у тебя на лицѣ и въ глазахъ есть, по мнѣнію ея, что-то такое... пріятное...

БУКА. (*затыкая уши*) Захаръ! перестань, говорятъ тебѣ!

ЧИСТЯКОВЪ. Только она жалѣетъ, что ты, кажется, очень опустился, мало говоришь, небрежно одѣваешься...

БУКА. Ей-Богу, я ничего не слышу! Господи! избавь меня отъ всякаго совѣта коварнаго мужа лукаваго...

ЧИСТЯКОВЪ. Но я сказалъ ей, что ты у насъ философъ, который на все смотритъ сентябремъ и проклинаетъ всѣхъ женщинъ.

БУКА. (*обидясь*). А кто тебя просилъ? То есть, есть ли въ тебѣ Богъ, хотѣлъ я сказать? Что тебѣ за дѣло до меня?

ЧИСТЯКОВЪ. А что? вѣдь я сказалъ правду.

БУКА. Правду! Да провалитесь вы, пожалуйста, сквозь землю! Кто васъ проситъ безпокоиться обо мнѣ? Какое вамъ дѣло болтать, описывать всѣмъ, что я говорю, что дѣлаю? Вы, кажется, хотите, чтобы на меня всякій чепчикъ указывалъ пальцами? Вѣдь я васъ не трогаю! оставте-же меня въ покоѣ и убирайтесь ко всѣмъ чертямъ!

ЧИСТЯКОВЪ. Э! нѣтъ братецъ, какъ не трогать! а ты про мою бѣдную жену что говоришь? но я, ты видишь, не сержусь нисколько.

БУКА. Эхъ, да вѣдь и я не сержусь... только мнѣ досадно, что вы, какъ нарочно, всѣмъ рекомендуете меня съ самой черной стороны! это... это грѣшно, это очень грѣшно. Конечно, я презираю женщинъ, и буду ихъ презирать всегда, потому-что онѣ меня всегда обманывали, дурачали... но все таки я... чортъ возьми! и въ службѣ... и у знакомыхъ по неволѣ сталкиваюсь... не въ лѣсу-же мнѣ жить! а изъ этого слѣдуетъ, что... что мой образъ мыслей и... ваша болтовня... (*про себя, съ досадою топнувъ ногой*) самъ не знаю, что я вру ему! (*смотритъ на часы*) Ахъ, Боже мой! пора мнѣ въ городъ, надо непремѣнно быть въ департаментѣ... скажи, пожалуйста, Владиміру, что я пошелъ одѣваться, чтобы сейчасъ и онъ былъ готовъ ѣхать со мною. (*Про себя*) Проклятыя глаза, шляпка и зонтикъ этой вдовушки такъ меня разстроили, что я сегодня въ департаментѣ ни-за-что переругаю всѣхъ чиновниковъ! (*уходитъ*).

—

IX.

ЧИСТЯКОВЪ. (*одинъ*) Ха! ха! ха! погоди-же, любезный братецъ, мы тебя, наконецъ, возьмемъ въ руки и отдѣлаемъ на славу! Кажется, что ужъ прелестная вдовушка его нѣсколько озадачила, заинтересовала, тѣмъ лучше. Теперь надо ее попросить, чтобы она его не пускала въ департаментъ: это было-бы чудесно! а, вотъ и наши всѣ!

—

X.

ЧИСТЯКОВЪ, ЕЛАГИНСКАЯ, Г-ЖА ЧИСТЯКОВА И ПЕРСІКІЙ.

ЕЛАГИНСКАЯ. Что, Захаръ Захарычъ, гдѣ нашъ злодѣй?

ЧИСТЯКОВЪ. Ушелъ одѣваться. Ну, Анна Львовна, теперь вамъ предстоитъ показать всю силу вашего ума и ловкости.

ЕЛАГИНСКАЯ. Постараюсь, сколько возможно. Что, какъ вы его нашли?

ЧИСТЯКОВЪ. Какъ-будто не въ своей тарелкѣ. Хоть и злится по прежнему, но ужъ больше за то, что мы его вамъ дурно рекомендуемъ.

ЕЛАГИНСКАЯ. А! такъ это доброе начало. Теперь я знаю, какъ приняться за этого Буку.

ЧИСТЯКОВЪ. Но, вотъ бѣда: онъ сейчасъ ѣдетъ въ городъ, торопится въ департаментъ, вмѣстѣ съ тобой, Володя.

ПЕРСКІЙ. Вотъ тебѣ разъ!—Анна Львовна! что вы на это скажите?

ЕЛАГИНСКАЯ. Не бойтесь, если у васъ только нѣтъ необходимыхъ дѣлъ по службѣ....

ПЕРСКІЙ. О! у меня сегодня нѣтъ ничего важнаго; но ему, какъ начальнику, необходимо ѣхать,—а если ужъ онъ ѣдетъ, такъ и я долженъ....

Г-ЖА ЧИСТЯКОВА. Анна Львовна! душечка! удержите его нарочно....

ЧИСТЯКОВЪ. Да и я уже прошу васъ... Хотя, кажется, это невозможно вамъ сдѣлать, потому-что онъ самый строгій служака.

ЕЛАГИНСКАЯ. (*подумавъ*). Вы думаете? (*рѣшительно*) Такъ онъ не поѣдетъ!

ВСѢ. Не ужели?... вы надѣетесь?

ЕЛАГИНСКАЯ. Не поѣдетъ! Только ужъ вы, Вольдемаръ, если хотите быть моимъ мужемъ, то позвольте на время измѣнить вамъ.

ПЕРСКІЙ. О, Боже мой! Мы такъ хорошо знаемъ другъ друга, что на этотъ счетъ я совершенно спокоенъ.

ЧИСТЯКОВЪ. (*смотря налѣво*) Э! ужъ онъ, кажется, готовъ. Смотрите, поймаетъ насъ.

ВСѢ, (*кромѣ Елагинской.*) Ай! ай! что-жъ намъ дѣлать?

ЕЛАГИНСКАЯ. Ступайте опять въ садъ, и будьте готовы на помощь по первому моему знаку, изъ этого окна.

ВСѢ. Хорошо, хорошо! Пожалуйста, хорошенько его!

Сражайтесь съ нимъ и не щадите!
И какъ у васъ талантовъ тьма,
Такъ вы намъ нынче докажите
Всю силу женскаго ума!

ЧИСТЯКОВЪ.

Да, мы вамъ поле оставляемъ,
Мы силой хвалимся подчасъ,
Васъ слабымъ поломъ называемъ,
А, право, сила-то вся въ васъ.

(*уходитъ.*)

—

XI.

ЕЛАГИНСКАЯ *одна, потомъ* **БУКА,** *переодѣтый въ форму важнаго чиновника.*

ЕЛАГИНСКАЯ, (*въ волненіи*). Да, онъ правъ. Теперь мнѣ точно надо вооружиться всею твердостію и не забывать, что я веду интригу противъ такого человѣка, который изъ ненависти къ женщинамъ, мѣшаетъ даже счастію своего племянника. О, негодный старичишка! посмотримъ, такъ ли ты твердъ и благочестивъ, какъ всѣмъ кажешься?... А! вотъ онъ! (*идетъ къ нему на встрѣчу непринужденно*).

БУКА, (*неожиданно сталкиваясь съ нею*). Фу!! (*про себя*), Го-го-Господи! опять она подвернулась!

ЕЛАГИНСКАЯ, (*съ притворнымъ смущеніемъ*). Ахъ!... это вы... милый Андрей Степановичъ... право, мнѣ кажется, сама судьба старается сблизить насъ.

БУКА, (*про себя*). Сблизить!... ой, какое грѣховное начало!

ЕЛАГИНСКАЯ. (*продолжая*). Впрочемъ, это мнѣ очень пріятно... я такъ много слышала о вашихъ рѣдкихъ, отличныхъ достоинствахъ... (*какъ будто вспоминая*) Ахъ, да! позвольте мнѣ еще разъ поблагодарить васъ, Андрей Степановичъ...

БУКА, (*переминаясь*). За—за что-съ?

ЕЛАГИНСКАЯ, Какъ за что? вы давича такъ мило, съ такою любезностью услужили мнѣ... а я, какъ сумасшедшая, убѣжала, и вы вѣрно обо мнѣ подумали...

БУКА, (*не глядя на нее*). Ничего-съ!... (*про себя*) О, Господи тьфу! тьфу!

ЕЛАГИНСКАЯ, (*про себя*). Настоящій Бука! даже и не взглянетъ на меня хорошенько. (*ему*) Впрочемъ, когда вы узнаете меня покороче, то вѣроятно...

БУКА, (*про себя*). Какой у нея голосъ! такъ и язвитъ, какъ пьявка!

ЕЛАГИНСКАЯ. Конечно, я немножко вѣтрена, какъ всѣ молодыя женщины, но за то, повѣрьте, умѣю цѣнить дружбу и расположеніе такихъ людей, какъ вы.

БУКА, (*про себя*) То есть, просто грѣшно слушать, что она глаголетъ! (*ей*) Гмъ!.. су-да-ры-ня... я конечно... гмъ... но я... въ департаментъ...

ЕЛАГИНСКАЯ. Какъ!... что такое?... въ какой департаментъ? я васъ не понимаю...

БУКА. А—то-есть—если для васъ что угодно... я здѣсь не занимаюсь... пожалуйте для свиданія прямо въ департаментъ...

ЕЛАГИНСКАЯ. Ха, ха, ха!... вотъ это мило! да вы, кажется, думаете...

БУКА. Да-съ!... Тамъ я, тамъ я разсмотрю... что вы... то есть, какъ вы намѣрены на счетъ этого... и прочее, и прочее... на дѣлѣ будетъ виднѣе...

ЕЛАГИНСКАЯ. Помилуйте, Андрей Степановичъ! мы, кажется, не поняли другъ друга. Я говорю, что я весьма буду рада, если найду въ васъ истиннаго, добраго друга, потому-что я теперь въ одиночествѣ грущу и страдаю... Ахъ, пожалѣйте меня!—Конечно, дружба Захара Захарыча и его доброй жены нѣсколько утѣшаютъ меня... но, они не вполнѣ понимаютъ мое положеніе... они больше заняты своимъ семейнымъ счастіемъ... а я... если-бы вы знали, какъ иногда я страдаю!...

БУКА. Гмъ!.. Сударыня! чтобы понять васъ вполнѣ, т. е. обнять, какъ слѣдуетъ, то... во всякомъ случаѣ, пожалуйте въ департаментъ. .

ЕЛАГИНСКАЯ. Какой вы странный! у васъ, какъ кажется, все служба въ головѣ?

БУКА. Да-съ!.. служба, служба и — больше ничего!

Нашъ братъ всегда трудится, тужитъ,
Безъ службы пагубенъ нашъ вѣкъ!
А кто живетъ здѣсь — и не служитъ,
Тотъ язва, нуль, — не человѣкъ!
На службѣ я — вполнѣ мужчина:
Безмолвенъ, холоденъ и строгъ,
Трудолюбивая машина....
Чиновникъ — съ головы до ногъ!

ЕЛАГИНСКАЯ. Ахъ, Боже мой! да вы послѣ этого ужасный человѣкъ! -

БУКА. Гмъ! я ничего больше, какъ только Андрей Степанычъ Бука. (*особо*). Охъ! она меня пугаетъ... (*ей, несмотря и пятясь назадъ*) За симъ, съ совершеннымъ почтеніемъ, и проч. и проч...

ЕЛАГИНСКАЯ. Какъ! вы уѣзжаете? Куда же? пожалуйста, останьтесь...

БУКА. Ни... ни для отца роднаго! служба святое дѣло.

ЕЛАГИНСКАЯ. Помилуйте, вы давича обѣщали мнѣ вашу пріятную бесѣду, я торопилась, была въ полной увѣренности, а вы....

БУКА. Я... я... ничего... я не гожусь... ей Богу! я даже трепещу взглянуть на васъ. .

ЕЛАГИНСКАЯ. Почему же?.. развѣ я такъ страшна?

БУКА. Не знаю-съ... я не справлялся... я даже удивляюсь, какъ могъ позволить себѣ такія отношенія?.. Впрочемъ, вѣроятно здѣсь дѣйствуетъ сила преисподняя!.. Искушеніе по грѣхамъ моимъ...

ЕЛАГИНСКАЯ, (*нѣжно*). По крайней мѣрѣ, хоть взгляните на меня поласковѣе — и вы увидите, что я самое доброе и простое существо, которое не способно измѣнить ваши правила и мысли. (*еще нѣжнѣе*) Андрей Степанычъ!..

БУКА, (*про себя*). Ммм!.. Голосъ!.. голосъ!.. Точно у моего зяблика!.. если я взгляну на нее... можетъ произойти странное грѣхопаденіе...

ЕЛАГИНСКАЯ, (*еще нѣжнѣе*). Послушайте: я сирота въ этомъ мірѣ, я надѣялась найдти въ васъ истиннаго друга, который бы своей откровенной душеспасительной бесѣдой просвѣтилъ мой умъ, остерегъ отъ заблужденій... однимъ словомъ, указалъ бы мнѣ прямой путь въ этой жизни, а вы... о Боже мой!..

БУКА, (*разстроганный*). Ахъ! она не лжетъ! я, кажется, слышу голосъ святой истины... (*рѣшительно*). Да ужъ такъ и быть! (*при взглядѣ на нее, дрожитъ невольно*). Господи! что это? Ай, глаза! глаза! у васъ въ глазахъ... бррр!.. огонь тартара!.. Позвольте уѣхать въ департаментъ... (*хочетъ уйти*).

ЕЛАГИНСКАЯ, (*удерживаетъ его*). Полноте! вы, кажется, смѣетесь надо мною. Пожалуйста, будьте снисходительны! Сядьте здѣсь, подлѣ меня, и побесѣдуемъ откровенно. (*садится на кривой диванъ*). Вотъ я здѣсь, чтобы не конфузить васъ своими страшными взорами, а вы вотъ сядете здѣсь. Не правда ли? Ну, что же?.. я васъ жду...

БУКА. Какъ вамъ угодно, не могу: служба ждетъ...

ЕЛАГИНСКАЯ. Ахъ! да бросьте, пожалуйста, вашу службу!

БУКА. Не могу! ей Богу! служба — прежде всего!

ЕЛАГИНСКАЯ. Ну, ну, хорошо, я васъ не задержу. Я такъ рада, такъ довольна, что познакомилась съ вами, и прошу у васъ только *десять минутъ*, больше ни секунды! много ли это? (*томнымъ голосомъ и протягивая руку, приглашаетъ сѣсть*). Андрей Степановичъ! только десять минутъ...

БУКА, (*про себя, начинаетъ понемногу подходить*) Боже милостивый! чувствую... сознаю свои прегрѣшенія... впрочемъ, *десять минутъ*! что это значитъ передъ вѣчностью?.. особливо, при моемъ благочестіи!.. (*ей, продолжая подвигаться*). Но сударыня, если меня увидитъ братъ, или племянникъ... Я прокляну и себя... даже не пощажу и васъ!

ЕЛАГИНСКАЯ. О, не бойтесь! они всѣ отправились гулять на сосѣднюю дачу, а притомъ десять минутъ такъ мало времени, что...

БУКА. Гмъ!.. Конечно... пожертвовать можно... Богъ меня проститъ... (*оглядываясь во всѣ стороны и посматривая на часы*). Но, какъ вамъ угодно, а я замѣчу, — и черезъ десять минутъ, прощайте на вѣкъ! Теперь четверть одиннадцатаго, помните! (*садится къ ней спиною*). Уфъ!... (*роняетъ шляпу и портфель на полъ*). Чувствую, какъ я глубоко упалъ... Какъ будто погрузился въ бездну грѣховную! (*сидитъ вытянувшись*).

ЕЛАГИНСКАЯ. Ну, вотъ такъ! Благодарю васъ... Ахъ! мнѣ нужно съ вами о многомъ поговорить...

БУКА. (*про себя*). Господи! Какая, подумаешь, человѣкъ слабая тварь! О, женщины, женщины! въ васъ сидитъ демонская сила!

ЕЛАГИНСКАЯ. Что такое? Однако... позвольте: ловко ли вамъ сидѣть?

БУКА. Гмъ! чрезвычайно неловко, но за то, какъ кажется, это совершенно по модѣ. Для женатыхъ людей это придумано... понимаете... по модѣ: мужъ въ сторону, жена въ другую.

ЕЛАГИНСКАЯ. Андрей Степанычъ! Правда ли, я слышала, что вы презираете весь нашъ полъ? Я что-то этому не совсѣмъ вѣрю. (*кладетъ руку на его плечо*).

БУКА. (*въ сторону, съ трепетомъ*) Батюшки! она ужъ за меня уцѣпилась! Охъ! давно, давно я не чувствовалъ такого блаженства!...

ЕЛАГИНСКАЯ. Андрей Степанычъ! да отвѣчайте же мнѣ!

Неужели правда, что мнѣ говорилъ про васъ Захаръ Захарычъ?

БУКА, (*разнѣживаясь*). Ахъ, да, да. Когда я увижу женщину... чувствую какое-то отвращеніе... я... я врагъ всѣхъ женщинъ. (*поворотивъ голову, цѣлуетъ руку, которая у него на плечѣ*) Конечно! (*про себя*). Не утерпѣлъ! согрѣшилъ я, слабая тварь!

ЕЛАГИНСКАЯ, (*продолжая кокетливо бить его по плечу*). Врагъ всѣхъ женщинъ!.. возможно ли?.. Да за что же вы насъ презираете?

БУКА. За то.. что вы всѣ... коварны... соблазнительны! (*опять покосившись на ея руку, цѣлуетъ*). Еще согрѣшилъ!.. (*ей, продолжая*), что вы отъ одного грѣха влечете насъ къ другому и такъ далѣе. (*цѣлуетъ еще*). У! какая ручка!

ЕЛАГИНСКАЯ, (*взявъ книгу*). Ахъ, Боже мой! такъ неужели и я въ вашихъ глазахъ также достойна презрѣнія? развѣ я вамъ сдѣлала что-нибудь злое? (*дотрогивается книгой до его плеча*).

БУКА. О, нѣтъ! вы совсѣмъ другое... вашъ нѣжный голосъ, мягкая ручка... (*цѣлуетъ книгу*). Ой! я попалъ на что-то жесткое... (*продолжая сердито*). Впрочемъ, я и за васъ не ручаюсь, — вы также, какъ и всѣ женщины, въ состояніи пуститься на всякое зло...

ЕЛАГИНСКАЯ. О, нѣтъ! повѣрьте, я не похожа на другихъ, и вотъ вамъ въ доказательство моя рука! (*протягиваетъ къ нему руку*).

БУКА, (*схватываетъ ее съ жаромъ*). А! ну... это другое дѣло! Какъ человѣкъ вполнѣ благочестивый, я принимаю ваше оправданіе... (*цѣлуетъ и, сжавъ крѣпко, прижимаетъ*. Ммм!!..

ЕЛАГИНСКАЯ. Ахъ! какъ вы крѣпко жмете руку! Позвольте, вѣдь это больно!.. посмотрите, это ужасъ!

БУКА, (*быстро поворачивается къ ней лицомъ*). Ангелъ мой! А каково-же мнѣ-то, мнѣ? развѣ намъ иногда не крѣпко достается отъ васъ?... Ахъ! не глядите такъ сладко, ей Богу, грѣшно! — Впрочемъ, такъ ужъ и быть, Богъ проститъ! глядите! глядите...

ЕЛАГИНСКАЯ. Полноте шутить.. однако, знаете что: сыщите, пожалуйста, тамъ гдѣ-то есть, на столѣ, альбомъ и карандашъ, я обѣщала Варварѣ Андреевнѣ кончить маленькій рисунокъ... (*Бука вскакиваетъ и съ любезностью отправляется искать альбомъ. Елагинская про себя*). А! попался, негодный

старичишка! Надо увѣдомить нашихъ, какъ они должны теперь аттаковать его.

БУКА, (*не дослышавъ*). Что такое вы сказали, прелесть моя? (*отыскавъ, подаетъ ей вещи, стараясь молодиться*).

ЕЛАГИНСКАЯ. Ничего... я удивляюсь вашей ловкости. О! да вы хоть и въ лѣтахъ, но все еще премилый, преинтересный мужчина! (*пишетъ нѣсколько строкъ на листочкѣ альбома, отрываетъ, незамѣтно складываетъ, потомъ нѣсколько разъ смотритъ въ окно*).

БУКА, (*самодовольно*). А! такъ я вамъ нравлюсь?—О! нѣкогда я былъ злодѣйски обворожителенъ! (*садится*). Впрочемъ, когда вы тоже узнаете меня покороче, то сознаетесь, что я еще неустарѣлъ. (*хочетъ взять ее за руку*).

ЕЛАГИНСКАЯ. Ахъ, подвиньте мнѣ, пожалуйста, вотъ ту скамеечку, мнѣ неловко...

БУКА. Сейчасъ!

Ахъ! съ вами я въ компаніи
Совсѣмъ не то, что былъ!
О службѣ, воздержаніи
И о грѣхахъ забылъ.

ЕЛАГИНСКАЯ, (*почти съ крикомъ*). Скамеечку!

БУКА. Бѣгу! (*Пока онъ подаетъ ей скамеечку, Елагинская дѣлаетъ знаки въ окно и бросаетъ записку*).

ЕЛАГИНСКАЯ, (*бросая нѣжный взоръ*). Ахъ, благодарю!

БУКА, (*хватаясь за сердце*). Ахъ, какой взглядъ! такъ сердце и загорѣлось! (*съ большимъ чувствомъ*).

Зажгли глаза коварные
Такъ эту часть, ей, ей!
Что не зальютъ пожарные
Тринадцати частей!!!

ЕЛАГИНСКАЯ. О, да вы, какъ я вижу, только притворялись строгимъ и холоднымъ, а? зачѣмъ это вы надѣвали на себя такую маску?

БУКА, (*быстро*). Ахъ! затѣмъ, что съ людьми, которые меня окружаютъ, не стоитъ быть никогда откровеннымъ! Но, за то передъ вами, передъ вашими прелестями, я снимаю маску притворства! я весь на лицо—смотрите: я въ восторгѣ! въ жару молодости! (*дотрогиваясь слегка до ея плеча*). Ахъ, какъ это у васъ обворожительно! Господи! какая дивная натура!

ЕЛАГИНСКАЯ, (*отодвигаясь отъ него*). А ужъ десять минутъ, я думаю, прошло?

БУКА. Не знаю. (*любуясь ею*). Какъ счастливъ этотъ розанчикъ! невольно позавидуешь, какъ посмотришь...

ЕЛАГИНСКАЯ. Однако, вотъ что: вы лучше посмотрите-ко на часы.

БУКА. За чѣмъ? «счастливые часовъ не наблюдаютъ!»

ЕЛАГИНСКАЯ. Конечно... но вѣдь вы сами строго назначили для нашей бесѣды только—*десять минутъ*. Посмотрите-ко!

БУКА. (*любуясь ею*). Ахъ! отнынѣ я, кромѣ васъ, ни на что смотрѣть не хочу! все это вздоръ и суета!

ЕЛАГИНСКАЯ. Нѣтъ, помилуйте! для васъ служба—прежде всего...

БУКА. Нѣтъ! ужъ отнынѣ вы для меня—прежде всего! а служба сама по себѣ... на службѣ никогда не найдешь вотъ этихъ прелестей!... (*опять трогаетъ ее за плечо*).

ЕЛАГИНСКАЯ. Андрей Степановичъ! это не хорошо.

БУКА, (*заигрывая*). Напротивъ, такъ хорошо, что можно съ ума сойдти! можно такъ одурѣть, что хоть ложись, да умирай!

ЕЛАГИНСКАЯ. О, да вамъ вѣрно совсѣмъ не надо идти на службу.

БУКА, (*скороговоркой*). Необходимо надо! Надо подписывать серьезныя бумаги. (*взявъ ее за руку, съ жаромъ*). Ахъ! какая бѣлая, бархатная кожица! какія тоненькіе пальчики! какая форма! (*цѣлуетъ*). Анна Львовна, знаете ли что?

ЕЛАГИНСКАЯ, (*очень нѣжно*). Что такое, мой другъ?

БУКА, (*ея голосомъ*). Мой другъ! Батюшки! въ какомъ это вы тонѣ сказали? такъ вотъ все грѣшное сердце и обдало!.. Анна Львовна!

ЕЛАГИНСКАЯ. Боже мой! да что же?

БУКА. Да ужъ что вы хотите, а я отъ васъ превращаюсь въ отпѣтаго дурака!

—

XII.

ТѢЖЕ, Г-ЖА ЧИСТЯКОВА (*въ дверяхъ*).

ЧИСТЯКОВА. Андрей Степановичъ!

БУКА, (*опрометью отскакиваетъ въ другую сторону*). Батюшки! осрамился...

ЧИСТЯКОВА. Что жъ вы не ѣдите въ должность? лошадь давно подана, и Владиміръ Петровичъ васъ ждетъ.

БУКА, (*строго*). Я... я... сейчасъ!.. оставьте меня!.. я... самъ знаю безъ васъ! вы вѣчно только пугаете меня!

ЧИСТЯКОВА. Да я только такъ... прибѣжала вамъ напомнить... Впрочемъ, извините... мы опять идемъ гулять.

ЕЛАГИНСКАЯ. Останься, Варинька, побесѣдуй съ нами.

ЧИСТЯКОВА. Нѣтъ, мой другъ, погода такъ хороша, что грѣшно сидѣть въ комнатѣ. Пойдемъ съ нами. (*Уходитъ*).

—

XIII.

ТѢЖЕ, кромѣ ЧИСТЯКОВОЙ.

БУКА, (*снова бросается къ дивану и садится*). Ушла!... Какое счастіе!..

ЕЛАГИНСКАЯ, (*томно*). Ну, такъ ѣдите, мой другъ?

БУКА. Боже мой! да можно ли отъ васъ уѣхать? и куда же? въ департаментскую атмосферу! Да что я тамъ забылъ? Нѣтъ! божество мое! ваша дружба, ваше расположеніе перевернули вверхъ дномъ всѣ мои правила и мысли! Ужъ я въ департаментѣ буду теперь, кажется, не на своемъ мѣстѣ! я перехожу—и хочу вѣчно остаться на этомъ мѣстѣ.

—

XIV.

ТѢЖЕ И ПЕРСКІЙ, (*въ вицъ-мундирѣ, въ шляпѣ и съ бумагами*).

ПЕРСКІЙ, (*громко*). Дядюшка.

БУКА, (*снова вскакиваетъ и принимаетъ строгій видъ*). Ай-ай! опять!

ПЕРСКІЙ. Дядюшка, я совсѣмъ готовъ: поѣдемте.

БУКА. Пошелъ вонъ!—Поѣзжай одинъ, я пріѣду послѣ, на извощикѣ!.. Завтра!.. ужо!.. пошелъ!

ПЕРСКІЙ. Да вѣдь вы опоздаете—ужъ 11-ть часовъ.

БУКА. Не твое дѣло! я знаю свои обязанности лучше тебя. Пошелъ! вели тамъ всѣ бумаги приготовить къ подписанію. Пошелъ!

ПЕРСКІЙ. Очень хорошо-съ!.. Не извольте сердиться, дядюшка, я поѣду одинъ. До свиданья, Анна Львовна! (*тихо*). Браво! браво! (*уходитъ*).

ЕЛАГИНСКАЯ. Adieu, Вольдемаръ!

—

XV.

ТѢЖЕ, *потомъ вскорѣ незамѣтно подходитъ* **ЧИСТЯКОВЪ.**

БУКА. Слава Богу! теперь ужъ намъ никто не помѣшаетъ.

ЕЛАГИНСКАЯ. Ахъ, Андрей Степанычъ, хоть мнѣ и очень будетъ скучно безъ васъ, однако, право поѣзжайте, вы же знаете свои обязанности лучше всѣхъ... служба прежде всего... служба дѣло святое—поѣзжайте!

БУКА, (*съ энергіей*). Ахъ, Анна Львовна! да изъ какихъ доходовъ я буду мучиться на службѣ! да при вашемъ упоительномъ взглядѣ какая служба не выскочитъ изъ головы?.. да для меня теперь пропадай все на свѣтѣ, ей Богу! да на какой службѣ я обрѣту такое блаженство? Анна Львовна! Ангелъ! Серафимъ! не въ службу, а въ дружбу — одинъ поцѣлуй, только одинъ! (*бросается на колѣна; Чистяковъ входитъ, крадясь*).

ЕЛАГИНСКАЯ. Ахъ, Андрей Степанычь, что вы!... побойтесь Бога!...

БУКА. Богъ милостивъ, прелесть моя! будьте только вы добры и милостивы.

ЕЛАГИНСКАЯ. Ну—ну, перестанте, успокойтесь! Подите на свое мѣсто и сидите смирно, а не то я разсержусь.

БУКА. (*отбѣгая отъ нее, садится на прежнее мѣсто*). Сижу, сижу, — и буду сидѣть до тѣхъ поръ, пока вы сжалитесь надо мною и скажите: другъ мой! хорошо! поди сюда! ты стоишь этого поцѣлуя.

ЕЛАГИНСКАЯ, (*говоритъ его голосомъ, перемигиваясь съ Чистяковымъ*). О, мужчины, мужчины! Другъ мой! хорошо! ты стоишь...

ЧИСТЯКОВЪ, (*въ это время всталъ между ними и наклонился къ уху Буки*).

БУКА, (*въ восторгѣ*). Что я слышу!... согласна!... ангелъ мой!... (*забывшись, цѣлуетъ Чистякова и ужасается. Елагинская встаетъ и переходитъ сцену. Чистяковъ садится на ея мѣсто*).

ЧИСТЯКОВЪ. Братъ, что за нѣжности?... Андрей Степановичъ Бука! вѣдь это грѣхъ! служба прежде всего! пора въ департаментъ. Ха, ха, ха!...

БУКА, (*вытянувъ лицо, смотритъ на брата, потомъ отчаянно произноситъ*) Не—по—ѣду!!! пошелъ вонъ! вонъ! (*почти силой выталкиваетъ изъ комнаты Чистякова, потомъ опрометью бѣжитъ къ Елагинской, схватываетъ ея руку и кричитъ*). Жен-

щина ты, или демонъ? смотри... и торжествуй! (*бросается передъ нею на оба колѣна.*)

—

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ИЗЪ ОДНОЙ КРАЙНОСТИ ВЪ ДРУГУЮ.

Театръ представляетъ садъ. Посрединѣ красивый лѣтній одноэтажный домъ, съ мезониномъ, перилами и терассою, на которую выходятъ изъ дома. Передъ домомъ кусты съ разными цвѣтами. Направо красивыя качели въ родѣ колесницы; веревки обтянуты краснымъ сукномъ. Налѣво разбросаны воланы, кольца, веревочки для игры и проч.; въ разныхъ мѣстахъ дачная легкая мебель.

I.

ЕЛАГИНСКАЯ (*сидитъ передъ столикомъ и связываетъ букетъ цвѣтовъ*) **ЧИСТЯКОВЪ, ЧИСТЯКОВА** *и* **ПЕРСКІЙ** (*выбѣгая изъ дома, хохочутъ и аплодируютъ ей*).

ВСѢ. Ха, ха, ха!... браво, Анна Львовна! браво! чудесно! превосходно!

ЧИСТЯКОВЪ. Ну, вы то сдѣлали съ братомъ, что онъ теперь забылъ обо всемъ и ничего знать не хочетъ, кромѣ васъ!

ЕЛАГИНСКАЯ. О, постойте! я изъ него не то еще сдѣлаю! я его заставлю уважать всѣхъ женщинъ, отниму у него всю власть, отъучу умничать, браниться, повелѣвать окружающими и принужу нехотя согласиться на нашу свадьбу.

ПЕРСКІЙ. О! да ужъ если вы не пустили его на службу, такъ теперь онъ готовъ, я думаю, для васъ на всякія жертвы. А главное: онъ ужасно старается, чтобы вы его поцѣловали. Я давича помѣшалъ ему.

ЧИСТЯКОВА. Пожалуйста, мой другъ, заставь его извиняться, просить прощенія передо мною,—это меня потѣшитъ.

ЕЛАГИНСКАЯ. Изволь, душа моя, изволь! Даже, если Захаръ Захарычъ позволитъ, заставлю этого Буку и въ тебя также влюбиться.

ЧИСТЯКОВЪ. Ну, нѣтъ, ужъ это будетъ лишнее. (*Перскому*)

Однако, Володя, я думаю, вѣдь его до сихъ поръ ждутъ въ департаментѣ.

ПЕРСКІЙ. Какже, непремѣнно! Тамъ, я увѣренъ, всѣ удивляются его неаккуратности, онъ даже больной иногда, а все-таки пріѣзжаетъ непремѣнно.

ЕЛАГИНСКАЯ. А вотъ сегодня и не поѣхалъ!

ЧИСТЯКОВЪ. Да куда же онъ скрылся?

ПЕРСКІЙ. Ахъ, и не спрашивайте! смѣшно сказать!

ВСѢ. Нѣтъ, нѣтъ! пожалуйста, не скрывайте ничего.

ПЕРСКІЙ. Представьте: онъ у меня въ комнатѣ, роется въ моемъ гардеробѣ: помада, щетки, духи такъ и прыгаютъ по столамъ.

ВСѢ. Неужли?... ха, ха, ха!...

ПЕРСКІЙ. Безчеловѣчно, варварски тормошитъ все! Я тайкомъ хохоталъ, какъ дуракъ!... То надѣнетъ мой модный фракъ, то сюртукъ, то схватитъ пальто... а теперь нарядился въ мой лѣтній костюмъ, который я нынче поутру надѣвалъ и передъ зеркаломъ такія сталъ дѣлать гримасы, что я убѣжалъ скорѣй.

(*всѣ хохочутъ*).

ЧИСТЯКОВЪ. Браво, Анна Львовна! это онъ дожидается вашего поцѣлуя.

ЕЛАГИНСКАЯ. О! онъ ему не дешево достанется.

—

II.

ТѢЖЕ, ПИСАРЕВЪ, (*съ портфелемъ, оглядываясь боязливо*).

ЧИСТЯКОВА, (*мужу*). Мой другъ, посмотри, кто-то пріѣхалъ.

ЧИСТЯКОВЪ. Къ намъ? очень радъ.

ПЕРСКІЙ. Ахъ, Боже мой, точно... это Писаревъ изъ департамента.

ЧИСТЯКОВЪ. Вотъ тебѣ разъ!

ПИСАРЕВЪ, (*униженно и робко кланяясь*). Съ истиннымъ почтеніемъ честь имѣю кланяться... прошу прощенія...

ПЕРСКІЙ. Здравствуйте, Ксенофонтъ Ермолаичъ! Зачѣмъ вы? къ дядюшкѣ?

ПИСАРЕВЪ. Точно такъ-съ. Прошу прощенія... я, ей Богу, не виноватъ, но, его сіятельство ждутъ Андрея Степаныча... и въ такомъ, знаете, недоумѣніи... и удивляются, и какъ-то особенно сердятся, всѣмъ сдѣлалось страшно такъ... но, я прошу прощенія, я не виноватъ. Надо сегодня подписать многія бумаги... Здоровы ли? живы ли Андрей Степанычъ?

ЧИСТЯКОВЪ. Живъ, только не совсѣмъ здоровъ, и ужъ сегодня, кажется, не поѣдетъ въ должность.

ПИСАРЕВЪ. Ахъ, Господи! да какъ же его-то Сіятельство? прошу прощенія, но я, ей Богу, не виноватъ!

ПЕРСКІЙ. Да пойдемте къ нему, Ксенофонтъ Ермолаичъ, онъ у меня.

ЧИСТЯКОВА. Нѣтъ, постойте, постойте!.. кажется, онъ самъ сюда идетъ.

ЕЛАГИНСКАЯ, (*взявъ букетъ*). А я ужъ покуда уйду и спрячусь гдѣ-нибудь, пусть онъ меня поищетъ немножко. (*уходитъ.*)

—

III.

ТѢЖЕ, *кромѣ Елагинской и* **АНДРЕЙ СТЕПАНОВИЧЪ БУКА** (*входитъ торопливо, одѣтый совершенно по дачному, въ платье племянника. На головѣ феска, во рту папироска, страшно молодится, и все поетъ*).

ЧИСТЯКОВЪ, (*смѣется*). Браво! Какимъ козыремъ разъодѣлся!...

ЧИСТЯКОВА. Умора, да и только!

ПИСАРЕВЪ, (*къ Перскому, тихо*). Батюшка! Владиміръ Петровичъ! кто это-съ?

ПЕРСКІЙ. Дядюшка, Андрей Степанычъ, вашъ начальникъ.

ПИСАРЕВЪ. Что вы! Нѣтъ-съ, прошу прощенія, — я не виноватъ... но это совсѣмъ другая особа.

БУКА, (*не замѣчая окружающихъ, ищетъ глазами кого-то и поетъ про себя*).

«Она моя! она моя!
«Мнѣ сердце говоритъ!..»

ЧИСТЯКОВЪ, (*подойдя*). А! здравствуй, братъ!

БУКА, (*разсѣянно и отрывисто*) Здравствуй! (*оттолкнувъ Чистякова, ходитъ по сценѣ*). Гдѣ Анна Львовна? а? гдѣ? гдѣ она?

ПЕРСКІЙ, (*подойдя*). Дядюшка я къ вамъ...

БУКА, (*также*) Хорошо, здравствуй! (*оглядываясь во всѣ стороны*). Что хорошо все это сидитъ на мнѣ, а? красиво? ловко, а?

ПЕРСКІЙ. Отлично!

БУКА, (*отходя отъ него*). Гдѣ Анна Львовна, а?

ПЕРСКІЙ. Дядюшка! къ вамъ съ бумагами...

БУКА. Хорошо... послѣ... завтра!.. Гдѣ Анна Львовна?

ЧИСТЯКОВА, (*подходя*). Здравствуйте, Андрей Степанычъ!.. Фу! какой вы bel homme!

БУКА, (*также*). Здравствуйте! А гдѣ Анна Львовна? (*идетъ и натыкается на Писарева*). Тьфу! что это за уродъ?

ПИСАРЕВЪ, (*про себя*). Онъ! онъ и есть! (*ему*) Прошу прощенія... но я, ей Богу, не виноватъ, Андрей Степанычъ...

БУКА. Хорошо, хорошо, прощаю!.. Пошелъ! ничего!.. (*поетъ про себя*) «Прости, что я тобой сгараю!..»

ПИСАРЕВЪ. Его Сіятельство сами изволили...

БУКА. Ну, хорошо, я и его прощаю. А гдѣ Анна Львовна, а?

ПИСАРЕВЪ. Анна Львовна-съ?... я, право, не виноватъ, но Его Сіятельство сами велѣли, чтобы я...

БУКА. Что? что? а развѣ ты знаешь ее?

ПИСАРЕВЪ. Да-съ, могу сказать, что службу знаю и повинуюсь...

БУКА. А?.. что ты, братецъ, врешь?.. Фу! какъ ты глупъ!

ПИСАРЕВЪ. Я, право, не виноватъ...

БУКА. Знаю... хорошо... убирайся къ черту!.. Странно! гдѣ же это Анна Львовна?.. (*ищетъ по сценѣ и все поетъ*) «Гдѣ ты, о рай моихъ очей?...»

ПИСАРЕВЪ. Какъ же это, Владиміръ Петровичъ?.. Что я буду дѣлать съ бумагами-то?

ПЕРСКІЙ. Видите, онъ теперь совершенно растроенъ. Пойдемте въ домъ, подождите, мы уговоримъ его заняться.

ПИСАРЕВЪ. Помилуйте, да я не смѣю ждать, вѣдь бѣда будетъ!

ЧИСТЯКОВЪ. Да, чтожъ дѣлать, ужъ онъ самъ будетъ отвѣчать за все. Ступайте! (*Перскій и Писаревъ уходятъ въ домъ*).

ЧИСТЯКОВА, (*снова подходя*). Андрей Степанычъ! да вы сегодня чудо какъ интересны!

БУКА, (*не смотря на нее*). Ха! да я это и безъ васъ знаю. Гдѣ же Анна Львовна?

ЧИСТЯКОВА. Ахъ, Боже мой! да ищите—она здѣсь (*особо.*) Какой уморительный! совсѣмъ помѣшался!..

(*уходитъ въ домъ*).

—

IV.

ЧИСТЯКОВЪ, БУКА.

ЧИСТЯКОВЪ. Братъ! да полно тебѣ шмыгать изъ угла въ уголъ! ступай, подпиши бумаги. Ты, кажется, совсѣмъ забылъ и разлюбилъ службу.

БУКА, (*схвативъ его крѣпко заруку*). Ее забыть? разлюбить? нѣтъ! (*поетъ*).

«Я-ль виноватъ, что ее черноокую
«Больше, чѣмъ душу люблю!..»

ЧИСТЯКОВЪ. Что?.. черноокую службу?..

БУКА, (*посмотрѣвъ ему въ глаза*). Что?.. убирайся ты съ своей службой! Подайте вы мнѣ Анну Львовну! (*ищетъ въ кустахъ, ломаетъ цвѣты и кличетъ*) Анна Львовна! гдѣ вы, мой ангелъ? Анна Львовна! да полноте прятаться...

ЧИСТЯКОВЪ, (*свиснувъ*). Совсѣмъ одурѣлъ, бѣдняга! вотъ ужъ именно: изъ одной крайности да въ другую! Фанфаронится, поетъ, мечется, какъ угорѣлый (*увидя, что Бука забрался въ куртину*). Да полно, братецъ! ты переломаешь у насъ всѣ цвѣты!.. Куда ты это залѣзъ?

БУКА, (*спрятанный въ куртинѣ поетъ*):

«Мой другъ! хранитель, ангелъ мой!
«О, ты, съ которой нѣтъ сравненья!..» и проч.

Анна Львовна! гдѣ вы?.. ой!.. оцарапалъ носъ... (*вылѣзая, смотритъ налѣво за кулисы*). Ахъ! вонъ она, кажется... тамъ! тамъ! (*напѣваетъ изъ* Волшебнаго стрѣлка).

«Спѣшимъ привѣтствовать тебя,
«Любезная подруга!.. (*убѣгаетъ, приплясывая*).

ЧИСТЯКОВЪ. Ха, ха, ха!.. (*увидя Елагинскую, выходящую украдкой изъ дома*). Подите сюда, пожалуйста!

V.

ЧИСТЯКОВЪ, ЕЛАГИНСКАЯ.

ЧИСТЯКОВЪ. Ну, Анна Львовна, посмотрите, какъ онъ уродски нарядился!.. и вездѣ ищетъ васъ, какъ сумасшедшій,

ЕЛАГИНСКАЯ. Я все видѣла изъ окна и хохотала отъ души. Между тѣмъ, научила Вольдемара, какъ и когда просить согласія на женитьбу, надо теперь пользоваться обстоятельствами. Жаль только этого бѣднаго господина, который пріѣхалъ съ бумагами; онъ все проситъ прощенія и — чуть не плачетъ!

ЧИСТЯКОВЪ. Что мудренаго, человѣкъ маленькій, имъ же запуганъ. Я пойду его успокоить, а вы, однако-жъ, хоть какъ-нибудь заставьте брата подписать бумаги! (*уходитъ*).

—

VI.

ЕЛАГИНСКАЯ (*садится на качели потомъ вбѣгаетъ*) **БУКА.**

ЕЛАГИНСКАЯ. Посмотримъ, Андрей Степанычъ, посмотримъ, какъ-то вы не позволите племяннику жениться?.. Нѣтъ, теперь вы въ моихъ рукахъ!.. (*кличетъ.*) Андрей Степанычъ! гдѣ вы?... Андрей Степанычъ!

БУКА, (*за кулисами.*) Ау! (*вбѣгая.*) Творецъ мой! да вы здѣсь! Фу! измучился!.. (*подбѣгая и стараясь скорчить молодца.*)

Ахъ, Анне та!
Что же это?
Я усталъ искать!
А вы сѣли
На качели!..
Дайте покачать!

(*начинаетъ осторожно качать и нѣжничать*).

Ангелъ! душка!
Вы игрушка!
Право, не шутя...
Я же прямо,
Точно мама
Няньчаю дитя!

Спи родная,
Золотая,
Ангелъ надъ тобой!
Мой амурчикъ,
Мой огурчикъ.
Персикъ дорогой!

Спи жизненокъ!
Мой ребенокъ...
Пѣсню я спою.
Покачаю,
Баю, баю...
Баюшки баю!

(*Во время куплета, другіе дѣйствующіе смотрятъ въ окна и смѣются надъ Букой, но Писаревъ въ отчаяніи.*)

ЕЛАГИНСКАЯ. Хорошо, Бука, очень хорошо! Однако, надо сказать, оставя всѣ ваши шутки, что ужъ, кажется, я вышла изъ дѣтей, а вы, мой почтенный другъ, и подавно!

БУКА. Ахъ, нѣтъ, напротивъ: съ вами я часъ отъ часу все молодѣю, перехожу въ тотъ счастливый, беззаботный возрастъ, когда человѣкъ вѣчно веселъ, доволенъ, проказитъ напропалую, любитъ, ждетъ поцѣлуя и готовъ для него на всевозможныя глупости.

ЕЛАГИНСКАЯ. Это я вижу. Какъ вы нынче изящно, фантастически одѣты! чудо!

БУКА, (*самодовольно.*) А! вы замѣтили?.. я этого ожидалъ! О! я какъ примусь дурачиться, такъ бываю чудовищно хорошъ, звѣрски обольстителенъ! Впрочемъ, узнавши васъ, нельзя не сдѣлаться львомъ перваго разряда!

ЕЛАГИНСКАЯ, (*сходя съ качель.*) Вы ошибаетесь!. Во первыхъ: я васъ увѣряю, что Варинька ничѣмъ не хуже меня во всѣхъ отношеніяхъ; и если вы хотите всегда пользоваться моей дружбой, то отнынѣ не должны оскорблять ее ни желчной вашей бранью, ни насмѣшками, однимъ словомъ: уважать ее также, какъ меня, потому, что она премилая женщина, добрая, прекрасная хозяйка и рѣдкая жена!

БУКА. Что я слышу!.. да вы, я не знаю, что-то сверхъестественное! вы меня поражаете! Молодая женщина защищаетъ и хвалитъ себѣ подобную!.. Анна Львовна! да въ васъ душа совсѣмъ не XIX-го вѣка!

Можно-ль слушать хладнокровно?
Какъ не вѣрить чудесамъ!
Да вы просто, Анна Львовна,
Родились не здѣсь, а тамъ!
Вамъ грѣшно водиться съ нами,
Вѣдь теперь, какъ посравнишь:
Что же я-то передъ вами?
Въ человѣчьемъ платьѣ мышь!

ЕЛАГИНСКАЯ. Вотъ и это неправда! Я думаю объ васъ гораздо лучше, и хочу, чтобы вы были только по фамиліи Бука, а жили бы и вели себя, какъ всѣ порядочные люди. Хотите играть въ кольца?.. или въ воланъ?

БУКА. О! во что вамъ угодно! я ужъ вижу, что я теперь пропащая, отпѣтая душа! (*беретъ кольцо и палку.*)

ЕЛАГИНСКАЯ. Такъ будемъ играть втроемъ. Позовите Варвару Андреевну, помиритесь съ нею торжественно, попросите прощенія и начнемъ!

БУКА. Ахъ, не могу! она будетъ смѣяться надо мною...

ЕЛАГИНСКАЯ, (*съ сердцемъ.*) А! такъ хорошо же! я уѣду отсюда, вы не получите поцѣлуя и больше меня не увидите никогда.

БУКА, (*передразнивая, шутя.*) Ти-ти-ти!.. разсердились! Боже правосудный! она и сердится-то упоительно!... (*видя ея движеніе.*) Ню, ню, ню, все сдѣлаю, только останьтесь. (*декламируя.*)

«Возьми всѣ лавры и трофеи
«За свой оградный поцѣлуй!.»

(*Кричитъ рѣшительно, обращаясь къ дому.*)

Варвара Андреевна! madame! Veut-elle faire une partie? Je vous en prie!

—

VII.

ТѢЖЕ, ВАРВАРА АНДРЕЕВНА ЧИСТЯКОВА, (*въ окнѣ.*)

ЧИСТЯКОВА. Сейчасъ! сейчасъ! бѣгу!

ЕЛАГИНСКАЯ. Смотрите-же, помиритесь совершенно съ нею, это и вашему брату будетъ пріятно.

БУКА. Готовъ на все!

ЧИСТЯКОВА, (*вбѣгая.*) Что такое? вы хотите играть вмѣстѣ со мною?

БУКА, (*разшаркиваясь.*) Хочу-съ!.. Варвара Андреевна!.. гмъ!.. сдѣлавшись человѣкомъ, на себя не похожимъ, я извиняюсь передъ вами. (*показывая на Елагинскую.*) Эта прелестная дама сдѣлала изъ моей философской головы такую огромную пустышь, что вы не должны ничему удивляться. Миръ и дружба! (*Елагинской тихо.*) Что еще прикажете?

ЕЛАГИНСКАЯ, (*тихо.*) Возьмите за руку и обнимитесь, какъ друзья.

БУКА, (*Чистяковой.*) Дайте вашу руку и... обнимите Буку!

ЧИСТЯКОВА. О, съ удовольствіемъ! (*даетъ руку и обнимаетъ его.*)

ЧИСТЯКОВЪ, (*кричитъ изъ окна дома.*) Братъ! что ты! съ ума сошелъ!

БУКА. Молчи! не твое дѣло! О! теперь я, право, похожъ на Синдика въ Эсмеральдѣ, и скажу также, какъ онъ: «*слабая горлица, ты въ рукахъ у коршуна!*... Ну, теперь давайте играть въ кольца!

ЕЛАГИНСКАЯ. Да, да, теперь можно.

БУКА, (*подбѣгая.*) Ахъ! а поцѣлуй-то вашъ?

ЕЛАГИНСКАЯ. Послѣ игры.

БУКА. Смотрите-же! (*начинаютъ играть въ кольца, стоя въ трехъ углахъ сцены!*)

ЧИСТЯКОВА. (*играя.*) Анна Львовна, вы, просто, чудеса дѣлаете.

ЕЛАГИНСКАЯ, (*бросая кольцо.*) О, надѣюсь! Ловите, Андрей Степановичъ!

БУКА, (*прыгая*). Ля-ля-ля!.. (*поетъ*) «Лови, лови
«Часы любви!»...

ПИСАРЕВЪ. (*громко изъ дому, показывая бумаги*). Батюшки! что-жъ мнѣ дѣлать съ бумагами-то?... Скажите! меня выгонятъ изъ службы! а я, ей Богу, не виноватъ!

ПЕРСКІЙ, (*ему оттуда-же*). Да вы видите, что онъ и безъ того очень занятъ.

ЧИСТЯКОВЪ, (*изъ другаго окна*). Да, да, теперь ужъ ему не до бумагъ! (*кричитъ играющимъ*) Господа! А что-жъ вы насъ не пригласите?

БУКА, (*занимаясь игрой*). Пошелъ ты! Тутъ надо имѣть ловкость, граціозность... Надо, братецъ, такъ сказать, хватать, ловить на лету... Эхъ! Не попалъ!... Да вы слишкомъ высоко подбрасываете, надо вотъ такъ, понимаете? (*бросаетъ кольцо*) Вотъ!

ЕЛАГИНСКАЯ. Хорошо; ужъ вы насъ не учите! Однако, Андрей Степанычъ, скажите: вы вѣдь все еще на службѣ? не въ отставкѣ?...

БУКА, (*также*). Ля-ля-ля!... Какъ-же, на службѣ!...

ЧИСТЯКОВА. И, кажется, большой окладъ получаете?

БУКА, (*также*). Да... таки довольно... Но за то у меня

и работы пропасть!... Повѣрите ли: минуты нѣтъ свободной... (*бросаетъ кольцо*) Ловите! Ловите! Служба меня измучила!... безъ меня ничего не дѣлается... Ля-ля-ля!...

ПИСАРЕВЪ, (*оттуда же умоляющимъ голосомъ*). Андрей Степановичъ! Батюшка!

ПЕРСКІЙ. Дядюшка!

БУКА, (*не оборачиваясь*). Что такое?... Отстаньте, пожалуйста!

ПИСАРЕВЪ. Ради Бога, отпустите меня!

ПЕРСКІЙ. Дядюшка, да вы хоть только подпишите бумаги.

БУКА. Убирайтесь вы, пожалуйста! Ля-ля-ля!... есть мнѣ время заниматься такими-то пустяками... Ля-ля-ля!...

ЧИСТЯКОВЪ, (*насмѣшливо*). Въ самомъ дѣлѣ, господа, не мѣшайте! У человѣка и безъ того дѣла по горло, сами видите.

БУКА, (*вслушавшись въ послѣднія его слова, продолжаетъ*). Да, много! Они вилятъ!... Имъ все мало... Они тамъ въ департаментѣ думаютъ, что у меня десять рукъ и... двѣ головы... Ловите! ловите!

ЕЛАГИНСКАЯ. Ужъ не довольно ли? Я начинаю уставать.

БУКА. Нѣтъ, нѣтъ! займемтесь еще немножко... Я набилъ руку, размахался... Ля-ля-ля!... Препріятное занятіе!

ЕЛАГИНСКАЯ. Нѣтъ, нѣтъ, довольно! Я устала, въ самомъ дѣлѣ!

ЧИСТЯКОВА. Да и я немножко устала.

БУКА. Устали!... О, слабыя созданія! То ли дѣло мы, молодежъ! Хоть всю ночь проиграемъ — ничего! все ни почемъ! (*кашляетъ*).

«Юность, юность веселися!
«Веселись, пока цвѣтешь...

ЕЛАГИНСКАЯ. Гдѣ же намъ за вами гоняться! Ахъ, милая Варинька, пожалуйста, пока мы будемъ отдыхать, прикажите намъ приготовить мороженаго.

БУКА. Ахъ, да! Это хорошо! Сегодня что-то особенно жарко...

ЧИСТЯКОВА. Изволь, извольте, сколько угодно. (*уходитъ въ домъ*).

ЕЛАГИНСКАЯ. Благодарю. Да не уходите на долго.

БУКА, (*хватая ее за руку*). Merci!

—

VIII.

ЕЛАГИНСКАЯ, БУКА.

БУКА, (*Елагинской*). А она, въ самомъ дѣлѣ, порядочная бабочка.

ЕЛАГИНСКАЯ. Да вѣдь я вамъ говорила! Ну, теперь вы займетесь покуда дѣлами.

БУКА. Ни за что на свѣтѣ! Я жду отъ васъ обѣщаннаго поцѣлуя.

ЕЛАГИНСКАЯ. Нѣтъ, погодите еще.

БУКА. Ангелъ мой! Да вѣдь вы сами обѣщали послѣ игры.

ЕЛАГИНСКАЯ. Да, но игра еще не кончена.

БУКА. А! такъ мы, значитъ, весь вечеръ будемъ играть и дурачиться?... Очень радъ! Мнѣ нужно развлеченіе... Я такъ заваленъ работой... Во что же мы будемъ играть?

ЕЛАГИНСКАЯ. Но, послушайте: можно два дѣла дѣлать вдругъ, на это, я думаю, васъ достанетъ. Вотъ попрыгайте черезъ веревочку, но незабывайте, что васъ давно тамъ ждутъ, видите?

БУКА. Ахъ, Боже мой, да я сегодня отдыхаю. Я, просто, не хочу ничего дѣлать! У меня праздникъ!... Такъ вамъ угодно посмотрѣть на мою легкость?

ЕЛАГИНСКАЯ. Да, да, пожалуйста! Но, не забывайте и службы.

БУКА, (*прыгая черезъ веревку*). Ахъ! сегодня служба—сама по себѣ, и я — самъ по себѣ!... А? посмотрите, какъ я легокъ.

—

IX.

ТѢЖЕ, ПИСАРЕВЪ, ПЕРСКІЙ.

ПИСАРЕВЪ, (*Перскому съ отчаяніемъ*). Нѣтъ, Владиміръ Петровичъ, пусть они хоть прибьютъ меня, а ждать больше нельзя! Посмотрите: они забыли и думать о дѣлахъ. У меня вся душа изныла отъ страха, а они — себѣ прыгаютъ!

ПЕРСКІЙ. Ну, хорошо, аттакуемъ его вмѣстѣ. Я вѣдь тоже имѣю до него очень важное дѣло. Дядюшка!

БУКА, (*продолжая*). А? Зачѣмъ ты пришелъ, повѣса? Что ты у меня ничѣмъ не занимаешься?... Володя, смотри! Этакъ братъ, здѣсь нынче ничего не выслужишь.

ПЕРСКІЙ. Дядюшка .. Я вамъ давно сбираюсь объявить... Выслушайте только.

БУКА, (*продолжая*). Убирайся къ черту! (*ей*) А вамъ очень нравится эта забава?

ЕЛАГИНСКАЯ. Чрезвычайно! Только вы хорошенько!... Прыгайте выше, выше!

БУКА. Извольте, мой ангелъ! не смѣю ослушаться.

ЕЛАГИНСКАЯ. Еще бы! Иначе я могу такъ разсердиться, что бѣда вамъ!

БУКА. О, нѣтъ! Все сдѣлаю, только не сердитесь.

Хоть будьте вдвое вы капризнѣй,
Для васъ мнѣ жизнь не дорога!
Я не слуга моей отчизнѣ,
А вашъ покорнѣйшій слуга!
И всѣмъ скажу, оставя шутки,
Что родъ мужской—предъ вами пасъ!
И что у насъ по женской дудкѣ
Такъ пляшутъ многіе подъ-часъ!

ПИСАРЕВЪ. Да что же это? (*ему*) Батюшка! Андрей Степанычъ! Спасите хоть мою голову!

ПЕРСКІЙ, (*въ это время мигаетъ Елагинской, чтобы она ушла.*)

БУКА. А? Кто тамъ еще меня безпокоитъ? Убирайтесь къ чорту! (*ей*) Что? ловко? хорошо? а?

ЕЛАГИНСКАЯ, Прелесть! (*незамѣтно скрывается въ домъ*).

ПЕРСКІЙ. Дядюшка! Да вѣдь онъ съ дѣлами.

БУКА. Вотъ большое мнѣ дѣло! зачѣмъ навязывать на шею

«Дѣла, давно минувшихъ дней,
«Преданья старины глубокой!»

Мало у меня безъ того дѣла! завтра приди!.. Скажи, что я болѣнъ... не могу пошевелиться....

ПИСАРЕВЪ. Да чѣмъ же вы нездоровы? Его Сіятельство требуютъ, чтобы сегодня же бумаги были отосланы... Да вы же и сами послѣ зададите мнѣ гонку...

БУКА. Ахъ! подлѣ милой Анны Львовны я ничего не хочу знать! (*не видя ее*) Ахъ.! она ушла!.. Анна Львовна!.. гдѣ Анна Львовна?.. Анна Львовна!.. (*скрывается въ глубину сада, продолжая скакать черезъ веревочку*).

ПИСАРЕВЪ, (*бѣжитъ вслѣдъ за нимъ и кричитъ*). Батюшка, Андрей Степанычъ! отпустите меня!. я не виноватъ..

ПЕРСКІЙ. Дядюшка! постойте, ради Бога! дядюшка! выслушайте хоть меня .. (*также уходитъ за нимъ*).

(*За кулисами слышенъ громкій крикъ Буки, гдѣ Анна Львовна*).

—

X.

ЧИСТЯКОВЪ (*выходя изъ дома, хохочетъ во все горло*). **ЕЛАГИНСКАЯ** (*выходитъ за нимъ же*).

ЧИСТЯКОВЪ, (*ей*). Ха! ха! ха!.. Посмотрите! посмотрите! пустился прыгать, какъ старый козелъ!.. Ну, Анна Львовна, мщеніе ваше доведетъ брата до того, что онъ завтра не шутя сляжетъ въ постель. (*смотря въ глубину*). Посмотрите, вѣдь тѣ оба и догнать не могутъ!.. Ахъ, батюшки! бѣдный Писаревъ запнулся и покатился вверхъ ногами!.. ха! ха! ха!...

ЕЛАГИНСКАЯ. Ахъ, какъ мнѣ жаль его! а пуще бѣднаго Вольдемара, если онъ сегодня не осмѣлится рѣшительно объясниться съ старикомъ и объявить о нашей свадьбѣ.

ЧИСТЯКОВЪ. Нѣтъ, видно, что ужъ онъ теперь не боится его и ловитъ удобную минуту... однако, вы прячтесь всячески отъ стараго сумасброда, особливо, если онъ будетъ упрямиться.

ЕЛАГИНСКАЯ. О! да ужъ не безпокойтесь! я знаю, что старикъ съ нетерпѣніемъ добивается моего поцѣлуя: но онъ его не получитъ, пока Вольдемаръ не выпроситъ позволенія жениться, только вы, пожалуйста, поддержите Вольдемара, если онъ струситъ. (*смотря въ глубину*). Ахъ! вотъ они опять сюда!.. старикъ все еще меня ищетъ, хорошо же, пусть его! (*прячется за куртину. За кулисами передъ выходомъ Буки слышны голоса: дядюшка, Андрей Степанычъ!..*)

—

XI.

ЧИСТЯКОВЪ, БУКА. (*продолжаетъ скакать черезъ веревочку*). **ПЕРСКІЙ И ПИСАРЕВЪ.** (*догоняютъ его*) **Г-ЖА ЧИСТЯКОВА** (*смотритъ изъ дома и смѣется*).

БУКА. Анна Львовна! гдѣ Анна Львовна?

ЧИСТЯКОВЪ. Братъ! постой!

ПИСАРЕВЪ И ПЕРСКІЙ. Постойте, ради Бога!

БУКА. Подайте мнѣ Анну Львовну! (*бѣжитъ въ домъ, Писаревъ за нимъ*). Варвара Андреевна, куда скрылась Анна Львовна?

ПЕРСКІЙ. Нѣтъ, съ нимъ сего дня не сладишъ, онъ ничего слушать не хочетъ!.. А бѣдный Писаревъ, бѣжавши за нимъ, такъ шлепнулся, что чуть не вывихнулъ ноги. Однако, въ самомъ дѣлѣ, гдѣ Анна Львовна?..

ЧИСТЯКОВЪ. Молчи! она спряталась, чтобы дать тебѣ время объясниться съ дядей. Смотри же не робѣй! покажи свой характеръ! Завтра, можетъ быть, онъ опять перемѣнится—тогда все пропало!

ПЕРСКІЙ. Да, я ужъ рѣшился, я знаю, что надо ему сказать, только надо, чтобъ онъ хоть усталъ, по крайней мѣрѣ, и усѣлся на мѣстѣ.

ЧИСТЯКОВЪ. А вотъ погоди, я его такъ озадачу, что онъ у меня перестанетъ бѣгать.

(*въ домѣ слышенъ голосъ Буки: отстань, дуракъ! сиди жди—у меня теперь свое дѣло*).

—

XII.

ТѢЖЕ и БУКА, (*вбѣгая усталый и разстроенный*).

БУКА. Анна Львовна! куда скрылась Анна Львовна?.. братъ! племянникъ! что случилось съ Анной Львовной?.. мнѣ надо бы того... сказать Аннѣ Львовнѣ...

ЧИСТЯКОВЪ. Да не ищи ее, она, братъ, уѣхала. (*уходитъ за Елагинской, мигая племяннику, чтобъ онъ началъ говорить*).

БУКА. Что?.. какъ?.. Анна Львовна уѣхала? неправда! ты шутишь—она здѣсь! ей Богу, здѣсь! (*садится*) Отдохну немножко— и опять побѣгу искать...

ПЕРСКІЙ. (*про себя*). А! уходился! хорошо же... теперь надо ему сказать въ настоящемъ видѣ, до чего можетъ довести его такое сумазбродное поведеніе. (*подходя*). Дядюшка!

БУКА. Ну, что ты опять?.. Что тебѣ?..

ПЕРСКІЙ. (*говоритъ почтительно*). Вамъ... очень нравится Анна Львовна?

БУКА. Ахъ, братецъ, чрезвычайно! дивная, обворожительная женщина!.. обѣщала меня поцѣловать!.. ахъ!.. я, просто, околдованъ ею!..

ПЕРСКІЙ. Я тоже-съ.

БУКА. Что?! ты тоже?

ПЕРСКІЙ. Тоже, дядюшка!.. да мнѣ это и простительно.

БУКА. Простительно?.. ахъ ты молокососъ! а служба?... служба?..

ПЕРСКІЙ, (*съ намѣреніемъ*). Да служба, дядюшка, сама по себѣ, а Анна Львовна сама по себѣ.

БУКА. Гмъ!.. вотъ что! это мои слова... понимаю... Ну такъ что же, мой другъ?.. Ну? ну?

ПЕРСКІЙ Да больше ничего, дядюшка, какъ то, что я также влюбленъ страстно въ Анну Львовну; полагая, что когда вы это узнаете, то...

БУКА. Да... да... такъ чего же ты надѣешься?.. (*особо*) Вотъ отъ нея еще одинъ сумасшедшій! (*ему*) ну? ну?

ПЕРСКІЙ. Да; я въ полной надеждѣ, что любимъ ею взаимно, и что вы, какъ истинный благодѣтель мой, окажете мнѣ милость...

БУКА. Какую милость?

ПЕРСКІЙ, (*съ достоинствомъ*). То есть, не станете сами за нею ухаживать: видите ли, дядюшка, это мнѣ чрезвычайно не нравится! это поведеніе вамъ... извините, кажется, не къ лицу. Она прекрасная женщина, но не для васъ! вамъ надо думать о другомъ.

БУКА. Ну, братецъ, мнѣ жаль тебя, а ужъ это невозможно! ужъ извини! ужъ видно твое несчастіе такое!

ПЕРСКІЙ, (*серьезно и холодно*). Да вы, дядинька, обо мнѣ не безпокойтесь, я-то собственно тутъ нисколько не страдаю... но мнѣ больно за васъ! Видите ли, вы теперь дошли до такого состоянія, что я, какъ благородный человѣкъ, считаю долгомъ спасти васъ отъ большой опасности. Послушайте: до сихъ поръ и я, и все наше начальство, почитали васъ примѣрнымъ и строгимъ человѣкомъ на службѣ, всѣ другіе — благочестивымъ христіаниномъ, такъ знаете ли, каково мнѣ будетъ слышать, если вдругъ начнутъ теперь всѣ говорить, что мой дядюшка только *прикидывался* благочестивымъ, что это все ложь и обманъ, что, напротивъ, онъ и ханжа, и самый отчаянный волокита! что онъ, для своей прихоти, даже отбиваетъ теперь у племянника невѣсту и проч.»—Понимаете ли, какъ это не хорошо будетъ! мнѣ, какъ молодому человѣку, это такъ будетъ больно, стыдно слышать, что я буду краснѣть и

за васъ, и за себя. Нѣтъ, дядюшка, бывши въ вашихъ лѣтахъ и званіи, я бы не сталъ бросаться изъ одной крайности въ другую для того, чтобы сдѣлаться предметомъ всеобщихъ насмѣшекъ! Во всякомъ случаѣ, что бы вы теперь ни дѣлали, но я однажды и навсегда скажу вамъ: что если вы будете такъ продолжать, то я оставлю васъ навсегда и потеряю къ вамъ всякое уваженіе. Извините!

Я сталъ служить подъ вашимъ руководствомъ,
Чрезъ васъ вполнѣ долгъ службы я узналъ,
И что досталъ трудомъ и благородствомъ,
То не отдамъ за весь вашъ капиталъ!
Скорѣй лишусь невѣсты и имѣнья,
Скорѣй готовъ я жизнь свою отдать,
Но не хочу лишиться уваженья
И формуляръ на службѣ замарать!

БУКА. (*вслушавшись, крѣпко задумывается; потомъ начинаетъ понемногу снимать съ себя феску, платочекъ, даже хочетъ снять куртку*). Гмъ!.. да... да... оно,.. ко-неч-но... Анна Львов... т. е. департам... т. е. проповѣдыв... Володя! другъ мой! вели подать мое старое платье!..

ПЕРСКІЙ. (*обрадовавшись*). Что я слышу!.. Ахъ, нѣтъ, дядюшка! зачѣмъ же вы раздѣваетесь?.. Это не нужно!

БУКА. (*слабымъ, кроткимъ голосомъ*). Нѣтъ, вѣдь это все твое... я, пожалуй, еще истаскаю, замараю... за чѣмъ быть вороной въ чужихъ перьяхъ?.. Во-ло-дя, поцѣлуй меня грѣшнаго!.. знаешь ли что?

ПЕРСКІЙ. Что, дядюшка? что съ вами?

БУКА. Такъ... что-то... какъ будто вотъ тутъ... (*показавъ на сердце*) вдругъ оборвалось!.. Но ты не бойся, я еще успѣю представить тебя къ наградѣ.

ПЕРСКІЙ. Помилуйте, дядюшка, я совсѣмъ не для этого...

БУКА. Нѣтъ, нѣтъ, ты все-таки стоишь! у тебя точно благородное сердце. Ты любишь меня, я вижу; ты въ прекрасныхъ, благородныхъ формахъ закатилъ мнѣ такую нравственную оплеуху...

ПЕРСКІЙ. Ахъ, дядюшка, извините... повѣрьте, что я...

БУКА. (*перебивая его*). Ничего, братецъ! спасибо!.. мнѣ это полезно. Да, я точно какъ дуракъ забылся!.. Спасибо, что ты во время остановилъ. О! я вижу теперь, что и въ молодомъ поколѣніи есть кое-что истинно доброе. Да! я крайнѣ глупо повелъ себя! это все вышло оттого, что я молодость-то свою провелъ немножко того... подленько! такъ это во

мнѣ и вспыхнули, ужъ знаешь, остатки глупой молодости. Впрочемъ, ты не бойся: я твоей Аннѣ Львовнѣ не сдѣлалъ еще зла ни столько! ей Богу, я еще не цѣловалъ ее, только ручку, Володя, ручку...

ПЕРСКІЙ. Да ничего, дядюшка; если вы позволите мнѣ жениться на ней, такъ цѣлуйте, сколько угодно!

БУКА. (*быстро*) Нѣтъ! нѣтъ! женись скорѣй и ужъ лучше не подпускай меня къ ней! Я вѣдь слабая, испорченная тварь; ты самъ видишь, что я въ состояніи отважится на всякое свинство. Охъ! стыдно на людей смотрѣть! Пожалуйста, стащи съ меня все это фанфаронство, дай мнѣ влѣзть опять въ свой достопочтенный вицъ-мундиръ. Охъ! я думаю, какъ братъ и его жена хохочутъ надъ Букой!...

ПЕРСКІЙ. Помилуйте, Захаръ Захарычъ вамъ все простилъ, какъ вы помирились съ его супругой.

БУКА. (*жалобнымъ тономъ*) Ну, это еще слава Богу... Охъ!... Володинька, такъ проведи меня дурака какъ-нибудь незамѣтно на мою половину, я переодѣнусь, помолюсь Богу и поѣду съ Писаревымъ въ городъ кончить дѣла. Охъ! стыдно!

Я слуга былъ постоянный,
А теперь со всѣмъ сталъ плохъ!
Согрѣшилъ я окаянный!...
По дѣламъ попуталъ Богъ!

ПЕРСКІЙ. Да полноте унывать! Посмотрите какъ я веселъ!...

БУКА.

Чистый смотритъ безъ оглядки;
Я же—самъ не свой на взглядъ!
Значитъ, совѣсть не въ порядкѣ,
Хвостъ замаранъ... виноватъ!

(*уходитъ въ домъ*)

—

XIII.

ЧИСТЯКОВЪ И ЕЛАГИНСКАЯ (*выходятъ осторожно, смотря на уходящаго Буку. Перскій, провожая дядю, оборачивается къ Елагинской съ торжествующимъ лицомъ, и какъ только Бука скрывается за двери, Перскій возвращается на авансцену*).

ЧИСТЯКОВЪ. Браво, Владиміръ! молодецъ! ты довершилъ побѣду и разбилъ врага на голову!

ПЕРСКІЙ. Анна Львовна! теперь я смѣло могу сказать, что вы — моя!

ЕЛАГИНСКАЯ. (*даетъ ему руку*). Да, да, мой другъ. Я слышала все и отъ души радовалась, что вы умѣли воспользоваться обстоятельствами.

ЧИСТЯКОВЪ. А все таки мы больше всего обязаны вамъ, Анна Львовна! — Бѣдный братъ! Какъ онъ присмирѣлъ!... Умора да и только!...

—

XIV.

ТѢЖЕ, ЧИСТЯКОВА (*и потомъ* **БУКА.**)

ЧИСТЯКОВА. Ну, господа, Андрей Степанычъ теперь опять кажется въ своемъ видѣ, переодѣвается, бранитъ вслухъ самъ себя, торопится въ городъ на службу, извиняется передъ Писаревымъ, что задержалъ его, а Писаревъ отъ радости у него проситъ прощенія... Чуть не цѣлуются!... Что все это значитъ?

ЧИСТЯКОВЪ. А то, что онъ, наконецъ, образумился и далъ свое согласіе на ихъ свадьбу.

ЧИСТЯКОВА. Неужли? Славу Богу! Я очень рада!...

ПЕРСКІЙ. Ахъ! еслибъ вы видѣли, какъ ему совѣстно стало! даже сталъ просить, чтобъ я не давалъ ему ни разу цѣловать мою невѣсту...

ЕЛАГИНСКАЯ. Что за вздоръ! Да я теперь обязана сама поцѣловать его.

ПЕРСКІЙ. Позвольте, вотъ и онъ съ Писаревымъ ѣдетъ въ городъ! Ого! какъ живо переодѣлся!

БУКА. (*въ вицъ-мундирѣ, застегнутомъ наглухо; на головѣ шляпа, въ рукахъ портфель и палка. Идетъ, опустивъ глаза; за нимъ идетъ Писаревъ*). Скорѣй, скорѣй, Писаревъ, я тамъ лучше самъ объяснюсь и поправлю все дѣло.

ЕЛАГИНСКАЯ. Андрей Степанычъ! Теперь я, какъ ваша добрая родственница, при всѣхъ должна сама поцѣловать васъ, въ знакъ дружбы и примиренія, (*бросается къ нему на шею и цѣлуетъ*).

БУКА. (*съ крикомъ роняя портфель и палку*). Батюшки, сама поцѣловала! Сама! О, искушеніе! Друзья мои! Чѣмъ я это заслужилъ? Посмотрите, какая Анна у меня на шеѣ! -

БУКА, (*обнявъ Елагинскую сквозь слезы*) Еще!! — Володька! я тебѣ не отдамъ ее!

ВСѢ. Какъ, Андрей Степанычь! такъ вы опять за старое?..

БУКА. (*съ отчаяніемъ*) Нѣтъ, не за старое, я ухватился за молодое! Господи! какая талія! какія формы! Володька! вѣдь я говорилъ тебѣ, что я слабая тварь!

ЧИСТЯКОВЪ. Братъ! опомнись!

БУКА. (*громко*) Не въ состояніи!!

ЕЛАГИНСКАЯ. Андрей Степанычь! что вы? а благочестіе?..

ПЕРСКІЙ. Дядюшка! а служба?

ЧИСТЯКОВЪ. А г. Писаревъ.

ЧИСТЯКОВЪ. Вѣдь онъ все видѣлъ и, пожалуй, всему Департаменту разскажетъ.

БУКА. (*опомнившись*) Ахъ, я старый уродъ! виноватъ, виноватъ,—опять забылся. О, Господи!.. (*грозя строго Писареву.*) Смѣй ты у меня разсказывать, я тебя съѣмъ!

ПИСАРЕВЪ. (*кланяясь*) Да я, ей Богу, не виноватъ!

БУКА. Ну—ну! ни гу—гу! Поѣдемъ! прощайте, друзья! служба—святое дѣло! (*Елагинской*) Благодарю за два поцѣлуйчика!.. Но, только пожалуйста, если хотите, чтобы я васъ любилъ, то говорите всѣмъ, что Андрей Степанычь самая безгрѣшная душа.

ВСѢ. Хорошо! хорошо!

БУКА, (*къ публикѣ.*)

Чуть не выкинулъ я штуку,
Но опомнился опять;
Такъ прошу покорно Буку
За грѣхи не осуждать.
Въ судъ и авторъ дѣло вноситъ,
Проситъ кстати доложить..
А Андрей Степанычь проситъ
Въ пользу автора рѣшить.

7025

ГОСУДАРСТВЕН. АКАДЕМ.
Ленинградская Театральная
БИБЛИОТЕКА
имени А. В. ЛУНАЧАРСКОГО
ТЕАТР ДРАМЫ

ПАНТЕОНЪ

выходитъ ежемѣсячно, каждое 15-е число.

Годовое изданіе состоитъ изъ *двѣнадцати книжекъ*, отъ 20 до 25 листовъ компактной печати каждая; при нихъ 12 нумеровъ *Репертуара Русской Сцены*, заключающихъ въ себѣ отъ 16 до 20 новѣйшихъ и лучшихъ пьесъ, играемыхъ на русскихъ театрахъ, и 12-ть, отлично гравированныхъ на стали въ Парижѣ и Лондонѣ, портретовъ и картинокъ, изображающихъ предметы современнаго интереса.

Кромѣ того, подписчики получатъ въ теченіе года **ПРЕМІЮ**, состоящую изъ литературнаго или музыкальнаго *кипсека*, роскошно изданнаго, цѣною въ 6 руб. сер.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

10 руб., *съ пересылкою* ***11 руб. 50 коп. сер.***

Подписка принимается въ *Конторѣ Пантеона*, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Голландской церкви, въ книжномъ магазинѣ *Ратькова и комп.*

Иногородные благоволятъ адресоваться или въ *Редакцію Пантеона*, на имя издателя *Ѳедора Алексѣевича Кони*, или въ Газетную Экспедицію С. Петербургскаго Почтамта.

Редакція отвѣчаетъ *за вѣрную доставку* только тѣхъ экземпляровъ, которые будутъ выписаны изъ *означенныхъ мѣстъ*.

Редакція *Пантеона* находится: въ Вознесенскомъ переулкѣ, противъ церкви Вознесенія, въ домѣ Штакельберга.